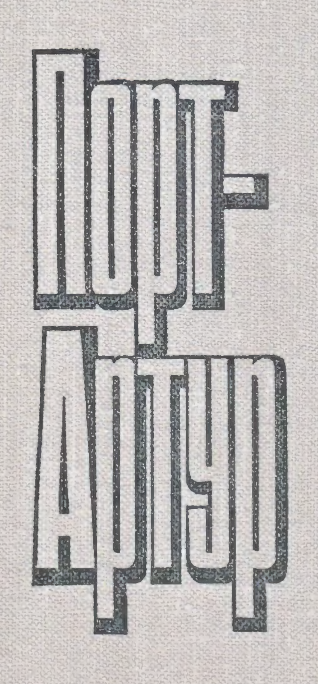
АЛЕКСАНДР СТЕПАНОВ

СОВРЕМЕННИК

А. Степанов

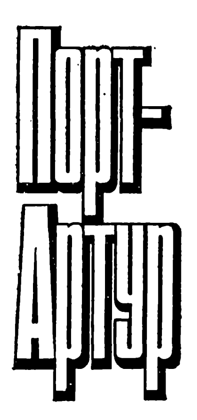
Александр Степанов

БИБЛИОТЕКА
РОССИЙСКОГО
РОМАНА

АЛЕКСАНДР
СТЕПАНОВ

РОМАН
В ДВУХ КНИГАХ

КНИГА ПЕРВАЯ

«СОВРЕМЕННИК»
МОСКВА 1980

Р2
С 79

Примечания *Л. И. Полосиной*

Степанов А. Н.

С 79 Порт-Артур: Роман в 2-х кн. Кн. 1 / Примеч. Л. И. Полосиной.— М.: Современник, 1980 —607 с., 1 л. портр.— (Б-ка рос. романа).

Роман «Порт-Артур» — один из лучших исторических романов советской литературы. Автор рассказывает о героической многомесячной обороне русскими солдатами и офицерами крепости Порт-Артур в русско-японской войне 1904—1905 гг.

С $\frac{70302-074}{М106(03)-80}$—80 4702010200

ББК 84.Р7
Р2

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Ясный морозный день клонился к вечеру. Солнце освещало косыми предвечерними лучами Порт-Артур и окружавшие его мрачные серые скалистые горы. С моря дул слабый ветерок, сметая сохранившийся еще кое-где снег.

В порту и в городе необычайное для будничного дня оживление. Все чиновное русское население Квантуна 26 января 1904 года съехалось в Порт-Артур, где сегодня состоится традиционный бал в день Марии. На этот раз он должен был быть особенно торжественным, ввиду того, что в числе именинниц также была жена начальника порт-артурской эскадры вице-адмирала Старка — Мария Ивановна.

С полудня поздравители длинной чередой потянулись к дому адмирала, а вечером там же должен был состояться бал. Всем хотелось хотя бы одним глазком взглянуть на празднично одетую публику, на блестящих моряков и военных, принарядившихся штатских. Сам наместник царя на Дальнем Востоке, адмирал Алексеев[1], обещал со своим блистательным штабом посетить этот бал.

Ввиду тревожного времени уже с семи часов вечера к адмиральскому дому стали съезжаться и сходиться многочисленные гости. Первыми появились мичманы и лейтенанты и сухопутные офицеры со своими дамами, затем прибыли капитаны всех рангов и полковники в залитых золотом мундирах, с тяжелыми густыми эполетами на плечах. Они и их жены составили почетную свиту около адмиральской четы, приветливо встречавшей гостей.

Адмиральский дом быстро наполнялся. В зале оркестр

[1] Алексеев был незаконным сыном Александра II и, следовательно, братом Александра III. (Подстрочные примечания принадлежат автору.)

заиграл полонез, и флаг-офицер адмирала Старка, лейтенант Дукельский, высокий красивый шатен, предложил кавалерам приглашать дам. За полонезом последовал вальс, и бал развернулся.

Жена адмирала наблюдала за танцующими, перебрасываясь замечаниями с окружающими. Но вот дежурный вестовой доложил о прибытии самого наместника. Адмирал с женой поспешили ему навстречу.

Алексеев, еще не старый человек, с открытым приветливым лицом, в придворном мундире, почтительно поцеловал руку адмиральши, принеся ей свои поздравления, и вошел с нею в зал.

Музыка смолкла, и все замерли в глубоком поклоне перед его высокопревосходительством. Алексеев сделал общий поклон собравшимся и попросил продолжать танцы. Пары вновь завертелись.

Наместник был озабочен. Ему назойливо вспоминались еще два дня назад полученные телеграммы о разрыве дипломатических сношений с Японией, которые до сих пор не были опубликованы и о которых знали даже не все старшие начальники из сухопутных. Вспомнилось и сегодняшнее донесение гражданского губернатора Квантунской области о поспешном выезде японцев из Квантуна. Но особенно неотвязно вертелось в голове Алексеева его собственное распоряжение о «несвоевременности постановки противоминных сетей ограждения на судах, стоящих на внешнем рейде».

Несмотря на успокоительную телеграмму министра иностранных дел Ламсдорфа, категорически отрицавшего возможность войны, смутное опасение все же портило настроение Алексеева. Он ежеминутно ожидал распоряжений из Петербурга или известий от находящихся в корейском порту Чемульпо крейсера «Варяг» и канонерки «Кореец».

Поэтому, когда к нему подошел Старк и шепотом попросил разрешения покинуть бал и отправиться на эскадру, Алексеев только одобрительно закивал головой.

— Забирайте всех нужных вам офицеров, но потихоньку, без переполоха. Публика и так сегодня нервничает в связи с отъездом японцев. Бал должен продолжаться. Это внесет общее успокоение в умы. Завтра я обязательно сам побываю на эскадре,— проговорил он.

Танцы продолжались, время шло, но никаких тревожных известий не поступало, и даже состоящий при Алексееве представитель министерства иностранных дел Плансон, которого в Артуре называли дипломатическим

барометром, был, против обыкновения, спокоен и мирно беседовал с известными артурскими негоциантами: англичанином Томлинсоном и американцем Смитом. Оба они вели большую торговлю с Японией и были весьма заинтересованы в отношениях России и Японии.

— Никогда Российская империя не была так далека от войны со Страной Восходящего Солнца, как сегодня,— уверял Томлинсон, высокий, рыжий, краснолицый мужчина лет сорока.— Мы, англичане, никогда не допустим до этого. Война принесет огромные убытки нам, мирным предпринимателям. В качестве союзника Англия всегда сумеет обуздать японскую военщину, если она только вздумает рискнуть на такую авантюру, как война с Россией.

— Япония слишком бедна, чтобы вести большую войну. И никто ей не даст денег на такое проблематичное предприятие, как единоборство с русским колоссом,— вторил англичанину Смит.

Плансон недоверчиво поглядывал на своих собеседников. Мнения их далеко не совпадали с действиями английского правительства, которое всего полтора года как заключило военный союз с Японией, направленный в основном против России и Китая. Совсем недавно в печати промелькнуло сообщение о предоставлении Америкой крупного займа Японской империи. Как дипломат, Плансон понимал, что союз и заем имеют общую цель — усилить военную мощь Японии и обеспечить ей тыл на случай войны. Плансону было только неясно, когда именно предполагает Япония начать военные действия против России, сейчас или через год, два. Сегодняшний отъезд японцев из Артура, конечно, был тревожным признаком, но в то же время было известно, что японский консул в Артуре сегодня обедал у генерала Стесселя, побывал у наместника и адмирала Старка и всех заверил в полном миролюбии Японии и набрал много поручений в Нагасаки, обязуясь в недельный срок все покупки доставить в Артур.

— В газетах промелькнуло сообщение, что японский объединенный флот вышел в море по неизвестному направлению,— заметил Плансон.

— Это не более чем обычные в японском флоте зимние маневры,— отозвался Смит.

— Ни о чем другом сейчас не может быть и речи,— подтвердил Томлинсон.

Несколько успокоенный, Плансон отошел к другим гостям.

— Как вы думаете, мистер Смит, рискнут японцы начать «спектакль» в ближайшие дни? — справился Томлинсон.

— Получивши деньги, надо делать то, на что они даны. Японский консул заверил меня, что флот микадо находится в полной боевой готовности.

— Вы правы. За этим наблюдают офицеры британского флота, которые находятся при штабе японского адмирала Того. Они сумеют заставить его выполнить принятые на себя обязательства,— согласился Томлинсон.

— От моего брата, командира американского стационера в Чемульпо, я знаю, что там вскоре появится японский флот,— конфиденциально сообщил Смит.

— Возможно, что одновременно он появится и перед Артуром,— добавил Томлинсон.

— Наберемся немного терпения и проследим, как будут развертываться события. Все же следует заблаговременно запастись паспортом о подданстве нейтральных стран, например, Швейцарии или Мексики.

— Я предвосхитил вашу мысль, мистер Смит: уже неделю как стал швейцарским подданным и за действия англичан не отвечаю.

— С месяц, как я имею в кармане мексиканский паспорт,— в тон ему заметил Смит.

Дурное настроение Алексеева стало понемногу рассеиваться. Под звуки музыки время проходило быстро, и незаметно дошла очередь до мазурки, считавшейся, по артурским обычаям, гвоздем каждого бала.

Наместник поднялся и встал с именинницей в первой паре. Заиграла музыка, и Алексеев, с неожиданной для его тучной фигуры легкостью, заскользил со своей дамой по паркету. Весь зал с вниманием следил за этой парой. Когда очередь дошла до сольных номеров и наместник опустился на колено перед дамой, медленно кружа ее вокруг себя, стекла неожиданно задрожали от гула артиллерийской стрельбы. Сквозь окна были видны многочисленные зарницы выстрелов, звуки которых сливались в сплошные раскаты грома.

Весь зал дружно зааплодировал и танцевальному искусству превосходительной пары, и неожиданному, столь своевременному салюту эскадры, за который приняли стрельбу многие из присутствующих. Сам Алексеев совершенно забыл о своих недавних опасениях. Стрельбу же посчитал за проводимое нынешнею ночью учение по отбитию минных атак. Это счастливое совпадение стрель-

бы с его выступлением на балу окончательно привело Алексеева в отличное настроение.

Общее оживление усилилось, и пары закружились еще быстрее под аккомпанемент артиллерийской стрельбы. Бал продолжался.

В квартире командира Квантунской крепостной артиллерии генерал-майора Василия Федоровича Белого по случаю именин его жены Марии Фоминичны состоялся небольшой семейный вечер. Молодежь танцевала в зале под рояль, артиллеристы усердно звенели шпорами и стучали каблуками об пол, вертя до упаду своих дам. Пожилые «матроны» расселись вдоль стен и, наблюдая за молодежью, судачили между собой.

Местный сердцеед, командирский адъютант Коля Юницкий, на ломаном французском языке дирижировал танцами, на ходу отпуская комплименты дамам.

В соседней комнате за карточными столами сидели старшие офицеры во главе со своим генералом. Огромный, толстый, с лицом, заросшим волосами до самых глаз, полковник Тахателов шумно упрекал своего командира за ошибки в игре. Генерал молча записывал штраф мелком на зеленом сукне. Два других игрока — пышноусый капитан Гобято и седой полковник Стольников — подсчитывали выигрыши.

За соседним столом также шла оживленная игра.

Раздавшиеся с моря выстрелы вызвали среди присутствующих недоумение.

— Следует запросить моряков об этой стрельбе,— предложил Гобято, когда с моря донеслась канонада.

— Зачем запрашивать? — возразил Белый.— Ясно, что это учение, да еще приуроченное к именинам жены Старка. Салют имениннице, так сказать!

Все вышли на балкон и оттуда любовались, поеживаясь от холода, красивой картиной, развернувшейся на внешнем рейде.

Эскадра блистала огнями многочисленных прожекторов, усиленно освещая спокойное море. На судах то и дело вспыхивали взблески выстрелов, громко ухали пушки, заливисто трещали пулеметы, и в беспрерывно передвигающихся лучах прожекторов неожиданно возникали то громады броненосцев, то мелкие силуэты сторожевых судов, а то и отдельные шлюпки.

Над Золотой горой взвились одна за другой три боевые ракеты и, разорвавшись высоко вверху, целым снопом ярких звездочек начали опускаться в воду, выхваты-

вая на минуту из темноты внутренний рейд с портом и доками, Старый город и горы Тигрового полуострова.

— Как изумительно красиво! — восхищались дамы.

— Совсем как на настоящей войне,— заметила одна из них.

— Воевать только не с кем,— заметил Белый.

— А с японцами?

— Ну, куда им до нас!

В это время затрещал телефон, и адъютант поспешил подойти к нему. Лицо его, как только он поднес трубку к уху, сразу вытянулось.

— Ваше превосходительство,— доложил он.— Капитан Страшников с Тигрового Хвоста доносит, что сейчас было совершено нападение на нашу эскадру и есть поврежденные суда. Один броненосец приткнулся к берегу у Девятой батареи.

— С ума сошел Страшников? — обозлился Белый.— Какое там нападение? Просто маневры. Быть может, моряки умудрились в суматохе сами себя подорвать, так это все же еще далеко не нападение. Передайте Страшникову, что я запрещаю ему наводить панику,— приказал генерал Юницкому.

— На то он Страшников, чтобы наводить страх на других,— заметил Тахателов.

Все вернулись в комнаты.

Стрельба постепенно стихла, и только прожектора еще продолжали усиленно ощупывать море и берег.

Вскоре гости сели за ужин.

— Выпьем по чарке горилки,— предложил генерал своим гостям,— щоб наша доля нас не чуралась — как поют у нас на Кубани,— щоб нам в Артуре жилося и чтобы никто нас здесь не беспокоил.

Все охотно чокнулись, выпили, еще чокнулись, усердно заработали челюсти, и гул общего разговора наполнил комнату. Два денщика в белых перчатках обносили гостей разнообразными блюдами, а хозяева внимательно следили за тем, чтобы винные бокалы не стояли пустыми.

О недавнем происшествии на море было забыто.

Комендант крепости Порт-Артур генерал Стессель был в хорошем расположении духа. Он только что обыграл в винт своих обычных вечерних партнеров: начальника своего штаба генерала Рознатовского, адъютанта ротмистра Водягу и штабного подполковника Дмитриевского.

 Пока игроки были заняты картами, Вера Алексеевна

Стессель с помощью своих четырех воспитанниц-сироток накрывала на стол. Худенькие девочки боязливо поглядывали на свою благодетельницу, от которой ежеминутно можно было ожидать и затрещин и поцелуев.

Не успели гости расположиться за столом, как с моря послышались выстрелы. Стессель, начавший было затыкать за пуговицу сюртука салфетку, насторожился.

— Что это может значить, Владимир Семенович? — обратился он к Рознатовскому.— Сейчас половина двенадцатого ночи.

— Вероятно, моряки решили стрельбой ознаменовать высокоторжественный день именин своей адмиральши,— иронически ответил Рознатовский.

— Это черт знает что такое! Сколько раз я просил их ставить меня заблаговременно в известность о своих маневрах. Береговые батареи откроют по ним когда-нибудь огонь, и будут неприятности. Завтра же еще раз доложу об этом наместнику,— везмущался Стессель.

— Ведь подумай только, Анатоль,— обратилась Вера Алексеевна к мужу,— даже когда ты бываешь именинник, не говоря уже обо мне, ни одна пушка в крепости не стреляет, а этой кривляке Старк салютует весь флот. Подумаешь тоже — первая дама в Артуре!

— Обещаю тебе, Верочка, что в этом году на твои именины заставлю стрелять из всех пушек с утра до вечера в твою честь,— поспешил успокоить разгневанную супругу генерал.

— Узнайте-ка все же, ротмистр, в морском штабе, в чем там дело,— обратился Рознатовский к Водяге.

— Слушаюсь! — ответил ротмистр, выходя из-за стола.

— Отчего вы, ваше превосходительство, не поставите у себя телефон? Время теперь тревожное, да и удобство это большое,— спросил у Стесселя Дмитриевский.

— Не выношу эту трескучую мерзость. Беспокойства много, а толку мало — вечно неисправен. Пусть уж в штабе трещит, а писаря ко мне с докладом бегают. Живая связь куда надежнее всех этих электрических штучек.

Возвратившийся Водяга доложил, что на море происходит ночное учение эскадры по отбитию минных атак и что крепости беспокоиться нечего.

Но в это время Водягу опять вызвали к телефону и, вернувшись, он сообщил, что какой-то капитан Страшников с батареи Тигрового Хвоста доносит о том, что

эскадра только что кем-то была атакована и один из кораблей подорван.

— Немедленно справьтесь об этом у генерала Белого. Если сообщение неверно, то прикажите арестовать на двадцать суток Страшникова за распространение ложных сведений,— приказал Стессель.

Ротмистр вышел исполнять приказание.

— Наверное, все пустяки. Не может же война начаться без предупреждения,— вмешалась Вера Алексеевна.— Да и кто осмелится здесь, на Востоке, напасть на нашу Россию? Тебе наместник ничего не говорил? — обратилась она к мужу.

— Ничего. Даже не намекал, даже слухов не было. Только наши газетчики из «Нового края», известные врали, хотели что-то напечатать о тревожном положении в отношениях с Японией, да я запретил им помещать такой вздор. Виданное ли дело — мы и Япония! Нет, это, конечно, просто маневры,— окончательно решил Стессель.

— Ваше превосходительство,— доложил вернувшийся Водяга,— генерал Белый по вашему приказу арестовал капитана Страшникова на двадцать суток.

— Правильно,— одобрил Стессель.— Теперь можно и пропустить по чарочке за здоровье сегодняшней именинницы,— ехидно подмигнул он жене.

— За ее здоровье моряки и без нас сегодня выпьют целое море вина,— презрительно ответила генеральша.

— Тогда за сегодняшних японцев, что так напугали наших храбрых артиллеристов,— вставил Рознатовский.

Прямо с бала адмирал Старк прибыл на свой флагманский броненосец «Петропавловск», где в этот вечер было назначено важное совещание. Здесь он уже застал начальника морского штаба наместника, румяного и добродушного малоподвижного толстяка, контр-адмирала Витгефта, командира порта Артура контр-адмирала Греве, своего флаг-капитана Эбергарда и других чинов эскадры.

Старк зачитал свой рапорт наместнику о принятии мер по охране эскадры в ночное время. Он предлагал отказаться от постановки противоминных сетей, ввиду того, что они имелись не на всех судах и могли служить помехой при необходимости экстренного съема кораблей с якоря.

— Они могут намотаться на винты и тем помешать движению судов, да и защищают они не весь корпус корабля, оставляя нос и корму открытой. Наместник счи-

тает необходимым установку сетьевого бона перед входом на внутренний рейд. К его изготовлению уже приступили,— закончил свой доклад Старк.

— Недельки через две мы его с помощью божьей соорудим, но не знаю, насколько прочен он будет и выдержит ли сильное волнение, обычное на внешнем рейде...— вяло проговорил Греве, пуская клубы ароматного дыма к потолку.

— Значит, в настоящее время центр тяжести обороны эскадры ложится на охраняющие эскадру в ночное время миноносцы и на дальнюю крейсерскую разведку днем,— резюмировал Витгефт.

— Это равносильно надежде на помощь Николая-угодника,— усмехнулся Эбергард.— Как можно ночью в темноте уследить за подходом миноносцев, которые к тому же будут идти без огней? Это все равно что пытаться увидеть иголку в стоге сена.

— Не посмеют японцы напасть на нас! Уверяю, что отъезд японцев из Артура лишь демонстрация с целью напугать нас,— ответил Витгефт.

— Похоже на то! — вмешался Греве.— Я достоверно знаю, что сегодня японский консул в Чифу обедал у Стесселя и обязался через неделю привезти его жене шелковые материи и различные безделушки из Нагасаки; он взял даже деньги вперед. Моя жена очень сожалела, что не смогла воспользоваться его любезностью.

— За последние годы японцы не раз выезжали из Артура, но никакой войны не было. Не будет и на этот раз. Они нас пугают, да мы не из пугливых, не испугаемся,— поднялся с места Витгефт.— Пора и по домам.

На палубе пробили шесть склянок, когда адмиральский катер отвалил от «Петропавловска».

— Помяните мое слово, Оскар Викторович, никакой войны не будет,— уже с катера крикнул Витгефт, обращаясь к Старку.

Командующий эскадрой вернулся к себе в каюту и стал готовиться ко сну. С немецкой аккуратностью он снимал одежду и передавал ее стоящему перед ним вестовому матросу.

— Все вычистить как следует, а то сегодня я заметил на сюртуке пыль. Лодырничать стал, прохвост,— сквозь зубы цедил адмирал, злобно глядя на застывшего перед ним матроса.

В этот момент ночная тишина была нарушена грохотом сильного взрыва, а затем послышались беспорядочные артиллерийские выстрелы. Старк удивленно прислу-

шался к ним и приказал матросу немедленно узнать, что происходит на эскадре. Стрельба быстро усиливалась. Старк торопливо оделся и поспешил сам выйти на палубу. Треск выстрелов мелких калибров перекрывался грохотом орудий крупного калибра.

— Они совсем с ума сошли! Можно подумать, что происходит форменный бой! — бормотал Старк, появляясь на палубе.

Его оглушил грохот стрельбы. По морю бегали ленты прожекторных лучей, то собираясь в одно место, и тогда стрельба особенно усиливалась, то разбегаясь по морю. Стреляли справа, слева, спереди, но по кому велся огонь, разобрать было невозможно. В воздухе в разных направлениях со свистом пролетали снаряды, грозя поразить своих. На мачтах беспрерывно мигали разноцветные огни сигнальных фонарей.

— Немедленно прекратить стрельбу! — закричал вне себя от ярости адмирал, но голос его потонул в общем шуме.

Старк поднялся на мостик, где уже находились его начальник штаба, флагманский артиллерист, командир броненосца и другие офицеры.

— Что за пальба? Прикажите дать сигнал о прекращении стрельбы! — тотчас приказал он.

— Война, ваше превосходительство. С «Ретвизана» передали: «Терплю бедствие, имею пробоину»,— доложил Эбергард.

— Не может этого быть! Очевидно, наши миноносцы подорвали «Ретвизан» при неосторожном обращении с минным аппаратом. Прикажите поднять вверх луч боевого фонаря. Этот сигнал должен остановить бесполезную стрельбу,— приказал Старк.— Поднять сигнал: послать шлюпки бедствующему «Ретвизану». Надо немедленно назначить следствие для выяснения причины всего этого переполоха. Вот что значит у страха глаза велики! Наслушались толков о возможности войны с Японией и сумасшествуют теперь по всякому поводу! — возмущался адмирал.

Но стрельба снова вдруг вспыхнула, несмотря на все сигналы с «Петропавловска». В снопе прожекторных лучей на короткое мгновение промелькнул силуэт миноносца и скрылся. Он был похож на те, которые находились в эту ночь в охранении, и был одинаково с ними окрашен.

— По своим бьют! Когда же будет конец этой вакханалии? Прикажите под страхом наказания прекратить

стрельбу! — неистовствовал Старк, размахивая руками перед физиономией Эбергарда.

— Ваше превосходительство, «Цесаревич» сигнализирует: «Взорван, имею сильную течь, нуждаюсь в немедленной помощи, прошу прислать буксир»,— доложил вахтенный офицер.

— Чепуха, вздор, не верю...— бормотал еще Старк, но Эбергард уже почтительно возражал:

— Это война, эскадра подверглась нападению.

— С «Паллады» передают: «Пробоина, развожу пары»,— подошел с новым докладом вахтенный офицер.

— Передайте сигнал: «Выслать шлюпки к подорванным судам, развести пары»,— распорядился Старк, наконец поверив в печальную действительность.

В это время к «Петропавловску» подошел миноносец «Бесстрашный», который был в охранении, и его командир доложил адмиралу:

— На море вражеских судов не замечено.

В ответ ему пришлось услышать много весьма неприятных слов по своему адресу. Адмирал велел идти в порт.

Затем Старк приказал крейсеру «Новик» поднять пары и преследовать неприятеля в море, что и было незамедлительно выполнено.

В этот день на крейсере первого ранга «Паллада» с утра происходила погрузка угля, так как назавтра ожидался поход к Корейским берегам. Спасаясь от угольной пыли, все, кто не был занят на корабле, поспешили съехать до вечера на берег.

Окончилась погрузка только с наступлением темноты, перед самым спуском флага.

Наскоро окатив палубу и кое-как, до утра, приведя крейсер в порядок, матросы посменно направились в баню. Пробило уже пять склянок, когда последняя партия матросов наконец добралась до своих коек, и на корабле бодрствовали одни вахтенные. На море было тихо; легкий туман временами ненадолго окутывал эскадру. Вдоль берега Тигрового полуострова вытянулись в одну линию темные громады семи броненосцев, дальше в море стояли шесть крейсеров, а дежурные миноносцы расположились по концам эскадры.

На флагманском корабле — броненосце «Петропавловск» — пробило шесть склянок. Одновременно начался перезвон и на остальных кораблях эскадры. Вахтенные с удовольствием предвкушали скорую смену.

В это время с северо-востока, со стороны Дальнего,

показалось несколько миноносцев, идущих под всеми огнями. Вахтенный начальник на «Палладе», лейтенант Бровцин, был несколько удивлен их появлением и начал в бинокль разглядывать подходящие суда. Это были обычного типа четырехтрубные миноносцы с кожухом посередине, каких было много в артурской эскадре. Не уменьшая хода, они шли прямо на «Палладу», что еще более смутило Бровцина.

— Сорокин,— обратился он к дежурному сигнальщику,— спроси у них опознавательные.

— Есть спросить опознавательные! — повторил сигнальщик и поднял нужный сигнал.

Подойдя к эскадре на два-три кабельтова, миноносцы разделились. Два из них направились к голове эскадры, а остальные — к концевым кораблям. Тотчас же раздались один за другим два сильных взрыва. Офицеры и матросы торопливо начали выбегать на палубу, занимая места по боевому расписанию, когда один из миноносцев, подойдя к «Палладе», выпустил в нее одну за другой две торпеды.

С мостика были прекрасно видны красные взблески минных выстрелов, и в темной ночной воде появились хорошо видимые светящиеся полосы от приближающихся торпед.

— Торпеда с левого борта! — испуганно закричал один из матросов.

Как бы в ответ ему с уходящего миноносца донеслись крики: «Банзай! Банзай!» — и почти тотчас раздался грохот взрыва. «Палладу» сильно качнуло, затем накренило на правый борт. На палубу обрушились столбы воды, сбивая с ног людей.

Артиллеристы бросились к своим орудиям и открыли частый огонь по всему, что казалось им подозрительным на море. Другие матросы спешно спускали шлюпки на воду, готовясь покинуть подорванный корабль. Многие тащили огромный брезент, собираясь подводить пластырь под пробоину, некоторые бросились в кочегарку, откуда пришло сообщение о начавшемся в бункере пожаре.

В это время на палубе появился артиллерийский офицер лейтенант Грязнов и поспешил взять в свои руки управление огнем. Комендоры, увидев своего офицера, постепенно начали успокаиваться.

Бровцин вместе с боцманом руководил осмотром пробоины и подводкой пластыря. В трюм устремился пожарный дивизион во главе с мичманом Акинфиевым и инженером-механиком Лосевым.

Пока команда «Паллады» занималась спасением своего корабля, японцы, пользуясь возникшей сумятицей, благополучно скрылись в море, хотя корабли эскадры сразу открыли по ним стрельбу. Спасаясь от своих же снарядов, миноносцы поспешно укрылись на внутреннем рейде. Прошло около часа, пока стрельба наконец постепенно затихла. Подорванные корабли подошли к берегу и приткнулись на мелководье: «Ретвизан» у Тигрового Хвоста, а «Цесаревич» — напротив, под Золотой горой, «Паллада» остановилась невдалеке от «Цесаревича».

С «Петропавловска» потребовали сведения о полученных на «Палладе» повреждениях и понесенных потерях. Мичмана Акинфиева тотчас же отправили на шлюпке с докладом.

Выслушав доклад, Старк послал мичмана в Артур сообщить о случившемся наместнику.

Было около часа ночи, когда мичман добрался до дома Старка.

Постеснявшись войти в зал в непарадной форме, он вызвал адъютанта наместника. Увидев взволнованное лицо Акинфиева, лейтенант увел его в одну из боковых комнат и тут выслушал.

— Прошу вас ничего не разглашать, пока я не доложу обо всем наместнику. Ожидайте здесь дальнейших распоряжений,— предупредил адъютант.

Как ни были ошеломляющи и неожиданны полученные сообщения, Алексеев все же сумел сохранить внешнее спокойствие.

Спустившись вниз, он выслушал от Акинфиева подробное сообщение о нападении миноносцев на эскадру.

— Так вы, мичман, утверждаете, что подорваны броненосцы «Ретвизан», «Цесаревич» и крейсер «Паллада»? Вы не ошибаетесь? — переспросил адмирал.

— Никак нет, ваше высокопревосходительство!

— Атаковали-то нас японцы? — допытывался наместник.

— Миноносцы четырехтрубные, с кожухом посередине, похожи на наши с Невского завода. После попадания мины были слышны крики «банзай». На корме одного из них я видел белые иероглифы.

— Похоже, что действительно японцы,— проговорил Алексеев.— Все же необходимо немедленно отдать приказ о высылке из Квантунского полуострова всех англичан, как японских союзников, а заодно и американцев.

В это время в комнату вошел Плансон и, задыхаясь от волнения, одним духом выпалил:

— Ваше высокопревосходительство! Сейчас получены телеграммы о том, что сегодня, то бишь вчера, днем в Чемульпо японской эскадрой блокированы крейсер «Варяг» и канонерка «Кореец».

— Да не может быть! — вырвалось у Акинфиева.

Все присутствующие, бледные и расстроенные, обернулись к Алексееву. Помолчав немного, тот спросил:

— Откуда у вас эти сведения?

— Сообщение перехвачено из «Норд Чайна ньюс».

— Так, может быть, это все газетная утка?

— Приведена полностью телеграмма в Петербург нашего консула в Чифу Тидемана. Кроме того, сведения подтверждает комендант Владивостока. О судьбе «Варяга» и «Корейца» пока ничего не известно.

— Нет сомнений, ваше высокопревосходительство,— проговорил Плансон,— японцы напали на нас без объявления войны.

— Надо немедленно предупредить через Сеул находившихся в Чемульпо «Варяга» и «Корейца»,— забеспокоился Алексеев.

— Телеграфной связи с Сеулом нет уже несколько дней. Наши же радиостанции на кораблях слишком маломощны для связи с Чемульпо,— напомнил Плансон.

— Если это и так, то прежде всего — никакой паники. Я отправляюсь на эскадру. Мне все же кажется, что сведения о повреждениях, причиненных нашим судам, сильно преувеличены.

Только теперь Алексеев вспомнил наконец о крепости и приказал Дукельскому передать Стесселю распоряжение о вызове по тревоге гарнизона.

Было уже далеко за полночь. Японцы давно скрылись в туманной ночи, и только эскадра усиленно освещалась прожекторами, опасаясь повторного нападения миноносцев.

В штабе крепости, кроме сонных дежурных писарей, никого не оказалось. Приняв срочный пакет из штаба наместника и выслушав от матроса-рассыльного сообщение о происшедшем, один из писарей стремглав полетел с пакетом на квартиру к старшему адъютанту штаба подполковнику Дмитриевскому. Добудиться подполковника среди ночи было не легко, и прошло еще почти полчаса, пока Дмитриевский, вскрыв пакет, отправился с докладом к Стесселю.

Генерал давно уже мирно почивал, спали и все его домашние. Пришлось долго ждать, пока наконец сонный денщик открыл дверь. Но будить генерала он не решился.

Подполковнику пришлось самому осторожно стучать в дверь генеральской спальни.

На стук вышла Вера Алексеевна. Узнав, в чем дело, она с деловым спокойствием осведомилась, кому уже известно о нападении японцев, и предложила Дмитриевскому немедленно сообщить о случившемся генералу Белому, командирам дивизий, Рознатовскому, вызвав всех их немедленно в штаб.

Подполковник, привыкший к частым вмешательствам генеральши в служебные дела, только почтительно поддакивал всем ее распоряжениям.

Отпустив Дмитриевского, Вера Алексеевна отправилась будить мужа.

Начало войны с Японией не особенно взволновало ее: она с мужем проделала недавно китайский поход, доставивший ее мужу славу, чины, ордена, ореол героя. Поэтому она так спокойно восприняла известие о войне.

Разбуженный супругой, Стессель реагировал на сообщение о войне совершенно иначе. Он стал задыхаться от волнения, его начала бить нервная лихорадка, и он никак не мог сразу одеться.

Вера Алексеевна знала, что ее муж подвержен в тревожные минуты приступам паники, совершенно теряя самообладание и из бравого генерала превращаясь в мокрую курицу. В такие минуты ее присутствие было для него совершенно необходимо. Она подошла к мужу и ласково поцеловала его в лысину.

— Успокойся, Анатоль. Возьми же себя в руки. Я уже приказала вызвать в штаб Фока, Кондратенко, Белого и Рознатовского. Ты с ними посоветуешься, и все будет хорошо,— уговаривала она мужа.

Генерал постепенно успокоился, поцеловал своего «начальника семейного штаба» и уже зычным командирским голосом приказал денщику подать шинель. Вера Алексеевна до дверей проводила мужа и набожно перекрестила его на дорогу.

Шагая по темной улице, Стессель чутко прислушивался к ночным шорохам города. Над Артуром стояла тихая туманная ночь. Город был погружен в тьму и мирный сон, только собаки заливисто лаяли в китайской части города да изредка ветер доносил звуки музыки из морского собрания.

— Танцуют...— грубо выругался Стессель.— Японцев прозевали за танцами, шаркуны паркетные!

В штабе Стессель застал Рознатовского и Дмитриевского. Вполне войдя уже в роль полководца, генерал поздравил их с началом военных действий и, заметив волнение своего начальника штаба, сухо сказал ему:

— Ваше превосходительство, теперь не время нервничать, когда коварный враг напал на русскую твердыню на Дальнем Востоке. Возьмите себя в руки.

Было ровно два часа ночи.

Вечеринка у Белого сильно затянулась. После ужина, несмотря на поздний час, молодежь продолжала усердно отплясывать, а старшие все еще хлопали картами по зеленому сукну. Тахателов, соскучившись за картами, присоединился к танцующим, возбуждая общее веселье своей неповоротливой огромной фигурой. Подпевая самому себе, полковник пытался танцевать кавказскую лезгинку с младшей дочерью Белого — семнадцатилетней Варей.

— Эх, зурнача нет. Я бы вам показал, как наурскую танцуют! Варя, невеста моя, достань ноты для лезгинки, сейчас женюсь,— смеялся полковник.

Варя, живая, веселая вертушка с остреньким личиком, в ответ громко смеялась, показывая ровные белые зубы. За лезгинкой последовала мазурка, в которой во всем блеске проявил себя Юницкий, награжденный бурными аплодисментами присутствующих.

Телефонный звонок из штаба крепости со срочным вызовом Белого к Стесселю переполошил всех.

Было ясно, что произошло что-то экстраординарное, если Стессель бодрствовал среди ночи.

Подоспевший в это время из штаба пакет разъяснил все. Сразу приняв официальный тон, Белый громко обратился к своим гостям:

— Господа офицеры! Японцы совершили дерзкое нападение на наш флот в Чемульпо и Артуре. Война началась. Прошу вас немедленно отправиться по своим частям.

Офицеры дружно щелкнули шпорами и стали спешно прощаться. Дамы взволнованно зажужжали, обсуждая страшную новость.

В штаб Стесселя вскоре собрались: высокий, мумиеобразный начальник Четвертой Восточносибирской стрелковой дивизии генерал-майор Фок, всегда добродушно улыбающийся, неизменно спокойный и уравнове-

шенный начальник вновь формируемой Седьмой Восточносибирской стрелковой дивизии генерал-майор Кондратенко, генерал-майор Белый и, наконец, неизменный ротмистр Водяга.

Стессель прочитал собравшимся сообщение штаба наместника и предложил высказаться. Первым заговорил Кондратенко.

— Надо не говорить, а действовать. Поднять полки по тревоге и направить их в пункты, намеченные мобилизационным планом,— коротко произнес он.

— В том-то и беда, что у нас мобилизационного плана до сих пор нет,— возразил Рознатовский.

— То есть как это нет? — изумился Кондратенко.— Крепость существует шестой год, а мобилизационный план до сих пор не разработан?

— Сколько раз говорил я вам, Владимир Семенович, чтобы вы поторопились с составлением мобилизационного плана. Безобразие это нетерпимо дальше! — накинулся Стессель на Рознатовского.

— Но, ваше превосходительство, я вам три варианта докладывал, а вы не удосужились их рассмотреть и утвердить,— отпарировал Рознатовский.

— Теперь не время для споров. Надо срочно наметить план обороны крепости и всего Квантунского полуострова,— оборвал его Стессель.

— Моя бригада разбросана в Дальнем, Цзинджоу, Артуре и у железнодорожной станции Нангалин,— начал Фок.— Ее необходимо срочно сосредоточить в одном месте, полагал бы, или в Артуре для защиты крепости, или у Нангалина, как узловой станции, откуда полки легко могут быть переброшены по любому направлению.

— Мы не знаем, где японцы,— заметил Дмитриевский,— быть может, они уже высаживают на побережье десант, связь у нас по берегу плохая.

Упоминание о десанте вновь повергло Стесселя в панику. Он вскочил с места.

— Четвертую дивизию надо не сосредоточивать, а рассыпать по всему берегу для наблюдения за морем, Седьмую дивизию, как еще не вполне укомплектованную, оставить в Артуре или двинуть поблизости — в Голубиную бухту или в бухту Луизы. Нет, лучше двинуть лишь одну бригаду туда, а другую сосредоточить при штабе крепости; Роман Исидорович, я вас прошу остаться при мне. С уходящими полками направьте генерала Горбатовского.

Приняв это решение, Стессель немного успокоился.

Наличие целой бригады в непосредственной близости к его штабу и присутствие Кондратенко, успокоительно действующего на него, придало ему бодрости.

— Где же начальник инженеров крепости полковник Григоренко? — вдруг спохватился Стессель.— Я хочу знать, в каком состоянии находится сухопутная оборона крепости.

— Я его вызвал в штаб, но его не застали дома, верно, где-либо в городе на именинах застрял,— доложил Дмитриевский.

— Черт знает что такое! Враг у ворот крепости, а как дело обстоит с сухопутной обороной — неизвестно. Роман Исидорович, быть может, вы знаете, как идет постройка сухопутных фортов и батарей? — спросил Стессель.— Григоренко я целую вечность не видел. Он ко мне только за деньгами является, а я ему не даю, больно много тратит их.

— И напрасно, ваше превосходительство. У Григоренко не хватает денег для расчета с рабочими-китайцами, и постройка чего-то да стоит. С положением на сухопутных фортах я знаком хорошо. Недавно сам с Григоренко объезжал работы. Положение там очень плохое. Готов, да и то далеко не совсем, лишь один форт номер два, но и на нем еще артиллерийские позиции не оборудованы. На фортах номер один и номер три ведутся еще только земляные работы. Работы там не меньше чем на три-четыре месяца. Форт номер четыре лишь разбивается на местности, к работам на фортах номер пять и номер шесть и на всех промежуточных батареях и укреплениях еще не приступали. Так что сухопутной обороны в настоящий момент фактически не существует,— резюмировал свой доклад Кондратенко.

— Что же инженеры четыре года делали? — кричал Стессель.

— Инженеры дома в Новом городе себе строили, на это и деньги ушли,— буркнул Фок.

— Береговые укрепления закончены. Сооружены двадцать две батареи. Очевидно, инженеры этим и занимались,— заметил Белый.

— Кроме того, крепостные артиллеристы уверяют, что у них и людей для обслуживания сухопутного фронта нет,— вставил Дмитриевский.

— Совершенно верно,— подтвердил Белый.— В конце января из Варшавы к нам должен отправиться вновь сформированный Третий батальон, но едва ли раньше марта он будет здесь. Без него людей у меня не хватит.

— Не оставить ли в таком случае полки Четвертой дивизии в Артуре? — предложил Рознатовский.

— Ни в коем случае,— горячо запротестовал Стессель.— Нельзя допустить высадки японцев где-либо на Квантуне. Для этого необходимо везде быть готовыми к отражению десанта.

— Я считаю, что опасность десанта явно преувеличивается,— спокойным тоном сказал Кондратенко.— Морской десант на неприятельскую территорию очень трудная вообще операция. При наличии же зимней штормовой погоды и пусть ослабленного, но все же еще боеспособного флота десант для японцев может кончиться катастрофой. Едва ли они в ближайшее время рискнут на него, но все же следует иметь в виду эту возможность. Наблюдать за морем необходимо.

— Что же мне делать? — не унимался Фок.

— Тебе дана задача — охранять берег, сам думай, как ее лучше выполнить,— уже миролюбиво промолвил Стессель.

— Хороша задача — охранять двести верст берега. При этом еще немедленно, по тревоге, среди ночи, неизвестно где,— недовольно ворчал Фок, поднимаясь с места.

— А вам ясна задача, Роман Исидорович?

— Вполне. Разрешите уйти? — откланялся Кондратенко.

За ним последовал и Фок. Белый также стал прощаться.

Ржавая военная машина Порт-Артура заработала. Поднятые по тревоге части двигались в разных направлениях по улицам города. Вновь сформированные полки Седьмой дивизии впопыхах забыли захватить боевые патроны; не зная города, полки путались в темноте, попадали не туда, куда надо, сбивая с толку себя и других; конные ординарцы скакали с различными приказаниями и путали части, внося еще бóльшую суматоху в общий беспорядок. Полки столпились на улицах и площадях, отчаявшись до рассвета разобраться во всем этом сумбуре.

На железной дороге не оказалось ни свободных составов, ни паровозов, и части Четвертой дивизии были двинуты походным порядком за сто — сто пятьдесят верст по гористой и разбитой дороге.

Только наступление рассвета наконец дало возможность разобраться во всем этом хаосе.

Стессель, серый от бессонной ночи, объезжал полки,

поздравлял их с началом войны и призывал «чудо-богатырей» не посрамить земли русской и на радость царю-батюшке побить японцев. Солдаты, измотанные бессонной ночью, вяло слушали генерала и нестройно кричали: «рады стараться».

Береговой фронт Порт-Артура был протяжением около девяти верст. Правый его фланг находился на юге, упираясь в горный массив Ляотешаня, у бухты Белого Волка. Расположенные здесь батареи носили наименование батарей Белого Волка. Далее к северу, вдоль побережья, шла гряда Тигровых гор, отделяющих внутренний бассейн от моря. Высота этих гор достигала пятидесяти — шестидесяти сажен, так что они почти полностью скрывали от взоров противника с моря и внутренний артурский рейд и город. Полтора десятка батарей, расположенных на Тигровке, как коротко называли Тигровые горы, составляли вместе с батареями Белого Волка южный сектор берегового фронта. Тигровка оканчивалась низкой песчаной косой — Тигровым Хвостом, загнутым в сторону внутреннего рейда. Тигровый Хвост узким и мелким каналом отделялся от Золотой горы, господствовавшей над всем северным сектором берегового фронта. На этой горе находилось несколько батарей, что делало ее сильнейшим опорным пунктом всего берегового фронта. Впереди Золотой горы выступал в море Электрический Утес, названный так за свою наиболее мощную в крепости электропрожекторную установку. Далее к северу, постепенно снижаясь, шла Крестовая гора с расположенным перед ней Плоским мысом, а затем гора Стрелковая, составлявшая часть идущего перпендикулярно к берегу Драконовского хребта. Здесь, на месте стыка берегового и сухопутного фронтов, находилась левофланговая береговая батарея номер двадцать два.

Так как Порт-Артур прежде всего считался морской крепостью, задачей которой являлась защита русского флота от нападений с моря, то немедленно по его занятии в 1898 году было приступлено к сооружению береговых батарей.

Всего на приморском фронте было сооружено девять долговременных батарей нормальной профили, двенадцать батарей временных, облегченной профили, со ста восемью орудиями. Среди них было всего пять десятидюймовых пушек и десять одиннадцатидюймовых мортир, остальные орудия были более мелких калибров. Самой сильной считалась батарея Электрического Утеса, на которой находилось пять десятидюймовых пушек и

две пятидесятисемимиллиметровых, игравших роль пристрелочных орудий.

Эта батарея, расположенная на высоте сорока четырех саженей над уровнем моря на сплошном гранитном массиве, имела 180 метров длины и около 21 метра ширины. Ее гранитный бруствер круто обрывался к морю и был так же сер, как и склоны Золотой горы, что очень способствовало маскировке укрепления со стороны моря. Хотя сами орудия и не имели щитов для прикрытия прислуги, но над площадкой для наводчиков, сверху, у десятидюймовых пушек имелись легкие козырьки из волнистого железа. Забетонированный гранитный бруствер почти полуторасаженной высоты до известной степени укрывал людей от огня морских орудий. Между орудиями в десятисаженных траверсах находились пороховые и снарядные погреба и казармы для номеров, имевшие выходы к орудийным площадкам. На флангах батарей крайних траверсов были устроены бетонные казармы на взвод артиллеристов. На среднем траверсе, несколько опущенная в бруствер, помещалась сложенная из камня будка для горизонтально-базного дальномера. Самостоятельного командирского пункта на батарее не было, и предполагалось, что в бою командир будет находиться около дальномера. На правом фланге в одном общем гнезде помещались две скорострельные пристрелочные пушки.

Вдоль всей батареи, сразу за орудийными площадками, шла широкая шоссейная дорога. Несколько на отлете, справа от батареи, на небольшой высеченной в скале площадке расположен был прожектор.

В глубокой лощине за Утесом имелись одноэтажные казармы для размещения роты крепостной артиллерии, офицерский флигель и несколько хозяйственных сооружений. Тут же, в пещере, выдолбленной в тыловой стороне Утеса, помещались электрическая станция и погреб для провианта. От казарм и флигеля к батарее вела широкая пологая дорога. Перед офицерскими квартирами был разбит небольшой палисадничек, а несколько поодаль виднелась площадка для ротного огорода.

Попасть на Утес из города можно было или перевалив через Золотую гору, или в объезд ее. Обе эти дороги были длинны и извилисты, что делало сообщение Утеса с городом довольно затруднительным.

Большая сложность управления огнем такой батареи, как батарея Электрического Утеса, заставляла назначать на нее командиров из числа наиболее опытных и знающих офицеров крепостной артиллерии.

В момент начала военных действий батареей на Электрическом Утесе командовал капитан Николай Васильевич Жуковский, который жил здесь же. При батарее были также квартиры для двух младших офицеров — штабс-капитана Чижа и поручика Борейко.

Двадцать шестого января батарея номер пятнадцать Электрического Утеса целый день была занята приемкой трехсот десятидюймовых и такого же числа пороховых зарядов. Солдаты были крайне утомлены перетаскиванием тяжелых пятнадцатипудовых снарядов и четырехпудовых зарядов, которые им приходилось вручную носить в погреба. Тяжелая и опасная работа была окончена лишь с наступлением темноты.

Уставшие за день солдаты после ужина и вечерней переклички сразу же разошлись по койкам; не долго сидел в своем кабинете и Жуковский. Вскоре весь Утес погрузился в крепкий сон. Только часовой одиноко бродил по батарее в ожидании смены.

В девять часов вечера на пост заступил канонир Давид Заяц — маленький, худощавый еврей, случайно попавший в артиллерию и своим неказистым видом резко выделявшийся среди стройных, высоких, крепких артиллеристов.

Пройдясь по батарее, Заяц поднялся на бруствер и уселся на камень около дальномерной будки: ночью можно было допустить и отступление от устава гарнизонной службы.

Поставив около себя винтовку, Заяц свернул цигарку и с удовольствием закурил. Перед его глазами расстилалось спокойное, чуть туманное море и виднелась цепь ярких огней эскадры.

Мысли Зайца перенеслись в далекие Свенцяны, где осталась его молодая жена с двумя маленькими детьми. Прошло уже почти четыре года, как он их покинул, будучи призван на военную службу и отправлен за десять тысяч верст в Порт-Артур. Больше месяца ехал Заяц до Артура, пытался в дороге бежать, но был пойман, выпорот и направлен под конвоем к месту назначения. Несладко жилось ему и в Артуре. Слабосильный, не пригодный к тяжелой службе в артиллерии, он был зачислен в нестроевую команду.

Заяц промерз, встал со своего места и прошелся вдоль бруствера батареи.

Все было по-прежнему спокойно, по-ночному тихо и темно.

Неожиданно на море прогремел выстрел, за ним дру-

гой, третий, загрохотала сразу вся эскадра. Заяц удивленно смотрел на море, не понимая, что там происходит. Потом решил — «моряки маневру делают», и стал спокойно наблюдать за развертывающейся перед ним картиной. Взблески выстрелов, огни прожекторов, столбы воды, взлетавшие вверх при падении снарядов в море, представляли красивое зрелище.

«Здорово жарят, как у нас на состязательной стрельбе»,— подумал Заяц.

Подошел разводящий и сонным голосом осведомился, что это за стрельба.

— Ученье у моряков,— ответил Заяц.

Разводящий почесался, зевнул и лениво проговорил:

— Тебе еще полчаса достаивать, сам придешь, разбудишь Белоногова, а я спать завалюсь,— и неторопливо спустился с бруствера.

Вскоре стрельба прекратилась, и Заяц пошел сменяться. После смены, согревшись в теплом караульном помещении, он мгновенно заснул.

Разбудили его около четырех часов утра.

— Смена, что ли? — пробурчал он.

— Какая смена, японец войной на нас пошел! Рота по тревоге вызвана на батарею,— ответил ему дежурный по роте.

— Да ну? — изумился Заяц.— Значит, как с вечера стреляли моряки, была война, а не маневры?

На батарее в темноте двигались солдаты. Мерцали ручные фонари. Пороховые и снарядные погреба были открыты, чехлы с орудий сняты, около них толкались солдаты. Откуда-то из темноты доносился спокойный голос Жуковского. На море было совершенно тихо. Эскадра по-прежнему усиленно освещалась прожекторами.

Заяц пришел к своему посту у денежного ящика, досадуя на беспокойную ночь. Он еще не верил, что началась война, и считал, что все это только солдатские побасенки.

— Генерал Белый сообщил,— говорил Жуковский солдатам,— что японцы неожиданно напали на наш флот и взорвали три корабля. Можно ожидать с минуты на минуту нового нападения. Поэтому за морем надо следить в оба и быть готовыми к открытию огня.

Заяц насторожился.

— Неужели и впрямь война? Прощай тогда Свенцяны надолго, если еще живой останешься,— волновался он.

— Прикажите прожекторной команде наладить осве-

щение,— кому-то в темноте отдавал распоряжение командир роты.— В случае тревоги немедленно сообщить мне и сразу же вызвать людей на батарею.

— Слушаюсь, ваше высокоблагородие.

По голосу Заяц узнал фельдфебеля Назаренко.

Люди ушли с батареи, и Заяц опять зашагал в темноте.

Около восьми часов утра, когда утренний туман над морем стал рассеиваться, на горизонте один за другим стали показываться многочисленные дымки. Несколько миноносцев понеслись им навстречу.

Находившийся в это время на батарее штабс-капитан Чиж приказал дальномерщикам следить за миноносцами, которые не то шли на разведку, не то собирались атаковать появившиеся корабли.

Миноносцы, далеко не дойдя до приближавшихся дымков, вдруг легли на обратный курс, усиленно сигнализируя при этом флагами.

Штабс-капитан решил, что тревога была ложная, и уже начал спускаться с бруствера, когда вдруг загрохотали двенадцатидюймовые пушки с флагманского броненосца «Петропавловск», а затем и других кораблей. Чиж сразу ослабел и должен был опереться о дальномерную будку, чтобы не упасть: он понял, что перед ним в утренней дымке ясного солнечного дня находится вся японская эскадра.

Быстро нарастающий свист падающих снарядов окончательно вывел его из душевного равновесия. Он кубарем слетел вниз и ринулся в один из бетонных казематов. Тут, под защитой бетонного свода, он наконец сообразил, что ему надо было делать, и послал за ротным командиром.

Вызванные по тревоге солдаты торопливо бежали из казарм к орудиям, озираясь на разрывы снарядов.

По дороге к батарее показались бегущие Жуковский и Борейко, торопливо одевавшиеся на ходу, и Чиж облегченно вздохнул.

— На дальномере! — еще издали заорал оглушительным протодьяконским басом Борейко.

Дальномерщики припали к визирам, наводя их на четко видневшиеся силуэты японских кораблей.

— Пять тысяч шестьсот! — выкрикнул сигнальщик дистанцию до цели.

— Прицел двести пятьдесят, целик право два! — скомандовал подошедший к батарее Жуковский.

 Солдаты бросились наводить орудия, длинные и тон-

кие дула которых медленно поворачивались вслед за движущейся эскадрой.

— Пять тысяч четыреста! — снова закричал дальномерщик.

Чиж рискнул выйти из своего каземата навстречу Жуковскому, смущенно улыбаясь.

— Вы должны были подготовить батарею к стрельбе,— сухо обратился к нему Жуковский и поднялся на бруствер дальномерной будки. Чиж последовал было за ним, но свист летящих снарядов заставил его вновь быстро спуститься вниз под надежное бетонное прикрытие.

Зато Борейко, расправив свои богатырские плечи, огромными шагами ходил по батарее и громко командовал:

— Наводить в переднюю мачту головного корабля! Всем одинаково. Поняли, сучьи дети? — и тут же вскакивал на площадку наводчика, сам проверяя правильность наводки.

— Куда, дура, целишь? — кричал он на испуганного солдата.— Сказано, наводи на мачту, а ты навел на трубу. Поправь,— и, ткнув солдата кулаком в бок, Борейко бежал дальше, не обращая внимания на японские снаряды, уже рвавшиеся вблизи батареи.

— Пять тысяч двести двадцать! Пять тысяч двести! Пять тысяч сто восемьдесят! — ежесекундно выкрикивал дистанцию сигнальщик. Жуковский в бинокль продолжал разглядывать японскую эскадру. Она шла кильватерной колонной параллельно берегу, держа курс на юг. Впереди были броненосцы, а крейсера и более легкие суда держались в хвосте.

— Пять тысяч сто! Пять тысяч восемьдесят! Пять тысяч шестьдесят! — неслось из дальномерной будки.

— Батарея, залпом! — закричал Жуковский, высоко подняв вверх руку в знак внимания.

— Батарея, залпом! — подхватил на другом конце батареи Борейко.

Орудийная прислуга отпрянула от орудий к самому брустверу, наводчики откинулись назад на своих площадках, туго натянув шнуры запальных вытяжных трубок, готовые с силой дернуть за них, орудийные фейерверкеры стояли позади орудий, с поднятыми вверх правыми руками, обернувшись лицом к командиру.

Чиж, выглянувший было из каземата, быстро юркнул назад и торопливо зажал пальцами уши.

— Пли! — скомандовал Жуковский, опуская руку.

— Пли! — повторил Борейко.

Пять огромных огненных столбов вырвались из дул орудий, и в следующее мгновение батарея заволоклась густыми клубами синего порохового дыма, за которым скрылись и море и берег. Запахло селитрой и серой. Орудия с грохотом откатились по наклонным рамам лафетов и затем скатились по ним на прежние места.

Дым медленно расходился по батарее. Стала видна японская эскадра.

Жуковский и Борейко вскинули бинокли к глазам, было ясно видно, как вокруг головного корабля взвились четыре высоких всплеска воды и одновременно против средней его трубы взметнулся столб сперва черного дыма, а затем белого пара.

— Два недолета, два перелета, одно попадание,— громко доложил сигнальщик.

— Попал под накрытие, стервец,— обрадовался Борейко.

— Малость подсыпали перцу. Запарил! Очевидно, мы ему попортили паропроводы,— ответил Жуковский.— Александр Александрович, может быть, полюбуетесь на наши успехи? — обратился он к вновь вынырнувшему на свет божий Чижу.

— Четыре тысячи восемьсот! Четыре тысячи семьсот! — выкрикивал дистанцию сигнальщик.

— Прицел двести тридцать, целик тот же! — скомандовал Жуковский.

Орудийные дула опять поползли следом за японской эскадрой.

Неприятельские корабли опоясались огнями и легким, быстро тающим в воздухе зеленоватым дымком.

— Японец бьет, ваше благородие,— доложил сигнальщик.

— Закройсь! — скомандовал Борейко.

Несколько крупных снарядов одновременно обрушилось на батарею. Они рвались спереди, сзади и с боков. Едкий удушливый дым окутал батарею. Все поспешили укрыться, и только Жуковский по-прежнему стоял на бруствере, да внизу Борейко, чертыхаясь, подбирал падавшие около него еще горячие осколки и внимательно разглядывал их.

Сменившись с караула, Заяц улегся спать в казарме и не захотел из нее выходить, когда японцы начали обстреливать Электрический Утес. Но когда совсем близко разорвался снаряд и посыпались осколки стекла, Заяц мгновенно выскочил на двор. Как раз в этот момент над его головой с ревом пронесся снаряд и гулко разорвался

в тылу. Заяц от страха присел было на землю, а затем, оглянувшись вокруг, стремительно побежал на батарею. Подгоняемый все новыми разрывами, он, пригнув голову, с разбега бросился в первый попавшийся каземат. При входе в него стоял, пугливо озираясь, Чиж, и Заяц угодил головой прямо ему в живот. Удар был так силен, что слабонервный и перепуганный штабс-капитан потерял сознание и повалился на пол.

Заяц, сбив с ног офицера, так испугался, что тотчас выскочил обратно из каземата. При этом он налетел на Борейко. Но огромного поручика не так-то легко было сбить с ног. Он схватил Зайца за шиворот, сильно тряхнул и свирепо проговорил:

— Ты обалдел, что ли, Заяц? Куда тебя черт несет? Марш в крайний каземат, будешь при перевязочном пункте,— и в назидание так огрел его по шее, что Заяц едва удержался на ногах.

Разделавшись с Зайцем, Борейко пошел проведать Чижа и нашел его лежащим на полу. Около хлопотали два солдата, приводя его в чувство.

— Что случилось? — удивленно спросил поручик.

— Так что, Заяц, вашбродие, как шальной, влетел в каземат да ударил головой в живот их благородие. Они и чувства лишились,— сообщили ему солдаты.

— Позвать фельдшера, пусть приведет штабс-капитана в чувство,— распорядился Борейко и пошел к Жуковскому.

— Чиж в обморок упал,— весело доложил он командиру.— Дурак Заяц налетел на него, а тот с перепугу и сомлел, как рыхлая баба.

— Послали туда фельдшера? Ладно. Давайте продолжать стрельбу,— коротко бросил в ответ капитан.

Японцы перенесли огонь на эскадру, и батарея немедленно ожила.

Как только обстрел Утеса прекратился, по дороге к нему с Золотой горы показался экипаж, окруженный свитой верховых. Еще издали были видны красные отвороты генеральских шинелей. Через десять минут коляска докатилась до Электрического Утеса, и из нее вышли Стессель и Белый. Выставив грудь вперед и высоко подняв голову, Стессель придал себе внушительный вид. Приняв рапорт Жуковского, он громко поздоровался с солдатами. Те ответили вразброд. Стессель сразу нахмурился.

— Разве с такими солдатами можно воевать? Они даже на приветствие как следует отвечать не умеют,

а еще кадровики. Хотел их крестами наградить за сегодняшний бой, а теперь воздержусь. Пусть сперва научатся отвечать как следует. Никакого порядка у вас в роте нет, капитан! — раскричался он на Жуковского.

Тут его взгляд упал на усмехнувшегося Борейко.

— А вы, поручик, чему смеетесь? Почему вы не по форме одеты?

Борейко с удивлением осмотрел себя.

— Где ваша шашка? — крикнул Стессель.

— А зачем она мне, ваше превосходительство,— спокойно возразил поручик.— Японские броненосцы, что ли, ею рубить?

— Как... Не по форме одет! — уже не помня себя, кричал Стессель.— Арестовать! Убрать!

— Я, ваше превосходительство, разрешил господам офицерам во время боевых стрельб быть без оружия: шашка мешает, когда приходится подниматься на лафет для проверки наводки,— вмешался Белый.

— Не законно... Не по уставу... Самовольство... Объявлю выговор в приказе! — продолжал кричать Стессель.

Все молча глядели на бушевавшее начальство.

— У вас были попадания в неприятельские корабли? Есть раненые на батарее? — наконец несколько успокоился Стессель.

— Выявлено три прямых попадания в головной броненосец. На батарее раненых нет,— доложил Жуковский.

Рассеянно выслушав ответы, Стессель взошел на бруствер.

Японцы начали приближаться к Артуру. В воздухе раздался зловещий свист снаряда. Стессель неожиданно проявил горячий интерес к устройству дальномера и одним махом оказался в дальномерной будке. За ним туда же спешно юркнули сопровождавшие его Водяга и Дмитриевский. Остальная генеральская свита торопливо спустилась с бруствера вниз. Только Белый да Жуковский остались на месте и продолжали рассматривать японскую эскадру.

Снаряд шлепнулся перед батареей, но не разорвался. Все облегченно вздохнули. Стессель вновь зашагал по брустверу.

— Японцы приближаются,— доложил Стесселю Дмитриевский.

— Да, надо немедленно вернуться на Золотую гору. Там лучше видна вся картина боя и есть связь со всеми батареями. Едемте сейчас же обратно, господа,— заторопился Стессель.

Не успела генеральская коляска проехать и половины пути, как японские снаряды вновь посыпались на Утес и на дорогу к Золотой горе.

С батареи было видно, как вся сопровождающая генерала кавалькада вдруг вскачь понеслась в гору, обгоняя генеральский экипаж. Стессель, с ужасом оглядываясь на море, стоял в экипаже и усиленно наколачивал кучера в шею. Испуганные близким разрывом снаряда, лошади подхватили и понесли.

Глядя на эту сцену, Борейко громко захохотал.

— Нечего сказать, храбрецы! Пока тихо — орлы, а как заслышат свист снаряда, сразу мокрыми курицами становятся.

— Вы бы потише, Борис Дмитриевич, солдаты все же вокруг,— обратился к нему Жуковский.— Подите лучше проведайте Чижа — уж не умер ли он там со страху.

Борейко застал Чижа все еще усиленно охающим.

— Поправляетесь? — буркнул Борейко.

— Ох, нет! У меня, наверное, от удара в живот будет перитонит. Как только поправлюсь, я этого чертова Зайца до полусмерти изобью, чтобы он на будущее время смотрел, куда бежит.

— Напрасно: он был взволнован так же, как и вы.

Дав еще два-три залпа по берегу, японцы скрылись в море.

— Отбой! Пробанить орудия,— скомандовал Жуковский.

Когда батарея была приведена в порядок, Жуковский, выстроив солдат, громко поблагодарил их за службу.

— Рады стараться! — дружно и весело ответили солдаты.

— Вам бы так генералу отвечать. А то теперь без крестов остались,— упрекнул их Жуковский.

— Успеем еще заработать не один раз,— ответил за солдат Борейко,— и Георгиевские и деревянные. Первых поменьше, вторых побольше.

— Разойдись! — отпустил роту капитан и стал спускаться с батареи.

В глубоком погребе, сплошь заставленном бочками с кислой капустой, солеными огурцами, солониной и прочими продуктами, во время боя собралось все тыловое население Электрического Утеса: писаря, артельщики, каптенармусы, кузнецы, портные и прочий нестроевой люд, обслуживающий батарею и роту. Возглавлял их

сам ротный фельдфебель — Денис Петрович Назаренко, которого Жуковский оставил наблюдать за порядком в тылу. Тут же в погребе восседала на скамье краснолицая жена фельдфебеля со своей шестнадцатилетней рослой дочкой Шуркой.

Когда стихли орудийные выстрелы, все население погреба вылезло наружу.

— Спасибо за службу! — шутливо крикнул им Борейко.

— Рады стараться,— смущенно ответили «герои».

Поддерживаемый денщиком, к ним медленно подошел Чиж. Он все еще не оправился и потерял свой фатовской вид. Прежде всего он потребовал от Жуковского немедленного предания суду Зайца «за умышленное нанесение удара своему офицеру».

— Бог с вами, Александр Александрович. Да он со страху ничего не видел, когда на вас налетел. Какой же тут суд. Ну, выругайте дурака, только и всего,— удивился Жуковский.

— Нет, тут умышленное нападение солдата-еврея на русского офицера. Это, если хотите, оскорбление чести мундира, прошу суда,— настаивал Чиж.

— Вы еще не совсем оправились, дорогой, отдохните, успокойтесь, тогда мы и поговорим с вами об этом,— не соглашался Жуковский и пошел к себе.

— Тогда я сам расправлюсь с Зайцем, по-свойски,— вспыхнул Чиж.

На свою беду, Заяц как раз в это время проковылял невдалеке.

— Заяц, сюда! — окликнул его Чиж.

Солдат подошел и испуганно смотрел на офицера.

— Как ты, сволочь, смел сбить меня с ног? — заорал капитан.

— Виноват, ваше благородие, нечаянно, с перепугу,— залепетал Заяц.

— Брешешь, жидовская морда, нарочно.— И Чиж со всего размаху ударил солдата по лицу.

Удар был так силен, что Заяц едва устоял на ногах. Из разбитого носа и губ потекла кровь, на глазах показались слезы. Но, скованный дисциплиной, он продолжал стоять навытяжку.

Чиж бил его долго и с остервенением, пока Заяц, покачнувшись, не стал медленно опускаться на землю.

— Встань, стерва! — заорал капитан и, ткнув его ногой еще несколько раз, ушел.

 Солдаты издали наблюдали за избиением и поспеши-

ли на помощь к Зайцу, лишь только офицер отошел. Его подняли и понесли в казармы.

— В чем дело? — спросил появившийся Борейко.

Солдаты рассказали ему о происшедшем.

— Отнести Зайца в казарму, отлить водой и прислать ко мне взводного Родионова,— распорядился Борейко.

Когда Родионов, такой же огромный и массивный, как и поручик, не спеша, с чувством собственного достоинства подошел к Борейко, последний приказал:

— Скажи фельдфебелю, что Заяц переведен в мой взвод, и освободи его на три-четыре дня от всех нарядов. Зайцу прикажи на глаза штабс-капитану не показываться. И если его Чиж еще тронет, то я сам поговорю с ним.

— Слушаюсь! Заяц нам во взводе сгодится, он на все руки мастер,— ответил Родионов.

Вернувшись с Утеса на Золотую гору, Стессель и Белый имели довольно растерянный и напуганный вид. Их свита только у самой батареи сумела задержать испугавшихся лошадей и тем спасла генералов от неприятности.

— Счастливо отделались,— со вздохом облегчения проговорил Стессель.— На будущее время буду ездить только верхом; легче с одной лошадью справиться, чем с парой, да когда еще кучер дурак и трус.

— Хорошо все, что хорошо кончается,— примирительно ответил Белый.

В самом начале боя один из двенадцатидюймовых японских снарядов попал в каземат на Тринадцатой батарее, пробил полуторасаженный слой земли, затем два аршина бетона и разорвался, убив трех солдат и тяжело ранив двух... Как только бой кончился и японцы ушли в море, командир батареи капитан Зейц решил отслужить панихиду по убиенным. Из Управления артиллерии был вызван священник.

Когда Стессель и Белый вышли из экипажа и подошли к батарее, рота Зейца была уже выстроена. Около покрытых шинелью трупов седенький попик служил панихиду, усердно махая кадилом. Зейц с офицерами стоял впереди, одним глазом наблюдая за приближающимся начальством.

Солдаты стояли, вытянувшись в струнку, с фуражками на согнутой левой руке. На лицах их застыло суровоскорбное выражение. Слышались тяжелые вздохи, мелькали руки крестящихся. Попик заунывным голосом провозгласил «вечную память новопреставленным воинам». Хор тихо и торжественно запел «вечную память».

Генерал Стессель, подойдя к телам усопших, картинно отвесил три земных поклона и, откинув шинели, прикрывавшие трупы, приложился к покойникам.

Попик заторопился и, путая слова молитв, поспешил закончить панихиду. Как только он кончил, Стессель обратился к солдатам с речью:

— Братцы! Коварный враг неожиданно напал на нас, но не застал врасплох. Сегодня вы сами видели попадания наших снарядов в японские корабли. И да не смущается сердце ваше первыми жертвами войны. Мир праху героев, живот свой положивших за веру, царя и отечество. Не посрамим же земли русской и белого царя-батюшки. За проявленное вами сегодня мужество награждаю вас крестами. Ура!

— Ура! — угрюмо, но дружно и четко подхватили солдаты.

— Вот это часть! Не то что там, внизу. С такими героями мы всех японцев, как мух, перебьем! — пришел в восторг генерал.

— Кому же, ваше превосходительство, кресты давать? Батарея ведь сегодня не стреляла, и люди сидели по казематам? — спросил Зейц.

— Героев у вас более чем достаточно. Выберите достойнейших. Фельдфебеля, фейерверкеров и других начальствующих нижних чинов наградите в первую голову.

— Ваше превосходительство! На батарею едет наместник со своим штабом,— доложил Юницкий Белому.

Стессель сразу засуетился.

— Солдат выстроить вдоль батареи! Господам офицерам стать в строй! Я буду лично командовать,— распорядился он.

Все бросились по своим местам. Один только Тахателов недоуменно спросил:

— А японцы как же? Если они опять подойдут к берегу, мы не успеем вовремя открыть по ним огонь, так как, пока солдаты добегут до орудий, пройдет много времени.

— Праздный вопрос, полковник,— оборвал его Стессель.— Наместника необходимо встретить как полагается, а там видно будет, что делать.

Рота успела уже выстроиться во фронт, когда Алексеев добрался до батареи.

— Рота, смирно! Для встречи справа, слушай — на кар-а-а-аул! — скомандовал Стессель.

— Здравствуйте, дорогой Анатолий Михайлович,—

приветствовал его наместник.— Чуть только бой, а ваше превосходительство уже на самой опасной батарее. Здорово, артиллеристы! Спасибо за службу молодецкую! Сегодня, с первого же разу, перепугали японцев своим метким огнем.

— Должен довести до сведения вашего высокопревосходительства, что наша доблестная эскадра сражалась также с подлинным геройством. Артиллерийская стрельба кораблей была исключительно меткой. У адмирала Того должны быть большие потери. Прошу принять мое поздравление со столь блестящими действиями моряков,— рассыпался Стессель в комплиментах, зная любовь Алексеева к флоту.

— Позвольте мне от лица моряков поблагодарить ваше превосходительство за столь высокую оценку действий нашего истинно геройского флота. Счастлив буду донести обожаемому монарху о трогательном единодушии в бою армии и флота.

Затем их превосходительства трижды облобызались.

Обойдя батарею и еще раз поблагодарив солдат, адмирал отбыл в город.

— Теперь и нам можно отправиться по домам. Василий Федорович, поблагодари солдат и офицеров за службу и прикажи-ка подать коляску. Японцы, кажется, вовсе скрылись с горизонта.

Генералы, усевшись в коляску, приятно ободренные похвалой, наперебой хвалили Алексеева и моряков.

— Изумительно умный человек. Сразу видно, что царских кровей,— восхищался наместником Стессель.

— Если бы все моряки были такими, то ночного позора не было бы,— вторил ему Белый.

— Да и так ли уж велик позор? Правда, моряки малость прозевали, но корабли починят, и флот обретет свою прежнюю грозную силу. Только бы Алексеев остался в Артуре,— мечтательно говорил Стессель.

— Все же нам надо более тесно связаться с флотом, а то мы мало знаем, что у них делается.

— Связь держать следует, но надо при этом смотреть, чтобы моряки нас не оседлали.

— Но наместник ведь тоже моряк.

— Он прежде всего — наместник. Поэтому его сердцу должны быть милы не только моряки, но и армия. Сегодняшнее его поведение подтверждает это предположение.

Уже прощаясь с Белым, Стессель еще раз вспомнил об Электрическом Утесе.

— Василий Федорович! Ты, пожалуйста, обрати внимание на Пятнадцатую батарею, пусть подтянутся, а то не рота, а бабья команда какая-то. Если найдешь нужным — представь к наградам нижних чинов и офицеров. Только, чур, с разбором.

— Жуковский и Борейко — одни из лучших офицеров у меня в артиллерии. Конечно, я буду просить об их награждении. Да и среди канониров и фейерверкеров найдется кого наградить,— ответил Белый.

В городе Стессель застал необычайное оживление. Разбуженные бомбардировкой артурские обыватели, как только сообразили, что началась война, стремительно бросились сперва в погреба и подвалы, спасаясь от вражеских снарядов, а по окончании боя — на вокзал.

Из домов тащили наскоро увязанные вещи и узлы. Все артурские извозчики, рикши и китайские кули были донельзя загружены. Вскоре вокруг вокзала образовался громадный табор беженцев. На путях стояло несколько товарных составов, уже полностью набитых пассажирами, но паровозов для них не хватало.

Заметив среди пассажиров штатских, генерал немедленно приказал:

— Всю эту стрюцкую рвань высадить. В первую очередь посадить в вагоны семьи господ офицеров и чиновников. Ротмистр Водяга, поручаю вам наблюдение за выполнением этого распоряжения,— приказал генерал и покатил домой.

Дома Стесселя встретила Вера Алексеевна. Она бросилась на шею мужа и долго целовала и крестила его.

— Ты истинный герой, Анатоль! Мне уже говорили, каким ты был храбрецом под огнем на батареях. Один стоял на бруствере, когда все прятались. Даже наместник был поражен твоей храбростью. Но ты должен беречь себя для России. Если ты, не дай того бог, погибнешь, то кто же сможет тебя заменить в Артуре? — тараторила генеральша.

— Ну, положим, я был на батареях осторожен. Хотя, надо правду сказать, там временами было жутковато, осколки так и свистели вокруг. Но меня бог миловал, остался цел,— мягко прервал Стессель жену.

Солнечный луч, пробившись сквозь щель в оконных ставнях, скользнул по лицу лежащей в постели женщины и разбудил ее.

 Она потянулась, громко зевнула и, решительно соско-

чив на пол, открыла ставни. Яркий солнечный день наполнил веселым отблеском моря всю комнату.

Рива взглянула в окно на расстилавшийся перед ней внутренний рейд, окружавшие его серые горы, на раскинувшийся по берегу Старый и Новый город. Ее внимание остановилось на странно приткнувшихся к берегу, около выхода на внутренний рейд, двух судах. Она сразу узнала хорошо знакомые ей броненосцы — «Цесаревич» и «Ретвизан». Никогда до сих пор она не видела, чтобы корабли стояли так близко к берегу. Ее постоянные кавалеры моряки неоднократно разъясняли ей опасность для крупных судов приближения к берегу.

«Наверное, ночью вздумали втягиваться на внутренний рейд, да и сели на мель»,— подумала она и вспомнила при этом командира «Цесаревича», слывшего первым умником среди артурских моряков — немолодого, весьма представительного капитана первого ранга Григоровича, и хитрого, похожего на цыгана, командира «Ретвизана» — капитана первого ранга Шенсновича, считавшегося одним из лучших командиров порт-артурской эскадры.

Наглядевшись в окно, Рива подошла к зеркалу. Взгляд ее скользнул по тонкому смуглому личику южанки с большими темно-карими глазами, с тонким греческим носом, яркими губами, чуть оттененными сверху темным пушком, затем спустился на красивую шею, плечи, упругие груди, которыми так гордилась Рива. Она осталась довольна собой.

Осмотрев себя, Рива приступила к утреннему туалету. На звон серебряного колокольчика, увитого драконами, в комнате появилась маленькая служанка, похожая на большую куклу с хорошеньким фарфоровым личиком, и, приседая и кланяясь, нещадно коверкая русские слова, залепетала утреннее приветствие.

— Мыться! — скомандовала Рива.

Раздавшаяся с моря канонада отвлекла ее внимание. В окно были видны дымки выстрелов на кораблях эскадры в узком проходе между Золотой горой и Тигровой.

В это время неожиданно во внутреннем бассейне вырос большой столб воды, что совершенно озадачило Риву.

— Что это такое большое могло упасть в бассейн? — недоумевала она.

Черный столб дыма, появившийся у вокзала и сопровождавшийся грохотом взрыва, открыл ей истину.

— Кто-то стреляет! — в испуге вскрикнула она.

— Японси, японси, война русски,— залопотала служанка.

— Какая война? Что ты городишь!

— Носю японси море воевал.

— Чего же ты до сих пор молчала, дура! — обозлилась Рива.— Война, а она молчит, как истукан. Когда ты поумнеешь? Всякий вздор рассказывает, а о войне молчит.

Торопливо одевшись, Рива вышла на улицу. На набережной Нового города собралась толпа, с любопытством наблюдавшая за ходом боя. Яркий, солнечный день был так хорош, что не верилось в начало страшной войны. Происходивший бой воспринимался большинством зрителей как боевое учение, и только когда один из снарядов, взорвавшись около берега, осыпал толпу осколками, люди в панике бросились бежать. Рива увидела матроса с «Ретвизана» и начала расспрашивать о случившемся.

— Война, барышня. Японец ночью на нас неожиданно напал,— мрачно ответил матрос.

— Потери большие?

— Двое без вести пропали да троих сейчас в госпиталь привезли.

— Матросы или офицеры?

— Все матросы. Разве сейчас кого-нибудь из офицеров ранят. Так и жарит японец по «Ретвизану» и «Цесаревичу»,— разговорился матрос.

— А почему они приткнулись к берегу?

— Чтоб, значит, не потонуть.

— Как потонуть? — испугалась Рива.

— Ночью японец подорвал с носа «Ретвизана» да с кормы — «Цесаревича», а «Палладу» — прямо против машинного отделения. Их и отвели на мелководье, а японец теперь хочет их добить. Но наши корабли и береговые батареи тоже не молчат, здорово бьют по японцу. Должно быть, скоро отгонят его от Артура,— пояснил матрос.

Рива была расстроена всем услышанным. Она подумала о своем возлюбленном — лейтенанте Дукельском, который находился на «Петропавловске».

— На «Петропавловске» все благополучно? — осведомилась она.

— Покуда ничего плохого с «Петропавловска» не слыхать.

Бой на море уже закончился, и толпа вновь собралась у пристани, к которой то и дело подходили катера с различных кораблей эскадры, подвозя раненых. Стонущие, забинтованные фигуры вызывали тревожное любопытство

толпы. Все старались поближе протиснуться к носилкам, узнать фамилии раненых, обстоятельства ранения.

Вместе с ранеными выгружали и трупы убитых, покрытые Андреевским флагом. В толпе закрестились, кто-то всхлипнул, Рива тоже взволнованно засморкалась и стала разыскивать знакомых офицеров.

Наконец она увидела розовощекого мичмана Андрюшу Акинфиева. Хотя Рива и не была с ним знакома, но ввиду исключительных обстоятельств решилась обратиться к нему.

— Подвезите меня к эскадре, господин мичман,— попросила она.

— Простите, сударыня, но женщинам на боевом корабле во время боя не место,— сурово отрезал мичман.

— Да я на корабль и не хочу, мне только посмотреть на эскадру.

— Праздное любопытство, сударыня,— был неумолим Акинфиев.

В это время подошел знакомый лейтенант Малеев с броненосца «Севастополь». Увидев его, Рива повторила свою просьбу.

— Куда же я вас повезу, Ривочка?

— Только до прохода, оттуда я взгляну на эскадру, а затем пересадите на обратный катер.

— Идет! Андрюша,— обратился лейтенант к Акинфиеву,— сообщи Юрасовскому, что нам с тобой перевод на «Страшный» уже оформлен. Прошу, Ривочка, занять место на катере. Чур, дальше Тигрового не везу.

— Хорошо,— согласилась Рива.

— Отваливай! — скомандовал лейтенант, и катер заскользил по гладкой поверхности бухты.

Старый и Новый город, разделенные долиной реки Лунхе и горой Перепелкой, как бы жмурясь под яркими солнечными лучами, задумчиво смотрели в подернутые легкой дымкой тумана тихие воды залива.

Рива молча слушала рассказ поехавшего вместе с ними Акинфиева о ночной атаке японскими миноносцами русской эскадры.

Катер пристал к небольшой пристани у прохода между низкой песчаной косой Тигрового Хвоста и гранитной громадой Золотой горы. Эскадра уже втягивалась на внутренний рейд. Первыми прошли миноносцы и среди них «Страшный», на который ссадили с катера Акинфиева. Крепко пожав Малееву руку, мичман сухо козырнул Риве. Его надутый вид был так смешон, что и Малеев и Рива рассмеялись, и Рива дружески протянула

юноше руку. Покраснев, Акинфиев чуть пожал ей руку и стремительно поднялся по трапу на миноносец.

За миноносцами шли легкие крейсера «Новик» и «Баян», за ними на буксирах медленно проплыли громады броненосцев. Когда с катером поравнялся «Петропавловск», Рива стала внимательно вглядываться в стоящих на палубе офицеров. Вскоре на командирском мостике, у самого его края, она разглядела рослую фигуру Дукельского. Рива усиленно замахала носовым платком, стараясь привлечь его внимание. Малеев передал ей мегафон.

— Привет, Ривочка, я сегодня у тебя обедаю,— весело прокричал лейтенант в мегафон.

— Жду,— неожиданно громко ответила она и замахала мегафоном в знак приветствия. «Петропавловск» медленно проплыл мимо них.

Добравшись до дому, она немедленно принялась за приготовление обеда.

С Дукельским ее связывало старое знакомство. Еще в тысяча девятьсот первом году она, увлеченная общим потоком всевозможных коммерсантов, авантюристов и спекулянтов, покинула родную Одессу и вместе с «заведением мадам Шнеерзон» отправилась на Дальний Восток на пароходе «Владимир», на котором ехал и лейтенант Дукельский. Предприимчивая мадам Шнеерзон уже в дороге развернула деятельность своего учреждения. Но Рива заболела ангиной и не могла принимать кавалеров. Мадам тотчас объявила ее лентяйкой, притворщицей и так стала преследовать, что доведенная до отчаяния Рива в Красном море пыталась выброситься за борт. Об этом происшествии узнал весь пароход. Дукельский, узнав о случае с Ривой, решил выкупить ее у хозяйки. Почему это ему взбрело в голову, он не смог бы объяснить и сам. Дукельский был не злым человеком, но оставался весьма далеким от всякой сентиментальности.

Он предложил «мадам» отступного за Риву и привез ее в Порт-Артур, где нанял для нее маленький домик.

Было около трех часов, когда лейтенант позвонил в передней. Рива сама открыла ему дверь.

Вручив ей свертки с покупками, он прошел за ней в небольшую столовую, убранную в восточном стиле.

Куинсан поспешила накрыть на стол.

— Ну, Жоржик, рассказывай, что и как произошло за эти два дня? — спросила Рива, усаживая Дукельского за стол.

— Что произошло? То, чего давно следовало ожидать. Японцы решили вернуть себе обратно Квантун и, вероятно, прихватить кое-что из Южной Маньчжурии. И началась война,— объяснил Дукельский.

— Но напали-то они подло, без объявления войны, ночью,— возразила Рива.

— Для них все средства хороши. Мы прохлопали, и они нас поймали и в Артуре и в Чемульпо.

— Как в Чемульпо?

— Да так! Они выследили в Чемульпо «Варяга» и «Корейца» и предложили им вступить в бой со всей эскадрой адмирала Уриу. Результат боя пока неизвестен. Но, зная Руднева, можно с уверенностью сказать, что наши корабли не опозорили Андреевский флаг. Офицеры и матросы там под стать своему командиру.

— Верно, много погибло на «Варяге» и «Корейце»? — забеспокоилась Рива.— Ведь там твои друзья — Алеша Ляшенко, Червинский, Степанов. Живы ли они сейчас?

— На войне не без потерь. Сейчас мы живы, а что будет завтра, никому не известно,— философски ответил Дукельский.

— Сегодня-то большие потери? — поинтересовалась Рива.

— «Полтава», «Диана», «Аскольд» и «Новик» получили по подводной пробоине и требуют ремонта. За первые сутки войны у нас выбыло из строя: ночью три, сегодня утром четыре да в Чемульпо погибли два, итого девять боевых кораблей. Недурное начало войны!

— Как же мы будем воевать теперь?

— Как воевать? Залезем на внутренний рейд со всеми броненосцами и крейсерами и будем коптить небо.

— Так что ты будешь все время в Артуре сидеть? — обрадовалась Рива.

Во время обеда Куинсан, то и дело подходившая к столу, внимательно вслушивалась в русскую речь.

Дукельский шутя раза два ущипнул ее. Служанка игриво засмеялась.

— Жорж, оставь ее. Как тебе не стыдно щипать ее при мне,— возмущалась Рива.

— Да ты, никак, все еще ревнуешь меня, Ривочка,— смеялся лейтенант.

Убрав со стола, Куинсан ушла в свою каморку и, достав кусочек бумаги, начала кисточкой и тушью выводить иероглифы. Ее кукольное личико приняло серьезное выражение.

Покончив с записями, Куинсан присела у окошка

и задумалась. Ей вспомнилась далекая родина, детство в бедной крестьянской семье в глухой японской деревушке, вечная нужда, голод, а иногда и колотушки отца с матерью. Куинсан грустно вздохнула и провела рукой по голове, задев при этом за заколотый в волосы черепаховый гребень. Это напомнило ей о жизни в токийском доме терпимости, куда ее продали за долги отца, встречу с Танакой, молодым красивым офицером. Он подарил ей гребень вскоре после их знакомства. В ушах Куинсан как бы снова зазвучал голос Танаки, его пылкие и нежные заверения. Она любила слушать его, смотреть в его глаза, когда он говорил ей о великой родине — Стране Восходящего Солнца. Тогда глаза его горели, а объятия были такими жаркими... На кухне по-прежнему было тихо, темно и тепло, захотелось спать. Куинсан зевнула, но, превозмогая сон, заставила себя вспомнить переезд во Владивосток, первые шаги в разведывательной работе. И снова рядом с собой увидела Танаку, теперь уже своего учителя. Теперь Куинсан больше не слышала от него нежных речей, он был очень строг. Он даже бил ее иногда, когда она плохо выполняла его задание. Затем в памяти встал Порт-Артур, поступление в дом Ривы. Тут Куинсан довольно улыбнулась: что ж, она заслужила похвалу, Танака будет доволен. Она, маленькая Куинсан, хитро сумела войти в доверие хозяйки.

В окошко постучали. Куинсан поспешила выйти во двор, где ожидал оборванный старик. Низко кланяясь, он протянул руку за подаянием. Куинсан торопливо вошла в кухню, схватила там большой кусок хлеба и засунула в него исписанную бумажку. Выйдя на улицу, она позвала старика в переднюю и долго говорила с ним. В их разговоре упоминались названия всех поврежденных русских кораблей. Когда наконец старик, захватив хлеб, ушел, Куинсан тихонько вошла в столовую и прислушалась. Из спальни доносился храп.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Неяркое зимнее солнце длинными негреющими вечерними лучами освещало рейд с многочисленными военными и коммерческими судами и полукитайский, полуевропейский портовый городок Чемульпо, который служил морским портом для корейской столицы Сеула. Спавший было днем мороз к вечеру заметно усилился, в бухте появились льдины, затрудняющие передвижение китайских шампунок и катеров с различных воен-

ных кораблей. В числе их находились русский крейсер «Варяг» и канонерская лодка «Кореец». Оба корабля несли службу стационеров и находились в распоряжении русского посланника при корейском дворе Павлова. Сегодня на крейсере были получены от посланника секретные пакеты для срочной отправки в Порт-Артур. На следующий день «Кореец» должен был отправиться с ними в Артур.

В уютной и просторной кают-компании «Варяга» собрались офицеры вместе со своим командиром, который только что вернулся из Сеула.

Кадровый офицер гвардейского экипажа, Руднев смолоду приобрел дипломатический лоск и такт. Командование весьма это ценило и неизменно направляло Руднева туда, где международная политическая обстановка грозила осложнениями, как это имело место сейчас в Корее.

После войны с Китаем в 1894—1895 годах Корея фактически оказалась под протекторатом Японии. Царская Россия тоже зарилась на эту страну. Обоих соперников привлекали большие природные богатства Кореи и ее важное стратегическое положение. Она являлась как бы мостом между Японией, Маньчжурией и Приморьем. Поэтому вопрос, кто будет главенствовать в Корее, приобретал важное международное значение. Слабая экономически и значительно уступающая России в военном отношении Япония не могла сама решиться на войну с русским колоссом. Только после заключения в 1902 году военного союзного договора с Англией и получения в 1903 году большого займа на военные нужды из США японцы рискнули выступить против России. Тон японской дипломатии стал вызывающим. Сталкивая Японию с Россией, англо-американцы надеялись, что война ослабит обе стороны и позволит им занять главенствующее положение в Корее и Маньчжурии.

Вся эта сложная политическая игра велась в корейской столице Сеуле, и эта политика явилась причиной того, что в небольшом корейском порту Чемульпо одновременно находились военные корабли Англии, России, Франции, Италии, Америки и Японии.

По прибытии в Чемульпо Руднев посетил Сеул, побывал при дворе корейского императора, установил дружескую связь с командирами стационеров других стран, в том числе и с японским крейсером «Чиода». В дружеской беседе за стаканом вина Руднев узнавал все политические новости и часто был больше в курсе событий, чем

сам посланник Павлов. Дипломатическая деятельность не мешала Рудневу быть знающим моряком и хорошим командиром своего крейсера. Офицеры очень уважали и ценили своего командира, который сумел сплотить их в одну дружную товарищескую семью.

В этот вечер Руднев только что вернулся из Сеула, куда ездил для выяснения международной обстановки. Посланник Павлов заверил его, что даже в случае разрыва дипломатических сношений войны между Россией и Японией не будет. В этом его убедили не только японский посланник, но и послы Англии и Америки.

Все это Руднев и сообщил своим офицерам.

— Тем не менее я предложил посланнику, ввиду возможности внезапного начала военных действий, сегодня же отправиться в Порт-Артур на «Варяге». Но Павлов категорически отказался покинуть свой пост без указаний наместника Алексеева, хотя уже несколько дней как японцы прервали под предлогом технических неполадок всякое сообщение с Порт-Артуром... Все же Павлов решил сообщить в Порт-Артур о происходящем, и завтра «Кореец» уйдет туда с секретными пакетами, а заодно и доставит десант с «Севастополя», который нес охрану посольства,— закончил Руднев свой рассказ.

— Попадут в Артур к самому балу у Старка. Прямо с корабля на бал. Счастливцы,— заметил молоденький мичман Ляшенко.

— Да, завтра там будет весело, потанцуют и повеселятся вволю, не то что в здешней дыре,— поддержал его лейтенант Червинский.

— Пошлем с «Корейцем» письма нашим друзьям: Дукельскому, Акинфиеву,— тотчас решил Ляшенко.

— Передайте и от меня поклон Ривочке. Ударная девчонка, не чета здешним,— заметил Червинский.

— Надо составить подробный рапорт о наших действиях Старку и наместнику. Попрошу вас помочь мне в этом, Анатолий Григорьевич,— обернулся Руднев к Степанову.

— Есть, Всеволод Федорович! — отозвался старший офицер корабля.— Значит, пока можно не тревожиться за нашу судьбу?

— Пока — да. Но все же поручите вахтенным повнимательнее следить за тем, что происходит на рейде и в городе,— ответил Руднев.

Долго не спал в этот вечер комендор носового шестидюймового орудия Бондаренко. Днем он побывал на берегу и встретился со своим знакомым матросом с япон-

ского крейсера «Чиода». Они знали друг друга по жизни в Приморье, вместе рыбачили и были друзьями. Японец под большим секретом рассказал, что среди японцев идут упорные разговоры о войне с Россией, которая должна начаться в ближайшие дни. Днем Бондаренко не придал большого значения этому, но теперь слова японца неотвязно кружились в голове.

— Что, ежели японцы и впрямь нападут на нас? На крейсере никто не подозревает о надвигающейся опасности, все спят. Да он заберет «Варяга» голыми руками! Надо немедля обо всем доложить старшему офицеру,— решил он наконец и стал быстро одеваться.

Степанов еще не спал. По взволнованному лицу матроса он понял, что тот пришел с важными известиями.

— Дозвольте, вашбродие, доложить по долгу присяги,— неожиданно для себя проговорил Бондаренко официальным тоном.

— Говори, в чем дело?

Матрос подробно рассказал обо всем слышанном от японца.

— Почему сразу не доложил об этом? — спросил Степанов.

— Запамятовал за делами, а в койке лежа вспомнил.

Степанов сразу оценил важность полученных известий и вместе с матросом направился к Рудневу.

Командир подробно расспросил Бондаренко, внимательно выслушал и, наградив чаркой водки за проявленную бдительность, отпустил его.

— Необходимо быть начеку! — проговорил Руднев.

— Быть может, поднять пары и, пользуясь темнотой, попытаться до рассвета уйти в Артур на соединение с эскадрой? — предложил Степанов.

— Какой вы, Анатолий Григорьевич... торопливый. Каждой войне предшествует разрыв дипломатических сношений, за которым следует объявление войны, и уже после этого начинаются военные действия. Прикажите вахтенным особенно внимательно следить за всем происходящим на рейде, особенно за «Чиодой». Передайте то же на «Кореец».

Степанову ничего не оставалось, как уйти. Поднявшись на мостик, он передал вахтенному офицеру Червинскому распоряжение командира и сообщение Бондаренко.

— Наш командир, по-моему, излишне доверчив. Японцы, как показывает японо-китайская война, не соблюдают общепринятых норм международного права,— вздохнул Степанов.— Обо всем, что заметите

на рейде, немедленно докладывайте прямо Рудневу.

— Есть,— вытянулся вахтенный офицер и окинул взглядом густой туман, которым была покрыта бухта. «Трудно что-либо разглядеть в такую погоду»,— подумал Червинский про себя и погрузился в воспоминания о далеком Артуре, где находились друзья и его маленькая японская «мусмешка» Юха.

Едва засерел восток и начал расходиться ночной туман, как на «Варяге» обнаружили исчезновение с рейда японского крейсера «Чиода». Он ушел ночью с потушенными огнями, под покровом ночного тумана...

— Как вы его прозевали? — набросились матросы и командиры на вахтенных, сильно смущенных своей оплошностью.

— Ни зги ночью не было видно, а он, япошка, тишком, как ворюга, сбежал в море,— отправдывались виновные.

Весть об уходе «Чиоды» обеспокоила всех. Руднев тотчас направился на английский крейсер «Талбот», командир которого, коммодор Бейли, был старшим военно-морским начальником на рейде. Командир «Варяга» надеялся узнать у англичан последние политические новости. Одновременно Руднев приказал канонерской лодке «Кореец» спешно готовиться к отплытию в Порт-Артур.

Доставлявшие на «Варяг» продукты торговцы-корейцы сообщили о готовящемся японском десанте в Чемульпо.

— Японси приди нет? — тревожно спрашивали они.— Японси пу шанго. Корейси продай, купи нет. Корейси чифан нет, корейси умирайло, японси живи.

Было ясно, что атмосфера в Чемульпо быстро сгущалась. Японские агенты распространяли в городе панические слухи о предстоящем захвате всей Кореи японскими войсками и поголовной резне всех корейцев.

Корейцы были дружески расположены к русским и видели в них защитников от японских захватчиков, которых научились ненавидеть еще в японо-китайскую войну.

Коммодора Бейли Руднев застал в отличном расположении духа. Из письма своего друга артурского негоцианта Томлинсона англичанин узнал, что японцы очень нуждаются в его помощи и готовы заплатить за нее хорошие деньги. Томлинсон рекомендовал ему поближе познакомиться с командиром «Чиоды» капитаном Тераучe. На днях японец передал коммодору предложение

«оказать небольшую услугу божественному повелителю Страны Восходящего Солнца» — микадо и задержать в Чемульпо русские военные корабли до подхода туда японской эскадры адмирала Уриу. Это предложение совпадало с официальными указаниями Британского адмиралтейства всемерно содействовать союзной Японии, но делать это по возможности незаметно для русских. Ввиду этого коммодор приложил все старания для того, чтобы рассеять опасения Руднева о возможности в ближайшие дни начала военных действий со стороны Японии. Бейли клятвенно уверял своего «друга» сэра Руднева в незыблемости корейского нейтралитета и своей готовности защищать нейтралитет Кореи всеми наличными средствами вплоть до применения артиллерийского огня против его нарушителей.

— Япония слишком слаба, чтобы рискнуть на единоборство с огромной Российской империей. Но недавние легкие победы над Китаем вскружили некоторые горячие головы. Возможно, что японцы рискнут на морскую демонстрацию против Владивостока, Порт-Артура или Чемульпо, но на открытый конфликт они никогда не рискнут. Таково мое мнение, равно как и мнение первого лорда адмиралтейства правительства его британского величества короля Эдуарда.

— Внезапный уход «Чиоды» внушает мне самые серьезные опасения,— возразил Руднев, пытливо вглядываясь в непроницаемое лицо своего собеседника.

— Я уверен, что сегодня ночью крейсер вернется на рейд...— отозвался англичанин, припоминая указания по этому вопросу Терауче.

— ...вернется в сопровождении целой эскадры...— перебил Руднев.

— Заверяю вас, сэр, здесь, в Чемульпо, будет соблюден самый строгий нейтралитет. В этом заинтересованы стационеры всех стран, находящиеся на рейде. Даю вам слово англичанина, мы сумеем воздействовать на нашего союзника сдерживающим образом,— категорически утверждал Бейли.

Руднев понял, что ничего большего он не добьется, и направился на «Варяг». Там его встретили сообщением, что радист беспрерывно принимает сигналы на японском языке. Адмирал Уриу отдавал своей эскадре различные приказы. Надо было торопиться с отправкой «Корейца» в Порт-Артур. Руднев вызвал к себе командира канонерской лодки капитана второго ранга Беляева и приказал ему возможно скорее собираться в поход. При следова-

нии в Артур Беляев должен был всячески избегать столкновений с японцами и не поддаваться на возможные с их стороны провокации.

— Ваша основная задача — во что бы то ни стало срочно доставить наместнику секретные пакеты и предупредить его о подозрительном поведении японцев в Корее,— напутствовал Руднев командира «Корейца».

Через полчаса канонерская лодка уже вышла в море. Было половина четвертого пополудни.

Стояла тихая, слегка мглистая морозная погода. Медленно развернувшись, «Кореец» прошел мимо «Варяга», а затем, миновав иностранные крейсера, подошел к находящейся у входа корейской брандвахте.

Расположенный в глубине бухты, город быстро исчез в тумане. На рейде смутно проступали торговые и военные суда. Вдали сквозь мглу открылся перед входом на рейд остров Идольми, справа и слева от которого проходил фарватер, обставленный буйками, уже по-ночному подмигивающими разноцветными огоньками.

На мостике находился сам Беляев, высокий, рослый мужчина лет пятидесяти, с изящной, почти седой бородкой и огромным красным носом, и штурман, поджарый, с энергичным лицом, лейтенант Левицкий, который внимательно следил за створами фарватера.

— Жалко, что стоит штиль,— заметил Беляев,— а то поставили бы паруса и двойной тягой пара и ветра живо добежали бы до Артура.

— Подождите, Иван Александрович,— отозвался Левицкий,— выйдем из Идольми, там, быть может, и засвежеет. Пока же мы идем этим крученым фарватером, паруса нам будут только мешать.

— Люблю парусное дело. Чисто, никакой копоти и вони, спокойно, не тарахтит эта проклятая машина, да и больше морской лихости! Особенно когда под свежим ветром приходится рифы брать. По марсам и реям разбегутся матросы и висят на мачтах над кипящей бездной моря. Ничего этого нет на современных утюгах. Все сейчас в технике, а былую лихость негде и применить.

— Да, Иван Александрович, вам, должно быть, трудновато придется, коль скоро вы получите в командование крейсер или другое судно.

— Ну их к шутам совсем! Двадцать пять лет плавал почти все время под парусами, а теперь изволь-ка на старости лет переучиваться, всякие там электрические да гальванические штучки изучать. Нет, лучше выйти в от-

ставку, пойти капитаном на какую-нибудь парусную шхуну и доживать свой век, бороздя моря и океаны под марселями да кливерами.

— По носу японские корабли, вашбродие,— доложил сигнальщик.

— Они нам не помеха. Пусть стоят себе на здоровье у Идольми. Сообщите о них сигналом на «Варяг».

— Слева на параллельном курсе четыре их же миноносца,— продолжал сигнальщик.

— Похоже, что они нас поджидают у выхода в море,— забеспокоился Левицкий.

— Сколько их всего-то?

— На норд-весте шесть крейсеров, во главе с броненосным крейсером «Асама», а на юге пока шесть миноносцев, которые идут на сближение с нами.

Оба офицера подняли бинокли и стали всматриваться в темнеющие в тумане силуэты японских судов.

На палубе расположились возвращаемые в Артур из Сеула матросы с «Севастополя», где они несли охранную службу, и забайкальские казаки. Севастопольцы иронически поглядывали на парусный рангоут «Корейца» и предлагали матросам канонерки распустить паруса для увеличения хода.

— Так ветра же нет,— возражали матросы «Корейца».

— А мы подуем,— предлагали шутники.

Приблизившись к японской эскадре, «Кореец» хотел было оставить ее в стороне, но японские миноносцы уклонились влево, а крейсера — вправо, и канонерская лодка оказалась между кильватерными колоннами японских судов. Было хорошо видно, как на кораблях орудия и минные аппараты торопливо приводились в боевое положение, с них снимались чехлы, стояла прислуга, готовая к немедленному открытию огня по «Корейцу». Когда лодка поравнялась с головным японским кораблем, легким крейсером «Нанива», на котором развевался адмиральский флаг, идущий в конце броненосный крейсер «Асама», в девять тысяч тонн водоизмещения, вышел из строя и преградил дорогу русскому кораблю. Одновременно на нем подняли сигнальные флаги, и бортовые орудия направили дула на «Корейца».

— Разберите сигнал,— приказал Беляев вахтенному начальнику мичману Бирюлеву.

— Но каково нахальство! Преграждать путь военному кораблю дружественной державы и при этом угрожать открытием огня! — возмущался Бирюлев,

перелистывая код международных морских сигналов.

— Дружба-то наша с Японией, видать, кончилась,— возразил Левицкий.— Давно уж в здешних местах попахивает порохом. Только наши горе-дипломаты этого не замечали.

— Если нас не пропустят через северный фарватер, попробуем пройти южным. Положите лево руля,— распорядился Беляев.

Но едва канонерская лодка изменила курс, как перед ней выросло сразу четыре миноносца. На палубах этих кораблей была видна прислуга при орудиях и минных аппаратах, один из них для большей убедительности выпустил по «Корейцу» мину, которая прошла под его кормой.

— Пробить дробь-тревогу! Изготовиться к бою! — скомандовал Беляев срывающимся от волнения голосом.

Тотчас по русскому кораблю разнеслись, слившись в зловещем аккорде, резкие звуки горна и глухая барабанная дробь. Палуба заполнилась матросами, кинувшимися к пушкам, пулеметам и к минным аппаратам. Звякнули открываемые орудийные замки, загремела подача, и «Кореец» с обоих бортов ощетинился дулами орудий. Офицеры устремились на мостик в ожидании приказания от своего командира.

— Куда же нам деться, вашбродие? — испуганно спрашивали у офицеров казаки.— Кони ж наши от стрельбы со страху попрыгают в воду.

— Не до вас! Держите своих лошадей как хотите,— отмахивались от них моряки.

«Вернуться обратно в порт»,— разобрал наконец сигнал Бирюлев.

— Стоп! — скомандовал в машину Беляев.— Что же нам делать, господа? — обернулся он к взволнованным офицерам.

— Вступить в бой с японцами — чистое безумие! Через три минуты мы будем на дне и, кроме того, не успеем предупредить «Варяга», который, ничего не подозревая, стоит без паров в Чемульпо. Его могут захватить врасплох и взять в плен. Поэтому нам необходимо возвращаться,— за всех ответил Левицкий, сохранивший спокойствие при неожиданном нападении японцев.

Памятуя указания Руднева не ввязываться в бой, Беляев тотчас же согласился с этим.

— Назад, до полного,— скомандовал он в машину.— Право на борт!

Забурлив водой, «Кореец» стал поспешно отходить перед все приближающимися японскими судами.

Расстояние до некоторых миноносцев сократилось до одного-полутора кабельтовых. На ближайшем из них в бинокль прекрасно были видны смеющиеся физиономии японцев, стоящих у орудий. На командирском мостике, широко расставив ноги, с сигаретой в зубах, стоял командир и делал неприличные жесты по направлению русских.

— Вашбродие,— обратился к Левицкому комендор одной из маленьких тридцатисемимиллиметровых револьверных пушек,— дозвольте стрелять!

— Не сметь стрелять! Японцы нас моментально потопят,— в ужасе заорал мичман Бирюлев, оттаскивая комендора.

— Так и мы же, вашбродие, не безоружные! Пока он нас потопит, мы прихватим не один миноносец,— упирался матрос.

Развернувшись, «Кореец» полным ходом направился в Чемульпо. Японские миноносцы конвоировали его с обеих сторон.

Беляев трясся от волнения и негодования, но сдерживался, хотя офицеры и просили у него разрешения обстрелять наглого противника.

— Мы уже в нейтральных водах, поэтому нельзя открывать огня,— убеждал их Беляев.

Но тут один из матросов не вытерпел и неожиданно без команды дал-таки два выстрела из револьверного орудия по ближайшему миноносцу. Были ли попадания, никто не разглядел, но японцы тотчас отстали.

— Давно бы так! — пробурчал один из офицеров.— Нахалов всегда надо учить.

Уже с темнотой войдя на рейд, пробили отбой, но у орудий все же оставили часть прислуги. «Кореец» стал за кормой «Варяга», и Беляев тотчас же поехал с докладом к Рудневу.

Командир «Варяга» целый день провел в подготовке крейсера к бою. Из перехваченных японских радиограмм выяснилось наличие около Чемульпо целой эскадры адмирала Уриу, которая сопровождала пароходы с десантом. Японцы, очевидно, собирались высадить его если не в самом Чемульпо, то где-то поблизости от этого порта, что явилось бы нарушением корейского нейтралитета и грозило войной.

Руднев все же надеялся, что «Корейцу» удастся прорваться в Порт-Артур и уведомить наместника адмирала Алексеева о тревожном положении в Корее. Одновремен-

но командир «Варяга» попытался снова связаться с русским посланником в Сеуле, но почта была занята японцами и телеграф не действовал.

По-зимнему рано, в пять часов по местному времени, стемнело, с моря волнами наплывал туман, и возвращающегося «Корейца» опознали лишь тогда, когда он почти вплотную подошел к «Варягу», бросив якорь неподалеку от него.

Всем стало ясно, что с канонеркой что-то случилось. Руднев с нетерпением поджидал Беляева и, как только он поднялся на палубу крейсера, встретил его у трапа.

— Японцы преградили нам дорогу в море и под угрозой своих орудий заставили вернуться в Чемульпо,— одним духом выложил Беляев.

— Значит, начало военных действий неизбежно! — ответил ему Руднев.

Затем он увел Беляева к себе в каюту и заставил его подробно рассказать обо всем происшедшем с «Корейцем».

В это время вахтенный начальник через вестового доложил, что следом за «Корейцем» на рейде невдалеке от «Варяга» бросили якорь два японских крейсера, четыре миноносца и три транспорта.

В темноте слышались отрывистые слова японской команды и шум двигающихся по палубам матросов. Мичман Нирод перевел, что на японских кораблях отдана команда зарядить минные аппараты и направить их на русские корабли. Руднев приказал пробить боевую тревогу и вызвать всех матросов к орудиям и минным аппаратам.

Ощетинясь орудиями, «Варяг» приготовился встретить нападение врага. Едва встав на якорь, японцы принялись высаживать десант на берег. Мимо «Варяга» на буксире катеров проплывали шаланды с пехотой и артиллерией и направлялись к пристаням, где торопливо и высаживались. С «Варяга» было видно, как японские солдаты грелись около разложенных на берегу больших костров.

— Японцы захватывают Чемульпо и отрезают нас от суши, лишают всякой связи со всем миром,— забеспокоился Беляев.

— Быть может, это делается по соглашению с нашим посланником Павловым? — высказал предположение Степанов.

— Этого не может быть,— возразил Руднев.— Он протестовал даже против высадки здесь одного батальо-

на японцев, а сейчас высаживается не меньше полка, да еще с артиллерией. Кроме того, Павлов, наверное, поставил бы меня об этом в известность. Несомненно, японцы в нарушение корейского нейтралитета занимают своими войсками Чемульпо.

— Тогда необходимо заявить самый энергичный протест против этих захватнических действий,— горячился Беляев.

— Я немедленно заявлю протест коммодору Бейли, но думаю, что он останется без последствий. Протестовать тут надо огнем орудий, а не дипломатическими нотами,— отозвался Руднев.

Через несколько минут он в полной парадной форме, в треуголке на голове, с палашом уже прибыл на «Талбот» в сопровождении мичмана Нирода.

Выслушав Руднева, коммодор Бейли отправился на один из прибывших японских крейсеров для «выяснения причин нарушения корейского нейтралитета».

Руднев не стал его ожидать и вернулся на «Варяг».

Несмотря на позднее время, на крейсере никто не спал. Артиллеристы дремали около своих пушек, вахтенные и сигнальщики не сводили глаз с моря и японских кораблей, силуэты которых смутно темнели в тумане.

Руднев обошел весь корабль. Как всегда в минуты опасности, он был совершенно спокоен, шаг его тверд, голос весел. Его спокойствие передавалось и команде. Матросы слушали его уверенный голос, видели неторопливую, по-морскому с перевалочкой походку, и бодрость любимого начальника передавалась им.

— С таким командиром не пропадем! Он знает, что надо делать,— говорили между собой матросы.

Мучительно медленно тянулось время, наполненное тревожными звуками беспрерывного движения японских лодок и катеров, высаживающих десант. Стихло только под утро. Туман еще более сгустился, полностью скрыв суда на рейде.

Когда забрезжил рассвет, на рейде не оказалось ни одного японского корабля. Они ушли под покровом ночи и тумана. Зато весь город был уже занят японскими войсками. Во многих местах развевались флаги Страны Восходящего Солнца.

Вскоре к Рудневу подошел Нирод и доложил, что по радио японцы передают распоряжения своим судам приготовиться к бою с русскими военными кораблями, находящимися на рейде в Чемульпо.

— Командующий японской эскадрой адмирал Уриу

дает указания отдельно каждому из своих кораблей,— закончил Нирод.

— Не может же японская эскадра атаковать нас здесь, на якорной стоянке в нейтральном порту! — недоумевал Руднев, но все же приказал сыграть боевую тревогу.

Утренний туман постепенно рассеялся. К «Варягу» подошел катер с французского стационера крейсера «Паскаль», на котором находился командир последнего капитан Виктор Сене. Француз сообщил о получении им приглашения срочно прибыть на «Талбот» на совещание по поводу высадки японского десанта в Чемульпо. Руднев решил ехать вместе с ним.

К своему удивлению, они застали там в сборе всех командиров иностранных судов, которые о чем-то совещались с коммодором Бейли.

При появлении Руднева и Сене они тотчас замолчали и поднялись им навстречу.

Командир «Варяга» официальным тоном зачитал свой протест по поводу высадки японцев в Чемульпо и передал его англичанину, после чего обменялся рукопожатиями со всеми присутствующими.

— Вам, вероятно, сэр, неизвестен этот документ,— проговорил Бейли, протягивая исписанную бумагу Рудневу, который прочитал следующее:

«Сэр! Честь имею уведомить Вас, что, ввиду существующих в настоящее время враждебных действий между Японской и Русской империями, я должен атаковать военные суда Русского правительства, находящиеся в Чемульпо, силами, находящимися под моей командой, в силу чего я почтительнейше прошу Вас удалиться от места предстоящего сражения, дабы состоящие под Вашей командой суда при этом не пострадали. Начало атаки будет иметь место не ранее четырех часов пополудни девятого сего февраля 1904 года. То же почтительнейше прошу передать и торговым судам Вашей нации.

Имею честь быть, сэр, Вашим покорнейшим слугой.

С. Уриу. Контр-адмирал, командующий Имперской Японской эскадрой на рейде Чемульпо».

— К сожалению, я такого документа не получал,— добавил Руднев, окончив чтение.

— Он был послан всем командирам нейтральных судов. Вам же, сэр, через российского консула был отправлен следующий вызов,— отозвался Бейли и прочитал:

«Командиру крейсера «Варяг» Императорского Российского Флота.

Сэр! Ввиду начала военных действий между Японией и Россией я имею честь почтительнейше просить Вас покинуть со всеми судами, находящимися под Вашей командой, порт Чемульпо до полудня 9 февраля 1904 года (27 января 1904 года по русскому стилю). В противном случае я атакую Вас в порту.

Имею честь быть Вашим почтительнейшим слугой.

С. Уриу.

Контр-адмирал Императорского Японского Флота и командующий Японской эскадрой на рейде в Чемульпо».

И англичанин протянул бумагу командиру «Варяга».

— Прошу слова, сэр Бейли,— выступил Руднев, который уже обдумал план дальнейших действий.— Поскольку речь идет о «Варяге» и «Корейце», которыми я имею честь командовать, разрешите мне высказаться по затронутому вопросу. Адмирал Уриу прислал мне вызов на бой. Я его принимаю и около полудня выйду с обоими русскими кораблями в открытое море. Надеюсь, что этим вопрос будет исчерпан.

— Вы настоящий храбрец, мосье! — воскликнул Сене, пожимая руку Рудневу.

Как только француз опустился на свой стул, все заговорили сразу, не слушая друг друга.

— Это безумие с вашей стороны, сэр Руднев, вступать в бой со столь превосходящими силами, какие имеются у японцев,— громко ораторствовал Бейли.

— Я никогда не сомневался в храбрости наших русских друзей, но все же не ожидал, что наш общий друг, мосье Руднев, так смело примет вызов адмирала Уриу,— вторил ему Сене.

— Я могу только восхищенно аплодировать,— заверял всех итальянец Бореа.

— Но все же, рассуждая трезво, у вас, капитан Руднев, нет никаких шансов на успех в предстоящем бою. Ваша гибель неизбежна. Не проще ли самим взорвать ваши корабли, а офицеров и матросов разместить на нейтральных судах. В этом случае уцелеют хоть люди,— деловито предложил коммодор, разглаживая свои рыжие бакенбарды.

— С точки зрения гуманности это наиболее правильное решение,— поддержал его Сене.

— Но едва ли достойно настоящих воинов! По моему

мнению, ваше предложение равносильно отказу принять бой, пусть и безнадежный. Мы, русские, исстари привыкли спрашивать, где враг, а не считать его силы,— с достоинством ответил Руднев.

— Нам остается только преклониться перед вашим мужеством, синьор,— за всех ответил Бореа.

Командир «Варяга» стал прощаться. Коммодор потребовал шампанского, и все выпили за успех русских в предстоящем бою.

— Победа или смерть! Таков наш лозунг,— резюмировал общие пожелания Бейли, пожимая на прощанье руку Руднева, который спешил вернуться на свой крейсер.

Оставшись один, Бейли тотчас отправил адмиралу Уриу копию протокола заседания с планами русских.

На «Варяге» о начале военных действий уже знали из письма русского консула в Чемульпо. Основные приготовления к бою были сделаны накануне, и теперь лишь принялись окончательно приводить артиллерию в боевой порядок, очищать палубу от хлама, выбрасывать за борт лишнее дерево, снасти — все, что могло дать пищу огню. Осматривали и задраивали водонепроницаемые переборки, люки, запасные полупорты в артиллерийской палубе. Опробовали противопожарные средства, прокладывали пожарные шланги.

«Варяг» принадлежал к классу легких крейсеров дальних разведчиков. Он имел значительную артиллерию и обладал хорошим ходом. Красивый, стройный четырехтрубный корабль с двумя мачтами, крейсер был построен в 1899 году в Америке на филадельфийских верфях. Водоизмещение его достигало шести тысяч пятисот тонн при длине в сто двадцать метров и ширине в пятнадцать метров. Бортовой брони он не имел, на нем была лишь броневая палуба и то незначительной толщины. Артиллерийское вооружение крейсера составляло двенадцать шестидюймовых, двенадцать семидесятипятимиллиметровых и четырнадцать мелких пушек. Орудийных башен на крейсере не было, и пушки стояли открыто, имея лишь щитовое прикрытие. Располагалась артиллерия следующим образом: в носовой и кормовой части — шесть шестидюймовых и две семидесятипятимиллиметровых пушки, по бортам находились по четыре семидесятипятимиллиметровых пушки, мелкая артиллерия была разбросана по всему кораблю. «Варяг» развивал скорость до двадцати трех узлов. По скорости и силе вооружения в

японском флоте не было равного ему легкого крейсера.

Но «Варяг», конечно, значительно уступал по мощности тяжелому броненосному крейсеру «Асама», входившему в состав эскадры адмирала Уриу. Японский крейсер имел девять тысяч шестьсот тонн водоизмещения и располагал восемнадцатью крупными орудиями.

«Варяг» кишел, как муравейник. Офицеры, каждый по своей специальности, отдавали необходимые распоряжения для боя. Матросы, исполняя приказания, быстро двигались по палубе и трапам. Степанов с боцманом обходил корабль, проверяя каждую мелочь.

По прибытии Руднев немедленно созвал на мостик всех офицеров и объявил им о начале войны.

— Я принял вызов японцев и до полудня покину Чемульпо. Остается еще три часа в нашем распоряжении. Этого времени нам вполне достаточно для подготовки к сражению.

— Вы намерены прорываться в открытое море? — спросил Степанов.

— Конечно. Если же это не удастся, то постараемся хотя бы нанести врагу наибольший вред перед своей гибелью.

— Японцы во много раз сильнее нас. Один «Асама» не уступит «Варягу» и «Корейцу», вместе взятым. Артиллерия у него мощная. Единственное наше преимущество — это значительная скорость хода у «Варяга» — большая, чем у самого быстроходного японского крейсера. Но с нами тихоходный «Кореец», имеющий всего тринадцать узлов. Поэтому я предлагаю взорвать его, команду принять на «Варяг» и идти на прорыв,— предложил Степанов.

— «Кореец» располагает двумя восьмидюймовыми пушками, каких нет на «Варяге», а поэтому может нам принести большую пользу, взрывать его я не намерен,— ответил Руднев.

— Тогда можно ему поручить ведение демонстративной атаки на одном фронте, в то время как мы войдем на прорыв на другом.

— Это поставит «Корейца» в безвыходное положение. Он наверняка погибнет.

— Зато, быть может, «Варягу» удастся выйти в море, а там мы легко уйдем от погони.

— Я никогда не оставлю «Корейца» в бою. Или мы вместе уйдем, или оба погибнем.

— Это весьма благородно, но едва ли разумно с го-

сударственной точки зрения. Мы должны любой ценой сохранить для флота такой крейсер, как «Варяг»,— заметил Степанов.

— Ваше рассуждение недостойно русского офицера,— рассердился Руднев.— «Кореец» пойдет в кильватере за нами, а в бою будет видно, что ему делать. Попрошу господ офицеров разойтись по своим местам и разъяснить матросам создавшееся положение.

— Есть! — вытянулись офицеры и поспешили сойти с мостика.

Руднев подозвал к себе Червинского, исполнявшего обязанности минного офицера, и велел подготовить крейсер к взрыву, на случай если ему будет грозить опасность быть захваченным врагом,— пояснил командир.

Вскоре за приказаниями прибыл Беляев. Узнав о принятом решении, он стал возражать:

— «Кореец» будет обузой для вас. По-моему, его следует вывести на глубокое место и затопить, команду интернировать на нейтральных судах. Наша артиллерия столь устарела, что не может состязаться с японской. Кроме того, у меня казаки и севастопольцы, которые несли охрану нашего посольства в Сеуле и теперь направляются в Артур. Теснота страшная.

— Казаков переведите на пароход «Сунгари», пусть ждут там исхода боя. Половину севастопольцев передайте мне. Не будут доставать ваши пушки до врага, идите смело на сближение с ним, пока ваши снаряды не будут долетать до цели.

— Но если японцы начнут отходить, не допуская «Корейца» на действительный выстрел?

— Тем лучше, выйдем в море и направимся в Артур.

— Вам-то хорошо так говорить, имея двадцать узлов хода, а я куда денусь со своими тринадцатью узлами?

— Выброситься в крайности на берег и взорвать лодку. Будьте готовы к выходу к половине двенадцатого дня. В бою следите за моими сигналами; в случае выхода моего из строя в командование отрядом вступит Степанов.

— Есть,— поторопился ответить Беляев и спустился на поджидавшую его шлюпку.

Отпустив командира «Корейца», Руднев отправился в обход своего крейсера. Около передней шестидюймовой пушки правого борта он задержался и стал наблюдать, как старший комендор орудия Бондаренко неторопливо и методично опробовал все механизмы, устраняя малейшие люфтики и заминки. С подручными матросами

он особенно тщательно осматривал оптические прицелы, лишь с месяц тому назад установленные на «Варяге», да и то далеко не у всех орудий. Новыми прицелами еще ни разу не пользовались при стрельбе.

— Не подгадишь, Бондаренко, с новыми прицелами? — обратился к нему командир.— Быть может, снять их да поставить старые?.. С теми-то обращаться вы умеете хорошо.

— Никак нет, ваше высокоблагородие, я и со стеклянными прицелами справлюсь, только не знаю, сбиваются ли они при выстреле. Но, по моему разумению, не должны: прочно устроены,— не торопясь ответил комендор.

— Смотри! Я на вас, комендоров, особенно надеюсь. Не забудь выпить сегодня лишнюю чарку,— проговорил Руднев и пошел дальше.

Выше среднего роста, стройный, с темной густой бородкой, представительный и подобранный, он обходил команду, с которой проплавал уже около двух лет и которую прекрасно знал. Матросы, в свою очередь, хорошо изучили своего требовательного, но заботливого командира. Сегодня Руднев, как всегда, расспрашивал матросов об их самочувствии, шутил по поводу предстоящего боя:

— Помните, ребята, цельтесь в самого адмирала Уриу, чтобы не было промаха! Попадете, не ровен час, в его адъютанта или вестового, толку от этого не будет.

Он, как обычно, попробовал матросский обед, похвалил кока, приказал сегодня никому не отказывать в добавке.

— Сытый матрос смелее воюет,— пояснил он.

Хотя и прежде матросы не жаловались на недостаток питания, но сегодня все могли наесться до отвала.

Командир «Корейца» объявил офицерам и команде о начале военных действий и решении Руднева прорваться сквозь японскую эскадру в Артур.

Офицеры единодушно одобрили намерение сразиться с превосходящими силами врага.

— Если не победим, то нанесем потери японцам и выведем из строя несколько их судов,— ответил за всех офицеров Левицкий.

— Непринятие вызова японцев покрыло бы нас несмываемым позором,— вторили ему другие.

Беляеву осталось лишь отдать распоряжение о подготовке к бою. На корабле закипела работа. Ни среди офицеров, ни среди матросов не было заметно растерянности или волнения. Матросы перекидывались острыми шутками. Комендоры у орудий прикидывали, как удобней расположить подаваемые на палубу боевые припасы для двух восьмидюймовых пушек, расположенных по бортам, и одного шестидюймового ретирадного орудия на корме, которые составляли основное вооружение «Корейца».

К одиннадцати часам все работы на «Варяге» были окончены, и Руднев приказал собрать команду на верхней палубе. Когда она была выстроена, Руднев вышел перед фронтом и объявил матросам о начале военных действий с Японией. Затем он зачитал письмо Урию и объяснил все коварство поведения японцев. Команда загудела от негодования.

— Нам выхода нет. Город занят японцами, у входа в море находится эскадра. Мы находимся в ловушке, поэтому я решил принять бой с целью прорваться в Артур. В бою действуйте спокойно и точно. Пожаров, пробоин не бойтесь. При дружной работе мы с ними справимся. Комендоры должны наводить орудия так, чтобы ни один снаряд не пропал даром. Враг сильнее, но не храбрее нас, а храбрость, как вы знаете, города берет. Помолимся же теперь богу и смело пойдем в неравный бой под Андреевским флагом. Ура!

Под громкие крики матросов музыка исполнила гимн, и команду распустили.

Тотчас же просвистали к вину. Матросы длинной вереницей потянулись к ендове, около которой со списком в руках уже стоял баталер. Руднев приказал сегодня всем выдать двойную порцию вина и усиленное довольствие. Начиная с унтер-офицеров, матросы по очереди выпивали одну за другой обе чарки, крякали и вытирали усы оборотной стороной ладони.

— Напоследок выпьем, чтобы глаз был вернее, когда по японцу станем наводить наши пушки,— бодро проговорил комендор Сайкин.

— Да, драка должна быть жаркая. Кое-кто попадет и в царство небесное,— отозвался артиллерийский квартирмейстер Зубов.

— Не про матросов оно написано; для нас, поди, черти в аду сковородки да клещи разогревают. Ждут не дождутся дорогих гостей,— продолжал балагурить Сайкин.

— Хоть бы перед боем зря языком не трепал,— остановил его Бондаренко.

Обычно не пьющий и получавший винное довольствие деньгами, он сегодня тоже подошел за своей порцией.

— Ты это что, Петр Григорьевич? — удивился баталер.— Кроме того, тебе от командира положена еще одна чарка. Пей сразу три, может, повеселей станешь.

— Набьем японцу по первое число, долго будет помнить,— хвастливо заметил унтер-офицер Зубов.

— Не хвались, идучи на рать,— оборвал его Бондаренко.— Сила у него большая супротив «Варяга» да «Корейца».

— А ты раньше времени панихиды не пой, комендор,— ответил унтер и, сплюнув за борт, отошел.

Бондаренко плотно пообедал, перекрестил лоб после еды и, не дожидаясь команды, направился к своей пушке.

— Знатно поели сегодня,— встретил его Сайкин,— никому отказа в добавке не было. Ешь — не хочу!

— На полное брюхо воевать легче. Набитый живот не всякий осколок пробьет,— усмехнулся Бондаренко,— дайкась прикурить, Захарыч.

Оба матроса деловито свернули цигарки и задымили махоркой.

В кают-компании в этот день было необычайно оживленно.

Предстоящий бой вызвал приподнятое настроение. Офицеры пригласили к себе в кают-компанию командира и потребовали шампанского. Содержатель кают-компании также постарался на славу и приготовил роскошный обед. За столом шел оживленный разговор. Офицеры торопливо поглощали все находящееся на столе, перебрасываясь шутками.

— Надо поторапливаться, господа,— громко проговорил Руднев.— В половине двенадцатого мы снимаемся с якоря.

Затем он приказал разлить шампанское.

— За сегодняшнюю победу! — провозгласил он.

— ...или смерть! — дружно ответили ему офицеры.

Перед концом обеда в кают-компании появился вольнонаемный кок офицерского камбуза Иван Кузьмич Криштофенко, или просто Кузьмич.

Его круглое, как луна, багрово-красное лицо с заплывшими жиром живыми глазами было преисполнено торжественности. Белый халат и поварской колпак блистали белизной.

— Разрешите, ваше высокоблагородие, обратиться к вам с просьбой,— подошел он к Рудневу.

— Хочешь на прощанье перед уходом с «Варяга» сказать нам несколько слов? — спросил капитан.

— Никак нет! Сколько лет вместе мы жили на «Варяге» в ладу и мире, негоже поэтому мне перед боем, как трусливой крысе, покидать свой корабль. Дозвольте остаться на крейсере и зачислиться добровольцем-матросом,— с достоинством неторопливо ответил повар.

— Ай да молодец наш Кузьмич! Конечно, оставайся, будешь в бою при мне. Господа, я предлагаю выпить за нашего кормильца и поильца Кузьмича, который готов идти с нами на смертный бой,— поднял свой бокал Руднев.

Офицеры ответили дружным «ура», а расчувствовавшийся, растроганный Кузьмич, стыдливо смахнув досадливую слезу, выпил поднесенное ему шампанское.

— Заверяем вас, Всеволод Федорович,— обернулся Степанов к Рудневу,— что пример Кузьмича еще более вдохновит нас на предстоящую борьбу до последнего дыхания. Ура!

— Со щитом или на щите,— подхватили офицеры, чокаясь друг с другом.— За нашего командира, ура!

— За матросов, за наш «Варяг», за нашу великую родину,— ответил Руднев.

Ровно в назначенное время «Варяг» в сопровождении «Корейца» двинулся с места. Тотчас же на обоих кораблях пробили боевую тревогу и подняли на мачты стеньговые флаги. Как бы приветствуя русских, из-за туч выглянуло яркое солнце и осветило мрачный рейд Чемульпо. Город сразу разукрасился белыми и красными пятнами построек, засинело море, в котором плавали еще не успевшие растаять льдины. На иностранных судах взвились целые гирлянды разноцветных флагов, выражающих приветствие и лучшие пожелания идущим на бой русским судам.

Когда крейсер поравнялся с «Талботом», с английского корабля грянул русский гимн, выстроенная на палубе команда взяла на караул, салютуя русскому флагу.

То же повторилось при прохождении мимо «Паскаля», «Эльбы» и «Виксбурга». Темпераментные французы не выдержали, с криком смяли строй и начали подбрасывать вверх свои береты с красными помпонами, шумно выражая свой восторг.

— Можно подумать, что мы не в бой идем, а на парад,— взволнованно проговорил Ляшенко.

Торжественные проводы на всех подействовали ободряюще. Бондаренко перестал хмуриться и деловито возился около орудия.

Миновав брандвахту и выйдя на внешний рейд, русские увидели перед собой четко вырисовывавшиеся на светлом голубом фоне неба шесть темных силуэтов японских крейсеров и восемь миноносцев. Они расположились в строе пеленга по направлению входного маяка таким образом, что закрывали оба прохода в море вокруг острова Идольми. На головном крейсере «Нанива» развевался флаг адмирала Уриу. За ним в кильватерной колонне стояли пять других крейсеров. Концевым был «Асама».

Офицеры и матросы русских кораблей с тревожным любопытством всматривались в очертания вражеских судов, столь превосходящих их числом. Для того чтобы выйти в море, нужно было прорываться сквозь строй японской эскадры.

— Что, Бондаренко и Сайкин, у вас, поди, глаза разбежались от такого большого числа целей? — шутливо спросил Ляшенко у комендоров.

— Сегодня, вашбродь, нам будет лафа. Куда ни стрельнешь, все равно без промаха попадешь в какой-либо японский корабль. Все море ими перегородили, что забором,— отозвался Сайкин.

— Да, легче будет наводить, чем на состязательной стрельбе. Там миноносец тянет два махоньких щита, в них попасть очень трудно, а тут перед тобой сразу шесть огромных кораблей. Каждый снаряд попадет в нужное место,— поддакнул Бондаренко.

«Варяг» и «Кореец» еще не вышли за пределы нейтральных вод, как японцы сигналом предложили им сдаться. Но еще не вполне рассеявшийся на море туман помешал быстро разобрать его, и японцы, не дождавшись ответа, первые открыли огонь. Тяжелый гул выстрела докатился до «Варяга» почти одновременно с падением снаряда. Против орудий Ляшенко поднялся сверкающий на солнце столб воды, смешанный с дымом. По бортам корабля и броне башни градом забарабанили осколки.

— Вот, черт возьми! Снаряды взрываются даже при ударе о воду,— удивленно проговорил Степанов, выглянув из боевой рубки, где он находился вместе с Рудневым.

— Да, не чета нашим, которые и при попадании в броню не всегда рвутся,— отозвался командир.

Он внимательно осмотрел в бинокль эскадру противника, стараясь нащупать его слабые места. С первого же взгляда для Руднева стала ясна почти полная безнадежность предстоящего боя, но он не потерял присутствия духа и продолжал хладнокровно оценивать обстановку. План действий быстро сложился у него в голове.

— Я атакую концевые легкие крейсера японцев — «Чиода» и «Такачихо» и постараюсь, отогнав их, прорваться в море. Обстреляйте эти корабли усиленным огнем,— приказал он Степанову.

— Сообщите по семафору «Корейцу», чтобы он не отставал от нас и по мере возможности поддерживал огонь своими восьмидюймовыми пушками,— обернулся он к Червинскому, исполнявшему при нем обязанности флаг-офицера.

— Есть! — вытянулись офицеры и поспешили исполнить приказ своего командира.

— Наводить в переднюю мачту японского судна «Чиода», что стояло рядом с нами в порту,— объяснил Ляшенко комендорам распоряжение, полученное от Степанова. И комендоры, забыв обо всем, припали к окулярам оптического прицела, старательно наводя свою пушку на указанную цель.

— Готов! — в один голос доложили Сайкин и Бондаренко своему командиру.

— Пли! — зычным голосом скомандовал Ляшенко.

Два огневых смерча вырвались из дул орудий, и снаряды, урча и завывая в воздухе, понеслись в сторону японцев. Лященко вскинул бинокль.

Столб черного дыма на корме и всплеск воды рядом с бортом показали, что цель попала под накрытие.

— Пли! — скомандовал тотчас же мичман, и пушки опять окутались легким светло-зеленым, остро пахнущим эфиром облаком бездымного пороха.

«Варяг» загремел из всех своих орудий, ведя огонь по японской эскадре с правого борта.

Вскоре в крейсер один за другим попало несколько снарядов. Осколки с воем понеслись в разные стороны. На баке загорелся разбитый вельбот. Кузьмич, одетый в матросскую форму, находился около рубки. Заметив огонь, он с необычайной для его полноты быстротой слетел вниз и с пожарным шлангом в руках кинулся его тушить. Сильная струя воды ударила в самую середину пламени. В несколько секунд пожар был потушен, только обуглившиеся головешки продолжали еще шипеть и

 дымить. Но тут раздался новый взрыв. Струей воздуха

повара несколько раз перевернуло через голову и больно ушибло о кнехты. Больше удивленный, чем испуганный, он тотчас вскочил на ноги и осмотрелся. Неподалеку на палубе лежал убитый матрос. Из пожарных шлангов во все стороны хлестала вода. Кузьмич, стараясь не смотреть на обезображенный труп, попытался исправить шланги, но новым взрывом был отброшен к самому переднему мостику. Напуганный повар поспешил забраться на него и укрыться в боевой рубке.

— Молодчина, Кузьмич, ежели жив останешься, получишь крест,— похвалил его Руднев, следивший за ним.

— Рад стараться! Покорнейше благодарим,— ответил матрос.

— «Чиода» горит, ваше высокоблагородие,— радостно сообщил сигнальщик Снигирев.

Японский крейсер, пылая от носа и до кормы, начал поспешно уходить, укрываться за другие корабли.

— Перенести огонь на «Наниву»,— бросил Руднев,— и еще раз прикажите «Корейцу» не отставать.

Через несколько минут, охваченный пожаром, флагманский корабль последовал за «Чиодой».

По «Варягу» пронеслось громовое «ура». Путь в море был свободен. Прибавив ходу, Руднев устремился в прорыв.

Осторожный командир «Корейца» следовал за «Варягом» на дистанции двух-трех кабельтовых, дабы направляемые в крейсер снаряды при перелете не попадали в канонерскую лодку.

Когда же «Варяг» устремился в прорыв, Беляев и вовсе отстал.

Заметив маневр русских, «Асама» полным ходом пошел им наперерез, за ним двинулись и остальные суда. Японская эскадра в этот момент расположилась по дуге, вогнутой в сторону русских, а «Варяг» оказался в ее центре. Воспользовавшись этим, адмирал Уриу приказал сосредоточить на нем весь огонь. Русский крейсер буквально засыпало снарядами. Вода около его бортов кипела от беспрерывных всплесков. Корабль заволокло дымом от многочисленных попаданий и возникших пожаров.

На палубе то и дело слышались крики, звавшие носильщиков, но их не хватало для уборки всех раненых. Один из снарядов попал в верхний мостик, разнес в щепы штурманскую рубку, перебил всех дальномерщиков на фор-марсе. Находившийся тут же мичман, граф Нирод, был убит.

Последующими выстрелами было подбито несколько орудий, прислуга которых почти вся погибла. Непрерывно следующими один за другим попаданиями вражеских снарядов были произведены большие опустошения на палубе, сбито четыре шестидюймовых, пять семидесятимиллиметровых и шесть мелких орудий. Осколками разорвавшегося у фок-мачты снаряда были ранены стоявшие рядом с Рудневым штаб-горнист и барабанщик, но оба остались в строю.

Рулевой Снигирев, будучи ранен в спину, скрыл свою рану, до конца боя оставаясь на своем месте. Ординарец Руднева, квартирмейстер Чибисов, получив ранение в обе руки, не ушел на перевязку и заявил, что не оставит своего командира до своей смерти. Перечисление этих подвигов можно преумножить до бесконечности, так как охваченные боевым энтузиазмом матросы не щадили своих жизней, глядя на геройское поведение своего бесстрашного командира.

После разрыва одного из крупных снарядов около командирской рубки по крейсеру распространился слух, что Руднев убит. Это вызвало некоторое замешательство среди матросов. Узнав об этом, Руднев, невзирая на сильнейший обстрел и ежеминутно рвущиеся снаряды, вышел на мостик, откуда его могли видеть матросы, находящиеся на палубе, и обратился к ним с призывом:

— Помни, ребята, мы русские моряки и смерти никогда не боялись! Не посрамим же русского флага и чести флота российского,— кричал он в мегафон, стараясь быть услышанным возможно большим числом матросов.

Увидев своего командира, хотя и раненого, но оставшегося на боевом посту, матросы закричали «ура» и с удвоенной энергией продолжали вести бой.

— Усильте огонь до предела и сосредоточьте его на «Асаме»,— приказал Руднев полуоглохшему от грохота стрельбы и беспрерывных разрывов снарядов старшему артиллерийскому офицеру.

Электрическое управление огнем было давно разрушено, и он, пренебрегая опасностью, лично обходил пушки, указывая цели.

— Не задерживайте огня, Алеша,— крикнул он Лященко, стараясь перекричать грохот боя.— Весь огонь по «Асаме».— И офицер скрылся в дыму.

Смолкнувшие на минуту пушки снова начали стрелять.

 «Варяг» почти прорвался в море, японские суда нахо-

дились уже у него на правом траверзе. Еще несколько минут, и русский крейсер ускользнет из подстроенной ему ловушки.

— Прибавить оборотов до предельного,— приказал Руднев в машинный телеграф.

Из-за дыма далеко сзади мелькнул «Кореец». На нем не было видно никаких повреждений, и он вел медленный огонь из своих восьмидюймовок.

— Поднять сигнал «Корейцу» не отставать и усилить огонь до предельного,— решительно приказал Руднев.

В этот момент два восьмидюймовых снаряда одновременно попали в батарейную палубу левого борта «Варяга», и из всех люков и орудийных полупортов вырвались клубы дыма, огня, страшный грохот потряс крейсер от клотика до самого киля, и судно стремительно повалилось на правый борт. На верхнюю палубу начали один за другим выскакивать обожженные матросы. Дым все увеличивался; казалось, что крейсер сейчас погибнет.

— Кузьмич, узнай, в чем дело, и пошли от моего имени на батарейную палубу старшего офицера,— скомандовал Руднев.— Мичман Червинский, верните людей на место.

— Назад, никакой паники! — крикнул он матросам в мегафон, выходя из боевой рубки на мостик.

Червинский и Кузьмич с криками набросились на матросов. В дыму промелькнула фигура Степанова со сбитой на затылок фуражкой. В сопровождении пожарного дивизиона он нырнул в первый же люк, ведущий в батарейную палубу. Матросы быстро успокоились и, понукаемые насмешками толстого повара, двинулись вниз за старшим офицером.

Батарейная палуба была полна дыму. В правом борту зияла огромная пробоина, в которую заливалась вода. Пять орудий, исковерканных и сорванных со своих станков, загромождали палубу. В уцелевших беседках левого борта в патронах горел порох. Несколько человек прислуги уцелевших орудий вытаскивали раненых и пытались, как могли, тушить пожар. Продолжавшая работать электрическая вентиляция вместо чистого воздуха засасывала снаружи только новые порции дыма, чем еще больше затрудняла дыхание людей. Молоденький мичман Губонин, совсем охрипнув, старался навести порядок. С прибытием пожарного дивизиона во главе со Степановым дело сразу пошло на лад. Огонь в беседках залили, остановили вентиляцию, а подоспевшие плотники приступили к заделке пробоины деревянными щитами.

Вскоре три еще исправные орудия правого борта опять начали стрелять.

С видом победителя Кузьмич доложил о всем происшедшем Рудневу. Его лицо и одежда до того были испачканы сажей, что командир сразу даже не узнал его.

— Ты, оказывается, прирожденный вояка, Кузьмич! — улыбнулся Руднев.

Не успел повар окончить свой доклад, как взорвавшийся на шкафуте снаряд зажег лежавшие там матросские койки. Смрадный, густой, удушливый дым пополз по палубе.

— Алексей Сергеевич, возьмите матросов и отправляйтесь тушить пожар,— обернулся Руднев к Червинскому, единственному офицеру, оказавшемуся в этот момент около него.

— Есть.— И мичман мигом слетел на палубу.

Несмотря на пробоины, многочисленные разрушения и то и дело возникавшие пожары, «Варяг» продолжал неуклонно идти вперед и яростно отстреливался от наседавшего врага. Вследствие повреждения дымовых труб ход крейсера несколько упал, и «Асама» вновь стал нагонять, стремясь преградить ему путь в море.

Вдруг яркое пламя огненным зонтом взвилось на мостике рядом с рубкой. Руднева струей воздуха сильно ударило о броневую стенку, и он потерял сознание. Одновременно были убиты осколками стоящие рядом с ним штаб-горнист, барабанщик и ординарец, ранены оба рулевые, а мичман Губонин, в этот момент находившийся в боевой рубке, сильно обожжен. Одежда на нем сохранилась лишь с одной стороны тела, на другой остались тлеющие лоскутки ткани.

Кузьмичу показалось, что у него треснула от взрыва голова, и несколько мгновений он крепко держался за нее обеими руками, как бы опасаясь, что она развалится на части, но затем он пришел в себя и, превозмогая боль, вместе с тяжело раненным рулевым старшиной Смирновым кинулся к штурвалу и помог вести крейсер по заданному курсу.

Едва Руднев пришел в себя, как новый снаряд ударил в крышу рубки и своими осколками перебил штуртросы, идущие к рулю. Крейсер, потеряв управление, начал описывать циркуляцию. Теряя сознание от головокружения и слабости, Руднев все же остался на посту и тотчас послал Кузьмича за Степановым.

— Разыщи его хоть на дне морском, от этого зависит судьба «Варяга»,— напутствовал он повара.

Кок устремился на ют, куда незадолго перед тем прошел Степанов. Верхняя палуба была вся окутана дымом от еще тлевших головешек. Матросы из шлангов и прямо из ведер заливали последние остатки пожаров. Поминутно спотыкаясь на избитой, исковерканной палубе, перескакивая через еще не убранные трупы и разные обломки, загромождавшие дорогу, он добрался до офицерской кают-компании, обращенной в перевязочную, где и нашел Степанова. На обеденном столе, покрытом клеенкой, старший судовой врач делал перевязки и неотложные операции. На всех диванах лежали стонущие тяжелораненые, воздух был пропитан дурманящей смесью запахов лекарств, камфары и свежей человеческой крови. Войдя в помещение, повар побледнел и сам чуть не лишился чувств при виде этой жуткой картины. Капитан сидел на стуле, и судовой фельдшер накладывал ему бинты на задетое осколком левое плечо. Степанов морщился от боли, но молча терпел. Выслушав Кузьмича, он заторопился, попросил врача дать ему мензурку спирта и поспешил на мостик. Весь черный от копоти, в шинели, разорванной в нескольких местах осколками, с наполовину обожженными усами и бородкой, он предстал перед своим окровавленным командиром.

— Анатолий Григорьевич, голубчик, отправляйтесь в румпельное отделение и переведите управление на ручной штурвал,— распорядился Руднев.

— Есть! А вы бы тем временем сходили на перевязку, Всеволод Федорович,— проговорил Степанов.

— Не до этого сейчас! Торопитесь, а то как бы японцы не воспользовались нашей беспомощностью и не потопили нас.

Проводив Степанова, Руднев вышел на мостик и осмотрелся. Верхняя палуба от самого носа до мостика дымилась от огня, заливаемого водой из шлангов. Формарс и половина фок-мачты были снесены, из четырех труб осталось три; что делалось на корме, за дымом невозможно было разобрать. Японцы уже успели пересечь русским путь в открытое море и сосредоточенным бортовым огнем продолжали расстреливать «Варяга».

Кузьмич, у которого воинственный пыл значительно упал после всего виденного в кают-компании, забился в рубку и, тяжело вздыхая, мысленно обращался за помощью к извечному покровителю русских моряков Николе-угоднику.

— Зажурился, хлопчик! — улыбнулся Руднев, заметив расстроенный вид повара.

— Больно сильно голова разболелась,— сконфузился Кузьмич.

— До свадьбы пройдет.

— Как бы с акулой венчаться не пришлось.

— Авось и на девушке еще женишься.

Руднев взглянул на часы. Было четверть первого. С начала боя прошло всего полчаса.

«Прорваться не удалось, черт возьми,— понял Руднев.— Надо перед гибелью утопить хотя бы один из японских кораблей».

— Держать курс на сближение с неприятелем,— скомандовал он в мегафон на корму.

Несколько матросов голосом передали команду дальше. Переведенный на ручное управление, крейсер вновь двинулся навстречу врагу, стреляя из всех еще уцелевших орудий.

— Вашскородие, на «Асаме» пожар,— радостно доложил сигнальщик.

Руднев взглянул на вражеский корабль. Вся его корма была объята пламенем, дым широким веером поднимался к безоблачному голубому небу. Охваченный пожаром, крейсер медленно удалялся. Зато остальные японские корабли усилили свой огонь.

Несколько снарядов один за другим попали в правый борт, нанеся «Варягу» пробоины ниже ватерлинии. Вода хлынула в угольные ямы и третью кочегарку. Крейсер сел на корму и получил крен на левый борт. Все находящиеся поблизости, занятые тушением пожаров матросы во главе с Червинским кинулись подводить пластырь под пробоины. Кочегарные квартирмейстеры Жигарев и Журавлев, с опасностью для жизни, по горло в ледяной воде, задраили двери в угольные ямы и тем спасли «Варяга» от немедленного потопления. Машинная команда под руководством трюмного механика Сизова приладила запасную донку и откачала воду из кочегарки. Затем удалось выровнять крен, затопив два отсека с правого борта. Замолкнувшая было вследствие сильного крена артиллерия правого борта вновь заговорила.

Хотя расстояние до японцев сократилось до тридцати кабельтовых, Руднев упорно продолжал идти вперед. Легкие крейсера, лишившись поддержки «Асама», начали отступать. Появилась надежда на прорыв в море.

«Дойдем ли мы в таком виде до Порт-Артура? — с тревогой думал командир «Варяга», осматривая избитый корабль.— Лучше утонуть в море, чем попасть в плен»,— тотчас успокоил он себя.

В это время «Асама» вновь занял свое место в голове эскадры.

Руднев понял, что наступают последние минуты «Варяга». С двадцати пяти кабельтовых восьмидюймовые снаряды крейсера «Асама» могли пронизать насквозь небронированный русский крейсер. Его опасения не замедлили оправдаться. Две восьмидюймовых бомбы, попав в лазарет с левого борта, разорвались у правого. Осколки попали в переднюю кочегарку и вывели из строя три котла. Пар со свистом стал вырываться наружу. Машина остановилась. «Варяг» стремительно повалился направо. Испуганные матросы, побросав свои места, кинулись к левому борту, на ходу расхватывая уцелевшие спасательные круги и пробковые матрацы.

— По местам! — в мегафон заорал Руднев с мостика.— Мичман Червинский, займитесь подводкой пластыря, задрайте затопленные отделения. Боцман, стрелять каждого, кто только попытается прыгнуть за борт.

Решительный и властный голос командира успокаивающе подействовал на всех.

— Чего бросились, как стадо баранов? — гудел боцман, отталкивая матросов от борта.

— Снизу кричат — тонем, пар шипит, вода хлещет, в лазарете всех перебило и перекалечило, обварило пятерых кочегаров, мы испужались,— сконфуженно оправдывались они.

Видя критическое положение русского крейсера, японцы вновь предложили ему сдаться. В ответ Руднев приказал, насколько возможно, усилить артиллерийский огонь. Затем спросил мнение своего помощника о дальнейших действиях.

— Уйдем за Идольми, попытаемся там починиться, насколько возможно, и попробуем снова прорваться,— предложил старший офицер.

Руднев поморщился. Показывать корму противнику он считал для себя позорным, но делать было нечего, и скрепя сердце он отдал приказание лечь на обратный курс. Японцы, понесшие большие потери в бою, не рискнули преследовать русские корабли. Они отошли в море и приступили к исправлению многочисленных повреждений.

Как только «Варяг» начал отходить за Идольми, Беляев забеспокоился.

— Мы должны прикрыть «Варяга» огнем всех своих орудий,— волновался он.

— К сожалению, наши пушки не отличаются дально-

бойностью, и мы едва ли сможем помочь «Варягу»,— ответил Левицкий.

— Это не играет теперь роли. Важно показать японцам, что мы готовы всеми наличными средствами защищать свой крейсер. Немедленно открывайте огонь из всех наличных пушек,— распорядился Беляев.

Левицкий только махнул рукой и сошел вниз.

Бирюлев открыл огонь из восьми- и шестидюймовых пушек. Канонерская лодка окуталась пороховым дымом, но снаряды по-прежнему далеко не долетали до цели. Японцы ограничивались лишь редким артиллерийским огнем.

Но тут из-за острова навстречу «Варягу» на всех парах вылетел миноносец и кинулся в атаку. Единственный оставшийся в живых на крейсере барабанщик глухо пробил сигнал отражения минной атаки. Степанов кинулся к правому борту, где уцелело только четыре пушки.

— Алексей Сергеевич, огонь по миноносцу! — крикнул Степанов, подбегая к Ляшенко.

Но комендоры обоих орудий уже без команды взяли его на прицел. Пушки мгновенно были заряжены. До миноносца оставалось не более десяти кабельтовых. На солнце четко виднелся белый бурун на его носу и стоящие у минных аппаратов люди. Дым длинным шлейфом тянулся за ним.

— Пли! — коротко крикнул Ляшенко.

Пламя от выстрелов на секунду закрыло цель, затем над миноносцем взметнулось черно-белое облако дыма и пара. Не успело оно разойтись, как на поверхности воды показалась лишь масса плавающих деревянных предметов, среди которых виднелись черные точки человеческих голов.

По «Варягу» пронесся радостный крик.

— Спасибо, молодцы! Оба получите кресты,— обратился Степанов к Бондаренко и Сайкину.

— Рады стараться! Покорнейше благодарны,— дружно ответили матросы.

Бой кончился. «Варяг» и «Кореец» уже вошли в нейтральные воды. Ляшенко прошелся по палубе, с грустью смотря на повреждения корабля. Матросы разминались у орудий.

— Здорово разделали нас японцы,— проговорил мичман, обернувшись к матросам.

— Мы, вашбродие, тоже в долгу не остались, ихним крейсерам, особливо «Чиоде», солоно сегодня пришлось,

даром что мы одни супротив шестерых сражались,— ответил Сайкин, выглянув из башни.

Вдруг рядом неожиданно грохнул взрыв запоздавшего снаряда. Осколки брызнули во все стороны. Сайкину снесло голову, Бондаренко показалось, что его толкнули в правый бок каленым железом, и он потерял сознание. Остальные матросы попадали ранеными на палубу.

Уже по пути к острову Идольми из доклада Степанова о состоянии крейсера Руднев понял невозможность дальнейшего ведения боя и решил вернуться в Чемульпо.

Как только «Варяг» и «Кореец» стали в порту на свои прежние места, со всех военных кораблей к ним направились вельботы и катера. Первым к «Варягу» подошел катер «Талбот» с коммодором Бейли. Но так как все трапы после повреждения в бою спешно чинились, то англичанин должен был несколько подождать или воспользоваться шторм-трапом. Последнее командир «Талбота» признал ниже своего достоинства и в ожидании спуска обычного трапа занялся наружным осмотром повреждений «Варяга». Сэр Бейли внимательно разглядывал зияющие пробоины и подведенные под некоторые из них парусиновые пластыри. Катер его шел почти вплотную к борту корабля, и коммодор мог рукою ощупывать края пробоин и подводку пластырей.

— Вери гуд! [1] — одобрительно покачивал он головой, делая снимки с них своим фотоаппаратом.

Наконец трап был готов, и англичанин поднялся на палубу, где его встретил в забрызганном кровью пальто и с перевязанной головой Руднев.

— Сэр, вы достойны служить даже в английском флоте,— тряхнул Бейли руку командира «Варяга».

— Я не знаю более высокой чести, чем служба в русском флоте,— с заметной иронией ответил Руднев.

Но сэр Бейли не обратил на это внимания и попросил его ознакомить с внутренними повреждениями крейсера. Руднев поручил это сделать одному из офицеров, а сам пошел встречать посетителей с других кораблей.

Француз Сене, легко взбежав на палубу, кинулся в объятия Руднева и разразился целым потоком трескучих фраз.

— Я горд, что в числе моих друзей находится такой герой, как вы, мосье Руднев,— уверял он.— Сегодня же я пошлю подробный рапорт обо всем президенту республики и буду ходатайствовать о награждении вас

[1] Очень хорошо! *(англ.)*

командорским крестом ордена Почетного легиона.

Вместе с Сене прибыл весь медицинский персонал с крейсера «Паскаль» и тотчас приступил к перевязкам многочисленных раненых, которых не успели обслужить судовые врачи.

— Бой продолжался всего пятьдесят минут, и за это короткое время выбыло из строя свыше ста человек, четверть всего экипажа. Легко же раненных оказалось свыше двухсот человек. Короче, две трети команды получили ранения в этом бою. Мы никогда не сомневались в храбрости наших друзей русских, но проявленный вами сегодня в бою героизм превзошел все возможное,— рассыпались французы в комплиментах.

Командир «Эльбы» Риччи Рафаеле Бореа долго с чувством жал руку Рудневу и уверял, что он все время молил ливорнскую мадонну о помощи русским. Обходя раненых, он обратил внимание на мичмана Губонина, лицом похожего на итальянца. Узнав, что мать мичмана действительно итальянка, капитан Рафаеле воспылал к нему особой симпатией и попросил переправить раненого офицера на свой крейсер.

Американцы ограничились лишь присылкой фельдшера, которого обидевшийся на подобное невнимание Руднев тотчас же отослал обратно.

«Варяг» заполнился матросами различных национальностей. Англичане, французы, итальянцы толпились на всех палубах и в коридорах. Они всячески выказывали свои симпатии русским: угощали сигарами, похлопывали по спине, помогали убирать обломки, чинить трапы, переносить раненых.

Несмотря на то что работали все помпы, вода в крейсере не убывала, и «Варяг» постепенно все больше кренился на левый борт. Началась спешная эвакуация раненых на иностранные корабли. Бейли, Сене и Бореа спорили о том, кто больше возьмет к себе русских. Решили в конце концов распределить русских примерно поровну между кораблями всех наций. Правда, Сене все же оказался предприимчивее других и, надеясь хорошо поживиться за счет русской казны, заранее выговорил для размещения у себя еще и команду «Корейца», о котором в пылу спора другие командиры забыли.

— Я надеюсь, сэр, что вы не собираетесь взрывать ваши суда? — проговорил Бейли, разглаживая рыжие бакенбарды на своем буро-красном лице.

— Я намереваюсь поступить именно так,— ответил Руднев.

— Это невозможно! При взрыве могут пострадать другие корабли, стоящие на рейде, что, конечно, недопустимо,— решительно запротестовал коммодор.— Кроме того, ваш корабль так разрушен, что его нельзя исправить. Поэтому достаточно его только затопить.

Сене тоже поддержал англичанина, крейсер же «Эльба» стоял вдалеке от русских, и поэтому Бореа не интересовался дальнейшей судьбой «Варяга» и «Корейца».

Приняв во внимание, что экипаж с русских судов размещался на «Талботе» и на «Паскале», Рудневу ничего не оставалось, как уступить настояниям Бейли и Сене.

— Я думаю вывести канонерскую лодку к острову Обсерватории и там, вдали от всех, взорвать на глубоком месте. На «Варяге» же я ограничусь лишь разрушением машин и артиллерии, после чего открою кингстоны,— ответил Руднев.

— Но только не взрывайте кают-камеры, сэр,— еще раз повторил Бейли.

На этом и порешили. Все иностранные командиры поспешили на свои суда, чтобы приготовиться к размещению русских.

Узнав, что «Варяг» взрывать не будут, матросы принялись уничтожать на корабле все, что было возможно, рвали пироксилиновыми шашками лафеты, орудия, башни, разбивали приборы. В машинном отделении под руководством инженеров-механиков взрывали гребные валы, разбивали паровые цилиндры, паровые трубы, приборы, но все же за недостатком времени многое уничтожить не успели.

Когда вся команда была свезена, Руднев в последний раз с боцманом обошел тонущий крейсер. На корабле уже никого не было видно, и Руднев, с грустью окинув взглядом свой любимый «Варяг», всего два часа тому назад бывший красавцем крейсером, подошел к трапу, где его ожидала шлюпка. Сняв фуражки, он и боцман перекрестились.

— Иди вперед, Горов,— приказал командир,— я последний схожу с корабля.

Но не успела шлюпка далеко отойти от тонущего крейсера, как сверху раздались громкие голоса:

— Ваше высокоблагородие, подберите нас!

Руднев оглянулся. На верхней палубе стояли два кочегара квартирмейстеры Журавлев и Жигарев. В это же мгновение внутри корабля один за другим раздались несколько сильных взрывов, наружу вырвались огромные клубы пара, на белом фоне которого мелькнули две па-

дающие в воду фигуры. Невдалеке от лодки показались на поверхности две человеческие головы. Матросы торопливо отплывали от «Варяга». Руднев повернул к ним, и вскоре Журавлев и Жигарев были уже в шлюпке.

— Что вы там делали, духи окаянные? — сердито бурчал боцман, помогая вытаскивать их из воды.

— Уж больно обидно стало оставлять целыми котлы. Мы и решили промеж себя взорвать их, как все с крейсера уйдут. Прикрепили подрывные патроны на сухопарниках, прошуровали напоследок топки, чтобы нагнать давление повыше, запалили шнуры, а сами стали тикать. Едва успели выскочить,— весело наперебой сообщали кочегары, стуча зубами от холода.

Между тем «Варяг» медленно опрокидывался на левый бок. Сотни глаз с затаенным дыханием следили за гибелью героического корабля. Эвакуированные на иностранные суда русские матросы с тоской и болью в сердце смотрели на родной «Варяг», которым они привыкли гордиться и на котором только что пережили трагические минуты неравного боя, ежесекундно рискуя своей жизнью.

— Все одно, что родного человека хороним,— высказал вслух думы и чувства товарищей боцман Горов.

Медленно погружавшийся корабль вдруг на мгновение замер и, вздрогнув всем своим огромным телом, быстро пошел под воду. Все матросы сняли фуражки и закрестились. Многие плакали, не стыдясь своих слез. Французы и итальянцы, из сочувствия к русским, тоже сняли фуражки, а судовые оркестры исполнили русский гимн.

Вернувшись после осмотра поврежденного русского крейсера, коммодор Бейли застал у себя в салоне капитана Тераучи.

Японец был перевязан и имел довольно плачевный вид, далеко не соответствующий его утренней самоуверенности. С трудом приподнявшись навстречу англичанину, он почтительно приветствовал коммодора.

— Я вижу, что и вас, мистер Тераучи, тоже основательно потрепали, хотя ваша эскадра из четырнадцати кораблей и сражалась всего лишь с одним русским крейсером,— иронически процедил Бейли, оглядывая своего гостя.

— Русские оказались необычайно храбрыми и настойчивыми. «Варяг» был весь изрешечен нашими снарядами, но продолжал вести бой. Наши корабли пострадали очень сильно, особенно «Асама». Его придется не-

медленно ввести в док для починки. Мой «Чиода» потерял половину своих пушек и больше половины людей. Один миноносец потоплен. На всех остальных кораблях есть потери. Вероятно, мы потеряли вдвое больше людей, чем русские. Можно только преклоняться перед мужеством русских. А в каком состоянии, сэр, вы нашли «Варяг?» — справился японец.

— Ответ на этот вопрос стоит не меньше тысячи фунтов стерлингов, мистер Терauчи.

— Если русские не взорвут корабль, она вам обеспечена.

— В таком случае прошу немедленно вручить мне чек на эту сумму. Я уговорил Руднева не взрывать «Варяга», а затопить его там, где он стал на якорь. Корабль можно будет поднять без особых затруднений. Конечно, он потребует капитального ремонта, но это уж не моя забота.

— Вы настоящий друг Страны Восходящего Солнца! — воскликнул Тераучи и поспешил вручить чек англичанину.

— Сейчас сюда прибудет Руднев, и вам необходимо поторопиться с отъездом! — без церемонии выпроводил японца Бейли.

Как только он остался один, то немедленно направился к своему несгораемому шкафу и присоединил новый чек к недавно полученному.

— Итак, русско-японская война уже принесла мне две тысячи фунтов от японского микадо. Будем надеяться, что и царь Николай тоже хорошо заплатит за прием, содержание и доставку в Шанхай своих матросов. Коммодор Бейли, вас можно поздравить с определенным успехом! — И англичанин, налив себе большой бокал виски, осушил его одним духом.

Прибыл Руднев с несколькими офицерами.

Появился и Беляев.

— Что прикажете делать с «Корейцем»? — справился он.

— Немедленно взорвать! Пароход «Сунгари» сжечь. Даю вам на это час времени. Затем потрудитесь написать подробный рапорт о ваших действиях в бою и сообщить о ваших потерях,— приказал Руднев.

— Есть, есть. Быть может, просто затопить лодку? Чемульпо — нейтральный порт, и японцы не посмеют ее поднять во время войны. Потерь у нас нет.

— Следует лодку взорвать, и взорвать поосновательнее. Так будет надежнее.

«Корейца» вывели на взморье, минировали, заложив

пироксилиновые патроны в пороховой и бомбовые погреба.

Когда все покинули обреченное судно, были произведены взрывы. Огромный столб черного дыма высоко вскинулся вверх, и на воде не осталось ничего, кроме щепок и мусора.

— Закончил кампанию наш дедушка. Без малого четверть века честно он проплавал под Андреевским флагом,— задумчиво проговорил Левицкий.

Размещенные на нейтральных судах команды русских военных кораблей вскоре были доставлены в Шанхай и Сайгон, а затем в Россию.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Прошло несколько дней, пока в Порт-Артуре стали достоверно известны обстоятельства гибели «Варяга» и «Корейца». Хорошо зная Руднева и считая его больше дипломатом, чем боевым командиром, многие были удивлены его героическим образом действий. По его характеру можно было ожидать, что, получив японский ультиматум о выходе в море, он попросту затопит корабли на чемульпинском рейде, а команды судов переведет на суда нейтральных стран, как это было сделано после сражения.

Хотя бой у Чемульпо и окончился поражением, но подвиг «Варяга» и «Корейца» сразу был по достоинству оценен офицерами и матросами порт-артурской эскадры и стал для них примером. О нем говорили везде, даже при встрече на улицах.

Иначе расценил действия Руднева наместник. Под первым впечатлением он решил предать Руднева суду за то, что тот не сумел использовать нейтралитет Кореи для защиты находящихся под его командой судов. Но скоро всем стало ясно, что никакого нейтралитета в Корее не существует. Когда же из Петербурга пришла директива гибель «Варяга» и «Корейца» считать подвигом, а не преступлением, наместник сразу изменил свою точку зрения и в специальном приказе поставил всей эскадре в пример подвиг «Варяга» и «Корейца».

Японцы перед Артуром не показывались, и город постепенно стал успокаиваться.

Теплая ясная погода сменилась жестоким нордом со снегом и пургой. Жители города попрятались по дворам, а эскадра лишь слегка дымила, отстаиваясь на внутрен-

нем рейде. Только миноносцы да легкие крейсеры рисковали в буран выходить на разведку в студеное зимнее море, да изредка ночью грохотали береговые батареи по воображаемым японским кораблям. Война на время ушла из Артура.

Даже нелепая гибель на своих же минах заграждения минного транспорта «Енисей» и легкого крейсера «Боярин» не произвела особого впечатления на Артур. Трагедия произошла далеко от крепости, никто ее не видел и не переживал непосредственно.

В переполненных ресторанах по-прежнему гремела музыка, рекой лилось вино, и порт-артурские офицеры в пьяном угаре кричали о своей готовности победить врага или умереть во славу обожаемого монарха.

Почти все мужское население города было призвано в армию. Солдатского обмундирования для всех не хватало. Ограничились тем, что на штатские пальто нашили красные погоны, а на котелки и фуражки нацепили солдатские кокарды.

Дукельский, с наступлением военных действий поселившийся со штабом на «Петропавловске», где раньше было лишь место его временного пребывания, не появлялся в городе. С утра до вечера он вместе с флаг-капитаном Эбергардом сидел за разработкой планов морских операций против японской эскадры. Все эти планы неизменно браковались то Старком, который находил их чересчур смелыми и рискованными, но наместником, считавшим их чересчур осторожными. Один только начальник морского отдела штаба наместника контр-адмирал Витгефт, добродушный, малоподвижный толстяк, всегда соглашался с любыми планами, какие ему представляли на утверждение, искренне огорчаясь каждой новой неудачей Дукельского.

Занятый штабными неполадками, лейтенант совсем забыл о Риве.

Подруги Ривы подсмеивались над ней, называя ее монашкой, и звали с собой в «Звездочку» или «Варьете». Рива зевала, выдумывала предлоги для отказа и оставалась дома.

Однажды она узнала, что в «Звездочке» моряки устраивают большой «проворот» и приглашают ее. Надеясь встретиться там с Дукельским, Рива согласилась.

Уже за квартал от «Звездочки» были слышны бравурная музыка и громкие крики. В большом зале ресторана с тщательно завешенными окнами собралось десятка два

молодых моряков, которые, сидя за столом, громко пели скабрезные куплеты. На хозяйском месте восседала пышная золотисто-рыжая блондинка Лола Хьюз, чистокровная немка, выдававшая себя за американку. В Артуре считали ее и Риву первыми «звездами» местного полусвета. Смуглая Рива была представительницей горячей южной красоты, а светловолосая, белотелая Лола олицетворяла красоту севера, более нежную, чем красота юга, но не уступающую ей в огне и страсти. Рива и Лола, несмотря на внешнее соперничество, были дружны между собой и охотно уступали друг другу своих кавалеров.

Появление Ривы в зале было немедленно замечено и вызвало аплодисменты.

— Ура, Ривочка! Да здравствует царица ночи! — кричали со всех сторон мужчины, посылая ей воздушные поцелуи. Рива огляделась. За столом сидели офицеры с разных кораблей, по большей части хорошо знакомые Риве. К своему удивлению, она заметила среди них и несколько человек женатых, до этого не решавшихся показываться в холостой компании молодежи. Очевидно, проводив свои семьи из Артура, они поспешили зачислить себя в холостяки. Дукельского в зале не было. Зато Малеев уже издали махал рукой, обращая ее внимание на себя. Рядом с ним сидел, как всегда, розовощекий Андрюша Акинфиев. При виде Ривы он попытался было сделать серьезную и строгую мину.

— Я сяду рядом с самым строгим и сердитым офицером Тихоокеанской эскадры Андрюшей Акинфиевым,— громко заявила Рива.— Разрешите сесть, господин строгий мичман,— шутила она, прикладывая руку к голове, как бы отдавая честь.

Мичман вспыхнул, но смолчал и, под общий веселый шум и двусмысленные замечания, поспешил поставить рядом с собой стул для Ривы. Малеев чмокнул Ривину руку и, хитро подмигнув, вдруг громко закричал:

— Горько молодым!

Андрюша, весь пунцовый от смущения, хотел что-то возразить Малееву, но со всех сторон так громко заорали: «Горько, горько Андрюше!» — что его слова потонули в общем шуме.

Рива с лукавой улыбкой потянулась к своему соседу: «Поцелуемся?»

Андрюша растерялся, на его красном от смущения лице выразилась детская беспомощность и ужас. Рива притянула к себе его голову и ласково поцеловала в лоб.

Пирушка пошла своим чередом. Все вокруг кричали,

нели, спорили, смеялись, о войне забыли. Неожиданно общий шум был прерван зычным голосом из угла зала. Тогда только Рива заметила, что там разместилась небольшая компания сухопутных офицеров, преимущественно артиллеристов. Их стол был тесно уставлен бутылками, а возбужденные лица показывали, что компания была уже сильно «на взводе».

Рива по опыту знала, что такие встречи в ресторанах моряков с сухопутными офицерами обычно кончались скандалами. Насторожившись, она ожидала возникновения очередного конфликта, сопровождаемого обычно битьем посуды и вызовом военной полиции. Все это не сулило и ей ничего хорошего. Она собралась уже потихоньку уйти домой, но Малеев, заметив, удержал ее за руку.

— Куда вы торопитесь? — проговорил он.

— Боюсь попасть в историю...

— Не думаю, это все бакланы — береговые артиллеристы. Мы вместе с ними воюем с японской эскадрой на море, да и публика у них культурнее, чем у стрелков. Не беспокойтесь. Ежели что случится, я вас провожу домой. Ба, да среди артиллеристов мой приятель Борейко. Значит, все будет гладко.

От столика артиллеристов отделилась огромная фигура Борейко, который со стаканом вина в руке двинулся к морякам. Все притихли, с интересом поглядывая на саженный рост и гигантские плечи поручика.

— Господа офицеры доблестной Тихоокеанской эскадры! — прогудел Борейко.— Позвольте мне приветствовать вас от лица гарнизона и артиллерии порт-артурской крепости.

За Борейко двинулись и остальные офицеры. Моряки встали с мест и встретили их с бокалами в руках. Подойдя к Малееву, поручик особенно дружески приветствовал его.

— Душевно рад видеть тебя, Ермий Александрович, в добром здравии и приятном соседстве,— расшаркался он перед Ривой.— Вашу лапку, мадемуазель. Я всегда был уверен, что у моего друга Ермия прекрасный вкус, а теперь с удовольствием убеждаюсь в этом.

Огромный, красный от выпитого вина, он все же понравился Риве. Она приветливо улыбнулась ему, подставляя руку для поцелуя.

Когда наконец все перезнакомились, составили вместе столы и уселись, Борейко опять поднялся и предложил выбрать тамаду сегодняшней дружественной пирушки.

— Борейко! — выкрикнули все, знавшие его фамилию.

— С благодарностью принимаю это почетное звание от своих друзей и предлагаю тост за наших сегодняшних дам,— ответил Борейко.

Все бурно приветствовали Риву и Лолу.

— Разрешите мне как тамаде сказать два слова,— продолжал Борейко.

— Просим, просим! — раздалось со всех сторон.

— Всего несколько дней как началась война. Началась она неожиданно, неудачно для нас, для нашего флота. Многие обвиняют в этом моряков, моряки обвиняют крепость. Это порождает споры, ссоры и вражду. Все это на руку только японцам, ибо только в единении сила. Виноваты же в наших неудачах не мы с вами, здесь присутствующие молодые офицеры армии и флота. Не виноваты и наши штаб-офицеры. Они ничего не знали о надвигающейся войне. Виноваты прежде всего и больше всего генералы и адмиралы. Больше всех виноват наместник, этот принц царской крови с левой стороны, который своевременно не сообщил о разрыве дипломатических отношений с Японией, не принял мер по мобилизации армии и флота на случай внезапного нападения на Порт-Артур. Виноват Старк, не разрешивший флоту принять предохранительные меры вроде постановки противоминных сетей на стоящих на внешнем рейде кораблях эскадры, виноват Стессель, у которого крепость до сих пор еще далеко не достроена, виноват и наш генерал Белый, не поверивший своим офицерам, когда ему Страшников сообщил о совершенном на эскадру нападении. Теперь генералы и адмиралы грызутся между собой, сваливая вину друг на друга, строча доносы в Петербург,— Стессель и компания на моряков, а те на сухопутное начальство. Они натравливают армию на флот, солдат на матросов, нас, сухопутных офицеров, на вас — морских, и так далее. Поэтому я и хочу в дружеской беседе с вами за стаканом доброго вина обсудить это обстоятельство. Ни двадцать шестого, ни двадцать седьмого, ни двадцать девятого января не погиб и не был ранен ни один генерал или адмирал. Я лично видел, как Стессель трусливо прятался от японских снарядов в бетонные казематы на Электрическом Утесе. Наместник сидел на Золотой горе тоже в крепком каземате. Ваши адмиралы едва ли проявили больше храбрости. Кто же больше всего пострадал от нашей неподготовленности? Прежде всего и больше всего «серая скотинка» — солдаты и матро-

сы, которые, по мнению всякого начальства, только для того и существуют, чтобы все выносить на своей шкуре. За все ошибки превосходительных дураков платятся матросы и солдаты. Так позвольте мне сегодня поднять первый свой бокал не за царя-батюшку, который в полной безопасности сидит в Питере, не за наших генералов и адмиралов, даже не за нас с вами, а за наших солдат и матросов. Я твердо убежден, что мы, офицеры, будем успешно воевать тогда, и только тогда, когда у нас будет тесное единение с нашими солдатами, когда офицеры и солдаты будут едины в бою. Сила офицеров в их тесном единении с матросами и солдатами. Тот, кто этого не понимает, не может быть хорошим командиром и офицером. Итак, за наших солдат и матросов — ура!

— Ура! — подхватили присутствующие.

Андрюша Акинфиев, растроганный до глубины души, смотрел влюбленными глазами на Борейко.

— Ермий, расскажи мне подробнее, кто он такой,— упрашивал он Малеева.

— Борейко — пьяница, картежник, большой скандалист. Сослан за какие-то художества из России в Артур. В то же время он один из лучших артиллеристов крепости. Живет на Электрическом Утесе. Он всегда в контрах со всяким начальством. Сажали его на губу, грозили уволить со службы, но это мало помогало. В конце концов его сослали на Утес, благо оттуда не всегда выберешься в город.

Разговор их был прерван новым тостом, с которым выступил от имени стрелков поручик Енджеевский, молоденький, безусый, с сильным и густым басом. Он горячо приветствовал моряков и повторил пожелание тесного единства. Ему тоже дружно аплодировали.

От моряков неожиданно выступил Андрюша. Путаясь от волнения в словах, он долго и не особенно вразумительно говорил о подлых японцах и обожаемом монархе и закончил тостом за царя. Тост его, как носящий официальный характер, приняли стоя, но без особого воодушевления.

— Андрюша, друг сердечный,— обратился к нему Малеев.— Не гоже имя царское трепать в кабаках. Предоставь такие тосты произносить нашим генералам и адмиралам на парадах.

Мичман обиделся и, сильно покраснев, замолчал.

Общая беседа распалась. На разных концах стола завязались громкие споры, и только время от времени Борейко, перекрывая общий шум своим громким голо-

сом, предлагал выпить за здоровье того или другого из присутствующих, после чего все чокались и вновь усаживались на свои места.

— Что ни говорите, «Енисей» погиб геройски, как и «Варяг», а «Боярин» позорно,— громко говорил Малеев своему соседу лейтенанту с «Баяна» Сойманову.

— Ничего геройского не вижу в том, что Степанов посадил свой минный транспорт на свою же мину,— возражал Сойманов.— Что, он не знал, куда направлено течение в Талиенванском заливе в это время года?

— Признаю, что это ошибка Степанова. Но он сам погиб геройской смертью, отказавшись покинуть свой тонущий корабль. Так, по-моему, должен поступить каждый уважающий себя командир,— возражал Малеев.

— И опять, по-моему, здесь больше глупости, чем геройства. Степанов один из лучших наших моряков, академик, каких у нас раз-два и обчелся, и вдруг ради старого предрассудка добровольно гибнет со своим кораблем, вместо того чтобы дальше воевать с японцами. Он был нам нужен в Артуре, а сейчас он пользу принесет разве только рыбам. Нет, нам надо решительно бороться с этими традициями седой старины,— горячился Сойманов.

— Что же ты тогда скажешь о гибели «Боярина»? — переходя на ты, спросил Малеев.

— Скажу, что Сарычев подлый трус. Бросил крейсер при незначительной пробоине. Ведь «Боярин» еще трое суток держался на воде после того, как команда покинула его. Погода была на редкость тихая, японцев не было, его можно было спасти. Сарычев пойдет под суд, туда ему и дорога.

— Сарычева, к сожалению, не отдают под суд, а всего лишь отставили от командования...

— ...потонувшим крейсером,— усмехнулся Сойманов.— Жаль, что среди нас нет ни одного человека с «Боярина», а то я поговорил бы с ним по душам.

— Навряд ли ты скоро и в Артуре найдешь кого-либо с «Боярина». Сарычев уезжает в Кронштадт, остальные тоже переводятся — кто в Балтику, кто в Черное море, кто во Владивосток...

— ...за отменную храбрость, проявленную при потоплении собственного крейсера,— не унимался Сойманов.— Не наградили их за это еще орденами?

— К их несчастью, ни одного японца даже поблизости не было,— улыбнулся Малеев.

— Старка все же убирают, хотя наместник и взял его под свою защиту.

— Трудновато его защищать. Прошло два дня войны, а мы потеряли: потопленными — четыре корабля, подорванными — три и поврежденными артиллерией — четыре, а всего — одиннадцать боевых единиц. А кто же на место Старка?

— Макаров из Кронштадта. Говорят, большой умница, ученый человек, весьма энергичен. Быть может, с ним наша эскадра оживет.

— Поживем — увидим. Макаров прежде всего известный боевой командир, и я уверен, что он будет настоящим командующим флотом,— горячо проговорил Малеев.

— Кто будет рад приезду Макарова, так это наш Юрасовский,— вмешался в разговор Акинфиев.— Они старые знакомые, авось и ему теперь по службе повезет.

— Да, больше двадцати лет проплавать, чтобы получить в командование миноносец! Его сверстники давно крейсерами командуют.

— Почему же затирают Юрасовского? — спросил Сойманов.

— Дело тут старое. В молодости вздумалось ему поиграть в политику. Ну вот, до сих пор забыть ему этого не могут. Чуть ли не за революционера считают,— пояснил Малеев.

— Разве он такой? — удивился Андрюша.

— Конечно, нет. Просто человек справедливый, матросов не бьет, не обкрадывает, начальству спуску не дает. Его и затирают, чтобы глаза начальству не мозолил.

— Нет, наш Вирен черен, как ворон,— вставил Сойманов.

— Не люблю я Вирена,— проговорил Малеев,— и на «Баяне» служить бы не хотел. Слов нет — один из лучших кораблей в эскадре. Там порядок и четкость в работе, но матросы забиты, офицеры задерганы.

— Вирен никогда не дерется и, если матрос виновен, отдает под суд, офицерам тоже промахов не спускает,— заступился Сойманов за своего командира.

— За пустяки у него матросы под суд идут. Поэтому и не любят они Вирена, а боятся, да и в кают-компании его не особенно одобряют.

— Что же, по-твоему, лучше на «Новике» у Эссена?

— Всякий любящий свое дело моряк почитает за честь служить на «Новике»; там настоящая морская школа для офицеров и матросов. Хотя на берегу больше

всего всегда буянят матросы с «Новика», да и господа офицеры на берегу тихим нравом не отличаются.

— Команда — сброд со всей эскадры. Надо только удивляться, как Эссен умеет их держать в руках.

— Зато в бою нет командира более смелого и лихого, чем Эссен. Всегда во всех боях он был первым, на разведках тоже.

Их разговор прервал Борейко.

— Друзья! Не спеть ли нам что-нибудь русское, задушевное? — предложил он.

— Споем, затягивай, Ермий,— подхватило несколько человек.

— Да, но что? Для начала споем поминальную, в память погибших моряков и сухопутных.

Малеев звучным баритоном запел:

Ныне, в день поминовения
Павших в поле боевом,
Мы все в одно моление
Души русские сольем.

Торжественный, печальный мотив заставил всех сделаться серьезнее и мысленно вернуться к происходящей войне. Когда пение кончилось, все несколько мгновений сидели тихо.

— Эй, чого, хлопці, славні молодці, смутні — не веселі,— проговорил Борейко.— Дайте-ка я вас разутешу.— И он запел «Есть на Волге утес». Сильный и в то же время мягкий бас наполнил всю комнату; казалось, что песня несется откуда-то сверху.

Борейко распелся и исполнил еще несколько песен.

— Теперь станцуем,— скомандовал он.— Кто за рояль?

Андрюша поспешил к стоящему на эстраде инструменту.

— Русскую!

Андрюша заиграл.

— Скорее, это не похоронный марш,— крикнул ему Борейко и, когда темп ускорился, вдруг, свистнув, пустился в пляс. Плясал он, как и пел, страстно: бешеная чечетка сменялась вихрем присядки, то пол ходил ходуном под каблуками, то танцор, как мячик, подскакивал едва ли не до потолка и затем неслышно плыл по полу.

— Эх, ну и танцует, черт! — восхищались моряки.

За русской последовал гопак, и вскоре все в зале танцевали.

После пляски всем захотелось есть, опять сдвинули столы, и вино полилось рекой.

Поезд пришел в Артур рано утром. Начинался пасмурный, серый, холодный день. На перрон высыпали пассажиры, сопровождаемые носильщиками-китайцами с чемоданами и свертками.

В числе приехавших находился высокий артиллерийский прапорщик в огромной маньчжурской папахе. Судя по его новенькой серой шинели, блестящим пуговицам и погонам, он только недавно надел офицерскую форму, которая, видимо, еще стесняла его: он то и дело цеплялся шпорами и при этом сердито чертыхался. Его молодое розовое лицо краснело еще больше, а серые глаза под густыми бровями вспыхивали от раздражения.

Пропустив мимо себя пассажиров, офицер подхватил на руки походную кровать-чемодан — последнее достижение тогдашней военно-походной техники, и вышел на привокзальную площадь. Ни извозчиков, ни рикш поблизости не оказалось. Приходилось идти в город пешком в сопровождении китайца-кули, несшего вещи.

Поражали пустота и тишина улиц. Прохожих почти не было, только по мостовой шагали военные патрули. Наглухо заколоченные магазины, выбитые окна, разрушенные заборы и бродячие собаки на пустынных дворах говорили о войне, разрухе и бегстве жителей из города. С начала войны прошло не больше недели, а живой, многолюдный портовый город оказался совершенно вымершим.

Уже пройдя довольно далеко по набережной, прапорщик вспомнил, что даже не знает, куда ему идти. Было еще слишком рано для явки на службу, а гостиниц в Артуре, по его сведениям, не было. В это время на улице, торжественно восседая в маленькой колясочке, влекомой китайцем-рикшей, появился артиллерийский офицер. Прапорщик рискнул остановить его.

— Разрешите, господин поручик, узнать, где находится Управление Квантунской крепостной артиллерии?

Поручик, видимо дремавший, встрепенулся и оглядел спрашивающего.

— Вы назначены к нам в артиллерию? — вопросом же ответил он.

— Да, в крепостную артиллерию.

— Значит, к нам. Будем знакомы — Борейко. Я вас сейчас туда подвезу. Кладите в ноги вещи и садитесь рядом со мной.

— Звонарев,— представился прапорщик.— Но я, право, не привык ездить на людях, тем более вдвоем, да еще с вещами,— смутился он.— Им будет тяжело везти нас.

— Пустяки, они и не такие грузы таскают,— возразил Борейко.

Носильщик Звонарева, положив вещи в колясочку, тоже впрягся, и оба китайца бегом понеслись по ухабистой мостовой.

— Откуда вы к нам попали? — спросил Борейко.

— Из Читы, по мобилизации,— ответил прапорщик, внимательно оглядев монументальную фигуру поручика.

— И не успели там еще осмотреться, как попали к нам в Артур. Здесь, надо думать, вы пробудете несколько подольше. Война только что началась и скоро не кончится.

— Скажите, пожалуйста, почему порт-артурская артиллерия называется Квантунской? — осведомился Звонарев.

— Артур расположен на южной оконечности Квантунского полуострова. Поскольку, помимо Артура, предполагается создать еще береговые батареи в городе Дальнем на Цзинджоуском перешейке и в других местах,— артиллерийское Управление и именуется не Порт-Артурским, а Квантунским,— пояснил Борейко.

— Уныло у вас в Артуре?

— Да, красотой Артур не блещет...

Пока они разговаривали, китайцы пробежали всю набережную и небольшой, расположенный террасами, бульварчик со скудной растительностью, называвшийся в Артуре попросту «Этажеркой», и поравнялись с доком, в котором стоял большой военный корабль с пробоиной у самой ватерлинии. Сквозь нее было видно, как внутри судна вяло копошились два-три рабочих-китайца. На палубе в беспорядке были свалены какие-то вещи, искривленные лестницы, тряпки и мусор. Ни матросов, ни офицеров на корабле не было видно.

На корме корабля Звонарев разглядел выведенное золотом славянскими буквами название — «Паллада». Дальше от берега виднелся массивный броненосец с двенадцатидюймовыми башнями на носу и на корме. Прапорщик по знакомым фотографиям узнал «Цесаревича». Там и вовсе не было заметно людей.

— Тут, я вижу, с работой не торопятся,— поделился своим впечатлением Звонарев.

— Еще не раскачались морячки. Больше выпивают за упокой душ потонувших, а до своих кораблей у них руки не доходят. Экипаж свезли на берег, корабли сдали в порт, а сами засели в кабаре и ресторанах. Да что моряки! Мы шесть лет владеем Артуром и тем не менее на

сухом пути пока не удосужились выстроить ни одного укрепления. Темпы здесь свои — артурские. Авось война нас раскачает,— ответил Борейко.

— Но ведь это черт знает что,— возмутился Звонарев.— Это прямая измена, такими темпами вести работу во время войны!

— Нет, это проявление обычного у нас разгильдяйства, а не измена. Просто люди не привыкли спешить в работе.

Миновав доки, рикши побежали вдоль склона Золотой горы. Тут у дороги находилось десятка два кирпичных зданий казарменного типа, окруженных жалким подобием палисадников.

— Это и есть артиллерийский городок,— пояснил Борейко.— Здесь склады, мастерские и Управление. Здесь же живет и наш командир, генерал Белый. Вы должны будете явиться к нему. Сперва доложите адъютанту, а он уже проводит вас к генералу,— поучал Звонарева Борейко.

Китайцы остановились около одного из зданий, над дверями которого значилось: «Управление Квантунской крепостной артиллерии».

Звонарев вылез из хрупкой колясочки и поблагодарил Борейко за любезность.

Вышедший из Управления писарь помог Звонареву внести вещи в здание и, введя его в один из кабинетов, попросил подождать здесь прихода адъютанта, поручика Юницкого.

Звонарев от нечего делать стал рассматривать висевшие на стене схемы и карты с расположением артурских батарей. Он увидел уже знакомые по газетам названия: Ляотешань, Белый Волк, Тигровый полуостров, Золотая гора и знаменитый Электрический Утес, батарея которого, по словам официальных сообщений, перетопила уже чуть ли не половину японских судов, неизменно воскресавших, однако, в последующих сообщениях.

— Пожалуйте ваши бумаги, ваше благородие, я их тотчас доложу адъютанту, как они придут,— прервал размышления Звонарева вошедший писарь.

В соседней комнате послышались шаги, и в кабинет вошел хлыщеватый поручик с адъютантскими аксельбантами.

— Позвольте познакомиться — прапорщик Звонарев. Я назначен к вам в артиллерию.

Юницкий удивленно поднял вверх брови и сухо проговорил:

— Потрудитесь, господин прапорщик, рапортовать по уставу: каблуки вместе, руки по швам, голову выше.

— Это еще что за издевательство такое,— возмутился Звонарев,— что я вам, мальчишка какой-нибудь? Вы, поручик, еще слишком молоды, чтобы мне, инженеру, делать замечания!

Юницкий опешил.

— Это черт знает что такое! Я сейчас же доложу обо всем его превосходительству.— И адъютант выбежал из комнаты.

Через четверть часа он пригласил Звонарева к генералу.

Сверх ожидания, Белый встретил Звонарева просто и приветливо. Когда Звонарев пытался отрапортовать ему, он пожатием руки прервал его и усадил против себя в кресло, разглаживая свои длинные, с проседью, казацкие усы.

— Вы ведь полевой артиллерист? — начал разговор генерал.

— Воинскую повинность отбывал в Третьей гвардейской и гренадерской бригаде в Варшаве. Назначен к вам в вылазочную батарею,— доложил Звонарев.

— У нас ее еще нет, мы только собираемся заняться ее формированием, и неизвестно, будет ли она вообще сформирована,— проговорил генерал.

В это время в кабинет вошел Тахателов, как всегда отдуваясь и усердно вытирая пот со лба.

— Ух, жарко! Здравия желаю вашему превосходительству,— приветствовал он генерала.

— Очень кстати вы подошли, дорогой,— ласково обратился к нему Белый.— Надо решить, куда нам деть нашего нового офицера. Он полевик, по образованию инженер-механик, по мобилизации попал к нам.

— Нам инженеров не надо. Нам артиллеристов надо. Вы береговые пушки знаете?

— Представления о них не имею.

— Вай, вай! Вы же инженер-механик? А пушка тоже машина. Вы сразу поймете ее действие. Нам, ваше превосходительство, на Электрический Утес техника послать надо. Там надо прожектор наладить, двигатель Рутьера исправить, там же лафеты надо переделать для стрельбы под большими углами возвышения. Один Гобято не справится, надо ему помощника дать,— говорил Тахателов.— Поезжайте на Утес. Самая боевая у нас батарея, день и ночь стреляет.— И полковник дружески похлопал Звонарева по плечу.

— Решено. Я назначаю вас на Утес. Сегодня же туда и отправляйтесь. Кстати, будете подальше от моего адъютанта, а то вы сразу же, кажется, не сошлись с ним характерами,— улыбнулся Белый.— А теперь, господа, прошу ко мне завтракать,— любезно пригласил он офицеров.

Квартира Белого помещалась рядом с Управлением артиллерии, в красивом двухэтажном кирпичном доме, расположенном на набережной, почти у самого прохода на внешний рейд.

Жена и две дочери Белого тепло встретили Звонарева, забросав его вопросами о Чите, о дороге, о семье.

За столом прапорщика посадили рядом с младшей дочерью Белого, бойкой Варей; Юницкий, который был своим человеком в доме, сел с другой дочерью Белого — Катей; Тахателов занял место рядом с хозяйкой.

— Вот и у Вари кавалер завелся,— подтрунивал над девушкой Тахателов.— Раньше она моя невеста была, а теперь изменила.

— И ничего подобного,— живо воскликнула Варя.— Вы первый мне изменили, а я только в долгу у вас не осталась.

После завтрака Звонареву подали экипаж.

— Только на Утесе страшно,— предупредила его Варя.— Японцы больше всего туда стреляют. Когда будут падать снаряды, вы хорошенько прячьтесь.

— Почему же вы сами не прячетесь от войны и не уезжаете из Артура? Разве вам здесь не страшно?

— Мы, казачки, не должны бояться войны. Моя бабушка всю севастопольскую кампанию провела с дедом. Там и папа мой родился. Мама вместе с папой переходила Балканы, теперь я посижу в Артуре. Авось наш курень японцы не разобьют,— ответила девушка.

Когда Звонарев садился в экипаж, к нему подошел Гобято, который ехал на Золотую гору.

— Вы и есть тот прапорщик, который назначен ко мне в помощь? — спросил он.

— Если вы капитан Гобято...

— Вот и отлично, поговорим по дороге о делах. На Утесе дела много. Командир Жуковский — неплохой человек, прекрасный артиллерист, но мямля. Зато у него там есть некто поручик Борейко, который никого и ничего не признает и всеми вертит как хочет. Сумеете с ним сработаться — хорошо, не сумеете — придется вам оттуда бежать. Есть там одно золотце гвардейское — штабс-капитан Чиж. Этот похлеще Борейко будет, но в другом

духе — ходячий устав, формалист и вообще пренеприятный тип. Они с Борейко до известной степени уравновешивают друг друга. Вам надо там быть и политиком и инженером,— поучал прапорщика Гобято.— Полюбуйтесь-ка нашим Артуром,— указал капитан на развернувшуюся перед ними панораму.

Звонарев с интересом разглядывал Артур. Справа виден был Старый город, казавшийся издали беспорядочным скоплением европейских домов и китайских фанз. За внутренним рейдом, на котором стояла эскадра, выступал Новый, чисто европейский город, с широкими, правильно распланированными улицами. Левее — громады Ляотешаня и Тигровки, прямо, внизу — длинный, узкий Тигровый Хвост, с несколькими домиками, небольшими доками и заводом Ноюкса на нем и невысокой батареей девятидюймовых пушек. Около него, в проходе, приткнувшись кормой к берегу, стоял сильно осевший на нос броненосец.

— «Ретвизан»,— пояснил Гобято,— с двадцать шестого января здесь стоит. Никак моряки не могут его ввести в порт.

Полюбовавшись на широкую панораму Артура с высоты батареи Золотой горы, на стоящую в бухте эскадру, меланхолично и мирно коптившую небо, Звонарев простился с Гобято и двинулся дальше.

— Завтра я вам на месте подробно объясню, в чем будет состоять ваша работа, а пока всего лучшего. Привет Борейко. Он хотя и сумасброд, но парень неплохой.

— Кажется, он меня со станции подвез.

— Пьяный или выпивший?

— Немного попахивало водкой.

— Раз с утра пьян,— значит, он и никто другой,— улыбнулся Гобято, прощаясь с Звонаревым.

Миновав Золотую гору, экипаж быстро покатил вниз к Утесу. Звонарев еще издали увидел выдающийся в море мыс с расположенной на нем батареей.

Через четверть часа экипаж остановился около квартиры Жуковского.

Жуковский и Борейко приветливо встретили новоприбывшего и тотчас же усадили за обед.

— Водку пьете? — спросил Борейко.

— Воздерживаюсь. Да, кроме того, я уже позавтракал у генерала.

— Напрасно, без водки в Артуре не проживешь. Ради вашего приезда можно будет сегодня пропустить лиш-

нюю чарку.— И Борейко один за другим выпил два стакана водки, густо крякнув.

— Не довольно ли будет, Борис Дмитриевич? — обратился к нему Жуковский.

— За ваше здоровье, простите, не знаю вашего имени и отчества,— сказал Борейко.

— Сергей Владимирович,— ответил Звонарев, протягивая свой бокал.— За совместную службу!

— Правильно! Вы мне сегодня сразу приглянулись на набережной, молодой человек, а у меня на людей глаз верный,— проговорил поручик.

— Я думаю, что я едва ли намного моложе вас, Борис Дмитриевич,— улыбнулся Звонарев.— Я успел уже окончить институт и сделаться инженером.

— Так вы инженер? Особенно приятно иметь своим сослуживцем образованного и культурного человека,— обрадовался Жуковский.

— А я-то думал, что вы, как некая у нас особа, попали к нам из гвардии,— пробасил Борейко.— Очень рад, что ошибся. Сколько же вам лет?

— Двадцать три года.

— Значит, я старше вас на целых четыре года,— вздохнул поручик.

После обеда Борейко повел Звонарева на батарею. С большим любопытством осматривал прапорщик знаменитый Электрический Утес, слава о котором уже широко разнеслась. Все здесь было просто и буднично, и ничто не говорило о героической борьбе, прославившей батарею. Звонарев ожидал увидеть лихих героев, выпяченные груди, залихватски заломленные фуражки и услышать речи, преисполненные пафоса. Вместо этого он увидел солдат в потрепанных шинелишках, занятых различными хозяйственными делами. Честь они отдавали вяло, без всякого геройского шика и далеко не производили впечатления чудо-богатырей, какими их изображали в официальных сообщениях.

— Смотри же, ребята, особенно фейерверкера, помогайте прапорщику. Он у нас «серый», пороху не нюхал и мало в артиллерии понимает,— своеобразно рекомендовал Борейко Звонарева солдатам.

Прапорщик был сконфужен такой характеристикой, но, заметив это, Борейко добродушно пояснил:

— Нет хуже, когда говоришь, что все знаешь и умеешь, а сам ничего не знаешь и не умеешь. Надо заслужить доверие солдат. Они у нас в бою работают как черти, потому что верят в своего командира. Когда же

они не верят своему офицеру, как некой кривоногой гвардии, тогда дело не клеится. Вот это самое «золотце» идет,— буркнул Борейко, указывая глазами на подходившего Чижа.

— Александр Александрович, знакомьтесь. Это наш новый прапор,— представил он Звонарева Чижу.

Прапорщик назвал свою фамилию.

Бледное, истасканное лицо Чижа с тусклыми серыми глазами и торчащими вверх холеными усами сразу вспыхнуло. Приложив руку к козырьку, он резко, крикливым голосом проговорил:

— Господин прапорщик, когда вы представляетесь старшему вас в чине, то потрудитесь это делать согласно уставу и быть по форме одетым. Своим видом вы должны показывать пример солдатам.— И, не подавая руки Звонареву, Чиж пошел дальше.

— Что он у вас, часом, не из психиатрички сбежал? — спросил прапорщик у Борейко.

— Хуже, переведен сюда из гвардии за шулерство. Индейский петух, пока тихо, а стоит показаться японцам — мигом превращается в мокрую курицу. Вы это близко к сердцу не принимайте, я сам поговорю с командиром.

Ознакомившись с батареей, Звонарев вернулся к Жуковскому, который любезно предоставил ему одну из комнат своей опустевшей после отъезда жены квартиры.

— Прошу у вас извинения за грубость Чижа,— встретил его капитан.— Завтра я сам переговорю с ним об этом, а теперь рекомендую лечь спать. Пока светло, у нас обычно спокойно, зато по ночам все время воюем с японцами. Когда ознакомитесь с нашей жизнью, включим вас в дежурство по батарее. Сегодня же я вам желаю хорошенько отдохнуть с дороги.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Прошло дней десять со дня приезда Звонарева в Артур. Он постепенно привык к жизни на Электрическом Утесе.

Утром часов в восемь, если ночь проходила спокойно, прапорщик вместе с Жуковским отправлялся в обход на батарею. Жуковский, как хороший хозяин, сам ежедневно заглядывал во все углы и был в курсе всей жизни роты.

В роте ежедневно производилось учение при орудиях, которое вел Борейко. С присущей ему энергией и увлечением он учил солдат простейшим приемам зарядки и наводки орудий, внося собственные новшества.

— Николай Васильевич,— еще издали кричал он Жуковскому,— даю залп через две минуты десять секунд вместо пяти минут по уставу, но можно и еще ускорить. Родионов с первым взводом умудряется давать залп через одну минуту пять секунд. Думаю, что сумею добиться и одной минуты тридцати секунд для всей батареи. Скорострельная батарея будет у нас, Николай Васильевич, с моряками сможем потягаться, хотя у них все электричеством движется, а у нас вручную.

Борейко сиял от радости, солдаты стояли красные и потные от беготни, тоже радостно возбужденные.

— Умеете вы, Борис Дмитриевич, увлекаться сами и увлекать людей,— похвалил Жуковский.

— Дело артиллерийское люблю. Не поверите — ночью проснусь, и то думаю, а нельзя ли что еще усовершенствовать на батарее. Да и солдаты помогают: недавно придумали раздельную наводку производить. Наводчик только в цель наводит, а угол возвышения придается пушке по квадранту на цапфе. Тут рядом и подъемные дуги и тормоза — очень удобно получается, только вот наводчику иногда цель закрывают. Думаю стрелу железную к цапфе привинтить, а в конце стрелы полку для квадранта устроить. Тогда стрела с орудием будет вращаться, и по ней можно придавать пушке нужный угол возвышения. И люди за бруствером будут внизу укрыты. Так миром да собором и мозгуем.

Солдаты с увлечением обсуждали различные предложения по усовершенствованию способов наводки орудий. Борейко всех внимательно выслушивал.

— Золотой человек, да сильно пьет. А как напьется, забуянит, сладу с ним никакого нет,— задумчиво говорил Жуковский о Борейко.

С батареи шли вниз в помещение для электродвигателя. Там хозяйничал старший мастеровой Лебедкин, до службы работавший на одном из уральских заводов смазчиком на силовой станции. В Артуре он кончил курсы подготовки электромехаников для прожекторных команд и попал на Утес. Под его командой было двое молодых солдат, до службы бывших механиками на паровых молотилках у помещиков. Они глаз не сводили со своего начальника, то хвалившего их, то награждавшего при ошибках тумаками.

Жуковский сразу же по приезде Звонарева назначил его заведовать прожекторной командой. Лебедкин встретил новое начальство недружелюбно и начал с того, что разладил машину «для проверки» Звонарева.

Прапорщику пришлось повозиться с регулировкой золотников и стуком в подшипниках, пока он не заметил, что все неполадки, устраненные накануне, опять возникают на следующий день. Произошел короткий, но выразительный разговор с Лебедкиным, и авторитет Звонарева был признан на прожекторной станции.

Из силовой Жуковский шел в кухню и неизменно тащил за собой Звонарева. Тут обычно с утра орудовал фельдфебель Назаренко, который следил и за качеством пищи и за правильностью раскладки хлеба, мяса, круп, лаврового листа. Официально артельным хозяйством роты ведал Чиж, но он считал ниже своего достоинства заниматься этим и целиком все передал Назаренко. Звонарев с удивлением узнал, что кислая капуста в Артур доставляется из Владивостока и ее очень бережно расходуют, что гречневая каша, как лакомство, дается солдатам только в праздники, а в прочие дни солдаты получают рисовую кашу, которую весьма не одобряют. Рыбу давали только в великий пост.

— Но ведь море-то под носом? Отчего бы не организовать рыбную ловлю и вволю кормить солдат свежей рыбой, а не интендантской полупротухшей солониной? — удивился Звонарев.

— Нет у нас ни лодок, ни сетей. Да кто их знает, какая здесь рыба ловится. Покупаем иногда у китайцев, а сами рыболовством не занимались,— уклончиво ответил Жуковский.

— Вернее, желания не было. Если бы Борейко взялся за это дело, то, верно, пошло бы,— возразил Звонарев.

— Уж ежели поручик возьмется, то, верно, что-нибудь да будет,— беда или дело — неизвестно, а только просто не обойдется,— вставил Назаренко.

Жуковский, Борейко и Звонарев завтракали вместе. Чиж — отдельно, у себя. С первого же дня отношения Звонарева с Чижом приняли чисто официальный характер. Жуковский сперва пытался сгладить эту натянутость, но затем бросил, предоставив времени наладить это щекотливое дело.

На батарее трубач заиграл тревогу. Одеваясь на ходу, прапорщик побежал к орудиям. Дежурный взвод под командой Чижа уже готовил свои орудия к стрельбе.

С моря знакомо рявкнули пушки «Ретвизана», слева, шипя и урча, пронеслись первые японские снаряды и пролетели куда-то в тыл, в город. Чиж, мелькнувший было около дальномерной будки, спешно юркнул в каземат, как только подошел Жуковский; Борейко с секундомером в руках ругал кого-то за медленность наводки орудия.

Все это было уже знакомо Звонареву, и он занял свое обычное место между крайними левыми орудиями. Тут же, невдалеке, с карандашом и записной книжкой в руках расположился Родионов, на ходу записывая прицел и целик.

Неожиданно один из японских снарядов, видимо на рикошете, разорвался с оглушительным грохотом над батареей, осыпав все вокруг тысячами осколков. Где-то звякнуло разбитое стекло, затявкал внизу у кухни Шарик, испуганно закудахтали разгуливавшие по двору куры.

Шурка, простоволосая и неодетая, выскочила на двор и стала спешно снимать сушившееся белье.

— Тю его, хай ему грец! — выругался Родионов, оглядываясь на падающие осколки.

На батарее остро запахло неприятным запахом мелинита.

— Никак, адмирал Того дух пущает,— сострил кто-то из солдат.

Новая очередь японских снарядов заставила солдат укрыться в нишах и погребах.

Стрельба продолжалась недолго: не успела батарея дать пять или шесть залпов, как японцы ушли в море.

Жуковский не торопясь спустился с бруствера, обмениваясь впечатлениями с Борейко.

— Все же чаще чем через три минуты сегодня залпов батарея не давала. Второй взвод Лепехина, черт бы его побрал, возился очень. Завтра с утра я их поманежу, они у меня зашевелятся,— волновался поручик.

— И три минуты на залп не плохо,— утешал его Жуковский.

Чиж, выйдя из каземата, смотрел в бинокль на уходящих японцев.

— Удивительный вы человек, Александр Александрович,— ехидно обратился к нему Борейко.— Хоть бы раз полюбопытствовали посмотреть на Того, когда он близко около нас.

— Я не принадлежу к числу любопытных,— отшучивался Чиж.

— Что вы, собственно, в каземате во время боя делаете? — вдруг в упор спросил Жуковский.

— Снаряды считаю,— не моргнув глазом, ответил Чиж.— Кроме того, от грохота стрельбы у меня так разбаливается голова, что я ничего не соображаю целый день потом.

— Вы бы ватой уши затыкали, а то, знаете, все же неловко получается — офицер и вдруг из каземата не вылазит,— журил Чижа Жуковский.— Смотрите, прапорщик — и тот по батарее ходит, а не прячется.

— Прапорщик мне не указ,— буркнул Чиж.

— Нет, я вас прошу во время боя в каземате не сидеть, а находиться на взводе, как полагается,— уже строже закончил Жуковский.

— Слушаюсь, господин капитан,— официально вытянулся Чиж.

Солдаты весело гурьбой побежали вниз к казармам, награждая друг друга шутливыми пинками и тумаками. Заяц с разгона вскочил на спину одного из наводчиков и, гарцуя на нем, орал в подражание Борейко:

— Батарея, слухай мою команду! Наводить прямо в... японского адмирала Тогова!

— Вот сукин сын! — добродушно смеялся Борейко.

— Есть сообщение, что с темнотой наши миноносцы выйдут в море на поиски. Не обстреляйте их, Сергей Владимирович, ночью,— предупредил Жуковский.— Вам ведь сегодня дежурить.

С наступлением темноты Звонарев, потеплее одевшись, захватив бинокль, с керосиновым фонарем в руках отправился на батарею.

Дежурный взвод размещался в каземате на батарее. Сводчатый до самого пола бетонный каземат вмещал около сорока человек. Вдоль стен были сделаны нары в два яруса, одетые солдаты вповалку лежали на них, перебрасываясь редкими фразами. В проходе, посредине, под висящей с потолка лампой, стояли стол и несколько табуреток. За столом солдаты играли в шашки.

Приход Звонарева заставил всех вскочить. Родионов подошел к прапорщику и доложил, что первый взвод в составе сорока двух человек, при трех фейерверкерах, выделен для ночного дежурства на батарее.

Чтобы не стеснять своим присутствием солдат, Звонарев поспешил выйти из каземата с Родионовым. Они прошли к орудиям, проверили их готовность к стрельбе, наличие снарядов около них, подошли к прожектору,

 установленному саженях в пятидесяти от батареи на бе-

тонированной площадке. С моря шел туман. В темноте, внизу, глухо шумел прибой. Весь берег тонул во мраке, и только у прохода одиноко маячил прожекторный луч, пытаясь пробиться через мглу. Вернувшись на батарею, Звонарев ушел в небольшой, похожий на нишу, казематик для дежурного по батарее офицера. Там помещались походная кровать, крохотный столик и табуретка. Помещение скудно освещалось керосиновой коптилкой. Тут же стоял полевой телефон для связи с квартирой Жуковского и канцелярией роты в казарме.

В солдатском каземате около стола собралось несколько человек — Родионов, Лебедкин, Заяц, Белоногов, шепотом ведших беседу. Как водится, ругали начальство и свою солдатскую жизнь.

— Только и думают, как бы изувечить или погубить солдат, сволочи!

— Подожди, кончится война, разборка всему будет. Спросят тут и с них, как они воевали и что делали.

— Пока спросят, нас в живых не будет.

— Нас не будет, другие останутся. Пока мужик будет, будет и солдат. Те и спросят с чижей.

— Малая в том утеха. Надо мной Чиж измывался, а кто с него спросит, мне неизвестно.

— Почем знать, может, и ты, Заяц, сам с Чижа спросишь. Поживем — увидим.

В это время в каземат вбежал сигнальщик.

— К орудиям, японец у берега плывет! — громко закричал он.

— Выходи к орудиям, номерки! — рявкнул за ним Родионов.

Все ринулись к выходу. Около пятидесятимиллиметровых пушек уже маячили в темноте фигуры Борейко и Звонарева.

— Копаетесь, черти полосатые! — кричал Борейко.

С дальномера выкрикивали дистанцию до видневшегося трехтрубного миноносца.

— Тысяча пятьсот! Тысяча четыреста восемьдесят! Тысяча четыреста шестьдесят!

— Гранатой прицел семьдесят! Два патрона, огонь! — скомандовал Борейко.

В бинокль были видны всплески воды от снарядов. Миноносец продолжал идти тем же курсом, не сбавляя хода. Вдруг на нем засигналили огнями.

— Что за черт, не наш ли? — опешил Борейко.

— А что обозначают эти сигналы? — спросил Звонарев.

— Кто их знает; моряки понимают, а мы нет. Надо думать, просят прекратить огонь.

— Соседние батареи молчат. Должно быть, наш.

— Почему же идет со стороны Дальнего?

— Возвращается с моря.

— Рано еще — начало первого, и потом один...— недоумевал Борейко.

Пока разбирали — чей же миноносец, он успел подойти к «Ретвизану» и выпустить в него две мины. С Утеса видели вспышки минных выстрелов на миноносце.

— Японец, сучий сын! Огонь, три патрона, беглый огонь! — не своим голосом кричал Борейко.

С «Ретвизана» загрохотали пушки, к ним присоединились соседние батареи.

Весь берег запылал огнями, но японец уже полным ходом уходил в море, скрываясь в ночном тумане.

— Прохлопали. Обдурили нас япошки своими сигналами. Все наше незнание этих самых морских сигналов! Стреляйте по всем судам, которые ночью без огней на море увидите. Наши должны с опознавательными огнями идти,— распорядился Борейко.

— Тогда их в темноте японцы тоже заметят,— возразил Звонарев.

— Должны же моряки как-нибудь давать нам знать, что это наши суда, а не японские. Ерунда одна получается. Телефон ненадежен, сигналов нет. Пусть бы моряки дали на каждую батарею по своему сигнальщику. Тогда бы и мы их сигналы разбирали. Завтра обо всем этом по команде подам рапорт Белому,— решил Борейко, уходя с батареи.

Солдаты вернулись в каземат, Звонарев к себе. Только дежурные и дневальный тревожно всматривались в темному ночи. Под утро поднялась тревога: на рейде обнаружились три или четыре миноносца, полным ходом уходящие в море.

Звонарев, памятуя указание Борейко, энергично обстрелял их. За Электрическим Утесом открыли огонь и другие батареи.

Концевой миноносец оказался подбитым и запарил. В это время на Золотой горе взвилась ракета, что служило сигналом прекращения огня. Стоявшие у входа суда подошли к поврежденному миноносцу и взяли его на буксир.

— Ваше благородие, да это наш миноносец. Смотрите, с него снимают раненых на катер! — с ужасом прого-

ворил Родионов.— Японца прозевали, а своего едва не утопили.

Звонарев чуть не лишился чувств от сознания совершенной им ошибки.

Из порта навстречу поврежденному кораблю подошли спасательные суда и начали его осторожно вводить на внутренний рейд. Сомнений больше ни у кого не было.

— Поди есть там и раненые и убитые нами. Не одна баба в деревне взвоет по мужику, которого мы сегодня загубили по дурости своей,— резонерствовал наводчик Кошелев.

Звонарев был в отчаянии. Он сознавал свою вину и вину начальства, не наладившего связь берега с флотом.

— Вы, ваше благородие, не журитесь шибко,— убеждал его Родионов.— Нашей вины тут нет, приказали стрелять, мы и стреляем. Тут и днем на море не поймешь, где японцы, а где наши, а ночью и подавно.

Прапорщик был очень благодарен Родионову за его ободрение. Солдаты молча шли рядом, изредка громко вздыхая.

— Наделали делов, напекли пирогов, только от них самим тошно,— мрачно бурчал Белоногов.

Как ни старался Звонарев уверить себя в своей правоте, это ему не удавалось. В волнении он до самого утра прошагал на батарее и, чуть наступило утро, пошел с докладом к Жуковскому.

— Стоит из-за пустяков волноваться, Сергей Владимирович,— спокойно проговорил Жуковский, выслушав расстроенного прапорщика.— На войне без ошибок не обойдешься. Надо только их учесть на будущее время. Днем, верно, все узнаем от Управления артиллерии.

— Разрешите мне самому туда съездить с рапортом о происшедшем.

— Пожалуйста, но, по-моему, ничего особенного не произошло. Вы не виноваты, просто несчастная случайность, которая может произойти с каждым.

Звонарев на ротной лошади вместе с артельщиком поехал в Управление артиллерии. Стояла неприятная, пронизывающая сырость, напоминавшая Звонареву Петербург. Он ежился в своей шинели, чувствуя озноб и от холода и от все еще не прошедшего волнения.

Один Борейко, которого он мельком видел утром, неожиданно понял его.

— Хоть вы не виноваты юридически, но все же я вас понимаю и сочувствую вам. Я, верно, с горя бы напился и набезобразничал, но вам этого делать не рекомендую.

В Управлении Звонарев прежде всего увидел писаря Севастьянова, знакомого по первому дню приезда. Он радостно, как со старым приятелем, поздоровался с ним за руку, забывая, что по уставу этого делать нельзя.

Писарь украдкой оглянулся — не видел ли кто рукопожатия,— и затем сразу же сообщил:

— Не извольте беспокоиться, на «Страшном» только двое легко ранены, остальные целы, попортило малость машину, но через два-три дня все будет исправно. Генерал во всем винит моряков и уже поджидает вас, чтобы подробности узнать.

Звонарев горячо поблагодарил писаря и прошел к Белому. Юницкий встретил его холодно-вежливо и иронически поздравил с успехом в борьбе с «русским флотом».

Звонарев едва не наговорил ему дерзостей, но появление Тахателова заставило его замолчать.

— Нехорошо, дюша мой, но бывает и хуже,— перебил полковник доклад Звонарева.— Пойдем к генералу, он уже ожидает вас.

Белый, как всегда молчаливый и сдержанный, выслушал все спокойно и заявил, что считает Звонарева совершенно правым.

— Плохо, что японца прозевали. Говорят, он сигнал поднял «Предлагаю сдаться в плен», а вы и замолчали, будто поняли и решили сдаваться.

За неизбежным завтраком у генерала Звонарев опять увидел Варю. Девушка была в курсе всего и сообщила ему то, что он уже знал от писаря.

— Севастьянов мне все рассказал, так как я думала поехать к вам на Электрический. Надо там перевязочный пункт Красного Креста организовать. Хочу привлечь жену и дочь вашего фельдфебеля — они ведь одни у вас из женщин остались. Пройдут месячные курсы и смогут работать на пункте.

— Шурка, может, и пойдет учиться, хотя она, кажется, не особенно грамотная, но мать ее в сестры не подойдет — разве в санитарки.

— Пусть хоть так работает — и это будет нужно, если война разгорится. Дочку же обязательно вытяну сюда. Тут со всех батарей соберутся женщины, и мы вместе будем учиться.

— А мужья-то как? — удивился Звонарев.

— Останутся с денщиками. По воскресеньям будем отпускать их домой, как из института,— весело смеялась Варя.

Звонарев взял на себя переговоры с Шурой Назаренко. Возвращался он на Электрический Утес вместе с гарнизонным священником, который должен был проводить говение солдат.

Попик, еще не старый, маленький и волосатый, с елейным личиком, взобрался на линейку, поднял воротник объемистой шубы и в полном молчании доехал до Утеса.

— У вас, кажется, частенько постреливают? — спросил он Звонарева уже у самой батареи.

— Да, но больше по ночам.

— Постараюсь в две-три службы управиться со всеми,— деловито пробурчал поп.

Жуковский приветливо встретил гостя и пригласил к обеду. Борейко воспользовался случаем выпить лишнюю рюмку водки за обедом и заодно подпоил священника. Как ни упирался поп, но Борейко заставил его выпить три больших рюмки. Гость явно захмелел.

— Как я служить-то буду пьяный? — заскулил поп.

— Какой же вы, батя, иерей, если не пьете? В Холмской семинарии, где я учился, протодьякон перед службой нарочно напивался, чтобы голос был басистее. По пьяному делу и служить будет веселей. Раз, два и оттарабаните все, что полагается. Если запнетесь, я вам подскажу. До сих пор все великопостные службы на память помню.

— Душевно рад, что вы так сведущи в церковных службах. Попрошу оказать мне, грешному, помощь, наладить хоровое пение,— попросил поп.

Вечером в казарме устроили нечто похожее на походную церковь. Попик облекся в епитрахиль и начал службу.

Борейко во главе наскоро набранного хора изображал регента. Солдаты, сдвинув койки к стенам, стояли чинными рядами, подтягивая хору. Назаренко с причетником бойко торговал свечами. Шурка с матерью стояли сзади, усиленно крестясь.

Попик, еще не вполне протрезвившийся, служил, запинаясь и путаясь, зато Борейко старался изо всех сил, руководя хором.

Служба сошла гладко. Поп рассыпался в благодарностях Борейко. Расхрабрившись, он решил остаться до утра на Утесе.

За ужином Борейко опять напоил его.

Перед сном Звонарев, как всегда, прошелся по батарее. Ночь опять была мглистая, туманная. Дежурил второй взвод Лепехина.

Заглянув в солдатский каземат, Звонарев увидел Лепехина с толстой Библией в руках. Вокруг него собралось человек десять солдат, таких же солидных бородачей. Они внимательно слушали торжественное чтение взводного. Подойдя ближе, Звонарев разглядел на Библии старообрядческое двуперстие.

— Что читаете? — спросил он.

— Душеспасительное, великопостное — деяние апостолов,— не моргнув глазом, ответил Лепехин.

— В старообрядческом изложении?

— Бог один, ваше благородие, по-всякому его можно славить, лишь бы душа была чиста и непорочна,— примирительно отозвался Лепехин.

Звонарев не стал спорить и вышел из каземата.

На обратном пути у своей квартиры прапорщик неожиданно наткнулся в темноте на Шурку. Девушка дичилась его и, встречаясь, всегда торопливо уходила. Вспомнив о поручении Вари Белой, Звонарев окликнул Шурку.

Выслушав предложение, Шурка глубоко вздохнула и, немного помолчав, ответила:

— Я бы с радостью учиться пошла, да тятенька с маменькой не пустят, а особливо Вавила Пафнутьич серчать будет.

— А Пахомову-то до этого какое дело? — спросил Звонарев.

— Просватана я за него.

— Люб он, что ли, очень вам?

— Какое люб! Глаза бы мои не глядели на его противную рожу.

— Зачем же тогда идете за него?

— Родители велят. Они боятся Пахомова, особливо папаня; он, слышно, у жандармов служит,— тихим голосом проговорила девушка.— Как выпьет, начнет бахвалиться: кого захочу, на вечную каторгу в Сибирь упрячу! Его сам Стессель-генерал знает. Вон он какой, даром что писарь. Не знаю, как и быть мне. И учиться в охотку, и не пустят меня отсюда,— грустно вздохнула Шурка.

— Где ты по ночам шляешься! — громко окликнули Шурку, и она мгновенно исчезла в двери.

Утром попик встал с такой головной болью, что совсем не смог служить. Солдаты давно собрались в казарме и ждали начала богослужения.

— Опохмелитесь, батя, и все как рукой снимет,— уговаривал Борейко.

— Отыди от меня, сатана,— злобно шипел поп.— Напоил отца своего духовного и насмеялся над ним. Проклинаю!

— Не страшно, батя. Лучше выпейте и айда на службу — солдаты ждут. Узнает генерал, вам может влететь,— пугал его поручик.

Испуганный поп поспешил выпить поднесенный ему Борейко стакан водки.

Почувствовав себя лучше, он бодро отправился на богослужение. Сперва все шло хорошо, но затем попа начала одолевать икота.

— Мир-ик-ом гос-ик-поду пом-ик-олимся,— икал попик.

Солдаты смешливо загудели. Это обидело священника, и он от волнения икал еще больше. Выпитая натощак водка в теплом помещении туманила голову, и язык стал заплетаться. Шум среди солдат усилился.

— Распустите людей. Выведите их на батарею,— приказал Жуковский Борейко.— А батюшку отправьте на квартиру отдохнуть.

Солдаты весело балагурили по поводу случившегося. Заяц тотчас изобразил икающего попа. Лебедкин вторил ему, Лепехин неодобрительно качал головой и все повторял:

— Суета сует и всяческая суета, томление духа, силен в нас еще князь тьмы — вельзевул.

Чиж возмущался не столько поведением попа, сколько солдатами.

— Туда же, хамские рожи, на смех подняли своего духовника. Да их всех тут следовало бы перепороть, мерзавцев, чтобы знали, как над духовным отцом смеяться. Завтра же об этом сообщу мадам Стессель, она сумеет принять нужные меры!

— При чем же здесь солдаты? — спросил Жуковский.

— Дисциплинированные солдаты и виду бы не показали, что заметили неладное. Это вы, Николай Васильевич, виноваты, уж очень миндальничаете с солдатней, распускаете их.

Пасмурная с утра погода днем прояснилась, и на море показались дымки японской эскадры. Все поспешили на батарею. Японцы пустили по направлению к Артуру несколько быстроходных крейсеров, которые, подойдя к берегу, с дальней дистанции открыли огонь по внутреннему рейду и городу. Шестидюймовые снаряды с легким свистом пролетали над Электрическим Утесом, устремляясь на Золотую гору, в порт и город.

— Николай Васильевич, разрешите мне дать залп-другой по японцам? — спросил Борейко.

— Стоит ли? Суда маленькие, быстроходные, попасть в них трудно, только снаряды будем зря расходовать,— возражал Жуковский.

— Я хочу проверить свои новые таблицы стрельбы; я учел в них ветер, плотность воздуха и даже высоту прилива.

— Что же, дайте два залпа. Посмотрим, что у вас выйдет,— согласился Жуковский.

Борейко вытащил целую кучу таблиц, что-то по ним прикинул, послал к себе на квартиру узнать показания барометра, укрепил некое подобие вертушки Вильда, внимательно посмотрел на секундомер и наконец скомандовал прицел и целик.

— Наводить, как я вас учил, следить за целью до момента выстрела,— предупреждал он солдат.

Солдаты кропотливо возились у пушек. Взводные и орудийные фейерверкеры, видимо заинтересованные результатами опыта, тщательно проверяли наводку.

Не успел отгреметь первый залп, как Борейко, не дожидаясь определения его результатов, скомандовал новый прицел и целик. Это сократило время между залпами почти на целую минуту. Жуковский удивленно посмотрел на Борейко.

— А если потребуется скорректировать залп? — спросил он у поручика.

— Корректировать не потребуется. Покрытие обеспечено. В этом и состоит особенность моего метода,— ответил тот.

— Падает! — закричал сигнальщик.

Все вскинули бинокли к глазам и увидели, как на головном трехтрубном крейсере взвилось темное облачко, а когда его отнесло ветром в сторону, то обнаружилось, что на том месте, где стояла передняя труба, ее уже не было, и только черный дым клубами вырывался наружу.

— Два попадания, один перелет, два недолета! — доложил сигнальщик.

— Прекрасно! Попробуйте еще,— обрадовался Жуковский.

Грянул второй залп.

— Две минуты двадцать секунд,— отметил время между залпами Борейко.

Японцы, видимо не ожидавшие сразу попасть под накрытие, продолжали еще некоторое время идти прежним

курсом, но затем стали быстро поворачивать. Тут их настиг второй залп. Опять было отмечено одно попадание в головной корабль. Японцы спешно легли на обратный курс и стали удаляться заметно уменьшенным ходом.

Пока они вышли за пределы досягаемости, Борейко успел дать еще один залп. Результаты опять были хорошие: два снаряда попали в концевой корабль, вызвав на нем пожар.

— Разрешите скомандовать отбой? — официальным тоном спросил Борейко, радуясь своим успехам.

— Пожалуйста! Поздравляю вас с превосходно проведенной стрельбой. Сочту своим долгом сегодня же донести об этом Белому и Стесселю,— рассыпался в любезностях Жуковский.

— Разрешите мне поблагодарить солдат,— попросил Борейко и, получив разрешение, во всю силу своих богатырских легких закричал: — За сегодняшнюю молодецкую стрельбу спасибо, братцы!

— Рады стараться! — ответили солдаты.

— Всем от меня по чарке водки.

— Покорнейше благодарим!

— И от меня тоже,— добавил Жуковский.

— Покорнейше благодарим!

— А теперь не грешно и нам пропустить чарку-другую,— пробасил Борейко, направляясь вниз с батареи.

О попе все позабыли, а он при первых же выстрелах кинулся бежать в город, на ходу осеняя себя крестом. Причетник едва поспевал за ним.

Вечером Борейко отпросился в город, уговорив ехать и Звонарева.

— К десяти часам оба будем дома,— уверял он.— Проведаем морячков со «Страшного», как они поживают после столь удачного нашего обстрела,— шутил он.

«Страшный» оказался в доке, а все офицеры на берегу. Борейко повез Звонарева по всем злачным местам, но ни в ресторане «Саратов», ни в «Звездочке», ни в «Варьете» они никого не нашли. Один из знакомых моряков посоветовал заглянуть к Риве и указал ее квартиру.

Появление артиллеристов сперва несколько смутило Риву, так как у нее были Дукельский, Малеев, Акинфиев и другие моряки, но Борейко так дружески приветствовал лихого лейтенанта, что ее опасения мгновенно исчезли.

— Позволь тебе, Георгий Владимирович, предста-

вить нашего прапорщика, искуснейшего стрелка по русским миноносцам. Бьет по ним без промаха днем и ночью, что могут засвидетельствовать представители «Страшного».

Звонарев готов был обидеться в ответ на это замечание, но Дукельский весьма вежливо приветствовал его.

— Я не сомневаюсь, что господин Звонарев с еще большим успехом стреляет по японским миноносцам. Думаю, что Малеев и Акинфиев разделяют мою точку зрения.

— Вполне,— присоединились мичман и лейтенант.

— Значит, все в порядке. Не перекинуться ли нам в банчок, Боря? — предложил Дукельский.

Малеев, Борейко, Сойманов и Дукельский сели за карты, а Звонарев с Акинфиевым поместились на диване.

Звонарев стал расспрашивать о пострадавших на «Страшном».

— Больше всего пострадал сам миноносец, вы чуть ли не первым же снарядом повредили рулевое управление, а затем пробили холодильник в машине. Слегка обожгло двоих в машинном отделении,— сообщал Андрюша.— Хуже то, что вы, видимо, не знаете наших сигналов. Мы все время показывали свои позывные и просили прекратить огонь, а батареи, наоборот, еще сильнее стали нас осыпать снарядами. За это мы вас здорово ругали.

— Быть может, вы сможете нам прислать сводку ваших сигналов, чтобы мы в них разбирались?

— Это не так просто. Проще прислать вам на батареи для связи хотя бы по одному матросу-сигнальщику. Сигнализация у нас довольно сложная, и ее скоро не выучишь.

— Давайте, Андрей Михайлович, заключим с вами союз берега с флотом, будем друг другу, в чем можем, помогать и прежде всего наладим прочную связь между собою. Пусть там штаб и начальство как хотят, так и делают, а мы, молодежь, потеснее свяжемся друг с другом.

— Идет! Я думаю, что все здесь присутствующие присоединятся к нам.

— В чем дело? — спросил Дукельский.

Акинфиев пояснил.

— Недисциплинированный вы юноша, мичман. Для чего же тогда штабы существуют, если связь помимо них пойдет?

— Для того чтобы всегда и всюду, на море и на бе-

регу, вносить путаницу,— внушительно проговорил Борейко.

Все дружно расхохотались.

— Увы! Ты прав, Борис. Хотя и я флаг-офицер, но далеко не поклонник штабов.

— Так вы к нашему союзу присоединяетесь? — наседал на Дукельского Акинфиев.

— Готов помочь чем могу и установить прямую связь, хотя бы сперва только с Электрическим Утесом,— согласился лейтенант.

— Заключение союза необходимо вспрыснуть,— вставил Борейко.

— Всему свой черед. А пока что перекинемся в картишки.

Началась игра.

Звонарев с любопытством рассматривал небольшую, со вкусом обставленную квартиру и хозяйку, хлопотавшую около стола.

— Андрюша и вы, простите, не знаю, как вас зовут, помогите мне накрыть на стол,— попросила их Рива.

Оба молодых человека направились в столовую.

— Вы у нас недавно? — спросила Рива Звонарева.

— Две недели.

— С Борейко на Электрическом? Там, говорят, ни днем, ни ночью покоя от японцев нет. Все время стреляют. Должно быть, очень страшно? Не правда ли? — болтала Рива.

— Я думаю, что у вас в городе гораздо страшней,— возразил Звонарев.— У нас бетонные казематы, куда мы можем спрятаться от снарядов, а вы ничем не защищены здесь.

— Я сперва в погреб пряталась, да там у нас мыши. Я их больше японцев боюсь. Теперь сижу у себя и думаю — будь что будет! У вас я бы со страху умерла, а здесь как-то не страшно. Кажется, никогда сюда снаряд не попадет,— улыбнулась Рива.— Борейко, верно, храбрый?

— Очень храбрый, всегда на бруствере торчит, чтобы солдаты видели и сами не пугались.

— Вы инженер-механик? — спросил Андрюша.— Отчего же попали не во флот, а в крепость?

— Я, можно сказать, и моря настоящего до Артура не видел, судовых машин не знаю вовсе. Отбывал воинскую повинность в артиллерии, вот и попал в крепость.

— Значит, вы ученый инженер, а не простой офицер,— заметила Рива.

— Чем же офицеры хуже инженеров, Ривочка? — спросил Акинфиев.

— Офицеры умеют только воевать, а война бывает не всегда. А инженеры и доктора — они всегда нужны.

— Измена! Рива передалась стрюцким,— кричал Акинфиев.— Не хочет больше знать офицеров.

— Не кричите и не преувеличивайте,— пожалуйста, Андрюша. Я совсем этого не говорила,— возразила Рива.

За ужином пили умеренно, даже Борейко. Дукельский тянул через соломинку коньяк и изредка чокался с гостями.

Рива и Куинсан одновременно подавали и угощали всех. В общем, походило на добропорядочный семейный вечер в семье среднего достатка. Звонарев продолжал наблюдать за Ривой, восхищаясь ее тактом и умением держаться.

После ужина стали прощаться. Дукельский с Ривой провожали гостей, как хорошая супружеская чета.

— Милости просим к нам на Электрический Утес,— приглашал всех Борейко.— Сговоритесь, друзья, и звякните накануне, чтобы мы могли с честью встретить дорогих гостей.

Моряки подвезли артиллеристов на катере до Золотой горы, откуда Борейко с Звонаревым пешком отправились на Электрический Утес. Жуковский, ожидавший на батарее, слегка поворчал на них за опоздание.

Наутро Борейко проснулся рано, совершенно трезвый, в очень скверном настроении: хотелось водки, но ее не было — вчера он забыл купить в городе. Раздражение охватило поручика. Он крикнул денщика и послал его за спиртом к ротному фельдшеру.

— Скажешь Мельникову, чтобы выдал бутылку из неприкосновенного запаса. Днем я верну,— распорядился Борейко.

Пока денщик бегал исполнять приказание, поручик оделся и решил побывать в ротной кухне. Ему, собственно, не было никакого дела до нее, так как артельным хозяйством ведал не он, а Чиж, но от солдат он узнал о злоупотреблениях артельщика и теперь решил лично его проверить.

Появление покойника меньше испугало и удивило бы артельщика, чем появление Борейко.

— Здорово,— буркнул он солдатам.— Сколько на довольствии?

— Двести сорок человек.
— Какая порция мяса?
— Тридцать два золотника на человека.
— Так всего, значит, восемьдесят фунтов — два пуда. Вынимай мясо из котла и клади на весы.
Артельщик и кашевар бросились исполнять приказание.
— Взвешивай,— приказал Борейко дежурному по кухне.— Сколько?
— Один пуд двадцать пять фунтов,— доложил дежурный.
— Где остальное? — повернулся Борейко к кашевару.
Тот мигал глазами и растерянно молчал.
— Живо подавай остальное! — закричал Борейко.
— Тут для господина фельдфебеля кусок с костью.
— Взвесь.
— Пять фунтов три золотника.
— Клади в общую кучу. Где еще десять фунтов?
— На ужин, вашбродь, в кладовке.
— На ужин еще по шестнадцать золотников полагается. Тащи сюда.
Принесли еще пуд мяса.
— Из-под земли, но чтоб мне были десять фунтов! — ревел в бешенстве Борейко.
Артельщик куда-то сбегал и принес недостающее мясо.
— Воруешь, сволочь! Солдат обираешь! — накинулся на него поручик.
— Никак нет, я...— начал было артельщик, но Борейко ударил его кулаком в лицо. Солдат охнул и схватился за лицо руками, между пальцев показалась струйка крови.
Озверевший офицер еще раз так ударил артельщика кулаком по голове, что тот упал на пол.
— Позвать сюда фельдфебеля,— распорядился Борейко.
— Так они еще спят,— заикнулся дежурный по кухне.
— С кровати стащи, но чтобы сейчас был здесь,— орал Борейко.
Дежурный исчез.
— Клади все мясо в котел,— приказал кашевару Борейко.— Принеси проволоки, сам закрою крышку котла и запечатаю. А его,— указал он на артельщика,— отлить водой.
Раздражаясь все более, поручик вышел на двор и

стал ждать Назаренко. Прошло минут десять, пока наконец тот вышел из своей квартиры и, застегиваясь на ходу, подошел к Борейко.

— Воруешь, негодяй! — накинулся на него поручик.— По пять фунтов мяса из котла берешь?

— Я, ваше благородие, беру не только на себя, но и на Пахомова,— начал оправдываться перетрусивший фельдфебель.

— Значит, ты не приказывал артельщику оставлять тебе мясо? Сейчас разберу все на месте.

На кухне артельщик и кашевар подтвердили, что отложили мясо по приказанию Назаренко.

— Врут, ваше благородие, как перед истинным, врут,— бормотал Назаренко.

— Дежурный по кухне сам приказывал отложить,— настаивал артельщик.

Позвали дежурного. Тот растерянно смотрел то на Назаренко, то на артельщика, то на Борейко.

— Фельдфебель приказывал тебе оставить ему мясо?

— Так точно... никак нет, не могу знать,— бестолково бормотал солдат.

Борейко ткнул его кулаком в лицо.

— Ну, приказывал или нет, сукин сын?

Дежурный только беззвучно шевелил распухшими губами.

— Отвечай, стерва! — замахнулся опять Борейко.

— Так точно, приказывали отложить мясо и чтобы сахарная косточка была,— наконец выдавил из себя солдат.

— Слыхал, старый вор? — обернулся поручик к фельдфебелю.

— Врет, все врет, по злобе на меня,— оправдывался Назаренко.

— Сам ты врешь! — заорал Борейко в бешенстве.

Солдаты, бледные от страха, окаменели на своих местах. Избиваемый Назаренко только вскрикивал под градом сыпавшихся на него ударов.

Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы в кухню не вошел Родионов. Мгновенно поняв происходящее, он обхватил Борейко за талию и стал оттаскивать от Назаренко.

— Ваше благородие, да оставьте его, а то до смерти убьете,— уговаривал он озверевшего поручика.

— Ты чего не в свое дело суешься? — накинулся на него Борейко.

— Вам же, ваше благородие, за него, за гада, отве-

чать придется, он того не стоит, чтобы за него отвечать,— продолжал уговаривать Родионов.

Поручик стал приходить в себя, посмотрел на окровавленного фельдфебеля, на избитых им солдат и глухо проговорил:

— Назаренко отвести домой, прочим сволочам умыться,— и вышел из кухни.

Как только дверь за ним закрылась, солдаты бросились помогать фельдфебелю.

Назаренко охал и стонал, отчаянно ругая Борейко.

— До самого генерала дойду, а на него управу найду! Двадцать лет на сверхсрочной и никогда не видывал и не слыхивал, чтобы так фельдфебелей били, да еще в присутствии солдат. Это ему не пройдет. Шалишь, до генерала Стесселева дойду, а его под суд упрячу,— плаксивым голосом грозился фельдфебель.— А ты, сука, что,— обернулся он вдруг к кашевару,— не мог сразу сказать, что это на десять человек, а не на одного меня. Ах ты, стерва! — И, забыв свои раны и побои, фельдфебель бросился на кашевара. Тот попытался защищаться, но Назаренко ударил его по голове черпаком, а затем ногой в живот. Кашевар охнул и присел на землю.

— Будешь знать, как своего фельдфебеля подводить. И вам тоже я попомню это! — пригрозил Назаренко артельщику и дежурному по кухне.

— Идите-ка лучше домой, Денис Петрович, умойтесь да встряхнитесь,— проговорил Родионов.

— Это я-то, по-твоему, гад? Смотри, как бы нашивочки твои не слетели бы, как я командиру про дела первого взвода доложу,— окрысился вдруг Назаренко.— Ты думаешь, не знаю, какие вы там книжки по ночам читаете? За это по головке не погладят.

— Да я же вас от смертоубийства спас,— иронически заметил Родионов,— а вы же на меня лаетесь.

— Лаетесь! Что я тебе, пес брехливый, чтобы лаяться? «Он того не стоит». А ты, дермо всмятку, много стоишь? Тьфу на тебя.— И фельдфебель вышел из кухни.

— Чего это Медведь на вас набросился? — спросил Родионов у оставшихся на кухне солдат.

— Попритчилось, что мясо воруем, ну и пошел по мордам хлестать, что по своей балалайке,— мрачно буркнул артельщик.— С вашего же взводу, должно, Медведя на нас напустили.

— Сами, ребята, виноваты. Сколько раз я вам говорил: бросьте вы ваше жульничество, обижаются солдаты, а вы все свое — нам наплевать, с нами сам фельд-

фебель. Вышло, что и фельдфебель от Борейко не спасет. Поди командиру на вас рапорт подаст, под суд пойдете.

— Где же правда? Нас бьют да еще под суд хотят отдать,— возмутился артельщик.

— Не воруй, тогда и бить не будут,— сурово ответил Родионов.— А сейчас сами на себя и пеняйте.

— Офицерский холуй,— выругался артельщик.

— Мало тебе поручик морду набил, так хочешь, чтобы я еще добавил? — проговорил Родионов.— Воровское отродье, доберемся до вас,— почище, чем от Борейко, от солдат влетит. Давно о темной поговаривают. Накроют, а там разбери кто бил.

— Ты же солдат сам на нас натравливаешь! — кричал артельщик.

Родионов смолчал и вышел из кухни.

Назаренко, придя домой, взглянул в зеркало и заплакал от жалости к себе. Один глаз запух, нос раздулся, губы кровоточили в нескольких местах, мундир был в грязи, порван и висел клочьями. Увидев мужа, жена ахнула и залилась слезами. Шурка исподлобья посмотрела на отца, а затем бросилась было очищать его от грязи.

— Не трожь, дура! Как есть — до командира пойду, пущай видит, как со мной Борейко обращается. Пойдешь со мной,— приказал жене. Так, прихрамывая на обе ноги, окровавленный, истерзанный, поддерживаемый под руку женой, он предстал перед Жуковским.

— Кто это тебя так изукрасил? — удивился Жуковский, зная крутоватый нрав своего фельдфебеля, державшего всю роту в руках.

Назаренко стал жаловаться на Борейко, его жена вторила ему, обливаясь слезами.

— Позвать сюда поручика Борейко! — приказал Жуковский денщику.

— Очень они пьяны, ваше благородие, лютуют страсть как, своего Ивана до полусмерти изувечили невесть за что,— сообщил денщик.

— Когда же он успел в такую рань напиться? — удивился Жуковский.

— Должно, с вечера пьяны.

— Придется подождать, пока проспится. Позови ко мне прапорщика,— приказал денщику капитан.

— Силов моих нет терпеть истязание больше,— захныкал Назаренко.— Самому генералу претензию заявить желаю.

— Подожди, пока я сам с Борейко разберусь,— возразил Жуковский.— Пока ступай и приведи себя в порядок.

— Сергей Владимирович,— обратился он к вошедшему Звонареву.— Тут Борейко напился и набезобразил, надо будет дознание по этому поводу произвести, опросите солдат и Борейко, в чем дело, и представьте при рапорте мне.

— В жизни судейскими делами не занимался. Представления не имею, как его сочинять, это самое дознание. Лучше бы Чижу поручили, он чином старше Борейко, и, верно, умеет производить дознание,— начал отнекиваться Звонарев.

— Нельзя Чижа: Борейко его не переносит, может скандал произойти. Кроме вас, мне некого назначить. Потом, быть может, вы попробуете урезонить Борейко и уложить его спать. Говорят, озверел от водки.

— Подчиняюсь без особого удовольствия,— нехотя проговорил Звонарев и направился к Борейко на квартиру.

Придя из кухни к себе, Борейко послал денщика еще за бутылкой спирта к ротному фельдшеру.

«Все они — сволочи, воры и жулики. Но горячиться было нечего. Стукнуть раз-другой по морде артельщика с кашеваром, выругать фельдфебеля покрепче и подать обо всем рапорт, требуя смены артельщика и кашевара. Это было бы правильно, а так сам в дураках остался. Назаренко подымет историю! Положим, его давно надо было проучить, чтобы он не зазнавался, но вышло неаккуратно. Хорошо, хоть Родионов оттащил»,— мрачно думал поручик, шагая по комнате. Гнев опять поднимался в нем и на себя, и на солдат, и на весь мир.

Денщик вернулся с пустой бутылкой и доложил:

— Так что фершал больше не дадут, сказывали передать, чтобы вы и не посылали.

— Что? — вспыхнул Борейко.— Я ему голову с плеч оборву, если не даст еще, марш! — накинулся он на денщика и опять мрачно зашагал по комнате.

Через минуту денщик вернулся с пустыми руками.

— Я тебе что приказал? — мрачно подошел к солдату Борейко. Тот боязливо попятился к двери.

— Что я тебе приказал? — наседал Борейко.— Как же ты смел не исполнить моего приказания и не принес спирту?

— Не дают больше.

— Не дают,— передразнил Борейко,—так я тебе дам!

Марш назад.— И он со всей силой ударил денщика кулаком в лицо.

Солдат громко вскрикнул и выбежал из комнаты.

— Экая скотина! — выругался Борейко и трясущимися от волнения руками налил себе стакан спирта.

Удар Борейко был так силен, что на лице денщика оказалась рваная рана, очевидно, от кольца на руке поручика. Обливаясь кровью, зажимая руками изуродованное лицо, он с трудом добрался до фельдшера.

— В госпиталь надо, там тебе морду заштопают,— деловито проговорил фельдшер, осмотрев пострадавшего.— Сейчас повязку наложу.

В это время вошел Назаренко. Лицо его совершенно распухло и изменилось от удара.

— Денис Петрович! Бог с вами, кто это вас так зашиб? — всплеснул руками фельдшер.

— Не твое дело, знай помощь оказывай,— мрачно буркнул фельдфебель.

— Не иначе, как рука Борейко,— проговорил Мельников, как бы еще ничего не зная о случившемся.— Денщика своего изувечил, надо в госпиталь отправлять. Вам портрет попортил. Не человек, а зверь лесной, одно слово — медведь! Жаловаться на него надо, чтобы утихомирили, на цепь посадили,— разливался фельдшер, бинтуя голову фельдфебеля, и вдруг примолк.

В окне мелькнула фигура Борейко, и в следующую минуту он вошел в помещение.

— Водки, спирту, все, что у тебя есть! Да живо! — приказал он Мельникову.

— Все начисто выпили, ваше благородие, ничего не осталось,— торопливо отвечал фельдшер.

— Открывай аптечку!

Мельников поспешил распахнуть дверцу шкафчика с медикаментами. Борейко сам стал пересматривать все склянки.

— А это что?

— Спиритус вини денатурати,— щегольнул латынью Мельников.

— Давай сюда.

— Ваше благородие, от него заболеть и даже умереть можно,— робко запротестовал Мельников.

— А если я сдохну, так ты плакать будешь? — спросил в упор Борейко, багровый от прилива крови и страшный своей дикостью.— Чего же молчишь? — с яростью закричал поручик.

— Не могу знать.

— Не можешь знать! Так вот тебе, скотина.— И Борейко наотмашь ударил Мельникова по уху, затем повернулся и, тяжело, по-медвежьи ступая, вышел.

— Ох, по всей голове звон пошел, как он двинул,— жаловался Мельников.

— Хорошо, что так, а то вовсе мог бы изувечить,— проговорил Назаренко.

Звонарев встретил Борейко, когда тот возвращался к себе, держа бутылку денатурата в руках.

— Я к тебе, Борис Дмитриевич. Меня Жуковский прислал поговорить с тобой.

— Заходи, выпьем за компанию.

Звонарев вошел в комнату Борейко.

— Полюбоваться хочешь на пьяного Борейко, молокосос? Смотри, издевайся, смейся надо мной, заслужил, понимаю.

— Бросил бы ты, Боря, водку. Право слово, лучше было бы тебе и нам.

Борейко продолжал молча пить.

— Ни за что ни про что избил Назаренко, артельщика с кашеваром...

— Так им и надо, чтобы не воровали.

— Ивана своего изувечил...

— Ивана? Не припомню что-то. Маленько разок ткнул его...

— Так, что в госпиталь его направляют...

— Зря я это. Сколько раз ему говорил — не подвертывайся мне под пьяную руку. Нет, таки угораздило его,— искренне сокрушался Борейко.

— Тебя командир звал...

— Ну его! Он во всем и виноват. Поручил артельное хозяйство Чижу. Тот с Пахомовым приварочные деньги крадет, а паек ворует Назаренко с компанией. Надо же кому-нибудь порядок навести.

— Брось, Борис, пьянствовать,— уговаривал Звонарев, которого все больше возмущал Борейко.

— Брошу, если ты выпьешь этот стакан,— неожиданно проговорил Борейко.— Выпьешь, даю слово, спать лягу сейчас же.— И он налил Звонареву стакан.— Пей, как друга прошу, пей, — с упрямством настаивал Борейко.

Звонарев минуту колебался, а затем, затаив дыхание, опрокинул в себя спирт.

— Ух, какая гадость,— с трудом проговорил он.

— Молодец,— пробурчал Борейко и, раскрыв форточку, выбросил оставшиеся бутылки.

— Пошли-ка своего денщика на кухню за огуречным рассолом да вели компресс мне на голову приготовить, я лягу спать.— И, сняв сапоги, Борейко улегся на кровать. Через минуту он уже храпел.

Звонарев поспешил к Жуковскому с докладом о достигнутых успехах.

— Что с вами, Сергей Владимирович, вас Борейко оскорбил? — бросился тот навстречу красному как рак Звонареву.

— Нет, заставил только выпить стакан спирта.— И Звонарев рассказал капитану все происшедшее.

— Идите до обеда отсыпаться, да примите нашатырного спирта — это помогает,— отпустил его командир.

Звонарев не замедлил последовать его совету.

Было за полдень, когда прапорщик проснулся с тяжелой головой. Первое, что он увидел, был Борейко — трезвый и мрачный.

— Вставай, Сережа, да одевайся скорее.

Когда Звонарев оделся, оба отправились к Жуковскому.

Борейко торжественно принес Жуковскому извинения по поводу своей утренней выходки.

— Вы бы, Борис Дмитриевич, поменьше пили, право, лучше было бы. И вам извиняться не приходилось бы, и мне вас журить. А то смотрите, что натворили: артельщика избили...— стал капитан перечислять преступления поручика.

— Поделом,— вставил Борейко.

— Кашевару зубы выбили...

— Так ему и следует.

— Фельдфебеля чуть не до смерти изувечили.

— Давно до него добирался.

— Своего денщика изранили.

— Грешен. Не помню, как это и произошло. Каюсь и казнюсь. Зря его обидел.

— Лучше бы вы обо всем мне доложили, я бы все разобрал и уладил.

— Я, Николай Васильевич, много раз вам говорил, что у нас артельщик вор, что его покрывает фельдфебель, а вы мне не верили, требовали доказательств, и я отправился сегодня утром их добывать. Заодно и расправу тут же учинил.

— Я вас, Борис Дмитриевич, вместе с Сергеем Владимировичем прошу сегодня же проверить книжки артельщика, а то я в них давно не заглядывал, руки не доходили,— предложил Жуковский.

— Слушаюсь! Сейчас же пойдем в канцелярию,— ответил Борейко и вместе с Звонаревым направился к двери.

У входа в канцелярию они увидели человек десять солдат, стоящих с полной выкладкой под ружьем.

— Это еще что за почетный караул? — воскликнул поручик, глядя на наказанных.

Хмурые, недовольные лица солдат просветлели.

— Здорово, орлы! — гаркнул Борейко.

— Здравия желаем! — вразброд ответили солдаты.

— Ты за что стоишь? — обратился Борейко к стоящему на правом фланге бомбардиру — наводчику Кошелеву, лучшему наводчику в роте и своему любимцу.

Кошелев, благообразный, солидный солдат из сибиряков, засмеялся.

— Так что, ваше благородие, чихнул на штабс-капитана.

— То есть как это чихнул?

— Штабс-капитан позвали меня к себе, я подошел, а тут чох на меня напал, малость на их попало, они и дали мне десять часов под винтовкой.

— Та-а-ак! На начальство, говоришь, начхал. Я, брат, сам часто на начальство чихаю, но делаю это с оглядкой и тебе впредь советую. Ступай в казарму.

— Покорнейше благодарим,— обрадовался солдат, снимая винтовку с затекшего плеча.

— А ты за что? — спросил Борейко у следующего.

— Плохо посмотрел на штабс-капитана, ваше благородие, они и рассерчали — стань, грит, дурень, на восемь часов под винтовку.

— Как же ты на них посмотрел?

— Вестимо как, ваше благородие, абнакновенно.

— А ты знаешь, что по уставу полагается «есть глазами начальство», а ты — «абнакновенно». Следующий раз, как штабс-капитана увидишь, так не только ешь, а грызи его прямо глазами. Понял? Ступай.

Солдаты совсем повеселели и ждали своей очереди.

— Ты за что? — спросил Борейко у третьего.

— Без портупеи до ветру пошел, а штабс-капитан увидел.

— Что же ты, разгильдяй такой!

— Так, ваше благородие, до ветру все одно портупею снимать надоть.

— Там и портки скидать приходится, так ты и пойдешь до ветру голозадым, дурья ты голова? — под

хохот солдат сказал поручик.— Айда все в казарму! — приказал он.

Солдаты с веселыми шутками побежали в казарму.

— Чиж на тебя в претензии будет,— предостерег Звонарев.

— А мне наплевать на него.

— Это же подрывает его авторитет у солдат.

— Да у него давно никакого авторитета нет. Сам его подорвал своей трусостью и глупыми взысканиями. Солдат, брат, нас всех насквозь видит лучше, чем мы друг друга.

В канцелярии Борейко потребовал у Пахомова книжку артельщика, где записывались все расходы по артельному хозяйству.

— Ну, Пафнутьич,— обратился он к старшему писарю, просмотрев тетрадь,— говори прямо: сколько украли?

— Что вы, ваше благородие, мы этим не занимаемся,— с возмущением ответил Пахомов.

— Посмотрим.

Звонарев стал читать статьи расхода по книжке, а Борейко просматривал соответствующие счета.

Когда чтение было окончено, поручик аккуратно стал выдирать из пачки сшитых документов отдельные счета.

— Ваше благородие, что вы делаете? — испугался писарь.

— Подложные счета выбираю,— буркнул Борейко.— Пиши, Сережа, при проверке обнаружено наличие фальшивых счетов на... сейчас на счетах прикину — рублей семьдесят шесть, копеек двадцать.

— Да какие же они фальшивые? — взмолился Пахомов.

— Это что? Куплено лаврового листа и перцу на десять рублей, и подпись какая-то китайская — не то Вынь Ху-чи, не то Сыхь Чи-ли. На эти деньги лаврового листа купишь на целый год, а тут через пять дней еще на рубль того же листа. Что же, по-твоему, рота только одним лавровым листом питается? А это — «чумизы на двенадцать рублей», за эти деньги три воза можно купить, а тут всего три пуда показано. За такие штучки под суд пойдешь, Пахомов,— пригрозил Борейко.

— Ваше благородие, я человек маленький,— бормотал писарь,— как штабс-капитан приказали, так я и делал.

— Сколько же штабс-капитан за это заплатил тебе с артельщиком?

— Скупы они, ваше благородие, только по трешке дали.

— Эх, за трешку в тюрьму сядешь, Пафнутьич. Умнее я тебя считал, ан, выходит, ты и вовсе глуп.

— Мы люди подневольные, как прикажут, так и делаем.

— Делать-то надо с умом, да понимать, что можно, а что нельзя. Давай другие книжки. Здесь сколько фальшивых счетов?

Перепуганный писарь уже сам начал показывать поддельные счета. Через час работа была закончена.

— Итак, всего поддельных счетов нашли мы на триста с чем-то рублей. Пиши, Пафнутьич, акт да жди суда.

— Как перед богом — не виноват. Все штабс-капитан да фельдфебель приказывали — пиши да пиши,— изворачивался писарь.

Жуковский пришел в ужас, когда Борейко с Звонаревым поднесли ему свой акт.

— Борис Дмитриевич, да что вы наделали? Зачем было такой акт писать? Доложили бы на словах. Теперь по всей артиллерии пойдут разговоры, что у нас в роте воруют. Стыда не оберешься, да и от генерала будут неприятности.

— Зато мы от воров избавимся. Надо Чижа отстранить от артельного хозяйства и выбрать нового артельщика.

— А деньги как же?

— Чиж заплатит.

— А если нет?

— Заплатит, из жалованья удержат. Сообщите только в Управление.

— Я этого-то и не хочу,— возразил Жуковский.— Надо все же еще Чижа самого спросить, пусть он объяснения представит.

— Позвать сейчас же сюда штабс-капитана Чижа! — крикнул Борейко.

Когда Чиж явился, ему дали прочесть акт комиссии. Он покраснел от волнения и, заикаясь, возмущенно проговорил:

— Ведь этакий мерзавец Пахомов: обвел меня вокруг пальца, под носом сумел украсть! Его надо немедленно под суд отдать за подлоги и воровство.

— Пахомов мне и прапорщику прямо заявил, что подлог сделал по вашему приказанию и что вы ему

с артельщиком за это платили,— раздельно проговорил Борейко, смотря на Чижа.

— Вы забываетесь, поручик, это оскорбление для меня; выходит, что я деньги себе присвоил?

— Выходит, что украли. Николай Васильевич, прикажите позвать сюда Пахомова и артельщика,— попросил Борейко.

— Что же, вы очную ставку собираетесь мне устраивать с нижними чинами? — завизжал Чиж, мечась по комнате.— Это подрыв дисциплины, потрясение основ русской армии. Я ухожу. Больше разговаривать по этому вопросу не желаю.— И Чиж направился было из комнаты.

— Стоп! — преградил ему дорогу Борейко.— А недостающие денежки Николай Васильевич за вас платить будет?

— Я-то тут при чем? Воровали Пахомов с артельщиком, а я за них отвечай,— протестовал штабс-капитан.

— Вы, Александр Александрович, ответственны по закону за целость артельных сумм, а не писарь и не артельщик,— проговорил Жуковский.

— И вы тоже, как командир роты. Если уж на то пошло, будем платить пополам,— не сдавался Чиж.

— Вот так фрукт,— произнес Борейко, все еще загораживая двери.— Сам украл, а других платить заставляет.

Чиж ринулся было с кулаками к поручику.

— Ша, киндер! — угрожающе проворчал Борейко, заметив движение Чижа.

Штабс-капитан струсил и отошел.

— Так как же насчет денег? — настаивал Жуковский.

— Я все заплачу, только велите этому хаму пропустить меня в дверь,— бесновался Чиж.

— Расписочку напишите, господин штабс-капитан,— насмешливо-вежливо проговорил Борейко.

Чиж быстро набросал требуемую расписку и протянул ее Жуковскому.

Борейко отошел от двери, в которую тотчас пулей вылетел Чиж.

— Заварили вы кашу, Борис Дмитриевич,— укоризненно покачал головой Жуковский.

— Ничего, расхлебаем и живы будем,— улыбнулся поручик.— Полезно иногда зарвавшегося жулика одернуть.

— Что же мне теперь делать? — в раздумье проговорил Жуковский.

— Получить с Чижа деньги да переменить артельщика с кашеваром, только всего и дел.

— Под суд их отдавать надо.

— Не стоит. Чиж все на них свалит, а сам из воды сух выйдет. Набил я им морду — и хватит. Не люблю я эти суды и пересуды. Волокита одна.

— Пожалуй, это и будет самое простое,— согласился капитан.— Только ведь Назаренко может на вас рапорт подать. Тогда опять история начнется.

— Не подаст, побоится. Ведь и у него рыло в пуху оказалось при проверке артельных сумм.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Звонарев получил предписание явиться в Управление артиллерии и приступить к работам по переделке лафетов десятидюймовых пушек для стрельбы бездымным порохом.

Он не предполагал долго отсутствовать, но все же не без грусти расставался с батареей, с которой уже успел сжиться.

Прибыв в Управление, он явился к Гобято, который встретил его со своей обычной приветливостью.

— Остановитесь у меня. Сейчас я прикажу отнести ко мне ваши вещи, а затем пойдемте знакомиться с мастерскими: они неподалеку,— предложил Гобято.

Мастерские оказались небольшим ремонтным заводом, расположенным у самой подошвы Золотой горы, что делало их невидимыми со стороны моря. Отдельные цеха были разбросаны на довольно большой площади.

Всего в мастерских было занято до трехсот солдат и вольнонаемных.

Они обошли механический цех и за ним увидели лежавшие в разобранном виде на земле пять лафетов для десятидюймовых пушек.

— Вы расклепаете станины, добавите к каждой по три стальных листа, затем снова их склепаете, перенесете межстанинные связи, как мы с вами рассчитали, и замените подъемные дуги на бóльшие, чтобы можно было выше подымать дуло орудия. Вот и вся работа. Думаю, что вы в неделю с ней справитесь, в помощь вам я дам начальника кузнечного цеха, классного обер-фейерверкера Жмурина. Кстати, вот и он сам, познакомьтесь.

Жмурин оказался блондином, небольшого роста, лет двадцати пяти, в пенсне на широкой ленте.

— К работе приступите завтра же с утра. Сейчас же двинемся обратно в Управление, нас там ждет Белый.

Генерал подробно расспросил о состоянии работ, порученных Звонареву, и просил ускорить их.

— По расчетам Николая Андреевича, дальнобойность десятидюймовых пушек увеличится с девяти с половиной верст до тринадцати с половиною, то есть весьма значительно: это даст возможность подпустить японцев и неожиданно их обстрелять.

— Боюсь, ваше превосходительство, что с увеличением дистанции так же сильно возрастет рассеивание снарядов и меткость орудий снизится,— заметил Гобято.

— Хоть напугаем японцев, и то ладно. Одним словом, не теряя времени, торопитесь с переделкой лафетов.

После беседы генерал, как всегда, пригласил офицеров к себе на обед.

При появлении Звонарева Варя бросила свое рукоделие и пошла ему навстречу.

— Как Шурка Назаренко — будет учиться на сестринских курсах? — спросила она.

— Она бы и рада, да едва ли ей родители разрешат.

— Я упросила папу, он от своего имени всем женам и дочерям напишет приглашения поступить на курсы. Я пошлю обязательно ее отцу и думаю, что тогда он перестанет упираться.

После обеда Варя позвала Звонарева посмотреть ее хозяйство.

— Я у себя на хуторе научилась хозяйничать; не люблю город и предпочитаю жить в деревне. И в институт я не хотела идти, да папа с мамой заставили. Кончу акушерские курсы и уеду на всю жизнь к себе на хутор — кур да телят разводить,— улыбаясь, говорила Варя.

После богатого птичника был показан коровник с тремя коровами и несколькими телятами.

— Это моя Кубань,— показала девушка свою верховую лошадь.— Вы умеете ездить верхом?

— Немного.

— Вот и отлично. Будем ездить вместе, а то папин Дон застаивается и жиреет от безделья. Завтра же поедем в Шушиин — это китайская деревня верстах в десяти отсюда.

Осмотрев хозяйство, они направились в сад.

 Здесь к Варе подбежал маленький китайчонок, лет

трех-четырех. Он радостно бросился к ней, обнял ее и, лукаво щуря свои черные раскосые глазенки, полез в карман к девушке. Разыскав там леденец, он с наслаждением сунул его в рот.

— Это мой крестник, Ваня. Прошу любить и жаловать. Прелестный мальгучан.— И Варя крепко поцеловала смугло-розовые щечки ребенка.

— Вам замуж пора, Варя,— улыбнулся Звонарев.

Девушка вспыхнула.

— Не говорите глупостей. Я никогда не выйду замуж.

— Свежо предание, да верится с трудом,— усмехнулся Звонарев.

К ним подошла молодая китаянка и, улыбаясь, поздоровалась с Варей.

— Это мать Вани,— пояснила Варя, обращаясь к Звонареву, потом, лукаво поглядывая на мальчика, спросила, как Ваня себя ведет. Слушает ли маму?

— Холосо, холосо, малышка! — ответила китаянка, беря сына на руки.

Когда Звонарев с Варей выходили из сада, им встретился средних лет китаец. У него было отрублено левое ухо, а лицо обезображено шрамом. Он приветствовал Варю полным собственного достоинства поклоном.

— Это наш Вен Фань-вей, прекрасный садовник. Видите, как его изуродовали японские солдаты? Вен Фань-вей был в Порт-Артуре, когда в тысяча восемьсот девяносто пятом году японцы взяли Порт-Артур штурмом и учинили резню. Из всего пятнадцатитысячного населения и гарнизона Артура случайно уцелело тридцать шесть человек. Японские солдаты по приказу офицеров связывали китайцев веревками, чтобы не разбежались, а затем расстреливали их. У Вена тогда убили отца, мать, жену и двух маленьких детей, а сам выжил чудом,— сообщила Варя грустную историю садовника.

— Я об этом слыхал, но не верил, чтобы в наш век культурные люди могли б совершать подобные зверства.

— Варя говори правда,— довольно чисто по-русски произнес китаец, и у него на глаза навернулись слезы.

В его памяти возникли полные ужаса дни взятия японцами китайской крепости Порт-Артур. Тогда он увидел и на всю жизнь запомнил молодого капитана Танаку, его бешеные глаза, звериный оскал зубов и плетку, зажатую посиневшими от напряжения пальцами. В последнюю минуту перед расстрелом Вен смотрел на эту плетку, на вскинутую руку Танаки. Капитан махнул

рукой — ударил залп. Вен первым упал на землю, хотя был легко ранен в шею. Второй залп, третий... Окровавленные тела товарищей прикрыли Вена. В голове билась одна мысль: «Жить... жить...» И когда солдат, проверяя, все ли расстрелянные мертвы, штыком полоснул Вену ухо, он не вздрогнул, не вскрикнул, не выдал себя. А потом Вен долго лежал и ждал, когда наступит ночь. С темнотой ему удалось скрыться. Вен остался жить, но с этой ночи ненависть к убийцам навсегда поселилась в сердце китайца.

Когда пришли русские, Вену удалось устроиться садовником у Белых. Он был им благодарен за хорошее отношение. Но и русских он считал поработителями своей страны: он слышал об их карательных экспедициях на севере Маньчжурии. Поэтому, улыбаясь Варе, Вен Фаньвей настороженно смотрел на Звонарева. Звонарев перехватил этот взгляд. Выйдя с Варей в сад, он сказал:

— Вам надо быть с ним настороже.

— Вен вас не знает и судит о вас по другим офицерам,— пояснила Варя,— папа и мама полностью доверяют ему. Когда Вен узнает вас поближе, то перестанет глядеть так хмуро.

Распрощавшись у крыльца с Варей, Звонарев направился в Управление крепостной артиллерии.

Там уже никого, кроме нескольких писарей, не было. Заметив его, старый знакомый, писарь Севастьянов, подошел и справился, не надо ли ему чего-нибудь.

— Я искал Гобято, да не знаю, куда он скрылся,— пояснил прапорщик.

— Их не скоро поймаешь, они всегда где-нибудь хлопочут, очень уж непоседливы.

Звонарев спросил, как пройти на квартиру к Гобято, куда отнесли его вещи. Писарь вызвался проводить.

— Сами они человек хороший, заботливый,— повествовал Севастьянов,— только мало в мастерских бывают. Там вместо них орудует их помощник, чиновник Козлов — мрачный такой, с черной бородой. Зато он-то уж лютует за двоих. Как капитана нет, так и начинается мордобой, да под ранцем по двадцать часов подряд солдаты у него стоят.

— Что же смотрит Гобято?

— Чудные они — просто не замечают ничего вокруг. Все своими мыслями заняты. Вот и ваша квартира,— показал писарь.

В квартире Гобято Звонарев нашел свои вещи уже разложенными в комнате. Денщик Гобято, бойкий влади-

мирец, тотчас все ему показал в квартире и предложил пообедать, но прапорщик отказался.

— Скоро капитан домой придет? — спросил он.

— Не позднее десяти часов всегда дома бывают, в одиннадцать ложатся спать, в половине восьмого встают, а в восемь часов уже уходят на службу — очень они аккуратные.

Осматривая квартиру, Звонарев обратил внимание на библиотеку. Два больших шкафа были полны книг. Большей частью это были специальные работы по артиллерии и военному делу, много было книг по технике, а прочая литература была представлена Жюлем Верном и Конан Дойлом; журналов не было.

За время пребывания на Электрическом Утесе Звонарев не видел никаких газет, кроме двух-трех номеров «Инвалида» и артурского журнала; раз ему случайно попал номер порт-артурской газеты «Новый край», которую офицеры почти не читали и называли «порт-артурской сплетницей».

Приход Гобято отвлек Звонарева от библиотеки.

— Устроились? Прекрасно. Завтра с утра приступите к работе. Как вам Варя Белая понравилась? Славная девушка, не похожа на генеральскую дочь. Женились бы на ней, если еще не женаты. И отец с положением, да она и не бесприданница.

— Почему бы вам самому не попробовать?

— Женат, батенька, и двое детей. Моя жена после первой бомбардировки уехала: не захотела детьми рисковать.

Поговорив еще с полчаса о всяких пустяках, они разошлись по своим комнатам. Звонарев с наслаждением разделся и, не опасаясь ночной тревоги, как это было на Утесе, крепко заснул.

Выделенная для работы с Звонаревым бригада мастеровых-солдат была уже на месте, когда прапорщик утром пришел в мастерскую. Жмурин устанавливал солдатам урок на день — срубить каждому по двадцать заклепок. Звонарева он встретил холодно, разобиженный его назначением руководителем работ, и стал ему давать указания, как и что делать.

— Благодарю вас, я тут уж сам разберусь,— прервал его Звонарев, и классный обер-фейерверкер ушел.

Звонарев собрал солдат, посадил их около себя на лафеты и начал объяснять, в чем состоит работа и зачем она нужна, рассказал о том значении, которое имеет для успеха обороны быстрота переделки лафетов.

Солдаты с интересом слушали его.

— Понятно, что надо сделать и зачем? — спросил Звонарев.

— Так точно, обязательно обмозгуем это дело, чтобы скорее японцам набить,— отвечали солдаты.

Один из них, высокий, стройный шатен нерусского типа, пристально смотрел на Звонарева. Заметив это, прапорщик спросил его, в чем дело.

— Личность мне ваша, ваше благородие, знакома,— ответил он.— В тысяча девятисотом году вы еще студентом у нас на заводе Лильпопа в Варшаве были, тогда я вас обучал на радиально-сверлильном и долбежном станках работать.

— Юзек Братовский? — обрадованно воскликнул Звонарев.— Вот не ожидал вас тут встретить! Как вы попали сюда?

— Забрали в варшавскую крепостную артиллерию, а затем отправили сюда, недавно только с третьим батальоном прибыл.

Встреча эта очень обрадовала Звонарева.

— Это у нас первый раз, что нам объясняют, зачем нужна работа, а то как в тюрьме, урок — и баста, а зачем — не твоего ума дело. Не выполнишь — под ранцем настоишься,— пояснил Братовский.

Работа сразу закипела, и к обеду было выполнено уже больше половины дневного задания. Когда Жмурин перед обедом пришел все же посмотреть, что делается у Звонарева, и захотел прибавить задания еще по десять заклепок на человека, Звонарев снова попросил его не вмешиваться.

Жмурин нехотя повиновался.

— Будет теперь нам на орехи от него — всю свою злость на нас выместит,— заметил Братовский.

— Вы сообщайте мне обо всех его проделках. Я с Гобято переговорю, и мы призовем его к порядку.

— На вас еще и Козел обрушится: он у нас первое лицо в мастерской.

Действительно, не прошло и получаса, как к месту работы, в сопровождении Жмурина, подошел Козлов — высокий, мрачный чиновник, лет под сорок.

— Почему вы вмешиваетесь в распоряжения Жмурина? — вызывающе спросил техник.

— А он почему вмешивается в мою работу? Кто ему дал право делать мне какие-либо указания?

— Я помощник заведующего мастерской, потрудитесь ответить на мой вопрос.

— Вы мне не начальник, и я прошу вас немедленно уйти отсюда. Вы мешаете.

Перебранка продолжалась еще несколько минут.

Наконец Козлов с Жмуриным ушли, мастеровые оживленно загудели:

— Так ему и надо, больно он уж зазнался.

— Паны дерутся, а у холопов чубы трещат,— отозвался один из рабочих.

В канцелярии мастерских, куда Звонарев зашел перед уходом, он застал Гобято, которому Козлов и Жмурин жаловались на него, обвиняя в развале дисциплины, грубости и зазнайстве.

Гобято молча слушал их и тихонько покачивал головой.

— Что вы скажете в свое оправдание, подсудимый? — шутливо спросил капитан прапорщика.

Звонарев в том же шутливом тоне рассказал происшедшее.

— Вот что я имею изложить в свое оправдание, господин мировой судья,— закончил он.

Гобято, улыбаясь, сказал писарю:

— Пиши приказ по мастерским: «Работа по переоборудованию лафетов проводится под руководством прапорщика Звонарева. Технику Козлову и обер-фейерверкеру Жмурину воспрещается всякое вмешательство в эту работу. С завтрашнего дня техник Козлов смещается в заведующие деревообделочной мастерской». Все. Понятно, господа?

— Я буду жаловаться на это генералу,— заикнулся было Козлов.

— Измени приказ,— обернулся Гобято к писарю.— «Техник Козлов откомандировывается в Управление артиллерии»,— отчеканил Гобято.— Я вас больше не задерживаю,— отбратился он к технику,— а вас, Сергей Владимирович, попрошу остаться. Давно я хотел от Козлова избавиться, да случая не было. Вас же я попрошу быть моим помощником и заместителем, пока вы здесь. Может быть, надумаете и совсем сюда перейти — буду этому только рад, а сейчас давайте перед обедом прогуляемся на «Этажерку», благо день чудесный.

На «Этажерке» было много гуляющих. С трудом найдя свободную скамейку, Гобято с Звонаревым сели и занялись рассматриванием публики и стоящей на рейде эскадры. Корабли эскадры усиленно дымили, как будто готовились к походу, но то и дело отваливавшие от них

шлюпки, переполненные матросами и офицерами, говорили о другом.

— Лафа этим морякам,— позавидовал Гобято.— Сидят за нашей спиной, жуируют, наслаждаются жизнью и получают больше нашего. Вот и сорят они деньгами в ресторанах и кабаках, на зависть армейцам. Создается нездоровая обстановка розни между армией и флотом. Стессель использует ее для своих интриг против флота. Вон идет капитан второго ранга Эссен, командир «Новика». Почти каждый день выходит на крейсере,— указал Гобято на подходящего к ним моряка.

Когда подошел Эссен, оба встали, отдавая честь.

— Здравствуйте, капитан,— приветствовал он Гобято.— Давненько вас что-то не видел. Разрешите присесть к вам?

— Милости просим, Николай Оттович,— любезно ответил Гобято и представил Звонарева.

— С какой батареи? — справился моряк.

— С Электрического Утеса.

Эссен внимательно посмотрел на прапорщика.

— Лучшая батарея. Часто с удовольствием наблюдаю за ее стрельбой. Много вы хлопот японцам доставляете. Видна хорошая слаженность в работе и умелое руководство огнем. Кто у вас командир?

— Капитан Жуковский.

— Я его не знаю.

— Вы, Николай Оттович, верно, знаете поручика Борейко — большой такой,— вставил Гобято.

— Как же! Собутыльник нашего Дукельского. Говорят, два сапога пара — скандалисты, но толковые ребята. Я всегда к себе на «Новик» таких стремился побольше набрать. Мой боцман Кащенко по портовым кабакам подбирает самых буйных матросов. Многие из командиров кораблей бывают рады-радешеньки от таких матросов избавиться, а у меня они работают как черти. Наш матрос чудеса может делать, только надо уметь к нему подойти: не быть формалистом, по пустякам не придираться, а за дело греть. У меня самые безнадежные забулдыги кресты и нашивки быстро получают. С офицерами дело обстоит куда хуже.

Звонарев с интересом слушал командира прославленного «Новика», не раз рисковавшего на своем легком быстроходном крейсере бросаться в атаку чуть ли не на всю японскую эскадру.

Проходившие мимо моряки почтительно раскланивались с Эссеном. В толпе показался Сойманов вместе

с другими офицерами. Он подошел и, поздоровавшись, начал усиленно просить Эссена о переводе на «Новик».

— Вирен возражать не будет? — спросил командир.

— Вы ведь его знаете — собака на сене: и нам на «Баяне» развернуться не даст, и от себя не отпускает. Говорят, скоро к нам адмирал Макаров приезжает, тогда я попытаюсь прямо к нему обратиться. Он хоть и адмирал, но, по слухам, и сам не прочь все время плавать на легких крейсерах и миноносцах.

— Это из Кронштадта, знаменитый изобретатель и строитель «Ермака». Из матросов он, читали? — заметил Гобято.

— Он самый. Начал службу юнгой, а добрался до вице-адмирала. В наше время это не так-то легко без помощи тетушек и дядюшек. К тому же его сильно недолюбливают за беспокойный и резкий характер. К нам его, верно, с удовольствием сплавили. Зато мы определенно выиграем, получив Макарова после старой развалины Старка.

— Нам следовало бы покрепче связаться с флотом,— вставил Звонарев.

— Рад буду видеть вас вместе с капитаном Гобято у себя на «Новике». Быть может, вы даже рискнете с нами выйти в море? Погоняемся за японцами, заодно покажем вам наше искусство стрельбы,— пригласил Эссен.

Артиллеристы поблагодарили и предложили вместе пообедать в ресторане «Саратов», расположенном неподалеку.

Зал ресторана был полон обедающими, по преимуществу военными; вечерней кутящей публики еще не было. С трудом отыскали два свободных столика. Вскоре в зал вошел стрелковый поручик Стах Енджеевский. Он был, видимо, прямо с занятий — весь запыленный, усталый. Не найдя свободного места, он подошел к своим знакомым Сойманову и Гобято и попросил разрешения сесть около них.

— Пожалуйста,— приветливо пригласил его старший за столом, Эссен.

— Ты откуда это такой усталый? — спросил его Сойманов.

— Со службы. Только теперь, когда война началась, мы начали учить солдат, как следует стрелять, в мирное же время занимались парадами да шагистикой. Сорок учебных патронов на солдата за четыре года службы полагалось! Зато «ура» кричать да приветствовать на-

чальство учились круглые сутки,— жаловался Енджеевский.— И сейчас все еще учат стеной в штыки ходить, не признают рассыпного строя, так как никто из офицеров не умеет им управлять, а солдаты не привыкли к самостоятельности и не знают, что им в цепи делать. Я свою команду охотников с утра до вечера натаскиваю в рассыпном строю.

— Кто у вас командир? — полюбопытствовал Гобято.

— Савицкий, толстый такой, не глуп, но подл и трус. Зато в чести у начальника дивизии Фока, генерал в нем души не чает. Одним словом, с боевой подготовкой дело обстоит определенно плохо. У вас, артиллеристов, лучше: и стрелять умеете, и изредка даже попадаете,— съехидничал Стах.

— Напрасно подсмеиваетесь, поручик,— вмешался Эссен.— Перед вами наглядный пример меткости: прапорщик сумел подбить среди ночи крохотный миноносец с дистанции в двадцать кабельтовых, это совсем не плохо.

Публика постепенно прибывала. Появился оркестр и заиграл веселые вальсы.

Появление Дукельского сразу внесло оживление.

— Жорж, подсаживайся к нам! — окликнул его Эссен.

Лейтенант не замедлил подойти.

— Какие новости? — здороваясь, спросил у него Эссен.

— Макарова ждем в Артур через неделю или дней через десять. Сегодня получили от него телеграмму уже из Омска. Старк начал складывать свои пожитки и собирается спускать флаг. Флаг-капитан Молас нервничает, побаивается, что Макаров другого флаг-капитана возьмет,— начал выкладывать новости Дукельский.— Что же еще? Да, Витгефт ничего не делает, объедается и засматривается на девочек, которых тралит его сын. Григорович гадает на кофейной гуще, что́ ему принесет приезд Макарова — адмиральские ли орлы или списание за «доблестную» боевую деятельность двадцать шестого января. Шенснович все никак не может снять свой «Ретвизан» с мели. Кажется, обо всем сообщил, господа.

— Язычок же у тебя, Георгий Владимирович,— усмехнулся Эссен,— ну, а Эссен о чем думает?

— Что ему наконец позволят воевать с японцами по-настоящему, а не стрелять на предельной дистанции, стоя на якоре под защитой батарей.

— Угадал! Я очень надеюсь, что с приездом Макарова пребывание эскадры в порту кончится. Насиделись мы достаточно.

После обеда выпили по бокалу шампанского за дружную совместную работу армии и флота и стали расходиться. Моряки двинулись к себе на корабли. Гобято отправился домой, а Енджеевский с Звонаревым решили сходить за покупками.

В магазине «Кунст и Альберт» они встретились с пожилой, лет сорока, дамой, которую сопровождали две молоденькие девушки. Одну, повыше ростом, румяную шатенку, с задорно блестящими карими глазками, звали Лелей, а другую — маленькую, худенькую блондинку, с чудесными голубыми мечтательными глазами — Олей. Все трое дружески приветствовали Енджеевского.

— Что вас так давно не видно, Стах. Где вы пропадаете? Опять сидели на губе? — засыпали его вопросами девушки.

— Учу своих солдат воевать.

— А раньше что же вы делали?

— Учил их маршировать.

— Стах, вы неисправимы,— улыбнулась дама.— За ваш язык вас начальство и не любит.

Енджеевский представил Звонарева.

— Вы артиллерист? Четвертой бригады? — поинтересовалась Оля.

— Нет, с Электрического Утеса.

— Вот вы откуда.— Все три женщины с любопытством посмотрели на прапорщика.

— Говорят, там у вас не очень спокойно?

— Да, бывает иногда даже весьма жарко.

Покончив с покупками, Звонарев и Стах пошли проводить своих знакомых. Стах и Леля ушли вперед.

— Пусть полюбезничают,— улыбнулась Мария Петровна. Оля только вздохнула в ответ.

— Что, и тебе Стах сердце присушил? Беда мне с моими девицами: всегда обе сразу в одного кавалера влюбляются и только мешают друг другу.

— Совсем я не влюблена в Стаха. Хотя вообще он очень хороший, совсем не похож на офицера.

— Вы недолюбливаете, кажется, наше доблестное офицерство? — спросил Звонарев.

— Многих из них любить-то не за что. Грубы, нахальны, некультурны, бьют солдат и пьянствуют беспробудно. Стыд и срам,— горячо обрушилась Оля.

— Само собой разумеется, господин Звонарев, о при-

сутствующих не говорят,— поспешила смягчить резкость Оли Мария Петровна.— Мы вас не знаем и надеемся, что вы составляете счастливое исключение, как и наш Стах. Вы давно с ним знакомы?

— Только сегодня познакомился.

— Вот мы и дома,— остановились женщины около калитки большого сада, в глубине которого виднелось одноэтажное здание.

— Что это за здание? — спросил Звонарев.

— Городская начальная школа имени Пушкина. Я заведую школой, а Оля и Леля работают учительницами,— пояснила Мария Петровна.

— У вас учится детвора?

— Днем детвора, а вечером школа для взрослых. Большей частью это мелкие служащие, не имеющие среднего образования, хотя есть и рабочие и даже несколько матросов из портового управления. Вот и наши голубки возвращаются,— улыбнулась она, заметив подходящих Лелю и Стаха.

Звонарев и Енджеевский стали прощаться.

— Как их фамилии? — спросил Енджеевского Звонарев, когда они отошли от сада.

— Заведующая — Желтова, Леля — Елена Федоровна Лобина, а Оля — Ольга Семеновна Селенина. Леля — моя невеста. Давно бы мы с ней поженились, да в полку не разрешают: учительница, видите ли, не пара офицеру! Я мечтаю об учительской семинарии. Кончить бы ее, пошли бы в деревню с Лелей вместе учительствовать. А пока я начальник охотничьей команды Четырнадцатого стрелкового полка,— усмехнулся Стах.— Ну, мне направо, будьте здоровы, Сергей Владимирович, и не стесняйтесь, заходите в школу; дом там, правда, не аристократический, но зато бывает просто и весело. Захватите с собой какую-нибудь снедь, чтобы не вводить хозяек в большой расход.

Расставшись с Енджеевским, Звонарев пошел домой. На углу одной из улиц он столкнулся лицом к лицу с какой-то дамой, которая от неожиданности и испуга выронила из рук свои покупки. Извинившись, прапорщик поспешил их поднять и предложил даме донести их до дому.

— Пожалуйста, кстати мне уже совсем недалеко. Вы меня очень обяжете, а то я задержалась в магазинах и боюсь идти одна по улице. Вы сами какой части? — спросила дама.

 Звонарев сказал.

— У Василия Федоровича Белого, значит, в подчинении? На какой батарее? На Электрическом? Мне муж говорил, что это самая боевая батарея. Он там тоже один раз был, еще двадцать седьмого января. Рассказывал, как японцы засыпали Утес снарядами. Анатоль даже хотел представить командира к награде, да солдаты там показались ему плохо дисциплинированными. Но вы не унывайте, еще будут награды впереди,— разливалась дама.

Звонарев недоумевал, с кем он разговаривает. Насколько можно было рассмотреть в сумерках, дама была уже не молода, но миловидна, хорошо одета и, видимо, принадлежала к артурскому высшему обществу. Спросить, кто она, прапорщик не решался и молча слушал ее болтовню.

— Вы меня очень тронули вашей любезностью, молодой человек, милости прошу к нам заглянуть, попросту, без визитов,— теперь по военному времени не до того. Стессель, Вера Алексеевна. Дорогу к нам вам укажет любой солдат.— На прощанье Вера Алексеевна пожала ему руку.

«Так вот, значит, какая эта самая Стессель, о которой столько говорят,— подумал Звонарев.— Везет мне сегодня на новые знакомства в самых разнообразных кругах: из моряков — Эссен, из стрелков — Стах, учительницы и, наконец, Стессель»,— подвел он итоги дня.

Когда вечером он рассказал Гобято о своем знакомстве с Верой Алексеевной, тот громко расхохотался.

— Теперь вам, дорогой Сергей Владимирович, карьера в Артуре обеспечена. Попасть в фавор к жене Стесселя — это значит заручиться лучшей у нас протекцией. Она баба неглупая, гораздо умнее своего мужа, вертит им как хочет и держит в ежовых рукавицах.

— Я к военной карьере не стремлюсь.

— Все же это знакомство может когда-нибудь и пригодиться вам. Память у нее прекрасная, особенно на молодых людей.

На следующий день, когда Звонарев вместе с Гобято пришел в мастерскую, солдаты заканчивали расклепку станин. Работа шла дружно и споро, Братовский подходил то к одному, то к другому из мастеровых и показывал, как удобнее и скорее срубить заклепки.

Жмурин уже не решался давать какие-либо указания.

— Пожалуй, они сегодня закончат расклепку,—

проговорил Гобято.— Откуда у них прыть такая взялась?

Братовский улыбнулся.

— Знаем, зачем и что делаем, ваше высокоблагородие, вот и работа интереснее. Вчера их благородие нам рассказали и объяснили, что к чему.

— Сегодня суббота, зашабашим в два часа дня. Поспеете работу кончить? — спросил Гобято.

— К обеду кончим, а после обеда перенесем станины в кузнечную, там и приладим к ним дополнительные листы,— ответил Братовский.

— Спасибо, братцы, за усердную службу,— поблагодарил Гобято.— В воскресенье все получите увольнительные в город.

— Мы, ваше высокоблагородие, хотели и завтра поработать, чтобы скорее закончить дело.

— Не возражаю, после дам вам по два отпускных дня,— пообещал капитан.— Эту работу необходимо окончить возможно скорее.

— Вы, оказывается, говорить с солдатами мастер. Этим талантом у нас, к сожалению, мало кто обладает: больше зуботычинами действуют,— сказал Звонареву Гобято, когда они отошли от солдат.

— Школа Борейко. В этом же секрет и его успехов в стрельбе: сумел заинтересовать солдат.

В канцелярии их поджидал начальник крепостной жандармской команды, ротмистр князь Микеладзе.

— Чем могу служить? — сухо спросил его Гобято.

— Разговорчик к вам есть один, секретного порядка, многоуважаемый Николай Андреевич,— залебезил жандарм.

Гобято выслал писарей из комнаты. Микеладзе многозначительно посмотрел на Звонарева.

— Это мой помощник и заместитель, можете его не стесняться,— пояснил Гобято.

— Господин Звонарев, если не ошибаюсь, человек новый, только что в Артур приехал, не в курсе наших дел, да и человек он, простите, штатский, случайный на военной службе, так что, признаюсь, его присутствие меня слегка смущает.

— Откуда вы все это о нем знаете? — удивился Гобято.

— Какой бы я был жандарм, если бы не знал каждого нового офицера в Артуре. Мы, жандармы, должны знать все — кто чем дышит, что думает.

 — Я могу уйти,— вмешался Звонарев,

— Очень прошу вас остаться. Князь, я надеюсь, не будет больше возражать.

Ротмистр поморщился, но протестовать не стал.

— У вас в мастерских появилось несколько новых солдат, среди них есть и нежелательный элемент. Например, Иосиф Братовский: он состоял членом нелегальной организации в Варшаве, на механическом заводе Лильпопа. Только за отсутствием прямых улик избег суда. По настоянию варшавского губернского жандармского управления его направили в Артур. Немедленно по прибытии он был взят моим агентом под наблюдение. Хотя пока за ним ничего еще не замечено, но следить за ним надо внимательно.

— У меня нет никаких опорочивающих Братовского данных, работает он прекрасно, поведения примерного...

— По вечерам, извините, в нужнике долго с солдатами засиживается и разговоры разные ведет: кто, да откуда, да где работал; почву, очевидно, нащупывает.

— У страха глаза велики, князь. Вы всегда из мухи слона делаете. Чихнет солдат, а вы уж готовы в этом видеть потрясение основ,— иронизировал Гобято.

— От копеечной свечки, говорят, Москва сгорела.

— Вы бы лучше вашу энергию обратили на борьбу со шпионажем. Помимо японцев, одетых под китайцев, в городе имеются шпионы и других национальностей, прежде всего англо-американцы. Вот где главное наше зло. Под вывеской торговли они самым беззастенчивым образом собирают важные в военном отношении сведения,— с негодованием проговорил Гобято.

— Английские и американские подданные все высланы за пределы Квантунской области.

— Сам не далее как вчера видел на улице Томлинсона и Смита. Они процветают не хуже прежнего,— спорил капитан.

— Они приняли другое подданство и стали недосягаемыми для нас. Что касается китайцев, то... это нелегкая, сознаюсь откровенно, задача. Русских агентов к ним не пустишь, не верят они им, а среди китайцев мы, к сожалению, еще не создали прочной агентуры. Среди русских куда легче. Вот, например, господин Звонарев вчера был замечен в обществе весьма нежелательных в Артуре особ: заведующей Пушкинской школой и ее учительниц. Они там, под видом вечерней школы, чуть ли не курсы агитаторов устроили.

— Какое вам, господин ротмистр, дело — где и с кем я бываю? — возмутился Звонарев.

— Нам, жандармам, до всего есть дело. С какой вы девочкой спите, и то мы должны знать. Вот вы раз или два были в компании у мадемуазель Ривы, мы и это знаем. Должен сказать, что вполне одобряем ваш вкус,— весьма интересная жидовочка и ни к какой политике не причастна.

Звонарева все больше возмущал наглый и самоуверенный тон жандарма.

— Вам, должно быть, известно, что вчера я не один был с заведующей школой...

— Как же, с вами был поручик Енджеевский, тоже чуть ли не социалист. Вас нельзя поздравить с таким знакомством.

— Позвольте мне знать самому, с кем и какое вести знакомство. В ваших указаниях по этому поводу я не нуждаюсь,— резко оборвал Звонарев.

— Мы, жандармы, народ не обидчивый, а теперь имею честь кланяться. Надеюсь, до скорого и приятного свидания.— Жандарм, пожав им руки, вышел.

— Удивительно неприятная публика эти жандармы. Во все свой нос суют,— возмущался Гобято.

— После жандармского рукопожатия хочется сейчас же вымыть руки,— согласился Звонарев.

На следующий день утром в воскресенье Гобято принесли записку от Эссена с приглашением прибыть на «Новик», который готовился идти в море. Гобято и Звонарев поспешно оделись и отправились за посланцем-матросом.

«Новик» уже начал двигаться, когда шлюпка с артиллеристами подошла к нему. У трапа их встретил вахтенный офицер и проводил на мостик к Эссену.

Приветливо поздоровавшись, Эссен сообщил, что «Новик» во главе четырех миноносцев направляется на поиски японских торговых кораблей. Затем он познакомил их со своими офицерами.

По выходе в море крейсер развил двадцатиузловую скорость и лег на курс зюйд-вест, направляясь к южной оконечности Ляодунского полуострова — Ляотешаню.

Звонарев, впервые попавший на военный корабль, с интересом наблюдал неторопливую и спорую работу матросов. Сперва он даже не нашел своего Электрического Утеса — до того он сливался с фоном сзади лежащих гор, и только дальномерная будка, светлым пятном выступавшая на серых скалах, выдавала место расположения батареи.

«Надо будет ее убрать в бруствер, чтобы не было

заметно»,— решил Звонарев, рассматривая батарею.

Расположенная на самой вершине Золотой горы, батарея одиннадцатидюймовых мортир четко проектировалась на фоне неба. Прапорщик теперь понял, почему японцы так часто обстреливают именно эту батарею.

— Ваш Утес прекрасно замаскирован, но его всегда выдает густой дым выстрелов. Было бы очень хорошо, если бы вы перешли на бездымный порох,— заметил Эссен.

— Мы как раз сейчас и работаем над такой переделкой лафетов,— ответил Гобято.— Думаем, что сможем посостязаться с японцами и в дальнобойности.

— Что касается меткости, то вы давно перещеголяли японцев. Каждый раз, как они появляются у Артура, неизменно получают от вас хотя бы одно попадание, вы же до сих пор не имели ни одного поражения,— продолжал Эссен.

За «Новиком» в кильватере шли, усиленно дымя, четыре миноносца. Концевым шел двухтрубный миноносец «Лейтенант Бураков».

— Зачем вы взяли в поход этот крошечный кораблик? — спросил Эссена Звонарев.

— Мал, да удал! Это самый быстроходный миноносец в мире. Он развивает до тридцати четырех узлов. За ним ни один японец не угонится,— пояснил капитан.

Когда «Новик» миновал оконечность Ляотешаня, далеко на западе, на самом горизонте, показались небольшие дымки. В бинокль было видно, что они принадлежат довольно крупным судам.

— Купцы,— определил Эссен.— Надо их осмотреть — нет ли военной контрабанды. Полный вперед!

Заметив погоню, пароходы попытались уйти.

— «Лейтенанту Буракову» догнать и осмотреть пароходы,— приказал Эссен.

«Бураков» тотчас же, обгоняя другие суда, вынесся вперед.

«Новик» с остальными миноносцами, прибавив ход до предельного, последовал за ним. Наконец подошли к задержанным пароходам. Один из них оказался английским и после осмотра был отпущен, а другой — японским. «Бураков» уже успел снять с него команду и приготовился к торпедированию. Обреченный на гибель огромный океанский пароход, раз в пятьдесят больше «Буракова», тихо дымил.

— Какой груз? — спросил Эссен в мегафон «Буракова».

— Балласт и немного угля,— ответили с миноносца.

— Топите.

С «Буракова» выпустили торпеду. Скользнув в воду, она устремилась к пароходу, оставляя за собой в воде ясно видимый след. Все на палубе напряженно следили за ее приближением к пароходу. Раздался взрыв, черный столб дыма взлетел выше мачт вместе с тучей различных обломков и водяным смерчем, пароход повалился набок, окутываясь облаками белого пара, и через несколько минут исчез под водой.

Покончив с пароходом, Эссен взял курс на восток.

Интересуясь устройством машинного отделения, Звонарев отправился туда с судовым механиком. Уже около трапа в машинное отделение им в лицо пахнул горячий воздух, и чем дальше они спускались, тем становилось жарче.

В самой котельной кочегары работали по пояс голые, и, несмотря на вентиляцию и непрерывно бьющий душ из забортной воды, зной здесь был нестерпимый. Кочегары быстро, ловко забрасывали уголь, шуровали колосники, выгребали золу.

Звонарев поднял кусок угля и стал его рассматривать.

— Янтайский? — спросил он.

— Нет, японский,— ответил механик.

— Довоенные запасы?

— Мы и после начала войны получили десять пароходов угля из Японии.

— Неужели японцы нам продолжали продавать уголь?

— Война — войной, а коммерция — коммерцией. Одно другому не мешает. Наоборот, если хотите, даже помогает. Платить только приходится подороже. Да что уголь — новые английские дальномеры Барра и Струда наше адмиралтейство так и не удосужилось приобрести, а японцы нам их продали уже после разрыва дипломатических отношений. Через Шанхай получили недавно двенадцатидюймовые снаряды — все японского происхождения, не говоря уже о пищевых консервах и прочей мелочи.

Звонарев не верил своим ушам.

— Не верите? — заметил механик.— Справьтесь в порту. Наш поставщик Гинзбург и сейчас имеет отделения своей фирмы и в Японии и в Шанхае. Сейчас они переведены на нейтральных лиц и преспокойно доставляют нужные нам предметы из Японии.

— Чудны дела твои, господи,— удивился Звонарев.— Котлы у вас тоже английские?

— К сожалению, наши, а у японцев — английские. Они занимают меньше места и гораздо быстрее подымают пар.

Осмотрев судовые машины, Звонарев поднялся на палубу и с удовольствием стал дышать свежим морским воздухом.

«Новик» уже возвращался обратно. Эссен в бинокль внимательно разглядывал горизонт.

— Японцы идут наперерез, только сразу не разберешь, кто именно, надо все же поторапливаться,— сообщил он Гобято.

Вскоре выяснилось, что это легкие крейсера.

— Не страшно. Добежим до Артура одновременно с ними, если не раньше, но они к берегу не посмеют близко подойти.

Ляотешань был уже хорошо виден. На рейд из Артура выходили «Баян» и «Паллада».

Японцы между тем с дальних дистанций открыли огонь. На «Новике» пробили артиллерийскую тревогу. Матросы кинулись к орудиям.

«Новик» дал бортовый залп из всех пушек. Японцы тоже пристрелялись. На палубу то и дело захлестывала вода, взметаемая японскими снарядами.

Артур был уже близко, и японцы стали отставать.

— Смотрите, ваш Электрический Утес стреляет! — указал биноклем Эссен на берег.

Под Золотой горой медленно расползалось голубое облако дыма.

— Есть! — радостно вскричал Гобято.— Борейко верен себе, попал-таки в одного японца. Видите, какой дым валит на втором от головы корабле?

Звонарев обернулся и увидел, как, окутанный дымом, один из японских крейсеров выкатился из кильватерной колонны и стал медленно уходить в море.

В это время опять блеснули выстрелы, и вновь пополз дым. Борейко, очевидно, как всегда, торопился со стрельбой. Хотя попаданий больше не было, все же японцы поспешили удалиться вслед за подбитым крейсером.

— На сегодня с нас довольно,— проговорил Эссен, спускаясь с мостика.— Через полчаса будем в Артуре. Отбой боевой тревоги. Отпустите матросов вниз,— распорядился он.

— Милости просим с нами позавтракать,— пригласил Гобято и Звонарева старший офицер.

Завтрак прошел весело. Много ели, мало пили и много смеялись.

— У нас в армии убеждены, что моряки страшные пьяницы,— заметил Гобято.

— На берегу можно и кутнуть,— заметил Эссен.— А на корабле, да еще в боевой обстановке, мы очень скромны, кроме легкого вина, ревизор никогда ничего не выставит на стол.

Было немного за полдень, когда «Новик» вошел в гавань и пришвартовался.

Поблагодарив любезных хозяев, артиллеристы сошли на берег.

— Надо зайти в мастерскую посмотреть, как там идет работа,— напомнил Звонарев.

— Сейчас там перерыв на обед до часу. Заглянем сперва в Управление.

Но тут на них вихрем налетела Варя Белая.

— Едемте верхом,— предложила она Звонареву.— День чудесный, прокатимся верст за десять — двенадцать, проманежим лошадей. Ведь сегодня воскресенье.

Звонарев замялся и вопросительно посмотрел на Гобято.

— Поезжайте уж, Сергей Владимирович, а я за работой понаблюдаю. А то бедная Варя у нас скоро со скуки умрет,— разрешил капитан.

— Вот и чудесно! Идемте седлать лошадей.

— Попали с корабля если не на бал, то на коня,— улыбнулся Гобято.

— Вы умеете стрелять из револьвера? — спросила Варя Звонарева, когда они садились на лошадей, пряча револьвер в кобуру седла.

— А зачем это?

— За город мы всегда ездим вооруженными: грабежи бывают под самым Артуром.

— К сожалению, стрелок я плохой.

— Какой же вы военный! Я женщина, и то умею стрелять. Если на нас нападут, то я, так и быть, вас буду защищать,— подсмеивалась девушка.

Миновав дамбу, отделяющую восточный бассейн от пресного озера, всадники свернули на Бульварную улицу, на которой находились все лучшие магазины города. Толпы праздничного народа двигались по тротуарам. Варя то и дело раскланивалась со знакомыми.

— В институте пришли бы в ужас, увидев меня верхом среди бела дня на главной улице,

— Зато у вас импозантный вид,— ответил Звонарев.

— С детства езжу — меня папа брал к себе в седло. Да и мама только недавно перестала ездить верхом. Привет, Мария Петровна! — крикнула Варя, увидев на тротуаре Желтову.— Смотрите, какого я себе кавалера подцепила. Ни стрелять, ни шашкой рубить не умеет. Хочу его вместо себя в институт отправить. Там его быстро научат рукоделию и музыке. Из него выйдет примерная институтка. Всегда будет иметь полный балл за поведение, не то, что я, грешная, никогда не была примерной девицей.

— Озорница ты большая, Варя. Напрасно смущаешь молодого человека. Подожди, я тебе хорошую проборку устрою, когда к нам заедешь,— пригрозила Желтова.— Вы, Сергей Владимирович, не обижайтесь на нее. Это она попросту по-своему кокетничает с вами.

— Ничего подобного,— вспыхнула Варя и рысью тронула лошадь.

— Я на маленьких деточек не обижаюсь. Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало,— отпарировал прапорщик.

Варя на ходу погрозила ему кулаком.

Миновав Старый город, они попали в кривые грязные улички в китайской части города.

Посреди дороги с визгом бегали многочисленные китайские ребятишки, в лужах валялись свиньи, блаженно похрюкивая на солнце, здесь же бродили собаки с опущенными хвостами. Прямо на тротуарах, против открытых дверей, готовился несложный китайский обед. Удушливый запах бобов, жаренных с чесноком на кунжутном масле, бил в нос. Тут же рядом тоже на улице цирюльники брили и стригли. Лоточники со своим незамысловатым товаром проталкивались сквозь толпу, громкими криками нараспев привлекая к себе внимание. Русские рабочие, китайцы-ремесленники перемешались в толпе, по-восточному крикливой и пестрой. Завидев Варю и Звонарева, мальчишки с улюлюканьем побежали за ними, выпрашивая подаяния. Варя бросила им несколько мелких монет, и они отстали. Через старинные ворота, в восточном стиле украшенные цветной черепицей, они выехали за город.

Варя из раскинувшейся сети дорог и тропинок выбрала широкий проселочный шлях. Дорога была окопана канавами и обсажена деревьями.

— Эта старая Мандаринская дорога. По ней довольно много ездят, и потому она менее опасна, чем другие.

А теперь ловите меня.— И девушка, огрев плетью свою лошадь, понеслась вперед.

Звонарев едва поспевал за ней. Чистый, по-весеннему теплый воздух, яркое солнце и быстрота движения оживили обоих.

Весело смеясь, девушка ускакала далеко вперед. Звонаревский Дон, машистый и высокий, постепенно набирая аллюр, стал нагонять лошадь Вари. В это время на дорогу неожиданно выскочил заяц. Кубань шарахнулась в сторону, и Варя на всем скаку слетела с лошади. Подскакав к ней, прапорщик помог девушке встать на ноги. Лицо и руки Вари были основательно поцарапаны, платье и чулки испачканы, волосы растрепались, но она сохранила свой задорный тон.

— Вы очень обрадовались, конечно, что я закопала редьку? Со мной это случается иногда. Отвернитесь и не смейте оборачиваться, пока я вам не разрешу,— приказала она и принялась приводить себя в порядок.

Прапорщик попытался было поймать Кубань, которая носилась вокруг своей хозяйки, не подпуская к себе Звонарева. Только вмешательство Вари помогло наконец изрядно уставшему прапорщику поймать строптивую лошадь. Вскочив на Дона, девушка погналась за беглянкой и вскоре уже вела ее на поводу.

Сев снова на коней, Варя со Звонаревым продолжали свое путешествие, хотя прапорщик настойчиво предлагал своей спутнице вернуться в Артур.

— Все мои ссадины и царапины до свадьбы заживут. Нечего о них беспокоиться,— уверяла девушка.

— Вдруг вы завтра вздумаете с кем-либо повенчаться? Неприлично вам будет стоять под венцом с поцарапанной физиономией,— поддразнивал девушку Звонарев.

— Не говорите глупостей! — сердито отозвалась Варя и перевела лошадь на широкую рысь.

Вокруг виднелись голые скалы. Все пригодные к посеву площадки старательно возделывались китайцами. Работали они вручную, кирками и мотыгами. Только кое-где, на больших участках, можно было заметить осла или корову, которые влачили за собою примитивную деревянную соху. Требовались огромные усилия, чтобы обработать для посева чумизы или гаоляна даже маленький клочок земли.

— Надо обладать огромным трудолюбием, чтобы заставить родить здешнюю землю, которая состоит наполовину из глины и наполовину из камней,— удивлялась Варя.

— Это исключительное трудолюбие китайцев роднит их с нашими русскими крестьянами. Тем тоже приходится в поте лица добывать себе хлеб,— проговорил Звонарев.

— Говорят, что мужики большие лодыри,— удивилась Варя.

— Не верьте этому. Подневольный труд на помещика, конечно, никому не может нравиться, а, работая для себя, наш мужичок чудеса творить может. В детстве мне приходилось бывать в новгородской деревне, и я видел, как напряженно трудятся крестьяне на своих крохотных полях.

— В Артуре китайцев тоже считают отъявленными лентяями,— начала Варя.

— Кто считает? Вера Алексеевна? А солдаты мне не раз высказывали свое удивление трудолюбию китайцев. За горсть риса они готовы работать целый день.

На обратном пути к Варе и Звонареву подъехали трое солдат пограничной стражи.

— Вашблагородь, разрешите присоединиться к вам,— обратился к Звонареву старший из них.

Прапорщик был удивлен этой просьбой и обернулся к Варе, чтобы узнать ее мнение по этому вопросу.

— Разрешите доложить,— продолжал солдат,— часа два как тут ограбили двух артурских лавочников, которые за товарами ехали к китайцам.

— Конечно, пусть едут с нами,— решила Варя.— Под охраной будет спокойнее.

Звонарев был благодарен солдатам за деликатное предложение своей помощи на случай неожиданного нападения хунхузов.

— Очень грабители сейчас осмелели. Японцы их снабжают оружием и патронами. Грабь кого хочешь, слова плохого им за это никто не говорит,— жаловались пограничники.

— Бороться с ними трудно, если население их прячет,— заметил Звонарев.

— Почему прячет? — удивилась Варя.— Хунхузы больше всего грабят китайцев. Ради чего им скрывать разбойников?

— Грабители не всегда обирают китайцев. Если население им платит определенную дань, то они не только не трогают тех, кто им платит, но и защищают от нападения других разбойников. Мы разбросаны по всему

берегу небольшими постами. Живем вместе с китайцами. Они народ хороший, только ходят с косами и вместо хлеба рисом питаются. Коль к китайцу хорошо относишься, никакой хунхуз тебе не страшен. Китаец обо всем предупредит и спрячет при надобности. А ежели с ними ссориться, то лучше в пограничниках не служить, выследят и подстрелят. Виновных не найдешь,— неторопливо рассказывал пограничник.— Наш командир, подполковник Бутусов, Петр Дмитриевич, всегда нас учит в миру с китайцами жить и зря их не обижать.

Варя и Звонарев с большим интересом слушали рассказ солдата, который приподнимал перед ними завесу, обычно прикрывавшую официальные русско-китайские отношения. Беседуя с солдатами-пограничниками, Варя и Звонарев незаметно добрались до Артура. Поблагодарив солдат за охрану, они направились в Пушкинскую школу.

Мария Петровна приветливо встретила бросившуюся ей на шею Варю.

— Ты по-прежнему предпочитаешь скакать на лошади и стрелять из пистолета, чем заниматься музыкой и изящными рукоделиями? И чаще пахнешь конюшней, чем духами? — спросила учительница, улыбаясь.

— Конюшней, коровником или свинарником, только не опопонаксом и лориганом,— ответила девушка, прижимаясь к Желтовой.

— Рассказывай, что сегодня с тобою приключилось.

— Ничего как будто.

— С тобой всегда что-либо да приключается. Такая ты уж сорвиголова.

— Ему,— Варя кивнула на Звонарева,— вчера о вас много говорил Микеладзе.

— И, конечно, плохое? Мы к этому привыкли, не раз непрошеные гости по ночам заглядывали,— ответила Мария Петровна.

Звонарев подробно передал ей разговор с жандармом.

— Значит, и Стах тоже взят на подозрение, хотя он и офицер? — спросила вошедшая Леля Лобина.— Он догадывается об этом давно. Он в партиях не состоит, а только критически относится к окружающему.

— Микеладзе хочет выслужиться и выдумывает про всех такое, что никому и не снилось,— заметила Варя.— Нам пора домой. Я по дороге еще хочу заехать к Стессель.

— Поменьше бы ты туда ездила, Варя; Вера Алексеевна — зелье хорошее. Держи язык за зубами и о нас не упоминай,— предупредила Желтова.

Стесселей Варя со Звонаревым застали за чаепитием. Генерал читал единственную газету, которую считал достойной своего внимания,— «Русский инвалид», где печатались все назначения, производства и увольнения по военному министерству.

— Кого это бог принес? — удивилась генеральша, заслышав звонок.

— Здравствуйте, Вера Алексеевна! — подлетела к ней Варя.— Здравствуйте, Анатолий Михайлович,— присела она в реверансе перед Стесселем.

— Здравствуй, стрекоза. Откуда ты в таком походном виде?

— Ездила за город с мосье Звонаревым,— кивнула на своего спутника девушка, который тем временем успел приложиться к ручке Веры Алексеевны и подошел к генералу.

— Анатоль, познакомься! Это тот самый офицер, что помог мне вчера принести покупки,— отрекомендовала генеральша прапорщика своему мужу.

— Очень приятно,— приподнялся навстречу Звонареву генерал.— Прошу садиться с нами за стол, побаловаться китайским чаем.

— Мы сейчас видели, какие китайцы труженики! Не разгибая спины работают в поле,— заметила Варя.

— Зачем ты ездишь за город, да еще без конвоя? — умышленно переменил разговор генерал.— Только сегодня ограбили двух китайцев на Мандаринской дороге. Надо брать трех, четырех вооруженных солдат. Тогда можно быть спокойным, что никто не осмелится напасть за городом.

— Да они нам только мешали бы, стесняли нас,— горячо возразила Варя.

— Ах, вот как! — удивленно проговорила Вера Алексеевна и внимательно посмотрела на Звонарева.

Варя поняла свою оплошность и вспыхнула.

— Совсем не потому, что вы думаете,— забормотала она.

— Молодо-зелено, погулять велено,— усмехнулся Стессель.— Вы на какой батарее находитесь?

— На батарее Электрического Утеса,— ответил прапорщик.

— Прекрасно действует батарея, да жаль, солдаты распущены свыше меры. Слабоват у вас командир. Я об

этом и Василию Федоровичу говорил, но тот за него стоит горой. Лучший командир у меня в артиллерии. А поручик этот высокий такой...

— Борейко,— напомнила Варя.— Не ест, не пьет ничего, кроме водки, и все время только по японцам стреляет, как только они подойдут на пушечный выстрел к Артуру.

— Слыхал, слыхал, что он любит выпить, но боевой офицер,— заметил Стессель.

— У всякого бывают свои недостатки. Главное — быть хорошим командиром,— примирительно заметила генеральша.

— Наши горе-морячки, кажется, сегодня рискнули выйти в море, да что-то скоро обратно вернулись. Верно, тень японской эскадры увидели. Они пуще огня боятся адмирала Того.

Звонарев рассказал о своем выходе на «Новике» в море.

— Совсем я не одобряю этого. Зачем вам с моряками путаться? Вот вы говорите, что огнем Утеса поврежден японский крейсер. А Эссен, наверное, донесет, что это попадание моряков, а не крепости. Предложу Белому запретить его офицерам посещение кораблей. За офицерами потянутся солдаты повидаться с земляками матросами. Те же — известные смутьяны и крамольники. Чем дальше от них, тем лучше. Вчера полицмейстер донес мне о драке солдат с матросами. Стрелки здорово набили морякам, а он сдуру переарестовал стрелков. Я приказал немедленно всех освободить и запретил командирам наказывать солдат. Пусть лучше дерутся, чем дружбу водят с матросами,— брюзжал Стессель.

Как ни отнекивался Звонарев, Варя заставила его зайти к Белым и там пообедать. Здесь прапорщик застал уже пожилого подполковника Петра Дмитриевича Бутусова, командира Квантунского отдела пограничной стражи. Это был коренастый мужчина, с большой проседью и пышными усами, которые сливались с бакенбардами. Подбородок он тщательно пробривал. Судя по тому, как запросто принимали его у Белых, можно было понять, что он свой человек в доме. Варя радостно бросилась к нему навстречу и, выпуская сто слов в минуту, тотчас сообщила, как их на обратном пути охраняли солдаты-пограничники.

— Они столько рассказывали нам интересного,— восхищалась Варя,— о том, как вы требуете от солдат хорошего отношения к китайцам.

— Теперь, во время войны, особенно важно привлекать к себе местное население. Это тем более легко сделать, что всего шесть лет тому назад во время японо-китайской войны японская военщина проявила крайнюю жестокость по отношению к китайцам, вырезая целые селения поголовно, не щадя ни женщин, ни детей. Обратить китайцев в своих союзников в этой войне — значит обеспечить свои тылы, обезопасить себя от японских шпионов и бандитов. Этой простой истины никак не хотят понять наши правящие сферы,— горячо говорил Бутусов.

— Написали бы вы, Петр Дмитриевич, по этому поводу докладную записку наместнику,— предложил Белый.

— Писал и лично докладывал и Алексееву, и Стесселю, и в министерство финансов, которому мы подчинены. Самому Витте писал — ни ответа ни привета. Канцелярия наместника, правда, раз ответила — не суйтесь не в свое дело,— с горечью ответил Бутусов.

— Правящие сановники у нас понимают и признают только одну политику: тащить и не пущать. Широко применяют ее в России и считают наиболее подходящей ее и здесь,— согласился Звонарев.

— Мало я вас знаю, молодой человек, но дружеский совет все же дам — свои мысли и мнения держите лучше при себе, а то выскажетесь в этом роде в публичном месте и попадете в большую неприятность. Артур — далекая окраина Российской империи, но порядки здесь те же, что и в Москве и Саратове,— предупредил прапорщика Бутусов.

Уже стемнело, когда Звонарев отправился к себе.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

С утра подул холодный норд-ост, с моря налетел густой туман, видимость сократилась до десяти — пятнадцати саженей.

Незадолго до обеда в мастерских появился Борейко, как всегда шумный, подвижный и энергичный.

— Здорово, ребята,— приветствовал он мастеровых.

— Здравия желаем!

— Сразу видать — нестроевщина. Отвечают кто в лес, кто по дрова. Как работа идет? — обратился он к Звонареву.— Мне уже надоело тебя на Утесе дожидаться,

решил сам приехать подогнать вас. Больно вы тут копаетесь.

— Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, Борис Дмитриевич. Мы и так тут работаем даже в праздничные дни.

— Бабы блох скорее ловят, чем вы дело делаете. Дал бы ты им по полбутылки, разом дело закипело бы.

— Что верно, ваше благородие, то верно: с водкой дело куда скорее бы пошло,— поддакнули многие.

— Сережа, у тебя деньги есть? Пошли кого-нибудь за парой четвертух на всю братию. Пьяными не будут, а работа пойдет быстрее.

— Неудобно как-то в мастерских,— возразил Звонарев.

— Когда обедать пойдут, я сам каждому из них по чарке поднесу. Вали кто-либо за водкой.

— Нам, ваше благородие, не продадут.

— Прапорщик сейчас вам записку даст, что водка нужна для технических целей.

— Не поверят, ваше благородие.

— А шут с ними, пусть не верят. Раз казенная печать есть, верь не верь, а водку подавай. Айда, Сережа, поскорее сваргань это у себя в канцелярии.

Когда Звонарев ушел, Борейко стал ходить между клепальщиками, приглядываясь к работе. Он принадлежал к числу людей, которые равнодушно не могут видеть работу других.

— Дай-ка мне тоже молоточек,— обратился он к Братовскому.— Хочу и я малость им помахать. Мальчишкой, бывало, из кузницы не вылазил, любил молотобойничать.

Борейко подали кувалду, он попробовал ее и отбросил.

— Больно легка, не по руке. Давай которая потяжелее.

Вооружившись чуть не пудовой кувалдой, он принялся за работу, но дело у него не клеилось: заклепки садились криво, мялись, и клепка получалась плохая.

— Силы, ваше благородие, надо поменьше, а ловкости побольше; позвольте, я вам покажу,— предложил Братовский.

Когда Звонарев вернулся обратно в цех, он застал Борейко в одной рубашке, с увлечением действующего кувалдой под присмотром Братовского.

 — Лихой из тебя коваль, Боря, вышел бы. Иди

в мастерскую — старшим кузнецом сразу сделаю,— улыбнулся Звонарев.

— Люблю поразмяться. Силушка по жилочкам так и забегает,— утирал потный лоб Борейко.— Я хочу сразу внести все переделки в лафет: полки для квадрантов на стрелах, что к цапфе прикрепляем, прицелы насечь на большую дистанцию. Разметки я уже сделал. Видел я щиты у моряков около пушек, решил и у нас их пристроить. Чертежик тоже набросал. Пойдем-ка в канцелярию и поговорим, что да как.

Познакомившись с чертежами Борейко, Гобято удивленно посмотрел на него.

— Выдумщик вы, Борис Дмитриевич. Вам бы в артиллерийскую академию идти.

— В академию рылом не вышел. А с пушками повозиться люблю, есть грех,— ответил поручик.— Мыслишка у меня давно в голову засела, как бы нам облегчить подачу снарядов из погребов к орудиям. Это самая тяжелая у нас работа, да и мешкотно, много времени на это уходит. Солдаты мне верную мысль подсказали — использовать для этого силу отката орудия при выстреле. И откат слабее будет, и заряжать станет легче. Только как это сделать — не соображу. Лебедкин — есть у нас там такой, из мастеровых,— предложил трос к лафету прикрепить да перебросить через блоки к снарядному кокору. По его соображениям, как раз силы хватит, чтобы снаряд поднять. Только вот рывок при выстреле получается. Опасно, как бы при этом снаряд не взорвался.

— Идея неплохая. Для смягчения первого рывка можно пружину поставить, тогда движение плавнее будет,— согласился Гобято.

Прошло больше часа, пока наконец договорились и окончательно решили, какие еще нужны будут переделки в орудиях и лафетах.

— Чуть не забыл,— спохватился Борейко,— нас с тобою, Сережа, сегодня вызывают к часу дня в офицерское собрание, на заседание суда Общества офицеров по делу Чижа.

— Первый раз слышу! По какому еще это делу Чижа? — удивился Звонарев.

— Забыл, как мы его вывели на чистую воду с артельными суммами? Он, оказывается, очень обиделся, что я его назвал жуликом, и подал жалобу в суд Общества офицеров. Белый приказал его разобрать. Тебя и Жуковского вызывают в качестве свидетелей, а меня в качестве ответчика. Идем поскорее, пока не опоздали.

В Управлении артиллерии, в библиотеке, уже собрался весь состав суда. Председательствовал Тахателов, а членами были капитан Страшников и капитан Мошинский. Все они были в парадных мундирах, при орденах и оружии. Тут же находился и Чиж.

Как только вошли Борейко со Звонаревым, Тахателов начал заседание. Секретарь суда, мрачный чиновник, опросил Чижа и Борейко, имеют ли они отводы против состава суда и свидетелей. Их не оказалось.

— Поручик Борейко, почему вы не в парадной форме? — спросил Тахателов.

— У меня ее нет, заложил в ломбард.

Звонарев заявил, что еще не успел сшить мундир.

— Заняли бы где-либо на заседание суда,— хмуро заметил Страшников, суетливый, с бегающими глазами сорокалетний капитан.

Другой член суда, Мошинский, только укоризненно покачал головой, поблескивая стеклами своих очков в круглой металлической оправе. Козлиная бородка и длинные, закинутые назад волосы делали его больше похожим на сельского учителя, чем на офицера.

— Занять-то не у кого. Ничей мундир на меня не налезет,— возразил Борейко.

Тахателов предложил считать уважительной причиной отсутствие мундиров у Борейко и Звонарева.

— Если поручик Борейко не постеснялся заявить на суде, что отдал в заклад свой мундир, то какие же у него могут быть представления о чести мундира, к которому он так небрежно относится? — ехидно проговорил Страшников, переглянувшись с Чижом.

— Это к разбираемому нами делу не относится! — возразил Мошинский.

— Присоединяюсь к вашему мнению,— проговорил Тахателов.— Суд переходит к опросу подсудимых. Расскажите, при каких обстоятельствах вам было нанесено оскорбление на словах поручиком Борейко,— обратился к Чижу Тахателов.

Чиж подробно и обстоятельно рассказал обо всем, что произошло в комнате у Жуковского после проверки артельных сумм.

— Вы подтверждаете правильность сказанного? — спросил Тахателов у Борейко.

— Целиком и полностью.

— Тогда предлагаю вам, поручик Борейко, принести свои извинения штабс-капитану Чижу.

— Не нахожу возможным. Вор, по-моему, всегда останется вором, как перед ним ни извиняйся.

— Прошу суд оградить меня от повторных оскорблений,— взвизгнул Чиж.

— Прошу вас выбирать ваши выражения, поручик,— остановил Борейко Тахателов.

— В показаниях капитана Жуковского значится, что штабс-капитан Чиж тоже оскорбил вас. Почему вы, поручик, об этом ничего не сказали? — задал вопрос Мошинский.

— Собака лает, ветер носит,— отрезал Борейко.

Чиж весь вспыхнул и снова запротестовал. Тахателов еще раз призвал Борейко к порядку. Затем суд допросил Звонарева и зачитал письменные показания Жуковского. Покончив с допросом свидетелей и выслушав объяснения Чижа и Борейко, Тахателов еще раз предложил закончить дело миром, но встретил их решительный отказ. После этого суд удалился для вынесения приговора.

Борейко и Звонарев перешли в одну из соседних комнат. Из окна была видна большая площадка, на которой было установлено несколько хворостяных барьеров и торчали предназначенные для рубки лозы. По этому манежу коротким галопом скакала на своей Кубани Варя Белая. Она по очереди брала барьеры и тут же рубила шашкой лозу. Лицо девушки раскраснелось, шляпка сдвинулась на затылок, волосы распустились, но она ничего не замечала, увлеченная спортивными упражнениями. Скачка с препятствиями сменялась бешеным галопом. Привстав на стременах, пригнувшись к луке, Варя вихрем носилась мимо окон.

— Козырь девка! — восхищенно заметил Борейко.— И мужа ей надо козырного, да чтобы еще королем был.

— Король, пожалуй, староват для нее будет, а валет бы подошел,— ответил прапорщик.

— Отчего тебе, Сережа, не сыграть в такого валета?

— А тебе?

— Какая дура пойдет за такого пьяницу, как я!

— А я побаиваюсь таких амазонок, мигом под башмак попадешь к такой жинке.

— По-моему, это совсем не плохо сидеть под разумным каблучком. Только для меня едва ли скоро найдется, больно большой да крепкий каблук нужен.

— Может, и под самый маленький попадешь. Мужчина ты видный, а если и пьешь, то пьян не бываешь.

Их разговор был прерван приглашением на суд. Тахателов стоя зачитал постановление, в котором дуэль

признавалась единственно возможным исходом конфликта между Чижом и Борейко.

— Оскорбления, нанесенные друг другу вышеозначенными офицерами при отказе принести взаимные извинения, могут быть смыты только кровью,— пояснил Тахателов.

— На чем же я с ним драться буду? На кулаках, что ли? — издевательски проговорил Борейко.— Ведь господин штабс-капитан умрет от страха при виде меня с шашкой или револьвером.

— Не торопись, дюша мой,— остановил его Тахателов и продолжал чтение приговора.— «Принимая во внимание наличие в настоящее время военных действий с Японией, исполнение приговора отложить до конца войны»,— торжественно закончил полковник.— Все понятно, господа? Претензий никаких нет?

Претензий не оказалось, и оба «подсудимые» расписались в прочтении приговора. Чиж старательно вывел свою короткую фамилию, а Борейко размашисто, через весь приговор начертал: «Прочел с удовольствием. Поручик Борейко».

Страшников только ахнул, прочитав написанное, и поспешил показать Тахателову.

— Это прямое издевательство над священной особой государя императора,— возмущался он.

Но Мошинский и Тахателов не придали значения выходке Борейко и громко расхохотались.

— Ты, дюша мой, не можешь без шуток! Будет тебе от генерала за то, что кладешь императорские резолюции на бумагах,— предупредил полковник.

На этом и закончилась судебная процедура. Когда Звонарев вернулся в мастерские, то Гобято поручил ему побывать на Стрелковой батарее.

— Командует ею капитан Мошинский. Я его сейчас видел в Управлении артиллерии. Он и подвезет вас к себе, а обратно и пешком доберетесь. Туда всего две-три версты,— предложил Гобято.

Мошинский охотно согласился подвезти Звонарева к себе на батарею. По дороге они разговорились. Капитан рассказал, как он шесть лет тому назад прибыл в Порт-Артур с батальоном Владивостокской крепостной артиллерии, как участвовал в Китайском походе, который он назвал позорной страницей в истории русской армии.

— Мы воевали с безоружными людьми и считали победами, когда обращали их в бегство. В утешение

себе скажу, что русские войска притесняли китайцев гораздо меньше, чем иностранцы, особенно англо-американцы.

Стрелковая батарея была расположена на так называемой Двурогой сопке на самом хребте, отделяющем Порт-Артур от моря. Влево внизу виднелась Двадцать вторая батарея, которой командовал Вамензон, справа на полгоре были расположены батареи номер шестнадцать и семнадцать, сзади к батарее подходила дорога в Старый город. Со Стрелковой батареи открывался вид во все стороны — впереди, насколько мог видеть глаз, расстилалось безбрежное море. Сзади хорошо были видны Западный бассейн, доки, торговый порт и весь Старый город. Из-за Перепелиной горы частично проступал Новый город, а левее — массив Ляотешаня.

— Моя батарея расположена на самом лучшем месте в Артуре, до города всего три версты, до моря — две. Всегда дует ветер, поэтому воздух чист и насыщен морскими испарениями, сухо, масса солнца. Санитарная станция, а не батарея. Легочников отправлять сюда на излечение. Живем мы с женой тихо и мирно, в городе редко бываем, дома коротаем вечера с ребятами. Думал прожить здесь спокойно еще лет с пяток, пока детишки подрастут, а тут началась война. Гоню жену с детьми из Артура, а она уезжать не хочет,— повествовал Мошинский.

— Пожалуй, она и права. Война может скоро кончиться, и все пойдет по-прежнему,— возразил Звонарев.

— Вы глубоко ошибаетесь! Раз японцы рискнули на войну с нами, то не из-за пустяков. Пока не отвоюют у нас Корею и Южную Маньчжурию с Артуром, мира не заключат. Скоро этого они не добьются, и война, несомненно, затянется.

— Вы считаете, что война нами будет проиграна? — удивился Звонарев.

— Зная японцев и стоящих за ними англо-американцев, трудно предположить, чтобы война кончилась вничью с сохранением теперешнего положения. Слишком далеко отсюда до России. Да и не нужна нам эта Маньчжурия. Мы еще и Сибири не сумели освоить, а тянемся к Маньчжурии.

Разговаривая таким образом, Звонарев незаметно доехал до Стрелковой батареи. Она еще не совсем была закончена сооружением, и с полсотни солдат и китайцев в тачках возили землю и насыпали бруствер батареи.

Солдаты и китайцы работали вперемежку. Ими ру-

ководил саперный унтер-офицер, указывая, куда еще надо подсыпать земли, проверял по шнуру правильность насыпи, замерял общий объем работы.

— Как у вас работают китайцы? — поинтересовался Звонарев.

— Пожаловаться не можем. Работают добросовестно, но и мы их не обижаем. Я сам слежу, чтобы при расчете их не обманывали, кормим из ротного котла. В других местах этого не делают, а я думаю, что два десятка человек всегда можно накормить там, где довольствуются три сотни. Сначала я китайцев не кормил, так сами солдаты с ними делились хлебом и другим продовольствием. Наш русский человек всегда готов поделиться с другим тружеником, особенно с тем, который ему помогает в работе,— словоохотливо сообщил Мошинский.

Их разговор прервал подошедший фейерверкер, который доложил, что люди на занятия при орудиях собраны. Прапорщик вместе с капитаном направились к орудиям. Стрелковая батарея была вооружена четырьмя сорокадвухлинейными пушками образца 1877 года, пушки были доставлены недавно и еще совсем не расстреляны. Предполагалось произвести расточку зарядной камеры, чтобы увеличить размер заряда и тем сделать орудия более дальнобойными.

— Я уже произвел необходимые расчеты. Можно примерно в полтора раза увеличить вес пороха, что даст почти две версты увеличения дальности.— И Мошинский протянул прапорщику бумаги с расчетами.

Осмотрев орудия изнутри и проверив расчеты капитана, Звонарев согласился с ним и обещал представить их Гобято на одобрение.

Простившись с Мошинским, Звонарев пешком направился в Управление артиллерии. Он решил по дороге посмотреть, как идут работы по укреплению центральной ограды крепости. Сооруженная еще при китайцах немецкими инженерами, центральная ограда представляла земляной вал в несколько метров высоты и толщины. На ней имелись гнезда для орудий, барбеты для стрелков, и она представляла собой довольно внушительное укрепление, но, не поддерживаемая столько времени, ограда пришла в ветхость и теперь спешно подправлялась крепостными инженерами. Работы велись силами матросов и китайцев. И тут и те и другие дружно работали бок о бок. Матросы помогали китайцам, те — матросам. Никакой розни между ними не было заметно. Толь-

ко инженерные десятники и саперные унтер-офицеры, боясь кричать и ругать матросов, срывали свою злость на китайцах, подгоняя их в работе. Но моряки одергивали унтеров и брали китайцев под свою защиту.

Звонарев справился у одного из саперов, сколько платят за работу морякам и китайцам.

— Матросы получают, что им положено от казны, а китайцам платим по шестьдесят копеек в день,— ответил он.

— Вы не слушайте его, вашбродь,— подошел к прапорщику один из матросов.— Он платит им только по тридцать копеек в день, а на остальную сумму пишет расписку. Получишь, говорит, после войны все сразу.

— Делаю, как мне начальство велит, и ты не в свое дело не суйся, а то я о тебе доложу капитану Бармину, что ты китайцев смущаешь, так тебе пропишут за это,— обозлился унтер.

— Мы твоему капитану не подчинены; у нас свое морское начальство. Оно по правде и рассудит вас с китайцами.

Звонарев не стал слушать дальнейшие препирательства матроса и сапера и пошел дальше.

В мастерских он доложил Гобято обо всем виденном на Стрелковой батарее, показал расчеты Мошинского, а заодно и сообщил о деятельности Бармина.

— Инженеры в Артуре прославились своим воровством. Тот же Бармин построил себе дом в Новом городе из ворованных строительных материалов. А китайцев он обирает без зазрения совести,— ответил Гобято.

— Надо же с этим бороться, сообщить о жульничестве Бармина начальнику инженеров крепости полковнику Григоренко. Тот должен принять необходимые меры,— горячился прапорщик.

— Григоренко-то с Барминым в доле состоит. Тут имеется круговая порука жуликов и воров. Григоренко, верно, еще с кем-либо делится из начальства. Печально, но факт,— ответил Гобято.

Наконец работы по переустройству лафетов были закончены, и тяжелые, по сотне с лишним пудов, станины стали укладывать на крепкие трехосные платформы.

Так как лошадей не хватало, то к осям платформ с обеих сторон приделаны были канатные лямки, в которые впряглось по полсотни солдат на каждую платформу. Процессия медленно, часто останавливаясь, двинулась по дороге через Золотую гору.

— Что́ твои бурлаки на Волге, недостает только «Дубинушки»! — возмущался Звонарев.— Неужели нельзя на это время собрать лошадей из рот?

— Лошадей в ротах мало, и ими дорожат, мой друг, а людей побольше, и ценится их труд куда дешевле. Та же рабочая скотина, только двуногая. Да и в случае какого несчастья спокойнее: придавит человека — поохают, повздыхают и забудут, а лошадь покалечишь — под суд за порчу казенного имущества пойдешь,— насмешливо объяснял Борейко.

— Разве нельзя в Артуре лошадей достать? Почему бы не попросить лошадей у полевой артиллерии, что ли?

— Ближе можно: у Белого шестерка лошадей, у Стесселя около десятка. Но лошади-то генеральские! Их превосходительства предпочитают тяжести возить на людях. Попробую схожу к Белому, может быть, где-либо через него лошадей достанем,— согласился Борейко.

Солдаты, потные и красные от напряжения, несмотря на резкий ветер, изо всех сил помогали паре лошадей.

— Наддай, наддай еще малость! — охрипшими голосами кричали фейерверкеры.— Уже верхушку горы видать, совсем немного осталось.

Солдаты кряхтели, наддавали, проходили еще шагов десять — пятнадцать и, обессиленные, останавливались. Через минуту опять раздавалась команда:

— Навались! — и люди вновь налегали на лямки.

За час прошли не больше версты, люди и лошади были совершенно измотаны.

Звонарев устроил привал на десять минут. Усталые солдаты повалились на холодную, промерзлую землю, некоторые попросили разрешения сходить за водой, жажда мучила людей не меньше усталости. Прапорщик распорядился доставить из нестроевой роты бочку воды, но фельдфебель отказался ее дать. Обозленный Звонарев сам пошел за бочкой.

— Как ты смеешь не исполнять моих приказаний? — набросился он на фельдфебеля.

— Капитан не приказали. Был такой случай: бочку потребовали для поливки сада, я дал, а капитан потом за это меня выругали и приказали вперед бочку никому и никогда не давать.

— Ты или притворяешься дураком, или в самом деле дурак: то сад полить, а то людей напоить.

— Воля ваша, ваше благородие, без капитанского приказания бочку дать не могу.

 — В чем дело? — вмешался подошедший Борейко.

Звонарев рассказал.

Поручик молча хлестнул фельдфебеля по зубам.

— Марш! Сам с бочкой, сволочь, поедешь! — приказал он.

Фельдфебель, утираясь на ходу, бросился исполнять приказание.

— Рассусоливаешь ты с ними напрасно,— заметил Борейко.— Они видят, что ты из штатских, и позволяют себе черт знает что. С лошадьми ничего не вышло. Позвонил было Белый к Стесселю, так тот просто расхохотался. «У тебя, говорит, Василий Федорович, на то и солдаты, чтобы пушки да лафеты таскать». Так ни с чем и ушел, придется самим тащить. Становись, Сергей, в лямку второго взвода, а я в первый стану, потягаемся,— все веселее будет. А ну-ка, ребята, потягаемся — чья возьмет! — крикнул Борейко солдатам, накидывая на себя лямку.— Смотри, Тимофеич,— обратился он к Родионову,— не подкачай, а то прапорщик с Лепехиным нас потом засмеют.

Солдаты оживились. Вид огромного Борейко, едва влезшего в лямку, показался им забавным. Они начали шутить и пересмеиваться между собой. Первый взвод скоро стал опережать. Звонарев со своими солдатами сильно отстал.

— Эх ты, Лепеха-воха,— кричал Родионов,— совсем у вас, видать, кишка тонка. Мало каши ешь!

— Так у вас же один Ведмедь за целый взвод прет,— пробурчал Лепехин,— а у нас прапорщик хлипкий.

Подождав вторую платформу, первый взвод двинулся дальше.

Только к вечеру все десять станин были переброшены на Электрический Утес. Солдат, валившихся с ног от усталости, Борейко отпустил спать.

— Кто же на батарее на ночь останется? — забеспокоился Жуковский.

— К пятидесятисемимиллиметровым пушкам довольно будет и восьми человек. Мобилизовать денщиков, писарей да каптенармусов, и я с ними останусь,— предложил Борейко.

Вечером на Утес неожиданно пришли сто двадцать человек мастеровых из нестроевой роты.

— Вы зачем сюда явились, архангелы? — спросил Борейко.

— Подсобить вам малость пришли, ваше благородие,— за всех ответил Братовский.— Дело срочное, а ваши солдаты, видать, вовсе притомились. Мы и

отпросились у капитана. Желающих сто двадцать человек набрали.

— Спасибо на добром слове. Только темно сейчас, а у нас ночью разводить огней не полагается, с моря видно.

— Мы, ваше благородие, и при ручных фонарях управимся,— ответил кто-то из солдат.

— Тогда пойдем на батарею.

Людей поделили — одни под руководством Борейко занялись ремонтом орудий, снимали их со старых лафетов, а другие со Звонаревым приступили к сборке новых. Вскоре Утес превратился в монтажную мастерскую.

Звонарев с Борейко до утра не сомкнули глаз. Как только рассвело, нестроевые ушли с батареи, а отдохнувшие артиллеристы встали на работу. Трое суток беспрерывно день и ночь шло переоборудование батареи. Всех солдат поделили на три смены под руководством Жуковского, Борейко и Звонарева. Погода продолжала оставаться морозной и вьюжной, японцы не беспокоили. К вечеру третьих суток наконец вся батарея была переоборудована. Старые лафеты у пушек были заменены, у орудий появились щиты и целая система блоков для подъема снарядов. Дальномерную будку и командный пункт для командира перенесли в бруствер.

Наконец погода прояснилась. С раннего утра Борейко уже метался около орудий, последний раз осматривая все заклепки и вновь установленное приспособление для стрельбы. Но японцы не появлялись,— море оставалось чистым до самого горизонта.

Хотели уже было выпустить пару снарядов прямо в море, чтобы проверить действие новых установок, когда несколько легких японских крейсеров приблизилось к Артуру.

— На дальномере! — завопил радостно Борейко.

— Шесть тысяч пятьсот!

— Пусть подойдут поближе,— решил Жуковский.— Начнем с наименьшей дистанции,— девять верст, а затем будем ее увеличивать.

— Зарядить орудия! — скомандовал Борейко.

Солдаты, с утра томившиеся в ожидании стрельбы, радостно бросились подносить снаряды и новые, еще невиданные на батарее картузы с бездымным порохом: всем хотелось поскорее испробовать переделанные лафеты.

— Эх, и пуганем мы сейчас японцев. Не обрадуются,— оживленно говорил Лебедкин.

— Наводи, Петрович, поточнее, чтобы нам не осра-

миться с нашими новыми пушками,— упрашивал Родионов наводчика Кошелева.

На батарее чувствовался общий подъем.

— Не разорвет орудия? — беспокоился Жуковский.— Ведь они рассчитаны на бурый призматический порох, а не на бездымный.

— Рассчитаны с запасом, Николай Васильевич,— успокоил его Звонарев.

— На первый залп людей все же надо спрятать в погреба, чтобы несчастья не случилось.

— Пять тысяч пятьсот! — доложили дистанцию с дальномера.

— Прицел двести пятьдесят, батарея, залпом!

Дула орудий поднялись необычайно высоко вверх. С непривычки казалось, что пушка при таком угле возвышения должна обязательно опрокинуться при выстреле. Солдаты пугливо посматривали.

— Укройтесь в погребах! — крикнул Борейко.

Все, за исключением фейерверкеров и наводчиков, поспешно юркнули в погреба.

— Батарея, пли!

Пять огненных столбов вырвались из высоко поднятых вверх дул орудий. Легкий дымок на мгновение окутал батарею и тотчас растаял. Остро запахло эфиром. Лафеты мягко откатились и стали на свои места. Солдаты моментально выскочили из укрытий и бросились осматривать пушки.

— В первом взводе все в порядке! — доложил Родионов.

— Во втором и третьем тоже! — доложили взводные.

— Падает! — донеслось с дальномера.

— Недолет!

— На полверсты не докинули,— заметил Жуковский.

Затем попробовали стрелять на одиннадцать и двенадцать верст, на пределе получили двенадцать с четвертью верст вместо предположенных тринадцати.

Японцы при первых же выстрелах поспешили уйти дальше в море.

— Итак, вместо девяти с половиной верст дальность увеличили до двенадцати, кругло считая,— резюмировал Жуковский.

— Скорость стрельбы доведена до одной минуты тринадцати секунд на залп и может быть еще увеличена,— добавил Борейко.

— И люди и командир находятся теперь в полном укрытии от осколков,— закончил Звонарев.

Поблагодарив солдат за хорошую работу по переоборудованию батареи, Жуковский с Борейко и Звонаревым отправились обедать.

— Начальство даже и не поинтересовалось нашими успехами,— сказал Борейко.

— Как не заинтересовалось! Заинтересовалось, даже очень. Я сейчас получил из Управления артиллерии телефонограмму с выговором за самовольную стрельбу сегодня,— улыбнулся Жуковский.

Стессель крупными шагами ходил по комнате. Волнения первых дней войны уже миновали, он успокоился и обрел свой прежний решительный вид и тон. Вера Алексеевна поместилась в углу на диване, около большой лампы под красивым абажуром. Рядом с ней сидели четыре ее питомицы, старательно занимаясь вышивкой.

В качалке развалился высокий, широкоплечий, бородатый артиллерийский генерал Никитин, с типичным лицом алкоголика, начальник артиллерии формирующегося в Артуре Третьего Сибирского корпуса. Он был слегка навеселе и потому особенно многословен.

— Наши самотопы продолжают отличаться,— проговорил он громко, чуть хриповатым басом.

— Какие такие самотопы? — удивилась Вера Алексеевна.

— Да наши герои-морячки! Пока они ни одного японца еще не утопили, зато потопили в Чемульпо «Варяга» и «Корейца», а под Артуром — «Енисея» и «Боярина». Япошкам никогда и не снились такие успехи, если бы не помощь наших самотопов. Погодите, они еще своими руками весь флот перетопят, а сами в Питер укатят.

Стессель громко расхохотался:

— Это ты здорово сказал, Владимир Николаевич. Самотопы! Что правда, то правда,— самые настоящие самотопы! Завтра же всем расскажу, как ты ловко их окрестил.

— Ты должен быть осторожен, Анатоль. Ведь наместник — моряк и души не чает во флоте и моряках,— предостерегала Вера Алексеевна.

— Среди своих поговорить можно, а среди чужих — лучше и попридержать язык,— поддержал Никитин.

— Наместник чуть ли не на другой день после начала войны поспешил покинуть свой возлюбленный флот и ретироваться в Мукден,— возразил Стессель.

— Из моряков только тогда выйдет толк, когда их подчинят сухопутному начальству, чтобы они действова-

ли сообща с армией, а не шлялись бы зря по морю,— продолжал Никитин.

— Вы совершенно правы, Владимир Николаевич. Давно надо моряков к рукам прибрать, а то слишком задирать стали носы,— с жаром проговорила Вера Алексеевна.

— Пока Алексеев наместником, об этом и заикаться нельзя,— возразил Стессель.— Я боюсь, чтобы меня самого Старку не подчинили.

— Этого никогда не может быть,— живо возразила генеральша.— Сегодня мне в экономическом обществе говорили, что Старка на днях убирают.

— Кто же на место Старка приедет сюда? — спросил Никитин.

— Какой-то Макаров.

— Из кронштадтских или севастопольских самотонов? Знаю Дубасова, Скрыдлова, а этого знаю мало.

— Мне говорили, что он очень ученый, на Северный, что ли, полюс зачем-то ехать собрался, да не вышло у него. С носом вернулся,— выкладывала свои сведения Вера Алексеевна.

— Уж если он до полюса не сумел добраться, то где же ему с Того воевать. Там только моржи да тюлени могли ему помешать, а тут целый японский флот,— скептически проговорил Никитин.

— Терпеть не могу этих ученых — ни черта в строевой службе не понимают и сами больше похожи на беременных баб, чем на военных,— сердито проговорил Стессель.

— Он, верно, сразу же к нам с визитом приедет.

— Долг вежливости обязывает его к этому. Надо думать, какой бы он зазнайка ни был, а вам визит все же первый нанесет.

— Он, очевидно, приедет сюда без семьи.

— Кто же в осажденную крепость семью везет?

Вера Алексеевна приятно улыбнулась. Ее заветная мечта — стать первой дамой в Артуре — близилась к осуществлению. Наместник уехал, Старк уезжает, и она останется в Артуре во главе дамского общества.

Звонок в передней известил о приходе нового лица. Через минуту в комнату вошел начальник Четвертой Восточносибирской стрелковой дивизии генерал Фок. Высокого роста, худощавый старик, с небольшой седенькой бородкой, он легко, юношеской походкой подошел приложиться к ручке Веры Алексеевны.

Девочки-воспитанницы, как по команде, встали и при-

сели в реверансе перед генералом, но Фок не обратил на них никакого внимания.

— Привет святому семейству! — мягким баритоном проговорил он.— Забежал к вам на огонек. На дворе мороз, метет пурга, в двух шагах ничего не видно. Мне, по моему холостяцкому положению, одному дома скучно. Решил к вам заглянуть.

— И хорошо сделали, Александр Викторович,— приветливо отозвалась генеральша.— Не хотите ли с холодку чайку, согреться?

— Не откажусь, а то по старости мерзнуть очень стал.

— Какие у тебя новости? — спросил у Фока Стессель.

— Сам за ними пришел! По новостям у нас знаток Владимир Николаевич.

— Где мне за вами в этом отношении угнаться,— отозвался Никитин.— Это у вас всегда все известно из самых достоверных источников и притом раньше всех.

— Новости у меня все старые. Убирают Старка, приезжает Макаров; Куропаткин назначен командующим Маньчжурской армией. Японцы продолжают высаживаться в Корее, а наши морячки — отсиживаться в Артуре да безобразничать во всяких «Звездочках» и «Варьете» с публичными девками,— ласковым, елейным голосом повествовал генерал.

— Вам пора спать,— обратилась генеральша к воспитанницам.

Те аккуратно сложили свои работы и поспешили выйти.

— Кто же при детях говорит о публичных девках? — упрекнула она Фока.— Мои крошки святы и невинны, а вы при них говорите такие неприличные вещи.

— Простите великодушно! Все виноват мой солдатский язык. За сорок лет службы привык к казарменной речи.

— Это верно, что Куропаткин назначен?

— За что купил, за то и продаю.

— Это будет прекрасно, Анатоль! Ты опять будешь вместе с Алексеем Николаевичем,— обрадовалась генеральша.— Он-то уж, наверное, тебе моряков подчинит, а ты приберешь их к рукам.

— Трудновато все же. Слыхал я, сюда едет великий князь Кирилл Владимирович вместе с братом своим Борисом. Кирилл тоже моряк. Может и заартачиться. Са-

мому царю обо всем напишет. Куропаткину трудно будет против него бороться.

— Да, самотопы сейчас в чести,— задумчиво сказал Никитин.

— Владимир Николаевич моряков самотопами называет,— пояснила Вера Алексеевна.

— Весьма остроумное название,— согласился Фок.— Пока что они предпочитают плавать не в Желтом, а в винном море и купать в нем своих этуалей.

— Анатоль, отчего ты не вышлешь всех этих мерзких тварей из Артура? — возмутилась Вера Алексеевна.

— С отъездом семей число холостяков в Артуре увеличилось, и потребность в женщинах возросла.

— Да среди них есть и весьма не вредные,— заикнулся было Никитин.

— Не смейте при мне гадости говорить! Откуда вы их можете знать, Владимир Николаевич? — обиделась генеральша.

— На улицах вижу и слышу рассказы о них.

— Ах ты, старый греховодник! — хохотал Стессель.

— Да замолчите вы, право!

— Не сердитесь, матушка Вера Алексеевна, к слову пришлось. Разрешите лучше глотку промочить, что-то от разговора пересохла.

— Прошу в столовую,— пригласила хозяйка.

Никитин за столом не замедлил быстро приложиться к графинчику с коньяком. Фок же, наоборот, демонстративно пил только чай.

— Наш-то артурский Улисс что выделывает!

— Кто это Улисс-то? — спросил Никитин Фока.

— Кондратенко, конечно. Он нас всех, вместе взятых, перехитрит, вокруг пальца обведет и сух из воды выйдет. Хитрая штучка.

— Неправда! Роман Исидорович умница, вот вы на него и сердитесь,— заступилась генеральша.

— Хотел бы я иметь такого верного адвоката, как вы, Вера Алексеевна. Никому бы меня в обиду не дали,— говорил Никитин.

— Так что ты начал о Кондратенко рассказывать? — спросил Стессель.

— Он все работы по постройке фортов взял в свои руки. Как будто он, а не Григоренко, крепостной инженер.

— Кондратенко сапер и кончил инженерную академию. Ему и книги в руки по фортификационной части.

— Он свою дивизию обратил в рабочих-землекопов, вместо того чтобы строю их обучать.

— Это ты верно заметил. Завтра же переговорю с ним об этом,— отозвался Стессель.

— Слыхали, что Белый подчинился морякам и разрешает своим батареям стрелять только с их ведома? — слащаво улыбаясь, продолжал Фок.

— Перекинулся к морякам? — изумился Стессель.— Да ты не ошибаешься ли, Александр Викторович? Не ожидал я от него такого поступка.

— Меня тоже его поведение несколько удивило: сватом тебе приходится и такие каверзы строит,— подзуживал Фок.

— Я с ним серьезно поговорю,— пригрозил Стессель.

— Двуличный он человек,— поддакивал Никитин.

— Вершинин вчера вечером у него был. О чем-то они долго совещались. Даром что он полковник русской армии, а вольнодумец. Ума не приложу, о чем бы они могли так долго разговаривать? — вставил Фок.

— Вредный это человек Вершинин. Как ты его держишь гражданским губернатором Квантуна и гражданским комиссаром? — упрекнула мужа Вера Алексеевна.

— Со связями он: Алексеев у него не один раз обедал. Сразу его не уберешь,— оправдывался Стессель.

— А ты, Анатолий Михайлович, с подковыркой, обходом его возьми! — посоветовал Никитин.

— С какой стороны-то его обойдешь: не ворует, кажется.

— Только кажется,— заметил Фок.— Какой же градоначальник в России не ворует?

— Не пойман — не вор.

— Либералов защищает.

— Кого именно?

— Да хотя бы заведующую Пушкинской школой Желтову. Там все артурские либералы собираются. Школа только вывеска для пропаганды противоправительственных идей,— вкрадчиво продолжал Фок.

— Поручу Микеладзе заняться этим делом.

— Глуповат Микеладзе. Лучше бы Познанскому,— тот хотя и молодой жандарм, но подает большие надежды.

Вошедший денщик доложил, что Белый просит Стесселя к телефону.

— Дюже в море с пушек бьют. Батареи так и полыхают,— сообщил он.

 Никитин заторопился домой.

— Японцы с моря в проход лезут,— взволнованно сообщил вернувшийся Стессель.— Какие-то там брандеры пускают. Я сейчас еду на Золотую гору.

— Я тебя не пущу,— решительно заявила генеральша.— Незачем тебе туда ехать, Белый и без тебя справится. Довольно ты день-деньской по фортам да батареям разъезжаешь. Не комендантское это дело на каждый выстрел ехать.

— Я уже приказал подать экипаж.

— Я отправлю его обратно,— распорядилась Вера Алексеевна.

Стессель сдался и покорно пошел за женой в спальню.

В это же время адмирал Старк сидел в глубоком мягком кресле около письменного стола в своей каюте на «Петропавловске» и внимательно читал рапорты командиров кораблей, донесения с сигнальной станции на Золотой горе о деталях внезапного нападения японцев на русскую эскадру в роковую ночь 26 января. Короткий бой стал переломным моментом в жизни адмирала. Его обвиняли в непринятии мер по охране эскадры, открыто стоящей на внешнем рейде.

Старк откинулся на спинку кресла и погрузился в глубокое раздумье. В каюте было тепло и уютно. Изредка доносились резкие порывы штормового ветра, хлопали раскачиваемые ветром шлюпки и спасательные круги, громыхали по палубе тяжелые матросские сапоги.

Адмирал с горечью и возмущением вспоминал о своем унизительном положении начальника эскадры, который фактически не смел ничего предпринять без ведома и согласия наместника. Последний вмешивался во все распоряжения Старка по эскадре, связывая его по рукам и ногам своей непрошеной опекой. Вспомнил он и о том, как Витгефт, по приказанию наместника инструктируя чинов его штаба о необходимых мероприятиях по охране кораблей, прямо заявил, что никакой войны не будет.

— И это за полчаса до нападения! — возмущался адмирал, перебирая бумаги и припоминая все подробности злосчастной ночи.

Старк встал и раздраженно прошелся по каюте.

— Получасовой бой, и моя безупречная сорокалетняя служба перечеркнута судьбой, а сам я вынужден просить об отставке якобы по болезни, чтобы спасти свое честное имя,— с глубокой горечью проговорил вслух адмирал.

— Но нет, вы еще не знаете, кто такой Старк! Он сумеет постоять за себя. У меня есть такие документы за подписью Алексеева, что ему не поздоровится, когда их увидит свет! — продолжал адмирал, потрясая кулаком от негодования.

Всегда сумрачное его лицо с глубоко запавшими глазами и со следами переутомления и негодования приняло жесткое выражение.

— Я тебе покажу, царский выродок, кто такой Старк! — И адмирал нервно подошел к наглухо приделанному к стенке несгораемому шкафу. Открыв дверь, он вытащил пачку бумаг.

— Вот она! — выдернул он одну из них. На первом листе он бегло прочитал: — «Нам необходимо проводить на Дальнем Востоке в отношении Японии самую жесткую политику, памятуя, что она никогда не решится на войну с Россией». Так и сказано: «никогда не решится на войну», а она не только решилась, но и первая начала войну с Россией. А вот еще! — И Старк взял другую бумагу: — «Ввиду полной несостоятельности ваших опасений о возможности войны с Японией считаю отозвание к эскадре «Варяга» и «Корейца» ненужным». Да, да, только по беспечности Алексеева мы потеряли эти два корабля, а теперь за все отвечаю я, а не он. Но это не выйдет! — Адмирал вновь спрятал бумаги.

В дверь постучали, затем вошел флаг-офицер лейтенант Дукельский.

— Получена депеша от адмирала Макарова,— протянул он телеграмму.

— «Буду в Артуре двадцать четвертого. Макаров»,— прочитал Старк.— Завтра,— взглянул он на календарь.— Прикажите «Баяну» выслать в почетный караул полуроту,— и, подумав, прибавил: — С музыкой.

— Есть, ваше превосходительство.— И лейтенант вышел.

Старк еще раз прочитал телеграмму и опять нахмурился.

— Будет и этот умник меня учить уму-разуму,— заворчал он, вновь принимаясь за бумаги.— Хорошо ему критику наводить за десять тысяч верст отсюда.

Старк снова взял одну из бумаг и прочитал:

— «Его императорскому высочеству генерал-адмиралу великому князю Алексею Александровичу, копия управляющему морским министерством адмиралу Авелану». Всем написал. Пусть все знают, какой он умник,— проговорил он и уткнулся в бумагу: — «Предвижу, что

японцы не упустят столь благоприятного случая для внезапного нападения, как нахождение русской эскадры на внешнем рейде...» Он, Макаров, предвидел это, сидя в Кронштадте, а я здесь, на месте, упустил, видите ли, эту возможность. Теперь он возвеличен, обласкан и едет заменить меня в командовании эскадрой. Так ведь я тоже предполагал это, писал об этом! Но меня не хотел слушать тот же Алексеев. Но было бы еще хуже, если бы японцы, напав без объявления войны, внезапно затопили в первую же ночь несколько пароходов у входа в гавань и заперли эскадру во внутреннем рейде.

Старк опять зашагал по каюте, зябко пожимая плечами. Донеслись глухие удары орудийных выстрелов. Адмирал прислушался.

— Опять, должно быть, береговые батареи бьют по воображаемым судам,— пробурчал он и нажал кнопку звонка.

— Позвать лейтенанта Дукельского! — приказал адмирал вестовому.

Через минуту флаг-офицер доложил, что на море замечены пароходы, направляющиеся к выходу на внешний рейд, очевидно, с целью закрыть его.

Старк надел пальто, поплотнее нахлобучил фуражку и вместе с Дукельским поднялся на палубу. Его тотчас же охватила метель, сквозь которую с трудом можно было различить белые ленты прожекторных лучей. Беспрерывно сверкали зарницы орудийных выстрелов.

— На море замечено пять пароходов,— сообщили с сигнальной станции на Золотой горе.

— Дежурным миноносцам атаковать их! — приказал адмирал, стараясь в ночной бинокль разглядеть, что происходит на море, но в снежном вихре ничего нельзя было разобрать. Приказав каждые пять минут сообщать о происходящем на море, адмирал снова спустился в каюту.

После резкого холода наверху в каюте показалось особенно тепло. Старк потребовал чаю с ромом и засел за составление длиннейшего отчета о всем происшедшем с начала войны. Но работа не клеилась, и адмирал продолжал беспокойно прислушиваться к происходящему на рейде.

Прошло минут двадцать, пока наконец Дукельский пришел с докладом об отбитии японской атаки на проход. Только тогда Старк смог спокойно приняться за продолжение прерванной работы. Адмирал подробно разбирал причины возникновения войны и неудач первых столкновений на море. Он указал, что Япония с момента за-

нятия русскими Порт-Артура в 1898 году стала энергично с помощью Англии и Америки готовиться к вооруженному столкновению с Россией. По тоннажу флот Японии за это время возрос более чем в четыре раза, армия увеличилась втрое. Наместник Алексеев и военное командование в Маньчжурии недооценили этот рост вооружений и не предприняли должных мер к усилению русской армии и флота на Дальнем Востоке. Японцы же, прекрасно учтя неподготовленность царского правительства к войне, заключили союз с Англией, получили финансовую помощь от Америки и, науськиваемые ими, рискнули первыми напасть на Россию.

Перо опального адмирала легко и быстро скользило по плотной бумаге, и перед Старком, неожиданно для него самого, вставала яркая картина общего развала русской администрации на Дальнем Востоке. Прочитав написанное и аккуратно сложив листки бумаги, адмирал стал собираться ко сну. Взволнованный, он долго не мог заснуть. Перед ним одна за другой вставали картины недавнего прошлого: первая атака японцев, гибель «Енисея», а за ним и «Боярина», позорное поведение его командира Сарычева. И за все это он должен отвечать, хотя в свое время он настаивал на снятии Сарычева с корабля, как не способного к командованию. Он лично предупреждал командира «Енисея», Степанова, о течениях в Талиенванском заливе, но тот все же посадил свой корабль на свою же мину.

— Сейчас всех собак вешают на меня. Скорее бы приезжал Макаров. Тот умеет отделаться от начальства и никому не позволит наступать себе на ногу,— решил после раздумья адмирал.

Сильный снежный буран бушевал над Артуром. В воздухе носились мириады мелких сухих снежинок, которые больно хлестали в лицо. Огромные волны бешено бросались на каменистый берег, рассыпая далеко кругом мельчайшие брызги, мгновенно замерзающие на морозе.

На внутреннем рейде чуть проступали громады броненосцев, да Золотая гора темным привидением нависла над узким проходом на внешний рейд. С наступлением ночи Артур утонул в мутной мгле пурги.

Только что вышедший из ремонта миноносец «Страшный» нес сторожевое охранение у входа, став на два якоря у подошвы Золотой горы. Напротив него, у Тигрового Хвоста, темнел силуэт еще не снятого с мели, подорван-

ного в первую ночь войны «Ретвизана». Немного позади, в самом проходе, стояла канонерка «Отважный».

С берега, с «Ретвизана» и с «Отважного» в море тянулись бледные лучи прожекторов, свет которых с трудом пробивался сквозь пургу.

Андрюша Акинфиев нес очередную вахту. На командирском мостике «Страшного» из-за холода и ветра невозможно было долго стоять, и он то и дело спускался вниз, чтобы хоть немного согреться за трубой и кожухом машины. Здесь было относительно тихо, от труб и машин несло теплом, и можно было обогреть озябшие руки.

Миноносец сильно мотало на волне, и стоило большого труда удержаться на обледеневшей палубе, несмотря на протянутые вдоль нее леера. На носу, приткнувшись к орудиям, вахтенные, в толстых меховых тулупах, с биноклями в руках, внимательно вглядывались в море, следя за передвижением белых полос прожекторов, которые то ярко вспыхивали, то затухали, чтобы через мгновение загореться вновь.

— Смотреть вперед повнимательнее! — окликал вахтенных мичман.

— Есть смотреть вперед повнимательнее! — глухо доносилось до него в ответ сквозь вой ветра.

Мороз и ветер глубже забирались под одежду, заставляя дрожать мелкой дрожью. Андрюша завидовал матросам, одетым в теплые тулупы, но для себя считал неприличным кутаться.

«Офицеры всегда и везде должны быть примером для матросов»,— мысленно твердил он, коченея от холода.

Время тянулось нестерпимо медленно, казалось, прошла целая вечность, но неумолимые часы при свете папиросы показывали, что истек всего только час, как Андрюша вступил на вахту, а впереди еще три долгих часа.

«Ермий, должно быть, спит крепким сном у себя в каюте, а Юрасач с Дмитриевым сражаются в шахматы, попивая горячий чай с ромом»,— представил себе Андрюша, и от этого ему стало еще холоднее и тягостнее стоять на палубе.

— Ничего не видать? — спросил он у матросов.

— Никак нет, ваше благородие. Муть одна, и только. Да и кто полезет к Артуру в такую непогодь? Если под берегом так мотает, то что же делается в море! В одночасье корабль обледенеет и пойдет ко дну. Японцы холода не любят, у них даже зимой тепло в Нагасаках. Как мы раньше там стояли, даже об рождестве теплынь —

в бушлатах жарко,— ответил один из матросов, видимо, старослужащий.

— Это ты, Денисенко? — узнал его в темноте мичман.

— Так точно, мы с Серегиным на вахте стоим.

— Всегда вместе — друзья неразлучные.

— Шестой год вместях. Как на службу пригнали в кронштадтский флотский экипаж, так и не расстаемся. Вместе на «Нахимове» на Дальний Восток пришли, вместе на «Севастополе» были, а затем на «Страшный» перевелись,— словоохотливо ответил Денисенко.

— Вы бы, ваше благородие, тулупчик накинули, а то ведь обморозитесь. Разрешите, мигом слетаю,— предложил Серегин.

— Не надо, скоро уж смена,— ответил Андрюша, угадывая желание матроса сбегать в теплый кубрик.— Смотрите не зевайте, а то, не ровен час, японец наскочит,— предупредил он матросов и отошел.

— Фасон давит, а сам до костей промерз, аж зубы стучат,— проговорил Денисенко, когда мичман отошел.

— Молодо-зелено. Обморозит уши да ноги, так другой раз и тулуп наденет и калоши.

— Что за погода распроклятая! Сиди вот тут и мерзни да выглядывай, не собираются ли тебе япошки какую-нибудь пакость подстроить. И с чего это война началась,— понять невозможно. Жили мирно и тихо, а тут вдруг: раз — и в морду один другому,— задумчиво проговорил Денисенко.

— Дай время, до всего доберемся: почему и отчего,— ответил Серегин.

Матросы умолкли, вглядываясь в ночную мглу.

По-прежнему на море медленно шарили щупальца прожекторов; на «Ретвизане» двигались какие-то огоньки; «Отважный» стоял с потушенными боевыми фонарями. Серегин и Денисенко между делом соскребали с палубы лед. Все было тихо и спокойно. Вдруг прожекторные лучи заметались по морю и разом остановились на одном месте, осветив большой пароход, крадущийся вдоль берега от Ляотешаня. С Тигровки грянул выстрел, за ним другой, за Тигровкой загрохотал Электрический Утес, и, наконец, перекрывая все остальные звуки, рявкнули двенадцатидюймовые пушки с «Ретвизана».

— Свистать всех наверх! — скомандовал Акинфиев.

Через мгновение Юрасовский уже легко взбежал на мостик, застегивая на ходу шинель, матросы быстро разошлись по орудиям и минным аппаратам.

С «Отважного» засемафорили огнями.

— Атаковать брандер,— доложил сигнальщик.

— Есть атаковать брандер,— повторил Юрасовский.— Выбрать якоря, приготовить орудия и минные аппараты!

Загремела якорная цепь, заблестели огни у орудий. Малеев кинулся к носовой семидесятипятимиллиметровой пушке, Акинфиев спустился к минным аппаратам, с которых уже снимали чехлы.

— Вперед до полного! — скомандовал в машинное отделение командир. Миноносец вздрогнул и, набирая ход, двинулся по направлению к брандеру.

Между тем уже весь берег осветился огнями выстрелов. Удары тяжелых орудий слились в протяжный гул. За первым брандером показались еще три. Они полным ходом шли по направлению к проходу.

На Золотой горе взвились две ракеты, ярко осветили море, и огонь батарей мгновенно прекратился. Теперь только «Страшный», зарываясь по самый мостик в ледяную воду, стремительно несся к головному брандеру, в то же время осыпая его своими снарядами.

— Носовой — товсь! — скомандовал минному аппарату Юрасовский.

Акинфиев застыл на месте, ожидая команды «пли». В это время с брандера открыли по миноносцу сильный огонь из малокалиберных скорострельных пушек и пулеметов. Несколько снарядов с воем пронеслись над миноносцем, и по обе стороны «Страшного» взвились водяные столбы.

— Пли! — наконец скомандовал командир. Вспыхнул красноватый огонек, и мина, нырнув в воду, понеслась по направлению к брандеру.

— Лево на борт! Приготовить кормовой аппарат! — Миноносец круто покатился вправо, поворачиваясь кормой к противнику.

Через несколько секунд у брандера с тяжелым ударом взметнулся к небу огненный веер взрыва, и пароход сразу круто осел на правый борт.

— Ура! — радостно закричало сразу несколько голосов на палубе миноносца. Несмотря на мороз, матросы весело перекликались между собой в темноте.

Подбитый брандер быстро оседал носом в воду. При свете прожектора было видно, как с него спешно спускали шлюпки.

— По шлюпкам огонь! — едва успел скомандовать Юрасовский, как загремела кормовая пушка. Шлюпки торопливо отходили от тонущего корабля, но разъяренные волны опрокидывали их одну за другой. Окутанный

паром брандер уже наполовину погрузился в воду, а на его палубе все еще продолжали бегать люди, обстреливая миноносец из ружей. Одной шлюпке удалось выплыть, и она быстро ушла в море.

— Слева по носу миноносец! — вдруг истошным голосом закричал сигнальщик, и тотчас же из ночной тьмы вынырнул темный силуэт. Почти в тот же миг на японском миноносце разом сверкнуло несколько молний и грянул орудийный залп. Вокруг «Страшного» вновь заметались в бешеной пляске водяные смерчи.

— Еще два на левом траверзе! — крикнул Серегин.

Снова и снова глухие удары выстрелов потрясли море и небо. Акинфиев оглянулся на Порт-Артур и с удивлением увидел, как далеко позади остались береговые батареи.

«Влопались!» — мелькнуло в его голове, но по команде Юрасовского миноносец, круто повернув, уже лег на обратный курс. Японцы в темноте потеряли «Страшный» из виду.

На Золотой горе опять взвилась ракета. При ее свете батареи заметили «Страшный» и, приняв его за японское судно, тотчас же обстреляли.

— Показать опознавательные,— скомандовал Юрасовский.

— Опять подобьют нас,— ворчали матросы, боязливо оглядываясь на водяные всплески от снарядов.

— Серегин, черт кривой,— ругался боцман,— живо подымай сигнал, пока нас не утопили!

Миноносец, спасаясь от снарядов, развил предельный ход и, лавируя, шел курсом прямо на «Ретвизан».

Около самого Артура «Страшный» с ходу протаранил шлюпку с одного из брандеров. Было слышно, как люди кричали о помощи.

— Не нравится в холодной воде купаться,— злорадствовали матросы.

— Мы хоть и не купались, а вымокли не меньше их, зубы так и стучат,— ответил Денисенко.

— Подберем? — спросил Малеев у командира.

— К черту! — бросил Юрасовский.

Вскоре «Страшный» уже подошел к своему прежнему месту. Справа и слева, под Золотой горой и у Тигрового Хвоста, пылали выбросившиеся на берег брандеры. Огромное пламя, выбиваясь наружу, ярко освещало красноватым светом узкий проход в Артур и заснеженные берега; горящие головни взлетали высоко вверх и с шипением падали в воду. Несколько портовых пароходов стол-

пилось около брандеров, пытаясь своими помпами залить пожар.

— Не отойти ли нам подальше от них,— указал Малеев на брандеры,— не ровен час, еще взорвутся и нас повредят.

— Пожалуй, ты прав,— ответил Юрасовский,— станем ближе к Электрическому Утесу.

Когда «Страшный» стал на якорь, команду спустили вниз. Матросы, продрогшие и озябшие, поспешно спустились в кубрик.

— Выдать всем сейчас же по чарке водки,— приказал Юрасовский боцману.— Да подсменить вахтенных, чтобы переоделись в сухое.

— Тебе, Андрюша, еще целых две склянки достаивать вахту. Иди-ка и ты переоденься,— небось тоже промок,— предложил Малеев.

Через пять минут Акинфиев, уже переодетый в сухое, снова шагал по мостику.

После пережитого волнения Андрюша сперва не замечал даже голода, погруженный в воспоминания о происшедшем. Стрельба, взрывы, свист снарядов, вихрем несущийся миноносец, крики утопающих — все оживало в памяти и складывалось в яркую картину боя. Целый ряд деталей, ранее упущенных сознанием, теперь всплывал в памяти. То вспоминалась нелепо согнутая при свете ракеты фигура Малеева, которого обдало водой из-за борта, то широко раскрытый рот Юрасовского, когда он отдавал приказания, стараясь перекричать грохот стрельбы. Мысли унеслись в далекий Кронштадт, где жила семья. Встал, как живой, отец, высокий, сутулый, лысый человек с золотыми очками на носу. Он был главным врачом в морском госпитале. Андрюша вспомнил, как противился отец его поступлению в морской корпус.

— Знаю я этих ветрогонов-моряков, редко кто из них блещет умом и образованием,— говорил он.— Больше на внешнем лоске да подхалимстве выезжают. Ума от них не наберешься, а пустельгой стать легко. Кроме того, морская служба в России почти наследственная: у большинства офицеров и дед, и отец, и сын — все моряки. У таких и связи, и знакомства, и карьера обеспечена. А у нас с тобой? Мой дед — поп, отец — сельский учитель, я сам — врач. Никто, как видишь, в моряках и не служил. Куда нам с суконным рылом да в стародворянский ряд лезть!

Но Андрюша не внял увещаниям отца.

«Завтра же напишу им письмо обо всем»,— решил он.

Сменившись с вахты, Акинфиев быстро разделся и едва лег на койку, как заснул.

Проснулся он от стука отдаваемого якоря и понял, что «Страшный» вошел в бухту.

Вошедший в каюту Малеев окончательно разбудил его.

— Сегодня утром в Артур приехал Макаров. Сейчас он в порту, а затем будет объезжать корабли. Старк уже спустил свой флаг на «Петропавловске».

— Ура! Наконец-то у нас появился настоящий адмирал,— обрадовался Акинфиев и стал поспешно одеваться.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Прямо с вокзала адмирал Макаров направился в доки, чтобы познакомиться с ходом работ по исправлению подорванных судов. Никто из местного начальства не ожидал столь быстрого посещения доков новым командующим флотом, и Макаров мог лично убедиться, какими черепашьими темпами шел ремонт. В сопровождении младшего флагмана адмирала Ухтомского, командира порта Артур адмирала Греве и флаг-офицера Дукельского он стал обходить мастерские. Рабочие с любопытством посматривали на бородатого адмирала с ласковыми глазами.

— Здравствуйте, братцы! — мягким баритоном поздоровался адмирал.

— Здравия желаем! — нестройно ответили рабочие, снимая фуражки.

— Это еще кого на нашу голову нелегкая принесла? — спросил один из них.— Мало нам здешних скорпионов, так еще новые сюда едут! — и недоверчиво и хмуро посмотрел на Макарова.

Внимательно оглядывая рабочих, Макаров обратил внимание на нездоровый вид многих и стал расспрашивать о том, как и где они живут, где питаются, сколько получают, много ли семейных. Сперва нехотя и коротко, а затем все подробнее и живее рабочие отвечали на расспросы Макарова. Он узнал, что, помимо местных портартурцев, успевших обжиться на месте, в доках работает до тысячи человек недавно приехавших из Питера по контрактам с морским ведомством. На местах им сулили золотые горы, а в Артуре они попали в тяжелые условия. Квартир у большинства не было, и они ютились в холодных китайских фанзах, питались где и как попало.

Слушая жалобы, адмирал все больше хмурился, наконец начал сердито посапывать носом и подергивать правым плечом.

— Немедленно отвести для жилья рабочих одну из флотских казарм вблизи доков и зачислить всех вольнонаемных на флотский паек,— приказал Макаров.

Гул одобрения пронесся по толпе, многие, улыбаясь, стали благодарить адмирала.

— Только помните мои условия,— работать за четверых, чтобы в кратчайший срок все корабли были готовы,— обратился к рабочим Макаров.

— Не извольте беспокоиться, ваше превосходительство, как черти станем работать! — заверяли рабочие.

— Нам бы еще, ваше превосходительство, господин адмирал, насчет баньки — вша да блоха заела, а в городе и бани-то настоящей нет.

— Правильно! Русскому человеку без бани не прожить! Разрешаю вольнонаемным пользоваться экипажной баней на общих основаниях с матросами,— решил Макаров.

— Затем насчет околотка. Заболеешь, полечиться негде.

— Разрешаю лечиться в экипажном околотке. Еще что? Лейтенант Дукельский, прошу проследить за выполнением моих распоряжений,— обернулся адмирал к флаг-офицеру.

— Наместник считает нежелательным тесное общение рабочих с матросами и едва ли одобрит последнее распоряжение вашего превосходительства,— предупредил Макарова командир порта адмирал Греве, когда они вышли из мастерских.

— Вы все равно не избежите общения при совместной работе по ремонту кораблей. Я сам урегулирую этот вопрос с Алексеевым.

— Есть! — ответил Греве.

Затем Макаров отправился к стоящему у причала броненосцу «Цесаревич». Команда корабля была уже выстроена на шканцах. У трапа адмирала встретил командир корабля капитан первого ранга Григорович. Едва Макаров вступил на палубу корабля, как заиграла музыка, матросы вскинули винтовки на караул. Обойдя команду по фронту, Макаров громко поздоровался с матросами.

Даже на придирчивый взгляд старого моряка матросы выглядели молодцевато в безупречно пригнанном обмундировании, начищенных до блеска сапогах и лихо залом-

ленных бескозырках. Они имели здоровый, сытый вид и поражали ярким румянцем на щеках.

Хмурое вначале лицо Макарова просветлело, и он внутренним чутьем старого моряка понял, что матросам на корабле живется неплохо. Недаром Григорович славился на всю эскадру своими хозяйственными способностями и считался одним из лучших командиров на флоте.

Пройдя по фронту, Макаров отпустил команду и отправился осматривать повреждения корабля. Подоспевший флаг-инженер Кутейников начал было длинный доклад о проделанной работе, но адмирал прервал его вопросом:

— Когда вы закончите починку?

— «Цесаревич» будет отремонтирован к маю, «Паллада» к середине апреля, а «Ретвизан» не раньше чем через три месяца по подводке кессонов.

— Я столько ждать не могу! «Цесаревич» и «Паллада» должны быть готовы к первому апреля, а «Ретвизан» — к десятому. Ваше дело, господин Кутейников, всеми наличными средствами обеспечить выполнение моего приказа,— настойчиво проговорил Макаров.

— Разрешите свистать к обеду? — спросил Григорович.

— Да! Только пищу я буду пробовать из матросских баков,— предупредил Макаров.

В кают-компанию он не зашел, а, собрав офицеров наверху около мостика, начал с ними беседовать.

— Вы, господа, должны прежде всего сами проникнуться духом борьбы и затем внушить его своим матросам. Помните заветы Корнилова и Нахимова: атаковать неприятеля, где только его увидишь, не считаясь с его численностью. Конечно, дело не в одной лихости,— надо овладеть также техникой боя, но прежде всего надо помнить, что не так страшен японец, как его малюют! Нужно обрести веру в свою победу и внушить ее и себе и матросам. Наш матрос способен на любой подвиг под руководством настоящих командиров.

— Пока что они творят чудеса только в артурских кабаках! — вставил лейтенант.

— Виню в этом прежде всего господ офицеров, которые не сумели должным образом воспитать своих матросов. Я буду прежде всего и больше всего взыскивать с офицеров и считаться буду только с теми, которые сумеют повести за собой матросов. Зазнаек и белоручек мне не надо!

 Отпустив офицеров, Макаров отправился на батарей-

ную палубу, где обедали матросы. Подсев к одному из баков, адмирал понросил ложку и попробовал щи и кашу. Обед был приготовлен на славу, хотя и вообще на «Цесаревиче» кормили лучше, чем на других кораблях эскадры.

— Всегда вас так хорошо кормят? — спросил Макаров.

— На харчи не обижаемся, ваше превосходительство! Вот в порту сидеть надоело, это правда,— ответил один из матросов.— Только два дня пришлось по япошкам пострелять, с тех пор все на ремонте стоим.

— Небось страшновато было в те дни? — шутил Макаров.— Теперь из дока вылезать не хотите?

— Оно правда, испугались было сперва, как среди ночи под корму ударило, но затем вскоре опомнились и бросились подводить пластырь,— бойко отвечали матросы.— Теперь у японцев мы в долгу, надо бы поскорее с ними расквитаться.

— Смотрите ему спуску не давайте. Через месяц ваш «Цесаревич» должен уже выйти в море. Работать надо много и усердно. Я на вас, ребята, надеюсь,— закончил беседу Макаров.

— Постараемся, ваше превосходительство! — ответили матросы уходящему адмиралу.

Как только Макаров отошел, все матросы сгрудились около тех, с кем он разговаривал, и засыпали их вопросами.

— Видать, что сам из матросов! — заметил баталер.

— Ни в жисть не поверю, чтобы из матросов в адмиралы выйти можно было,— усомнился один из комендоров.

— Сомнительно что-то, но до матроса, видать, добер и не гордый, как Старк. От того, кроме брани, и слова не услышишь.

— Бородища у него знатная! И из себя видный,— обменивались замечаниями матросы.— Брови у него густючие, а глаза, как у дитяти,— ясные. Даром что вид сердитый, а видать — добрый, зря матроса не обидит!

На «Палладе» Макаров сразу пришел в раздражение при виде грязи и захламленности на корабле.

Исковерканные трапы, погнутые поручни, концы тросов, канаты — все это беспорядочно валялось на палубе. Напрасно командир «Паллады» капитан первого ранга Косович уверял адмирала в невозможности поддержания на корабле чистоты, когда идут ремонтные работы.

— Даю вам трехдневный срок для приведения всего

в порядок. Запишите, лейтенант Дукельский. Я лично проверю исполнение моего приказания,— сурово отвечал ему адмирал.

После щеголеватых матросов «Цесаревича» матросы «Паллады» выглядели замухрышками.

— Не удивительно, что двадцать шестого января на «Палладе» так долго возились с подводкой пластыря и никак не могли добраться до берега,— резко проговорил Макаров.

— Меня в тот момент на крейсере по болезни не было! — заикнулся было Косович.

— Все же вы виноваты в том, что не сумели своевременно обучить матросов такой необходимой в бою вещи, как подводка пластыря.

Не заходя больше никуда, Макаров уехал на «Ретвизан». На нем уже были подведены носовые кессоны и шла откачка затопленных носовых отсеков. Броненосец с минуты на минуту должен был обрести плавучесть и сдвинуться с мели, на которой стоял.

Как только на «Ретвизане» заметили приближение Макарова, команда была немедленно выстроена, рабочие же собрались на полубаке.

У парадного трапа Макарова встретил командир «Ретвизана» капитан первого ранга Шенснович.

Макаров, уже остывший после разносов на «Палладе», с видимым удовольствием выслушал сообщение о скором снятии «Ретвизана» с мели.

Шенснович поспешил довести до его сведения о той работе, которую он вместе со своей командой проделал для спасения корабля.

— Измучились, ваше превосходительство! Ни днем, ни ночью не имели покоя. Днем чинились, невзирая на погоду. Три раза волна разбивала кессоны, и все приходилось начинать заново. По ночам же, вернее даже — чуть стемнеет, на рейде начинают рыскать японские миноносцы. За ночь отбивали по десяти минных атак. Поведение всей команды, особенно господ офицеров, выше всяких похвал! С вашего разрешения, я войду в штаб с представлением о наградах офицерам и нижним чинам,— разливался Шенснович.

— Прежде войдите в порт, а тогда уж и о наградах поговорим,— остановил его адмирал.

Затем он обошел команду.

— Спасибо за службу! — поблагодарил Макаров матросов.

— Рады стараться!

— Вам пришлось на себе испытать первый удар врага и пережить все боевые невзгоды, находясь у входа в порт,— продолжал Макаров.— Даст бог, не сегодня-завтра вы пойдете в порт и там, в спокойной уже обстановке, окончательно залечите нанесенные вашему броненосцу раны. Чем скорее «Ретвизан» вернется в строй, тем скорее мы сможем побороть японцев. Приношу благодарность также всем господам офицерам броненосца,— закончил речь Макаров.

Затем, подойдя к рабочим, он поблагодарил также и их. Сняв фуражки, они нестройно ответили адмиралу.

— Когда все работы по снятию броненосца будут окончены, выдать всем не в зачет по полумесячному окладу и представить отличившихся к наградам! — распорядился Макаров.

— Покорнейше благодарим, спасибо, ваше превосходительство, господин адмирал! — зашумели в толпе.

Макаров, желая ознакомиться с причиненными «Ретвизану» повреждениями, спустился в трюм, пролез через сеть деревянных подпорок, добрался до откачиваемых отсеков и осмотрел их при помощи ручного фонаря. Весь испачканный, утомленный, измучив сопровождавших его офицеров, он вернулся на палубу.

— Теперь можно будет и закусить после трудов праведных,— не замедлил предложить Шенснович.

— Спасибо, не откажусь,— просто ответил Макаров.

За завтраком адмирал оживленно беседовал с офицерами.

— Вам повезло: в первый же месяц войны вы получили такой богатый боевой опыт.

— Опыт, конечно, большой,— дипломатично заметил Шенснович,— но едва ли кто-нибудь желает приобретать его дальше. Нужна хотя бы небольшая передышка в порту.

— Только не увлекайтесь городом. Не более десяти процентов офицеров могут одновременно съезжать с корабля, а матросы только в праздничные дни. Слыхал я, что в Артуре установилось правило, по которому чуть не все офицеры, кроме вахтенных, съезжают ежедневно на берег. Даже в море будто бы эскадра выходила не с полным составом офицеров и матросов! Я считаю это совершенно недопустимым,— предупреждал Макаров.

Лица у многих офицеров вытянулись.

— На каком корабле изволите поднять свой флаг, ваше превосходительство? — справился Шенснович.

— Штаб придется оставить на «Петропавловске», а

сам я помещусь на каком-нибудь крейсере: «Аскольде», «Диане», «Баяне».

— Но в бою это едва ли удобно, да на броненосцах и безопаснее,— проговорил Шенснович.

— Броненосец — штука тяжелая и неповоротливая, на нем далеко вперед не ускачешь. Это старый предрассудок, что адмирал должен быть всегда на самом защищенном корабле. Крейсера же имеют за собой ряд преимуществ: на них можно и в разведку сходить, и осмотреть всю эскадру; за ними быстрота хода, удобство, гибкость маневрирования. Поэтому в бою на крейсере скорее доберешься, куда нужно, и увидишь, что надо.

Офицеры внимательно слушали Макарова. Выдвинутые им положения ломали давно укоренившиеся во флоте традиции.

Шенснович провозгласил тост за нового командующего. Все его дружно поддержали и стали подходить к Макарову с бокалами в руках; адмирал, приветливо чокаясь, просил Шенсновича называть ему фамилии подходивших.

Затем он сам предложил тост за офицеров и командира «Ретвизана», после чего стал прощаться. Он вызвал к «Ретвизану» «Страшного» и на нем объехал всю эскадру. Юрасовский в полной парадной форме стоял на мостике рядом с адмиралом и Дукельским. Андрюша Акинфиев, как зачарованный, не спускал глаз с Макарова. Матросы, быстро двигаясь по палубе, издали с любопытством рассматривали нового адмирала.

— Здорово, Демчук! — узнал Макаров боцмана, который был с ним в плавании на «Ермаке».

— Здравия желаю вашему превосходительству! — неторопливо, с чувством собственного достоинства ответил боцман.

— Опять пришлось нам с тобой встретиться! Ты вон уже до боцмана дослужился! Как живешь?

— Покорно благодарим! Бог грехи терпит, не сожрали еще акулы.

— Постарел ты все же, седина появилась!

— И у вашего превосходительства борода тоже побелела!

— Да, бегут года, стареем все!

Узнав, что «Страшный» собран в артурском порту, Макаров особенно заинтересовался им и обошел все помещения.

— Дорого и скверно,— резюмировал он свои впечатления, узнав стоимость миноносца.— Наше адмиралтейство верно себе — больше ворует, чем строит.

«Страшный» по очереди подходил к различным кораблям эскадры. Макаров в мегафон здоровался с выстроенными на борту матросами, благодарил их за службу и двигался дальше.

Последним адмирал осмотрел крейсер «Аскольд». Заграничной постройки, пятитрубный быстроходный бронепалубный крейсер «Аскольд» считался одним из лучших кораблей эскадры. Командовал им капитан первого ранга Грамматчиков, которого адмирал знал с детских лет. Рассказы адмирала о море, моряках и толкнули талантливого юношу на тернистый путь морской службы.

Макаров особенно тепло поздоровался с ним и, обойдя весь корабль, приказал пробить боевую тревогу. Матросы быстро заняли свои места по боевому расписанию. Адмирал подходил то к одному, то к другому орудию и беседовал с комендорами.

— Соскучились, поди, сидеть без дела в гавани? — справлялся он у матросов.

— Так точно, ваше превосходительство! Руки чешутся пострелять по японцу,— бойко отвечал ему комендор.

— С новыми оптическими прицелами уже ознакомились? — допытывался Макаров у них.

— Ознакомились, но в бою еще применять не приходилось, охота поскорее попробовать их на деле.

— Постараюсь в ближайшие же дни доставить вам эту возможность,— улыбнулся в бороду адмирал.

С «Аскольда» Макаров поехал на «Петропавловск». Обойдя и здесь команду и познакомившись с офицерами, адмирал прошел к Старку, который уже с нетерпением поджидал его в своем салоне.

Усталый и продрогший за день, Макаров с удовольствием принял предложение Старка выпить чаю с ромом. Пока вестовые готовили чай, адмиралы уселись в кресла и начали говорить о разных второстепенных вопросах. Макаров выразил сожаление по поводу болезни Старка и пожелал ему скорейшего выздоровления. Старк громко восхищался прекрасным видом Макарова и уверял, что ему никак нельзя дать больше сорока пяти лет, хотя адмиралу уже исполнилось пятьдесят пять. Затем Старк осторожно справился о петербургских новостях.

— Новости нынче надо узнавать не в Питере, а в Артуре. Весь мир сейчас больше всего интересуется военными делами на Тихом океане,— отозвался Макаров.

— У нас все по-старому — японцы атакуют, а мы отбиваемся,— в тон собеседнику ответил Старк.

Подали чай. Макаров почти залпом выпил первый

стакан и попросил еще. После чаепития Старк с заметным волнением в голосе спросил:

— В морском министерстве, верно, всех собак вешают на меня?

— Само собой разумеется, Оскар Викторович! Вы ведь командующий эскадрой. Вам и ответ держать.

— Это неверно, Степан Осипович. Алексеев совсем меня обезличил, а теперь прикрывается мною.

— Зачем же вы позволили ему сесть себе на шею?

— Побывали бы вы на моем месте. Ничего другого мне не осталось делать.

— С сегодняшнего дня я влезаю в вашу шкуру, но действовать буду по-другому. Сразу же поставлю вопрос ребром: или я командую флотом, или наместник. В случае несогласия со мной подам в отставку.

— У вас, Степан Осипович, другое положение. Вы назначены командующим флотом непосредственным рескриптом государя императора. Я же, во-первых, командую лишь эскадрой, а не флотом и, во-вторых, назначен в обычном порядке.

— Характер у вас, Оскар Викторович, слишком мягкий. Вы все боитесь поссориться с Алексеевым, а тот и использовал эту вашу податливость. С начальством надо говорить почтительно, но твердо, когда закон на вашей стороне.

— Закон, что дышло, куда повернешь, то и вышло. Особенно у Алексеева. Он тут царь и бог, что хочет, то и делает, ни с кем и ни с чем не считаясь.

— Позавчера в Мукдене, когда я ему представился по случаю приезда, он обещал поддержку моим начинаниям.

— Хитрая бестия этот наместник! Кого хочешь вокруг пальца обведет, заметить этого не успеете.

— Мы тоже, чай, не лыком шиты! — хитренько улыбнулся себе в бороду Макаров.

Затем перешли к обсуждению нынешнего состояния эскадры. Макаров выразил свое неудовольствие расхлябанностью некоторых кораблей и плохой их боевой подготовкой.

— Придется сделать некоторую перестановку командного состава, да и Греве мне сразу не понравился,— больно не расторопен.

— Вы не правы, Степан Осипович! Командиры на эскадре неплохие.— И Старк начал перечислять офицеров, давая им при этом краткие характеристики. Макаров вни-

мательно слушал его, соглашаясь с некоторыми и резко возражая против других.

— Слишком вы снисходительны, Оскар Викторович! Теперь время военное, и требования, особенно к офицерам, должны быть сильно повышены.

— Не всегда это бывает удобным, особенно в отношении офицеров, имеющих родственников в высших сферах,— убежденно проговорил Старк.

— На войне можно и должно считаться лишь с боевыми качествами, а не личными связями.

— Все это, дорогой Степан Осипович, теория, а на практике попробуйте-ка задеть кого-нибудь из наших аристократов! Поднимут такой шум, что и в Петербурге услышат. Пришлют всяких ревизоров и расследователей, и в результате вы же окажетесь виноваты,— вздохнул Старк.

— Пусть шумят сколько хотят, а если понадобится, то я без всяких разговоров спишу с корабля любого командира или даже флагмана и ни с кем не посчитаюсь,— решительно ответил Макаров.

— Завидую вашей молодой энергии, Степан Осипович, и, не обижайтесь, удивляюсь мичманскому задору,— с ноткой иронии в голосе отозвался Старк.

— Тут не задор, а решительность, которой часто не хватает, к большому нашему несчастью, многим из начальников,— не остался в долгу Макаров.

Затем он попросил ознакомить с планом ведения боевых операций. Старк вызвал начальника штаба эскадры и командира порта и предложил каждому из них сделать доклад по своей части.

Макаров уселся поудобнее в кресло, вооружился карандашом, бумагой и приготовился слушать своих подчиненных.

Вновь назначенный начальник штаба контр-адмирал Молас спокойным, бесстрастным голосом начал излагать первоначальный план войны на море.

— Ранее мы считали, что основной задачей флота явится сохранение за собой преобладания в Желтом море и Корейском заливе. Но выход из строя трех кораблей в Артуре, гибель «Варяга», «Боярина», «Корейца» и «Енисея» настолько ослабили нашу эскадру, что мы принуждены перейти к чисто оборонительной тактике, не мечтая пока об обладании морем,— говорил адмирал. Затем он изложил мероприятия по обороне берегов Квантуна и Южной Маньчжурии.

— А Корея? — спросил Макаров.

— Хорошо, если мы Квантун сумеем охранить от высадки японцев,— отозвался Старк.

Чем больше Макаров слушал сначала Моласа, а затем Греве, тем больше хмурился. Когда наконец доклады были закончены, он резко проговорил:

— Все, что я сейчас слышал, вернее назвать планом поражения русского флота, а не планом победоносной войны. Никогда еще в истории человечества войны не выигрывались оборонительными мероприятиями.

— Сейчас ничего другого мы предпринять не можем,— вскочил даже с места Старк.— Иначе мы немедленно погубим и те корабли, которые еще у нас остались.

— Если думать о сохранении эскадры, то проще всего сидеть в Артуре сложа руки и предоставить японцам без боя полное господство на море.

— Это равносильно проигрышу войны,— возразил Старк.

— О чем я и говорю, Оскар Викторович! — веско закончил Макаров.— Необходимо решительно бороться с такими настроениями.

— В Артуре найдется широкое поле деятельности для ваших планов, Степан Осипович,— ответил Старк.

Макаров поспешил закончить неприятный разговор, оформив официальный прием эскадры, и вернулся ночевать на «Аскольд».

Оставшись один, Старк приказал вестовому укладывать вещи для отъезда.

— Пусть уж Макаров здесь умничает как хочет,— с сарказмом проговорил он вслух.

Корабль давно уже не спал, и матросы, рассыпавшись по всем закоулкам, усиленно чистили и терли. Старший офицер крейсера капитан второго ранга Таше в сопровождении боцмана и унтер-офицеров носился по палубам. Крейсер блистал ослепительной чистотой, палубы были выскоблены до блеска, медяшки надраены до последней возможности.

Поднявшись на мостик, адмирал поздоровался с вахтенным офицером мичманом Рыклицким.

— Вы давно в Артуре? — спросил адмирал.

— С год, ваше превосходительство.

— Скучали, поди, здесь до войны?

— Да и сейчас невесело. За месяц войны только два раза побывали в боях, а то все на бочках на внутреннем рейде отстаиваемся да небо коптим.

— Потерпите! Я не собираюсь эскадру мариновать

в гавани,— особенно крейсера. Возможно, чаще будем выходить в море, чтобы тревожить японцев!

Серый рассвет постепенно вступил на смену ночи. Один за другим гасли прожектора, сквозь утренний туман все отчетливей проступали очертания гор.

Адмирал, поеживаясь от холода, спустился с мостика.

У своей каюты Макаров встретил Дукельского. Выбритый, раздушенный, с закрученными кверху усами, лейтенант имел фатоватый вид. Макаров поморщился,— он не переносил фатов и пшютов.

— Чем порадуете, Георгий Владимирович? — спросил он своего флаг-офицера.

— С «Петропавловска» присланы бумаги, полученные вчера вечером и ночью: донесения сторожевых судов, рапорт флагманского врача о количестве больных и два пакета с дешифрированными секретными телеграммами из штаба наместника,— доложил Дукельский, подавая почту.

Адмирал прежде всего вскрыл конверт, из которого выпали две бумажки, аккуратно исписанные прямым готическим почерком Моласа. Прочитав их, Макаров помрачнел.

— Полюбуйтесь, пожалуйста! Успели уже донести наместнику о моих вчерашних распоряжениях в порту. «Наместник считает нежелательным тесное соприкосновение портовых рабочих с матросами, неизбежное при размещении рабочих в казармах флотского экипажа, а равно и зачисление их на довольствие в порту, так как этим последним обстоятельством создается общность интересов матросов с рабочими в отношении пищи. Наместник на будущее время просит предварительно согласовывать с его штабом все вопросы, связанные с положением вольнонаемных рабочих в порту»,— прочитал адмирал.

— Кто же отвечает за ход ремонтных работ,— я или штаб наместника? Если я, то позвольте мне распоряжаться, как я найду нужным! — наскакивал Макаров на Дукельского, как будто распоряжение исходило от него, а не от наместника.— А вот второе — еще лучше: «Инструкция морского штаба командующему Тихоокеанским флотом. Категорически воспрещается вступать в бой с главными силами противника до возвращения в строй кораблей, подорванных двадцать шестого января, в то же время надлежит беспрестанно тревожить японцев ночными действиями миноносцев и легких крейсеров». Это за десять тысяч верст, из Питера, дают мне инструкцию! Смешно, если бы не было так грустно! Что же, мне от

японцев в гавани прятаться, а не вести войну? Хороши налеты миноносцами, когда у нас их едва двадцать, а у японцев полсотни.

— Разрешите доложить, ваше превосходительство,— перебил его Дукельский.— При адмирале Старке фактически флотом командовал сам наместник. Он, в свою очередь, получал директивы из Петербурга.

— Я не Старк и командовать флотом собираюсь сам. Надо узнать, кто это сообщил о моих распоряжениях в порту.

— Командир порта адмирал Греве.

— Откуда вы это знаете?

— Он в них лично заинтересован.

— Если это так, то его придется немедленно убрать.

— Адмирал Алексеев лично установил этот порядок перед своим отъездом из Артура, двадцать восьмого января.

— Как, командир любого корабля помимо меня будет сноситься со штабом наместника? Сегодня же отдайте приказ: согласно таким-то статьям военно-морских законов запрещаются кому бы то ни было всякие служебные сношения со штабом наместника помимо меня. В штаб наместника приказ пошлите в копии!

— Без нас туда будут доставлены все экземпляры этого приказа,— усмехнулся Дукельский.— Сейчас подъем флага, ваше превосходительство!

Приняв рапорт от командира крейсера, адмирал, не завтракая, уехал на «Петропавловск». По дороге туда на катере он неожиданно вспомнил о сухопутном начальстве.

— И они тоже пишут о действиях флота наместнику? — спросил он у Дукельского.

— Пишут и часто клевещут на нас.

— Этому надо положить конец. Свяжитесь с комендантом крепости. Как его?

— Генерал Стессель.

— Да, с ним,— не примет ли он сегодня меня с официальным визитом вместе с Моласом и вами часов этак около двух дня. Было бы желательно также присутствие всего сухопутного начальства.

— Есть, ваше превосходительство!

— Не сегодня-завтра должен приехать в Артур начальник военного отдела моего штаба, полковник Агапеев. Тогда я ему специально поручу связь со штабом крепости, а покуда попрошу связаться с ними вас.

 На «Петропавловске» Макаров только поздоровался

с выстроенной командой и тотчас же отправился в штаб к Моласу.

Оставшись наедине с Моласом, Макаров с раздражением начал ему высказывать свое возмущение существующими в эскадре и Артуре порядками. Когда Макаров выдохся, Молас бесстрастно, спокойным голосом начал объяснять сложившуюся в Артуре обстановку.

— Морской штаб получает сведения о деятельности наместника не только через его штаб, но также через генерала Стесселя, коменданта Владивостока и даже через иностранных морских и военных агентов, находящихся в Маньчжурии.

— А в японском морском штабе, часом, справок не наводят? — иронически спросил Макаров.

— Навели бы, если бы японцы дали справки, ибо они больше в курсе наших дел, чем Петербург. Хотя, вероятно, Петербург кое-что и пытается получить через французов или немцев. Штаб наместника ведет ту же политику по отношению к нам. Его информирует сухопутное и даже гражданское начальство.

— Все это подрывает авторитет начальников! Вы тоже информируете о моей деятельности наместника?

— Еще не успел.

— Только поэтому. Не ожидал я от вас такого ответа.

— Степан Осипович! — перешел Молас на интимный тон.— Я так же, как и вы, считаю эту систему неправильной, но против распоряжения из Петербурга идти нельзя. Я думаю, что мы с вами, оба старые моряки, сумеем сговориться по этому вопросу. Если вас это не удовлетворяет, я готов уйти.

— Дело не в нас с вами, Михаил Павлович! Дело в самой системе шпионажа младшего за старшим и всех друг за другом. Вот что, по-моему, недопустимо! Раз мне не доверяют,— пусть заменят другим. Надо этот вопрос четко поставить перед Алексеевым. Что касается Петербурга, то с указаниями оттуда я особенно считаться не собираюсь. Нам на месте все виднее и понятнее, чем в Питере. Я буду твердо вести свою линию в этом отношении... Вы не сердитесь на меня, Михаил Павлович,— под горячую руку я бываю резок.— И адмиралы обменялись рукопожатиями.

— С «Ретвизана» сообщают,— доложил вошедший Дукельский,— что броненосец обрел плавучесть и его можно отбуксировать в порт. Ждут только прибытия вашего превосходительства.

— Есть! Сейчас же едем! Вы, Михаил Павлович, не

беспокойтесь, если не совсем здоровы. Лучше днем вместе съездим с визитом к Стесселю.

Приподнятый приливом, «Ретвизан» слегка покачивался на волне, когда Макаров прибыл на броненосец. Два портовых буксира уже завели тросы и готовы были двинуться с места. На палубе была выстроена команда с оркестром. Поздоровавшись и поздравив со счастливым окончанием работ, Макаров приказал буксирам двигаться. Настала торжественная минута. Буксирные тросы натянулись. «Ретвизан» медленно отделился от берега и стал поворачиваться носом по направлению к гавани.

На палубе грянуло дружное «ура». Оркестр заиграл гимн. Макаров снял фуражку и набожно перекрестился. Матросы и офицеры последовали его примеру.

— Ваше превосходительство, не прикажете ли отслужить благодарственный молебен Николе-угоднику за спасение корабля,— заюлил Шенснович.

— Не до молебнов сейчас! Перекрестились, и хватит. Сегодня же необходимо приступить к дальнейшим работам по исправлению корабля,— ответил Макаров.

«Ретвизан» медленно двигался по проходу на внутренний рейд. На берегу радостно кричали и махали шапками столпившиеся солдаты, рабочие, женщины и неугомонная детвора.

Вся эскадра и все портовые суда украсились флагами расцвечивания в честь «Ретвизана». Со всех кораблей усиленно семафорили броненосцу, поздравляя его. Макаров, тихо поглаживая свою густую бороду, стоял впереди всех на мостике, окруженный офицерами корабля. Он задумчиво вглядывался в видневшуюся на внутреннем рейде эскадру и сумрачную панораму Порт-Артура.

Как только «Ретвизан» втянулся в порт, адмирал отбыл с него на «Петропавловск». По дороге он осмотрел «Баян». Вирен, не ожидавший адмиральского визита, встретил его на мостике. Приняв рапорт, командующий обошел крейсер, заглядывая по дороге в самые неожиданные места — гальюны, угольные ямы, носовые отсеки, куда только могла протиснуться его грузная, большая фигура. Затем он приказал произвести учение по отбитию минной атаки и пожарную тревогу.

Все на крейсере блистало чистотой, порядок везде был образцовый,— недаром же «Баян» считался лучшим кораблем в эскадре. Но Макаров хмурился все больше и больше: ему не нравилось, что слишком пугливо взглядывали на него матросы, когда он к ним обращался, что

терялись от вопросов офицеры. Покончив с осмотром корабля, адмирал неожиданно потребовал журнал взысканий и список штрафных матросов. Просматривая их, он обратил внимание, что чуть не половина команды состоит в разряде штрафованных; дисциплинарных взысканий было немного, но зато под судом перебывала значительная часть матросов.

— Вы явно злоупотребляете, капитан, преданием суду нижних чинов за пустяковые, в сущности, поступки, за которые можно ограничиться простым дисциплинарным взысканием. Я считаю позором для эскадры иметь в своем составе крейсер, на котором половина матросов штрафные!

— Разрешите доложить, ваше превосходительство,— начал Вирен своим скрипучим, вялым голосом.— Наказание по суду я всегда считал более правильным, ибо там мое, быть может, пристрастие, личное мнение заменяется мнением незаинтересованных лиц...

— ...которые считают, что раз матроса отдали под суд, значит, все меры воздействия на него дисциплинарных взысканий оказались безуспешными, и закатывают его в арестантские роты,— перебил Макаров.— Жду от вас срочного представления о снятии штрафов с матросов.— И, не поблагодарив Вирена и отказавшись от предложенного завтрака, адмирал вернулся на «Аскольд», где его уже ждал Молас.

— Генерал Стессель просит вас пожаловать сегодня в два часа дня. Будут присутствовать все генералы крепости и гарнизона,— сообщил Молас.

— Есть! А пока можно и закусить,— улыбнулся Макаров.

За завтраком адмирал поинтересовался, как ведется сооружение крепостных фортов и батарей.

— Обычным у нас способом подрядных работ. Подрядчик некто Тифонтай строит под наблюдением наших инженеров,— сообщил Дукельский.

— Что это за личность Тифонтай? Я в Питере слышал о нем далеко не благоприятные отзывы,— справился Макаров.

— По-моему, достаточно темная личность. Бывший китайский генерал, весьма вероятно, японский шпион, крупнейший подрядчик в Южной Маньчжурии. Строит в Дальнем порт и доки, в Артуре все крепостные сооружения. Для них получает прекрасный портландский цемент из России, но переправляет его в Японию, а оттуда доставляет в Артур плохой японский, который и сбывается нам

под видом новороссийского портланда. К этому следует добавить, что Тифонтай привлек сюда массу китайцев-рабочих, платит им гроши, а всем недовольным рубит головы самолично.

— И его еще не убили свои же китайцы? — удивился Макаров.

— Были покушения на его жизнь, но неудачные.

— Как же его терпят порт-артурские власти?

— Тифонтай принял православие, назвав себя в честь царя Николаем. Много жертвует на церковь, помогает миссионерам. Вхож к Стесселю и даже к наместнику. С большими связями в Питере,— пояснил лейтенант.

— Да, такого не так-то просто убрать отсюда,— задумчиво проговорил Макаров.

— Очень даже непросто. Тифонтай считается ярым русофилом. Долго жил в Питере, связан с Безобразовской компанией, которая мечтает о создании здесь Желтороссии. Тифонтая прочат в главы этих «добровольно присоединившихся к России» китайских областей.

— Слышал я и о Желтороссии в Питере. Глупая и опасная затея. Но нам пора собираться.— И Макаров встал из-за стола.

К двум часам дня в гостиной на квартире Стесселя собрались все приглашенные для встречи с Макаровым артурские генералы.

Вера Алексеевна, в черном шелковом платье, плотно облегающем ее пышную фигуру, с неизменным рукоделием на коленях, не по годам румяная и свежая, весело болтала с паясничающим, как всегда, Никитиным. К их разговору прислушивались чуть улыбающийся Кондратенко и хмурый и усталый на вид Белый. Стессель расхаживал с Фоком по комнате, внимая дружеским наставлениям последнего.

— Надо новому адмиралу сразу же дать понять, что флот существует для обороны Квантуна и крепости, а не крепость — для флота. Флот может и погибнуть, но крепость останется, а если погибнет крепость, то с ней погибнет и флот. Это моряки должны себе твердо усвоить.

— Ты, как всегда, прав, Александр Викторович. Это вопрос основной, и о нем двух мнений быть не может. Армия прежде всего, а затем уже флот!

— Лютейшие недруги мои все самотопы, большие и малые,— отозвался Никитин.

Звонок в передней возвестил о прибытии ожидаемых гостей. Денщики бросились открывать двери.
 Фок сел в кресло, а Стессель остался стоять посреди

комнаты, приняв возможно более внушительную позу.

В дверях появился Водяга, встречавший адмирала на пристани. За ним вошел Макаров, в расшитом золотом парадном мундире, при ленте, со множеством звезд и орденов на груди. В левой руке он держал треуголку и белые перчатки. За Макаровым следовали Молас и Дукельский, оба тоже в парадной форме. Осмотревшись, Макаров направился прежде всего к Вере Алексеевне. Молас представил его генеральше.

— Степан Осипович Макаров, новый командующий флотом.— Адмирал приложился к ручке Веры Алексеевны.

— Очень приятно познакомиться,— запела генеральша, целуя адмирала в лоб.

Поздоровавшись с генеральшей, Макаров двинулся к стоящему по-прежнему посредине комнаты Стесселю. Адмирал несколько удивился упрямой неподвижности генерала и далек был от того, чтобы догадаться, что этим, по мнению Стесселя, должно было выражаться превосходство армии над флотом. Оба превосходительства раскланялись и познакомились, после чего Стессель представил Макарову всех присутствующих.

Когда церемония взаимного знакомства окончилась, Макаров сел в кресло, рядом с Верой Алексеевной.

— Как доехали, Степан Осипович? Как вам нравится наш Артур? — спрашивала его генеральша.

Адмирал ответил обстоятельно и подробно. Затем Вера Алексеевна вышла распорядиться. Мужчины остались одни.

— Я думаю, ваше превосходительство,— обратился Макаров к Стесселю,— мы сможем сегодня совместно обсудить, хотя бы в самых общих чертах, план обороны Порт-Артура и наметить формы более тесного контакта армии и флота. Прежде всего я просил бы ознакомить меня с береговой обороной крепости, с которой флот связан теснейшим образом.

— В таком случае прошу вас, ваше превосходительство, пожаловать в мой кабинет,— предложил Стессель.

Генералы и адмиралы последовали за хозяином.

В кабинете Белый показал Макарову по карте расположение береговых батарей, радиус их действия, их взаимную огневую поддержку и разъяснил, какую помощь береговая артиллерия может оказать флоту.

Адмирал внимательно слушал, вглядываясь в карту.

— Какие батареи имеются на Ляотешане? — неожиданно спросил он.

— Там батарей нет.

— Как же вы думаете защищать южную оконечность полуострова от массива Белого Волка до Голубиной бухты?

— Тут мелководье, крупные суда близко к берегу подойти не могут, а против мелких судов и в случае попытки высадить здесь десант намечается выдвижение портартурского гарнизона и полевой артиллерии,— ответил Белый.

— Полевые батареи легко могут быть сбиты стрельбой из тяжелых орудий, после чего мелкие корабли смогут приблизиться к берегу и, отогнав пехоту своим огнем, высадить десант.

— Берег охраняется частями Седьмой стрелковой дивизии,— вмешался Стессель,— которая всегда может быть поддержана из Артура. Кроме того, я полагаю, что флот существует не только для того, чтобы укрываться в крепости, но и для обороны берегов Квантуна от возможного десанта. Поэтому я считаю, что оборона южной части полуострова должна быть возложена на флот.

— Вопрос чрезвычайно серьезный, и его надо обдумать в моем штабе. Для меня совершенно ясно, что Ляотешань является ахиллесовой пятой в береговой обороне крепости. Чем скорее будет изжито это положение, тем лучше! — ответил Макаров.

— Сейчас мы заняты спешной постройкой фортов и батарей на сухопутном фронте,— вмешался Кондратенко,— он у нас еще в зачаточном состоянии, до Ляотешаня же просто руки не дошли.

— Постараюсь вам помочь в отношении его обороны! — заверил Макаров.

— Было бы желательно, чтобы и мы, артиллеристы, все же приняли участие в этой работе,— заметил Белый.

— Само собой разумеется! Скажите, кстати, как у вас осуществляется связь береговых батарей с флотом?

— С судами, стоящими в гавани, телефоном через сигнальную станцию флота на Золотой горе, а на море существует только зрительная связь.

— Сигналами? Значит, у вас на батареях есть сигнальщики?

— О нет! Мы ваших морских сигналов не знаем и не понимаем. Просто видим, что делают корабли в море, и по возможности помогаем им.

— Вы умеете отличать по силуэтам наши корабли от японских? На большом расстоянии можно и не разобрать, где наши, а где японцы.

— К сожалению, были случаи,— особенно ночью,— когда мы обстреливали свои суда и пропускали японцев. Связь берега с флотом у нас поставлена плохо.

— Я полагаю, что об этом прежде всего должны побеспокоиться моряки, а не крепость,— вмешался Стессель.— Они, а не мы кровно заинтересованы в помощи крепостных батарей, крепость же и без флота сумеет обойтись.

— Дело у нас, ваше превосходительство, общее,— значит, и думать о нем нам надо вместе,— сухо проговорил Макаров.

— Это верно! Но покуда что только армия работала над укреплением обороны Артура. Флот же прибыл сюда на готовенькое.

— Но построены же доки, казармы,— пытался вставить возражение адмирал.

— Флот принимал в этом минимальное участие. Доки и казармы строились силами китайских рабочих, а не матросов. Все же порт-артурские форты и батареи созданы руками артиллеристов и стрелков,— вмешался Никитин.

— Мы собрались сегодня сюда, чтобы наметить план будущей совместной работы армии и флота. Поэтому дальнейший спор считаю излишним,— оборвал Макаров.— Меня интересует личность подрядчика Тифонтая. Так ли он нам здесь нужен, да еще во время войны? — немного помолчав, спросил он.

— Очень нужен,— ответил Стессель.— Достаточно сказать, что единственная паровая мельница на Квантуне принадлежит ему. Сейчас мы ее реквизировали для нужд интендантства. Затем Тифонтай занимается поставкой продовольствия в крепость. Он организовал скупку скота и прочей живности для нужд крепости.

— Ему принадлежат все опиокурильни и публичные дома в Артуре и Дальнем,— насмешливо добавил Никитин.

— Он же является владельцем цирка, театра и ряда ресторанов. Он кормит офицеров по недорогой цене и вполне сносно,— горячился Стессель.

— Все злачные места необходимо немедленно ликвидировать. Запретить продажу спиртных напитков в ресторанах. Да и пора бы организовать тщательное наблюдение за деятельностью Тифонтая,— тоном приказа проговорил Макаров.

— Давно уже оно ведется, но пока ничего предосуди-

тельного в его деятельности не обнаружено,— заметил Стессель.

В это время дверь распахнулась, и в кабинет вошел полковник генерального штаба, подавший Макарову запечатанный пакет.

— Полковник Агапеев, начальник военного отдела моего штаба,— представил вошедшего адмирал.— Он как раз и будет поддерживать теснейшую связь со штабом крепости.

Агапеев, поздоровавшись со всеми, встал рядом с Макаровым и начал разглядывать карту крепости.

— Разрешите мне ознакомиться с содержанием присланных бумаг,— произнес Макаров и распечатал конверт. Затем он, надев пенсне и далеко отставив руку, прочитал вслух: — «По агентурным сведениям, японцы намечают одновременно с происходящей сейчас высадкой своих войск в Чемульпо сделать попытку десанта и на севере Ляодуна. Штаб наместника предлагает вам быть в постоянной готовности для выхода в море, с целью противодействия противнику. При этом, однако, отнюдь не следует ввязываться с ним в эскадренный бой, а ограничиться лишь действиями крейсеров и миноносцев, используя по преимуществу ночное время для атаки транспортов противника. На броненосцы же и броненосные крейсера возлагается лишь прикрытие этих операций. При появлении главных сил противника вам надлежит немедленно отводить эскадру под прикрытие береговых батарей». Одним словом, и атакуй, и в бой не ввязывайся! При таком положении вещей, что бы ни случилось,— виновным всегда окажусь я, а не штаб наместника,— комментировал адмирал прочитанное предписание.

— Предлагаю в недельный, самое большое в десятидневный срок разработать план совместных действий,— предложил Стессель.

— Согласен. Я поручаю заняться этим вопросом полковнику Агапееву. Он договорится со штабом вашего превосходительства о времени и порядке проведения этой работы. Теперь же разрешите нам откланяться,— поднялся адмирал.

Но появившаяся в это время Вера Алексеевна налетела на Макарова.

— Я вас, Степан Осипович, ни за что не отпущу без чашки чаю.

Адмирал отступил перед столь энергичным натиском и, отцепив палаш, двинулся за хозяйкой. Прочие последо-

вали за ними. Последними из кабинета вышли Стессель, Никитин и Фок.

— Здорово ты разделал нового самотопа, Анатолий Михайлович! — одобрил Никитин.— Не будет теперь особенно нос задирать: «Мы, флот,— все, а вы, крепость,— ничего».

В столовой Вера Алексеевна посадила рядом с собой Макарова и Моласа, дальше моряки сели вперемежку с сухопутными. Когда все заняли места, Стессель поднялся с бокалом в руке.

— Впервые в истории русского Артура мы видим столь тесное единение нашей армии и флота. Достойная всякого сожаления обособленность флота до последнего времени мешала тесной дружбе между нами. Надеюсь, что приезд Степана Осиповича ознаменует собой новую эру в наших взаимоотношениях и при дружной совместной работе флот наконец признает, что в России армия всегда была, есть и будет главным оплотом могущества родины, а он призван лишь помогать армии в ее боевой деятельности. За здоровье наших дорогих гостей моряков поднимаю свой бокал. Ура! — Все встали и чокнулись друг с другом.

С ответным тостом поднялся Макаров.

— Мой первый тост за нашу милую хозяйку, Веру Алексеевну, столь радушно встретившую меня в Артуре. Дай ей бог всего доброго.— И адмирал приложился к ручке генеральши.— Затем я пью за русскую армию, стоящую на страже интересов нашей великой родины на здешнем, далеком рубеже. Флот всегда был и останется для армии любящим братом, готовым в любую минуту прийти к ней на помощь. За ваше здоровье, господа!

Разговор стал общим, вскоре им овладел Агапеев, оказавшийся живым и остроумным собеседником.

— Меня поражает безграничная тупость японского командования. Напав на нас без объявления войны, они не сумели воспользоваться выгодами внезапного нападения. Высади они свой десант не в Чемульпо, а где-нибудь на Квантуне или на Ляодуне, они давно бы перерезали железную дорогу на Мукден и голыми руками могли бы захватить Артур. Теперь же им придется поломать зубы об него.

— Короче говоря, они повторили наши ошибки под Плевной, когда мы сразу же не пошли на штурм и дали время Осман-паше создать целую крепость,— резюмировал Кондратенко.

— И на море они тоже очень плохо использовали свои боевые возможности,— вставил Макаров.— Брось они двадцать шестого января против нас не двенадцать, а все свои миноносцы, результат их атаки был бы для нас куда плачевнее.

— То-то двадцать шестого января наши моряки и так отличились, прозевав японцев! — пробурчал себе под нос Никитин.

— Но матросы здесь ни при чем. Они сделали все возможное, чтобы спасти корабли, действуя зачастую на свой риск и страх,— возразил Агапеев.

— Смотрю я на вас, господин полковник,— обратился к нему Никитин,— и понять не могу, что вы за земноводное создание. Морской офицер сухопутного генерального штаба. И не выдумаешь.

— Полковник Агапеев призван мною, как известный профессор военной академии, на весьма ответственный пост в моем штабе,— резко проговорил Макаров.— Я как бы предвидел сегодняшние жалобы на отсутствие связи крепости с флотом и создал, как вы изволили выразиться, «земноводный отдел», по-видимому, не напрасно.

Видя, что разговор принимает неприятный оборот, Вера Алексеевна поднялась со своего места.

— Разрешите и мне, глубокоуважаемый Степан Осипович, приветствовать вас. Я весьма рада нашему знакомству и смею вас уверить, что в семье Стесселей вы всегда будете желанным гостем. Прошу заходить к нам попросту, без всяких стеснений. Позвольте пожелать вам полного успеха в вашей трудной работе. Побейте поскорее япошек на море, а армия сумеет добить их на суше. За ваше здоровье и за ваши будущие победы! — проговорила генеральша с чувством.

Все громко закричали «ура». Макаров, видимо, тронутый этим тостом, почтительнейше склонился перед Верой Алексеевной, которая, по старинному обычаю, поцеловала его в голову под аплодисменты всех присутствующих.

— Отныне союз армии и флота закреплен навеки,— заметил Белый.

Воспользовавшись подходящим моментом, Макаров стал прощаться.

Как только моряки вышли, Фок, обращаясь к Стесселю, сказал:

— Видно, что Макаров человек твердый и с ним нелегко будет справиться.

— Мне Макаров определенно нравится,— сказал Белый.— Толковый адмирал и штаб себе подобрал непло-

хой. Молас серьезный и знающий человек, Агапеев — умница.

— А Дукельский и скандалист и пьяница,— перебил его Стессель,— я по докладам полицмейстера знаю о его художествах.

— Зато под стать Макарову — видный и красивый мужчина,— вступилась генеральша.

— Заполонили ваше сердце самотопы, Вера Алексеевна,— вздохнул Никитин.

— Заодно пленили они и нашего Василия Федоровича,— съехидничал Фок.

— Это верно! За последнее время ты, Василий Федорович, что-то уж больно тесно связался с моряками. В морском штабе бываешь чаще, чем у меня,— упрекнул Белого Стессель.

— Для пользы службы, Анатолий Михайлович, да и поучиться нам есть чему у моряков.

— Нам у самотопов! Интересно чему? — вскинулся Никитин.

— Правилам стрельбы морской артиллерии, морским сигналам, одним словом, найдется чему.

— Пусть уж лучше они учатся у нас нашим правилам и сигналам,— неодобрительно отозвался Стессель.

— А у вас какое мнение сложилось о Макарове, Роман Исидорович? — спросила Вера Алексеевна почти все время молчавшего Кондратенко.

— Цыплят по осени считают,— схитрил генерал,— поживем — увидим.

Гости стали расходиться.

Визит к Стесселю заметно расстроил Макарова, и на обратном пути он почти все время молчал.

— Нездоровое отношение к флоту в Артуре,— наконец сумрачно заметил адмирал.

— Оно характерно для здешнего сухопутного начальства,— ответил Молас.— Нас обвиняют в потере «Варяга», «Корейца», «Енисея» и «Боярина», а также и за двадцать шестое января, когда мы, по мнению генералов, не приняли должных мер по охране эскадры.

— К последнему обвинению присоединяюсь и я. Еще до объявления войны следовало сделать все возможное для охраны эскадры и держать ее на внутреннем рейде. Я это предвидел, об этом писал, но меня не послушали. Все это показывает на отсутствие твердости в командовании эскадрой. С этим надо немедленно покончить. На сплетни же артурских кумушек, хотя бы и в генеральских мундирах, нечего обращать внимания.

— Я постараюсь возможно скорее сгладить существующие шероховатости,— произнес Агапеев.

По прибытии на «Петропавловск» Макаров просмотрел в штабе полученные бумаги и вернулся ночевать на «Аскольд». Весь вечер он разрабатывал план усиленной разведки миноносцами в районе островов Элиот, где, по слухам, намечалось сосредоточение японских судов. Было уже поздно, когда он закончил подробный доклад наместнику о своих мероприятиях в Артуре.

В ночь на 26 февраля Макаров решил произвести миноносцами разведку побережья Квантуна и детально осмотреть бухты в этом районе, а также на островах Элиот и Блонд. Эти острова расположены в восьмидесяти милях от Порт-Артура и всего в десяти милях от бухты Бидзиво, которая являлась удобным местом высадки десанта на Квантунском полуострове. Помимо этого, острова имели хорошо закрытую стоянку для флота. Занятие их предоставило бы японскому флоту прекрасную базу для действий против Порт-Артура, и притом в непосредственной близости от русской крепости. Днем к адмиралу был вызван командующий отрядом миноносцев капитан первого ранга Матусевич. Несмотря на свой возраст и чин, он сильно побаивался крутоватого и быстрого на расправу адмирала.

— По приказанию вашего превосходительства прибыл,— вытянулся он перед Макаровым, стараясь по выражению его лица угадать, что готовит ему судьба — крепкую ли нахлобучку за какие-либо непорядки в подчиненном ему отряде, или дело обойдется и без этого.

Но адмирал задумчиво поглаживал свою шелковистую бороду, видимо, чем-то озабоченный.

— Я вызвал вас к себе, Николай Алексеевич, по следующему поводу.— И адмирал изложил ему свои предположения о производстве ночной разведки.

— Кого бы вы порекомендовали направить в этот, надо прямо сказать, опасный рейд? Тут нужен смелый, находчивый командир, с большим опытом и вполне исправный миноносец с хорошим ходом,— закончил Макаров.

Матусевич начал перечислять фамилии своих подчиненных, давая им и миноносцам краткие характеристики. Макаров при этом делал в тетради замечания. После тщательного отбора остановились на миноносцах «Решительный» и «Стерегущий». Первым командовал капитан второго ранга Боссе, а вторым — лейтенант Сергеев. Оба они тотчас же были вызваны в штаб эскадры.

Сорокалетний Боссе отличался добродушием и невозмутимым спокойствием. Сергеев, лишь недавно получивший в командование миноносец, был худощав, подвижен, горяч и считался на эскадре одним из самых лихих командиров. Сам адмирал подробно объяснил им задачу и указал наиболее интересующие его бухты и острова.

— При встрече с японскими крейсерами, заградителями или транспортами, пользуясь темнотой, атакуйте их с возможно более близкой дистанции, с миноносцами же без крайней необходимости в бой не ввязывайтесь, так как почти наверняка они будут иметь превосходство над вами в отношении хода,— предупреждал Макаров обоих командиров.

Миноносцы должны были выйти в восьмом часу вечера, с наступлением темноты, но они задержались с приемкой угля и воды и к указанному времени не были готовы. Макаров приказал ему доложить о времени выхода судов и теперь нервничал, ежеминутно справляясь о готовности миноносцев к выходу. Наконец, не вытерпев, он вызвал к себе Матусевича и устроил ему хорошую головомойку.

— По возвращении кораблей обоих командиров списать в экипаж за полную их непригодность к занятию командных должностей,— приказал Макаров.

— Виновато Управление порта, которое не позаботилось о своевременной доставке угля и воды, хотя еще утром я лично предупредил адмирала Греве о ночном рейде,— оправдывался Матусевич.

— Адмиралу Греве объявляю выговор, а вам приказываю обеспечить скорейший выход миноносцев,— бросил Макаров.

Матусевич поспешил уйти.

— Не военные корабли, а брандвахты какие-то! На выход в море требуется чуть ли не полсуток! — возмущался адмирал.

Минут через двадцать ему наконец доложили о выходе кораблей. Макаров успокоился. Предвидя беспокойную ночь, он прилег, не раздеваясь, на диван, ежеминутно поджидая известий об ушедших в море судах.

Ночь выдалась тихая, но темная. Низкие густые тучи плотно закрывали все небо.

«Решительный» и «Стерегущий», шедшие под командой капитана второго ранга Боссе, сразу по выходе из Артура исчезли в ночной мгле. Головным шел «Решительный», за ним в четверти кабельтова — «Стерегущий». Ввиду возможности ежеминутного столкновения с япон-

цами на обоих миноносцах были заряжены все пушки и минные аппараты, и матросы повахтенно находились при них, расположившись группами тут же на палубе. Всматриваясь в ночную мглу, они тихо беседовали между собой. Главной темой разговоров был приезд нового командующего флотом. Не прошло и суток с момента появления в Артуре адмирала Макарова, а среди матросов сложились о нем уже целые легенды.

— Рабочих в порту с матросами поравнял, даром что они вольные,— повествовал комендор носового орудия.

— И жалованье им тоже матросское положил? — насмешливо спросили из темноты.

— Дурак! Кому же охота за матросские гроши работать! Харчи он им дал матросские да разрешил пользоваться матросской баней и жить в казенной казарме.

— И с бабами? — не унимался насмешник.

— Всем приказал по бабе выдать! Тебя, дурака, только без нее оставил за глупость.

— Эту сволочь, Вирена, слыхать, страсть как ругал. Мне, говорит, такого командира, что́ матросов на корабле, как арестантов, держит, не надо,— продолжал комендор.

— Врешь! Вирен от всех адмиралов только благодарности получал за тиранство свое над матросами. «Баян» у начальства почитается за самый лучший из кораблей,— усомнился один из матросов.

— Почуял, значит, старик за порядками и непорядки. Уехал с «Баяна» страсть сердитый.

— Миноносец «Страшный» чисто весь облазил. Даже в гальюн матросский и в тот зашел,— поддержал комендор Ситкин.

— Ишь ты! Видать, по морскому делу большой дока. Боцмана Демчука в лицо признал и поздоровкался с ним на особо, даром что Демчук с ним годов десять тому назад, если не боле, плавал. Рассказывали, что адмирал всех своих матросов в личность помнит, чуть ли не с мичманских своих чинов.

На мостике офицеры тоже говорили о Макарове.

— Этот спать эскадре не даст! У него броненосцы за миноносцами поспевать будут,— уверял командир лейтенант Сергеев,— я с ним в Балтике плавал.

— Всем артурским девчонкам теперь амба будет. На берег съезжать будем только по праздникам, как в отпуск в корпусе ходили,— вздохнул мичман Кудревич.

— Больше денег в кармане останется. А девчонки

себе кавалеров из сухопутных найдут,— возразил ему лейтенант Головизнин.

— Счастливый он — не успел приехать, как и «Ретвизан» сняли с мели! Сколько раз прежде неудачи были, а тут сразу все как по маслу пошло,— восторженно проговорил Кудревич.

— Не в счастье дело, Сережа, а в уме,— ответил ему Головизнин.

— Нам-то сегодня повезет? — усмехнувшись, спросил Сергеев.

«Решительный» и «Стерегущий» уже несколько часов блуждали по морю, но так и не обнаружили стоянки японского флота. Командир «Решительного» Боссе решил возвращаться в Артур. Уменьшив ход своего миноносца, Боссе подошел к «Стерегущему» и по мегафону передал голосом распоряжение Сергееву о возвращении на базу. Оба миноносца направились к Артуру. Чуть забрезжил рассвет. В белесоватой туманной мгле Сергеев, внимательно следивший за горизонтом в бинокль, неожиданно увидел многочисленные дымы. Лейтенант вгляделся в них — сомнений не было: перед ним находилась вся японская эскадра.

Сергеев, недавно принявший командование «Стерегущим», плохо еще знал в лицо своих матросов. Да и команда не успела хорошо познакомиться друг с другом: добрую половину экипажа недавно укомплектовали матросами с других кораблей. Однако растерянности Сергеев не заметил. Наоборот, люди чувствовали себя уверенно, спокойно. Изредка слышались шутки и смех. Взглянув на японцев, Сергеев заметил, что они на ходу меняли строй, готовясь к бою. Увидели это и матросы. Лица их посуровели, сами собой смолкли шутки. Для всех было ясно: предстоит трудный бой.

Первые залпы создали сразу тяжелое положение на корабле: были подбиты почти все орудия, вышла из строя машина. Миноносец остановился.

Трудно было и на «Решительном». Однако Боссе, уже тяжело раненный, отдал приказ вернуться к «Стерегущему» и постараться прикрыть его своим огнем. Меткий огонь «Решительного» заставил японские миноносцы несколько отойти, один из них стал сильно парить. На «Стерегущем» тем временем починили машину, и оба миноносца вновь двинулись к Артуру. Но японские минные крейсера обрушили яростный огонь на идущий последним «Стерегущий».

Осколком снаряда был ранен в голову Сергеев.

Вышли из строя подбитые орудия. Только Ситкин на носу продолжал вести огонь да кормовой минный аппарат выпустил мину по приближающимся японцам, но не попал.

С каждой минутой количество раненых все увеличивалось,— у орудий почти не осталось прислуги.

— Ваше благородие,— обратился к командиру Ситкин,— дозвольте пару духов вызвать на помощь к орудиям?

— У них своего дела хватит, машина все время работает с перебоями.

— Могу дать двух кочегаров на подачу,— ответил поднявшийся на палубу инженер-механик Анастасов.— Ситкин и Глебов, идите к новому орудию!

Примолкнувшее было орудие заговорило снова, но тут очередной снаряд, попавший в миноносец, вызвал пожар, который быстро начал распространяться по кораблю. Пробили дробь-тревогу. Матросы бросились тушить пожар. Орудия замолчали. Японцы, видя беспомощность миноносца, приблизились к нему на торпедный выстрел. Воспользовавшись этим, лейтенант Головизнин навел на врага торпедный аппарат. Грянул залп. Воздух потряс грохот взрыва. Высоко вскинулся вверх столб дыма и пара — вражеский корабль исчез в пенящемся водовороте...

К ногам матроса Иванова упал боевой стеньговый флаг, сбитый японским снарядом.

— Поработай-ка, друг, малость за меня,— сказал Иванов, передавая тяжелый насос Ситкину,— а я в момент обернусь: видишь, какое дело — флаг японец сбил.

Бережно засунув полотнище за пазуху, матрос стал взбираться на мачту. Осколок снаряда ударил в плечо, рука повисла плетью. «Только бы добраться, только бы успеть...» — настойчиво билась мысль. Собрав последние силы, Иванов прикрепил флаг к мачте и, сбитый осколком, рухнул на палубу.

Напрасно «Решительный», спасая товарища, бросился на противника. Японцы отгоняли его сосредоточенным артиллерийским огнем, видимо решив сначала расправиться с подбитым, потерявшим способность управления миноносцем.

Боссе трезво оценил положение: силы были больше чем не равны. Ясно, что через несколько минут его миноносец тоже окажется в положении «Стерегущего». Выход только один — не медля ни минуты, постараться пробиться в Артур, вызвать на помощь эскадру. Воспользовав-

шись тем, что японцы обрушились на «Стерегущего», Боссе, исправив машину, двинулся в Артур.

Тем временем японцы подошли почти вплотную к «Стерегущему», расстреливая его в упор. Осколком крупного снаряда был убит Кудревич.

Поддерживаемый двумя матросами, на палубе появился Сергеев. Он окинул взглядом свой израненный корабль, немногих оставшихся в живых матросов.

— Спасибо, братцы, за геройскую службу,— собирая последние силы, сказал командир, обращаясь к близстоящим матросам.— Врагу «Стерегущего» не сдавать! Помните — это русский корабль, а русский корабль врагу не сдается! Ведите меня на капитанский мостик. Хочу умереть на посту!

Но подняться на мостик Сергеев уже не смог, силы оставили его, он умер от потери крови.

Подошедшие вплотную японцы стали расстреливать людей из пулемета и винтовок. Одним из первых упал Головизнин, принявший командование миноносцем, вскоре был убит и инженер-механик Анастасов, вступивший в командование «Стерегущим» после Головизнина.

Палуба опустела, но японцы продолжали поливать миноносец огнем.

Обреченный корабль, безмолвный, не отвечающий на залпы врага, казался страшным. Японцы, не осмеливаясь близко подойти к миноносцу, спустили шлюпки. Вооруженные ружьями с примкнутыми штыками, японские матросы боязливо поднялись на палубу, на которой, кроме трупов да тяжело раненных, никого не нашли. Осмелев, они рассыпались по всему кораблю.

Вдруг из машинного отделения раздались выстрелы. Несколько русских матросов, забаррикадировавшись, решили сопротивляться до последнего.

— Помни, ребята, наказ командира — корабль не сдавать! — старательно целясь, сказал трюмный машинист Василий Новиков.— Покажем японцу кузькину мать. Давай, Бабкин,— обратился он к квартирмейстеру,— бери машинистов Апришко с Николаевым, сбивай болты кингстонов, а я покараулю дверь.

Болты заржавели и поддавались с трудом. Наконец тонкая струя воды брызнула в чуть заметную щель.

— Все, братцы, конец,— тихо проговорил Бабкин.— Давай попрощаемся...

— Ну что ж, ребята, прощай,— так же тихо откликнулся Новиков.— Недолго мне с вами пришлось вести знакомство...

— Ничего! На том свете к апостолу Павлу в пивнушку вместе сходим,— обнимая Новикова, ответил Николаев.

В дверь машинного отделения забарабанили прикладами.

— Сдавайся, русска матроса! Пленнитца холосо есть! — кричали японцы.

— Слушайте, косорылые черти, если русский язык понимаете,— донеслось из машинного отделения.— Не ходить нашему «Стерегущему» под японским флагом. Мы погибнем вместе с ним, но русского флота не посрамим!

Миноносец стал быстро погружаться в воду. Крейсер, уже было подавший на нос «Стерегущему» конец для его буксировки, спешно обрубил буксир. Вскоре на поверхности воды барахталось лишь несколько раненых русских матросов. Добыча ускользнула из рук японцев.

Между тем Боссе, оглохший и израненный, сам довел миноносец до гавани. Когда наконец, едва держась на ногах от слабости, он явился к Макарову, то смог только сказать: «Потерял миноносец, ничего не слышу»,— и тут же упал без сознания. Поняв, в чем дело, Макаров немедленно приказал «Новику» и «Баяну» выйти в море на помощь «Стерегущему». Сам он, с Дукельским и Агапеевым, решил перейти на «Новик». Узнав об этом, командир «Аскольда» Грамматчиков и Дукельский стали его отговаривать.

— «Новик» — легкий крейсер, лишенный брони. Достаточно одного попадания хотя бы шестидюймового снаряда, и он выйдет из строя. В каком тогда положении окажетесь вы, ваше превосходительство? — урезонивал Грамматчиков.

— «Баян» более подходит для вас, ваше превосходительство,— вторил ему Дукельский,— ход у него почти тот же, что и у «Новика», и он крейсер бронированный.

— Я вас, лейтенант Дукельский, не задерживаю,— раздраженно ответил Макаров.— Если вы находите более удобным «Баян», отправляйтесь туда, а я предпочитаю «Новик».

Грамматчиков сконфуженно замолчал, Дукельский же, покраснев, попросил у адмирала разрешения сопровождать его на любом корабле или даже в шлюпке.

Эссен встретил адмирала у трапа и тотчас же получил приказание выйти в море.

Обойдя наскоро крейсер, Макаров поднялся на мостик. «Новик» уже вышел на внешний рейд и полным

ходом двигался к месту сражения «Стерегущего» с японскими кораблями. В кильватер, едва поспевая за проворным «Новиком», шел «Баян». Было уже совсем светло. На горизонте, на фоне темного неприветливого моря, виднелись тесно сгруппировавшиеся японские корабли. Но стрельбы не было,— бой уже кончился. На палубе все напряженно вглядывались вдаль. Макаров в бинокль первый заметил гибнущий миноносец.

— «Стерегущий» уже взят на буксир. Самый полный, вперед! — приказал он Эссену.— Передать то же на «Баян»!

Адмирал понимал, что в эти немногие минуты решается судьба миноносца, и настойчиво требовал увеличения хода, хотя крейсер шел на предельной скорости. Но вдруг «Стерегущий» стал быстро погружаться в воду. Видно было, как японцы поспешно спускались в шлюпки и торопливо отплывали от него. Через мгновение миноносец исчез под водой. На палубе пронесся тяжелый вздох. Матросы крестились. Макаров последовал их примеру. Крейсера продолжали идти прежним курсом, и японцы начали отходить, лениво отстреливаясь. Когда «Новик» подошел к месту гибели «Стерегущего», на поверхности, кроме плавающих обломков, ничего не было.

На горизонте стали вырисовываться многочисленные корабли японской эскадры, и, не желая ввязываться в бой, адмирал лег на обратный курс. Противник следом за крейсерами стал приближаться к крепости.

Агапеев развернул план расположения береговых батарей и стал их разыскивать в бинокль среди серых прибрежных скал.

Береговые батареи молчали, и определить их расположение, за исключением видной издалека батареи Золотой горы, было почти невозможно. Но вот у подошвы горы блеснуло несколько выстрелов. Легкий дым быстро рассеялся.

— Никак, Электрический Утес стал стрелять бездымным порохом,— радостно показал Эссен Макарову на знаменитую батарею.— Теперь, ваше превосходительство, смотрите на японскую эскадру — она, наверное, сейчас получит хороший гостинец от наших друзей артиллеристов.

Макаров перевел бинокль на японцев и тотчас же увидел, как вокруг головного корабля поднялось несколько водяных столбов, а на корабле появилось густое облако черного дыма.

— Есть! С первого залпа взяли под накрытие. Это, я понимаю, стрельба! — восторгался Эссен.

— Кто там командует батареей? — заинтересовался Макаров.

— Капитан Жуковский,— ответил Дукельский.

— Там есть еще замечательный артиллерист,— огромный такой поручик, как его?.. Ваш приятель,— обратился Эссен к лейтенанту.

— Поручик Борейко,— подсказал тот.

— Да, да. Он целые дни проводит на батарее и все работает над усовершенствованием правил и таблиц стрельбы.

— Значит, Жуковский сумел подобрать хороших офицеров. Не следует, однако, забывать и о нижних чинах. Они должны не только безукоризненно работать у орудий, но и любить свое артиллерийское дело. Тогда хороший результат всегда будет обеспечен,— проговорил Макаров.

— Еще залп,— показал на Утес Агапеев.

Снаряды опять упали вблизи японцев. На головном корабле начался пожар, и он стал уходить в море. Японская эскадра, дав с предельной дистанции несколько выстрелов по крейсерам и берегу, скрылась за Ляотешанем, и только несколько легких судов остались против Артура.

Едва успел «Новик» стать на якорь, как около него неожиданно упал снаряд. Макаров приказал справиться на Золотой горе, откуда обстреливается порт, так как перед Артуром виднелись на горизонте лишь мелкие японские корабли.

Грохот канонады из-за Ляотешаня указал направление, с которого японцы повели бомбардировку порта. Несколько снарядов опять легло около русских судов. На кораблях пробили тревогу и приготовились к принятию боя, стоя на якорях. Но противник был невидим, а выйти в море ввиду отлива было невозможно.

— В этом молчании эскадры и береговых батарей, спокойно расстреливаемых японцами, много унизительного для крепости и флота,— возмущался Макаров, наблюдая с «Петропавловска» за обстрелом.

Сперва японцы огонь всех своих броненосцев и броненосных крейсеров сосредоточили на эскадре. Легкие их суда издали вели наблюдение за результатами стрельбы и передавали их броненосцам. Разгадав это, адмирал приказал кораблям укрыться за Золотой горой и Тигровым полуостровом. Лишившись возможности

вести наблюдение, японцы перешли на обстрел площадей, наугад засыпая различные участки порта. С мостика «Петропавловска» было видно, как снаряды ложились на пустом месте. Все же один из снарядов попал в носовую башню на «Ретвизане», затем два снаряда попали в «Аскольд», везде обошлось без потерь.

— Ваше превосходительство,— подошел к Макарову Агапеев,— не думаете ли вы, что за бомбардировкой последует высадка десанта в районе Голубиной бухты?

— Транспортов сегодня нигде не было видно, кроме того, через два часа начнется прилив, и наши броненосцы смогут выйти в море для атаки японцев. За это время много не высадишь, да еще на здешнем мелководье, когда придется издалека переправлять десант на лодках. Все же необходимо предупредить крепость о возможности попыток высадки японцев.

— Тогда я сейчас отправлюсь на берег в штаб генерала Стесселя.

— Напишите от моего имени коротенькую записку генералу о необходимости усиления береговой охраны с суши.

— Слушаюсь, сейчас будет сделано.

Через пять минут шлюпка с Агапеевым отчалила от «Петропавловска» и заныряла по волнам под обстрелом.

— Раз японцы могут нас обстреливать через Ляотешань, то, значит, и мы можем их обстрелять таким же способом. Для этого нам необходимо лишь устроить наблюдательный пункт на одной из вершин Ляотешаня и соединяться с ним флагами или, еще лучше — по телефону. Надо поручить флагманскому артиллеристу немедленно осуществить это,— проговорил Макаров.

Обстреляв бассейн, японцы перенесли огонь на город. То тут, то там — в Старом, а затем и в Новом городе — начали подниматься колоссальные столбы дыма и пыли, отливавшие особым красно-желтым блеском. Улицы опустели, магазины закрылись, и все поспешили забраться в подвалы, ледники, погреба... Только неугомонные уличные мальчишки при каждом разрыве бежали осматривать причиненные повреждения и разбегались, услышав рев нового снаряда.

Рабочие в порту, бросившие было работу при первых попаданиях снарядов, вскоре опять вернулись в мастерские и приступили к работе, прислушиваясь к грохоту близко рвущихся снарядов. Но в самые доки ни один из них не попал.

Едва Агапеев успел добраться до штаба крепости,

как начался обстрел города. Стессель, из окна своей комнаты наблюдавший за бомбардировкой порта и эскадры, встретил полковника весьма нелюбезно.

— Я только что хотел послать Макарову просьбу выйти в море и атаковать японцев. Пора нашим морячкам набраться храбрости и высунуть свой нос в море.

— Вы, ваше превосходительство, несправедливы к морякам. С приездом адмирала Макарова они все время готовятся к выходу в море...— возразил Агапеев.

— Не вижу и не знаю, к чему они готовятся, но несомненно, что эскадра по-прежнему предпочитает отстаиваться в порту, чем сражаться с японцами.

— Отлив мешает эскадре в настоящий момент выйти в море.

— Не надо было забираться в порт. Ожидали бы отлива на внешнем рейде под прикрытием береговых батарей.

— Там трудно предохранить корабли от ночного нападения японских миноносцев.

— Все это пустые отговорки! Попросту моряки трусят и предпочитают прятаться за спину крепости. Вы зачем, собственно, пожаловали ко мне, полковник?

Агапеев передал генералу пакет от Макарова.

— Кто это дал право командующему флотом указывать мне, какие меры следует принимать для обороны подступов к крепости? — обрушился Стессель на посланца, прочитав письмо адмирала.

— Адмирал Макаров лишь сообщает вам о своих опасениях возможности высадки десанта под Ляотешанем.

— Его мнение меня совершенно не интересует. Совсем зазнался ваш Макаров, придется его одернуть и поставить на место. Сейчас я напишу ему ответ.

Грохот близкого разрыва заставил обоих вздрогнуть.

— Этого еще не хватало! По милости наших моряков мы ежеминутно подвергаемся смертельной опасности. Передайте Макарову мое категорическое требование — любыми мерами предотвратить впредь бомбардировку Артура с моря. Пусть часть кораблей постоянно дежурит на внешнем рейде и вступает в бой с японцами, как только они приблизятся к крепости.

— Наш флот настолько слабее японского...— начал было Агапеев, но грохот взрыва не дал ему закончить.

Перед самым домом взвился огромный столб дыма, посыпались стекла и штукатурка. Генерал в ужасе отскочил в глубь комнаты и закрестился.

— Сохрани меня, боже, великой милостью твоей,— прошептал он.

— Вы бы, ваше превосходительство, лучше укрылись в блиндаже на время бомбардировки,— посоветовал Агапеев.

— Нет еще у меня блиндажей. Макарову хорошо там сидеть за толстой броней, ему никакие японские снаряды не страшны, а мы здесь ежесекундно рискуем погибнуть во время обстрела.

Генерал перешел в другую комнату, выходящую окнами на двор. В дверь постучали, и вошел подполковник Дмитриевский, из штаба крепости.

— Ваше превосходительство, штаб Седьмой дивизии сообщает, что со стороны Голубиной бухты слышна сильная ружейная перестрелка,— доложил он.

— Возможно, что это попытка высадить десант,— заметил Агапеев.

— Вы думаете, полковник? — испуганно посмотрел на него Стессель.

— Так предполагает адмирал Макаров...

— Это, это черт знает что такое! Допустить высадку десанта рядом с Артуром! Среди бела дня! При наличии нескольких десятков боевых судов! — возмутился генерал.— Сейчас же отправлю наместнику телеграмму с просьбой убрать отсюда Макарова. В Артуре такой адмирал не нужен.

— Прошу прощения, ваше превосходительство,— вмешался Дмитриевский.— Сообщение штаба Седьмой дивизии весьма тревожно, и необходимо принять самые срочные меры.

— Вызвать ко мне Кондратенко. Я посоветуюсь с ним.

— Надо торопиться, ваше превосходительство. Разрешите, я сам съезжу к генералу Кондратенко и с ним в штабе договорюсь обо всем. О принятых мерах мы сообщим вам через ординарца или по телефону,— предложил Агапеев.

— Буду очень благодарен. Я прикажу вам подать верховую лошадь с ординарцем. Дмитриевский понадобится мне здесь,— тотчас согласился Стессель.

Через несколько минут Агапеев уже скакал по улице, направляясь в Новый город, где находился штаб Седьмой дивизии. Несмотря на довольно сильный обстрел, в городе не было заметно разрушений. Кое-где вылетели стекла, на мостовых виднелись воронки от разрывов снарядов и валялись опрокинутые телеграфные

и телефонные столбы, опутанные порванной проволокой.

Когда Агапеев миновал Старый город и выехал на дамбу, соединяющую Старый и Новый город, японцы внезапно перенесли огонь на Новый город, который мгновенно окутался облаками пыли и дыма. Грохот взрывов заглушал истерические вопли обезумевших от ужаса людей, которые бежали, неся на руках детей, гнали перед собой испуганных коров и отчаянно визжавших свиней. Поджав хвосты, рядом стремительно неслись собаки.

Агапеев не рискнул ехать дальше и придержал лошадь. Он не заметил, как к нему подъехал Кондратенко вместе с начальником пограничной стражи подполковником Бутусовым.

— Смею вас заверить, ваше превосходительство, что никакого японского десанта нет. Иначе я бы это знал от своих пограничников. Да и китайцы не были бы так спокойны, как сейчас,— уверял Бутусов.

— Чем же вы объясняете ту стрельбу, которую вы сами слышали со стороны Голубиной бухты? — спросил Кондратенко.

— Пока ничего об этом сказать не могу и еду туда с целью выяснить, в чем дело.

— Здравия желаю вашему превосходительству! — заметив их, подъехал к генералу Агапеев.— Я направлен генералом Стесселем в штаб вашей дивизии с приказанием двинуть полки дивизии с артиллерией в Голубиную бухту, где, по-видимому, происходит высадка японского десанта.

— Значит, нам по дороге! Прошу присоединиться к нам. Как только выясним, кто и по ком стреляет, конным ординарцем донесем в штаб крепости,— решил Кондратенко и тронул лошадь широкой рысью.

Между тем обстрел Нового города прекратился, и можно было проехать через него. Тут тоже не было сильных разрушений, хотя все улицы были усыпаны битым стеклом и известкой.

— Не столько разрушений, сколько шуму! — заметил Кондратенко.

— Важно моральное действие бомбардировки на наши тылы. Они у нас слабонервны и легко впадают в панику,— проговорил Агапеев.

— Вы имеете в виду штаб крепости? — улыбнулся генерал.

 — Только что имел возможность наблюдать впечат-

ление обстрела на этот штаб,— отозвался Агапеев.

— К сожалению, у генерала Стесселя частенько пошаливают нервы. Вероятно, и сегодня он чувствует себя не в своей тарелке.

— Ваши предположения, ваше превосходительство, совершенно справедливы.

Разговаривая таким образом, Кондратенко со своими спутниками скоро догнал колонну войск, двигающуюся по шоссе к Голубиной бухте. Тяжело нагруженные винтовками и вещевыми мешками, солдаты шли не в ногу, многие выходили из строя и садились у обочины, перематывая портянки.

— Сразу видно, что полк недавно сформирован! — сказал Агапеев.

— Это Двадцать восьмой полк. Он еще даже не вполне укомплектован, новобранцы и запасные продолжают прибывать каждый день. Где командир полка? — спросил Кондратенко у одного из офицеров.

— Не могу знать, где-то впереди,— отозвался тот.

— Наведите порядок в роте и следите за его сохранением на походе,— сделал замечание генерал и направился дальше.

Обгоняя роты, он на ходу здоровался с солдатами, которые отвечали вразброд, с удивлением глядя на неизвестно откуда взявшееся начальство.

Во главе полка на жирной лошади медленно ехал командир полка полковник Мурман. Полный, уже сильно пожилой человек, лет за пятьдесят, в очках и со свисшими вниз длинными запорожскими усами, он писклявым бабьим голосом подал команду: «Смирно!» — и подъехал с рапортом к Кондратенко.

«Каков поп, таков и приход»,— подумал Агапеев, глядя на мешковатую фигуру Мурмана.

Приказав командиру немедленно привести полк в порядок, Кондратенко широкой рысью двинулся дальше.

Вскоре он нагнал артиллерийский дивизион. Хорошо кормленные сильные лошади легко тащили полевые пушки. Рослые, подтянутые артиллеристы шли рядом с пушками. Едва генерал поравнялся с последней запряжкой, как солдаты голосом сообщили командиру дивизиона о появлении начальника дивизии, и через несколько минут Кондратенко увидел скакавшего ему навстречу полковника Мехмандарова.

Весь заросший густейшей черной бородой, которая сливалась с усами и волосами на голове, полковник

казался Черномором, стремительно мчавшимся на своей огромной вороной лошади. Эффектно отсалютовав шашкой, он остановил коня в нескольких шагах от генерала и зычным, низким голосом отдал строевой рапорт. На вопрос генерала, выслана ли вперед разведка, полковник доложил, что все конные разведчики под командой адъютанта дивизиона уже давно выдвинуты вперед и с минуты на минуту можно ждать от них донесения.

Поблагодарив Мехмандарова за прекрасный вид его части, Кондратенко направился к идущему впереди Двадцать пятому стрелковому полку. В отличие от Двадцать восьмого, он шел в полном порядке, в ногу, соблюдая дистанцию и равнение в рядах. Командир его, полковник, четко отдал рапорт и доложил, что вперед выслана рота с пулеметами и разведчики.

— Вы слышали ружейную перестрелку? — справился Кондратенко.

— Так точно. Временами очень даже сильную,— отозвался полковник.

— Вот, например, сейчас...

Спереди из-за поворота дороги донеслось несколько ружейных залпов, сменившихся частым огнем. Захлебываясь, затакал пулемет. Затем все сразу смолкло.

— По-видимому, японцы прикрывают свою высадку ружейным и пулеметным огнем с мелких судов, которые могут близко подойти к берегу,— решил Кондратенко.

В это время на дороге показался старик китаец. Он шел не торопясь и даже не оглядываясь на выстрелы. К нему подъехал Бутусов и заговорил с ним по-китайски.

— Что он сообщает? — поинтересовался Кондратенко.

— Уверяет, что никаких японцев нет, а стрельбу ведет «русска капитан»,— ответил подполковник.

Китаец подошел сам и, низко кланяясь, продолжал что-то бормотать.

— Японси нет, китайси бойся нет,— разобрал генерал.

— Кто же тогда стреляет? — недоумевал командир полка.

— Русска капитана, пу, пу, пу,— подняв руки, как для стрельбы, ответил китаец.

— Поехали вперед,— решил Кондратенко и вместе с Агапеевым и несколькими разведчиками поскакал по шоссе.

За поворотом перед ними открылась широкая панорама моря с четко видимыми километрах в пяти от

берега японскими кораблями. Ни на море, ни у берега не было ни одной лодки.

— Где же десант? — в один голос воскликнули все.

— Его нет и не было! — убежденно ответил Бутусов.— Китайцы давно об этом бы знали, конечно, находились бы в большом страхе.

Неожиданно в стороне от дороги раздался резкий свист, и тотчас затрещали ружейные выстрелы. Испуганные лошади бросились в сторону.

— Что за черт! Стреляют, а пуль нет! — удивился генерал.

— Я сейчас узнаю, в чем дело! — И Агапеев, перескочив через канаву, поскакал напрямик по сжатому полю. Скоро он увидел стрелковую цепь, совершавшую перебежку. Сзади нее спокойно ходил поручик и поправлял солдат.

— Помни, ребята, когда соседний взвод побежит, усиленно стреляй, поддерживай его своим огнем,— пояснил он и громко свистнул.

Цепь побежала, сопровождаемая частым огнем.

— Кто вы такой? — подлетел к офицеру Агапеев.

— Начальник команды разведчиков Четырнадцатого полка поручик Енджеевский.

— Это вы с утра здесь стрельбой занимаетесь?

— Так точно! Сейчас буду кончать занятия,— взглянул Стах на часы.

— Разве вы не знаете, что японцы бомбардируют Артур?

— Они мне не мешают, господин полковник. Если бы они вздумали высадить десант, то у меня для наблюдения высланы разведчики. Пока на море все спокойно.

— Что бы вы могли сделать, имея только учебные патроны, в случае появления десанта?

— У меня есть целая двуколка боевых. При появлении японцев рассыпал бы команду в цепь и открыл по ним огонь. Одновременно послал конного ординарца с докладом о действиях японцев в штаб крепости. Думаю, что продержался бы до подхода подкреплений из Артура,— спокойно отвечал поручик.

— Заварили вы кашу! В штабе Седьмой дивизии решили, что японцы высаживаются в этом районе и двинули сюда всю Седьмую дивизию.

— Об этом мне ничего не известно! Я провожу занятия согласно расписанию, утвержденному командиром полка,— оправдывался Енджеевский.

— Прекратите огонь и отправляйтесь к генералу

Кондратенко. Он ждет вас на шоссе,— распорядился Агапеев.

Узнав о причине переполоха, Кондратенко громко расхохотался.

— Вот что значит, у страха глаза велики! Вместо того чтобы направить сюда хорошую разведку, двинули всю дивизию. На будущее время такие занятия необходимо все же согласовывать со штабом крепости,— решил генерал.

— Вы не видели разведчиков Двадцать пятого полка? — спросил у подошедшего поручика Рейс.

— Так точно, видел! Они отправились по берегу моря и не хотели мне верить, что японцами здесь и не пахнет. С ними были и артиллеристы,— пояснил Стах.

Тем временем японские корабли, усиленно задымив, прекратили стрельбу и начали отходить в море.

Когда Стессель узнал о причине переполоха, то пришел в неистовство и приказал посадить Енджеевского на десять суток на гауптвахту.

— Да за что же, Анатолий Михайлович, вы хотите наказать этого чрезмерно старательного юношу? Он только выполнял приказ своего командира полка,— заступился за Енджеевского Кондратенко.

— За глупость!

— Последняя по уставу не наказуема,— усмехнулся Кондратенко.

Но Стессель был неумолим, и в тот же день Водяга водворил Стаха на губу.

Вечером, после бомбардировки, Макаров созвал экстренное совещание на «Петропавловске» с участием всего генералитета крепости.

К семи часам в приемной адмирала собрались уже все адмиралы и командиры судов, а также Стессель, Никитин, Кондратенко и Белый со своими адъютантами,— всего человек около тридцати.

Макаров, поглаживая бороду, открыл совещание коротким анализом событий минувшего дня.

— Вчера у коменданта крепости я указал, что Ляотешань наиболее уязвимое место в обороне Артура. Не прошло и суток, как все мои опасения подтвердились. Сегодняшняя бомбардировка наглядно показала, где именно мы наименее защищены, вернее — совершенно не защищены,— продолжал Макаров.— Самое верное средство раз и навсегда отучить японцев от стрельбы через Ляотешань — это установить на нём орудия. Но этого скоро не сделаешь. Нужен, по крайней мере, месяц для

постройки батарей. Поэтому я решил пока что устроить там лишь наблюдательный артиллерийский пост и соединить его телефоном с эскадрой.

— Этот вопрос нужно еще обсудить у меня в штабе.

— Пока мы его будем обсуждать, японцы могут повторить сегодняшнюю бомбардировку. Действовать надо немедленно,— пытался урезонить Стесселя Макаров.

— Если флот будет и впредь прятаться в гавани, то японцы смогут каждый день упражняться в такой стрельбе.

— Эскадра, ослабленная еще двадцать шестого января, пока не в состоянии принять бой с японцами в открытом море, стоя же на якоре в порту, она сможет отвечать тем же перекидным огнем через Ляотешань.

— Как твое мнение, Василий Федорович? — спросил Стессель у Белого.

— Предложение адмирала Макарова можно только приветствовать,— ответил генерал.

— По-моему, не следует этого делать,— вмешался Никитин.— Если нужен наблюдательный пункт на Ляотешане, то пусть его обслуживают наши крепостные артиллеристы.

— Крепостные артиллеристы незнакомы с нашими орудиями и правилами стрельбы,— возразил Молас.

— Нехитрая штука и научиться,— бросил Никитин.

— Быть может, мы пошлем туда представителя и от флота, и от крепостной артиллерии? — вставил Кондратенко.

— Я считаю, что довольно будет и одних моряков,— ответил Белый.— Пусть они наблюдают и отвечают за результаты стрельбы.

— Присоединяюсь к мнению генерала Белого,— сказал Стессель.

— Итак, морякам разрешается иметь свой наблюдательный пункт на вершине Ляотешаня,— иронически резюмировал прения Макаров.— Перейдем теперь к вопросу о сооружении батарей.

— Тут надо договориться с крепостным инженером и нашими артиллеристами. Первый даст саперов для проведения дороги, а вторые помогут технически,— уже миролюбиво проговорил Стессель.

— Поручим полковнику Агапееву согласовать все связанное с этим вопросом,— решил Макаров.

— Мы от себя выделим или капитана Гобято, или прапорщика Звонарева,— предложил Белый,— они и проведут эту работу.

— Что может в артиллерии понимать прапорщик? — удивился Никитин.

— Он весьма успешно вел переделку лафетов на Электрическом Утесе,— ответил Белый.— Сейчас я ему поручил ту же работу и на других батареях. На Ляотешане он вполне справится.

Когда перешли к обсуждению вопросов связи берега с флотом, Макаров предложил выделить матросов-сигнальщиков на все батареи. Стессель решительно запротестовал.

— Нам такой связи не надо. Сами разберем, что делается у нас перед глазами, и будем сообразно действовать.

Макаров предложил Агапееву договориться об этом со штабом крепости и крепостной артиллерии.

Под конец заседания Макаров сообщил, что наутро он намеревается вывести всю эскадру в море и попробовать поискать отдельные небольшие отряды японцев.

— Нынешняя война прежде всего война за обладание морем. В настоящее время мы значительно слабее японцев, и, чтобы выравнять наши силы, необходимо нападать на их отдельные корабли или маленькие отряды. В заключение не могу не выразить горячей надежды, что наши отношения с крепостью наладятся в ближайшее время,— закончил адмирал свою речь.

После заседания Макаров пригласил всех ужинать на корабль. Стессель и Никитин демонстративно отказались и уехали, а Белый и Кондратенко приняли приглашение.

В дружеской беседе они очень быстро договорились по всем пунктам и решили на будущее время действовать сообща, минуя по возможности штаб крепости.

— С момента своего визита к Стесселю я чувствую себя крайне расстроенным враждебным отношением ко мне крепостного начальства,— говорил Макаров.— Поскольку мы заняли Артур только для того, чтобы иметь стоянку для флота, вполне естественно, что и крепость создана для его защиты. Тем приятнее мне было так легко и просто договориться с вами, господа.

— Я вполне разделяю вашу точку зрения, Степан Осипович,— ответил Белый,— и прошу завтра же прислать матросов-сигнальщиков хотя бы на наши важнейшие батареи — Золотую гору и Электрический Утес.

— В свою очередь, я прошу вас также помочь мне на Ляотешане,— попросил Макаров.

 — Я повидаю начальника инженеров крепости пол-

ковника Григоренко,— сказал Кондратенко,— и в ближайшие же дни вместе с ним и Василием Федоровичем выберу там места для установки батарей; наметим попутно и направление новых дорог.

— Я надеюсь, господа, что вы позволите мне отныне считать вас своими союзниками в деле обороны Порт-Артура,— закончил адмирал.

Макаров проводил генералов до самого трапа и приказал Дукельскому сопровождать их до пристани. Когда шлюпка отошла, Макаров стал прохаживаться по палубе. Он понял, что сегодня он нашел себе точку опоры в Артуре.

Утром Звонарев был вызван в Управление артиллерии. Вместе с ним на линейку села и Шурка Назаренко, отправлявшаяся на курсы сестер. День выдался ясный, солнечный, слегка ветреный. Море расстилалось перед глазами до самого горизонта. Ни одного корабля, ни одного дымка не было видно.

— Хорошо сегодня,— заметил Звонарев.

— Должно, японцы в обед явятся. Они всегда, как только ясно, обязательно приходят к Артуру.

— Вы уже привыкли к обстрелу, Шура?

— Привыкла, только когда близко снаряды рвутся, то страшно бывает. Тогда я в погреб ховаюсь, и там мне совсем не страшно.

— Будете сестрой, придется вам и на позициях бывать,— там страшнее будет, чем у нас.

— Папаня намедни сказывал, что по Утесу бьют самые что ни на есть большие пушки у японцев. Хотят они его вконец разбить, чтобы он им на море не мешал. Хоть бы эта война поскорей кончилась да опять по-мирному жить!

— Замуж торопитесь?

— Об этом я и не думаю. Учиться хочу.

— Зато Пахомов, верно, ждет не дождется, когда вам шестнадцать лет исполнится.

— Пусть ждет, все равно я за него не пойду,— угрюмо проговорила девушка.— Противен он мне.

Разговаривая, они незаметно доехали до Управления артиллерии. Шурка Назаренко пошла к Варе, а Звонарев к генералу. Белый встретил его очень радушно.

— Я хочу поручить вам одно важное дело — установку орудий на Ляотешане. Работа спешная и в двухнедельный срок должна быть окончена,— сообщил генерал.

— Боюсь, что я не справлюсь с этой работой. Я ведь еще очень мало понимаю в артиллерийском деле.

— Зайдите сейчас к Гобято, я ему уже говорил об этом.

Звонарев откланялся и пошел в мастерские. Он не застал Гобято там, зато встретил в механическом цехе очень утомленного Братовского.

— Сильно устаете? — спросил его Звонарев.

— Не столько от работы, сколько от стояния под ранцем да от внеочередных нарядов. Нельзя ли мне к вам, ваше благородие, на Электрический Утес? — попросил Братовский.

— Сегодня же об этом переговорю с капитаном. Только вам делать у нас сейчас нечего. Работы по переделке закончились, сам я назначен на установку орудий на Ляотешане, на Электрическом, верно, не буду вовсе бывать.

Звонарев вернулся в Управление, где наконец застал Гобято.

— С Ляотешанем ерунда какая-то получается. Мы отдаем морякам свои пушки, они их с помощью пехоты устанавливают, а обслуживать батареи будем мы, а не моряки. Пока все это не разъяснится, к этой работе приступать нечего. Вас же попрошу сейчас побывать на Двадцать второй батарее у Вамензона. Посмотрите, в каком состоянии у них орудия и лафеты, можно ли им увеличить заряд для получения большей дальности. Что же касается углов возвышения, так они и сейчас стреляют при предельном возвышении. Лошадь вам сейчас подадут, я уже об этом распорядился.

Двадцать вторая батарея шестидюймовых береговых пушек Канэ была расположена на самом левом фланге берегового фронта, на стыке с сухопутной линией обороны. Благодаря этому она была приспособлена почти к круговому обстрелу и в сторону моря и в сторону суши. Дорога туда шла в объезд Золотой горы с севера, где ее отроги значительно понижались. По пути они миновали так называемые дачные места, куда переезжали в летнее время семьи офицеров порт-артурского гарнизона. Здесь берег спускался к морю более полого, растительность была сравнительно богаче и, наконец, имелось несколько небольших пляжиков для купанья. Сейчас все дачи были заколочены, заборы у палисадников поломаны, и только собаки уныло бродили между строениями. Дальше до батареи шло шоссе, по которому пришлось ехать около часа.

В складках прибрежных сопок расположились казармы для артиллеристов. Тут же вблизи в небольшой до-

линке находился офицерский флигель, к которому и подъехал Звонарев.

Командир батареи капитан Вамензон был предупрежден Гобято о приезде прапорщика и встретил его, как жданного гостя.

— Милости прошу! Очень рад вас видеть. Я столько наслышался о ваших успехах по переделке орудий, что давно хотел познакомиться с вами,— рассыпался он, крепко пожимая руку Звонареву.— Быть может, перекусите с дороги? Я только что сел за стол,— пригласил Вамензон.

— Не откажусь, так как сегодня еще ничего не ел с самого утра,— согласился Звонарев.

Капитан ввел его в маленькую столовую, в углу которой виднелась большая икона с горящей перед ней лампадкой. В комнате уже был накрыт стол на две персоны, стояли миски с борщом и кашей.

— Прошу садиться,— подставил стул капитан.— Питаюсь я из солдатского котла. «Щи да каша — пища наша», как говорит наша русская пословица. Это и дешевле и лучше в отношении контроля за солдатской едой. Артельщики все воры и жулики, за ними всегда нужен глаз да глаз. У меня на этот счет очень строго: как начнет плохо кормить, проворуется,— долой! Кашевару, кроме того, задницу полирую время от времени,— распространялся капитан.— Золотой народ наши солдатики: неприхотливы, терпеливы, богобоязненны, царя-батюшку любят до самозабвения. Конечно, есть отдельные прохвосты, но с ними я не церемонюсь. Кулак и розга прекрасно исправляют самых строптивых. Выпьем же за наш великий русский народ,— налил капитан две большие рюмки водки.

Звонарев с ним чокнулся.

Щи были жирные, наваристые, с крошеным мясом. Каша, поджаренная с салом, так и таяла во рту. Хлеб был хотя и черный, но хорошо выпеченный.

— У вас прекрасно кормят в роте,— похвалил Звонарев.— На Электрическом Утесе, к сожалению, гораздо хуже.

— Воруют сильно, потому и пища у вас плохая. У Жуковского жену и детей из-под носа украдут, он и то не заметит: витает где-то в облаках. Все со своей культурностью носится: «Я против порки и мордобоя, я за развитого и образованного солдата...»,— а на деле у вас, простите,— кабак,— критиковал Вамензон.— Из вашей роты по всей артиллерии либеральная зараза ползет.

Солдаты-то у вас чуть ли не газеты читают. Это же полный разврат! Начнет солдат газеты читать, начнет думать,— мало ли до чего он додумается! Нет уж, я предпочитаю иметь у себя неграмотных. Да и на что это солдату? Он должен только выполнять приказания начальства, думать ему совершенно не о чем и незачем: за него обо всем начальство подумает. Право, я считаю, что хорошо было бы иметь солдат совсем даже без головы. В сущности, она им совершенно не нужна, разве только для украшения!

— А как же фейерверкеры, наводчики, писаря?

— Этим, пожалуй, можно было бы оставить головы вроде органчика, чтобы заводить их, когда нужно.

— Я не разделяю вашей точки зрения, господин капитан. Современная военная техника, насколько я с ней познакомился, требует известного культурного уровня.

— К сожалению, вы во многом правы. В этом все наше несчастье. Но образованный солдат всегда в то же время будет и развращенным. Избежать этого очень трудно, если не невозможно. Всегда найдутся подлые агитаторы, которые сумеют быстро развратить любого солдата. С этими подлецами я расправлялся бы беспощадно,— всех вешал бы, как бешеных собак, особенно проклятых жидов. Ненавижу это иудино племя!

— Вы преувеличиваете значение евреев как агитаторов. Русские в такой же мере причастны к пропаганде, как и евреи,— сказал Звонарев.

— Это все жидовствующие русские, нигилисты, анархисты, социалисты и прочая сволочь. Вырезать бы всех до единого. Очистить нашу Россию от них раз и навсегда! — кричал Вамензон, возбужденный и красный, азартно размахивая в воздухе столовым ножом и, видимо, воображая себя участником погрома.

— Едва ли мы с вами, господин капитан, убедим друг друга. Разрешите вас поблагодарить за хлеб-соль,— поднялся Звонарев,— я двинусь на батарею для осмотра пушек.

— Жаль, жаль, что вы не разделяете моих взглядов. Впрочем, вы у нас человек временный и случайный. У настоящих офицеров русской армии ненависть к евреям должна быть в крови. С детства нужно будущих офицеров воспитывать в этом духе,— продолжал Вамензон.— Я пройду вместе с вами на батарею.

Проходя по дороге мимо казармы, Звонарев увидел человек тридцать солдат, стоящих под винтовками. На

лицах многих были синяки, ссадины и кровоподтеки. Капитан подошел к ним и стал внимательно оглядывать каждого из них.

— Голову выше! — крикнул он на низкорослого, но необычайно широкоплечего солдата, с мрачной злостью смотрящего на него. Солдат чуть-чуть поднял вверх подбородок.

— Выше, чертов сын! — И Вамензон с силой ударил его по подбородку снизу вверх, так что у того стукнули зубы.— Я тебя научу, как у меня в роте служить, всю дурь твою из тебя выбью.

Звонарев вздрогнул, увидев, с какой ненавистью посмотрел избитый на своего командира.

— Он вас убьет когда-нибудь,— заметил прапорщик, когда они пошли дальше.

— Кто? Блохин? Я прикажу его выпороть завтра, как сидорову козу, шелковый станет. Хамье это я знаю: чем их больше бьешь, тем они тебя больше любят.

— Боюсь, что вы ошибаетесь.

— На то вы и, простите за выражение, шпак, чтобы бояться этой скотины. Я в бараний рог согну любого солдата, он же мне потом будет руки целовать,— презрительно проговорил капитан.

На батарее в стену бетонного траверса между средними орудиями была вделана большая икона. Перед ней горела неугасимая лампада. Подойдя к иконе, Вамензон набожно снял фуражку и широко перекрестился.

— Это — наши небесные покровительницы, святые Вера, Надежда, Любовь и матерь их София,— пояснил капитан.— В честь Веры Алексеевны Стессель. Она нам и лампадку к ней поднесла фунтов в пять чистого серебра. Не хотите ли полюбоваться?

Звонарев осмотрел массивную лампаду, на которой было вырезано славянской вязью «Дар батарее № 22 от ее превосходительства В. А. Стессель. 17 сентября 1903 г.».

— Значит, ваша батарея имеет не только небесных, но и земных покровительниц, к тому же весьма влиятельных?

— Я сообщаю Вере Алексеевне обо всем происходящем на батарее. У нас было двое раненых двадцать седьмого января, и оба получили от нее именные кресты и подарки. Кроме того, с начала войны она прислала всем солдатам по нательному кресту и свое благословение,— рассказывал Вамензон.

«Интересно знать, что получил ты сам?» — подумал Звонарев.

— Солдаты очень чтут своих небесных патронесс? — вслух спросил он.

— Каждый вечер человек двадцать можно видеть около иконы; пришлось даже сделать деревянный настил, чтобы молящиеся не пачкали шинелей, становясь на колени. Два раза в месяц батюшка перед ней служит молебен.

Звонарев хотел было спросить, не чудотворная ли эта икона, но капитан предупредил его.

— Солдаты уверяют, что, приложившись к иконе, они получали исцеление от недугов: головной боли, расстройства живота, зубной боли...

— Этак к вам скоро начнется паломничество с других батарей,— иронически заметил Звонарев.

— Вы, кажется, не особенно верующий? — подозрительно заметил Вамензон.

— Думаю, что вы недалеки от истины.

— Дух безверия и нигилизма, как проказа, поражает современную молодежь. От интеллигенции это тлетворное течение переходит к широким народным массам и отравляет честные души сирых и бедных. Я ненавижу нашу интеллигенцию так же, как и иудино племя. Большой вред они причиняют государству.

— А вы себя к образованным не причисляете?

— Я офицер, следовательно, преданный слуга царю и отечеству и, конечно, враг всякого суемудрия.

— Разрешите вызвать людей к орудиям,— попросил Звонарев.— Мне нужно будет осмотреть стволы пушек, а также снарядные и зарядные камеры орудий, степень их разгара от стрельбы.

— Сию минуту.— И Вамензон пронзительно засвистел.

Тотчас из казармы начали выбегать солдаты, одеваясь на ходу, и, подбежав к батарее, застыли около своих орудий в уставном положении. Капитан по часам следил за тем, через сколько времени батарея будет готова к бою. Солдаты, пробегая мимо иконы, быстро крестились, боязливо оглядываясь на командира. Тех же, кто этого не делал, капитан угощал зуботычиной и заставлял усиленно креститься.

— Две минуты сорок пять секунд,— сообщил Вамензон, когда последние солдаты добежали до батареи.— Взводным фейерверкерам записать опоздавших и вечером доложить мне через фельдфебеля.

 Орудия Звонарев нашел в очень изношенном состоя-

нии: стволы имели уже значительный разгар, в зарядных камерах прогорели обтюрирующие кольца, замки туго входили в свои гнезда.

— Вы часто стреляете? — справился он у Вамензона.

— По нескольку раз в день. Кроме того, я люблю делать тревоги и по ночам. Я буду просить о замене изношенных орудий новыми. Ведь моя батарея особенная: она предназначена для обстрела и моря и суши. Мне приходится первому открывать огонь, когда японцы подходят с севера. Ваш Утес и тот столько не стреляет.

— Я доложу об этом командиру артиллерии. Во всяком случае, по-моему, вам сейчас нельзя увеличивать пороховых зарядов, так как могут быть большие прорывы газов, что весьма опасно для орудийной прислуги,— сообщил свое мнение капитану Звонарев.

— Если дело только в прислуге, то, по-моему, с ней особенно считаться не приходится: на то и война, чтобы были опасности. Другое дело, если при этом может пострадать казенное имущество, лафеты или самое орудие.

— Солдаты ведь тоже, по военной терминологии,— казенное имущество.

— Во всяком случае, не ценное: у нас, в России, его более чем достаточно.

Покончив с осмотром батареи, Звонарев поспешил откланяться и уехать.

— Тебя покормили? — спросил он возницу, когда двинулись в дорогу.

— Так точно,— щи постные да каша тухлая с прогорклым маслом,— ответил солдат.

— У командира были прекрасные щи и каша!

— Так для них же кашевар отдельно в маленьком котелке приготовляет. Всем известно, что у капитана Вамензона хуже, чем во всей артиллерии, кормят. Зато у фельдфебеля ряшка всем на удивление,— красная да толстая. Промеж себя солдаты называют эту батарею «наши арестантские роты». В дисциплинарном батальоне и то легче. Тут каждый день по нескольку человек порют да еще розги в рассоле ночью вымачивают, чтобы больнее было. Особливо достается тем, кто плохо молится богу: лют до молитвы капитан. Видали, быть может, под винтовкой стоял низкий да широкий такой солдат.

— Блохин?

— Он самый. Почитай уже месяц его под винтовкой держат да через день на кобыле дерут за то, что перед

иконами на батарее не хочет снимать шапку. Забьет его капитан до смерти, даром что силища в Блохине большущая.

— Ты земляк с ним, что ли?

— Никак нет, в новобранстве вместе были. Он из рабочих, медницкому делу обучен. Сперва в мастерских работал, а потом его оттуда выгнали за пьянство, что ли. Попал он на Двадцать вторую батарею, теперь и мучается. Или сбежит со службы, или помрет, не выдержать ему.

В Управлении артиллерии прапорщик никого не застал и прошел на квартиру Гобято.

— Каковы ваши сегодняшние успехи? — спросил его капитан.

Звонарев подробно доложил обо всем.

— Я предполагал, что дело обстоит приблизительно так, как вы сообщаете. На Двадцать второй батарее надо будет сменить орудия. Хотя батарея только что построена, но на вооружение были поставлены старые орудия, других тогда не было. Теперь мы получили тридцать новых пушек и сможем произвести замену у Вамензона.

— Я вас хотел попросить: нельзя ли будет с батареи Вамензона откомандировать в мастерскую Блохина, он медник по специальности.

— Он сам вас об этом просил? — удивился Гобято.

— Нет, он ничего мне не говорил, я прошу за него, так как был свидетелем, как его избивал Вамензон.

— Если всех избитых Вамензоном откомандировывать с батареи, так там скоро не останется ни одного. Блохин же туда попал от нас за пьянство, и едва ли стоит его брать обратно. У Вамензона не распьянствуешься. Был Блохин и на Электрическом, пропил казенное имущество, пошел под суд, да дешево отделался: Борейко на суде спас его от арестантских рот, только в штрафные его перевели да выпороли.

— Как бы он там Вамензона не убил.

— Убьют Вамензона — плакать не будем.

— Зато погибнет ведь и Блохин, и другие солдаты пойдут под суд. Их жалко!

— Больно вы, Сергей Владимирович, жалостливый человек. Всех все равно не пережалеешь, а Блохина жалеть и не стоит,— все равно рано или поздно сопьется и умрет под забором! Пойдемте-ка сейчас с докладом к Белому, чтобы завтра с утра приняться за работу.

Перед квартирой Белого стоял парадный экипаж, на козлах которого сидел кучер-матрос.

— Кого привез? — спросил его Гобято.

— Командующего флотом адмирала Макарова и флаг-офицера лейтенанта Дукельского.

— Вот и отлично, заодно договоримся и о работе на Ляотешане,— обрадовался капитан.

В гостиной они застали Макарова в полной парадной форме, очевидно, приехавшего с визитом к Белым.

Макаров приветливо с ними поздоровался и продолжал беседу. Сам генерал был занят разговором с Агапеевым и Дукельским. Гобято со Звонаревым подсели к ним.

— Прекрасную прогулку совершили мы сегодня в море,— рассказывал Агапеев.— Вышли еще на рассвете и только час тому назад вернулись. Море было чудесное — ясно, тихо, солнечно. Японцев даже на горизонте не было видно. После вчерашней бомбардировки скрылись куда-то. Адмирал проявил исключительную энергию. Сперва был на тральщиках и показывал, как надо тралить, потом на катере подъехал к одной из вытравленных мин, осмотрел ее и приказал тут же разрядить. Как ни уговаривали его поберечься, не ушел, пока не были вывинчены ударные приспособления. Затем на «Новике» обошел всю эскадру и проделал целый ряд перестроений, указывая каждому судну его ошибки. И, наконец, когда вернулись в гавань, лично проверил, как корабли становятся на якорь. Такая подвижность, такая неутомимость, что можно подумать, что ему не пятьдесят пять лет, а тридцать. С таким адмиралом мы смело можем потягаться с японцами,— восхищался полковник.

— Адмирал производит симпатичное впечатление,— заметил Гобято.

— Тебя вчера намечали послать на Ляотешань для установки там тяжелых орудий,— обратился к Звонареву Дукельский.

— Хочу отказаться от этой работы; плохой я еще артиллерист.

— Ничего, справишься. Помогут другие, если в чем будет заминка,— успокоил лейтенант.

— Что это за амазонка скачет по улице? — спросил Макаров, глядя в окно.

Все обернулись к окнам. Варя красивым курц-галопом обскакала вокруг дома, подъехав к крыльцу, соскочила с лошади и нежно поцеловала ее в разгоряченную морду.

— Это наша младшая дочь Варя. Она очень увле-

кается верховой ездой и готова целый день не сходить с лошади,— пояснила Мария Фоминична.

— Казацкая кровь сказывается,— заметил Гобято.

— Вы казак? — удивился Макаров, обернувшись к Белому.

— Да, мы с женой с Кубани,— ответил генерал.

В комнату влетела в запыленном платье, с плеткой в руках растрепанная Варя. Увидев Макарова, она смутилась и мгновенно исчезла.

— Резвая она у вас,— улыбнулся адмирал.

— Даже чересчур,— заметила сердито мать и вышла.

Когда мужчины остались одни, Макаров предложил в деталях выяснить вопрос об укреплениях Ляотешаня. Белый принес план крепости, и все принялись обсуждать порядок намеченных работ. Решено было, что силами гарнизона будет проведена дорога до самой вершины Ляотешаня: моряки брали на себя установку двадцативосьмисантиметровой пушки, артиллеристы, в случае нужды,— постройку и вооружение батареи.

Когда через полчаса в гостиной появилась Варя в сопровождении матери, все деловые разговоры были уже окончены. Девушка, успевшая переодеться, умыться и причесаться, розовая от смущения, подошла с подносом к Макарову и сделала ему реверанс.

Адмирал, улыбаясь, смотрел на смущенно стоявшую перед ним девушку.

— Так вот вы какая лихая амазонка! Оказывается, не только скакать на лошади умеете, но и хозяйничать мастерица. Дай бог вам женишка хорошего,— мягко проговорил он.

— Рано ей еще о замужестве думать,— вмешалась мать,— пусть сперва старшие сестры выйдут.

— У вас, значит, строго по казачьему укладу: дочерей по порядку замуж выдаете?

— По старинке живем,— старшая уже замужем, средняя заневестилась, а она еще свободна.

— Не беспокойтесь, Мария Фоминична, она у вас долго не засидится,— шутил Макаров.

Вскоре гости стали прощаться. В передней снова появилась Варя. Она восхищенно смотрела на Макарова.

— Как бы я хотела иметь такого дедушку, как вы,— совсем по-детски проговорила она.

— Я тоже не отказался бы от такой внучки,— приветливо ответил адмирал.

 — Вот и отлично — отныне вы будете моим дедуш-

кой, а я вашей внучкой! — захлопала в ладоши Варя.

— Всего доброго,— раскланялся со всеми Макаров, направляясь к двери.

— До свидания, дедушка! — И Варя, вскинув ему руки на шею, крепко его поцеловала.

— Варя! Как тебе не стыдно! — остолбенела мать.

— Отчего же мне своего дедушку не поцеловать? — с деланной наивностью ответила девушка.

— Вы уж извините нашу дурочку,— обратилась мать к адмиралу.— Не успела по молодости еще ума набраться.

— Я очень тронут таким вниманием вашей дочери,— растроганно проговорил Макаров.

— Может, вы и меня поцелуете? — шепнул девушке на ухо Звонарев.

— Нахал! Я с вами больше не знакома,— одним духом, так же шепотом, выпалила Варя и отошла.

На следующее утро Звонарев и Гобято вместе с Белым поехали на катере на Ляотешань. От пристани Артиллерийского городка они направились в глубь западной части гавани, где был расположен Минный городок морского ведомства. В многочисленных сараях, разбросанных по берегу, хранились незаряженные мины, а в крутых склонах горы, прямо в скалах, были высечены глубокие склады для пороха, пироксилина и мелинита, которыми заряжались мины.

Неподалеку, за небольшим холмом, помещались казармы для матросов, обслуживающих минный склад.

У маленького деревянного пирса стоял катер с «Аскольда» под адмиральским флагом. Макаров обходил склады, и артиллеристам пришлось подождать, пока он подошел к ним в сопровождении флагманского артиллериста лейтенанта Мякишева и неизменного Дукельского. В это время подъехал верхом с несколькими офицерами и Кондратенко.

Ляотешань представлял собою скалистый массив, почти лишенный растительности. Среди скал и камней вилась петлистая узенькая тропинка в гору, по которой все двинулись гуськом.

Саперные офицеры на ходу докладывали адмиралу и Белому свои соображения о трассировке будущей дороги и о местах, наиболее подходящих для установки орудий. С вершины Ляотешаня, возвышавшейся на двести саженей над уровнем моря, открывалась огромная

панорама. Побережье Ляодунского полуострова отсюда было видно от Дальнего — на востоке и до бухты Луизы — на западе, то есть примерно на тридцать верст в обе стороны. С трех сторон до самого горизонта расстилалась гладь моря, а сзади как на ладони виднелась гавань и Порт-Артур.

— Вот это так наблюдательный пункт! На десятки верст все вокруг видно. И как было сразу не занять его! — восхищался Макаров.

— Этому мешали трудности по прокладке дороги и почти невозможность доставки сюда грузов, а главное — отсутствие воды,— пояснил Белый.

— Все это можно и должно преодолеть, и чем скорее, тем лучше.

— Артиллерийский наблюдатель с «Ретвизана» находится на соседней вершине,— указал Мякишев вправо, там, где сопка была несколько ниже, но с нее лучше была видна западная часть берега и моря.

Все двинулись на соседнюю вершину. Идти приходилось прямо через кустарники и камни, и все запыхались и испачкались, пока наконец добрались до наблюдательного пункта. Матросы уже успели вырубить здесь в скале яму для будущего блиндажа и выровнять около нее небольшую площадку. Молодой лейтенант, руководивший работами, доложил о них Макарову, который одобрил и выбор места, и намеченное сооружение.

— В седловинке можно будет поставить нашу двадцативосьмисантиметровую пушку, а по западным склонам, ближе к Чайной долине, разместим другие орудия,— решил Макаров.

Кондратенко и Белый согласились с этим предложением, и, отдохнув несколько минут, все вернулись обратно другой, более легкой дорогой.

Вернувшись с Ляотешаня, Макаров немедленно собрал на «Аскольде» совещание флагманов и командиров. Не привыкшие к столь срочным вызовам, некоторые адмиралы, младшие флагманы и командиры судов первого и второго ранга опоздали к назначенному сроку, за что получили замечание от командующего флотом.

— Я собрал вас, господа, чтобы объявить о предстоящем завтра на рассвете выходе всей эскадры в море. С утренней высокой водой мы выйдем на внешний рейд, день пробудем в море, посмотрим ближайшие к Артуру острова, попутно займемся эволюциями на походе и к заходу солнца по вечерней высокой воде вернемся в Артур,— открыл совещание Макаров.

— С момента занятия Артура нашим флотом не было еще случая, чтобы эскадра за одну высокую воду входила или выходила на внешний рейд,— возразил адмирал князь Ухтомский.

— Теперь так будет каждый раз, как эскадра будет выходить в море,— отрезал Макаров.

— Это совершенно невозможно, ваше превосходительство, мы не располагаем нужным количеством портовых средств,— испуганно проговорил адмирал Греве.

— Под вашу личную ответственность приказываю к утру изыскать все нужные средства,— бросил в ответ Макаров.

— Слушаюсь, ваше превосходительство! Но это невозможно, совершенно невозможно,— пробормотал Греве себе под нос.

— К назначенному времени все суда эскадры должны быть в полной боевой готовности,— продолжал Макаров,— так как в случае встречи с неприятелем я вступлю с ним в бой, невзирая на его превосходство.

— Ваше превосходительство упускает из виду, что против наших пяти броненосцев и пяти крейсеров, из которых три броненосца устарелые, а из крейсеров броненосный только «Баян», у японцев шесть броненосцев новейшей конструкции, шесть броненосных и тринадцать легких крейсеров,— заметил с места командир броненосца «Севастополь» капитан первого ранга Чернышев, седоватый брюнет в пенсне, с холеной бородкой.

— Численность японской эскадры мне известна, но я не занимаюсь арифметическими подсчетами, а думаю, как мне ее разбить,— с усмешкой возразил адмирал.

После краткого обмена мнениями по второстепенным вопросам совещание было закончено.

— Я категорически требую от вас, господа, точного и быстрого выполнения всех моих приказаний. Побольше уверенности в своих силах, и вы на опыте убедитесь, что в моих приказаниях нет ничего невозможного,— напутствовал их Макаров.

Над сонным Артуром еще висела ночь, когда на мачте «Аскольда» замелькали сигнальные огни. Блеснут и потухнут, чтобы через мгновение вспыхнуть в новой комбинации цветов. В ответ затеплились огоньки на мачтах других кораблей — то на нескольких сразу, то только на одном, стоящем поодаль. На судах послышались резкие звуки боцманских дудок, командные крики, топот ног... Эскадра быстро просыпалась. Суда осветились сотнями огней. От пристаней и причалов отвалили десятки бук-

сирных катеров и, оглашая рейд гудками, устремились к темным громадам броненосцев и крейсеров.

Рейд ожил. Боевой день эскадры начался.

С первыми звуками боцманских дудок Макаров поднялся на палубу «Аскольда», поздоровался с выстроенной на шканцах командой и на катере отправился к «Петропавловску», на котором и поднял свой флаг.

С помощью буксиров крейсеры и броненосцы один за другим разворачивались носом к проходу, на буксире медленно проходили через проход и становились на внешнем рейде на якорь согласно диспозиции. Первым вышел еще в полной темноте «Баян». Ярко освещенный лучами прожекторов, он медленно проплыл в проходе. За ним заторопился «Аскольд». Броненосец «Пересвет» под флагом адмирала князя Ухтомского несколько замешкался, что вызвало резкое неудовольствие Макарова.

Через десять минут за «Пересветом» вышел на рейд и «Петропавловск». Адмирал следил, как корабль проходил по мелкому проливу, и пришел к заключению, что в высокую воду даже броненосцы могут идти по проливу своим ходом, а не на буксире, что очень ускорит время выхода эскадры.

К семи часам утра, за два часа двадцать минут, вся эскадра в составе семнадцати судов уже стояла на внешнем рейде. Макаров торжествовал.

— До спада высокой воды осталось еще больше часа, а вчера меня уверяли, что выход в одну воду невозможен. Буксирных катеров тоже хватит, если они будут только помогать разворачиваться крупным кораблям, а не выводить их на внешний рейд,— оживленно говорил он окружающим.— Как только раньше до этого не додумались.

— Никто, очевидно, не хотел подумать об этом как следует,— ответил Дукельский.

— Командир «Новика» капитан второго ранга Эссен два раза подавал об этом докладные записки, но их подшивали к делу,— вспомнил флагманский штурман.

— Похоже на нас,— покачал головой Макаров.— Поднять сигнал — сняться с якоря всем вдруг.

Не успели все суда отрепетовать сигнал, как с головного крейсера «Баян» сообщили, что на рейде замечены плавающие мины.

— Съемку с якоря отменить, всем кораблям осмотреть море вокруг и при наличии мин тщательно протралить по створу предстоящего движения эскадры,— распорядился Макаров.

Когда наконец воды вокруг эскадры и по створу ее движения были протралены, Макаров отдал приказ эскадре сняться с якоря всем вдруг. Корабли скоро вышли на чистую воду.

Было уже около полудня. Дул шестибалльный норд-ост. Шла довольно крутая волна. Эскадра перестроилась в походный порядок. Броненосцы шли в кильватерной колонне, крейсера расположились по четырем сторонам, в пределах видимости сигналов, примерно на расстоянии пяти миль, миноносцы шли в двух кильватерных колоннах по четыре судна — по обе стороны колонны броненосцев.

Море было совершенно чисто. До самого горизонта не замечалось ни одного дымка. Макаров с верхнего мостика «Петропавловска» следил за движением эскадры. Броненосцы двигались в относительном порядке, но миноносцы все время рыскали по курсу и выкатывались из строя, вызывая неудовольствие адмирала.

Вскоре миноносец «Грозовой» вследствие повреждения в машинах начал сначала отставать, а затем и вовсе застопорил.

Адмирал велел ему на буксире возвращаться в Артур и тут же списал командира с корабля за выход в море с непроверенными машинами. Через несколько минут такое же распоряжение последовало относительно «Расторопного».

— С минным флотом положение у нас совсем плохое как в техническом отношении, так и в отношении походной тренировки командиров эскадры. Необходимо в ближайшие дни собрать ко мне инженер-механиков со всех кораблей и потолковать о мерах улучшения нашей техники.

— Большинство наших командиров очень слабо знакомо с современной техникой, особенно машинной,— заметил Дукельский.

— Заставим познакомиться! Командир, который не разбирается в технике, мне не нужен. В современном бою успех решается не только личной храбростью матросов и офицеров, умелым маневрированием и меткой стрельбой, но и исправным состоянием техники и машин.

Воспользовавшись отсутствием неприятеля, Макаров занялся производством различных эволюций. Эскадра тренировалась в самых разнообразных перестроениях, поворотах последовательно «все вдруг» на восемь, шестнадцать румбов вправо и влево. Адмирал зорко следил за выполнением сигналов, и после каждого из них

тот или другой корабль получал замечание за допущенные ошибки. Особенно много доставалось «Севастополю», командир которого Чернышев то и дело допускал неточности в выполнении приказов. Выведенный из себя Макаров приказал выразить «Севастополю» свое неудовольствие.

Уже на обратном пути к Артуру во время одного из перестроений «Севастополь» сильно сблизился с идущей впереди «Полтавой». Опасаясь нового нагоняя, Чернышев сразу перешел на малый ход, начал быстро отставать. В то же время «Пересвет», который шел в струе «Севастополя», сильно отстал, и командир его капитан первого ранга Бойсман увеличил обороты до предельного, стараясь поскорее занять свое место в кильватерной колонне.

Вследствие неожиданно резкого снижения хода «Севастополя» расстояние между ним и «Пересветом» стало очень быстро уменьшаться. Создалась опасность таранного удара. Бойсман быстро оценил обстановку и поспешил застопорить машины, а затем дал задний ход, чтобы сдержать свой корабль. Избегая таранного удара, он переложил руля.

Когда Чернышеву доложили, что на «Севастополь» сзади накатывается «Пересвет», он не поторопился принять нужные меры к предотвращению столкновения кораблей. Увидев неизбежность тарана со стороны «Пересвета», он растерялся. «Пересвет» врезался в корму «Севастополя», согнул ему винт и сделал вмятину в борту. Кормовые отсеки «Севастополя» наполнились водой. Броненосец принужден был выйти из строя и поднял сигнал: «Не могу управляться».

Макаров запросил о положении на броненосцах и, узнав об открывшейся течи на «Севастополе», решил немедленно вернуться в Порт-Артур. Уже около четырех часов, к началу подъема воды, эскадра начала втягиваться на внутренний рейд. Первым вошел «Петропавловск», но Макаров продолжал оставаться на мостике, наблюдая, как корабли становились на якорь. Затем, наскоро перекусив, он вызвал к себе всех командиров судов и, когда они собрались, начал подробный разбор происшедшей аварии.

Первым говорил Чернышев. Изложив обстоятельства столкновения, он стал горячо оправдываться.

— Во всем виноват капитан первого ранга Бойсман. Когда он налетал на «Севастополь», где только у него были глаза?

— А где были у вас глаза, когда вы, видя, что на вас накатывается задний корабль, не приняли мер к избежанию таранного удара? — оборвал его Макаров.

— Разрешите доложить, ваше превосходительство,— поднялся командир «Пересвета» Бойсман,— виновным во всем я считаю себя. Я не выполнил вашего приказания об уменьшении числа оборотов, плохо рассчитал, слишком поздно дал задний ход. Готов понести любое наказание,— твердым голосом закончил он.

Лицо Макарова сразу просветлело. Он уже не так сердито смотрел на поседевшего в морских походах старого служаку, презрительно взглянул на холеную физиономию сразу вспыхнувшего Ухтомского и уже спокойно сказал, обращаясь к Бойсману:

— Не ожидал я от вас такой оплошности, Василий Арсеньевич! Но Чернышев виноват не меньше вашего. Придется назначить расследование всех деталей этого неприятного происшествия,— добавил Макаров, немного помолчав.

Затем он справился, велика ли течь на «Севастополе», и приступил к подробному разбору всего дневного похода, попутно указывая командирам на допущенные ими ошибки.

Было около полуночи, когда командиры судов после двадцатичасового трудового дня отправились по своим местам. Макаров продолжал работать, диктуя начальнику своего штаба и флаг-офицерам различные распоряжения и донесения наместнику и в Главный морской штаб. Он требовал немедленного напечатания своего труда под названием «Рассуждения по вопросам морской тактики», в котором излагал свои взгляды на ведение морского боя.

«Книга нужна именно теперь в Артуре и Владивостоке. Неужели морское министерство не сможет изыскать необходимые для издания 500 рублей?» — заканчивал Макаров свою телеграмму адмиралу Авелану.

— Но почему, Степан Осипович, вы не хотите издать эту книгу здесь или во Владивостоке? Необходимые средства весьма легко может изыскать командир порта,— удивился Молас.

— Не в деньгах дело, Михаил Павлович, а в принципе: раз мою книгу издает морское министерство, значит, оно одобряет мои взгляды и на ведение войны. Кроме того, они станут известны не только здесь, но и на Балтике и на Черном море. При отправке сюда второй эскадры все офицеры смогут по пути ознакомиться с моими

взглядами и требованиями в бою, что для меня особенно важно: не придется никого переучивать,— пояснил Макаров, прогуливаясь по каюте. Неожиданно он остановился около Моласа, который что-то писал за столом, и сказал:

— Чернышева, видимо, придется списать с корабля,— больно уж он все валил на Бойсмана! А того оставлю. Молодчина! Сразу всю вину взял на себя. Настоящий командир — не боится признавать свои ошибки.

— Кого же вы думаете назначить на «Севастополь»?

— Конечно, Эссена; других кандидатов у меня нет.

— Но Эссен один из самых молодых капитанов второго ранга, а вы собираетесь назначить его командиром броненосца. Наместник едва ли согласится на такое назначение, а равно и на смещение Чернышева, к которому он весьма благоволит...

— При чем тут наместник, если законом мне как командующему флотом предоставлено право смещать, назначать и перемещать командиров судов всех рангов?

— Обычно все перемещения, даже командиров миноносцев, предварительно согласовывались с адмиралом Алексеевым.

— Я собираюсь служить и действовать по закону, а не по обычаю... Но пора и на покой — уже пробило четыре склянки. Сутки прошли, как я на ногах.— Макаров вышел из кабинета.

Варя Белая с увлечением занималась на курсах сестер милосердия. Как ни мала была программа курсов, но и она после затхлой атмосферы института, где ее пичкали больше всего правилами приличия, показалась Варе необычайно интересной. Увлекаясь сама, она сумела увлечь за собой также подруг по курсам. С самого утра двенадцать девушек являлись в гарнизонный госпиталь и атаковали врачей, требуя предоставления им работы по уходу за больными и ранеными.

Кроме того, Варя настояла на организации по вечерам еще специальных классных занятий по общеобразовательным предметам. Это требовало дополнительных расходов, и Варя старательно изыскивала средства. Прежде всего она побывала у Стесселей, но как только Вера Алексеевна услышала о просветительной деятельности Вари, она немедленно стала отговаривать ее от этого.

— Напрасно ты это затеяла. Сестры должны уметь

ухаживать за больными, а всякие истории с географиями им совершенно ненужны. Хорошая сестра должна быть прежде всего чистой и сердцем и душой, что бывает лишь у людей верующих и религиозных. Поэтому вам, если уж на то пошло, нужен духовный наставник — батюшка, а не учителя, которые бог весть чему вас научат,— поучала генеральша.

Потерпев неудачу, огорченная Варя быстро шла домой и на углу одной из улиц чуть не налетела на Макарова.

— Милый дедушка,— обрадовалась она.— Как я рада вас видеть,— и низко присела.

— Что так официально? — улыбнулся адмирал, целуя в лоб девушку.— Покажите-ка мне ваши артурские достопримечательности,— попросил он.

— Да у нас их нет. Разве что наша «Этажерка». Вы там еще не были?

— Нет, не был, но слыхал о ней.

— Тогда я вас туда сейчас поведу.— И, подхватив «дедушку» под руку, Варя повела его по направлению к бульвару. По дороге она горестно рассказала о своей неудаче со сбором средств для курсов.

— Жаль, что вы не принадлежите к морскому ведомству. На что, на что, а на образование никогда не жалко тратить деньги. Всякое учение потом с лихвой окупается. Хорошее это вы дело придумали. Если нельзя достать казенных денег, откройте подписку среди своих офицеров. Я тоже охотно подпишусь, да и среди морских офицеров, верно, найдутся жертвователи. Не взяли бы вы на себя организовать и для флотских женщин такие же курсы? — неожиданно предложил он.

— Почему же ваши морские дамы сами не устроят такие курсы?

— Не тем, видно, к сожалению, заняты.

В это время из-за угла показалась команда матросов. Впереди шел рослый боцман в лихо заломленной набекрень бескозырке и с серьгою в правом ухе. Заметив адмирала, он оглушительно скомандовал:

— Смирно, равнение направо!

Матросы, как один человек, повернули сразу просветлевшие лица в сторону Макарова. Адмирал, улыбаясь, внимательно осмотрел команду и мягким баритоном произнес:

— Здорово, молодцы!

— Здравия желаем, ваше превосходительство! — рявкнули в ответ моряки.

— Вольно!

Матросы продолжали идти, все еще глядя на своего адмирала.

— Запевай,— скомандовал боцман.

Звонкий голос затянул:

Выйдет дедушка Макаров,
Бородою поведет,
И артурская эскадра
В бой с врагом пойдет.

Эту песню бойко подхватили матросы, с веселым задором глядя на своего адмирала.

— Ишь, негодники,— не успел приехать, как они уже про меня песню сложили,— тепло улыбнулся Макаров, поглаживая свою шелковистую бороду.

— Песня-то, милый дедушка, хороша, и сложили ее они любя,— сказала Варя, восхищенно глядя на Макарова.

Появление на «Этажерке» нового командующего флотом сразу привлекло общее внимание. Пока адмирал не торопясь шел по главной аллее, со всех сторон собрались любопытные, чтобы лучше рассмотреть адмирала. В это время здесь обычно бывало довольно много народа, а так как день был ясный и солнечный, то на бульваре наблюдался особенно большой наплыв публики.

— Пройдемте куда-нибудь в сторону, чтобы не так привлекать к себе внимание,— проговорил Макаров, сворачивая на боковую дорожку.

Тут они неожиданно встретили Дукельского. Лейтенант подошел к ним.

— Сейчас мне моя внучка рассказала об организации у артиллеристов сестринских курсов. Надо бы и у нас устроить такие же. Вызовите завтра ко мне главного врача морского госпиталя. Переговорю с ним, а потом надо будет побеседовать с нашими женщинами.

Дукельский поспешил это записать в памятную книжку.

Заметив, что адмирал перешел в другую аллею, гуляющие тоже переменили свой маршрут, чтобы опять встретиться с ним.

Спасаясь от этой назойливости, Макаров свернул на самую глухую дорожку, заканчивающуюся тупиком, и сел на скамейку.

— Теперь хоть смотреть на нас не станут, как на каких-то заморских зверей,— с облегчением произнес он и начал расспрашивать Варю о жизни в Артуре.

В это время в аллее показался Звонарев, оживленно беседующий с Ривой.

Он издали раскланялся, не решаясь подойти к адмиралу.

— Сергей Владимирович, адмирал хочет с тобой поговорить! — крикнул Дукельский.

Извинившись перед Ривой, прапорщик поспешил к Макарову.

— Как ваши успехи на Ляотешане? — спросил адмирал, здороваясь с Звонаревым.

— Выбраны места для установки горизонтально базного дальномера. Удалось найти базу в двести пятьдесят саженей, что обеспечит большую точность в измерении дистанции до цели. Дня через три-четыре уже будут выстроены будки для приборов, и дальномер начнет действовать,— сообщил Звонарев.

— А другие работы как идут?

— Морской наблюдательный пункт готов, места для батарей уже определены, дорогу прокладывают, генерал Кондратенко ежедневно там бывает и подгоняет саперов и инженеров.

Пока Звонарев докладывал о проделанной работе, Варя упорно разглядывала Риву, сидевшую неподалеку с моряками.

Посидев с полчаса и полюбовавшись на порт и окружающие горы, Макаров поднялся.

— Мне пора на корабль,— заметил он.

— Есть,— ответил Дукельский.

— Вы, Георгий Владимирович, можете до спуска флага побыть на берегу,— разрешил адмирал.

— Мы проводим вас, дедушка, до самой пристани,— предложила Варя.

У выхода с бульвара они встретили Желтову с Олей и Лелей. Варя оставила Макарова и подошла к ним.

— Кто эта дама? — спросил адмирал у Дукельского.

— Заведующая городской Пушкинской школой Желтова,— за лейтенанта ответил Звонарев.— С ней две учительницы.

— Я хотел бы с ними поговорить,— остановился адмирал,— о чтении лекций для рабочих порта и для матросов.

— Я сейчас ее сюда попрошу,— вызвался поручик.

— Что вы, это невежливо,— ответил Макаров.— Я сам к ним подойду, вы только представьте меня.

Приблизившись к Желтовой, адмирал снял фуражку и подождал, пока Звонарев представил его.

— Адмирал Макаров!

— Степан Осипович Макаров,— поправил адмирал.— Мне хотелось поговорить с вами, сударыня, о проведении лекций для матросов и рабочих порта.

— Мы, конечно, с удовольствием возьмемся за это дело, но едва ли нам разрешат: полиция всегда так подозрительно к нам относится.

— На территории порта, не говоря уж об эскадре, распоряжаюсь я и никакого вмешательства полиции в вашу работу не допущу. Конечно, это не значит, что я разрешу вам вести какую бы то ни было агитацию на лекциях. Все должно быть в строго законных и дозволенных правительством рамках.

— Мы никогда ничего запрещенного не допускаем, но полиция находит нежелательным, например, изложение теории о происхождении вселенной.

— Следует, конечно, избегать тем, которым может быть придан политический характер. О подробностях вы уж сами договоритесь с заведующим кадрами вольнонаемных рабочих и командиром Квантунского флотского экипажа.

— Но они, может быть, с нами и разговаривать не пожелают?

— Георгий Владимирович, вызовите их ко мне на завтра,— я дам указания о лекциях.

Договорившись с учительницами, Макаров вместе с Варей, Дукельским и Звонаревым направился к набережной.

На пристани, не ожидая, пока ему подадут адмиральский катер, Макаров сел в первую попавшуюся шлюпку с «Петропавловска».

— Всего доброго, спасибо за прогулку всем и внучке особенно,— уже издали проговорил на прощанье адмирал.

Проводив Макарова, Дукельский расстался с Варей и Звонаревым.

Двадцать третьего марта Звонарев поднялся, когда еще только начинало светать, и поспешил на Ляотешань, где шла установка батарей и дальномеров. Денщик сообщил ему, что всю ночь сильно стреляли береговые батареи и что будто бы «японец опять в проход лез».

На пристани прапорщика ждал катер.

Несмотря на то, что солнце еще не взошло, эскадра уже вытягивалась на внешний рейд. Головным шел

«Аскольд» под флагом командующего флотом, за ним — крейсера «Новик», «Баян» и «Диана», флотилию замыкали тяжелые громады броненосцев.

— Всю ночь япошки под берегом шлялись, эскадра, верно, пошла их отогнать подальше. Ноне корабли на якорях не застаиваются, каждый день в море ходят, не то что раньше. Новый адмирал никому покоя не дает: ни миноносцам, ни броненосцам,— занимал разговорами Звонарева старшина на катере.

На опустевшем внутреннем рейде остались только «Ретвизан» и «Цесаревич». «Паллада» была введена в сухой док. Оба броненосца перетягивались на верпах, поворачиваясь бортом к Ляотешаню.

— К стрельбе изготовляются,— продолжал старшина, показывая на броненосцы.— Вчера еще с них телефон провели до самой вершины Ляотешаня. Стрелять будут из порта, а командовать — с горы. Не чует япошка, что его ждет.

— Они прекрасно знают обо всем, что делается в Порт-Артуре, шпионов у них хоть отбавляй,— возразил прапорщик.

В утреннем тумане неожиданно совсем близко появился пирс минного городка.

Сойдя с катера, Звонарев двинулся было по обычной тропинке, но вскоре его остановили два солдата-сапера с красными флажками в руках.

— Обойти придется, ваше благородие, тут сейчас будут рвать скалы, вон стежка вбок пошла,— указал один из них, видимо, украинец,— по ней на главную шошу выйдете, а там уж вас проведут.

Звонарев свернул, куда было указано, и через несколько минут вышел на проложенную саперами дорогу. Тут он встретился с Кондратенко, который только что слез с лошади. Они пошли вместе. По дороге генерал сообщил о появлении японской эскадры у Артура.

— Возможно, опять начнут обстрел города или попытаются высадить десант. На всякий случай я еще ночью двинул к Голубиной бухте полк с батареей.

— Сегодня им едва ли удастся повторить прошлый спектакль: как-никак, а восемь двенадцатидюймовых пушек «Цесаревича» и «Ретвизана» что-нибудь да значат,— ответил Звонарев.

— Только бы они смогли стрелять; вернее, связь не подвела бы.

— Об этом наверняка позаботится сам адмирал, он придает Ляотешаню исключительно большое значение.

Вскоре их встретил инженер-подполковник Рашевский, руководивший постройкой дороги, который доложил генералу о ходе работы.

В это время со стороны Артура донесся тяжелый гул выстрела.

— Береговые батареи открыли огонь,— пояснил Рашевский, и Кондратенко заторопился дальше.

Через несколько минут он с Звонаревым был уже на вершине Ляотешаня. Солнце только что взошло из-за моря, освещая первыми, еще неяркими лучами гладкую поверхность воды. К западу море было пустынно до самого горизонта, но к юго-востоку на сверкающей поверхности воды четко вырисовывалась вся японская эскадра, идущая тремя колоннами к Артуру. Дым из многочисленных труб далеко застилал небо, скрывая за собой часть горизонта. Массив Золотой горы и Тигрового полуострова скрывал от глаз береговые батареи и вышедшую на внешний рейд эскадру, поэтому их выстрелов не было видно, и только взлетающие около судов столбы воды указывали на ведущуюся артиллерийскую стрельбу.

Ответив несколькими залпами по береговым батареям, японцы замедлили свое движение и разделились на две части. Легкие крейсера и миноносцы, отойдя несколько в море, остались перед Артуром, а броненосцы и броненосные крейсера,— всего двенадцать кораблей,— направились за Ляотешань с очевидным намерением повторить оттуда бомбардировку города и порта. Но тут их ожидал неприятный сюрприз: не успели корабли занять позиции для обстрела, как по ним открыли перекидной огонь сперва «Ретвизан», затем и «Победа». Японцы, видимо, не ожидали этого, замялись и только немного спустя начали стрелять. Один из снарядов с «Ретвизана» вскоре попал в головной броненосец, который поспешно стал отходить дальше в море, за ним двинулись и другие суда.

— Не понравилось чертям! — радостно проговорил Кондратенко.

— Нас, видимо, японцы не замечают или не понимают, зачем мы здесь находимся,— заметил Звонарев.

— Не пророчьте, а то, чего доброго, они начнут нас обстреливать, и тогда нам не поздоровится: блиндажей ведь еще нет, и укрыть людей негде,— предостерегал генерал.

Как бы в подтверждение его слов послышался зловещий свист быстро приближающегося снаряда, и тотчас несколько ниже по горе взвился черный султан дыма.

— Отведите людей, работающих на постройке батарей, за гору,— распорядился Кондратенко.

Звонарев поспешил вниз, где шла установка шестидюймовых пушек под руководством фейерверкера, так как Гобято еще не успел приехать. Солдаты, не обращая внимания на стрельбу, продолжали возиться с установкой лафетов, перебрасываясь шутками.

— Авось, ваше благородие, нас не зацепит,— возразил один из них, когда Звонарев приказал им уходить.

— Надо бы поскорее пушки установить, да тут же их и испробовать по японцу. Первое орудие уже готово.

— Снарядов же к ним нет.

— Вчера к вечеру десятка полтора снарядов и зарядов подвезли и оставили недалеко за горой.

Скоро крайнее правое орудие было уже готово к стрельбе, и солдаты несли к батарее на руках почти трехпудовые снаряды и пудовые заряды. Заметив это усиленное движение, японцы дали залп по батарее.

— Ложись! — едва успел крикнуть Звонарев, заслышав свист снаряда, как дым и пыль уже окутали батарею, а камни и осколки со свистом полетели во все стороны. Солдаты мигом распластались на земле. Один из них, несший тяжелый снаряд, осторожно положил его на землю, а затем укрылся за столь своеобразным бруствером.

Как только опасность миновала, все быстро вскочили.

— Ваше благородие, орудие готово! — доложил фейерверкер.

Звонарев в последний раз осмотрел лафет и, убедившись, что все в порядке, скомандовал прицел и целик. Солдаты плотным кольцом окружили пушку, с нетерпением ожидая выстрела.

— Пли!

Прикрывая от солнца глаза ладонями, они старались не пропустить всплеска от падения снаряда.

— Малость недолет,— первым заметил фейерверкер.

— Батарею обновили, а теперь пошли по местам продолжать работу,— скомандовал прапорщик.

Солдаты стали расходиться, оглядываясь при каждом выстреле.

Войдя в азарт, вся орудийная прислуга с нетерпением следила за стрельбой. Каждое падение снаряда мимо цели вызывало у всех острое чувство досады.

— Ослеп ты, что ли, сегодня? — сердито бурчали со всех сторон на наводчика.— Протри глаза!

— Ваше благородие, прицелу бы на полделения прибавить,— советовали они Звонареву.

Велика была общая радость, когда наконец снаряд угодил в середину одного из броненосцев и повредил дымовую трубу. Солдаты, бросив работу, начали качать и Звонарева, и наводчика, и фейерверкера. Японцы же, как бы обидевшись на подобное обращение с ними, стали уходить в море под громкие крики «ура» на батарее.

Кондратенко, спустившись на батарею, горячо поблагодарил артиллеристов и пожал руку Звонареву.

— Недолго, однако, сегодня японцы постреляли, всего что-то около часа, да и выпустили совсем мало снарядов. По телефону сейчас сообщили, что повреждений ни в городе, ни в порту нет.

Радостно взволнованный, Звонарев, передав командование подошедшему Гобято, отправился в Управление артиллерии. По дороге ему встретилась коляска, в которой сидел Стессель с женой. Узнав Звонарева, генерал остановил экипаж и подозвал прапорщика к себе.

— Вы с Ляотешаня? — спросил Стессель.

— Так точно, оттуда.

— Каковы результаты нашей стрельбы?

— Попали — один снаряд с броненосцев и один с нашей сухопутной батареи, после чего японцы ушли,— доложил Звонарев.

— От лица службы благодарю вас, прапорщик,— напыщенно произнес Стессель, пожимая Звонареву руку.

— Успех принадлежит не мне, а морякам: это их стрельбы испугались японцы.

— Моряки смогли попасть только потому, что хорошо работали установленные вами дальномеры. Кроме того, и у вас было попадание. Значит, вы, артиллеристы, прогнали японцев, а не моряки. Передайте мою благодарность также генералу Белому,— закончил генерал.

— Мосье Звонарев из скромности умаляет свои заслуги, достойные награды,— вмешалась Вера Алексеевна.— Не беспокойтесь,— за богом молитва, а за царем служба не пропадают. Заглядывайте как-нибудь к нам вместе с Варей Белой.— И генеральша протянула свою руку, к которой прапорщик не замедлил приложиться.

Вечером того же дня Дукельский привез Звонареву приказ по эскадре с благодарностью артиллеристам за удачные действия.

А вскоре Звонарев был откомандирован обратно на Электрический Утес, так как Чиж, идя ночью по брустверу, упал и вывихнул ногу.

Известие о предстоящем прибытии на Электрический Утес генерала Белого вызвало на батарее переполох. Человек двадцать солдат усердно подметали двор, в казарме спешно протирали окна, мыли полы и поправляли стройные ряды коек. В столовой дневальные с остервенением терли столы, смахивали паутину по углам и подбеливали стены. На кухне Заяц, недавно назначенный артельщиком, вместе со своим помощником Белоноговым и кашеваром старательно выписывал на доске раскладку сегодняшнего обеда. Сам Жуковский, выстроив роту, производил осмотр солдатского обмундирования. Ротные цирюльники наспех стригли и брили. Звонарев был занят на прожекторной станции, разладившейся за время его отсутствия. Один Борейко ничего не делал и одиноко расхаживал по брустверу батареи, насмешливо поглядывая на происходящую суету.

— Никогда появление японцев не вызывало у нас такого волнения,— заметил он проходившему мимо Жуковскому,— как прибытие начальства. Можно подумать, что генералы и есть наш главный враг на войне!

Капитан только отмахнулся.

Обернувшись к Золотой горе, Борейко увидел экипаж, в котором сидело несколько человек. В бинокль он сразу разглядел Белого и рядом с ним какого-то моряка в черном пальто.

— Бей тревогу,— приказал он дневальному по батарее.

Тот опрометью бросился к железной доске и начал изо всей силы колотить. Солдаты, услышав звон, тотчас же побросали свои занятия и кинулись к орудиям. За ними, задыхаясь от быстрой ходьбы, шел Жуковский.

— Где противник? — на ходу спросил он Борейко.

Поручик молча указал на приближающуюся генеральскую коляску.

— Жаль только, что нельзя его обстрелять,— иронически заметил он.

— Борис Дмитриевич, да что вы наделали? — в ужасе проговорил Жуковский, покраснев от волнения.— Канониры побросали все на дворе и в казарме. Увидев щетки и швабры, генерал сразу же догадается, что мы делали приборку к его приезду,— совсем жалобным тоном проговорил капитан.

— На охоту ехать — собак кормить! Раньше надо было прибирать. Прикажите дежурным да дневальным скоренько все прибрать, а я пока займусь с нижними чинами учением при орудиях. На батарее все наши

прорехи в обмундировании и в прочем будут меньше заметны.

— А если генерал заставит построить роту?

— Построим. Пусть полюбуются на наших солдат,— ответил Борейко,— все дыры и грязь будут отнесены за счет работы при орудиях во время учения.

Коляска успела проехать уже половину расстояния до Утеса, и Жуковский опять устремился вниз наводить окончательный лоск на все помещения.

— К орудиям! — скомандовал Борейко, и занятия начались.

Звонарев, выпачканный машинным маслом, тоже поднялся на батарею.

— Что делать мне, Борис Дмитриевич? — спросил он.

— Продолжай себе колдовать около своих машин, генерал едва ли туда заглянет.

— А он где?

— Вот уж подъезжает с каким-то моряком,— показал Борейко.

Звонарев взглянул по указанному направлению.

— Да ведь это Макаров! На передней скамеечке тоже видно черное пальто,— верно, Жорж и еще кто-то из военных.

— Так этот бородач и есть Макаров? — заинтересовался Борейко.— Надо послать за Жуковским. Эй, Родионов, пошли кого-нибудь за командиром, пусть доложит, что сам командующий флотом едет сюда.

— Слушаюсь, доложить, что командующий японским флотом едут! — повторил фейерверкер.

Борейко с Звонаревым громко захохотали.

— Так ты командира до полусмерти напугаешь. Командующий нашим флотом едет. Понял?

— Теперь понял, ваше благородие.— И Родионов скрылся за орудием.

Солдаты, стоя у орудий, также с любопытством разглядывали приближающееся начальство.

— Ваше благородие, кто это с такой бородой? — спросил один из солдат.

— Вице-адмирал Макаров, новый командующий флотом.

— Это, значит, он у моряков за старшего, вроде как у нас генерал Стессель,— заметил другой.

— По местам! — крикнул Борейко.— Если адмирал поздоровается, помни отвечать: «Ваше превосходительство»,— да подружнее, чтобы чувствовал, что вы артиллеристы, а не кто-нибудь.

Коляска подъехала. Из нее вышли Белый, Макаров, Дукельский и Агапеев.

Жуковский встретил их внизу и отрапортовал о состоянии батареи.

Поднявшись наверх, Белый и Макаров прошли вдоль фронта орудий, здороваясь отдельно с прислугой каждого орудия. Адмирала сразу заинтересовал несколько необычный вид орудий, прикрытых большими щитами.

— У вас тут устроена целая сложная система механизмов для обслуживания пушек.

— Это все изобретения поручика Борейко да прапорщика Звонарева,— пояснил Белый.

— Многое придумано нижними чинами, ваше превосходительство,— добавил Борейко.

Макаров внимательно взглянул на него.

— Весьма ценно, что вы прислушиваетесь к предложениям своих солдат,— проговорил он.— Это поднимает их интерес к службе и заставляет думать над порученной работой. Успешная стрельба во многом зависит от такой постановки дела.

— Мы о многом здесь думали, ваше превосходительство. Почему бы, например, не установить на берегу двенадцатидюймовые пушки в башнях, как на броненосцах,— продолжал Борейко.— Меткость береговых орудий значительно больше, чем на кораблях, и действенность огня двенадцатидюймовых пушек была бы у нас куда больше, чем на море!

— Я сам неоднократно об этом думал. Надо надеяться, что после войны можно будет заняться этим. Вообще же береговая оборона, по-моему, должна быть передана флоту. Только при таком условии будет достигнута полная согласованность в действиях на море и на суше. Как вы думаете, Василий Федорович? — обратился он к Белому.

— Отчасти это верно, но, с другой стороны, разнотипность артиллерии будет сильно затруднять руководство одновременной стрельбой с моря и суши,— ответил Белый.

— Последнюю задачу мы с вами почти что разрешили. На днях я пришлю к вам на батареи сигнальщиков-матросов. Это улучшит и ускорит нашу связь с берегом. Но все же оперативное объединение действий флота и берега, по-моему, совершенно необходимо,— настаивал адмирал.

Осматривая затем командирский пункт, Макаров обратил внимание на его устройство.

— Это, в сущности, наша боевая рубка, только смотровая щель у вас всего три дюйма, а на броненосцах — больше фута. Вы удачно используете наш опыт и еще усовершенствуете его.

— Нам нельзя иметь широкого отверстия, так как при взрыве снаряда летит масса мелких осколков и камней,— пояснил Жуковский,— мы для прикрытия от них даже спускаем с боков специальные щитки.

— У нас на кораблях тоже масса мелких недостатков. Например, много дерева, которое легко загорается в бою. Мне мыслится корабль, по возможности свободный от всяких палубных надстроек, совершенно без дерева, сильно бронированный и с крупной артиллерией,— плавучая батарея, так сказать. Но необходимость всего этого надо еще доказывать, ибо велика у нас рутина, сильно она мешает техническому развитию флота,— горько сказал адмирал.

— Мы тоже новинками похвастаться не можем,— вторил ему Белый.— Большинство наших батарей, как вы видели, вооружены орудиями образца семьдесят седьмого года, кроме того, у нас есть орудия и образца тысяча восемьсот шестьдесят седьмого года.

— Как обстоит дело со снарядами к вашим десятидюймовым орудиям?

— Есть у нас бронебойные и сегментные. Первые пронизывают двенадцатидюймовую броню на дистанции в четыре версты, а сегментные применяются при стрельбе на расстоянии до восьми верст,— сообщил Белый.

— При стрельбе бездымным порохом дальность повышается до двенадцати верст, а бронебойность до шести верст,— добавил Жуковский.

— Разве фугасных снарядов у вас не имеется? — удивился Макаров.

— Никак нет. Вернее, они имеются, но взрыватели к ним так несовершенны, что снаряды часто рвутся при выстреле. Это обычно выводит орудие из строя. Главное артиллерийское управление категорически запрещает стрелять ими.

— У нас на «Победе» и «Пересвете» имеются полные боевые комплекты десятидюймовых фугасных снарядов, и еще не было ни одного преждевременного разрыва.

— Нельзя ли нам передать хотя бы сотню таких бомб? Мы прекрасно используем их при стрельбе по японцам.

— Конечно, можно! Враг у нас общий, и кто его по-

разит — моряки или артиллеристы — все равно,— решил Макаров.

— Боюсь, что наместник будет возражать против такой передачи крепости боекомплектов,— предупредил Дукельский.

— За боеспособность флота прежде всего отвечаю я, а не наместник. Мне здесь виднее, ослабит ли передача ста бомб боевой комплект судов эскадры. Запишите, Георгий Владимирович: передать завтра же по пятьдесят бомб с «Пересвета» и «Победы» батарее Электрического Утеса и одновременно затребуйте по телеграфу из морского ведомства тысячу таких же бомб,— распорядился Макаров.

— Есть, ваше превосходительство! — вытянулся лейтенант.

Адмирал прошел вдоль батареи, расспрашивая о каждой мелочи ее технического оснащения.

Обойдя батарею, Макаров зашел на кухню попробовать пищу, познакомился и с раскладкой.

— Отпуск продуктов у вас гораздо меньший, чем на флоте,— удивился он.

— Надо думать, у матросов аппетит лучше, чем у солдат,— усмехнулся Агапеев.— На море больше есть хочется.

— Я и так все время воюю с интендантством, чтобы все по норме отпускали, а то часто чего-нибудь недодают. Сейчас на всякий случай завожу продовольственные запасы: капусту, овощи, мясо,— заметил Жуковский.

Заяц, чисто выбритый, вымытый, причесанный, в белом халате, совсем не походил на недавнего замухрышку.

— Щи у тебя, братец, вкусные, каша рассыпчатая, видать ты к делу своему хорошо относишься,— похвалил Макаров.

— Рад стараться, ваше превосходительство,— гаркнул Заяц.

После обхода Жуковский пригласил гостей закусить. Денщики, с утра мобилизованные на кухню, состряпали обед из трех блюд. Из запасов были извлечены заветные бутылки вина, хранившиеся для экстренного случая.

— Скучновато вам, должно быть, на Утесе? — спросил Макаров.

— Скучать некогда,— днем и ночью сторожим море. Всю ночь под берегом бродят японские миноносцы. Только уснешь, а тут тревога, беги на батарею,— отвечал Жуковский.

— Ничего не поделаешь — война. Конечно, это утомительно быть все время начеку. У нас в сторожевом охранении ежедневно сменяются корабли, а вас, к сожалению, не сменишь.

— В таком положении находятся все береговые батареи,— сказал Белый.

— Вы бы посменно дежурство несли — сегодня одна полурота, завтра другая.

— Для обслуживания батарей людей одной полуроты не хватит. По тревоге приходится всех из казарм вызывать. И затем, какой тут отдых, коль над ухом пушки грохочут,— пояснил Жуковский.

Вечером солдаты попросили Борейко подробно рассказать о Макарове, который им всем понравился.

— До всего доходит: почему и отчего, даром что наши пушки почитай первый раз видит...

— Видать, и к солдату добер, глаза ласковые, и все в бороду улыбается.

— Настоящий адмирал...

С Электрического Утеса Макаров направился в объезд сухопутного фронта крепости. Здесь еще полным ходом шли работы по рытью рвов, насыпке валов впереди линии обороны. Кое-где начались бетонные работы по сооружению фортовых казарм и казематов. Работали преимущественно китайцы под руководством русских саперных солдат и офицеров. Отдельные батареи сооружались артиллеристами и стрелками.

Макарова сопровождали Белый и Кондратенко. Адмирал пытливо вглядывался в хаотическое нагромождение сопок, хребтов, впадин и лощин, характерное для окружающей Артур местности.

— Чертовски трудный для укрепления рельеф! Масса скрытых подступов и мертвых пространств,— резюмировал он свои наблюдения.

— Совершенно справедливо изволили заметить, Степан Осипович,— я и мои инженеры много поломали головы, чтобы найти хоть мало-мальски удовлетворительное решение для обороны крепости,— отозвался Кондратенко.

— Фортовый пояс всего в четырех-пяти верстах от внутренней гавани, что совершенно недостаточно при дальнобойности современных орудий в восемь — десять верст. Короче говоря, если японцам удастся обложить Артур с суши, то внутренний рейд превратится в ловушку для флота.

 — Для полного обеспечения флота от обстрела осад-

ными батареями необходимо выдвинуть линию обороны еще на три-четыре версты на хребет Волчьих гор,— сказал Белый.

— Для обороны такого обвода крепости численность гарнизона должна быть доведена примерно до восьмидесяти — девяноста тысяч против сорока пяти тысяч, на которые рассчитаны нынешние форты, то есть увеличить гарнизон крепости еще на две дивизии,— пояснил Кондратенко.

— На это рассчитывать крайне трудно, так как и в Маньчжурии войск еще очень мало,— возразил Макаров.— По-моему, Артур надо защищать на Цзинджоуском перешейке, ни в коем случае не допуская прорыва японцев на Квантунский полуостров. Помимо этого, Квантун может стать и продовольственной базой крепости. Если поощрять местное население хорошей оплатой продовольственных продуктов, то китайцы сумеют собрать хороший урожай риса, чумизы. Следует, кроме того, организовать рыбную ловлю. И Порт-Артур как крепость фактически будет обеспечен продовольствием на любое время осады.

— Генерал Стессель и штаб крепости предпочитают заниматься реквизициями, чем платить наличными деньгами за изъятое у населения,— возразил Кондратенко.

— Глубоко порочная политика! Мы должны завоевать расположение местного населения справедливым и гуманным отношением к нему. Чем притеснять и преследовать китайцев, следовало бы обратить больше внимания на все еще проживающих в Артуре иностранцев и прежде всего англичан и американцев, которые фактически являются союзниками Японии. Я сам видел в Артуре вывески на лавках неких Томлинсона и Смита. Они наверняка или англичане, или американцы. Как можно их оставлять в осажденной крепости? — возмущался Макаров.

— Я специально справлялся о них в штабе крепости. Оба они являются подданными не то Швеции, не то Швейцарии,— ответил Кондратенко.

— Все без исключения иностранцы должны быть немедленно высланы из Артура. Это обеспечит наш тыл от шпионажа. А оборонять Артур необходимо на цзинджоуских позициях, а не в непосредственной близости от порта — убежища нашей эскадры, каким является Порт-Артур,— убежденно продолжал Макаров.

— Но противник сможет высадить десант где-нибудь между перешейком и Артуром,— усомнился Белый.

— Десант на территории врага — операция очень трудная, особенно при наличии пусть временно ослабленной, но все же боеспособной эскадры в Артуре. Ручаюсь, что японцы не рискнут на него, а если рискнут, то потерпят жестокое поражение,— горячо говорил Макаров.

— Едва ли в этом удастся убедить генерала Стесселя,— покачал головой Кондратенко.

— Сегодня же об этом напишу наместнику и, если Стессель заупрямится, буду просить о передаче мне командования всеми вооруженными силами на Квантуне,— продолжал развивать свою мысль Макаров.

Оба генерала слушали его с некоторым недоверием: им казалось странным, что моряк станет во главе стрелковых полков полевых батарей.

— Поскольку весь Квантун нам нужен прежде всего как база для флота, то вполне естественно и поручить его оборону командующему флотом,— продолжал Макаров.

— Вашему превосходительству нужен будет надежный, знающий начальник штаба из сухопутных генералов,— осторожно заметил Кондратенко.

— Надежнее вас, Роман Исидорович, я никого не знаю, а Василий Федорович будет прекрасным начальником артиллерии обороны,— дружески улыбнулся Макаров.

— Весьма польщен столь высокой оценкой, но ведь в Артуре есть много генералов старше меня,— возразил Кондратенко.

— Кто? Фок — стар, зол и, простите, ненадежен. После Берлинского конгресса, когда немцы предали нас, я отношусь с недоверием к немецкому правительству. Стессель по своей — как бы помягче сказать — нервности, что ли, не годен к занятию командных должностей. Никитина я не видел трезвым. Рознатовский разваливается от прогрессивного паралича. А больше никого нет,— перечислял адмирал.

— Пришлют кого-нибудь из Мукдена,— возразил Белый.

— А я ни на какое другое лицо не соглашусь. Ведь командующий может сам выбирать себе начальника штаба. Так я сделал во флоте, так поступлю и в случае моего назначения начальником обороны,— уже совсем тепло проговорил Макаров, похлопывая по плечу Кондратенко.

— Ваши высказывания, Степан Осипович, совпадают
 с самыми затаенными искренними моими желаниями.

Видеть вас во главе обороны Квантуна,— да ничего лучшего я себе не представляю и сочту за особую для себя честь состоять начальником вашего штаба,— ответил Кондратенко, пожимая руку адмирала.

— Готов всеми своими знаниями и энергией помочь вам в руководстве артиллерией,— прочувствованно говорил Белый, в волнении покручивая свой длинный казацкий ус.

— Но, господа, до поры до времени прошу наш разговор не разглашать,— предупредил адмирал, оглядываясь на стоящих поодаль адъютантов и Дукельского.

Генералы поспешили заверить Макарова в соблюдении молчания.

День уже склонялся к вечеру, когда усталый, запыленный, но довольный Макаров вернулся на «Петропавловск». Тут его встретил Молас и почтительно доложил, что морской министр адмирал Авелан и начальник главного морского штаба адмирал Рожественский не находят возможным выделить нужные средства для издания «Рассуждения о морской тактике». Макаров сразу помрачнел, а затем резко приказал:

— Немедленно составьте телеграмму наместнику и в Петербург с требованием моей отставки. Так и напишите: отказ в напечатании моей книги считаю выражением личного недоверия ко мне и прошу о назначении нового командующего флотом взамен меня... Пусть кто хочет командует при таких условиях.

Молас попытался успокоить взволнованного адмирала, но тот не хотел и слушать. Начальнику штаба пришлось отступить.

Затем Молас доложил о результатах расследования обстоятельств столкновения «Пересвета» и «Севастополя».

— Обоим командирам объявить строгий выговор. Чернышева завтра же, по несоответствию, списать в экипаж. Бойсмана пока оставить, известите об этом наместника,— решил Макаров.

— Может быть, сначала испросить согласия его высокопревосходительства на смещение Чернышева?

— Незачем. На место Чернышева сегодняшним же приказом назначить командиром «Севастополя» Эссена, а Иванова-четырнадцатого — на «Новик»,— рубил адмирал.

Молас едва успевал записывать за ним.

— Вы приказали, ваше превосходительство, «Пересвету» и «Победе» передать на батарею Электрического

Утеса по пятьдесят фугасных десятидюймовых снарядов,— напомнил Дукельский.

— Напишите необходимое предписание, Михаил Павлович,— уже спокойнее произнес Макаров.

Отдав еще несколько мелких распоряжений, адмирал удалился в свою каюту.

— Какая муха укусила Степана Осиповича? — спросил Дукельский у Моласа, когда они остались вдвоем.

Начальник штаба показал лейтенанту телеграмму из Петербурга...

— Вдруг в морском ведомстве примут отставку адмирала? Что тогда будет с нами? Опять получим кого-нибудь вроде Старка или Алексеева,— забеспокоился Дукельский.

— Наивный вы юноша, Георгий Владимирович. Да в Петербурге Макаров для министерства в десять раз страшнее, чем здесь,— улыбнулся Молас.

— Это почему?

— Хотя бы потому, что он своими опытами установил недостаточную устойчивость броненосцев типа «Ослябя», «Бородино», «Александр Третий». При незначительной пробоине с одного борта они легко могут перевернуться вверх килем. Следовательно, в бою они почти неминуемо погибнут [1],— неторопливо объяснил адмирал.

— Но ведь это прямо преступление со стороны нашего адмиралтейства!

— Вполне понятно, что там страшно боятся подобных разоблачений. Но из Артура разоблачать адмиралтейство Макарову куда труднее, чем из Кронштадта.

— Короче, вы считаете, что адмирала, как опасного человека, и сплавили сюда, в Артур?

— Зачем ставить точки на «и»? Он сам в тысяча восемьсот девяносто пятом году подал докладную записку о возможности военных действий нашего флота на Тихом океане. Этим и воспользовались: коль ты такой знаток Дальнего Востока, то тебе и карты в руки — иди командуй!

— Вы уверены в отклонении Петербургом просьбы Макарова об отставке? — все еще недоверчиво переспросил Дукельский.

— Вполне. Отказ напечатать его книгу — лишь способ потрепать нервы Степану Осиповичу и хоть таким способом отомстить ему за все причиненные им морскому ведомству неприятности,— спокойно продолжал Мо-

[1] Что полностью и оправдалось в Цусимском бою.

лас.— В Питере пойдут на все, лишь бы удержать Макарова подальше от Главного адмиралтейства.

— Боюсь, что и Алексеев не совсем будет доволен произведенными Макаровым перемещениями командиров,— проговорил Дукельский.

— Вы правы. Наместник станет, конечно, на дыбы, но, согласно точному смыслу морского устава, Макаров целиком прав, а свои права он отстоять сумеет от любых посягательств. Зашифруйте-ка, Георгий Владимирович, эти телеграммы наместнику и в Питер,— закончил разговор Молас.

— Есть, ваше превосходительство,— вытянулся адъютант и вышел из каюты с бумагами.

Между тем Макаров, нервно разгуливая по своей просторной адмиральской каюте, обдумывал план дальнейших своих шагов в отношении наместника и Петербурга для достижения полной независимости в ведении военных действий.

— Стать во главе всей сухопутной и морской обороны Квантуна с непосредственным подчинением главнокомандующему Маньчжурской армии. Пусть я моряк, но ведь в Севастополе во главе обороны тоже стояли Нахимов, Корнилов, Истомин. Только тогда у меня будут полностью развязаны руки,— резюмировал вслух свои мысли Макаров.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Вскоре японцы еще раз попробовали при помощи брандеров закупорить узкий проход в Порт-Артурскую гавань. С вечера стояла тихая, теплая погода, по небу медленно плыли небольшие тучи. На эскадре, проведшей целый день в море, было тихо, только в положенное время отзванивали на судах склянки. На батареях после дневного боя с легкими японскими крейсерами тоже было мирно и безлюдно, часовые мерно расхаживали по брустверам, наблюдая за морем. После полуночи небо очистилось, и месяц осветил своим мягким серебристым светом спящий Артур. На внутреннем рейде в прозрачной синеве тихой ночи чернели громады судов и темные силуэты миноносцев.

Вдруг с моря раздался выстрел, затем другой, с урчанием полетели снаряды и упали в заливе, высоко взбро-

сив вверх воду. Лучи прожекторов заметались по морю в поисках врага и остановились, осветив силуэт быстро двигающегося миноносца. Гулко грохнул выстрел с берега, будя ночное эхо в прибрежных горках. Засверкали огнями выстрелов Золотая гора, Тигровка, Электрический Утес. К ним присоединились стоявшие в охранении у входа «Баян», «Отважный», «Бобр». Ночной бой сразу разгорелся и быстро затих, так как японцы исчезли в ночной темноте. Батареи замолкли, и опять воцарилась тишина. Война на время ушла из Артура, но в два часа батареи загрохотали вновь — с сигнальной станции на Золотой горе сообщили о появлении брандеров.

Дукельский, ночевавший вместе с Макаровым на «Петропавловске», бросился к адмиралу, но, к своему удивлению, у выхода из каюты он встретил его уже одетым.

— Что это за стрельба? — спросил Макаров.— Прикажите подать катер,— распорядился он.— Я хочу остаток ночи провести на судах сторожевого охранения.

Луна скрылась, и во мраке ночи ярко сверкали огни выстрелов, а в воздухе с шипением взметались ракеты, освещая внешний рейд с мчащимися миноносцами и следующими за ними брандерами.

На катере Макаров направился к канонерской лодке «Отважный», пришвартовавшись к которой стояли дежурные миноносцы «Решительный» и «Сильный».

В проходе перед ним открылась картина ночного боя на море: в лучах прожекторов виднелись многочисленные водяные столбы от непрерывно падающих снарядов, сверкали взблески выстрелов и взрывов, с берега раздавалась ружейная стрельба.

— Японские миноносцы, а брандеров я еще пока не вижу,— проговорил Макаров, смотря в бинокль. Но в это время, как бы в ответ ему, на расстоянии пяти-шести кабельтовых в лучах прожекторов показался темный силуэт двухмачтового парохода, который двигался по направлению прохода. В тот же миг «Решительный» кинулся в атаку. Красный взблеск минного выстрела, затем — взрыв, летящие щепки, обломки, столб воды, дым, пар,— и через мгновение японский пароход выбросился на берег у подножия Золотой горы.

— Самый полный вперед! — заговорил Макаров, и как только катер подошел к «Отважному», адмирал с юношеской легкостью взбежал по трапу. Едва поднявшись на палубу, Макаров приказал «Сильному» тоже атаковать японцев.

— Отдать швартовы! — раздалась команда, и миноносец помчался навстречу врагу.

В это время второй брандер неожиданно появился со стороны Тигровки и, добравшись до середины прохода, отдал якорь. Было слышно, как на нем звякали якорные цепи. С него стали торопливо спускаться шлюпки под аккомпанемент криков «банзай» и стрельбы из мелкокалиберных пушек.

— По шлюпкам огонь! — распорядился адмирал.— Вызвать охотников для захвата брандеров.

— Есть,— ответил Лебедев, и вся артиллерия «Отважного» обрушилась на японские шлюпки. Они поспешно отошли в море. Попавший снаряд потопил одну из них, другие продолжали идти.

— Ваше превосходительство, разрешите мне на вашем катере отправиться на брандер,— попросил Дукельский.— На нем начинается пожар, который надо немедленно прекратить.

— Разрешаю, возьмите только с собой трех-четырх матросов с «Отважного»,— согласился Макаров.

Отобрав людей, лейтенант отбыл на брандер. Вскоре огонь на японском пароходе погас. Вдруг левее, у подошвы Золотой горы, поднялся огромный столб воды и огня, и канонерка вздрогнула от сотрясения воздуха и воды.

«Мина на камнях разорвалась»,— решил Макаров, но раздавшаяся рядом вслед за этим ружейная и пулеметная трескотня удивила адмирала.

— Не стрелять, мать вашу так: свой! — раздался в ответ крик на воде.

— Стреляют по нашему катеру, пошлите шлюпку на берег. Остановить огонь! — распорядился Макаров.

Сотня здоровых матросских голосов, как по команде, ответила: «Остановить огонь!» Стрельба сразу же смолкла.

Вскоре к адмиралу подошел Дукельский и сообщил, что хотя пожар и потушен, но пароход погружается в воду.

— Необходимо отбуксировать его кормой к берегу, чтобы он не загородил проход.

— Чем он гружен?

— Камнем и углем. Провода электрических батарей мною перерезаны, так что взрыва уже произойти не может.

— Подойдите с «Отважным» к брандеру и попробуйте его отбуксировать, пока он не затонул,— приказал Лебедеву адмирал.

— Есть,— отозвался тот.

Прибывший в это время с «Сильного» лейтенант Пелль доложил, что миноносец, встретив в море несколько японских судов, вступил с ними в бой, во время которого в машину попал снаряд. Взрывом убиты инженер-механик и шесть нижних чинов; командир и несколько матросов ранены. Преследуемый японцами и не надеясь с поврежденной машиной добраться до Артура, миноносец выбросился на берег у Электрического Утеса. Там же недалеко приткнулся один из японских брандеров. Пелль просил выслать на «Сильный» врача и перевязочные средства, так как судовой фельдшер не успевает всех перевязывать.

Выслушав доклад, Макаров приказал врачу с «Отважного» на адмиральском катере немедленно отправиться к миноносцу, захватив с собой все нужное для оказания медицинской помощи.

— «Сильный» окончательно выведен из строя? — спросил он лейтенанта.

— По-видимому, нет. Возможно, что с наступлением прилива его удастся снять с камней.

— Если только позволят японцы,— задумчиво добавил адмирал,— с рассветом они могут подойти к Артуру и расстрелять «Сильного».

— Они и сейчас обстреливают его с моря.

— На Электрическом Утесе, насколько я знаю, артиллеристы не дремлют и сумеют отогнать японцев, если они осмелятся подойти близко к берегу,— успокоил Пелля адмирал.

Пока они беседовали, «Отважный», подойдя к брандеру, подал на него перлинь и попытался сдвинуть его в сторону. Огонь на море прекратился, только с береговых батарей время от времени еще раздавались отдельные выстрелы. Ночная тревога затихла. На палубе канонерки торопливо двигались матросы.

— Ваше превосходительство,— обратился один из матросов к адмиралу, протягивая доску.— Извольте посмотреть, что мы нашли на брандере.

— Это еще что такое? — удивился Макаров, рассматривая доску.

— «Помните, уважаемые русские моряки,— начал он читать.— Мое имя — капитан-лейтенант японского флота Такео Хиросе, я здесь второй раз. Первый раз был на пароходе «Ходкоку Мару» в феврале, буду еще, если проход останется незакрытым. Привет адмиралу Макарову. *Хиросе*». Вот где встретиться с ним пришлось! — изумил-

ся Макаров.— Этот Хиросе был японским морским атташе в Петербурге с тысяча восемьсот девяносто седьмого по тысяча девятьсот первый год. Я не раз с ним встречался. Энергичный и, видно, храбрый человек, если рискует на брандере идти в Артур.

— Там, ваше превосходительство, боцман набрал много тросов, манильских канатов и других вещей,— сообщил подошедший Лебедев.

— Правильно. Это наш военный приз. Ничто не должно пропадать из захваченного имущества,— одобрил адмирал.

— Отвели брандер в сторону сажен на тридцать, дальше нельзя, стал на мель,— доложил Лебедев.

— Завтра попробуем его разгрузить и оттащить еще дальше,— решил Макаров.— «Отважному» вернуться на прежнее место, я же двинусь восвояси, на «Петропавловск». Лейтенант Дукельский!

— Есть! — ответил флаг-офицер, выступая из темноты.

— Прикажите поднять сигнал: «Эскадре поднимать пары, быть к утру готовой к походу».

— Есть! Сейчас распоряжусь.

Макаров спустился на катер. Прожекторы, медленно двигаясь по воде, упирались в наползавший с моря туман. Тишина воцарилась над Артуром.

Вечером того же дня Вен Фань-вей пришел на квартиру Белых и попросил разрешения переговорить по секрету с самим генералом.

— Очень важный секрет, важный вопрос,— уверял китаец.

Варя сказала отцу о приходе садовника. Генерал сначала поморщился, не веря в серьезность сведений, какие собирался ему сообщить китаец, но затем все же решил выслушать его и пригласил Вен Фань-вея в кабинет.

— В чем же состоит важный секрет? — справился он у китайца.

— Одна хорошо осведомленная в нынешних делах особа велела мне передать через вас адмиралу Макарову, что японцы подготовляют высадку десанта на Квантунском полуострове. Одновременно они попробуют еще раз запереть проход, когда русские будут праздновать свой большой праздник. Японские корабли с десантом уже находятся у берегов Кореи и там ждут приказа о выходе к Ляодуну,— подбирая слова, проговорил Вен Фань-вей.

— Насколько достоверны эти сведения? От кого они

получены? От Тифонтая? — усомнился генерал, пристально глядя на китайца.

Вен твердо выдержал взгляд Белого и ответил:

— Это правда. Очень прошу мне верить, обманывать не стану. Тифонтаю верить нельзя. Он помогает русским против японцев, японцам против русских. Он шибко плохой человека,— сразу помрачнел Вен Фань-вей.

Белый решил записать сведения со слов китайца, а затем секретным пакетом отправить их Макарову со своим адъютантом.

— Если все это оправдается, я настою на выдаче большой награды тебе, Вен Фань-вей,— с чувством проговорил генерал.

— Мне не надо никакой награды! А человек, который велел мне это сообщить вам, не нуждается в наградах.

В эту ночь на Электрическом Утесе дежурил на батарее Борейко вместе с третьим взводом, считавшимся по своей боевой подготовке самым слабым во всей роте. Взводный фейерверкер Жиганов, стройный, ловкий солдат, представлял резкий контраст со своим взводом, большинство в котором составляли, как на подбор, медлительные, неповоротливые и малограмотные люди.

— Жиганов,— позвал Борейко,— твои тюхи-матюхи научились поворачиваться на батарее поживей?

— Не особенно, ваше благородие, чистые чурбаны, а не люди.

— Гнедин, Купин! — крикнул Борейко.

Наводчики подбежали к нему.

— Орудия в порядке? — спросил поручик.— Фонари для ночной стрельбы заправлены?

— Так точно, кажись, все в порядке,— неторопливо ответил Гнедин, широкоплечий увалень.

— Не «кажись», а сейчас же проверь.— Борейко наградил солдата подзатыльником.

— А у тебя, Купин?

— Все в исправности,— доложил наводчик, прикладывая руку к околышу.

Отпустив наводчиков, Борейко заглянул в каземат, где взвод расположился на ночь. Солдаты сгрудились на нарах около благообразного, серьезного бомбардира с задумчивым лицом, который размеренным речитативом пересказывал пушкинскую «Сказку о царе Салтане». Все слушали его с живым вниманием, время от времени кто-нибудь прерывал рассказчика выражением восторга или удивления.

 — Встать! — скомандовал Жиганов, входя с Борейко.

— Садись! — приказал офицер.— Что, Ярцев, брешешь, как всегда?

— И до чего складно, ваше благородие, прямо удивительно,— восторженно сказал рябой солдат.

— Продолжай, я послушаю,— проговорил Борейко, садясь на табуретку.

Ярцев продолжал свой рассказ. Дослушав сказку до конца, Борейко, похвалив солдата, проверив еще раз часовых, ушел спать в дежурку.

— Ваше благородие, вставайте, японцы! — разбудил его часа через два дежурный.

Сон мигом слетел с Борейко, и он выбежал на батарею.

— Бей тревогу! На дальномере! К орудиям! — командовал он.

Засверкали огни ночных фонарей, заскрипели двери пороховых и зарядных погребов, залязгали цепи на поворотном кругу.

— Пошевеливайся! — покрикивал Жиганов, подбегая то к одному, то к другому орудию.

— Сейчас наш Медведь покажет японцу кузькину мать,— ответил Ярцев.

— Враз потопит.

— Тысяча пятьсот двадцать! Тысяча пятьсот! Тысяча четыреста восемьдесят! — выкрикивали на дальномере.

— Прицел семьдесят, целик право три, взвод залпом! — кричал Борейко с бруствера.

Из казарм, поблескивая ручными фонарями, бежали солдаты других взводов.

— Торопись, покеда японец не убежал! — слышался зычный голос Родионова.

— Пли! — донеслось с батареи, и два ослепительных столба огня прорезали на мгновение ночную темень.

— На прожекторе! — кричал Борейко.— Светите вы, сукины дети, как следует!

Прожектор никак не удавалось наладить: он то вспыхивал, то потухал.

— Сергей Владимирович,— подходя, распорядился Жуковский,— отправляйтесь к прожектору. Борис Дмитриевич, вас попрошу быть около пятидесятисемимиллиметровых пушек, а я приму общее командование. Что на море?

— Видны два парохода, идущие со стороны Дальнего,— доложил Борейко.

Жуковский повел энергичную залповую стрельбу по

брандерам. Четыре снаряда попали в пароход, который тотчас начал тонуть, вскоре был потоплен и другой.

В свете прожектора мелькнул силуэт миноносца, на котором то и дело вспыхивали огни выстрелов. Жуковский приказал Борейко обстрелять его из пятидесятисемимиллиметровых пушек.

В ответ на выстрелы с миноносца засигналили фонарями.

— Это наш, ваше благородие,— поспешно доложил недавно прикомандированный к батарее сигнальщиком со «Страшного» матрос Денисенко.

Огонь прекратили, миноносец же, продолжая стрелять, медленно приближался к берегу.

— Уходит от японцев. Вон они за ним гонятся, как бы их обстрелять, ваше благородие,— волновался матрос.

— Чего же он на всех парах летит на берег? — удивился Борейко.

— Имеет, вероятно, повреждение и спешит выйти на мелкое место,— заметил один из офицеров.

Поручик перенес огонь своих пушек на японцев и отогнал их в море. Подойдя к берегу, миноносец приткнулся к мели. Денисенко, схватив в руки два фонаря, начал усиленно ими размахивать. С миноносца ему не замедлили ответить.

— Это «Сильный», ваше благородие, сигналит: «Имею повреждение».

— Ладно, пока он будет стоять у берега, мы будем отгонять от него японцев,— решил Борейко.

В это время со стороны Тигрового полуострова появился большой пароход. Было видно, что он в темноте попал не туда, куда надо, и вместо прохода очутился под Электрическим Утесом. Жуковский дал по пароходу залп всей батареей, после чего на нем вспыхнул пожар, и он, круто свернув к берегу, выскочил на камни саженях в двадцати от «Сильного».

Артиллеристы закричали «ура» и стали просить разрешения отправиться к брандеру. Жуковский разрешил.

Взяв винтовки, солдаты во главе с Борейко направились к горящему пароходу и уже через несколько минут осторожно взбирались на него.

Весь нос парохода был объят огнем, дымилось также на юте, пахло нефтью и горелой пенькой. Денисенко разыскал всего пару брезентовых ведер.

— Ни помп, ни шлангов, ни брандспойтов, ничего нет,— огорченно доложил он.— Дозвольте на «Сильном» справиться, может, они нам пособят.

— Вали, а пока мы тут попытаемся тушить хотя бы этими ведрами,— разрешил Борейко.

— Только бы, ваше благородие, не взорвало что-нибудь в нутре, от греха бы солдат увести на берег.

— Мы сейчас сами залезем внутрь и посмотрим, что там есть,— отозвались солдаты.

Артиллеристы рассыпались по всем закоулкам парохода. Борейко попытался пробраться на нос, где были установлены пушки, но пламя и дым мешали. Несколько ведер воды, вылитые на огонь, не смогли остановить распространение пожара.

— Придется обождать, пока подойдут матросы,— с сожалением проговорил Борейко.

Вскоре на палубе один за другим стали появляться из различных люков солдаты, отдуваясь от жары, дыма и копоти.

Родионов, побывавший в такелажной, притащил уйму канатов, блоков, кусков парусины, стальных тросов.

— В нашем хозяйстве сгодится, ваше благородие,— деловито доложил он, складывая имущество на палубе.

— Ну и жара внизу,— рассказывали солдаты,— дым, тесно, лестницы все крутые, того и гляди, свалишься.

В это время с «Сильного» явились матросы во главе с мичманом и начали устанавливать привезенные с собой помпы.

— У нас к вам просьба,— подошел мичман к Борейко,— нет ли на батарее доктора или фельдшера, а то наш фельдшер не справляется.

— Сейчас же пришлем к вам фельдшера с медикаментами. Родионов, пошли кого-нибудь за Мельниковым, пусть отправится на миноносец,— приказал Борейко.

Матросы приладили помпу и шаг за шагом стали сбивать огонь. Артиллеристы занялись переноской своих трофеев в лодку. На берегу они встретили фельдшера и Шурку Назаренко с бинтами, банками, склянками, спешивших к «Сильному».

У трапа их встретил вахтенный и проводил в кают-компанию, где была перевязочная.

— Никак, баба приехала! — сердито проговорил боцман.— Вовек теперь нам не сняться отсюдова!

— Не каркай, боцман! — прикрикнул вахтенный офицер.

— От бабы, вашбродь, всегда несчастье на корабле случается.

— Это сестра милосердия, а не баба.

— Все одно, вашбродь,— натура у ей бабская.

— Не разговаривай. Присмотри лучше, как в трюме работы идут.

— Есть, вашброды!

В кают-компании, где лежали раненые, Мельников и Назаренко приступили к перевязкам. Матросы с любопытством смотрели на девушку, недоумевая, как она могла сюда попасть.

— Ой, болит! — стонал молодой рыжеватый парень, раненный в живот.— Ой, пособите, братцы!

Мельников деловито осмотрел его и, наскоро перевязав, мрачно отошел в сторону.

— Морфий,— приказал он сестре.

Заголив раненому руку, девушка неумело ткнула в нее иглой.

— Ой,— дернулся раненый,— и так больно, а тут тебя еще иглой ширяют!

Вскоре он успокоился.

— Чем колоть нас перед смертью, сестрица,— проговорил другой матрос, раненный в грудь навылет,— ты бы приголубила нас напоследок.— Он попытался засмеяться.

— Заткни хайло, черт дохлый! — накинулся на матроса сосед.

Сестра продолжала свою работу.

— Рука у вас, сестрица, легкая. Наш фершал как возьмется, свету божьего не взвидишь, а вы чисто ангел ручкой прикасаетесь,— уверял кочегар.

— Не улещай, Микиткин! Сестрица для всех, а не для тебя одного.

— Эх, почему у нас на миноносце нет такой сестрицы. Воевать бы было веселее.

Артиллеристы с Утеса помогали матросам разгружать трюм. На руках осторожно опускали на шлюпки длинные сигарообразные мины, охапками, как поленья, таскали патроны для сорокасемимиллиметровых пушек; выгребали из бункеров уголь.

Моряки хотели выбросить его за борт, но солдаты запротестовали:

— Чем нам его из города возить, так мы лучше его к себе на берег свезем!

Из машинного отделения доносился стук молотков...

После смерти инженер-механика всем орудовал машинный старшина. Под его руководством, обнаженные по пояс, вымазанные в угле и масле, работали механики со слесарями-артиллеристами. Шла смена поврежденной части главной паровой трубы. Снимали изоляцию,

развинчивали фланцы и заменяли другими. Несмотря на открытые люки и вентиляторы, было так жарко, что то и дело кто-нибудь выскакивал наружу подышать чистым воздухом.

На рассвете миноносец был почти разгружен. На берегу чернела пирамида угля, тут же лежали сложенные в ряды патроны и мины.

Вскоре на море опять появились силуэты японских кораблей, донесся отдаленный звук выстрела, и невдалеке от «Сильного» взметнулся столб воды.

С миноносца было видно, как на батарее заворочались длинные, тонкие, чуть поблескивающие, вороненые дула пушек, направляя свои жерла в сторону неприятеля. Еще момент, и они со страшным грохотом выбросили пять огромных огненных столбов. От залпа на палубе «Сильного» все вздрогнули.

— Ишь как громко, черти, бьют, почище двенадцатидюймовок наших,— проворчал вылезший подышать чистым воздухом кочегар.

— Куда им супротив наших,— не согласился сигнальщик.

Как бы в ответ ему тотчас грохнул следующий залп, а за ним еще и еще.

— Как из пулемета бьют, черти! Смотри, да у японцев, никак, пожар на двух кораблях. Ай да молодцы! — восторженно проговорил артиллерийский унтер-офицер с перевязанной головой.

В ответ на стрельбу с Утеса японцы тоже дали несколько залпов по берегу, но снаряды раскинулись далеко во все стороны, не причинив никакого вреда.

На рейде загрохотали орудия выходящих из гавани броненосцев. Вскоре вся эскадра вытянулась вдоль Тигрового полуострова и открыла сосредоточенный огонь. Японцы поспешили уйти в море.

Как только Электрический Утес смолк, артиллеристы опять появились на берегу. От эскадры, начавшей втягиваться в проход, отделился катер под флагом командующего флотом и направился к «Сильному».

Вскоре адмирал в сопровождении Дукельского был уже на миноносце. Приняв рапорт старшего лейтенанта, Макаров поздоровался с бывшими на палубе матросами и поблагодарил их за службу. Затем он спустился вниз к раненым. Неожиданное появление начальства переполошило всех. Легко раненные вскочили и вытянулись. Тяжело раненные открывали глаза и оживлялись при виде знакомой фигуры Макарова. Шурка Назаренко за-

мерла на месте и с полуоткрытым ртом смотрела на адмирала. Макаров стал расспрашивать каждого раненого о самочувствии, о том, при каких обстоятельствах получено ранение. Матросы охотно отвечали и сами задавали вопросы о ночном бое.

— Проход-то все же японцам не удалось загородить? — допытывался обожженный кочегар.

— Не удалось. Зря только они пять пароходов потеряли. Да разве при таких молодцах, как вы, это может удаться японцам? — мягко проговорил адмирал.

Лица раненых просветлели.

— Так точно, ваше превосходительство,— прохрипел раненный в грудь матрос.— Супротив нас тонка кишка у японцев.

— С такими молодцами, как вы, мы непременно побьем японцев. Спасибо вам, братцы, за службу, спасибо за геройское поведение! — благодарил адмирал.

— Рады стараться! — растроганно отвечали раненые.

— Лейтенант Дукельский, запишите их фамилии. Награждаю вас всех крестами.

— Покорнейше благодарим,— радостно отвечали матросы.

Затем Макаров обернулся к продолжавшей восторженно смотреть на него Шурке Назаренко.

— Вы, сестрица, откуда? — спросил девушку адмирал.

— С Электрического Утеса.

— По нашей просьбе с Утеса прибыли к нам на помощь сестра и фельдшер,— поспешил доложить офицер.

— Как ваша фамилия? — осведомился Макаров.

— Назаренко.

Адмирал взглянул на Мельникова, который вытянулся во фронт.

— А твоя? — повернулся он к фельдшеру.

— Мельников, фельдшер седьмой роты Квантунской крепостной артиллерии.

— Они нас, можно сказать, выручили, ваше превосходительство,— вмешался фельдшер,— без них я бы не управился, а катер с «Отважного» подошел совсем недавно, взял раненых и ушел.

— От лица всех моряков позвольте вас поблагодарись, сестрица,— протянул руку Макаров.— Георгий Владимирович, запишите ее фамилию. Я награждаю вас, сестрица, Георгиевской медалью.

Шурка, красная, как пион, что-то невнятно пробормотала и смущенно подала руку адмиралу.

Адмирал поднялся на палубу и столкнулся с только что вылезшим из машинного отделения Звонаревым.

— Вы что здесь делаете, прапорщик? — удивился Макаров.

— Помогаю починять паровую машину, ваше превосходительство,— весело ответил Звонарев, вытирая паклей грязные руки.— Через час будет исправна.

— К этому времени должны также подойти портовые катеры и помочь «Сильному» сняться с мели. Я вижу, что весь Электрический Утес принял участие в спасении нашего миноносца.

— При случае моряки также придут нам на помощь,— ответил Звонарев.

— Само собой разумеется,— долг платежом красен,— произнес Макаров.

— «Силач» уже идет сюда,— показал вахтенный на быстро приближающийся портовый буксир.

Через несколько минут «Силач» завел перлинь на миноносец и приготовился тащить.

Матросы с миноносца с нетерпением смотрели на «Силача». Буксир свистнул, осторожно натянул трос и постепенно стал увеличивать число оборотов винта. На «Сильном» тоже машина заработала на полный ход. Вода вокруг вспенилась и порыжела от ила.

«Сильный» дернулся, заскрежетал железом по каменному дну и стал отходить от берега.

Громкое «ура» разнеслось по морю.

— Ваше превосходительство,— обратился к Макарову Дукельский,— сегодня в два часа дня в Порт-Артур прибывает поезд наместника, в котором должен приехать и великий князь Кирилл Владимирович.

Адмирал кисло поморщился: приезд Алексеева и великого князя не сулил ему ничего хорошего. Наместник был явно недоволен общим направлением его деятельности и особенно тем вниманием и заботой, которыми адмирал окружал рабочих порта. Боевые действия Макарова также не встречали одобрения. Почти ежедневные выходы эскадры в море, постоянные столкновения легких кораблей и миноносцев с японцами, по мнению Алексеева, излишне изматывали людей, не принося существенной пользы. Многочисленные жалобы сухопутного начальства на якобы имевшее место вмешательство Макарова в вопросы береговой обороны тоже играли

не последнюю роль в неблагожелательном отношении наместника к деятельности беспокойного командующего флотом.

Появление в Артуре великого князя Кирилла Владимировича в качестве начальника военно-морского отдела штаба командующего флотом не предвещало ничего хорошего.

Известный больше своими кутежами и пьянством, чем морскими походами, великий князь был для Макарова неизбежным злом, против которого он был бессилен бороться.

— Прикажите приготовить к часу дня мой катер, а также предупредите флаг-капитана, что он должен будет сопровождать меня на вокзал,— распорядился адмирал.— Вы уже послали командиру флотского экипажа распоряжение о высылке почетного караула для встречи наместника и великого князя?

— Так точно! Еще вчера. Почетный караул — полурота в пятьдесят рядов, при трех офицерах и оркестре музыки,— доложил Дукельский.

К двум часам дня на перроне плохонького порт-артурского вокзала собрались все начальствующие лица: Стессель со своим начальником штаба генералом Рознатовским и неизменным Никитиным, Макаров с Моласом и Дукельским, гражданский губернатор Квантунской области полковник Вершинин и делегация от порт-артурских жителей во главе с Николаем Ивановичем Тифонтаем.

На перроне выстроились почетные караулы от моряков и Двадцать пятого Восточносибирского стрелкового полка. Начальник жандармского управления ротмистр князь Микеладзе в полной парадной форме в последний раз обегал своих жандармов, оцепивших вокзал и привокзальную площадь.

В ожидании прихода поезда Макаров и Стессель перебрасывались отдельными фразами, явно тяготясь вынужденным разговором.

Наконец из-за поворота показался паровоз, и вскоре поезд в полтора десятка вагонов остановился перед перроном. В окне среднего вагона показалась представительная фигура наместника со стоящими рядом с ним великими князьями Кириллом и Борисом. Макаров двинулся к дверям вагона. Опережая его, туда же устремился Стессель со своей свитой. У ступенек вагона произошла заминка. Макаров вежливо уступил дорогу Стесселю, но за ним ринулась и вся свита генерала. Стессель

уже успел отдать рапорт наместнику и представиться князьям, когда наконец подошел Макаров, в свою очередь отрапортовавший о состоянии флота. Алексеев с обычной любезной улыбкой на лице здоровался со всеми. Великий князь Кирилл согласно уставу тут же представился адмиралу как прибывший к месту службы.

— Мне очень приятно, ваше высочество, видеть вас в числе своих сотрудников. Надеюсь, что вы в своей работе послужите примером для остальных офицеров эскадры,— твердо проговорил адмирал, в упор глядя на бегающие глаза великого князя.

— Не премину оправдать ваши надежды, ваше превосходительство! Со своей стороны я должен заверить вас в своем глубоком уважении и искренней радости служить под вашим начальством,— рассыпался князь в любезностях.

— Теперь можно и нам поздороваться! — подошел к Макарову вслед за князем высокий плечистый человек с окладистой бородой — художник Верещагин.

— Здравствуйте, дорогой Василий Васильевич! Очень рад вас видеть в Артуре! Не верил даже, что вы сюда когда-нибудь сможете добраться.

Они обнялись.

— Далеконько вы забрались, Степан Осипович, но я и дальше бывал! У вас здесь, судя по всему, страшная глушь.

— Что и говорить,— край света! Из России приходится ехать чуть не месяц! Решили запечатлеть на память потомству и наш Порт-Артур?

— Хочу сделать ряд набросков. В России пока что имеют довольно смутное представление о здешних местах. Если разрешите, буду состоять при вашем штабе.

— Сделайте одолжение, дорогой Василий Васильевич,— пожал руку художнику Макаров.

После обмена приветствиями все вышли из вагона. Наместник обошел почетные караулы и пропустил их мимо себя торжественным маршем, после чего сел с Макаровым и великим князем Кириллом Владимировичем в коляску и отправился на эскадру. Борис Владимирович, чернявый юноша в форме корнета гвардейского гусарского полка, отправился со Стесселем в объезд частей гарнизона.

Наместник побывал на всех кораблях эскадры.

Кириллу Владимировичу скоро надоела процедура парадных встреч, криков «ура» и довольно несвязных речей его дядюшки-наместника. Воспользовавшись тем, что

на «Петропавловске» Алексеев зашел в штаб эскадры, князь заглянул в офицерский буфет и тут застрял. Окруженный офицерами, он весело чокался с ними и выпивал за будущую совместную службу.

Дукельский, которому Макаров приказал в этот день состоять в распоряжении великого князя, также находился в компании Кирилла Владимировича.

— Вы-то уж, наверное, знаете наперечет все артурские кабаки,— обратился к нему князь.

— Не более, чем другие офицеры эскадры.

— Есть у вас хорошенькие девчонки, вроде японских гейш, например?

— У нас все очень бедно и скромно. Имеется три более или менее приличных ресторана — «Саратов», «Звездочка» и «Варьете». Девчонки, правда, есть недурные, но все больше еврейки. Японочки были весьма интересные, но с начала войны все уехали,— подробно сообщили князю офицеры.

— Ничего, на безрыбье и рак рыба. Погуляем и с этими. Я приглашаю вас всех, господа, сегодня на официальный обед,— объявил князь.— Не знаю только, где его можно будет устроить.

— Если на нем будут наместник и командующий флотом, то наиболее подходящее место для обеда — это морское собрание,— объяснил Дукельский.

— Вначале, конечно, будут они, но затем, верно, скоро испарятся, и мы сможем повеселиться на свободе.

— Адмирал намечал на утро выход всей эскадры в море,— заметил лейтенант.

— Ну, что же, времени до утра достаточно. Лейтенант Кубе,— обратился князь к своему флаг-офицеру,— разошлите сейчас же от моего имени приглашения к обеду, а затем свяжитесь с морским собранием, пусть там все приготовят.

— Есть, ваше императорское высочество! — вытянулся прилизанный лейтенант в форме гвардейского экипажа.

Когда наконец наместник спохватился и послал за великим князем, то тот оказался уже настолько навеселе, что его немедленно отпустили на «отдых».

Объехав эскадру, Алексеев довольно холодно поблагодарил Макарова за его работу и отбыл в город к себе во дворец.

Макаров же пригласил к себе Верещагина. Когда художник, умывшись с дороги, вошел в каюту адмирала, Макаров беседовал с Дукельским.

Узнав от лиц из свиты наместника, что Макарову предстоит очень неприятное объяснение с Алексеевым, лейтенант хотел было осторожно предупредить об этом адмирала, но Макаров сразу оборвал лейтенанта:

— Не желаю и слушать сплетни. Алексеев имеет полную возможность лично мне высказать свое недовольство, а прислушиваться к тому, что говорят исподтишка, я не собираюсь.

Дукельский поспешил уйти.

Вечером, когда схлынули текущие дела и можно было немного отдохнуть, Макаров пригласил к себе Верещагина.

— Наконец-то я могу с вами поговорить с глазу на глаз, что говорится, по душам. Но сначала лучше вы мне расскажите о том, что делается в Питере и стране, что видели по дороге. Мы тут мало что знаем обо всем происходящем в России, и то больше из иностранных газет, а там все освещается тенденциозно, в нарочито мрачных красках. Ведь, хотя мы и воюем с японцами, ни для кого не секрет, что за ними стоят их официальные союзники англичане и доброжелатели — американцы. Они снабжают Японию деньгами, оружием и даже инструкторами. По имеющимся сведениям, в настоящее время на кораблях адмирала Того находятся английские офицеры-инструкторы. Это является прямым нарушением нейтралитета Англии, но мы не смеем даже протестовать против этого, чтобы не ввязаться в открытый конфликт с Англией. Итак, я вас слушаю, дорогой Василий Васильевич,— проговорил Макаров, поглаживая свою бороду.

— Новости-то, Степан Осипович, все плохие! Народ не понимает, из-за чего началась война, где-то за тридевять земель от России. Воевать никто не хочет, запасные бунтуют, отказываются идти на призывные пункты, убегают из частей. По всей стране большое недовольство тем, что призывают запасных старших сроков службы, сорокалетних бородачей, которые совсем уже забыли и то немногое, что знали, никогда в руках не держали магазинной винтовки и незнакомы со скорострельной пушкой. На фабриках и заводах — забастовки протеста против войны. А в Питере, Москве и других больших городах настоящая вакханалия воровства и взяточничества. Воруют все, кто только может. Интенданты поставляют негодную обувь и обмундирование. Помещики сбывают казне втридорога негодное зерно и фураж. Все кабаки переполнены и днем и ночью, вино льется рекой, проститутки получают тысячи, и в то же время рабочие и крестьяне пухнут от

голода. По всему великому Сибирскому пути жуткая картина — толпы запасных, окруженные плачущими женами, детьми, родственниками. Сердце разрывается, глядя на них. В военном министерстве, и прежде всего Куропаткин, считают японцев совсем слабым противником, с которым легко будет справиться даже запасным.

— Одним словом, в стране полный развал по всем линиям. А этот дурак Плеве все еще ждет «небольшой победоносной войны» для подъема престижа правительства. Но если бы вы знали, какая это большая ошибка! Японцы — сильный, хорошо организованный противник, и победить его будет нелегко, особенно при тех порядках, о каких вы рассказываете, Василий Васильевич.

— Однако проигрыш войны окончательно подорвет авторитет правительства вместо его укрепления,— вставил Верещагин.

— Трудно говорить о победах, когда генералы, вроде Стесселя, стоят во главе крепости. Да и сам Куропаткин хорош: лично побывал в Японии и не сумел оценить японскую армию, как она того заслуживает.

— А как дела обстоят в Артуре, Степан Осипович? — поинтересовался Верещагин.

В ответ Макаров только махнул рукой.

— Конечно, много можно было бы сделать, но мне во всем ставят палки в колеса. Ни в ком из высшего начальства не вижу поддержки. Алексеев слушает всяких наушников. Стессель жалуется в Петербург Куропаткину, морской министр Авелин просто не отвечает на мои письма и телеграммы. Тут все еще находится в стадии формирования. В штабе наместника никак не могут решить, является ли Порт-Артур тылом Маньчжурской армии, расположенной на корейской границе, или, наоборот, Маньчжурия — тыл Квантунского полуострова. И то вывозят из Артура провиант и снаряды, то начинают их усиленно завозить. Хочу просить великого князя помочь мне справиться с этой неразберихой. Он ведь может сообщить обо всем непосредственно царю.

— Боюсь, что великий князь больше будет вам мешать, чем помогать. Для него путешествие в Артур является прежде всего увеселительной поездкой. Он всю дорогу сюда безобразно кутил.

— Надеюсь, что здесь он поведет себя скромнее,— с сомнением проговорил Макаров.

— Хорошо, если так!

Алексеев принял Макарова в своем огромном, роскошно убранном коврами кабинете, с подчеркнутой лю-

безностью попросил его быть как дома, велел подать вина и, приятно улыбаясь и подливая вино в бокал насупившегося Макарова, начал вежливый разговор о «небольших недоразумениях», несколько «омрачивших их старую дружбу».

— Смотрю я на вас, дорогой Степан Осипович, и искренне, от души завидую вам: такая кипучая энергия, такая подвижность в ваши пятьдесят шесть лет! Я всего на три года старше вас, а по сравнению со мной вы выглядите юношей! Что значит здоровая русская кровь! — подпустил он шпильку, намекая на происхождение Макарова.

— И тем не менее всей моей энергии и настойчивости едва хватает на то, чтобы доказать вам и Петербургу элементарнейшие истины, понятные любому моряку.

— На что изволите намекать, Степан Осипович? — прикинулся удивленным Алексеев.

— На многое! На отказ в издании моей книги...

— Она уже печатается. Я получил об этом телеграмму из Питера.

— На отношение к выставленным мною кандидатам на посты командиров «Севастополя» и «Новика»...

— Вы не совсем правильно толкуете морской устав, Степан Осипович. Назначение и смещение командиров судов первого ранга и флагманов происходит только по приказу главнокомандующего, а не командующего флотом.

— Согласно точному указанию устава, командующий флотом имеет право на производство таких перемещений.

— При отсутствии главнокомандующего, добавьте. В противном же случае эти функции переходят к нему.

— Не будем входить в юридические тонкости, ваше высокопревосходительство. Я своим приказом сместил одних и назначил других командиров. Отмена этого распоряжения ставит меня в совершенно невозможное положение, подрывая мой авторитет. Или мои назначения будут санкционированы, или я подам в отставку,— уже повысил голос Макаров.

— Отставка ваша принята не будет, а на будущее время я прошу вас такие назначения предварительно согласовывать со мной,— сухо ответил Алексеев.

— Значит, нынешние назначения принимаются?

— За исключением Иванова-четырнадцатого. По моим сведениям, он заболел тифом и долго проболеет. В военное время мы его ждать не можем. Поэтому вы

спишите его по болезни в экипаж, а на «Новик» мною назначается капитан второго ранга Шевцов,— несколько торопливо, боясь, что его речь будет прервана Макаровым, произнес Алексеев.

Макаров хмуро гладил бороду, что-то соображая. Наступило неприятное молчание. Алексеев, уже не скрывая неприязни, презрительно разглядывал своего собеседника. Его возмущало, что «этот хам и мужлан», из простой матросской семьи, осмеливается спорить с ним, отпрыском, пусть побочным, царской семьи.

«Возомнил о себе невесть что! Но жаль, что в Питере так боятся его длинного языка, иначе я давно его свернул бы в бараний рог»,— раздраженно думал Алексеев.

Макаров продолжал, насупившись, молчать.

— Я сместил начальника порта Артур, адмирала Греве,— сумрачно проговорил Макаров.

— Какие у вас к тому основания, адмирал? — уже сухим, официальным голосом спросил наместник.

— Ремонт подорванных кораблей идет недопустимо медленно...

— Благодаря вашему вмешательству в это дело: вы часто отдаете распоряжения, идущие вразрез с указаниями Греве и даже моими.

— Поскольку Греве подчинен мне, я вправе так поступать; что же касается вашего высокопревосходительства, то я сомневаюсь, чтобы вы из Мукдена могли распоряжаться порядком замены поврежденных броневых листов на «Цесаревиче» и «Ретвизане»,— насмешливо ответил Макаров.

— Что еще вы имеете против Греве?

— В Управлении портом хаос. Буксиры подаются с опозданием на час и более, работы по расширению доков, вопреки моему прямому приказу, самовольно прекращены. Недавно на виду всей эскадры затонул пароход «Европа», хотя я трижды сигналом приказывал принять самые срочные меры к его спасению. Мне таких начальников над портом не нужно.

— Все это слишком мелкие упущения. За них должны отвечать младшие служащие, а не адмирал.

— За совокупность всех этих неполадок полностью отвечает Греве, а не кто-либо другой.

— Он мне говорил, что вы его заставляете работать по целым суткам, это вредно отзывается на его здоровье.

— Артур не санаторий, а осажденная крепость, и заботиться о здоровье здесь довольно трудно!

— Я буду возражать против смещения Греве.

— Он сам меня просит освободить его.

— Вы принудили его к этому своими постоянными придирками по пустякам.

— Смею вас заверить, что, кроме нормальных, чисто служебных, я никогда к нему не предъявлял никаких требований.

— На каком основании вы передали крепости сто фугасных бомб с «Пересвета» и «Победы»? Это совершенно незаконно.

— Зато совершенно необходимо с боевой точки зрения. Батарея Электрического Утеса вполне сравнима с броненосцем: огонь ее пушек равняется огню любого из наших броненосцев.

— Положим, это не совсем так. Батарея никогда не сможет заменить броненосец,— уже спокойнее проговорил Алексеев.

— Я хотел бы знать мнение вашего высокопревосходительства о желательности и возможности поставить меня во главе всей обороны Квантуна. Поскольку Квантун занят нами прежде всего в целях получения морских портов для военного и коммерческого флотов, вполне понятно, что мы, моряки, больше всего и заинтересованы в сохранении, а следовательно, и обороне их.

— Я тоже считаю желательным ваше назначение на должность начальника обороны Квантуна. Боюсь только, что военный министр на это не согласится,— сказал наместник.

— Я наметил уже начальника штаба и начальника артиллерии обороны.

— Неужели Стессель согласился пойти к вам в начальники штаба? — удивился наместник.

— Он и не подозревает о моих планах. Я наметил в начальники штаба генерала Кондратенко, а генерала Белого — в начальники артиллерии.

Наместник хитренько улыбнулся себе в бороду. У него уже сложился план обуздания строптивого командующего флотом путем назначения в его штаб ряда своих людей, и прежде всего начальника штаба.

— Сейчас еще чересчур рано намечать даже приблизительно состав вашего сухопутного штаба, Степан Осипович. Но идея ваша мне очень понравилась, и я буду ее поддерживать в Питере.

Лицо Макарова просветлело, и он начал четко излагать свой план обороны Квантунского полуострова. Алексеев с любезной миной светского человека слушал его, временами вставляя короткие вопросы.

Уже стало темнеть, когда успокоенный внешней приветливостью Алексеева Макаров стал прощаться.

— Надеюсь, вы не в претензии на меня за некоторую резкость тона? — извинился наместник, пожимая руку Макарова.

Едва Макаров вышел, как Алексеев потребовал к себе своего флаг-офицера и продиктовал ему длинную телеграмму в Петербург, прося в самом срочном порядке изменить соответствующие статьи военно-морского устава в сторону возможно большего ограничения прав Макарова и прежде всего в отношении перемещения командного состава. «Мы все же наденем на тебя, голубчик, хорошую узду, будешь у нас ходить в шорах»,— мысленно ухмылялся Алексеев, потирая руки.

Радостно возбужденный удачным, по его мнению, докладом наместнику, Макаров поспешил поделиться своими мыслями с Верещагиным. Художник выслушал его с дружеской улыбкой, но все же недоверчиво покачал головой.

— Алексеев хитрая лиса! Мягко стелет, да жестко спать. Еще в Петербурге мне говорили, что ему даны специальные указания сдерживать ваши «бурные порывы».

— Но для него должны быть близки интересы нашего флота. Я уверен, что он меня поддержит в том, что касается моих мероприятий, направленных к поднятию боеспособности эскадры.

— Для него важнее всего личные, шкурные интересы. В Петербурге считают нужным держать все в определенных рамках. Алексеев из всех сил будет стараться выполнить это указание, хотя ваши действия ничего, кроме пользы, не принесут для нашего флота.

— Пока что я не выхожу за пределы предоставленных мне законом прав командующего флотом.

— Помяните мое слово, скоро они будут урезаны Петербургом по прямому наущению Алексеева.

— Пока этого нет, я сумею постоять за себя, и никаким Алексеевым не удастся ограничить меня по своему усмотрению!

Стук в дверь прервал этот разговор.

— Позвольте, ваше превосходительство, вручить вам приглашение на торжественный обед, который его императорское высочество великий князь Кирилл Владимирович дает сегодня в морском собрании по случаю своего приезда в Артур,— доложил Дукельский, вручая билет Макарову.

 Адмирал неодобрительно покачал головой.

— Не успел приехать и уже начинает устраивать обеды. Не время сейчас для всяких торжеств. Неприятель в любую минуту может атаковать нас, а мы тут пирушками заняты,— ворчал он.— Придется все же сегодня съездить туда для первого раза. Подтвердите еще раз мой приказ о завтрашнем выходе эскадры. Офицеры должны знать, что сегодняшний обед ничему не мешает.

— Есть, ваше превосходительство,— ответил лейтенант.

В семь часов вечера к морскому собранию стали съезжаться морские офицеры. Оба великие князя как хозяева встречали гостей в вестибюле. Точно к назначенному сроку прибыл Макаров в сопровождении Верещагина и Моласа, а за ними наместник с адмиралом Витгефтом, круглым розовым старичком с добродушной улыбкой на лице. В огромном зале были расставлены длинные столы. Как раз посередине, под портретом царя, заняли места великие князья, по обе стороны от них адмиралы и капитаны первого ранга, остальные офицеры уселись по чинам и рангам. На хорах разместились оркестры, а в соседних помещениях ожидали собранные со всех кораблей песельники. Обед удался на славу, так как проворный Кубе сумел быстро мобилизовать всех лучших поваров в Артуре и закупить чуть не все вино в магазинах.

Звуки музыки чередовались с песнями матросов.

— Люблю старинные обычаи, ваше превосходительство,— обратился Кирилл Владимирович к Макарову,— а особенно мне нравится стародворянский помещичий обычай подблюдных песен. Жить бы мне лет сто тому назад, при моем двоюродном прадеде, блаженной памяти Александре Благословенном! Завел бы себе крепостной оркестр, женский хор, гарем и жил бы турецким султаном, не таскаясь по всяким Порт-Артурам!

— Ваше императорское высочество никто не неволил ехать на Дальний Восток.

— Папаша весьма настойчиво советовал нам с братом на время уехать из Питера: по его мнению, мы больно весело проводили там время. Вот мы и сочли за благо на некоторое, надеюсь непродолжительное, время проехаться в Артур.

— Все же я уверен, что вы не будете пренебрегать здесь своими служебными обязанностями и не забудете о том, что завтра утром эскадра выходит в море.

— Надеюсь, вы подождете меня, если я немного запоздаю.

— Эскадра тратит на свой выход в море до трех часов, так что вы всегда успеете попасть на корабль. Я буду на «Новике» или на «Аскольде».

— А не опасно выходить в море на легком крейсере?

— Ваше высочество может находиться на любом из броненосцев или при штабе на «Петропавловске».

После второго блюда начались тосты. Настроение быстро повышалось. Лица раскраснелись, разговоры становились все громче, кое-кого уже под руки выводили из-за стола. Подвыпившие князья называли наместника просто дядей, на что последний, польщенный родственным к нему отношением, только грозил пальцем.

— Я беру на себя расходы по сегодняшнему обеду,— расчувствовался Алексеев,— не каждый же день ко мне приезжают мои шаловливые племянники.

— За здоровье его высокопревосходительства, наместника на Дальнем Востоке и моего дядюшку, артурского гения — Алексеева Евгения, ура! — заорал во всю глотку обрадованный князь.

Макаров вскоре поднялся.

— Пусть еще молодежь без нас повеселится, а нам, старикам, пора на покой,— присоединился к нему наместник.

Под громовое «ура» адмиралы и Верещагин спустились в вестибюль и сели в коляску, а за ними вскоре последовали капитаны всех рангов, и в собрании остались лишь лейтенанты и мичманы.

— Убрались наконец старые песочники,— громко проговорил князь,— я боялся, что они, чего доброго, до утра сидеть будут и не дадут нам погулять как следует. Господа,— обратился он к офицерам,— нельзя ли будет сюда девочек доставить?!

— По положению о морских собраниях не полагается...— начал было один из офицеров.

— Ну вас к черту с вашими положениями,— оборвал его князь.— Кубе, захвати с собой кого-нибудь да раздобудь нам десятка два бабочек; смотри выбирай!

Несколько офицеров вызвались сопровождать Кубе, и через полчаса весь цвет порт-артурского полусвета оказался в морском собрании.

На рассвете эскадра начала вытягиваться на внешний рейд. Макаров, бывший на «Аскольде», нетерпеливо поглядывал на часы, поджидая появления великого князя, без которого он считал сегодня неудобным выходить в

 море. Прошло почти три часа, уже все корабли вышли

на внешний рейд и вытянулись в кильватерной колонне вдоль Тигровки, а князя все еще не было.

— Я больше не могу ожидать его высочество,— раздраженно проговорил Макаров, обращаясь к Дукельскому.— Это в конце концов просто невежливо по отношению ко мне, да и ко всей эскадре.

— Семеро одного не ждут, ваше превосходительство, хотя бы он был и великим князем,— поддакнул Дукельский.— Очевидно, князь еще изволит почивать.

— Разрешите доложить,— вмешался в разговор командир «Аскольда» Грамматчиков,— я также недосчитываюсь трех офицеров, оставшихся вчера с князем.

— Арестуйте их на трое суток и предупредите, что в случае повторения буду таких офицеров списывать в экипаж,— распорядился адмирал.

— То же самое и на «Диане» и на «Новике»,— продолжал Грамматчиков,— очевидно, князь своей властью задержал офицеров на берегу.

— Выясните этот вопрос по возвращении в Артур,— приказал Дукельскому Макаров.— Поднять сигнал: «Следовать за мной». Возьмите курс к островам Керр, посмотрим, нет ли там японцев,— отдал адмирал распоряжение Грамматчикову.

Часов в пять вечера, когда эскадра вернулась в Артур, на «Петропавловск» прибыл великий князь. Он еще не вполне пришел в себя после попойки и был несколько смущен опозданием. Узнав, что адмирал на «Аскольде», князь отправился туда. Подходя к каюте адмирала, Кирилл Владимирович нервничал, то и дело приглаживая волосы на начинающей лысеть голове. Он постучал в дверь адмиральской каюты.

— Разрешите войти, ваше превосходительство.

— Прошу. Рад вас видеть, хотя и с большим опозданием,— приветствовал его Макаров.

— Мы немного увлеклись, а затем я так устал с дороги, что разрешил себе небольшой отдых. Надеюсь, вы на меня не в претензии.

— Я хотел бы знать, ваше высочество, разрешили ли вы и другим офицерам опоздать на эскадру?

— Право, не помню. Была какая-то кутерьма. Возможно, что ко мне обращались с просьбой, и я взял на себя доложить об этом вам.

— Мне крайне прискорбно, ваше высочество, что в первый же день вашей службы в моем штабе приходится говорить об этом. Но все же я должен предупредить, что я не считаю вас вправе отменять мои приказания.

Вы сами, ваше высочество, если найдете нужным, можете в любое время находиться, где вам заблагорассудится, но для всех остальных офицеров выполнение моих приказов строго обязательно. Я приказал арестовать на трое суток всех опоздавших сегодня к выходу эскадры.

— Мне кажется, вы слишком суровы, ваше превосходительство, тем более что косвенной виной всего этого являюсь я. Прошу вас на этот раз не накладывать на них взысканий.

— Если ваше высочество поручится мне, что впредь этого больше не будет, я отменю приказание.

— Заверяю вас своим честным словом, что во все время моего пребывания здесь это больше не повторится,— пылко проговорил князь.

— Черт бы побрал этого старого бардадыма! — выругался он, выйдя из адмиральской каюты.— Сегодня ведь назначен в гарнизонном собрании ужин со всем сухопутным начальством. Приготовишь мне через час парадный мундир! — приказал он своему лакею.— Я съеду на берег.

Следующий день оказался днем рождения сестры великого князя Елены Владимировны, потом подошли именины августейшей бабушки герцогини Саксен-Кобург-Готской, затем еще кого-то, и вскоре Макаров убедился, что главной причиной приезда князя в Артур была возможность предаваться здесь кутежам без всяких стеснений. О какой бы то ни было службе он не хотел и слышать.

Вызванный Макаровым для объяснения, князь заносчиво ответил, что он достаточно взрослый, чтобы давать кому бы то ни было отчет о своих действиях, и просил адмирала впредь его по пустякам не беспокоить. После этого адмирал стал относиться к великому князю, как к гостю на эскадре, и никаких служебных поручений ему не давал. Но великий князь продолжал разворачиваться, вовлекая все больше офицеров в кутежи. Ежедневно десятками рассылались именные приглашения на очередной семейный праздник у великого князя, и под этим предлогом офицеры съезжали на берег.

Первым запротестовал против этого Эссен. Явившись к Макарову, он предъявил адмиралу одну из пригласительных записок князя.

— Ваше превосходительство, прошу вас мне разъяснить, имею ли я право по ней отпускать офицеров на берег сверх установленной вами нормы? — обратился он к адмиралу.

 — Поскольку это приглашение не согласовано со

мной и носит строго личный характер, то, конечно, с ним считаться нечего. Если данный офицер имеет право ехать в этот день на берег, то он может воспользоваться этим приглашением. Так я вас прошу и расценивать эти записки князя,— разъяснил Макаров.

Вскоре с тем же вопросом обратился Грамматчиков и кое-кто из командиров миноносцев. Командиры же прочих кораблей побоялись возбуждать столь щекотливый вопрос перед командующим флотом.

Эссен и Грамматчиков немедленно же были вызваны к Кириллу Владимировичу. Надев парадную форму, оба командира не замедлили явиться на «Петропавловск», где находился великий князь. Кирилл Владимирович принял их, сидя за письменным столом. Не поздоровавшись и не предложив сесть, он сразу обрушился:

— Как по-вашему, приглашение ко мне является приказанием или нет? — задал он вопрос.

— Смотря какой характер оно носит — служебный или частный,— ответил Эссен.

— Зарубите себе на носу, капитан, что всегда, везде и всюду моя просьба или приглашение является приказанием, выраженным в вежливой форме. Раз это так, то вы не имеете никакого права задерживать приглашенных мною офицеров.

— В таком случае ваши приказания идут вразрез с распоряжением командующего флотом, ваше высочество,— с достоинством возразил Грамматчиков.

— Мне, как лицу императорской фамилии, адмирал не указ. Вас же я сумею заставить выполнять мои приказания беспрекословно. Этакое безобразие! Этакая распущенность! Не сметь больше задерживать приглашенных мною офицеров, иначе я с вами расправлюсь так, что вы долго меня помнить будете. Ступайте! — неистово кричал великий князь.

Выйдя от Кирилла Владимировича, Эссен и Грамматчиков направились к Макарову и доложили ему о происшедшем.

— Я так служить не могу, ваше превосходительство,— волновался Эссен.— Прошу списать меня в экипаж.

— Согласитесь, Николай Оттович, что выходка князя больше задевает меня, чем вас,— успокаивал его адмирал.— Оказывается, не я, а великий князь командует флотом. Сегодня же буду говорить об этом с ним и с Алексеевым.

— Меня за всю мою жизнь никто так не оскорблял. Если князь не извинится передо мной, я немедленно по-

даю рапорт об отставке,— сумрачно заявил Грамматчиков.

— Прошу вас, господа, успокоиться и обдумать свои дальнейшие шаги. Я буду настаивать, чтобы князь сегодня же перед вами извинился,— обратился Макаров к офицерам.

Те откланялись и вышли.

— Попросите ко мне великого князя,— приказал Макаров Дукельскому.

— В чем дело, адмирал? — спросил Кирилл Владимирович, входя в каюту.

— Вашу выходку по отношению Эссена и Грамматчикова я считаю безобразной и предлагаю вам извиниться перед ними,— отчеканил Макаров.

— Они получили должное. Я, со своей стороны, считаю безобразием неисполнение ими моих приказаний.

— Они вам не подчинены: пока что командую флотом я, а не вы.

— Дело идет не о командовании флотом, а о недопустимо пренебрежительном отношении к моим приглашениям со стороны Эссена и Грамматчикова.

— Они поступили, согласуясь с моими приказами.

— Значит, надо ваши приказы или отменить вовсе, или изменить соответствующим образом.

— С вами в спор я вступать не собираюсь, но настаиваю на вашем извинении перед оскорбленными офицерами.

— А я не собираюсь извиняться и считаю, что этот вопрос исчерпан.

— Тогда я буду просить ваше императорское высочество подать рапорт об увольнении из моего штаба.

— Навряд ли я удовлетворю вашу просьбу.

— Такой начальник морского отдела, как вы, мне не нужен,— уже повысил голос Макаров.— Я сегодня же об этом телеграфирую наместнику и государю императору.

— Напрасно вы так близко принимаете к сердцу такие пустяки, Степан Осипович,— переменил тон князь, испугавшись широкой огласки инцидента.— Если вы настаиваете, то, исключительно из уважения к вам, я готов написать им пару примирительных слов. Большего, я надеюсь, вы и не будете требовать от члена императорской фамилии.

— Вот перо и чернила,— показал на стол адмирал.— Прошу вас тут же написать извинительные письма.

— Однако, адмирал, хватка у вас, я вижу, мерт-

вая,— опять начал раздражаться князь,— но раз я обещал написать, то свое слово сдержу. Готово,— протянул он Макарову две коротенькие записки.— «Прошу на меня не обижаться» — этого вполне для них достаточно.

Макаров не стал спорить и отпустил князя.

Вызвав Дукельского, адмирал приказал отправить записки князя. После этого он стал диктовать флаг-офицеру длинную телеграмму наместнику, прося немедленно убрать из Артура обоих великих князей.

— Телеграмму зашифруйте и срочно отправьте,— распорядился адмирал.

Наутро был получен ответ от Алексеева, в котором он обещал «пожурить» великого князя и советовал Макарову «не обижать самолюбивого юношу». Макаров понял, что ни у наместника, ни в Питере он поддержки не встретит. Однако он не оставлял надежды так или иначе воздействовать на великого князя. Вызвав к себе Верещагина, он спросил, скоро ли тот собирается вернуться в Петербург.

— Разве я надоел вам в Артуре, Степан Осипович? — улыбнулся художник.

— Не в этом дело, дорогой друг. Мне нужно отправить личное письмо государю. Я хотел просить вас передать его из рук в руки. Иначе оно никогда не дойдет до него.

— Если и дойдет, то едва ли даст ожидаемый вами результат. Государь молод, неопытен и находится полностью под влиянием придворной камарильи, к которой принадлежит и Кирилл Владимирович. Ворон ворону, как известно, глаз не выклюет!

— Вы лично расскажете, к чему ведет поведение князя. Если его не уберут отсюда, я принужден буду сложить с себя командование.

— Не разрешат, Степан Осипович!

— Тогда я не остановлюсь перед высылкой князя из Артура. Пусть меня потом разжалуют хоть в матросы!

— Да, положение у вас, Степан Осипович, очень трудное. Если хотите, я завтра же выеду в Питер,— подумав, согласился Верещагин.

— Подождем с неделю еще, авось этому балбесу надоест безобразничать в Артуре, и он сам уедет отсюда.

— Всю жизнь он занят только кутежами, и на это рассчитывать трудно. Вот если бы Того устроил новую бомбардировку, мигом бы его высочество улетучился отсюда. Великокняжеские нервы мало приспособлены к сильным ощущениям,— усмехнулся Верещагин.

Макаров расхохотался.

— Остается только просить адмирала Того об этой дружеской услуге!

— Он прекрасно понимает, что великий князь является его союзником в общей борьбе против вас. Поверьте, пока Кирилл в Артуре, ни одной крупной операции против крепости японцами не будет предпринято.

В начале пасхальной недели на флагманском корабле состоялась торжественная раздача Георгиевских крестов отличившимся в боях матросам. Со всех судов эскадры к «Петропавловску» направлялись шлюпки, на которых находились избранные самими матросами храбрейшие из храбрых, удостаиваемые высшей воинской награды. Тут были и солидные боцманы, боцманматы с традиционной серьгой в ухе и густо нафабренными усами, и совсем еще юные, безусые матросики, всего несколько месяцев пробывшие на кораблях. На всех лицах застыло выражение торжественной строгости и застенчивости. Они тщательно оправляли одежду и бескозырки, стараясь придать себе возможно более лихой и гордый вид. Шлюпки подходили к парадному трапу. Матросы быстро поднимались на палубу и по кораблям выстраивались на шканцах броненосца.

Когда все собрались, к награждаемым подошел Макаров. Желая особенно подчеркнуть торжественность происходящего, адмирал был в полной парадной форме. Его сопровождал великий князь Кирилл Владимирович и все адмиралы эскадры, тоже в парадной форме. Макаров поздоровался с матросами и вместе со своей свитой неторопливо прошел по фронту. Некоторых он спрашивал, за что представлен к награде, давно ли состоит на службе, где служил раньше...

Матросы отвечали громко, без смущения.

— На молитву, шапки долой! — скомандовал старший офицер.

Начался молебен. Матросы, истово крестясь, щурились под яркими лучами весеннего солнца, брызнувшего из-за туч. Адмирал прикрывал рукою лысеющую голову от дуновения свежего морского ветра. Хорошо слаженный хор певчих старался вовсю. После возглашения многолетия царствующему дому, «болярину Степану» и «всем православным воинам» священник окропил святой водой матросов.

Раздалась команда: «Накройсь!»

Макаров обратился к награждаемым с речью:

— По единодушному выбору ваших товарищей вы признаны достойнейшими самой высокой военной награды. Получив Георгиевский крест, вы явитесь гордостью той части, в которой вы служите. Помните же высокое значение Георгиевского креста, которым вы сегодня награждаетесь, и проявляйте себя достойными этой награды,— прочувствованным тоном произнес адмирал.

Затем он приступил к раздаче наград. Дукельский вызывал по наградному списку награждаемых. Они поодиночке подходили к адмиралу. Каждого из них в отдельности командующий флотом поздравлял, расспрашивал о службе, желал дальнейшей удачи в боях. Затем великий князь, с трудом подавляя зевоту после вчерашнего кутежа, прицеплял награжденному крест.

— Как стоишь, болван! Грудь вперед, голову выше!— вполголоса покрикивал он при этом на матросов.

Поодаль расположился Верещагин с альбомом, быстро делая наброски матросов; из-под его карандаша выходили радостно возбужденные лица матросов, отвечающих Макарову, и угрюмые, хмурые, иногда испуганные,— стоявших перед великим князем. Художник двумя-тремя штрихами давал целую гамму настроений.

Когда раздача крестов закончилась, матросы вновь выстроились.

— В честь новых георгиевских кавалеров, ура! — провозгласил Макаров, вытягиваясь и прикладывая руку в белой перчатке к треуголке.

Музыка заиграла туш, а с судов эскадры грянул салют. Эскадра чествовала своих героев.

Лица награжденных просветлели. Они с горячей любовью смотрели на своего любимого дедушку-адмирала.

Едва смолкли крики, как из строя матросов раздался взволнованный, срывающийся голос:

— Нашему любимому адмиралу, нашему «дедушке», ура!

Над тихим артурским рейдом понеслись громовые раскаты русского боевого клича. Макаров, высокий, широкоплечий, с развевающейся по ветру бородой, стоял навытяжку перед матросами, которых он не раз водил в бой под своим адмиральским флагом. Лицо его светилось любовью. Он с гордостью глядел на матросов.

Долго не умолкали крики. Когда наконец адмирал махнул рукой, они постепенно, как бы нехотя, стали смолкать.

— Спасибо, братцы! — задушевно проговорил Макаров.

— Рады стараться! — гаркнули матросы. И снова понеслось по рейду «ура», перекинулось на стоящие рядом суда, на пристань, в портовые мастерские...

— Это какой-то массовый психоз! — недоуменно бурчал князь Ухтомский, прислушиваясь к разносящимся по рейду крикам.— Матросы совсем сошли с ума от радости при виде Макарова.

— Это, ваше сиятельство, тот стихийный рев, которым суворовские чудо-богатыри приветствовали своего батюшку Александра Васильевича,— ответил Дукельский.

Тридцатого марта 1904 года, около полудня, на миноносце «Страшный» был получен секретный пакет из штаба флота. Командир миноносца капитан второго ранга Юрасовский недовольно поморщился, заранее предчувствуя неприятности.

— Не дадут и пасху как следует отпраздновать! Опять куда-нибудь пошлют на ночь глядя,— сердито проворчал он и вскрыл пакет.— Так и есть! «С темнотой вместе с отрядом миноносцев идти на поиски к островам Саншантоу».— Он постучал кулаком в стену своей каюты. На стук явился инженер-механик миноносца Дмитриев. Он был чисто выбрит, в новом сюртуке, раздушен.

— Что случилось, мой друже и капитане? — шутливо спросил он.— Опять штаб строит какие-либо каверзы нашему «Страшному»?

— Получен приказ — сегодня в ночь идти к островам Саншантоу в отряде Елисеева. Как у тебя дела по машинной части?

— Вот тебе и раз! А я только что собрался съехать на берег да «провернуть» там хорошенько! Ведь я же все праздники просидел за переборкой машин,— разочарованно проговорил Дмитриев.

— У тебя все в порядке? — повторил Юрасовский.

— Машины в исправности, полный запас угля, пресной воды до Чифу хватит,— доложил механик.

— Машинная команда налицо?

— Только вахтенные, остальные с утра на берегу. Я их сегодня отпустил до спуска флага: они ведь все праздники работали.

— Надо сейчас же за ними послать.

— Где их, чертей, теперь сыщешь? Разбрелись по кабакам. К вечеру явятся, а раньше едва ли их соберешь.

— Позови ко мне боцмана, а сам подумай, как выловить из города твоих духов.

— А мне нельзя будет хотя бы до вечера съехать на берег? — нерешительно спросил Дмитриев.

— Пожалуй, можно! Выйдем мы около девяти вечера. Только с условием: разыскать на берегу Малеева и Акинфиева и предупредить их о предстоящем выходе в море.

— Есть, есть,— обрадовался механик.— Со дна морского достану их, обойду все злачные места, но найду.

— Сам только нигде не застрянь. Они, вероятно, или на «Этажерке» девчонок тралят, или вахту несут у Ривы. Андрюша наш что-то о ней часто поговаривает, как бы он не сел там на банку.

— Зайду и туда! Но насчет Ривы напрасно беспокоишься: она зафрахтована Дукельским, и он едва ли кого к ней подпустит. Итак, спешу! — Дмитриев скрылся.

Съехав на берег, он прежде всего направился на «Этажерку». День был теплый, слегка пасмурный, с моря шел легкий туман. Все дорожки бульвара были запружены гуляющими. Гремела музыка. Порт-артурцы спешили на берег подышать чистым морским воздухом.

Обойдя все закоулки бульвара, Дмитриев не нашел ни Малеева, ни Акинфиева. Миновав длинную, почти в версту, дамбу, соединяющую Старый и Новый город, Дмитриев направился к высокому двухэтажному зданию ресторана «Варьете». Уже издали были слышны доносившиеся оттуда нестройные звуки музыки, пение, пьяные выкрики.

Дмитриев, ошеломленный этой картиной, стоял, озираясь вокруг. Ни Малеева, ни Акинфиева тут не было видно, и он стал пробираться к выходу.

— Кто это у вас тут так безобразничает? — спросил он встретившегося ему хозяина ресторана, толстого грузина Нокабидзе. Тот удивленно вскинул на Дмитриева глаза.

— Великий князь Кирилл Владимирович. Он со своим братом Борисом уже трое суток так забавляется.

— Хороша забава! Дикари-папуасы и то приличнее себя ведут.

— Шш! Потише, а то на неприятность можно нарваться. Мы еще такого в Артуре не видели. Проститутки по десять тысяч в день зарабатывают...— словоохотливо сообщил Нокабидзе.

Дмитриев спросил о Малееве и Акинфиеве.

— Не видел, не было их здесь.

Механик вышел на улицу. После ресторанного шума, гама и духоты приятно было дышать свежим морским воздухом. Инженер дошел до небольшого одноэтажного

домика. Окна были завешены гардинами. Поднявшись на низенькое крылечко, Дмитриев позвонил.

Куинсан, в белом кружевном чепце и в фартуке, открыла дверь и, низко приседая и кланяясь, спросила, что ему нужно. Механик справился о своих друзьях.

— Моя не знай, кто они,— ответила Куинсан.

На разговор вышла Рива. В розовом шелковом платье, красиво облегающем ее стройную, гибкую фигуру, с ярким цветком в темных волосах, она показалась Дмитриеву необыкновенно красивой. Он вежливо раскланялся и повторил свой вопрос.

— Да, они у нас! Зайдите, пожалуйста! — пригласила Рива.— Андрюша! Тут по вашу душу пришли,— крикнула она в комнаты.

Акинфиев, оживленный и раскрасневшийся, с заткнутой за воротник салфеткой, вышел в переднюю.

— Павлуша! — радостно приветствовал он Дмитриева.— Заходи, гостем будешь!

— Сегодня в ночь выход в море, и Юрасач требует вас обоих на корабль.

— До вечера еще достаточно времени. Успеем по чарке выпить. Раздевайся! Компания вся тебе известная: Дукельский, Сойманов да наши друзья артиллеристы — Борейко с Звонаревым.

Нам каждый гость дарован богом,
Какой бы ни был он земли,
Хотя бы в рубище убогом,
Алла-верды, Алла-верды! —

встретили песней появление Дмитриева в столовой. Борейко уже двигался к нему навстречу, держа в руках позолоченный поднос с большим серебряным кубком, украшенным китайской живописью.

Выпив чарку-другую, Дмитриев слегка опьянел.

— Господа артиллеристы! Сегодня наши миноносцы выходят на ночь в море. Просьба не обстрелять нас, как это было в феврале. При вашем искусстве в стрельбе, чего доброго, придется нам где-нибудь около Электрического Утеса пузыри пускать,— проговорил он.

— Теперь вам эта опасность не грозит,— ответил Борейко.— У нас на батарее для связи с флотом есть ваш сигнальщик со «Страшного».

Звонок в передней возвестил о чьем-то приходе. Через минуту появилась с пакетом в руках Куинсан.

— До лейтенанта Дукеля матроса пришла,— объявила она, улыбаясь, и подала Дукельскому пакет.

 Он разорвал пакет и, вынув бумагу, прочитал:

— «Ввиду предстоящего на рассвете выхода эскадры в море прошу вас срочно вернуться на корабль. Адмирал *Молас*». Так-с! Значит, надо собираться,— резюмировал лейтенант.— Катер за мной прислали? — спросил он у матроса.

— Так точно, у пристани ожидает.

— Ладно! Пройди на кухню. Там промочишь глотку. Только на служанку особенно не засматривайся!

— Есть, ваше благородие, промочить глотку и на китайку не смотреть! — ответил матрос и прошел за Куинсан на кухню.

На набережную все пошли вместе с Ривой. Артиллеристы хотели было двинуться к себе пешком, но Малеев предложил подвезти их до пристани Артиллерийского городка. Артур затягивала пелена вечерних теней, но в быстро наступающей темноте нигде не загоралось ни одного огонька. Бомбардировки с моря приучили город скрываться во тьме. Эскадра, готовая к выходу, черными силуэтами виднелась у входа в гавань. Небо над морем заволакивалось низкими дождевыми тучами.

— Приятная вам предстоит прогулка! — проговорил Звонарев, обращаясь к морякам.

— Чудесная погода! В такую ночь можно подойти вплотную к врагу, и то не видно будет,— ответил Малеев.

— Для разведки ничего лучшего быть не может!

— Только не сядьте на банку у Саншантоу или не протараньте в темноте друг друга,— предостерегал Дукельский.— Острова сволочные — масса мелких, узких проходов, много бурунов.

— Жорж! Давай пригласим завтра всех на обед,— предложила Рива.

— Отличная идея! После морской прогулки приятно будет хорошо пообедать! Милости прошу всех завтра к двум часам к нам! — поддержал Дукельский.

— Ох, мы сможем только к вечеру! — вздохнул Борейко.

— Да когда хотите,— вмешалась Рива.— Со «Страшного», как только отдадите якорь, жду прямо ко мне, во главе с вашим Юрасачем.

— Будем, будем, не забудем! — шутил в ответ Андрюша.— Наш Юрасач любит грибки в сметане и салат «оливье». Приготовьте, и навсегда завоюете его сердце!

На набережной стояли у пристани рядом две шлюпки: с «Петропавловска» и «Страшного». Рива долго прощалась с Дукельским.

Шлюпки одновременно отошли от пристани.

Пока Рива провожала гостей, Куинсан успела сбегать неподалеку и о чем-то переговорить со старым нищим, часто заходившим к ней на кухню. Обменявшись с ним несколькими короткими фразами, она поспешила домой, а тот, охая и кряхтя, расслабленной старческой походкой побрел по направлению к Чайной долине. За городом на темной дороге походка его неожиданно приобрела молодую легкость и упругость. Нищий легко перескочил через придорожную канаву и быстро зашагал по направлению к Ляотешаню, прекрасно разбираясь в знакомой местности. Обойдя одну из расположенных здесь батарей, на которой никого не было видно, он нырнул в узенькое ущелье и, пройдя с полверсты, оказался у обрывистого берега моря. Узкая, глубокая расселина густо заросла кустарником. Старик вошел в заросли и вскоре появился оттуда с маленьким ручным фонарем, свет которого чуть мерцал в темноте. Усевшись под кустами, он осторожно выставил фонарь и стал вглядываться в покрытое уже мраком ночи темное море. Через несколько мгновений далеко на горизонте несколько раз вспыхнул и погас ответный сигнал. Тогда старик стал то закрывать свет, то открывать его на короткое время. Покончив с этим, он подождал ответного огонька с моря и затем, спрятав фонарь, крадучись пошел обратно.

Адмирал Того своевременно узнал о выходе и направлении русских миноносцев, а также о предстоящем утреннем выходе в море всей эскадры. Из района островов Саншантоу были удалены все японские суда, а эскадра легких крейсеров и миноносцев получила приказ ожидать на подступах к Артуру возвращения русских миноносцев с моря.

Перед выходом в море Юрасовский вызвал наверх всю команду и подробно объяснил матросам, куда и зачем идет миноносец.

— Задача трудная и сложная: мы должны быть ежеминутно готовы атаковать неприятеля. Орудия и минные аппараты должны быть заряжены. На мостике — все внимание на море, чтобы не протаранить впереди идущий миноносец, не оторваться от него, а около островов не налететь на буруны,— закончил свою речь Юрасовский и отпустил матросов вниз.

— Зачем матросам знать все эти подробности? — недоумевал Акинфиев.

 — Всякий матрос должен понимать маневр. Это еще

много лет назад говорил Суворов, а вы, Андрюша, и сейчас не понимаете этого. Матросы должны выполнить боевую задачу, даже если весь командный состав выйдет из строя, для этого они должны знать, куда и зачем их посылают,— пояснил мичману Юрасовский.

Вскоре восемь миноносцев с потушенными огнями один за другим стали выходить из порта и легли на курс к островам Саншантоу. «Страшный» шел концевым. Когда он миновал проход и вышел на внешний рейд, Акинфиев оглянулся на берег. В ночной темноте можно было различить лишь прожектора на дежурном крейсере да на Электрическом Утесе. Андрюша вспомнил о Звонареве, который как раз должен был дежурить на батарее. В это время с берега засигналили огнями.

— С Электрического Утеса желают доброго пути,— доложил дежурный сигнальщик Серегин,— должно, наш Денисенко старается. Прикажете ответить, ваше благородие?

— Нет! Мы идем секретно, японцы не должны ничего знать о нашем выходе в море.

— Да какой уж тут, ваше благородие, секрет? Днем по всем кабакам матросов с миноносцев собирали, потому, говорят, что ночью в разведку идем. Шпионов же в Артуре — тьма, у них, сказывают, шпионы есть даже во всех штабах и на кораблях.

— Тем более не надо показывать японцам, что мы уже вышли в море. Пусть ищут нас в этой темноте.

— Это правда! Ничего не видать сейчас в море. Разве только факелы из труб на большом ходу будут видны.

Вскоре начался дождь. При полном безветрии он был прямой, тихий и ровный. Водяные струи со всех сторон окружили миноносец, образуя вокруг него завесу. На море была мертвая зыбь. Андрюше казалось, что весь мир погружен в темноту, в которой стоит неподвижно «Страшный». Тусклый свет от картушки компаса слабо освещал часть мостика и застывшую у штурвала фигуру рулевого.

Юрасовский при этом слабом свете рассматривал карту, на которой был проложен курс «Страшного».

— Курс норд-ост сорок градусов! До островов шестьдесят миль, то есть четыре часа экономического хода по пятнадцати узлов. Обойдем острова вокруг и вернемся назад, надо думать, часов в шесть, половине седьмого будем в Артуре. Пока держите «Страшный» на курсе да внимательнее наблюдайте за морем. Я спущусь выпить стакан чаю,— распорядился командир, уходя вниз.

Андрюша зашагал по мостику. Время тянулось мед-

ленно. Дождь упрямо продолжал идти. Капли дождя попадали за воротник, несмотря на поднятый капюшон непромокайки. Акинфиев прошел на бак, где около носового орудия расположились вахтенные. Они следили за чуть проступавшим в темноте корпусом идущего впереди миноносца.

— Внимательно смотреть вперед! — предупредил мичман.

— Есть! Внимательно смотреть вперед! — отозвались матросы.

— Уж больно темно, ваше благородие, прямо как у арапа в брюхе,— словоохотливо ответил сигнальщик Серегин.— Только и видать малость искры, когда шуруют в топках. Хоть в прятки с япошкой играй — кто кого раньше найдет.

Акинфиев осмотрелся вокруг и отошел от матросов. Те продолжали разговор.

— Сказывали, замирение скоро, да что-то не похоже! Эскадра японская с девятого марта у Артура не показывается, зато миноносцы каждый день на внешнем рейде шастают. Эх, скорей бы война кончилась! Мне сразу чистая будет, поеду к себе на Каспий, буду рыбачить, дубок заведу в компании.

— Смотри-ка, что-то ничего впереди не видать! — испугался Серегин.— Никак, потеряли связь с отрядом!

Оба матроса тревожно стали всматриваться вперед, но ночная тьма была непроницаема.

— Вот елки зеленые, беда какая! — заволновался Серегин.

— Ништо! Скорей в Артур без отряда вернемся! — успокоил его сосед.

Доложили Акинфиеву.

— Эх, вороны! Наделали делов!..— выругался мичман и взглянул на часы. Было около полуночи. Судя по времени, «Страшный» должен был находиться в районе островов Саншантоу. Боясь в темноте налететь на берег, Акинфиев застопорил машины, послал за Юрасовским и вызвал подвахтенных наверх. Миноносец, покачиваясь на волнах, остановился. Вдруг откуда-то спереди отчетливо донесся собачий лай.

— Слева по носу слышен собачий лай! — доложил Серегин.— Должно быть, берег близко.

Юрасовский уже поднялся на мостик.

— Следить за бурунами. Малый назад! — скомандовал он.

 «Страшный» тихонько качнулся и пошел назад.

— За кормой бурун видать! — крикнул с кормы Серегин.

— Стоп! Видимо, мы зашли в бухту или пролив, а корму занесло к берегу,— решил Юрасовский.

— На правом траверзе огонь! — доложил сигнальщик.

Андрюша вскинул бинокль. Где-то мерцал слабый огонек. Был ли он далеко или близко, в темноте определить было невозможно.

Слева громко запели петухи.

— Что за черт! Похоже, что мы попали между островов! Ищи теперь выход в море,— ворчал Юрасовский.

— По носу буруны! — выкрикнул сигнальщик.

— Отдать якорь! Надо шлюпку спустить да поискать выхода,— решил командир.

Матросы кинулись к якорной бухте.

На мостик поднялись Малеев и Дмитриев. Якорь булькнул в воду и, вытравив две сажени цепи, остановился. Было ясно, что берег где-то совсем близко.

— Спустить шлюпку! Поезжай на разведку, Ермий Александрович, а то мы тут совсем запутаемся.

— Есть! — ответил Малеев, спускаясь вместе с матросами в шлюпку, которая, отвалив от миноносца, тотчас же скрылась во мгле.

— Хорошо еще, что ночь, а то увидели бы с берега, мигом бы японцам сообщили! Как это вас угораздило оторваться от отряда? — спросил Андрюшу Дмитриев.

— Черт его знает! Должно быть, на повороте! Уж больно темно!

— Промерь за кормой! — приказал Юрасовский.

— Десять футов, ваше благородие! К берегу корму заносит!

— Еще на мель сядем! — забеспокоился Акинфиев.

— Скоро прилив начнется, не страшно, если и сядем! Только бы японцы не пронюхали, что мы тут,— ответил Юрасовский.

— На «Страшном»! — вполголоса окликнули из темноты.

Это возвращалась шлюпка с Малеевым.

— Есть на «Страшном»! — ответило несколько голосов.

— Надо правее держать. Ну и тьма, едва вас нашли! — сообщил лейтенант, поднимаясь на палубу.

Подняли якорь, и миноносец медленно двинулся вперед. Слева опять послышался собачий лай.

— Верно идем! Когда на шлюпке здесь проходили,

тоже псы лаяли. Чуют, сволочи! Как бы тревоги не подняли.

«Страшный» продолжал осторожно подвигаться вперед.

Все на палубе напряженно всматривались в темноту и прислушивались к доносившимся с берега звукам. Качать миноносец стало сильней. Матросы старались не нарушить тишины. Лай затих.

— Вышли в море! — облегченно вздохнул Юрасовский, стараясь по карте угадать место расположения «Страшного».

— Что же теперь нам делать? — спросил Малеев.

— Ясно что! Поскорее возвращаться в Артур, чтобы с рассветом в море нас японцы не захватили,— ответил Юрасовский.— Надо будет ходу прибавить и дать узлов по двадцать, чтобы скорее добраться!

— Боюсь, факела будут,— ответил Дмитриев.— Уголь неважный, горит плохо, часто шуровать приходится. Дождь явно затянется до утра, а под его покровом мы доберемся незаметно до Артура и экономическим ходом.

— Ермий! Ты на вахте останешься?

— Так точно!

— Курс на Артур, ход не меньше семнадцати — восемнадцати узлов! Подвахтенных отпустить вниз.

— Есть! Идти в Артур, ход семнадцать — восемнадцать узлов! — повторил приказание Малеев.

Кроме оставшихся на вахте, все сошли вниз. Акинфиев, не раздеваясь, лег спать, а Дмитриев с Юрасовским остались в кают-компании.

Часам к четырем погода стала проясняться. Дождь почти утих, по морю пронеслись порывы ветра. Кое-где на волнах появились белые гребешки. Миноносец, качаясь на волне, стал зарываться в воду носом, ход уменьшился. Малеев внимательно осматривал в бинокль начавший сереть горизонт, но в предрассветном тумане ничего не было видно. Лейтенант поплотнее запахнул дождевик и зашагал по мостику, вспоминая о приглашении на обед к Риве.

— Ваше благородие! Слева видать трех миноносцев,— прервал его мечты Серегин.

Лейтенант поднял бинокль и взглянул по указанному направлению. В чуть засеревшем мраке ночи слабо проступали силуэты миноносцев, идущих параллельным курсом к Артуру.

 «Должно быть, наш отряд, от которого мы отстали

у островов»,— подумал Малеев, но из осторожности решил пока своих позывных не показывать.

— Не японцы ли? — тревожно проговорил сигнальщик.

— Нет! Миноносцы типа нашего «Сильного» и «Бесшумного», большие, четырехтрубные. Правда, есть такие и у японцев: «Акацуки», «Сазанами» и другие. Но что им делать днем у Артура?

Прошло с четверть часа. Восток заметно посветлел. На фоне утренней зари уже четко вырисовывались силуэты неизвестных миноносцев. Они по-прежнему шли параллельным курсом, но не сближались со «Страшным», хотя и держали тот же ход. Это обстоятельство еще больше успокоило Малеева. Он окончательно решил, что это свои, тем более что уже был виден Ляотешань. Артур был не далее двенадцати — четырнадцати миль.

— Справа видать чьи-то крейсера! — проговорил вдруг рулевой.

Лейтенант посмотрел в бинокль. Справа, наперерез «Страшному», шли три крейсера. Появление их грозило смертельной опасностью маленькому русскому миноносцу. Силы были слишком неравны.

— Свистать всех наверх! Ход увеличить до предельного! — приказал Малеев, мгновенно оценив обстановку.

Через несколько секунд, одеваясь на ходу, матросы выскочили на пулубу и бросились к уже заряженным орудиям и минным аппаратам. Юрасовский, поднявшись на мостик, принял командование. Дмитриев спешно спустился в машинное отделение. «Страшный» приготовился к бою.

— Надо немедленно присоединиться к нашим миноносцам! — показал Юрасовский на корабли слева.— Вчетвером мы как-нибудь прорвемся к Артуру.

— Неизвестно, чьи они — наши или японские! — вставил Серегин.— На них, видать, тоже тревога, люди у пушек и минных аппаратов, и они направлены на нас!

— Да совсем не на нас! — раздраженно ответил Юрасовский.— Они тоже заметили японцев и изготовились к бою. Поднять позывные! — скомандовал он.

Едва только сигнал был поднят, как все три миноносца опоясались огнями, и в следующее мгновение на «Страшный» обрушился град снарядов. Сразу же оказалась подбита носовая пушка. Человек пять раненых матросов повалились на палубу.

— Японцы! — хрипло произнес Юрасовский.— Теперь одна надежда на машину. Самый полный вперед!

В этот момент крейсера тоже дали залп по миноносцу. Первый же шестидюймовый снаряд попал в мостик. Юрасовского взрывом убило. Рулевой, истекая кровью, корчился на палубе. Акинфиев, которого забыли разбудить, только что поднялся на палубу и был потрясен увиденным. Он бросился было на помощь Юрасовскому, но, поняв, в чем дело, кинулся к Малееву.

— Командир убит, Ермий! — пробормотал он побелевшими от страха губами.

Матросы растерянно топтались на палубе, не зная, что делать. Малеев взобрался на остатки мостика и громким, спокойным голосом приказал:

— Убрать в каюту тело командира! Раненых снести вниз. Никакой суматохи! Комендорам наводить по миноносцам.

Его решительный, твердый тон подействовал на матросов успокаивающе, и они поспешно бросились исполнять отданные приказания.

— Андрюша! Пойди к сорокасемимиллиметровым пушкам и развей предельный огонь! Приготовить минные аппараты! Как только японцы подойдут на минный выстрел, стрелять без команды! — продолжал энергично распоряжаться Малеев.

Обе пушки открыли огонь, отстреливаясь от приближающихся слева миноносцев. Справа быстро подходили крейсера. «Страшный», содрогаясь всем корпусом от напряжения, шел на предельной скорости, стремясь выйти из сжимавших его тисков.

Акинфиев взглянул на Артур. Уже отчетливо был виден Ляотешань, проступала в тумане Золотая гора. Ему даже показалось, что он видит русские суда, выходящие на внешний рейд.

В это время новый залп обрушился на «Страшный». Андрюша охнул и схватился за правый бок. Между пальцев показалась темная струйка крови. Мичман носовым платком зажал рану, но остался на палубе.

— Стоп! — вдруг скомандовал в машину Малеев.

«Что он, с ума сошел, что ли, стопорить сейчас машину?» — мелькнуло в мозгу Акинфиева.

«Страшный» стал быстро замедлять ход. Очередной залп японцев, рассчитанный на прежнюю скорость миноносца, пролетел мимо. Зато крейсера сразу приблизились на пять-шесть кабельтовых.

— Полный назад! — приказал Малеев.— Право на борт!

 Миноносец, послушный рулю, стал перпендикулярно

к японским миноносцам, сблизясь с ними до десяти кабельтовых. Японцы, не понимая, что происходит, тоже застопорили машины.

В этот момент японский снаряд попал в мину, находившуюся в кормовом аппарате. Раздался страшный взрыв, все заволоклось дымом. Когда он рассеялся, то вокруг на палубе лежали лишь бесформенные остатки человеческих тел. Малеев держался рукой за окровавленную голову, но с мостика не сходил.

— Самый полный вперед! — скомандовал он.

Акинфиев наконец понял маневр: Малеев хотел под кормой миноносцев прорваться в Артур. «Страшный» оказался всего в пяти кабельтовых от концевого корабля.

— Носовой, пли! — закричал Малеев.

Торпеда скользнула в воду, и тотчас же грянул взрыв. Миноносец сел на корму и окутался дымом. Японцы растерялись и стали отставать. Появилась надежда на спасение.

— Андрюша! Пойди перевяжись да надень спасательный пояс. В случае чего тебе, раненому, не выплыть,— приказал Малеев.— Павлуша, поднимись наверх, а то я один остался! — крикнул затем в машинное отделение.

Дмитриев вылез и с ужасом смотрел на исковерканную, залитую кровью палубу. Только пять-шесть уцелевших матросов во главе с боцманом оставались на палубе.

Кают-компания была обращена в перевязочную. Все диваны были заняты стонущими ранеными. Легкораненые столпились в коридоре и офицерских каютах, помогая перевязываться друг другу. Лица матросов, бледные от потери крови и волнения, были суровы и решительны. Все торопились поскорее вернуться наверх, на палубу. Кое-кто изредка вскрикивал от боли, другие тихо сквозь зубы ругались, превозмогая боль.

— Смерть, братцы, приходит! — произнес кто-то.— Надо чистое белье надеть!

— Помолчи, дура, рано умирать собрался! Заместо белья надень-ка лучше спасательный пояс! Артур уже близко. Сейчас нам подмогу с эскадры подадут. Да и японцы отстают. Здорово их миной саданули,— ответил сердито Серегин, перевязывая раненую ногу.— Дайте, ваше благородие, я вам пособлю,— предложил он, заметив Акинфиева. Мичман разделся и с его помощью обмотал себе бок бинтами.

— Царапнуло малость,— сочувственно проговорил Серегин.— Многих сегодня побило да покалечило. Авось все же до Артура доберемся.— Он стал торопливо подни-

маться наверх. Надев пробковый пояс и накинув на плечи шинель, Акинфиев последовал за ним.

Японцы опять наседали. До Артура оставалось всего несколько миль. Еще десять, еще пять минут — и миноносец будет спасен! В сердцах воскресала надежда на благополучный исход. Вдруг один из снарядов сбил заднюю трубу. Крик отчаяния пронесся на палубе. Миноносец сразу затянуло дымом. Ход сильно упал. Дмитриев кинулся в машинное отделение. Японцы опять стали быстро приближаться. Малеев, бледный от потери крови, с замотанной бинтом головой, все еще продолжал командовать.

— Зарядить кормовой,— приказал он Акинфиеву.— Когда японцы приблизятся, бей в упор! Ребята! — громко обратился он к матросам,— что бы ни случилось, помните: в плен не сдаваться!

— Сдаваться не сдадимся, а вот похлебать соленой водицы, видать, придется! — полушутливо ответил Серегин.— Авось до Артура доплывем, если акулы по дороге не слопают!

Дым от сбитой трубы мешал наблюдать за японцами, поэтому на «Страшном» не заметили, как неожиданно с кормы подобрался японский крейсер и почти в упор дал залп по миноносцу. «Страшный» повалился на правый борт, окутываясь клубами белого пара. Из машинного отделения донеслись душераздирающие крики обваренных паром людей. Один за другим обожженные кочегары выскакивали наверх и со стоном валились на палубу. «Страшный» совсем остановился, покачиваясь на волнах в клубах белого пара. В это время из машинного люка показалась изуродованная, красная от ожогов голова ослепшего Дмитриева. Он с трудом поднялся на палубу и, ощупывая ее руками, пополз по ней.

— Павлуша! — кинулся к нему Малеев, но новый взрыв снаряда сбросил Дмитриева за борт.

Сам Малеев, с перебитыми ногами, без чувств повалился на палубу. Андрюша пытался было подойти к нему, но по дороге споткнулся, упал, ударившись раненым боком, и от боли потерял сознание. На палубе оставалось всего три-четыре матроса и боцман. Японцы, видя беспомощное положение «Страшного», перестали стрелять. Один из миноносцев подошел к нему на двадцать — тридцать саженей. С него стали спускать шлюпку. Серегин бросился к единственному оставшемуся на «Страшном» орудию — многоствольной митральезе, снятой с японского брандера, и, припав к ней, закрутил ручку. Струя свинца брызнула по японцам. Серегин видел, как

падали срезанные пулями люди на капитанском мостике и на палубе. Он перенес огонь на лодку, которая мгновенно опустела.

— Так, так их мать! Крой! — исступленно кричал боцман, размахивая руками.

Серегин распорол пулями переднюю трубу японского миноносца, хлестнул по корме. Было видно, как ползли по палубе раненые японцы. Но вот грянул выстрел, и на том месте, где только что был Серегин, оказалась лишь груда окровавленных костей и мяса. Боцман кинулся было вниз, собираясь открыть кингстоны, но изрешеченный пробоинами «Страшный» уже сам стал быстро погружаться носом в воду; корма высоко поднялась; все, что еще оставалось на палубе, стремительно полетело в море.

Боцман, выскочив опять на палубу, пробежал на поднимающуюся корму и сжатыми в бессильной злобе кулаками потрясал в воздухе. Так он и остался стоять на корме с грозно поднятыми кулаками, пока «Страшный» не погрузился в море...

...Попав в холодную воду, Акинфиев пришел в себя. Его потянуло вниз, но пробковый пояс выбросил его обратно на поверхность. Он видел, как корма миноносца погрузилась в воду.

«Конец! Конец!» — билась в мозгу у него последняя мысль. Соленая вода сильно разъедала рану, и Андрюше казалось, что его бок жгут огнем. Налетевший вал захлестнул его. Силы падали. От холода ноги сводило судорогой. Вдруг совсем близко взметнулся кверху водяной столб. «Стреляют!» — отметил угасающий мозг Акинфиева, и тут он увидел, что к месту гибели «Страшного» приближается какой-то корабль. «Свои или японцы?» — мелькнула последняя мысль, и сознание оборвалось...

Вернувшись с берега на «Петропавловск», Дукельский сел за расшифровку полученных за день секретных телеграмм. Их было много, шифр был местами искажен. Это раздражало лейтенанта, и он облегченно вздохнул, закончив наконец свою скучную работу, наполовину разделся, как всегда делал в последнее время, и лег в постель. Дождь монотонно стучал над головой, изредка слышались чьи-то шаги на палубе, да временами доносился бой склянок.

Мысли Дукельского были заняты Ривой. Последнее время он все чаще думал о своих отношениях к ней.

«Крестить ее и жениться»,— не раз думал он. Прошлое Ривы мало смущало его. Мало ли было даже адми-

ральш из кафешантанных певиц. Конечно, пришлось бы на некоторое время перевестись куда-нибудь в другие места, вроде Каспийской флотилии, служившей местом ссылки для проштрафившихся моряков, но потом все скоро позабылось бы и пошло обычным путем.

Около трех часов ночи его разбудили.

— Их императорское высочество требует вас к себе, ваше благородие! — доложил вестовой.

Быстро одевшись, Дукельский направился к князю. Кирилл Владимирович только что вернулся с берега. Он был еще сильно пьян и смутно понимал, зачем ему, собственно, понадобился Дукельский.

— Доложите обстановку на море,— проговорил князь, чтобы было о чем говорить.

— Два отряда миноносцев ушли на поиск к островам Саншантоу. Эскадра на рассвете выходит в море. Пока все спокойно!

— Где Макаров?

— Командующий ночует на «Аскольде»!

— Вот уж цыганская натура! Что ни ночь, то на другом корабле ночует! Макаров, часом, не фараонова ли племени?

— Насколько мне известно, чисто русский человек.

Князь помолчал, стараясь придумать, что же ему еще сказать.

— Провернули мы эти дни в Артуре! Будет что вспомнить! — И князь начал было рассказывать о своих похождениях на берегу, но лейтенант его перебил вопросом:

— Что еще угодно вашему высочеству?

— Прежде всего угодно, чтобы вы меня не перебивали, когда я говорю! Это неприлично! А затем, затем я еще хотел сделать... Да! Мне срочно нужен Макаров. Немедленно вызовите его ко мне.

— Но, ваше высочество, адмирал сейчас спит!

— Зато я не сплю,— с пьяным упрямством ответил Кирилл.

— Может быть, адмирал Молас заменит командующего? — спросил Дукельский, все еще надеявшийся оберечь сон Макарова.

— Нет! Мне нужен только Макаров, черт бы его совсем побрал!

— Но, ваше высочество, все эти ночи адмирал проводил в сторожевом охранении в море, ожидая японского нападения. Он сильно переутомлен, и без особо важной причины его беспокоить не следует.

 — А как, по-вашему, лейтенант, особо ли важная

причина — желание члена императорской фамилии переговорить с адмиралом из боцманских сынков?

— Думаю, что разговор можно с успехом перенести на утро.

— Вы думаете! Да плевать мне на то, что вы думаете, и вообще на всех в Артуре! Получу крест и уеду в Питер, а вы тут живите как хотите! Вызвать ко мне адмирала!

— Разрешите узнать, как доложить командующему о причине вызова?

— Причина одна — желаю сейчас же видеть адмирала, и баста.

— Во избежание недоразумений, быть может, ваше высочество напишет командующему записку?

— Чернильная вы душа, Дукельский! Вам бы писарем быть, а не моряком! — бросил князь, садясь к письменному столу.

Перо плохо слушалось пьяной руки князя. Он несколько раз начинал писать, а затем рвал написанное. Дукельский презрительно разглядывал сильно потасканное, желто-зеленое лицо князя, покрытое мелкой сетью преждевременных морщин, его рано начавшую лысеть голову и криво торчащие усы, похожие на приклеенную мочалку.

— Что вы на меня уставились, лейтенант? Что я вам, девчонка, чтобы так в упор меня разглядывать? — проговорил князь, справившись наконец с письмом и поймав на себе взгляд Дукельского.

— Я жду письма, ваше высочество,— сухо ответил Дукельский.

— Отправьте это письмо немедленно! Отвезите его лично! Я нижним чинам не доверяю! Тут хороший нагоняй Макарову за его зазнайство!

Выйдя от князя, лейтенант попытался все же через Моласа воздействовать на заупрямившегося самодура. Когда они оба опять вошли в каюту, князь сидел за столом, положив голову на скрещенные руки.

— Спит,— прошептал Молас.

— Нет, не сплю, а жду Макарова! — неожиданно ответил князь.

— Может быть, ваше высочество, отложите разговор с командующим до утра? — пролепетал боязливо Молас.

— Хотя вы, адмирал, и немецкий колбасник, но все же русский язык понимать должны: я жду Макарова! Поняли? Сейчас же вызвать его ко мне, хотя бы он с бабой спал!

Дукельский не стал слушать дальнейший разговор и направился наверх, чтобы распорядиться о шлюпке. Через четверть часа он уже был на «Аскольде». Макаров спал, и, надеясь, что пьяный князь на «Петропавловске» тоже наконец заснет и оставит адмирала в покое, Дукельский прошел в кают-компанию и прилег там на диване. Но не прошло и полчаса, как вахтенный офицер сообщил, что на «Петропавловске» ожидают адмирала.

Пришлось разбудить Макарова.

— С миноносцами несчастье? — был его первый вопрос к Дукельскому.— Японцы пустили брандеры?

Лейтенант протянул ему записку великого князя.

Прочитав, Макаров, гневно скомкав записку, сунул ее в карман.

— Передайте великому князю, что для меня он прежде всего начальник одного из отделов моего штаба и подчинен мне, а не я ему! Если у него есть срочное дело, пусть немедленно явится ко мне с докладом!

— Есть! — вытянулся Дукельский и поспешил обратно на «Петропавловск». Там он застал великого князя уже мирно спавшим в постели.

После ухода Дукельского Макаров вернулся в свою каюту и прилег. Наглая выходка великого князя разволновала адмирала. Со времени своего появления в Артуре князь систематически подрывал его авторитет, вмешивался в его распоряжения. Макаров возмущался, высказывал свое недовольство князю, жаловался на него Алексееву, но все это не приводило ни к чему. Сухопутное начальство Порт-Артура, особенно в лице генерала Стесселя, не скрывало своей вражды к флоту и открыто препятствовало всем мероприятиям по улучшению совместного действия флота и береговых батарей. Все это нервировало, раздражало и до крайности утомляло Макарова.

«Бросить все и уйти в отставку»,— мелькала иногда мысль в голове адмирала.

Но он знал, что за десятками дураков и негодяев из великих и малых князей, генералов и адмиралов стоит многомиллионный русский народ, из которого вышел он сам и кровную связь с которым никогда не терял. Он знал, как непопулярна нынешняя война среди населения, и понимал, что одно это обстоятельство должно повести к поражению, при котором напрасно погибнут десятки и сотни тысяч русского народа. Войну надо было кончать возможно скорее, для чего необходимо было достигнуть если не господства на море, то хотя бы равенства морских сил. Этого было бы достаточно, чтобы за-

ставить Японию прекратить войну. Достичь же этого можно было лишь путем уничтожения японской эскадры по частям. Нужно было переходить к активным действиям, беспрестанно беспокоя японцев.

Мало-помалу адмирал успокоился, стал опять дремать. Но его снова разбудили. Прибыли для доклада командиры минных отрядов, отправленных в море.

— Все вернулись благополучно? — спросил Макаров.

— В темноте была потеряна связь со «Страшным»,— доложил Бубнов.

— И вы сочли возможным вернуться в Артур, бросив один из миноносцев в море? — сурово спросил адмирал.

— Мы долго разыскивали его, но не нашли...

— Почему вы не остались на подступах к Артуру подождать «Страшного»? Бросили в море один из самых слабых миноносцев, который легко может стать добычей японцев. Таких командиров мне не надо. Я отрешаю вас от командования,— резко проговорил Макаров.

Бубнов, прежде служивший в гвардейском экипаже и теперь бывавший в компании великого князя, с нескрываемым презрением смотрел на адмирала, хотя и стоял перед ним навытяжку, и думал про себя:

«Этот хам и впрямь воображает себя всемогущим богом в Артуре! Посмотрим, что ты, дружок, запоешь после хорошего «фитиля» из Петербурга!»

— Я вас больше не задерживаю,— отпустил Макаров обоих капитанов.

В это время доложили с сигнальной станции на Золотой горе, что в море, к юго-востоку от Ляотешаня, идет бой между неизвестными кораблями.

Сразу поняв, что речь идет о «Страшном», Макаров быстро поднялся на палубу.

Светало. Сквозь предрассветный сумрак темнели силуэты Золотой горы и Тигровки. С моря глухо доносились раскаты далекой артиллерийской стрельбы. Матросы под наблюдением боцмана усиленно надраивали палубу.

— «Баяну» немедленно выйти в море! — приказал Макаров.

Едва на крейсере, стоявшем в сторожевом охранении, успели принять сигналы, как он уже двинулся вперед, быстро набирая ход. Из его труб повалил густой дым, длинным шлейфом потянувшийся за кораблем. Как ни недолюбливал Макаров Вирена, он не мог не отметить быстроту и четкость выполнения его распоряжения.

— Поднять сигнал: «Адмирал благодарит «Ба-

ян» за быстрый выход!» — распорядился Макаров.

Между тем «Баян» уже открыл с предельной дистанции огонь по японцам, которые поспешили отойти. «Страшный» уже погрузился в воду, когда крейсер подошел к месту боя; спущенные шлюпки подобрали в воде четырех матросов и Акинфиева.

Вскоре Макаров приказал также выйти в море «Диане», «Палладе» и «Новику».

Спустившись вниз в каюту, адмирал вспомнил о записке великого князя. Он раздраженно фыркнул носом, дернул, по своему обыкновению, как всегда в волнении, правым плечом и задумался.

Он избегал выходить в море на броненосцах, но сегодня на «Петропавловске» находился великий князь, вызывавший его к себе. Макаров не мог совсем игнорировать это обстоятельство и, не желая обострять отношений с князем, решил перейти на «Петропавловск». По прибытии туда он немедленно отдал приказ о выходе всей эскадры в море. У подошедшего к нему Дукельского адмирал справился о великом князе.

— Спит после вчерашнего кутежа. Прикажете разбудить и доложить о вашем прибытии?

— Не тревожьте! Когда проснется, тогда сообщите, что я на броненосце!

Макаров направился к мостику. По дороге его встретил Верещагин. В руках он держал большой альбом, а из кармана пальто торчало несколько карандашей.

— Здравствуйте, Степан Осипович,— тепло приветствовал он адмирала,— надолго намечается сегодня выход в море?

— Здравствуйте, Василий Васильевич! Если японцы не примут боя, то к полудню будем в Артуре.

— Я хочу воспользоваться выходом эскадры, чтобы сделать несколько набросков Артура со стороны моря.

— Больно тут все серо и однотонно, нет никаких красок, даже море — и то какое-то серое и однообразное.

— Да, это не Черное море! Помните, когда вы на «Весте» пришли в Бургас весной семьдесят восьмого года? Какое там богатство тонов, разнообразие оттенков, не то, что здесь. Не хотите ли взглянуть на мой альбом? — И Верещагин протянул Макарову свои рисунки.

Здесь было много набросков: китаец-рикша, кумирня, старинные городские ворота, зарисовки артурской гавани, отдельных кораблей, карандашные портреты офицеров и матросов. Адмирал внимательно разглядывал альбом, выслушивая пояснения и замечания художника.

— Вы, Василий Васильевич, умеете передавать с изумительной живостью движение и мимику людей. Особенно хороши эти групповые зарисовки,— показал Макаров на набросок матросов, работающих на палубе.

— Что-то вы, Степан Осипович, сегодня неважно выглядите,— заметил Верещагин, вглядываясь в усталое лицо адмирала.

— Плохо спал ночью, да и понервничал сегодня с утра. Надеюсь завтра отдохнуть как следует.

— Вряд ли вам это удастся до отъезда великого князя. Пока он здесь, вам не будет покоя — ни нравственного, ни физического. Собираюсь послезавтра двинуться в Питер с вашим поручением,— вполголоса проговорил художник.— Разрешите мне с вами подняться на мостик, оттуда мне будет виднее, чем с палубы.

— Пожалуйста, дорогой Василий Васильевич, вы нам не помешаете.— И Макаров, взяв художника под руку, направился к трапу.

«Петропавловск» на буксире двух портовых пароходов, медленно разворачиваясь, направился в проход на внешний рейд. На палубе суетились закончившие приборку матросы.

— Нельзя ли поторопить буксиры? — обратился адмирал к командиру броненосца капитану первого ранга Яковлеву.

— Есть поторопить буксиры! — ответил капитан.

Макаров нетерпеливо прохаживался по мостику, наблюдая за выходом крейсеров на внешний рейд. «Новик», как всегда, с места двинулся полным ходом, быстро проскочил через проход и, развив предельную скорость, понесся к «Баяну», зато «Паллада» и «Диана» замешкались и задержали «Петропавловск».

— Поднять сигнал: «Крейсерам ускорить выход в море!» — приказал Макаров Дукельскому.

Не успели принять на крейсерах этот сигнал, как Макаров, потерявший терпение, распорядился объявить выговор командирам «Паллады» и «Дианы».

«Не выспался и теперь фитилит направо и налево!» — подумал лейтенант, отдавая приказания сигнальщикам.

— На «Аскольде» я давно бы уже подошел к «Баяну»,— раздраженно бросил Макаров подошедшему Моласу.

— Я думал, что вы останетесь на крейсере,— ответил флаг-капитан.

— Остался бы на «Аскольде» или перешел бы на «Новик», если бы не записка великого князя.

— Вы, Степан Осипович, видели великого князя?

— Не видел и не имею особого желания его видеть! — буркнул Макаров.— Нарочно приказал не будить. Пусть проспится как следует!

Наконец «Петропавловск» прошел пролив и стал набирать ход. Макаров взглянул на часы. Было семь с четвертью утра.

— Мы сегодня больше часа потратили на выход в море. Надо будет специально заняться тренировкой эскадры по выходу в море,— продолжал ворчать Макаров.

«Баян» энергично отстреливался от едва видных с «Петропавловска» японских кораблей. Ближе был виден «Новик», который стремительно летел вперед, неся огромный белый бурун на носу.

На «Петропавловске» пробили боевую тревогу. Матросы бросились занимать места по боевому расписанию. Заворочались орудийные башни, загремели подъемники, дула орудий поползли вверх. Поймав цель, носовая башня дала залп. Броненосец вздрогнул от выстрела. Макаров взял бинокль у Дукельского и стал разглядывать маячившую вдали японскую эскадру.

— Легкие крейсера типа «Иошина»,— сказал он.— А за ними, похоже, «Чин-Иен» и «Мацушима». Кажется, сегодня нам случай благоприятствует. Попробуем атаковать японцев. Крейсера, конечно, улепетнут, но «Чин-Иен» и «Мацушима» от нас не уйдут.

Около адмирала собралась большая группа, почти весь его штаб. Все усиленно разглядывали японцев в бинокли.

— Недолет! — громко доложил сигнальщик результаты первого залпа. Вслед за этим «Петропавловск» снова дал залп левым бортом. Макаров поморщился: струя воздуха от выстрела неприятно резанула лицо.

— Как медленно выходит эскадра! — заметил раздраженно Макаров и обернулся к Артуру, откуда успели выйти в море только броненосцы «Победа» и «Пересвет», а «Севастополь» и «Полтава» все еще стояли на внутреннем рейде.

— «Баяну» с крейсерами присоединиться к эскадре! — приказал Макаров.

Отстреливаясь кормой, «Баян» двинулся навстречу эскадре, на ходу сообщая сигналами о гибели «Страшного».

— Спасено четыре матроса и один офицер,— доложил сигнальщик.

Макаров, сняв фуражку, набожно перекрестился. Его примеру последовали все окружающие.

— Капитана второго ранга Бубнова за оставление в море «Страшного» отдать под суд! — приказал Макаров Дукельскому.

Между тем японцы опять стали сближаться с русской эскадрой. Невдалеке от «Петропавловска» вскинулось несколько водяных столбов.

— Первый японский привет сегодня! — проговорил Молас.— Надо перебраться в боевую рубку, ваше превосходительство.

— Не хочу. Тесно и хуже видно,— заупрямился Макаров.— Прикажите усилить артиллерийский огонь!

Как только подошли остальные броненосцы, вся эскадра двинулась на сближение с японцами, которые поспешили отойти. Прошло около часу. Русская эскадра постепенно стала нагонять старые японские броненосцы «Чин-Иен» и «Мацушиму». Вся эскадра сосредоточила на них огонь. Было видно, как на одном из них вспыхнул пожар. В это время на горизонте из тумана стали появляться один за другим многочисленные японские корабли. Макаров понял, что перед ним весь японский флот, и разгадал ловушку, в которую его хотел заманить адмирал Того, выдвинув в качестве приманки свои старые броненосцы. Пользуясь превосходством хода, японцы хотели отрезать русскую эскадру от Артура и, окружив ее, принудить к бою в невыгодных условиях.

Адмирал приказал немедленно лечь на обратный курс. Эскадра, отстреливаясь от японцев, двинулась к Артуру. «Петропавловск» теперь шел в голове кильватерной колонны броненосцев.

— Передайте на Золотую гору: «Береговым батареям приготовиться к открытию огня!» — приказал Макаров.

Японцы, пользуясь преимуществом хода, пытались, идя параллельным курсом, обогнать русских. Артиллерийский огонь опять усилился. Один из снарядов попал в «Петропавловск». Осколки зазвенели по броне, кого-то ранило, на палубе мелькнули белые халаты санитаров; возник было пожар, но тотчас же был потушен. Макаров перешел в боевую рубку. Тут с ним были Молас, Дукельский, флагманские штурман и артиллерист, командир броненосца Яковлев и матрос-сигнальщик. Затем неожиданно откуда-то вынырнул великий князь. Он был взволнован и с трудом переводил дух. Один из осколков только что порвал его шинель.

— Счастливо отделался! — громко проговорил он.— На вершок ближе — и я был бы без ноги!

— Вы, ваше высочество, изволили только что проснуться? — спросил Макаров.

— Представьте — ничего не слышал, даже стрельбы!

— Счастливый сон! Зато я сегодня ночью почти не спал!

Князь сделал вид, что не понял намека адмирала.

По мере приближения к Артуру японцы стали отставать, оставаясь вне досягаемости береговых батарей. Стрельба почти прекратилась. Поравнявшись с Тигровой горой, эскадра по приказанию адмирала сбавила ход и пошла вдоль берега.

Был подан сигнал: «Крейсерам и миноносцам идти в гавань!»

Постепенно сбавляя ход, «Петропавловск» медленно двигался в голове эскадры. Напряженность боя прошла. Пробили отбой. Матросы высыпали на палубу, разминаясь и разглядывая еще маячившую на горизонте японскую эскадру.

— Ваше высочество желали видеть меня? — обратился Макаров к великому князю, выходя из боевой рубки.

— Да, мне хотелось срочно переговорить с вами, ваше превосходительство, по некоторым вопросам, но вы не сочли возможным немедленно повидать меня! — ответил князь.

— Чем же я могу быть вам полезен сейчас? — в упор спросил адмирал, останавливаясь на палубе.

Наглый тон великого князя опять задел его, и он, сердито посапывая, пристально смотрел в лицо великому князю.

Заметив раздражение Макарова, Кирилл Владимирович счел за лучшее отложить разговор: он знал резкость Макарова в минуты гнева и побаивался его.

— Поговорим потом, на свободе, когда вернемся в порт,— ответил князь.

— Как будет угодно вашему императорскому высочеству,— сухо ответил Макаров.— Но все же должен заметить, что тревожить командующего флотом в три часа ночи по пустякам, даже вам, не следует!

— Позвольте, адмирал...— начал было князь начальственным тоном, но вдруг раздался страшный грохот, блеснул столб огня, и мгновенно все заволокло дымом. Броненосец подбросило вверх. На палубу обрушилась масса воды. Макаров вскрикнул, как от боли, и закрыл лицо руками.

— Спускать шлюпки! Остановить эскадру! — скомандовал он в следующее мгновение, но его уже никто не слушал. Из всех люков и со всех трапов на палубу хлынули перепуганные люди.

В это время один за другим последовали еще два взрыва под правым бортом. По палубе пронесся крик, и с искаженными от ужаса лицами, ничего более не видя и не соображая, матросы и офицеры кинулись к левому борту.

Макаров понял свое полное бессилие что-либо сделать в эту минуту и, скинув теплое пальто и калоши, попытался добраться до борта. По дороге он споткнулся об лежащего на палубе с окровавленным лицом Верещагина. Тут же на палубе валялись рассыпанные рисунки из альбома. Адмирал быстро нагнулся, стараясь поднять художника, но тот только глухо простонал:

— Спасайтесь сами, Степан Осипович, а мое дело конченое.

В этот момент Макаров упал от нового взрыва, поднялся, ухватился было за поручни, но тут же потерял точку опоры на стремительно опускавшейся палубе и полетел в воду спиною вниз.

Дукельский взрывом был отброшен далеко в сторону. Упав на палубу, он тотчас вскочил, стараясь разглядеть сквозь густой дым, что творится на корабле. Палуба быстро уходила у него из-под ног. Он бросился к борту. Перед ним мелькнула фигура падающего с корабля Макарова. Он хотел было подхватить адмирала, но его обдало вырвавшимся из машинного отделения горячим паром. Закричав от нестерпимой боли, он прыгнул вниз и потерял сознание...

Ночь на батарее Электрического Утеса прошла спокойно. Только под утро матрос-сигнальщик Денисенко разбудил Звонарева, дежурного по батарее, и доложил, что с моря слышна сильная стрельба.

Быстро одевшись, прапорщик вышел наружу. Светало. Откуда-то из-за Ляотешаня доносились глухие раскаты стрельбы. Вскоре в том направлении пронесся «Баян», а за ним стала выходить и остальная эскадра. Звонарев вызвал людей к орудиям и послал за Жуковским. Эскадренный бой шел вне досягаемости батареи, и артиллеристы, поеживаясь от утренней прохлады, высыпав на бруствер, с тревогой наблюдали за ним.

Когда эскадра стала возвращаться и на Золотой горе был поднят сигнал: «Береговым батареям быть готовым

к открытию огня»,— Жуковский приказал зарядить орудия.

— Что за катавасия такая? — подошел к Жуковскому Борейко.— Никак, Того гонится за нашей эскадрой? — проговорил он, глядя в бинокль.

— По-видимому, так,— ответил капитан.— Надо быть готовыми как следует встретить японцев, если только до них можно будет достать.

Но японцы не рискнули приблизиться к берегу. Между тем эскадра подошла уже к Артуру. «Петропавловск» медленно двигался перед Электрическим Утесом. Из-за облаков выглянуло яркое солнце, темное море сразу засеребрилось, и на его фоне четко вырисовывался силуэт флагманского корабля. В бинокль можно было даже видеть людей на палубе и мостике.

— Где-то тут должен быть и Дукельский,— сказал Звонарев Борейко, показывая рукой на «Петропавловск».

— Вероятно, около адмирала,— отвечал поручик, глядя в бинокль.

Вдруг на броненосце высоко в воздух взметнулся столб огня и желтого дыма.

«Должно быть, залп из носовой башни»,— подумал Звонарев, но тотчас же увидел еще огонь и огромные клубы густого черного дыма, вырвавшиеся, как ему показалось, из середины корабля.

Дым закрыл весь броненосец, затем хлынул белый пар. Корма броненосца поднялась из воды, обнажив лопасти винтов, и корабль исчез с поверхности моря. Только не успевшее еще разойтись облако пара и дыма указывало место, где минуту назад был «Петропавловск».

— Да что же это такое? — испуганным голосом вскричал Жуковский.

— Ой, батюшки, беда! Несчастье-то какое! — раздались встревоженные голоса в толпе солдат, стоящих на бруствере.— Да, никак, потонул!

— Первый взвод, за мной! — закричал Борейко и бросился вниз. Солдаты устремились за ним.

Сбежав к морю, Борейко приказал спустить на воду лежащие на берегу рыбачьи лодки. Звонарев хотел было побежать за Борейко, но новый взрыв под броненосцем «Победа» привлек его внимание к эскадре. Еще минуту назад стройная колонна судов теперь была совершенно нарушена. Корабли беспорядочно сгрудились у входа в гавань. Одни двигались вперед, другие поворачивали в сторону, третьи давали задний ход. На одном из судов раздался выстрел, за ним другой, и вдруг загремела вся

эскадра. Стреляли прямо в воду, вокруг себя, по невидимому врагу. Всплески воды смерчами вырастали около кораблей. Часть снарядов падала в место гибели «Петропавловска», убивая и калеча барахтавшихся в воде людей.

— Что за стрельба? Ведь это сумасшествие, они друг друга перебьют! — отчаянно кричал Жуковский, как будто на кораблях могли его слышать.

Звонарев кинулся к берегу. За ним побежали оставшиеся на батарее солдаты. Батарея опустела. Жуковский, проследив за японской эскадрой, которая по-прежнему держалась за пределами досягаемости огня, издали наблюдая за происходящим у Артура, также пошел на берег.

Здесь на берегу столпилась уже вся рота. Ротный фельдшер Мельников тут же развернул свой перевязочный пункт. Шурка Назаренко хлопотала около носилок. От берега торопливо отплывали две большие лодки. Неопытные гребцы с трудом преодолевали береговой накат. На корме одной лодки высилась фигура Борейко, на другой стоял Денисенко.

Звонарев нервно бегал по берегу. То же чувство беспокойства охватило и солдат. Они переговаривались друг с другом, вздыхали, нервно тянули махорку, ругались неизвестно по чьему адресу и с нетерпением вглядывались в удаляющиеся от берега лодки. К месту катастрофы со всех кораблей устремились шлюпки. С берега было видно, как матросы то и дело вытаскивали из воды какие-то темные предметы: не то людей, не то вещи.

— Что же произошло в конце концов? — обратился Звонарев к подошедшему Жуковскому.

— Ума не приложу! Вероятно, «Петропавловск» налетел на японскую мину, поставленную прошлой ночью.

Солдаты, сгрудившись около офицеров, прислушивались к их разговорам.

— Адмирал Макаров, должно, погиб,— заметил наводчик Кошелев.

— Типун тебе на язык! Может, и выплыл. Видишь, сколько народа барахтается в воде! — оборвал Кошелева взволнованный Лепехин.

— Где уж ему, старику, выплывать в такой передряге! — грустно проговорил Звонарев.

С моря дул резкий, холодный ветер. Озябшие солдаты стали разводить костры из морской водоросли и плавника.

Прошло с полчаса, пока наконец первая лодка подо-

шла к берегу. Сильный прибой мешал ей причалить. Десятка два солдат вошли в воду и вытащили лодку на песок. Все столпились около нее, с боязливым любопытством разглядывая лежащие в ней тела. Первыми сняли три матросских трупа. Солдаты обнажили головы и закрестились.

— Отвоевались, бедняги! — сказал один из солдат.

Трупы отнесли в сторону и уложили на землю. Старший писарь Пахомов стал обыскивать покойников, чтобы установить их фамилии. За трупами осторожно вынесли громко стонавшего молодого чернявого матроса с разорванным животом. На сером заострившемся лице раненого темнели глубоко запавшие, полуоткрытые глаза. Матрос временами громко вскрикивал и опять впадал в забытье. Осмотрев его, фельдшер безнадежно махнул рукой.

Выгрузив раненых, лодка опять ушла в море. Солдаты столпились у берега, дожидаясь подхода второй лодки, которая была так сильно перегружена, что ее с трудом вытащили на берег.

— Ну и натерпелись же мы! — проговорил Борейко, соскакивая на берег.— Волна захлестывает, плавает на воде тьма всякой всячины, не разглядишь среди нее людей. Чуть не перевернулись. Дукельского подобрали на обратном пути. Он совсем уже под воду уходил! Плох!

Когда Дукельского вынесли на берег, то в этом обожженном, искалеченном полумертвеце трудно было узнать еще недавно молодого, красивого, полного жизни и веселья лейтенанта. Он был без сознания. Мельников неторопливо, но основательно перевязал все раны, превратив его в живой сверток из марли, ваты и бинтов. За Дукельским вынесли труп незнакомого черноволосого мичмана с раздробленным затылком. По найденной в кармане визитной карточке установили, что это был мичман Бурачок. Затем вынесли еще трех раненых матросов, бывших без сознания. После искусственного дыхания и растираний они пришли в себя и с удивлением рассматривали склонившиеся над ними лица солдат.

— Ожили! — обрадованно загудели солдаты.— Не все, знать, там погибли. Может, еще и адмирала спасут!

Все трое были легко ранены, их перевязали и вслед за Дукельским унесли на батарею. Лодка, на которой был Борейко, опять ушла в море, но уж под командой Родионова.

— Боюсь, не выживет Дукельский! — озабоченно проговорил Звонарев.— Какое несчастье для Ривы! Ведь мы

сегодня званы к ней на обед! — вспомнил он вдруг некстати.

— Обедать-то некому будет! Моряки сообщили нам, что на рассвете японцы потопили «Страшного» и никто с него не спасся! — проговорил Борейко.

— Как! Так это утром вел бой «Страшный»?! — воскликнул пораженный Звонарев.

— Очевидно, он! Беда, Макарова до сих пор найти не могут! — продолжал Борейко.— Пальто его выловили, а самого нет, должно быть, погиб.

— Ох, господи! Как же наш флот будет без Макарова? — в ужасе воскликнул Жуковский.

— Пришлют другого,— пробурчал Звонарев.

— Но другого Макарова не пришлешь! Адмиралов-то много, а Макаров у нас в России был один,— грустно ответил Борейко.— Незаменимая потеря!

— Сколько несчастий сразу: и «Страшный», и «Петропавловск», и адмирал...— покачал печально головой Жуковский.

— Великого князя, говорят, спасли. Он только уши себе обварил да перепугался.

— Дукельского надо сейчас же отправить в город на линейке и вызвать из Управления артиллерии повозки для раненых матросов,— распорядился Жуковский.— Сергей Владимирович, возьмите это на себя,— обратился он к Звонареву.

— Слушаюсь!

Звонарев поднялся на батарею. Дукельского поместили в одной из комнат Жуковского. Он постепенно приходил в себя.

— Как ты себя чувствуешь, Жорж? — спросил его Звонарев.

— Очень плохо! Должно быть, умру! Адмирал погиб! — чуть слышно проговорил лейтенант.— Риве скажи: все, что у нее есть,— все ей.— И Дукельский в изнеможении замолчал.

— Как он? — тихо спросил Звонарев подошедшего фельдшера.

— До вечера не доживет! — ответил Мельников.

Через полчаса Звонарев уже шагал рядом с экипажем, на котором лежал укутанный в одеяло Дукельский.

Вера Алексеевна Стессель во главе шестнадцати денщиков и сирот-воспитанниц была занята генеральной уборкой квартиры после пасхальных праздников. В до-

машнем капоте, с пыльной тряпкой в руках, она летала по комнатам, щедро раздавая оплеухи своим воспитанницам и грозно покрикивая на денщиков, своих помощников.

Было около полудня, когда в передней раздался звонок. Не ожидавшая гостей, Вера Алексеева сама пошла отворять дверь. К своему ужасу она увидела перед собой плечистую фигуру генерала Никитина.

— Владимир Николаевич! — смутилась генеральша.— Простите, ради бога, мой домашний костюм,— я никак не ожидала вас видеть сейчас у себя. У меня дым идет коромыслом.

— Прошу у вас прощения, Вера Алексеевна! Никогда бы не осмелился вас побеспокоить в столь ранний час, если бы не чрезвычайные новости. Грешен, не утерпел и забежал с вами поделиться,— ответил Никитин, целуя руку генеральши.

— Что же приключилось? — встревоженно спросила генеральша.

— Потоп главный самотоп! — выпалил генерал и сам громко захохотал своей остроте.

— Какой, какой самотоп?

— Да этот, адмирал их, Макаркин, что ли?

— Какой ужас! Какое несчастье! — схватилась за голову Вера Алексеевна.— Такой видный, красивый мужчина, и вдруг погиб! Господи, сколько бед приносит эта война! Царствие ему небесное, бедняжечке! — закрестилась генеральша.

— Не стоит о нем особенно и убиваться, Вера Алексеевна! Подленькой души был человек, гнусные интриги плел против Анатолия Михайловича. Мне ваш муж сейчас показал письмо, только что полученное от Куропаткина. Оказывается, этот самый Макаркин, ни много ни мало, требовал подчинения ему крепости и вашего супруга! Подумайте, какая наглость! — возмущался генерал.— Хотя Куропаткин своевременно обо всем узнал и разбил все эти козни, но все же в письме предупреждает Анатолия Михайловича, чтобы он с этим самым гнусным самотопом держал ухо востро и палец бы ему в рот не клал!

— Вот уж не ожидала от него такой низости! Исподтишка за спиной требовать подчинения себе крепости! Чтобы крепость, сухопутная армия, подчинялась какому-то адмиралу, который и эскадрой-то командовать как следует не умеет! Выйдет в море и, как только завидит японцев, сейчас же бежит под защиту крепостных батарей. Уж подлинно не стоит особенно горевать о его смер-

ти! — возмутилась генеральша.— Да что я вас держу в передней! Пойдемте хотя бы в столовую, там уже почти прибрано. Рассказывайте же по порядку, как и что произошло,— просила Вера Алексеевна.

— Вышли это наши калоши в море. Прогулялись малость, да тут откуда ни возьмись появился Того. Ну, у Макаркина, конечно, со страху душа ушла в пятки, и он наутек в Артур, Того за ним. Тут что-то произошло, и против Электрического Утеса «Петропавловск» взорвался и утонул!

— «Петропавловск» погиб? Один из лучших наших броненосцев? Весьма тяжелая утрата для нашего флота! И так нам на море не везет, а тут еще вдруг потеряли самый большой корабль!

— Я, матушка Вера Алексеевна, думаю, что это скорее счастье для нас, чем несчастье! Чем скорее мы от этих калош избавимся, тем это будет лучше. Толку от них никакого — только в порту стоят, да моряки на берегу пьянствуют, а стоят государству дорого и воображают о себе невесть что. Николе-угоднику рублевую свечку поставлю, когда последняя наша дырявая калоша отправится на дно морское! Пока цела наша армия, нам никакие япошки не страшны, а без флота мы и обойтись можем.

— Но, кроме Макарова, верно, погибло еще много народу. Бедные матросики, как мне их жаль.

— Да, погибло свыше шестисот человек матросов и тридцать офицеров. Но и тут виден господень перст! Великий князь Кирилл Владимирович, бывший на броненосце рядом с Макаровым, спасен и уже доставлен на берег без ран и контузий. Он получил только общее потрясение.

— Велик бог земли русской! Да не оставит он нас и дальше своею благостью! — набожно крестясь, проговорила Вера Алексеевна.— Надо сейчас же одеваться и ехать с поздравлением к князю, а затем в церковь: отслужить по этому случаю молебен, поблагодарить господа бога за великую его милость к нам.

— Ума у вас палата, матушка Вера Алексеевна! Нам с Анатолием Михайловичем и в голову не пришло о молебствии. Обо всем подумали, а об этом забыли.

— Бог прежде всего! — наставительно проговорила Вера Алексеевна.— Нужно отслужить торжественный благодарственный молебен, с салютом, в присутствии всего гарнизона. А телеграмму-то об этом государю уже послали?

— Послали, матушка! Дмитриевский сочинил столь трогательную и верноподданническую, что даже слеза прошибает, когда читаешь.

Новый звонок возвестил о прибытии самого Стесселя.

— Ты уж здесь? — удивился он при виде Никитина.— Вот уже действительно пострел везде поспел!

— Не мог не известить Веру Алексеевну о столь радостных событиях, как гибель самотопа и спасение великого князя.

— Слыхала, какой гусь оказался этот Макаров? — обратился Стессель к жене.— А ты еще всегда за него заступалась!

— Истинно говорят, что из хама не сделаешь пана! Нехорошо говорить дурно о покойнике, но нельзя не сказать — неблагородный был человек,— сокрушенно ответила генеральша.

— Теперь нужно немедленно переодеться в парадную форму и ехать на вокзал, где в своем поезде находится сейчас великий князь,— начал Стессель.

— Анатоль, нужно отслужить сейчас же молебен о спасении князя!

— Да, да, Анатолий Михайлович! Совсем мы с тобой это упустили из виду. Давай сейчас приказ по гарнизону набросаем и срочно разошлем в части,— поддержал Никитин.— Не жена у тебя, а золото, ума палата, не нам с тобой чета! Вера Алексеевна, пожалуйте вашу ручку! Восторгаюсь! Потрясен!

— Пока мне там парадные причиндалы приготовят, мы с тобой, Владимир Николаевич, приказ настрочим,— решил Стессель и перешел с Никитиным в свой кабинет.

Через четверть часа, когда Вера Алексеевна зашла туда, оба генерала с торжеством показали ей уже написанный приказ.

— Ты, Верунчик, послушай, может, мы что-нибудь опять пропустили,— попросил жену Стессель.

Приказ по крепости Порт-Артур

№ 291

31 марта 1904 года

п. 1

В ознаменование чудесного спасения Его Императорского Высочества великого князя Кирилла Владимировича при гибели броненосца «Петропавловск» 31 сего марта, в 9 1/2 час. утра, приказываю: в гарнизонной церкви отслужить в 3 часа дня благодарственный молебен с провозглашением многолетия всему царствующему дому.

п. 2

От всех частей гарнизона к 2 ч. 30 м. дня выслать по взводу в 30 рядов при офицере для присутствия на богослужении.

п. 3

Всем свободным от службы гг. генералам, штабс- и обер-офицерам также прибыть на молебствие.

п. 4

Распоряжением командующего 4-й Восточносибирской стрелковой артиллерийской бригадой полковника Ирмана обеспечить производство салюта во время провозглашения многолетия царствующему дому в 21 выстрел.

п. 5

Форма одежды — парадная.

п. 6

Общее наблюдение за порядком возлагаю на исп. должность штаб-офицера для поручений при мне ротмистра Водягу.

— Ну как, ничего не пропустили? — спросил жену Стессель.

— Как будто все в порядке! Надо только приказ поскорее разослать по частям,— ответила Вера Алексеевна.

— С нарочными, с конными вестовыми отправлю! — поспешил заверить ее генерал.

Не прошло и получаса, как запряженная парой серых жеребцов коляска Стесселя подкатила к стоящему на запасных путях поезду великого князя. Из коляски вышла разодетая Вера Алексеевна в сопровождении мужа и Никитина в полной парадной форме.

В вагоне-салоне, служившем приемной князя, их принял брат Кирилла Владимировича Борис — в гусарской форме, совсем еще юноша, но уже с мешками под глазами, изжелта-бледный и невыспавшийся. Борис приложился к ручке Веры Алексеевны и, довольно небрежно поздоровавшись с генералами, предложил гостям присесть.

— Мы пришли, ваше высочество,— начала Вера Алексеевна,— чтобы принести наши поздравления по поводу чудесного избавления вашего августейшего брата от смертельной опасности! Просим ваше высочество почтительнейше довести об этом также до сведения их императорских высочеств — ваших родителей.

— Тронут вашим вниманием и выражением сочувствия и обязательно напишу об этом в Питер,— вежливо ответил Борис.— Надеюсь, что брат скоро очухается.

— Как самочувствие его высочества?

— Сейчас он спит. Сперва было немного нервничал, но затем выдул бутылку коньяку и успокоился. Откро-

венно говоря, по-моему, ему даже полезна была эта холодная ванна. Приятно освежиться после хорошего кутежа, а кутнули мы с ним на пасхе знатно! — сладко позевывая и прикрывая рот рукой, ответил князь.

Вера Алексеевна была шокирована выражениями великого князя, но с видимым интересом продолжала его расспрашивать.

— Какой ужас! Каким надо быть героем, чтобы спастись при этом! Какое должно быть присутствие духа у его высочества, чтобы не растеряться в такой момент! Воистину, ваш брат, ваше высочество, показал себя достойным членом нашей обожаемой царской семьи! — разливалась генеральша.— Анатоль! Ты должен об этом подробнейше донести его императорскому величеству.

— Как же, как же! Почту своей священной обязанностью довести обо всем до сведения государя императора и буду ходатайствовать о награждении его высочества Георгиевским крестом! — поспешил поддакнуть жене молчавший до сего времени Стессель.

Отсидев положенное приличием время, гости удалились.

С вокзала коляска с их превосходительствами направилась на Казачий плац, где находилась гарнизонная церковь.

Там уже собрались офицеры в парадных мундирах и ожидали прибытия Стесселя.

Генеральша любезно побеседовала с Кондратенко; дружески, по-родственному поздоровалась с Белыми, с которыми состояла в свойстве через своего сына, женатого на дочери Белого; суховато приветствовала Фока, добродушно улыбнулась Тахателову, который, как всегда отдуваясь от жары, с медвежьей грацией приложился к ее ручке; прочих удостоила лишь общим поклоном.

Вместе с родителями приехала и Варя. Увидев Борейко, девушка поспешила к нему.

— Неужели нет никакой надежды, что дедушка спасся? — спросила она прерывающимся от рыданий голосом.

— По-моему, как это ни печально, Макаров погиб,— вздохнул Борейко.

Варя отошла к родителям. Ее заплаканное, расстроенное лицо составляло резкий контраст с оживленными, радостными лицами Стесселя и его окружения.

— Даже неприлично, Варя, так плакать, когда великий князь волею божией цел и невредим,— сердито пробурчала Вера Алексеевна, обернувшись к девушке.

Белый подошел к Кондратенко.

— Как же мы теперь будем без Степана Осиповича?

— Большей утраты для обороны Артура нельзя себе и представить. Постараемся хоть проводить в жизнь заветы покойного адмирала: теснее сплотимся с флотом; оборонять Артур будем прежде всего на дальних подступах, и главное — будем непоколебимо верить в геройскую силу русского солдата. И да поможет нам в этом бог,— взволнованно ответил Кондратенко.

Дьякон нетерпеливо выглядывал из алтаря в ожидании начала службы.

Как только Стессель появился в церкви, поп, одетый в праздничные светлые одежды, с умиленно-радостным выражением лица вышел на амвон.

— Во имя отца и сына и святого духа! Любезные во Христе братия и сестры! Господу богу угодно было совершить великое чудо: во время гибели «Петропавловска» десницей всевышнего был спасен царственный отрок — великий князь Кирилл Владимирович, на радость всем истинно русским людям, беззаветно преданным своему державному монарху! Вознесем же благодарственное моление отцу небесному за ниспосланное нам чудо.

Богослужение началось. Прочувственно произносил ектении дьякон, стройно пели певчие, синие облака ладана носились под потолком, чинно стояли солдаты, сдерживая кашель и вздохи, да тихо всхлипывала Варя. Когда служба дошла до «многолетия», то с батарей и кораблей грянул такой салют, что едва не вылетели стекла из окон, дьякон поперхнулся на полуслове, священник чуть не выронил из рук крест, хор сбился с тона.

— Этот Ирман всегда перестарается! — рассерженно шепнула Вера Алексеевна мужу.— Пошли Водягу унять его, а то в церкви целых стекол не останется!

Бравый ротмистр поспешил выйти, чтобы угомонить не в меру расстаравшихся артиллеристов. Этот эпизод несколько расстроил благолепие службы, что очень огорчило генеральшу.

Борейко, стоявший в глубине церкви вместе с солдатами, чувствовал все нарастающее раздражение. Весь этот торжественный молебен, после того, что пришлось видеть утром, казался ему издевкой над случившимся несчастьем. Парадная обстановка церковной службы, умильно-радостное выражение лица попа и, наконец, салют усилили его раздражение. Оглядываясь на солдат, он видел их сумрачные, опечаленные лица, слышал тяжелые вздохи, так не вязавшиеся с радостным богослу-

жением, и чувствовал, что они также недовольны происходящим. В голове его быстро созрел план небольшой демонстрации против начальства. Как только кончился молебен и все пошли прикладываться к кресту, он обратился к солдатам и полушепотом, слышным на всю церковь, проговорил:

— Кто желает, может остаться на панихиду по морякам, а кто не желает, может после креста идти домой.

Затем он протолкался к священнику и обратился к нему с просьбой отслужить панихиду по погибшим на «Петропавловске» и «Страшном». Поп удивленно посмотрел на него, испуганно озираясь на еще не ушедшего Стесселя, и пробормотал что-то невнятное. Зато генерал сразу же обратился к нему.

— Кто это выдумал панихиду служить? — спросил он Борейко.

— Единодушное желание солдат! — не сморгнув глазом, ответил поручик.

— С каких это пор у вас считаются с «желаниями» солдат? Это что за распущенность! Солдат ничего не может и не должен «желать». Его дело исполнять приказание начальства, а не высказывать какие-то пожелания. Что же, по-вашему, я не знаю, что нужно делать: служить ли молебен или панихиду? По-видимому, вы считаете, что жизнь великого князя менее драгоценна, чем жизнь Макарова и матросов? — громко и раздраженно проговорил генерал.

— Мои солдаты сегодня принимали участие в спасении погибающих, пережили много скорбных минут и хотят помянуть умерших воинов,— отрезал Борейко.

— Солдаты и «переживания»! Да что они у вас, институтки, что ли, чтобы «переживать»? Что это за воины, которые при виде смерти раскисают и начинают «переживать»? — издевался Стессель.— Все это вздор! Ведите солдат обратно! Когда нужно, я сам распоряжусь о панихиде!

— Слушаюсь! — вытянулся Борейко и приказал солдатам выходить из церкви.

— Неужели вы уйдете? — подлетела к нему Варя, которая издали следила за переговорами Борейко. Поручик сумрачно посмотрел на нее и крикнул:

— Белоногов! Снеси попу десятку и предупреди, что мы сейчас вернемся! Шагом марш! — скомандовал он солдатам, когда они выстроились.

Не успели солдаты отойти от церкви, как их обогнала коляска Стесселя. Едва она скрылась за углом, Борейко

повернул солдат обратно. Причт уже поджидал их. Дьякон подошел к Борейко.

— Отец настоятель сомневается — можно ли служить панихиду. Как бы генерал Стессель не разгневался!

— Сколько добавить? — в упор спросил Борейко, вынимая кошелек.

— Четвертную бы уж положили!

— Хватит, дьяче, двух красненьких!

Дьякон сразу повеселел.

— Сейчас батюшку спрошу! — проговорил он, пряча деньги в карман.

Церковь быстро наполнялась. Весть о панихиде по погибшим морякам дошла до окрестных обитателей, и они поспешили прийти. Все это был простой рабочий люд, ютящийся в маленьких хибарках этой части города. Тут были и матросские вдовы, жены, матери с детьми, портовые рабочие и мелкие служащие. Здесь много было неподдельной глубокой скорби о погибших моряках. Тут было подлинное народное горе.

Борейко поместился на клиросе, чтобы подпевать певчим, и, глухо прокашливаясь, нетерпеливо топал ногой.

Наконец царские врата отворились, и появился поп, теперь уже в траурных черных ризах. На лице его была написана глубокая скорбь, как будто не он полчаса назад был преисполнен радости.

«Из него недурной актер вышел бы!» — подумал Борейко.

С рыданием в голосе, как живое воплощение скорби, поп повествовал о гибели «Петропавловска», «Страшного», а вместе с ними — Макарова, Верещагина, офицеров и нескольких сот матросов.

— Помолимся же, возлюбленные братия и сестры, о новопреставленных воинах православных, душу свою на поле брани положивших за веру, царя и отечество,— закончил поп и смахнул дежурную слезу.

Дьякон, только что пропустивший косушку, растроганный от волнения и водки, начал службу приглушенным печальным голосом, усиленно размахивая кадилом. Певчие, состоявшие в большинстве из окрестных жителей, разделяя общее настроение, с особым чувством выводили траурно-скорбные погребальные напевы. Когда же дьякон провозгласил вечную память «новопреставленному рабу божию Степану, Василию, воину Ермию, Константину, Павлу и иным, имена их ты, господи, веси», все молящиеся разразились громкими рыданиями.

Борейко, суровый и печальный, с клироса осматривал

молящихся. Он понимал искренность горя этих людей, которым никакого дела не было до ничтожного великого князя и которые были кровно связаны с погибшими моряками. Заунывно звонил колокол, возвещая о постигшем народ несчастье. Церковь все больше наполнялась. Пришли мужчины, женщины, рабочие, по десятку лет не заглядывавшие в церковь, пришли и китайцы из сочувствия к горю русских.

Когда панихида кончилась, Борейко едва смог выбраться из церкви. К нему подходили, жали руки, кланялись, благодарили «за то, что он не забыл наших упокойников». Плачущая Варя тоже с большим чувством пожала ему руку. Выйдя на паперть, солдаты, молчаливые и сурово сосредоточенные, быстро построились и пошли за Борейко, мрачно шагавшим впереди в тяжком раздумье.

У доков дорогу артиллеристам загородили два пьяных рабочих. Один из них упирался и не хотел идти за своим товарищем.

«Нашли время напиваться»,— возмущенно подумал Борейко.

— Ты думаешь, почему я сегодня пьян? — как бы отвечая поручику, проговорил упиравшийся рабочий.— С горя! Душа у меня болит! Поминки по адмиралу справляю, царство ему небесное! Понятие ты должен иметь о моем горе и не препятствовать.

— Смотри, как бы тебе на зад сотню не положили в память по адмиралу. Пойдем лучше от греха домой,— уговаривал другой.

— Нет, ты мне ответь,— продолжал первый рабочий,— почему адмирал потонул, а князь выплыл?

— Кому какая планида дадена! Кому тонуть, а кому плавать!

— И вовсе не так! Потому, что золото завсегда в воде тонет, а дерьмо поверху плавает! — И рабочий зло захохотал.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Второго апреля японская эскадра вновь появилась перед Артуром. Русская эскадра, стоявшая на внутреннем рейде, начала спешно перетягиваться, укрываясь со стороны моря Золотой горой и Тигровым полуостровом.

Адмирал Того, ожидавший, как это всегда бывало при Макарове, выхода эскадры в море, был на этот раз изумлен бездействием русских моряков и решил вос-

пользоваться сложившейся благоприятной для него обстановкой.

Уже с дистанции в восемьдесят кабельтовых флагманский броненосец «Микаса» открыл огонь по батарее Утеса. Жуковский вызвал своих солдат к орудиям и приготовился к бою. С командирского пункта он в бинокль разглядывал неприятельские суда.

— Никак, к нам сегодня пожаловала вся броненосная эскадра: шесть броненосцев и шесть броненосных крейсеров,— проговорил капитан, обращаясь к подошедшим офицерам.— Наша эскадра, по-видимому, не собирается выходить из гавани, то есть сегодня отдуваться придется одним береговым батареям, в частности нам. Борис Дмитриевич, вы станете на второй и третий взводы, а вы, Сергей Владимирович, на первый. Следите за тщательностью наводки, ибо сегодня будет жарко.

Офицеры разошлись по своим местам.

— Прицел триста, квадрант сорок два — сорок! Целик лево два! — донеслась команда с командного пункта.

Прапорщик и фейерверкер пошли проверять наводку орудий.

Наводчик первого орудия Кошелев уже припал к прорези на прицеле.

— Левей! Левей! — командовал он двум штурвальным, перекатывающим раму лафета по чугунной дуге.

Замковые вытаскивали тяжелый клиновый затвор, квадрантщик устанавливал квадрант на нужном делении.

— Первое готово!

— Второе готово!

— Первый взвод готов!

— Шесть тысяч двести! Шесть тысяч сто пятьдесят! Шесть тысяч сто! — доносилось из дальномерной будки.

— Второй и третий взводы готовы!

— Залпом! — скомандовал Жуковский.— Пли!

Орудия откатились назад, и пять снарядов с резким свистом и урчанием понеслись в море.

В тот же момент на японских кораблях вспыхнули огни выстрелов.

— Закройсь,— приказал Жуковский, и почти тотчас же десять или двенадцать снарядов обрушились на батарею. Мгновенно все заволоклось дымом и пылью, едко запахло шимозой, и осколки забарабанили по орудийным щитам, по брустверу и около орудий.

— Все в порядке? — спросил Звонарев, выходя из-за укрытия.

— В первом орудии все в порядке! — доложил фейерверкер.

— Во втором один осколок застрял в орудийном щите, остальное в порядке.

Звонарев подошел к этому орудию. Солдаты столпились слева от пушки, разглядывая торчащий из щита стальной осколок величиной вершков в шесть, с острыми зазубренными краями.

— Не было бы щита, небось кого-нибудь убило бы,— проговорил Родионов.

— Меня, Софрон Тимофеевич! — отозвался наводчик.— Как он трахнул по щиту, я аж присел. Взглянул, а он через щит просовывается. Мать свою вспомнить не успел, а он уж застрял.— И наводчик широко улыбнулся своим скуластым лицом.

Осмотрев оба орудия, Звонарев убедился в их полной исправности и доложил об этом Жуковскому.

— Здорово они сейчас накрыли батарею! Я думал, половина людей и материальной части выбудет из строя, а на деле мы не понесли даже повреждений,— возбужденно радостно проговорил капитан.— Постараемся сейчас отплатить им сторицей.

Батарея опять загрохотала залпами. Японцы легли на обратный курс и, несколько приблизившись к берегу, продолжали обстреливать Утес. Но поднявшееся на небе солнце мешало точности их наводки, и снаряды делали то недолеты, то перелеты. То же солнечное освещение теперь помогало Электрическому Утесу. Со второго залпа вышел из строя крейсер «Токива». Около него задержались и другие суда. Это дало возможность Жуковскому дать три залпа при одном и том же прицеле. Сразу вспыхнули пожары еще на трех кораблях. Японцы поспешили опять вытянуться в кильватерную колонну, но тут вступили в бой батареи Золотой горы, Стрелковая и расположенные на Тигровке, которые ранее бездействовали вследствие дальности расстояния.

Попадания в неприятельские корабли участились, и адмирал Того поспешил отойти в море, упорно продолжая все же обстреливать Электрический Утес.

На вершине Золотой горы, в прочном бетонном каземате, собралось все порт-артурское начальство: только что приехавший наместник, который после смерти Макарова принял на себя командование флотом, Стессель с Никитиным и Белый. Тут же была и Варя. Превосходительные собеседники время от времени рисковали выглядывать наружу и с высоты птичьего полета наблю-

дать за обстрелом Электрического Утеса. До него было более версты, но даже и отсюда жутко было смотреть, как батарея то и дело окутывалась гигантскими фонтанами черного дыма. Телефонная связь с Утесом давно была прервана, и поэтому действительное положение дел на нем не было известно, разворачивающаяся же картина жестокого обстрела заставляла предполагать наличие на нем больших потерь.

— Все орудия целы,— громко заявила Варя при очередном залпе,— я отчетливо видела пять взблесков.

— Зато люди-то уж, наверное, далеко не все целы,— угрюмо заметил Никитин.— Но какие молодцы, ваше превосходительство! Одна батарея против всего японского флота. Почему бы нашей эскадре не выйти и не помочь ей?

— После гибели «Петропавловска» она настолько слабее японской, что мы должны беречь ее как зеницу ока,— наставительно проговорил Алексеев.

— Тогда лучше всего ее отправить на хранение в Морской музей в Питер,— не унимался Никитин.

Видя, что разговор принимает неприятный характер, Стессель поспешил отослать своего друга.

— Владимир Николаевич, я попрошу тебя позаботиться о восстановлении связи с Электрическим Утесом.

— Слушаюсь! Сию минуту.— И Никитин отошел.

— Он, кажется, малость того? — недовольно спросил Стесселя наместник, вращая пальцем около своего лба.

— Редкого мужества человек, но есть у него грешок — любит за галстук заложить.

— Оно и заметно: до адмиральского часа еще далеко, а он уже на взводе.

Варя решила сегодняшний день ознаменовать каким-либо героическим поступком. В ее пылкой голове проносились картины, одна фантастичнее другой. То она воображала себя отважно перевязывающей «его» под градом японских снарядов, то оба они гибли от одной и той же бомбы, то, наконец, она героически исправляла телефонные провода (чего, однако, делать не умела) и получала из рук наместника Георгиевскую медаль. Она потихоньку спустилась вниз, где за прикрытием стояла ее Кубань, и, вскочив на нее, вскачь понеслась по дороге на Утес. С Золотой горы ее заметили только тогда, когда она проскакала больше половины дороги.

— Ваше превосходительство! — сообщили Белому.— Ваша дочь поехала на Электрический Утес.

— Сумасшедшая девчонка! Чего ее туда понесло? —

сердито проговорил Белый и поспешил наверх. За ним тронулись и остальные.

— Казачья кровь сказывается, Василий Федорович! — произнес Стессель, обращаясь к Белому.— Даром что женщина, а в бой так и рвется!

Алексеев только качал головой, не то от удивления и восхищения, не то в знак порицания и осуждения.

Сверху было прекрасно видно скачущую всадницу, но вот около нее взметнулось несколько столбов дыма, и она скрылась из глаз. Белый вздрогнул и нервно затеребил свои усы. Остальные испуганно ахнули. Порыв ветра отнес дым в сторону, и вместо растерзанного трупа все увидели бешено мчавшуюся наездницу.

— Браво! Браво! Вас можно поздравить с такой дочкой,— одобрил наместник.

Благополучно добравшись до Утеса, Варя подъехала к кухне, около которой копошился кашевар Заяц, и, бросив ему поводья, взбежала на батарею. Она ожидала бурных проявлений восторга по поводу ее храбрости, восхищения ее героизмом, но на нее никто не обратил ни малейшего внимания. Когда же она попалась навстречу Борейко, то он сердито пробурчал:

— Только вас тут еще не хватало! Отправляйтесь на перевязочный пункт, он там, в первом каземате.— И поручик рукой указал ей дорогу.

— Но я хотела...— начала было Варя.

— Марш на место, сестра! — так рявкнул Борейко, что ноги Вари сами быстро понесли ее в нужном направлении.

В довершение всего, когда она проходила мимо Звонарева, тот ее даже не заметил. Рассерженная Варя добралась до перевязочного пункта и тут, обливаясь слезами, упала в объятия Шурки Назаренко, которая одна оценила по достоинству ее поступок.

— Сестра Назаренко,— официальным тоном произнес Мельников,— накапайте сестре Белой двадцать капель тинктуры валериани-эфири.

Варя явилась единственным лицом, которому в этот день была оказана медицинская помощь на Электрическом Утесе.

Выпустив около двухсот тяжелых снарядов, японцы скрылись за Ляотешанем. На батарее все облегченно вздохнули.

— Отбой,— скомандовал Жуковский.— Сергей Владимирович, осмотрите все орудия и составьте дефектную ведомость!

— Пробанить сейчас же орудия, пока пороховой нагар не затвердел,— добавил от себя Борейко.

После пережитых волнений солдаты весело бросились осматривать свои пушки.

— Небось ты не раз сегодня своего ангела-хранителя вспоминал? — спросил Кошелева один из солдат.

— Не ангела-хранителя, а адмирала Тогова матом вспоминал почитай целый час без передышки.

— Поди, икалось ему сегодня!

— Не только икалось, но и до ветру не раз, должно, бегал, как ты в его орудию свою наводил!

Осмотрев орудия, Звонарев доложил, что только в двух из них пробиты небольшими осколками щиты, в одном перебит трос от снарядного кокора и в одном разбит блок подъемной стрелы. На всех щитах много вмятин и царапин от камней и осколков.

— Дешево отделались! После полуторачасового обстрела всей эскадрой можно было ожидать бóльших поражений,— сказал Жуковский.— Интересно, сколько по нас было выпущено снарядов?

— Пахомов, сидя в погребе, насчитал полтораста упавших непосредственно у батареи, а всего не меньше двухсот,— сообщил Борейко.— Мы же израсходовали всего сто двенадцать снарядов! Почти вдвое меньше.

— Результат: у нас повреждений на батарее нет, если не считать выбитых стекол и разбитой черепицы, а у них один крейсер совсем выбыл из строя и четыре корабля получили повреждения,— подводил итоги Жуковский.

— Мы в очевидном и большом барыше,— заметил Звонарев.

— Для меня совершенно ясно, что, несмотря на высокую технику артиллерии, в японском флоте пользоваться ею не умеют. Дали бы мне их двенадцатидюймовки, так сегодня ни один бы корабль от Артура дальше морского дна не ушел! — похвалялся Борейко.

— Ваше высокоблагородие, кто-то до нас едет,— показал дальномерщик на приближающийся экипаж.

Борейко вскинул бинокль к глазам.

— В переднем Стессель и еще кто-то, чуть ли не Алексеев, а во втором Белый и Никитин,— сообщил он.

Радостно возбужденное настроение Жуковского мигом исчезло. Он побледнел и сразу заволновался.

— Немедленно надо выстроить роту, послать подмести осколки стекла и черепицы на дворе,— засыпал он приказаниями.— Вот уж истинная напасть на мою голову это начальство! Сколько оно мне портит крови!

— Значительно больше, чем японцы,— иронически заметил Борейко.

— Конечно. Того ни выговора не закатит за плохое состояние роты, ни от должности не отрешит.

— Только убьет или искалечит!

— От судьбы не уйдешь!

— Начальство — это тоже судьба, злой рок, если хотите!

— Во сто раз хуже! Судьба слепа, а генералы весьма зрячи и очень придирчивы! — волновался капитан.

— Ничего не надо делать, Николай Васильевич! Будем продолжать чистить пушки и ничего не станем убирать. Пусть увидят наш обычный вид после боя,— уговаривал Борейко.— Да и не успеем мы красоту навести, как они будут здесь.

— Пусть хоть канониры приведут себя в приличный вид, а то, смотрите, шинели на земле валяются, солдаты без поясов и фуражек, потные. Стессель, ведь вы сами знаете, на внешний вид больше всего обращает внимание.

— Сложить шинели в порядок, надеть портупеи, смотреть орлами! Сам наместник к нам едет! Отвечать ему — ваше высокопревосходительство! — прокричал на всю батарею Борейко.

— Я прошу вас, Борис Дмитриевич, скомандовать, когда подъедут экипажи, а то я голос во время стрельбы надорвал. Отрапортую уж я сам.

Все сошло как нельзя лучше: Борейко оглушил Алексеева своим басом, Жуковский отрапортовал дрожащим от волнения голосом, но все же начальством был обласкан. Превосходительные гости были удивлены обилием осколков на батарее, брали некоторые из них в руки и уверяли, что они еще теплые; они сами себя чувствовали до некоторой степени героями, прибыв на Электрический Утес тотчас после боя.

Белый справился о дочке, но Шурка Назаренко, смущаясь, сообщила, что «они были очень расстроимши и уже уехали по другой дороге».

Поблагодарив Жуковского и солдат, наместник зашел на кухню попробовать обед. Заяц с Белоноговым поднесли начальству наваристый борщ и тающую во рту гречневую кашу.

— Прекрасно! Очень, очень вкусно,— хвалил адмирал.— Когда же ты успел сварить обед? Неужели во время сегодняшнего боя?

 — Так точно! В аккурат, как япошка по Уте-

су бил. Я боялся, чтобы в борщ осколков он не накидал.

— Спасибо за службу! На тебе, братец, от меня трешку в награду.— И Алексеев протянул Зайцу зеленую бумажку.

— Рад стараться! Покорнейше благодарим! — поспешно отвечал солдат.

Когда наконец начальство уехало, Жуковский снял шапку и набожно перекрестился.

— Слава богу, главная опасность благополучно миновала! — радостно произнес он.— Пойдем обедать, господа, если наши денщики такие же герои, как Заяц.

На другой день Звонарева вызвали к телефону из Управления артиллерии.

— Хотя вы мерзкий, гадкий, противный и невоспитанный мальчишка и я с вами вовсе не хочу говорить, но все же решила сообщить вам, что сегодня в пять часов вечера похороны погибших на «Петропавловске», в том числе и дедушкиного адъютанта, как его?

— Дукельского,— подсказал Звонарев.

— Его самого! Борейко, кажется, был его другом. Что же касается вас, то, как всем известно, вы давно неравнодушны к Ривочке, которая теперь в великой печали. Вам представляется прекрасный случай утешить и одновременно завоевать ее любвеобильное сердце,— не могла не подпустить шпильки Варя.

— Благодарю вас, мы, конечно, будем на похоронах,— сухо ответил прапорщик и повесил трубку.

Явившись на кладбище, Борейко и Звонарев застали уже расходившиеся толпы провожающих.

Около кладбищенской ограды они встретили Желтову с обеими учительницами и Стахом. Прапорщик подошел к ним и, поздоровавшись, представил Борейко. Пробасив свою фамилию, поручик почтительно пожал им руки. С особенной осторожностью он заключил в свою огромную ладонь длинную, тонкую ручку Оли, которая во все глаза глядела на великана.

— Гора, а не человек,— шепнула она Леле, когда Борейко отошел от них.

— Вы не знаете, где похоронили Дукельского? — спросил Звонарев у Стаха.

— В дальнем конце у стены! — пояснила Оля.— Я вам покажу.

С трудом проталкиваясь через толпу, они прошли мимо братских могил, вокруг которых стояли на коленях

плачущие женщины и дети. Несколько попов в черных траурных ризах на разные голоса служили панихиды, усиленно кадя ладаном.

— Вот отсюда начинаются офицерские могилы,— показала Оля на ряд свеженасыпанных земляных холмиков.

Около некоторых стояли офицеры и дамы в трауре. У крайней могилы были видна одинокая, стоящая на коленях женская фигура, в скорбном порыве припавшая лицом к земле. Неподалеку, в черном плаще, с парадной треуголкой в руках, стоял Сойманов.

— Это, верно, Рива плачет! — догадался Звонарев, и они вдвоем пошли вперед, а Оля осталась стоять на месте.

Возложив на могилу принесенный с собой венок, Борейко положил земной поклон, Звонарев последовал его примеру. Рива подняла голову. Звонарев едва ее узнал, так она изменилась за эти несколько дней. Щеки обтянулись, большие глаза глубоко провалились, нос заострился, и целая сеть мелких морщинок покрывала все лицо. Рива устало улыбнулась, узнав своих друзей, и начала подниматься с колен, но тут силы ей изменили. Звонарев и Сойманов подхватили ее и повели к одной из скамеек.

Риве смочили голову, и она стала успокаиваться.

— Вам лучше? — участливо спросила ее Оля.— Не волнуйтесь, мы сейчас отведем вас домой.

— Я сама дойду, вы только проводите меня! Я и так вам всем доставила такую массу хлопот.

— Все это пустяки! Вам пришлось пережить много горя за эти дни, вот вы и ослабли.

— С тридцать первого я не была дома, все время находилась около Жоржика. Он умер прошлой ночью.

— Сильно мучился перед смертью? — спросил Сойманов.

— Раз только пришел в сознание, а то все время был в забытьи! Андрюша,— он лежал в той же палате,— все время бредил и бросался. Но сегодня с утра пришел в сознание и расплакался, узнав о гибели Макарова,— рассказывала Рива.

Борейко с Соймановым вели Риву под руки. Оля с Звонаревым шли впереди. К ним у ограды присоединились Желтова и Леля со Стахом. Женщины наперебой предлагали свою помощь Риве.

— Вас нельзя в таком состоянии оставлять одну в квартире! Я останусь с вами! — решительно заявила

 Оля.

— Постой, Оля, может быть, мадемуазель Рива хочет остаться одна, и ты ей будешь только мешать!

— О нет, я, по правде сказать, боюсь сейчас одиночества. Уж слишком живо все там будет мне напоминать о моей потере.

— Тогда идемте к нам в школу,— предложила Оля.

— Туда я не доберусь! Лучше всего, если бы вы смогли остаться у меня хоть только на одну сегодняшнюю ночь,— просила Рива.

Медленно, шаг за шагом, вся компания двигалась по улицам города.

— Вот я и дома! — проговорила Рива, останавливаясь у своего крыльца.

На стук вышла растрепанная Куинсан и радостно бросилась Риве на шею.

— Моя жди, моя много слушай! Никто не ходи, моя боися! — лепетала она.

Все вошли в столовую. Здесь все уже было чисто прибрано. Рива с женщинами ушла в спальню, а мужчины остались в гостиной. Куинсан поспешила приготовить чай для гостей.

— Пропал наш Жорж не за понюх табаку! — вздохнул Борейко.

— Главное — погиб Макаров,— отозвался Сойманов.— Видели вы, как мы вчера от японцев за горы прятались, вместо того чтобы вступить в бой?

— На своих боках чувствовали. Одни сражались с целой эскадрой! — вставил Звонарев.

— Сегодня приказом по флоту наместник отменил всякие выходы эскадры в море, пока не будут починены «Ретвизан», «Цесаревич» и «Паллада». В общем, у нас сразу все изменилось.

— Почему, собственно, погиб «Петропавловск»? — спросил Борейко.

— По мнению комиссии, расследовавшей причины гибели броненосца, он натолкнулся на минную банку, состоявшую из нескольких связанных ударных мин. Взрыв вызвал детонацию внутри броненосца. Как раз накануне было принято на «Петропавловск» несколько десятков мин заграждения. Они и детонировали при взрыве. Он раскололся изнутри и мгновенно утонул,— пояснил Сойманов.

— Рива несколько успокоилась и уснула,— объявила Мария Петровна, появляясь в гостиной.— Оля останется ночевать, а мы тронемся домой, на дворе уже совсем темно.

Распрощавшись с Олей и Куинсан, все двинулись к дверям.

— Не успел погибнуть Макаров, а уже все его начинания рушатся одно за другим,— с грустью проговорила Желтова.— Сегодня утром мне объявили в Управлении портом, что лекции матросам и рабочим решено прекратить. Рабочие же мне говорили, что им предложено очистить казенные квартиры в казармах. Хотят снять их и с довольствия!

— Тогда работы по починке кораблей, несомненно, сорвутся,— проговорил Звонарев.

— Нашим адмиралам это только на руку. Чем дольше мы будем стоять в порту, тем им спокойнее,— вставил Сойманов.— В море, не дай бог, еще утонуть можно, а в порту в случае чего и с берега помогут.

— Слушаю я вас и не понимаю, кто же больше доволен гибелью Макарова — японцы или наши адмиралы с генералами? — заметил Борейко.— Выходит, что он всем поперек дороги стал. Стессель рад, князь, поди, тоже рад, адмиралы вздохнули свободно, офицеры загуляли на берегу. Сразу всем масленица настала.

— Зато матросам да рабочим — великий пост,— проговорила Леля.

— И нам, артиллеристам, тоже! Изволь теперь один на один с японцами воевать,— добавил Звонарев.

— Кого прочат вместо Макарова? — справился Борейко.

— Не то Рожественского, не то Скрыдлова. Оба в подметки не годятся Макарову! Мы потеряли не только адмирала. Степан Осипович был душою флота, и заменить его в этом отношении никто не может.

— И для армии он был душою обороны. Глядя на него, мы знали, что помимо Стесселя у нас есть еще и Макаров, и были спокойны за дело обороны,— пылко проговорил Борейко.

— Все честные люди в России пожалеют о покойном адмирале,— вздохнула Мария Петровна.

Когда они подошли к школе, китаец-сторож протянул Желтовой бумагу. Прочтя ее при свете спички, Мария Петровна взволнованно объявила:

— Школа для взрослых и вечерние курсы с завтрашнего дня закрыты по распоряжению Стесселя. Здание занимается под лазарет.

— А куда мы денемся? — спросила Леля.

— Право, не знаю,— растерянно проговорила Мария Петровна.

— Поступите сестрами в лазарет, только и всего! — успокоил Стах.

— Но мы к этому не готовы, нам надо еще учиться самим,— горячилась Леля.

— Поступайте завтра же на сестринские курсы, хотя бы к той же Варе Белой,— пробасил Борейко.

— Это неплохой совет,— согласилась Мария Петровна.

На Электрическом Утесе Борейко целыми днями возился с артельным хозяйством. Солдаты с увлечением занимались этими работами, напоминавшими им родные деревни. Вечерами они собирались около казарм, обсуждая события минувшего дня, делясь надеждами на будущее.

В один из таких вечеров Борейко подошел к ним. Солдаты вскочили и вытянулись.

— Садитесь и дайте мне табуретку. Разговор у нас будет длинный,— проговорил поручик.

Солдаты уселись около него прямо на землю.

— Сидим мы у моря, а рыбы не видим. Это все равно что жить в лесу и не иметь дров. Лодки у нас есть, значит, дело за сетями, но их можно достать. Кто у нас рыбачил до службы? — спросил Борейко.

— Я, ваше благородие,— отозвался матрос-сигнальщик Денисенко.

— И я! И я! — отозвалось еще несколько голосов.

— Рыбаки, значит, есть. За старшего в рыбацкую команду поставим Денисенко. Он моряк и к морскому делу привык. Теперь о другом. Надо вокруг Утеса расчистить, где можно, площадки и устроить на них огороды, посеять лук, чеснок и другие овощи. Смотришь, к осени и соберем урожай. Кто у нас огородники?

— Ярцев, Снитков, Глубин,— начали перечислять солдаты.

— Тебя, сказочник, я и поставлю за старшего по огородной части,— обернулся к Ярцеву поручик.

— А теперь запевай, Белоногов, «Ермака»,— приказал он, вставая с места.

Воспользовавшись затишьем на море, Звонарев отпросился в город и решил зайти на квартиру к Риве. Здесь он застал Андрюшу Акинфиева.

— Привет храброму артиллеристу,— встретил он прапорщика.

— Рад тебя видеть на ногах. Ривочка, скажите, завоевал ли Андрюша ваше сердце? — спросил Звонарев.

— Не смущайте моего мальчика. Ему не до сердец. Еле-еле душа в теле,— улыбнулась в ответ Рива.

— Неправда, я совсем здоров,— запротестовал Андрюша.

Поболтав с ними, Звонарев отправился в Управление артиллерии. Когда он проходил мимо «Этажерки», то увидел группу спорящих морских и стрелковых офицеров.

— Мы настолько слабы по сравнению с японцами, что не можем выйти в море,— объясняли стрелкам моряки, но те не хотели слушать.

Около Управления артиллерии прапорщик встретил писаря Севастьянова.

— Слыхали новости, ваше благородие? Японцы начали высадку у Бидзиво. В ближайшие дни Артур будет отрезан от России и Маньчжурии. Наместник поспешно выехал в Мукден, бросив все свое имущество. Даже с генералом Стесселем не попрощался,— сообщил писарь.

— Почему же флот не помешал высадке десанта? Это просто безобразие,— возмутился Звонарев, начиная понимать причину споров на «Этажерке».

— Совсем наша эскадра заслабла после смерти адмирала Макарова, боится в море выходить. Теперь японец быстро заберет Артур. Крепость-то с сухого пути совсем не укреплена, войска у нас мало, с провиантом плохо,— сокрушался Севастьянов.

— Ничего, нам из Маньчжурии помогут,— подбодрил собеседника Звонарев, хотя и не верил своим словам.

— Приходил сюда Блохин, просил перевести его на Утес, совсем его замордовал Вамензон. Я тут от вашего имени заготовил генералу рапортишку с просьбой о переводе Блохина. Подпишите, доброе дело сделаем, человека от истязаний спасем.

Звонарев подписал бумагу и заторопился с новостями на Утес.

— Честь имею явиться, ваше благородие,— прохрипел Блохин, подойдя к Звонареву, разговаривавшему с Борейко во дворе казарм на Электрическом Утесе.

— Здорово, Блоха! — приветствовал его Борейко и хлопнул по плечу.

— Здравия желаю! Ой! — скривился солдат.

— Что с тобой? По чиряку, что ли, попал? — спросил поручик.

— Никак нет! Это Зон на прощание мне шкуру отполировал.

— Какой такой Зон?

— Капитан Вамензон.

— Вамензон! За что же он тебя так отодрал?

— Характер мой хотел переломить. В бараний рог сулился согнуть, да не вышло, хотя я и без шкуры остался.

— А ну-ка, покажи, как он тебя изукрасил?

— Соромно при людях, ваше благородие!

— Ишь ты какой застенчивый стал! Пойдем к Мельникову, там и разденешься.

Звонарев внимательно посмотрел на Блохина. Он еще более похудел, глаза ввалились. На две головы ниже Борейко, он был так же широк в плечах, как и поручик, что придавало его фигуре квадратный вид. Длинные руки кончались огромными кистями, в которых чувствовалась большая сила.

Когда Блохин разделся, то вся его спина оказалась покрытой багровыми рубцами и кровоподтеками.

— Плохо твое дело, Блоха! Знатно тебя отделал Зон. Придется тебя дня на три-четыре освободить от работы.

— Мне бы спирту стаканчик, ваше благородие, живо бы все как рукой сняло! — попросил Блохин.

— Буянить начнешь с непривычки. Дай ему, Мельников, немного.

— Покорнейше благодарю! — радостно сказал Блохин.

— Пойдем на рыбалку,— предложил Борейко Звонареву.

Пользуясь отсутствием японской эскадры, рота вышла на хозяйственные работы. Все мало-мальски пригодные под огороды площадки на склонах Золотой горы были очищены от камней, вспаханы и теперь засаживались различными овощами. Около сотни солдат, под руководством Ярцева, усердно высаживали рассаду. Одетые уже по-летнему, в белых рубахах и белых фуражках, солдаты с увлечением занимались этой работой.

— Как прикоснулся рукой к теплой землице, прямо дрожь пробирает! Теперь бы у себя в деревне за сохой походить! Самое время землю-матушку пахать да бороновать! — восторженно говорил Булкин, разминая в руках комок глинистой, неплодородной артурской земли.

— Бывало, я дома как вспашу да пробороню разок-другой — земля как пух делается,— вторил ему Кошелев.— Зерно в ней как дите малое в люльке лежит!

— Уродились бы только кавуны! Давно их не едал! — вздыхал Воловой.— У нас если бахчу засадишь, то земли от кавунов не видать! И все наливные, по пуду без малого весом, что наши бомбы!

— Придет японец да своими бомбами все наши огороды и бахчи перекопает,— опасливо заметил Гнедин.

— А ты лучше орудию свою наводи, чтобы враз всех японцев потопить,— советовали ему.

— Ведмедь не допустит! Япошка его страх боится. Тогов, адмирал японский, награду по флоту объявил, кто Ведмедя нашего убьет.

— Убьешь такого! Разве цельный снаряд попадет.

— И тот поди отскочит.

— Здорово, огородники! — рявкнул, подражая Борейко, незаметно подошедший Заяц.

Солдаты вскинулись и хотели было уже отвечать, но, увидев Зайца, крепко выругались по его адресу.

— Спужались, поди? — обрадованно проговорил Заяц, заметив смущение солдат.— Работай, работай, ребята, бог труды любит, зимой с овощами да капустой будем.

— Гречу бы посеять, а то без нее скушно!

— Не растет здесь греча, жарко ей. Заместо ее чумиза произрастает.

— Чумиза — еда китайская, нам не с руки, как и рис: брюхо набьешь, а сыт не бываешь!

— Рис — еда барская, его господа очень даже одобряют!

— Потому и одобряют, что не работают!

— А китаец день-деньской спину гнет, а, кроме рису, ничего не ест.

Солдаты продолжали свою работу. На берегу больше всех хлопотал Денисенко. Купленную сеть надвязали, увеличили крылья, сменили веревки и сегодня решили попробовать ловить рыбу. Отплыли в море на двух лодках и, раскинув почти стосаженную сеть, поволокли ее к берегу. Когда лодки подошли, солдаты начали выбирать крылья. В неводе засверкала серебристая рыбешка. Ее быстро вынимали и бросали в заранее приготовленные на берегу бочки.

— Как бы нам акулы не вытащить, а то за ноги еще схватит,— боязливо заметил Белоногов.

— Акула не собака, по земле бегать не может! — успокоил его Денисенко.— Она бы всю сеть давно изорвала.

— Черт с ней, с акулой, не вытралить бы нам ненароком мину! Это похуже всякой акулы будет! — проговорил Борейко.— Смотри, ребята, в оба, не видать ли в неводе металлического предмета,— предупредил он солдат.

Невод шел все тяжелее, и когда наконец был вытащен на берег, то оказался набитым самой разнообразной рыбой.

— Рыбу, что покрупнее, тащи сюда — чистить да солить будем. Которая сонная да вялая, на уху пойдет, а мелочь да погань всякую морскую кидай обратно в воду, чтобы не протухла и не завоняла! — командовал Назаренко.

Денисенко выбрал одну рыбу покрупнее и выбросил ее далеко в море.

— Сдурел ты, что ли, добро выкидывать зазря? — набросился на него Назаренко.

— Морскому царю жертва, чтобы и впредь хорошо ловилась рыба,— ответил матрос.

— Сам-то Христос из рыбаков, слыхать, был, должен поэтому нам содействовать! — вставил Лебедкин.

— Замолчи, Лебедкин, командиру доложу про такие слова!

— Да я из Евангелия, Денис Петрович!

Всего выловили свыше сотни пудов. Пудов двадцать оставили на обед, а остальное решили засолить. Тут проявил свое искусство Блохин, когда-то работавший на рыбных промыслах на Каспии. Он устроил ряд столов, расставил за ними солдат и показал, как потрошить и засаливать рыбу.

— Оказывается, ты блоха морская,— смеялся Борейко, глядя на него,— а я тебя считал за земляную.

— И по земле и по воде прыгать приходилось помалости, ваше благородие!

Перед самым обедом на Утес неожиданно приехал Белый вместе с новым комендантом крепости генералом Смирновым. Солдат наскоро построили около казармы. Комендант подошел к ним петушиной прыгающей походкой и, вытянувшись перед фронтом в струнку, отрекомендовался:

— Комендант крепости Порт-Артур, генерал-лейтенант Смирнов!

Часть солдат, приняв это обращение за приветствие, гаркнула было: «Здрав...»,— но, не поддержанная другими, тут же сконфуженно замолчала. Генерал сердито бросил Белому:

— Плохо дисциплинированны и не понимают русского языка!

Насупившись и поглаживая рукой закрученные вверх седенькие усы и жиденькую эспаньолку, он молчаливо прошел по фронту.

— Это еще что такое? Что у вас в роте, солдаты или

рыбаки? — накинулся он на Жуковского, заметив на некоторых солдатах рыбью чешую.

Капитан от волнения лишился языка и только мигал глазами.

— Сегодня день постный, и солдаты чистили рыбу на обед,— вместо Жуковского ответил Борейко.

— Вы адвокатом, что ли, состоите при вашем ротном командире? — спросил его Смирнов.

— Поверенным в делах, ваше превосходительство! — отрезал Борейко.

— Поручик Борейко исполняет должность старшего офицера в роте, и так как капитан Жуковский заикается от волнения, то поручик и отвечает вам за него,— пояснил Белый.

Смирнов с сожалением взглянул на Жуковского, с недоумением на Белого и, не сказав более ни слова, пошел дальше. Белый за его спиной пригрозил пальцем едва сдерживающему смех Борейко. Но тут внимание генерала привлек сложенный в штабеля уголь.

— Что это, батарея или угольный склад? — обернулся он к Белому.

Борейко объяснил ему происхождение угля и указал, что им снабжаются и соседние батареи.

— Убрать отсюда весь уголь! — приказал комендант.

Потом его неудовольствие вызвали огороды, разведенные около Утеса.

— Солдат должен быть солдатом, а не огородником,— заявил генерал.

— А дурак должен быть дураком, а не комендантом,— буркнул Борейко, обращаясь к Звонареву.

Увидя на батарее щиты при орудиях, комендант совсем вышел из себя.

— Этим вы понижаете боевой дух солдат.

— Но сохраняем его плоть,— возразил Белый.

— Плоть может быть немощна, но дух бодр,— настаивал генерал.

— Это хорошо для монахов, а у солдат всегда в здоровом теле бывает и здоровый дух,— возражал Борейко.

— У вас, поручик, не по чину слишком длинный язык.

— Слушаюсь! — смиренно заметил Борейко, сраженный генеральской логикой.

Осмотрев батарею, Смирнов зашел на электрическую станцию.

— Кто заведует? — спросил он.

Звонарев вышел вперед.

— Почему у вас грязно и плохо пахнет? — допрашивал генерал.

— Окна запылились, а пахнет обыкновенным машинным маслом. Это обычный запах около паровых машин.

— Я окончил две академии — артиллерийскую и военную, но не слыхал, чтобы на электрических станциях пахло маслом. Убрать, проветрить и впредь не допускать! — кричал генерал.

В котельной внимание Смирнова привлек манометр.

— Сколько же у вас давления?

— Сто двадцать футов на один квадратный дюйм.

— Почему так мало? Увеличить до ста шестидесяти футов.

— Котел может не выдержать.

— Обязан выдержать, раз я приказываю! — отрезал генерал и вышел из котельной.

— Это еще что за чудак такой? — спросил у Звонарева Лебедкин, вытирая паклей руки.

— Комендант новый! Окончил две академии.

— То-то и видать, что учился и переучился!

Когда наконец генералы отбыли и Жуковский опять обрел дар речи, он разразился упреками Борейко:

— Борис Дмитриевич! И зачем вы гусей дразните? Смирнов мне теперь вовек сегодняшнего посещения не забудет. Надо немедленно убрать уголь, снять с орудий щиты, прекратить рыбную ловлю и ликвидировать огороды.

— Заодно отправить вас в нервную больницу,— докончил Борейко.— Пусть Смирнов чудит, как хочет, а у нас все должно остаться по-старому.

— Вы меня без ножа режете, Борис Дмитриевич. Меня отрешат от командования ротой! — плакался капитан.

Тем не менее после генеральского посещения на Утесе все пошло по-прежнему, и только Жуковский иногда боязливо поглядывал на дорогу: не видно ли на ней страшного «врага внутреннего с красными отворотами на шинели».

Рыбная ловля давала хорошую свежую пищу и позволяла сделать запасы на зиму. Огороды зеленели на радость всей роте. Борейко ежедневно обходил свое хозяйство и весело покрикивал на солдат.

В один из таких дней Блохин вернулся из города

сильно пьяным и забуянил. Он накинулся на фельдфебеля с руганью, а потом налетел на Борейко.

— Ты где нализался? Марш в казарму! — приказал ему офицер.

— Ах ты, я доберусь до тебя...— бросился было солдат к поручику, но тут же был сбит с ног ударом кулака.

Подоспевшие солдаты связали его веревками и посадили в пустой пороховой погреб для вытрезвления.

— Никому не рассказывать о происшествии,— предупредил поручик солдат.

Поняв, что он хочет замять дело, артиллеристы обещали молчать.

На следующее утро Борейко приказал позвать к себе Блохина.

— Здорово, Блоха! — приветствовал он солдата.

— Здравия желаю,— прохрипел бледно-зеленый с перепою солдат.

— Здорово башка гудит?

— Так и трещит, вашбродие.

— Ступай проспись, а потом я тебе, курицыну сыну, придумаю наказание,— уже добродушно проговорил Борейко.

На этом инцидент был исчерпан. Солдаты были удивлены таким исходом дела и усиленно судачили между собою по этому поводу.

— Медведь человека нутром чувствует, кто ему друг, а кто враг. Блоха теперь по гроб жизни должен быть благодарен поручику за то, что спас его от тюрьмы, а то и расстрела.

Почти ежедневно перед Артуром появлялась японская эскадра. Она проходила вдоль берега вне досягаемости береговых батарей и, выпустив по крепости несколько выстрелов, скрывалась за горизонтом. Борейко каждый раз по дальномеру замерял путь движения вражеских кораблей и наносил их на карту. Звонарев с недоумением наблюдал, как тщательно вычерчивалась ежедневно новая кривая на большой карте в комнате поручика.

— Что ты, Боря, колдуешь? — спросил он.

— Выясняю степень глупости адмирала Того,— ответил поручик, еще более озадачив Звонарева.

Наконец как-то вечером он позвал Звонарева в комнату и, ткнув пальцем в карту, на которой красовались почти совпадающие линии движения вражеской эскадры, пробурчал:

— Того большой-таки дурак, и мы его хорошенько хлопнем за глупость.

— Мы же до него не достанем,— недоумевал Звонарев.

— Достанем! Не сверху, так снизу. Поставим на пути японцев букеты из мин, авось какой-нибудь броненосец и напорется на них, как наш «Петропавловск».

— План твой, Боря, не лишен остроумия, насчет мин надо сговориться с моряками. После смерти Макарова не знаю, с кем из адмиралов можно говорить!

— А мы обойдемся без адмиралов, переговорим с командирами миноносцев или минных транспортов и обдумаем, как подстроить добрую шкоду. Помнить будут поручика Борейко!

Через полчаса оба друга, отпросившись у Жуковского, шагали по городу. Сначала они заглянули на «Баян», стоявший у стенки, и посвятили Павлика Сойманова в свой план.

— Боренька, тебе бы эскадрой командовать вместо Вили! — восторженно обнял поручика Сойманов.

— Только вам надо обратиться не на миноносцы, а на минные транспорты. На миноносцах много мин не увезешь, а транспорт поднимает сразу несколько сот,— советовал лейтенант.

— Командиры транспортов штаб-офицеры, а я никого не знаю из этого высокого общества,— с сомнением говорил Борейко.— Да и мозги тут нужны посвежее, не заросшие мхом.

Сойманов предложил сейчас же побывать на минном транспорте «Амур», у капитана второго ранга Иванова.

Там он представил своих друзей Иванову и рассказал о цели их посещения. Капитан, высокий худощавый полуседой шатен, с тонким умным лицом, молчаливо их выслушал, затем хитренько улыбнулся и вынул из шкафа свернутую рулоном карту. Когда она была развернута, то на лицах всех трех друзей появилось глубокое удивление: вдоль берега были прочерчены такие же точно линии, как и на карте Борейко.

— Откуда вы получили копию моей карты? — справился поручик.

— Ниоткуда, я сам ее вычертил на основании своих наблюдений за движением японской эскадры с Золотой горы,— ответил Иванов.

— Очевидно, нам обоим пришла в голову одна и та же мысль,— сообразил Борейко.

— Совершенно верно,— кивнул Иванов.

Затем карты сверили, кое-что уточнили и исправили.

— Что же вы дальше предполагаете делать? — спросил Борейко.

— То же, что вы и предполагали: незаметно от японцев поставить мины на пути обычного движения их эскадры. Сделать это нетрудно. Главная опасность заключается в том, что мины придется ставить вне пределов трехмильной полосы, которые являются территориальными водами. Следовательно, мины будут установлены в нейтральной международной зоне,— пояснил Иванов.

— Но японцы из этой зоны бомбардируют Порт-Артур, не считаясь ни с какими международными правилами. Почему же мы не можем ставить мины в этом районе? — неудоумевал Звонарев.

— От бомбардировки Артура никакие нейтральные суда пострадать не могут, а на минах легко может подорваться любой английский или американский купеческий корабль. Это может послужить предлогом к военному вмешательству Англии или Америки,— продолжал Иванов.

— Они и так во всем помогают японцам, и мы фактически воюем с триумвиратом из Англии, Америки и Японии. Чего же еще с ними церемониться? — возражал Борейко.

— Вступивший в командование эскадрой после отъезда наместника адмирал Витгефт больше всего боится международных осложнений. Тут его трудно сбить с этой позиции,— сомневался Иванов.

— Быть может, обратиться к Белому и попросить, чтобы он поговорил с Витгефтом? — предложил Звонарев.

— Едва ли это поможет. Как бы Витгефт еще не обиделся за такое вмешательство в его морские дела,— предупредил Иванов.

— Двум смертям не бывать, а одной не миновать. Попросим Василия Федоровича переговорить с вашим Вилей. Может, это и придаст ему храбрости в международных делах. Будем понастойчивее, и уверен, что наше дело увенчается успехом,— решительно тряхнул на прощание руку Иванова Борейко.

Сначала Белый совсем не захотел вмешиваться в это дело.

— Дело морское, и нам, артиллеристам, нечего в него путаться,— сказал он.

Но тут неожиданно Борейко и Звонарев встретили горячую поддержку у Тахателова.

— Прекрасная мысль! Приложу все усилия, чтобы уговорить генерала съездить к Витгефту, и сам поеду с ним,— пообещал полковник.

Через день он вместе с Белым уже сидел в просторном адмиральском салоне. Попали они к Витгефту перед самым обедом, и адмирал не захотел и слушать ни о каких делах, пока дорогие гости не отобедают вместе с ним. Пришлось согласиться с просьбой радушного хозяина.

Как истый гурман, Витгефт ел и пил не торопясь, тщательно смакуя каждое блюдо, запивая их изысканными винами, специально хранящимися у него.

Разговор шел о чем угодно, кроме того вопроса, ради которого артиллеристы прибыли к адмиралу.

Когда наконец священнодейственная трапеза кончилась и Витгефт вместе с гостями перешли в соседний салон, где их ждал кофе и ликеры, Белый приступил к изложению целей своего посещения.

— Не отрицаю, что идея постановки минного заграждения на путях японской эскадры весьма заманчива, но и достаточно рискованна во многих отношениях. Представьте себе, что подорвется не японский военный корабль, а паршивый американский или английский купчишка. Скандал на весь мир. Международные осложнения вплоть до объявления нам войны! — горячо возражал адмирал.

— Японцы каждую ночь забрасывают внешний рейд десятками мин. Морским течением их всегда может отнести в море за пределы трехмильной полосы. Доказать, что это наша шаровая мина, будет просто невозможно. Значит, и никаких международных осложнений бояться не приходится,— доказывал Белый.

— Японцы обычно проходят в одиннадцати — двенадцати милях от берега. Трудно предположить, что туда попала одна из мин, поставленных под берегом. Да и постановку мин будет трудно скрыть от японцев. Они, конечно, не преминут оповестить весь мир о том, что русские минируют нейтральные воды, создавая этим угрозу мировой торговле и мореплаванию,— не сдавался адмирал.

— Конечно, надо хорошенько все обдумать. Но риск не так уж велик, если удастся скрыть операцию от

японцев, зато успех может быть огромным и при этом без потерь для нашего флота,— уговаривал Белый.

— Зачем думать об англичанах и американцах? Подорвутся на минах, туда им и дорога. Все равно они с нами уже сейчас воюют японскими руками, снабжая Японию оружием, боеприпасами, деньгами, продовольствием,— чем только могут! В японской армии и во флоте имеются английские и американские инструкторы. Почему нам не топить ихние пароходы, раз все они возят военную контрабанду? Ваше превосходительство, не смущаясь топите все английские и американские корабли. Русский народ вам только спасибо скажет,— горячо убеждал адмирала Тахателов.

— Нельзя без разбора топить суда! Надо сначала их осмотреть, установить наличие военной контрабанды и только тогда пускать его ко дну, а команду во всех случаях полагается спасать. Нельзя так просто решать сложные вопросы! — спорил Витгефт.

— Можно поставить мины на границе береговой полосы, в шести милях от берега, а течением их может отнести и дальше в море. Так ведь, ваше превосходительство? — не сдавался Тахателов.

— Многое можно, но это будет нечестно с нашей стороны!

— Это с японцами-то говорить о честности, после того как они без объявления войны напали на нас? — весь кипел от негодования полковник.

— Надо крепко подумать, прежде чем принимать такое решение,— продолжал колебаться Витгефт.

— Очень стоит подумать, ваше превосходительство. И я уверен, что вы согласитесь с нами,— прощаясь, говорил Белый.

Едва гости ушли, адмирал приказал вызвать к себе Иванова и снова выслушал все его соображения по постановке мин в открытом море.

— Очевидно, придется собрать для обсуждения всей операции флагманов и командиров первого ранга,— решил Витгефт.

Видя, что дело снова откладывается в долгий ящик, Иванов решил идти напролом.

— Я, ваше превосходительство, за пределы территориальных вод не выйду! Мины установлю на самой границе. Дайте только мне три, четыре миноносца для прикрытия. В туманную погоду их будет трудно заметить.

Витгефт продолжал сомневаться. Видя это, Иванов обещался своим честным словом не выходить за пределы территориальных вод, а в душе тут же решил действовать на свой страх и риск и больше к Витгефту не обращаться.

«Поставлю мины там, где нужно, а потом меня пусть хоть в матросы разжалуют»,— думал Иванов, возвращаясь к себе.

Он договорился с командирами миноносцев о готовности выйти в море при первом тумане, затем принял на борт полный боевой комплект мин и приготовил транспорт к немедленному выходу в море.

Борейко и Звонарев ежедневно посещали моряков и о положении дел докладывали Белому. Генерал, в свою очередь, по телефону справлялся о «драгоценном» здоровии Витгефта. Адмирал прекрасно понимал, что интересовало Белого, но неизменно отвечал, что все находится «в руцех божьих» и если Никола-угодник поможет, то мины будут поставлены, но обязательно в пределах прибрежной полосы крепости.

Наконец наступило утро второго мая. Погода была тихая, безветренная, с ночи на море лежал туман. К утру он хотя и поредел, но все же был достаточно густ, чтобы скрыть выход в море «Амура» и миноносцев. Перед уходом Витгефт еще раз напомнил Иванову, что постановка мин должна происходить обязательно в прибрежной полосе. Капитан подтвердил свое твердое намерение точно придерживаться мудрых указаний своего начальника. И тем не менее Витгефт был неспокоен. Едва «Амур» и миноносцы вышли в море, как адмирал сообразил, что в таком тумане трудно точно ориентироваться в море, не видя берегов.

— Поставят мины там, где не надо, и не взыщешь,— не по чем ориентироваться,— забеспокоился адмирал и приказал одному из миноносцев догнать ушедшие в море корабли и вернуть их в порт. Насилу удалось его отговорить от этого.

Между тем «Амур» и сопровождающие его миноносцы благополучно дошли до района, где следовало ставить мины. У Иванова не было ни малейших колебаний, когда он вышел за пределы береговых вод и вступил в нейтральное море. Плохая видимость из-за тумана и невозможность точно определиться были прекрасным оправданием для такого нарушения. Туман, приподнявшись над морем, дал возможность точно установить мины в районе обычного движения японской эскадры.

Они устанавливались одна за другой в одну линию. Всего было спущено пятьдесят мин, которые растянулись на протяжении одного километра, перпендикулярно пути движения японских кораблей.

Пока транспорт был занят установкой мин, дозорные миноносцы следили за морем. Японцы не показывались, горизонт был чист, не было видно ни одного дымка. Когда установка мин была закончена, Иванов полным ходом двинулся в Артур, миноносцы последовали за ним.

Велика была радость Витгефта при виде возвращающихся судов. Адмирал тут же объявил благодарность всем кораблям и разрешил отпустить команды на берег.

Начальник штаба Витгефта контр-адмирал Матусевич пытался было возражать, напомнив, что в случае успеха следует подумать об организации преследования подорвавшихся на минах кораблей противника.

— То, что наши корабли благополучно вернулись с моря, уже, по-моему, является успехом. О преследовании врага нам думать не приходится ввиду нашей слабости,— даже руками замахал на него Витгефт.

Второго мая день был воскресный, и, несмотря на военное время, работ в этот день не производилось. Многие знали о выходе «Амура» для постановки мин, и теперь тысячи людей с нетерпением ждали появления японской эскадры. Обращенные к морю склоны Золотой горы, Тигрового Хвоста, Перепелиной горы были усеяны людьми, которые кто в бинокль, кто в подзорную трубу, а кто и простым глазом следили за всем, что происходило в море.

Уже перевалило за полдень, туман окончательно рассеялся, видимость стала прекрасной, и тут на горизонте появилась идущая в кильватерной колонне эскадра адмирала Того. Один за другим шли шесть японских броненосцев во главе с флагманским кораблем «Микаса». За ним следовали три броненосных крейсера.

Жуковский с Борейко и Звонаревым с бруствера батареи следили за неприятельской эскадрой. Вдруг под одним из броненосцев раздался взрыв, и он сильно накренился набок.

— Ура! Ура! Налетел на мину, что наши поставили! — обрадовался Борейко.

Японские корабли бросились на помощь пострадавшему, и тут еще один из броненосцев взорвался, окутался паром и исчез под водой.

— Совсем как «Петропавловск»! — проговорил Звонарев.

Японские корабли сгруппировались около места катастрофы.

— К орудиям! — скомандовал Борейко.— Надо их обстрелять, пока они стоят в куче.

Но дистанция до японцев оказалась около пятнадцати верст, и с Утеса обстрелять ее было нельзя. Борейко ринулся к телефону и позвонил на сигнальную станцию. Вызвав дежурного, он сообщил о том, что происходит.

— Мы это сами прекрасно видим!

— Так почему вы не открываете огня с броненосцев?

— Адмирал считает это излишним: японцы могут ответить на нашу стрельбу бомбардировкой Артура!

— Ваш адмирал трус и изменник! — заорал в телефонную трубку поручик.

Дежурный офицер на сигнальной станции поспешил разъединиться.

Борейко позвонил к Белому и попросил помочь ему уговорить Витгефта.

— Это не Макаров, с ним не сговоришься! Попробую позвонить сейчас Стесселю,— может, он сумеет воздействовать на моряков,— ответил Белый.

Но командующий эскадрой адмирал Витгефт уперся и не стал даже слушать Стесселя.

Взбешенный генерал вместе с Никитиным прискакал на Золотую гору и обрушился на прибывшего туда Витгефта.

— Если вы, ваше превосходительство, немедленно не откроете огонь по японцам, я прикажу береговым батареям обстрелять вашу эскадру,— кричал Стессель на адмирала.

— У нас у самих есть пушки,— огрызнулся Витгефт.

— Которые вы боитесь разрядить по японцам.

— Просто не считаю нужным делать это!

Никитин и Белый бросились успокаивать Стесселя, а Григорович доказывал Витгефту необходимость выступления против японцев.

— Генерал Стессель требует от вашего превосходительства точного ответа, что вы сейчас намерены пред-

принять против японцев? — подошел к адмиралу Никитин.

— Выслать «Новика» с миноносцами для атаки японцев,— вместо Витгефта ответил Григорович.— Сигнальщик! Поднять сигнал: «Новику» и миноносцам немедленно выйти в море и атаковать японцев! — распорядился он.

Но миноносцы и «Новик», ввиду того что половина команды у них была на берегу, смогли поднять пары лишь через два часа, и, когда они наконец вышли в море, японцы давно уже скрылись за горизонтом.

Вечером того же дня Борейко с Звонаревым отправились в город, разукрашенный флагами в честь неожиданного успеха на море. На «Этажерке» и на улицах толпилась масса народу; особенно много было моряков. Они сегодня чувствовали себя героями дня,— впервые удалось нанести японцам большие потери в крупных линейных судах. Престиж моряков сразу возрос: сегодня все поздравляли их.

— Теперь, когда японский флот так сильно ослаблен, надо думать, и наша эскадра наконец выйдет в море и окончательно добьет японцев,— высказывали свои надежды армейцы.

— Будь жив Макаров, эскадра с первой же высокой водой вышла бы в море, чтобы преследовать Того до самой Японии. Что предпримет Витгефт, никто сказать не сможет. Вернее всего, мы по-прежнему будем отсиживаться в гавани,— говорили морские офицеры.

— Необходимо в таком случае возможно скорее повесить вашего Витгефта на мачте его флагманского корабля,— вмешался в разговор Борейко.

— И назначить тебя командующим эскадрой,— улыбнулся подошедший Сойманов.

— Не меня, а Эссена, он спать эскадре не даст. Достойный ученик Макарова!

— Дело не в одном Витгефте. Кроме него, и другие адмиралы и командиры судов первого ранга против выхода в море. Они и поддерживают в Витгефте присущий ему дух пассивности,— сокрушался Сойманов.

— Плохо наше дело, коль у вас во флоте нет ни одного настоящего командира,— вздохнул Борейко.

— У вас Стессель под стать нашему Виле,— отпарировали моряки.

 — Зато у нас Кондратенко и Белый. Они свято хра-

нят заветы Макарова на суше,— веско возразил Звонарев.

Друзья двинулись обратно на Утес.

На батарею вернулся выздоровевший Чиж. Он хотел было дружески поздороваться с Звонаревым, но прапорщик ограничился лишь официальным отданием ему чести. Борейко даже не взглянул на штабс-капитана, пробурчав себе под нос: «Вернулось наше золотце!»

Солдаты встретили возвращение штабс-капитана угрюмо и молчаливо. Чиж не замедлил сорвать на них свое раздражение: он избил Белоногова, плохо отдавшего ему честь; ткнул кулаком в лицо подвернувшегося ему под руку Зайца и поставил Блохина под винтовку за неряшливую одежду.

Только Назаренко да Пахомов радостно приветствовали Чижа. Фельдфебель долго жаловался штабс-капитану на потворство солдатам Борейко и мягкость командира.

— Только на вас, ваше благородие, надежда осталась! — лебезил Назаренко.

— Дай срок, я всех к рукам приберу, и солдат и офицеров! — хорохорился Чиж.— Довольно Борейко тут побезобразничал под крылышком Жуковского!

Вечером, придя к Жуковскому, он начал охать и вздыхать.

— На вас лица нет, Николай Васильевич! За время моего отсутствия вы извелись совсем! Вам надо отдохнуть, иначе вы не вынесете тяжести войны, а у вас семья! О ней подумать надо! — разливался штабс-капитан.

Жуковский, особенно болезненно переживавший перерыв сообщения с Россией, лишивший его всякой связи с семьей, расчувствовался.

— Я совсем изнервничался, меня издергали и японцы, и еще больше свое начальство. Вечно ждешь нагоняя за что-нибудь,— жаловался он.

— С такими офицерами, как у нас, далеко не уедешь! Не мудрено, что вы получаете нагоняи от начальства. Борейко ведет себя так, как будто он, а не вы командуете ротой. Прапор ухаживает за дочкой генерала и поэтому на всех плюет. Солдаты одичали и похожи более на лесных зверей, чем на строевых нижних чинов. Полный развал в роте! Ложитесь на месяц в госпиталь отдохнуть, а я тут займусь делами,— уговаривал Чиж капитана.

— Вы правы, Александр Александрович, мне дейст-

вительно надо основательно подлечиться! — согласился Жуковский.

Узнав о намерении командира лечь в госпиталь, Борейко не стал его отговаривать.

— Валяйте! Отдохните, а мы за вас повоюем,— приветствовал он.

На следующий день Жуковский побывал в Управлении артиллерии и получил разрешение лечь в госпиталь. Однако, вопреки ожиданию Чижа, временно командующим ротой был назначен не он, а состоящий в распоряжении Белого штабс-капитан Гудима. Он вместе с Жуковским приехал на Утес. Очень здоровый, спокойный и уравновешенный, Алексей Андреевич Гудима обошел батарею, знакомясь с обширным хозяйством, дружески поздоровался с Борейко, приветливо поговорил с Звонаревым и вежливо-сухо с Чижом. С солдатами пошутил, но Зайца поставил на четыре часа под винтовку за грязь на кухне.

Борейко, по своей всегдашней привычке, начал было протестовать против этого, но Гудима добродушно похлопал его по спине и не стал слушать.

— Ты, Борис Дмитриевич, командуй ротой, а я буду только за внешним порядком приглядывать! — предложил он Борейко.

Таким образом, все пошло почти по-старому, если не считать, что и солдаты и офицеры вдруг почувствовали, что у них есть командир, которому нельзя не подчиняться. Даже Борейко, несмотря на сделанное ему предложение, все чаще стал ссылаться на волю и намерения командира.

Чижу было поручено учесть все трофейное имущество, и он, чертыхаясь и проклиная Гудиму, с утра до вечера перевешивал уголь, мерил канаты, парусину, считал железные листы и ежедневно докладывал командиру.

Когда он однажды ночью отправился в Артур без разрешения, то наутро получил трое суток домашнего ареста.

Сам Гудима с утра обходил батарею, затем сидел недолго в канцелярии и возвращался к себе. Дома он открывал толстую тетрадь с замком и мелким, бисерным почерком писал свои мемуары. Помимо этого, Гудима занялся также Шуркой Назаренко. Он лихо закручивал вверх свои усы колечком и внимательно оглядывал девушку. Вскоре он предложил ей брать у него книги для чтения и своей ласковой простотой завоевал

расположение не искушенной жизненным опытом Шурки.

Седьмого мая Звонарева вызвали в Управление артиллерии, где сообщили, что он вместе с командой с Электрического Утеса откомандировывается в тринадцатую сводную роту, расположенную на цзинджоуских позициях.

— Я посылаю туда вас, Сергей Владимирович,— говорил ему Белый,— так как там нужен инженер для наладки прожектора и электрического освещения и надо дооборудовать кое-что на батареях. Вы будете находиться в подчинении командира роты штабс-капитана Высоких. Перед отъездом загляните к генералу Кондратенко, он хотел вас видеть. Желаю вам успеха! — И генерал крепко пожал ему руку.

На улице Звонарев встретил Варю Белую, которая, видимо, поджидала его.

— Вы сегодня едете в Цзинджоу? — спросила она.— Там будет большое сражение, и вообще там очень опасно. Вам надо быть осторожным и не бравировать зря.

— Вы ведь знаете, что я известный трусишка! — улыбнулся Звонарев.

— Вы только со мной трусите, а я совсем не страшная,— печально заметила Варя.— Японцев же вы не боитесь, я это знаю!

— Грешен, больше боюсь амазонок!

— Я вовсе не амазонка, а всего только не кисейная барышня. Вы возьмите с собой бинты, вату и тому подобное, чтобы, в случае чего, все было под рукой. А главное, берегитесь!

— Я не собираюсь ни умирать, ни получать ранения.

— Это вовсе от вас не зависит. Пока до свидания!

— Где? — спросил Звонарев.— Быть может, и на том свете. Предпочел бы какое-нибудь место поближе.

— Постараюсь исполнить ваше желание.— И девушка упорхнула.

Побывав у Кондратенко и получив у него подробные инструкции, Звонарев на обратном пути зашел к Риве. Там он застал Андрюшу, который по-домашнему валялся на диване в гостиной. Рива заботливо варила ему какое-то укрепляющее снадобье.

Узнав, что прапорщик едет в Цзинджоу, оба забеспокоились.

— Там, брат, тебя в два счета могут угробить. Это тебе не скоротечный бой эскадры: постреляли и ушли. Там как начнут стрелять, так целый день и будут палить без остановки,— пугал Андрюша.

— Там, должно быть, очень страшно. Мы с Андрюшей будем сильно за вас беспокоиться. Как только вернетесь, немедленно заглядывайте к нам,— вторила ему Рива.

— С завтрашнего дня я назначен на «Отважный». Может, нас и пошлют поддерживать вас с моря,— добавил Акинфиев.

Распростившись с друзьями, прапорщик направился домой. На другой день утром он с первым взводом своей роты выехал в Цзинджоу.

Часть вторая

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Тридцать первого марта 1904 года погиб на «Петропавловске» адмирал Макаров. Первого апреля об этом узнал адмирал Того и тотчас телеграфировал в Токио, а уже через день, второго апреля, японская главная квартира отдала приказ начать десантную операцию по высадке на Ляодуне Второй японской армии под командованием генерала Оку. Так расценили в Токио гибель русского флотоводца. Японцам стало ясно, что обезглавленный потерею командующего русский флот не сможет помешать намеченной операции. Боевой дух, который так старательно поддерживал на флоте погибший адмирал, сменился полным упадком. Вполне боеспособная эскадра вместо активных действий в море спряталась в закрытый порт и не решалась оттуда выйти. Деморализованная, она оказалась бессильной помешать противнику произвести перевозку на восьмидесяти трех транспортах из Кореи на Квантун целой армии в составе тридцати шести батальонов пехоты, семнадцати эскадронов кавалерии и двухсот шестнадцати орудий, всего свыше пятидесяти тысяч человек.

В Порт-Артуре узнали о появлении японского флота с десантом в бухте Ентоа около Бидзиво днем двадцать первого апреля. Насмерть перепуганный наместник Алексеев, ни с кем не попрощавшись, спешно покинул Артур, назначив начальника своего походного морского штаба адмирала Витгефта на должность командующего эскадрой.

В районе высадки вражеского десанта находилась Четвертая дивизия генерала Фока, но он ограничился лишь ролью зрителя и ничего не предпринял для того, чтобы оказать сопротивление врагу. В Артуре происходили беспрерывные заседания адмирала Витгефта с целью выработки плана противодействия японцам на море. Зараженные оборонительными тенденциями Витгефта, командиры судов и младшие флагманы в один

голос высказывались против каких-либо активных действий. Задержать высадку десанта, по мнению моряков, могли только сухопутные части, а в штабе Стесселя считали, что главная роль в борьбе с десантом противника принадлежит флоту и сухопутные части должны лишь добивать остатки высадившегося войска.

Даже получив прямой приказ Алексеева выслать навстречу десанту броненосец «Пересвет» с пятью крейсерами и десятью миноносцами, Витгефт не выполнил его под различными пустыми предлогами. В результате двадцать первого апреля японцы начали высаживать десант.

Погода им не благоприятствовала. Разразившийся на следующий день сильный шторм с дождем и вихрями почти на неделю задержал высадку десанта. Зато эта же погода очень облегчила бы действия русских миноносцев; воспользовавшись ненастьем, они легко могли бы подойти незамеченными к вражеским кораблям на торпедный выстрел.

Такая задержка с высадкой десанта, кроме того, позволяла сосредоточить к месту высадки не только всю дивизию Фока, но и подтянуть силы из Артура и даже Маньчжурии. Но ни моряки, ни сухопутное начальство ничего не сделали, чтобы помешать японцам. Стессель разрешил Фоку действовать «по своему усмотрению, но в большой бой не ввязываться», а Витгефт попросту не выслал на море ни одного корабля. Четверо суток передовой эшелон японского десанта в составе батальона при четырех орудиях был полностью отрезан от эскадры и лишен какой бы то ни было поддержки с ее стороны. Дивизия Фока легко могла его уничтожить, но генерал ничего не предпринял для этого.

Все поведение как Витгефта, так и Фока со Стесселем явилось прямым предательством и изменой.

Только по прошествии семи суток, когда основная масса японской армии уже была высажена на берег, Фок двинул к месту высадки две роты с полубатареей. Этот небольшой отряд, будучи атакован превосходящими силами противника, потерпел поражение и отошел к городу Цзинджоу.

Прервав двадцать девятого апреля железнодорожное сообщение Порт-Артура с Маньчжурией, генерал Оку двинулся на юг к городу Цзинджоу, где имелась укрепленная позиция русских, прикрывавшая Ляодунский полуостров с севера, и к десятому мая передовые части японцев появились в этом районе.

От Порт-Артура до Цзинджоу по железной дороге было всего около семидесяти верст, и все же на переезд требовался целый день. Слабосильные устаревшие паровозы медленно, с трудом передвигали составы по двадцать вагонов в каждом.

Выехав со своими солдатами утром седьмого мая из Артура, Звонарев только к вечеру добрался до места назначения.

На станции толпилось много солдат.

Около небольшого кирпичного здания вокзала разместились длинные деревянные склады интендантского имущества и огнеприпасов.

В полутора верстах от станции возвышался ряд сопок, унизанных окопами и проволочными заграждениями. Вправо, в обход позиции, шла широкая дорога к обнесенному высокой каменной стеной китайскому городу Цзинджоу. Сзади, за железной дорогой, виднелся длинный, но мелководный залив Хунуэза.

Проголодавшиеся за день солдаты устремились в устроенную под навесом столовую.

Блохин, Белоногов и Заяц со своими бачками пробрались к окну, через которое выдавали похлебку и хлеб.

— На сколько человек? — спросил грязный кашевар.

— На полсотни! — ответил Блохин.

— Где ваш аттестат? — высунулся в окошко артельщик-стрелок.

— У прапорщика, а вот записка от вашего коменданта.

— Тут написано на сорок, а не на пятьдесят.

— Отпусти им на полсотни: видать, люди голодные,— сразу смягчился артельщик.

Через полчаса, налившись по самое горло жиденькой похлебкой и на ходу грызя черствый хлеб, артиллеристы двинулись со станции.

— Супротив наших харчей на Утесе похлебка совсем даже мусорная,— хрипел сзади Блохин.— Если бы шкалик не пропустил, так совсем бы в глотку не полезло.

— Да, нашу рыбку мы, верно, тут не раз вспомним,— вздохнул Кошелев.

— Заяц-то зачем с нами? Неужто наводчиком будет? — удивился Лебедкин.

— Народу здесь поболе четырех сотен, а артельщик один! Вот и приказал генерал меня с Белоноговым на помощь сюда послать,— горделиво заявил Заяц.

— Ишь ты, важный какой стал, сам генерал о нем

приказ дает! — бубнил Блохин.— Обо мне он только раз приказ и отдавал, когда велел выпороть.

Быстро, по-южному, спустилась ночь. В темноте смутно белело полотно дороги, в траве стрекотали цикады, где-то на болоте квакали лягушки. Гулко донесся свисток паровоза и, многократно повторенный эхом, постепенно затих в сопках. По дороге медленно тащились, немилосердно скрипя немазаными колесами, китайские арбы, запряженные коровами.

— Далеко нам идти-то, ваше благородие? — справился Кошелев.

— Как гору обогнем, будет шасса на правую руку. По ней поднимемся и аккурат на позицию попадем,— ответил Родионов, шедший впереди рядом со Звонаревым.

— До японца-то далеко ли? — спросил Лебедкин.

— Из пушки достанешь,— ответил Булкин.

— Японцы постепенно приближаются к Цзинджоу со стороны горы Самсон. Верно, дня через два-три они и сюда доберутся,— пояснил Звонарев.

— Значит, и житухи нам осталось всего три дня! — прохрипел сзади Блохин.

— Раньше времени помирать собрался! Кто в тебя, блоху, попадет?

— А ежели и попадет, то отскочит,— усмехнулся Блохин,— меня только с морской пушки убить можно, а полевая не берет, вроде бронированный я!

— Расхвастался, черт! Смотри, как бы японцы тебе кишки не выпустили.

— Куда им! Не доберутся! Больно я толстый стал от зоновских харчей.

— Что, березовую кашу своего Зона никак забыть не можешь? — спросил Родионов.

Через четверть часа команда подошла к небольшому лагерю, разбитому за позицией на южном склоне сопок.

Звонарев пошел представиться командиру роты штабс-капитану Высоких, а солдаты остановились у палаток в ожидании дальнейших приказаний. Их тотчас же окружили.

— Откуда? Из какой роты? Кто командир? Сколько вас всего? — посыпались вопросы.

— С Электрического Утеса! Сорок человек да один прапор,— за всех ответил Блохин.

— Значит, пороху уже нюхали достаточно?

— Да, видать, не нанюхались, что сюда притопали.

Солдаты разошлись по палаткам, расспрашивая о жизни на позиции.

— Житуха у нас пока была тихая. Пушки ставили да снаряды возили. Харч, правда, плохой. Только когда у китайцев свиньей разживешься, еда как следует. С водой плохо. Колодцы нарыли, а вода в них горькая. Много и в жажду не выпьешь,— рассказывали солдаты вновь прибывшим.

Пока солдаты знакомились с новым местом, Звонарев сидел в палатке у Высоких.

Штабс-капитан принял его запросто и предложил чаю. Выслушав подробный доклад прапорщика, он ознакомил его с планом цзинджоуских позиций, расположением батарей и предположениями относительно предстоящих боев.

— Вам я поручу левый фланг. Там шесть батарей легких и старых китайских пушек. Сам я командую батареями центра. Здесь расположены все тяжелые орудия, правым флангом будет командовать поручик Садыков. А Известковой батареей, что за железной дорогой,— поручик Соломонов. Завтра вы со всеми познакомитесь. Солдат ваших я тоже направлю к вам, за исключением артельщика и кашевара, которых оставим тут. Ваш фейерверкер знающий? — спросил Высоких у Звонарева.

— Прекрасный солдат и вполне надежный фейерверкер.

— Вот и отлично! Мне надо назначить кого-либо понадежнее на батарею, что у северных ворот города. Там всего четыре старые китайские пушки и по пятьдесят снарядов на орудие, назначать туда офицера незачем. Задача батареи — прямой наводкой обстреливать подступ к городу, а затем, бросив пушки, отойти сюда.

— Мне приказано связаться также с инженером Шевцовым.

— Завтра с утра увидите его на позициях. Он заставит вас заняться прожекторами, которые у нас не в порядке.

— Разрешите пойти посмотреть, как расположились мои люди,— попросил Звонарев.

— Выйдем вместе, заодно и позиции обойдете. На ночь я всегда сам осматриваю, все ли в порядке на батареях.

Вышли из палатки. Кругом все было окутано мягкой ночной темнотой. Только внизу, за главной позицией, светились казармы стрелкового полка да окна офицерского собрания, откуда доносилась бравурная музыка.

— Здесь с самого утра гремит эта музыка и не умолкает до глубокой ночи,— пояснил Высоких.

— Веселый, значит, полк и бодрое настроение у офицеров,— иронически заметил Звонарев.— Вы давно здесь?

— С первого мая! Хотя позицию стали укреплять с начала войны, но работа шла через пень колоду, а когда японцы высадились в Бидзиво, то мы сразу запороли горячку. Сформировали наскоро нашу роту, причем в нее ротные командиры поспешили сплавить всех самых плохих солдат и фейерверкеров.

Около артиллерийского лагеря, состоящего из полутора десятков палаток, они несколько задержались.

— Родионов! — окликнул Звонарев.

— Я, ваше благородие! — вынырнул из темноты Родионов.

Звонарев сообщил Родионову о его новом назначении.

— Справишься, не боишься?

— Отчего не справиться? Не страшней будет, чем у нас на Утесе бывало! — спокойно ответил фейерверкер.

Отпустив Родионова, прапорщик зашагал вместе с Высоких дальше. Вдоль всех батарей шел ход сообщения. Рядом на столбах был протянут телефон. В темноте чернели невысокие брустверы батарей, кое-где офицеров окликнули дневальные.

Обойдя батарею, офицеры вернулись обратно.

Едва рассвело, как Высоких уже поднял роту. Наскоро умывшись и прибрав палатки, солдаты поспешили в столовую, где их ожидал чай, заваренный прямо в кипятильниках. Заяц с Белоноговым уже хлопотали около шести больших котлов, в которых варился обед для всей роты.

— Слухай, ребята, что я вам скажу! — обратился к солдатам Родионов.— Мне нужно с собой на передовую позицию пять человек. Кто из вас хочет?

Желающих оказалось больше, чем надо.

— Тогда, значит, я сам выберу по своему вкусу: Купин, Блохин, Ярцев, Булкин и Гайдай,— перечислил фейерверкер.

— Мне с тобой нельзя? — подскочил к нему Заяц.

— Кухарить тебе здесь приказано! Смотри без меня корми наших с Утеса как следует! — поучал Родионов.— За меня старшим в нашей команде остается Лебедкин, его и слушайте, как своего батьку!

Подошел Звонарев.

— Встать, смирно! — скомандовал Родионов.

Прапорщик поздоровался.

— Садись,— приказал он и присел к столу около Родионова.— Кто же с тобой идет? — спросил он.

Фейерверкер назвал фамилии.

— Ладно! Как кончите есть, зайдите за мной в палатку, вместе пойдем.

С северо-запада на юго-восток, перегораживая узкий перешеек между двумя заливами, тянулась гряда невысоких сопок от берега Цзинджоуского залива и до залива Хунуэза. Высота их на севере достигала шестидесяти саженей над уровнем моря, а на юге несколько снижалась. Как раз посередине между ними, верстах в двух впереди позиций, высился обнесенный трехсаженной каменной стеной городок Цзинджоу. Здесь же расположилась китайская деревушка, являющаяся как бы пригородом Цзинджоу. По другую сторону Цзинджоуской долины сразу начинались крутые отроги горы Самсон, закрывающие весь горизонт с севера. Все они поросли густым гаоляном, чумизой и кукурузой. В этих зарослях свободно могли незаметно передвигаться целые полки. Только около самых вершин хребта виднелись скалистые голые пространства.

Окопы вкруговую опоясывали все сопки. Внизу, у самой подошвы, шел первый ряд траншей, прикрытых спереди широкой полосой проволочных заграждений. На половине горы был расположен следующий ярус окопов с колючей проволокой, тоже охватывающий позицию со всех сторон.

Наконец, на самом верху расположились десять люнетов, обращенных своими фасадами на все четыре стороны. Таким образом, только расположенные между люнетами и позади них батареи стояли фронтом на север и на северо-восток, откуда ожидались главные атаки противника. Такое устройство позиции превращало ее в ловушку для занимающего ее гарнизона в случае прорыва японцев в тыл, ибо при этом всем частям пришлось бы отступать к узкому, двадцатисаженному проходу в проволочных заграждениях, устроенному за крайним правым флангом. Это же обстоятельство затрудняло эвакуацию раненых во время боя и делало невозможным вывоз орудий при отходе.

— На какой бой рассчитана эта позиция? На оборонительный или наступательный? — спросил прапорщик у Высоких.

— На любой, кроме наступательного! Вперед с этой позиции не выйдешь.

— Короче говоря, позиция заранее предопределяет нашу пассивность в бою!

— Нам и дана задача оборонять Квантунский полуостров с севера! Мы попробуем задержать здесь японцев, и если это удастся, то пробудем тут до прихода помощи из Маньчжурии, а если нет, отойдем к Порт-Артуру.

Позавтракав, Звонарев с солдатами двинулся в Цзинджоу.

Вблизи стены города оказались далеко не такими внушительными и прочными, как выглядели издали. Во многих местах они потрескались и осыпались, ворота были деревянные. Узенькие, донельзя грязные, кривые улички, мелкие китайские лавчонки, масса ребятишек, копающихся в уличном мусоре, и удушливый запах кунжутного масла, чеснока и падали — были «достопримечательностями» Цзинджоу.

В центре города было расположено несколько двухэтажных домов полуевропейского типа, но с китайскими черепичными крышами с загнутыми вверх углами. Здесь же была кумирня, окруженная жалким подобием сада. На небольшом расширении улицы, игравшем роль площади, столпились китайские арбы со всевозможными продуктами. Тут же высился столб для объявлений, около которого стоял глашатай, время от времени под треск барабана доводящий до всеобщего сведения о последних распоряжениях местного китайского губернатора — даотая — и русских властей. Шумливая и подвижная базарная толпа то напирала на него, притискивая к самому столбу объявлений, то отходила к краям площади, и тогда глашатай усиленно звал ее к себе барабанным боем.

В толпе китайцев бродили несколько русских солдат. Среди них находился и Блохин. Он приценивался к различным товарам, но ничего не покупал.

— Чем не наша ярманка? Народу — тьма, гомонят, торгуют, а чего надо, того и нет,— философствовал солдат.

— Чего же тебе понадобилось? — справился один из солдат.

— Надо бы мыльца купить, да жаль денег на него тратить. Лучше пропустить стакан рисовой водки. Хотя она и слабше нашей, но пахнет по-настоящему.

 — Водку продают за углом, да и то из-под полы.

Запрет на нее положен, чтобы солдаты не пьянствовали. Китайцы-то ее не пьют. Все больше гашиш курят, заместо водки, опием прозывается.

— Пробовал я его. Ошалел, а удовольствия никакого,— ответил Блохин.— Нет, для русского человека лучше водка.

На площади появился одетый в просторный белый кафтан и такие же штаны китайский чиновник. Над ним несли большой зонтик, прикрывавший его от палящих лучей солнца, босоногие китайские полицейские с бамбуковыми палками в руках и прямыми короткими мечами у пояса, двое из них разгоняли толпу, очищая дорогу.

У столба с объявлениями установили удобное плетеное кресло. Чиновник опустился в него. Один из полицейских тут же над головой его укрепил зонтик, а другой стал обмахивать большим веером лицо своего начальника.

Глашатай громко выкликал китайские имена. Вызываемые проталкивались сквозь толпу к чиновнику. Начался суд. Чиновник лениво слушал, что ему говорили, задавал вопросы, на которые ему пространно отвечали. Истец, хорошо и чисто одетый, с четками на шее, неторопливо излагал свое дело, показывая руками на стоящего рядом бедняка. Когда он кончил, бедняк бросился на колени перед чиновником и быстро заговорил. На жирном скопческого типа лице чиновника появилась брезгливая гримаса. Загнутым вверх концом своей туфли он ткнул бедняка в лицо и что-то сказал. Бедняк припал лицом к земле, о чем-то умоляя чиновника, но тот уже отвернулся от него. Двое полицейских оттащили китайца в сторону, бросили его на землю и начали избивать бамбуковыми палками по икрам и пяткам, что-то при этом приговаривая.

Около избиваемого собралась толпа, которая громко выражала свое возмущение происходящим.

К месту экзекуции протиснулись Блохин и солдаты.

— Ишь как над человеком изгаляются! У нас тоже бьют, но розгами, а тут лупят прямо палками. И как только народ такое издевательство терпит? — удивился Блохин.

— У нас целыми деревнями подряд всех порют от мальцов до стариков. И тоже народ переносит,— ответил один из солдат.

— Дай время, и у нас и у них перестанут терпеть. Слушок уже прошел, что в России заварушка подни-

мается. За что человека терзаете? — спросил Блохин у полицейских.

Те непонимающе посмотрели на него.

— За что бьете, сукины сыны? — уже сердито повторил вопрос Блохин.

— Денга плати нет,— послышалось из толпы.

— Так, значит, все одно как у нас недоимки с крестьян выколачивают. Видать, у бедного человека везде одна судьба. Сколько он должен? — справился Блохин.

— Многа, многа,— ответил тот же китаец.

— Плохо, значит, его дело! А может, не очень много? Два-три рубля. Кто ему даст? — спросил Блохин и поднял для ясности вверх три пальца.

Китайцы уже давно о чем-то совещались между собой. Некоторые протягивали медные деньги полицейским.

— Помочь хотят,— догадался Блохин.— Возьмите и мой гривенник. Может, и он пригодится.

— Мало есть. Болша надо,— сказали китайцы, беря деньги.

— Эх, нет у меня грошей, чтобы избавить человека от тиранства,— вздохнул Блохин, порывшись в кармане, вытащил медяшку. Остальные солдаты тоже протягивали китайцам медные монеты.

В это время в толпе показался Звонарев. Он знаком подозвал к себе солдат.

— Что такое? — спросил он у Блохина.

Солдат пояснил.

— Сколько же он должен? — справился Звонарев, участливо глядя на худое, измученное страданиями лицо избиваемого.

— До смерти забьют человека за долги,— проговорил Блохин, заметив взгляд прапорщика.

Звонарев подошел к полицейским и властно спросил о величине долга наказываемого. Увидев перед собой русского офицера, полицейские перестали бить китайца и на ломаном языке ответили:

— Три рубля русски деньги.

Увидя офицера и услыхав его вопрос, к Звонареву подошел один из чиновников, стоящих тут же.

— Господина капитана хочет заплатить за ответчика? Он очень плоха человек, мал-мала хунхуз. Денга ест, плати не хочу. Думай — побьют, а деньга мне останется.

Окружившие прапорщика китайцы при этих словах сразу громко заговорили, оживленно жестикулируя.

Звонарев недоуменно смотрел на них, не понимая, что происходит.

— Врет все этот холуй, хозяйскую руку держит! — закричал Блохин.

— Бери, Блохин, трешку и разбирайся с ними сам, мне к коменданту города надо,— сказал прапорщик и отошел.

— Эй, кто тут по-русски понимает? — обратился к китайцам Блохин.

— Я мало-мало понимаю,— отозвался один из китайцев.

— Тогда слушай, что я тебе скажу. Сколько вы денег промеж себя собрали?

Китайцы не сразу ответили, долго спорили, потом наконец Блохин получил ответ:

— Собрали рубль и полрубеля.

— Давай их сюда, получи трешку, и будем в расчете. А я на полтора рубля хорошо выпью за здоровье побитого. Все будет в полном порядке,— усмехнулся Блохин.

Китайцы не скоро поняли, что им предлагает солдат. Когда догадались, взяли было трешку, но тут в дело вмешался высокий хмурый китаец. Он отобрал трешку у китайцев и вернул Блохину, мрачно проговорив:

— Русски денга надо нет. Китайси сами собирай.

— Так ведь я помочь хочу. Даю от чистого сердца,— запротестовал было Блохин, но китаец снова решительно проговорил:

— Русски денга надо нет. Русски денга брать нет.

— Ишь ты какой гордый народ! У чужих даже деньги брать не хочет,— удивился Блохин, поняв, в чем дело.— Не берут наших денег, сами промеж себя хотят собрать, даром что нищие все с виду.

Толкаясь по базару, Блохин натолкнулся на продавца, торговавшего безделушками из слоновой кости. Особенно понравилась ему статуэтка, изображающая молодую женщину с ребенком.

— Покажите-ка, лао, эту вещичку,— потянулся Блохин за статуэткой.

Китаец посмотрел на него недоверчиво, видимо опасаясь, что солдат украдет вещь.

— Ты не сумлевайся, лао. Я с ней не убегу,— поспешил заверить китайца Блохин.

Понял ли его китаец или физиономия солдата почему-то внушила ему доверие, но он протянул статуэтку Блохину.

— Ишь ведь какие мастера делать такие красивые

штучки. Народ бедный, живет плохо, а какую красоту сотворяет. Под стать нашим палешанам. Сколько за нее хочешь, лао?

— Три рубли,— подумав, ответил торговец.

— Сдурел ты, что ли? Рублевку дам, а больше ни копья,— сказал Блохин и для большей ясности поднял один палец вверх.

Китаец отрицательно покачал головой. Блохин перебрал еще несколько безделушек, удивляясь их тонкой художественной работе, но лучше той статуэтки не оказалось.

— Эх, была не была, дам за нее полтора рубля. Авось прапор не очень заругает.— И он знаком объяснил китайцу свою цену.

Торговец уже соглашался продать за два рубля.

— У меня столько денег нет,— развел руками Блохин.

Огорченный солдат уже хотел отойти, когда к продавцу подошел другой китаец, быстро о чем-то ему говоря.

После этого торговец неожиданно согласился на предложенную Блохиным цену.

Обрадованный солдат бережно завернул свою покупку в платок и для пущей сохранности спрятал ее за пазуху.

Вскоре Блохин снова встретил Звонарева.

— Виноват я перед вами, вашбродь, стратил все ваши деньги, полтора целковых осталось.

— А остальные пропил, что ли? — хмуро спросил прапорщик.

— Я, вашбродь, пью только на свои деньги,— даже обиделся Блохин.— Вот купил для вас вот эту игрушку.— И солдат протянул статуэтку Звонареву.

Взглянув на статуэтку, прапорщик невольно залюбовался ею.

— Да, действительно прекрасная вещичка. Но зачем она мне?

— Варьке, то бишь своей барышне подарите,— ухмыльнулся солдат.

— Не совсем удобно дарить девушке сувениры, напоминающие о материнстве. Обидится еще, чего доброго. Я ее все-таки мало знаю...— заколебался Звонарев.

— Они, девки, что генеральские, что простые, страсть любят подарки, покрасивше были б. Враз всем зачнут показывать, хвастать.

— Я и не подозревал, что ты такой знаток девичьего сердца,— улыбнулся прапорщик.

— А ежели они осерчают, то вы, вашбродь, скажите им, что это подарок от меня,— предложил солдат.

— Так она и поверит,— снова усмехнулся Звонарев, продолжая любоваться статуэткой, которая ему все больше нравилась.— Талантливый народ китайцы,— задумчиво произнес он.— Большие мастера по художественной части. Видна старинная многовековая культура этого древнего народа. Беру. Спасибо, что достал,— окончательно решил прапорщик, и они вместе пошли дальше.

Кое-как протискавшись через город, Звонарев задержался у северных ворот, которые оказались закрытыми. Здесь было посвободнее. В тени домов, укрываясь от жаркого солнца, сидела группа стрелков. Они были голыми по пояс, без фуражек. На глинобитном заборе висело несколько грязных мокрых рубах и фуражек. Один из солдат старательно мочил белую чистую рубаху в огромной зловонной луже.

— Ты это что делаешь? — спросил его удивленно Родионов.

— Рубаху в грязи мараю, чтобы издали не была заметна,— ответил солдат.— Нам всем приказано выпачкать их в грязь, и тогда они вроде японских будут.

— А у японцев разве не белое обмундирование? — удивился Звонарев.

— Какое там! Он как на траву ляжет или в гаоляне ползет, так его и не увидишь! Одежда на нем серо-зеленая, как раз под траву цветом, только когда двинется, тогда малость его видать. И фуражки у него такие же. Не то что у нас — за версту белое видать.

Артиллеристы, спросив, где расположена батарея, с трудом приоткрыли тяжелые ворота, по одному протискавшись в узенькую щель, по ходу сообщения дошли до батареи.

Им навстречу вышло несколько человек.

— Кто же из вас старший? — спросил прапорщик.

— Я, ваше благородие, бомбардир-наводчик третьей роты Егоров Василий,— вышел вперед один из солдат.

— Командование передашь фейерверкеру Родионову, а сам будешь у него за помощника! Японцы не сильно беспокоят?

— Днем, ваше благородие, ничего, ночью до света глаз он не даст сомкнуть,— лазит под самой батареей, того и гляди, пушку испортит.

— Стрелки-то чего смотрят?

— Да за ним не усмотришь, он, как гад, по земле

ползет, в яму или канаву спрячется, его и не увидишь, а он нас по рубахам за версту замечает.

— Ты в грязной луже поваляйся, как пехотинцы делают, тогда и тебя не будет видно,— посоветовал Блохин.

— Что я — свинья, чтобы в грязи пачкаться? — обиделся тот.

— Сейчас пехтура наша в таких свиней обратилась. Начальство им приказ дало: как увидишь лужу, где свинья лежит, ты, значит, ее выгони, а сам заместо ее ложись и хрюкай, чтобы японец тебя за человека не признал! — под общий хохот проговорил Блохин.

Батарея состояла из четырех старых китайских пушек трех с половиной дюймового калибра, с дальнобойностью на четыре версты. Пушки стреляли гранатами и картечью. Шрапнелей на батарее не было. Хорошо укрытые, в глубоких окопах, с козырьками над орудиями, пушки издали почти не были видны. Тут же рядом были устроены блиндажи для номеров и снарядные погреба. Поодаль, в тылу, находилась сложенная из кирпичей плита для приготовления пищи.

Пока солдаты осматривались на новом месте, Родионов вместе с Звонаревым договорились о связи с главной позицией. Затем прапорщик вместе с Родионовым и Егоровым пошел в город представляться начальнику гарнизона. По дороге откуда-то из гаоляна по ним дали несколько ружейных выстрелов. Пули с негромким щелканьем ударялись в бруствер хода сообщения и выбрасывали маленькие фонтаны пыли.

— Следит, значит, за ходом японец! Нет-нет да постреливает! — заметил Родионов.

— Он и днем и ночью не сводит глаз с батареи и города,— ответил Егоров.

Начальник гарнизона города Цзинджоу, командир сводной роты пятого полка поручик Горбов, помещался в простой китайской фанзе у северных ворот.

Поручик в китайском халате сидел на канах, устланных коврами, с гитарой в руках, пил водку из стакана, напевая грустные романсы.

— Привет вам, рыцарь благородный,— поднялся навстречу Звонареву поручик.— Зачем пожаловали в эти гнусные пенаты?

Прапорщик объяснил ему цель своего прихода и представил Родионова.

— Так, значит, ты теперь будешь моим начальником артиллерии? — обратился Горбов к фейерверкеру.— Для первого знакомства хлебни стаканчик водки, но чтобы потом ни ты, ни твои солдаты хмельного в рот не брали! А тебе, Егоров, поднесу за твои прежние заслуги! Ловко он япошат колотил, как блох. Даже ночью по вспышкам ружейной стрельбы — трах, и сразу они замолкают.

Затем Горбов отпустил солдат и предложил Звонареву позавтракать.

— Выпьем, закусим,— соблазнял он прапорщика.— Смотришь, день незаметно и пройдет, а всю ночь приходится караулить на стене, чтобы япошки в город не забрались. Удивительно хитрые бестии, в щелку и в ту пролезут!

Звонарев попытался было отказаться, но поручик все же заставил его выпить и закусить трепангом.

Выйдя от поручика, Звонарев неожиданно встретился с Бутусовым. Подполковник был в защитного цвета рубахе, фуражке и таких же брюках. На ногах красовались защитные гетры и легонькие ботинки. Прапорщик с недоумением поглядел на Бутусова.

— Удивляетесь, что я не по форме одет? В здешних краях да еще летом ходить в высоких кожаных сапогах жарко и тяжело, а в ботинках и удобнее и легче,— пояснил пограничник.

— В таком обмундировании вас не разглядишь и в десяти шагах,— удивлялся Звонарев.— Но откуда вы достали защитную краску, которая так прекрасно сливается с местностью?

— У китайцев. Ее сколько угодно можно было купить в Японии по очень дешевой цене. Я всех своих пограничников еще год тому назад одел в защитный цвет. Нам по роду службы приходится часто преследовать контрабандистов. Там в белом да черном далеко не уйдешь. Мигом из-за угла подстрелят. Правда, Стессель хотел мне объявить выговор за самовольное изменение формы одежды, но мы, пограничники, военному ведомству не подчиняемся. Нами командует министр финансов. А Витте не любит, когда кто-либо суется в его ведомство. Так Стессель с носом и остался. Теперь мои солдаты благодарят бога за свою одежду, а пехота и артиллерия парится и проклинает свое начальство. Что хорошо в России и Сибири, то мало пригодно в Китае,— пояснил Бутусов.

— Значит, и все наши войска можно было одеть в

защитный цвет, а не заставлять пачкаться в грязи, как это делается сейчас?

— Не только можно было бы, но и должно. Да разве с такими умниками, как у нас сидят в штабе, о чем-либо путном можно договориться! Упрямее всяких ослов. А солдаты за их глупость и упрямство будут на войне расплачиваться своей кровью,— с жаром говорил подполковник.

— Я думаю, что Кондратенко, например, поддержал бы эти начинания,— заметил Звонарев.

— По-видимому, он еще не вполне оценил огромные преимущества новой формы для солдат. Хороший он человек, но с начальством воюет только в крайнем случае. Больше надеется его убедить и уговорить, а не брать быка за рога. Наши же верхи только такой способ обращения и принимают во внимание. Туги на новшества, а нынче в военном деле его много, и мы сильно отстаем от иностранцев. Побудете здесь, сами убедитесь в правоте моих слов.

Разговор с Бутусовым оставил у Звонарева тяжелый осадок. Ему была ясна справедливость слов подполковника, и он недоумевал, почему такие умные и прогрессивные начальники, как Белый, Кондратенко и другие, так легко уживались с вопиющими промахами в организации русской армии. Трудно было предположить, что они их не замечали. Вернее было думать, что им не придавали должного значения, считая пустяками.

«По возвращении в Артур обязательно обо всем расскажу Борейко. Он сумеет повлиять на начальство,— решил прапорщик.— Вернусь ли я или останусь здесь навсегда?» — мелькнула у него мысль в голове, но он поспешил ее отогнать, как неприятную муху.

Было уже около полудня, когда Звонарев вернулся обратно на позицию. В палатке у Высоких он застал совсем еще молодого, розовощекого инженера — капитана Шевцова, главного строителя цзинджоуской позиции.

— Знакомьтесь, Алексей Владимирович! Это и есть наш инженер-артиллерист и на все руки мастер,— представил Звонарева Высоких.

— Очень рад! Вы мне весьма нужны, во-первых, для того, чтобы наладить наши прожектора, а затем для приведения в порядок всего нашего электрохозяйства,— оживленно заговорил Шевцов.

— Весь к вашим услугам! Могу хоть сейчас приняться за это дело.

— Сейчас обед, а после часа мы с вами с[illegible] позиции и все решим на месте.

— Ваше благородие, генерал едут,— доложил вестовой Высоких.

— Опять этого дурака Фока нелегкая несет! — сердито проговорил инженер Шевцов.

Офицеры вышли из палатки. Высоких с Звонаревым кинулись к навесу столовой, где уже построились на обед солдаты.

— Рота, смирно! — скомандовал Высоких, как только показался Фок в сопровождении адъютанта.

Звонарев поспешно стал впереди взвода. Верхом на высокой худой лошади, отчаянно тряся при езде локтями, весь изгибаясь при малейшем движении, Фок был очень комичен. Худощавое лицо его со стриженой седенькой бородкой, с презрительной улыбкой в прищуренных глазах было багрово-красным.

Поравнявшись со строем, генерал сдержал лошадь и громко заорал:

— Здорово, мать вашу так!

Звонарев от удивления даже рот открыл. Солдаты замялись и ответили вразброд.

— Отвечать, холуи, не умеете! — напустился Фок.

— Разрешите доложить, ваше превосходительство! Солдаты не поняли, не то вы с ними здороваетесь, не то их ругаете! — вступился Высоких.

— Русский язык разучились, сволочи, понимать! Здорово, мать-перемать!

Затем генерал быстро повернул лошадь и затрусил от столовой.

— Вольно! Можно идти за обедом! — скомандовал капитан солдатам.

— Дождались высокой чести! — громко возмущались солдаты.— Здоровкаются и то матом.

— Генерал-то Фоков, слыхать, из немцев,— заметил Блохин.

— Ну так что же из этого?

— Видать, по их, по генеральскому понятию, с русским человеком, значит, можно разговаривать только матерным словом.

Обедать Высоких и Звонарев пошли в офицерское собрание Пятого полка, которое находилось в непосредственной близости, сразу за позициями. В большом просторном помещении стояли два ряда длинных столов, за которыми сидело уже около сорока человек офицеров. За небольшим столиком, расположенным между рядами

столов, под огромным царским портретом сидел сам командир полка полковник Третьяков. Рослый видный мужчина, лет пятидесяти, с заметной проседью в окладистой бороде и в голове, он производил приятное впечатление своими мягкими манерами и ласковым взглядом голубых глаз. Рядом с ним сидели двое штаб-офицеров. Капитаны и более младшие чины помещались за длинными столами. Обед был в самом разгаре.

Как только артиллеристы вошли в помещение и направились к Третьякову, чтобы поздороваться с ним и в его лице приветствовать всех присутствующих, полковник махнул рукой, и офицеры дружно подхватили:

Без артиллеристов нам не пьется,
И бокал пустой стоит,
Песня громкая не льется,
И вино не веселит.

Расположенный на дворе, под окнами, оркестр, заглушая пение, грянул туш. Под гром рукоплесканий Третьяков вышел к артиллеристам и на серебряном подносе протянул им два больших кубка с вином. Осушив их одним духом, Звонарев и Высоких как почетные гости уселись за столом командира.

Третьяков подробно расспросил их о положении дел с установкой орудий и подвозе боеприпасов.

— Надо поторапливаться с оборудованием позиций. Есть агентурные сведения, что японцы все силы стягивают к Цзинджоу. Еще день-два, и нам здесь придется выдержать бой с превосходящими силами врага. Это вы, господа артиллеристы, должны твердо помнить,— предупреждал полковник.

— Имеются ли у вас сведения о количестве орудий, которые предположительно могут быть у японцев в предстоящем бою? — поинтересовался Высоких.

— Точных нет, но, судя по всему, их будет не меньше двухсот. Конечно, это все полевые орудия, калибром не больше четырех дюймов.

— Против наших шестидесяти пяти пушек. Правда, у нас средний калибр шесть дюймов. Орудия большей мощности, что может очень помочь нам в борьбе с артиллерией противника.

— Вам следует иметь в виду тактику японцев. Свои батареи они ставят закрыто и рассредоточенно. В бою под Саншилипу наша полубатарея, стоявшая открыто, через десять минут была сбита, потеряв три орудия из четырех и половину солдат,— предупреждал Третьяков.

— Тогда нам придется туго! У нас все пушки стоят

совершенно открыто и поставлены буквально колесо к колесу,— проговорил Звонарев.

— Увеличьте высоту брустверов, углубите орудийные гнезда, накройте, наконец, орудия сверху щитами из досок или в крайности из плетеных матов, но постарайтесь по возможности замаскировать их,— предложил Третьяков.

— Все это надо было сделать заблаговременно инженерам, которые сооружали эти укрепления. Кроме того, при наличии высоких брустверов будет ограничена видимость противника, который и так находится в низине по отношению к нам,— возразил Высоких.

— Следовало бы артиллерийские позиции совсем вынести из укрепления и расположить орудия в лощине за позициями пехоты, где-либо в районе казарм,— предложил Звонарев.

— Для этого нет времени, да у нас нет и угломеров для стрельбы с закрытых позиций, солдаты, и наводчики в первую голову, не обучены такой стрельбе,— продолжал Высоких.

— Тогда нам ничего, кроме поражения, в предстоящем бою ожидать не приходится,— грустно проговорил Звонарев.

— Не следует раньше времени настраиваться на минорный тон! Бодрый дух — это три четверти успеха, молодой человек,— наставительно произнес полковник.

Видя, что обед затягивается, Звонарев попросил разрешения уйти. Высоких Третьяков не отпустил.

— Вы мой начальник артиллерии, и мне о многом еще надо поговорить с вами,— предупредил он.

Придя в палатку, Звонарев тотчас послал с нарочным записку Высоких, вызывая его «по срочному делу».

В палатку торопливо зашел Кошелев и взволнованно стал рассказывать, что приказано минировать все батареи и саперы уже начали закладывать мины.

— Как же мы будем, ваше благородие? Попадет в мину японский снаряд или сам оступишься, и готово — взлетел на воздух! Так мы не согласны,— докладывал он прапорщику.

— Что за чушь! Кто это приказал делать?

— Приказали командир саперной роты подполковник Жеребцов, а им приказал генерал Стесселев!

— Тут что-то не так. Спрошу сейчас у капитана Высоких, в чем тут дело!

Прапорщик застал Высоких лежащим на походной кровати с холодным компрессом на голове.

— Едва вырвался. Под конец таким ершиком угостили, что небо показалось с овчину и звезды из глаз посыпались,— жаловался Высоких.

Рассказав ему о минировании саперами батарей, Звонарев спросил капитана, что он об этом думает.

— Думаю, что или Жеребцов, или Стессель, или оба вместе от жары сошли с ума. Если батареи будут минированы, то я уведу людей с позиции и уйду сам. Как очухаюсь малость, я приду туда, а пока, попрошу вас, сходите вместе с Садыковым.

— Поручик накурился опия и не в себе,— доложил капитанский денщик.

— Этого еще не хватало! Соломонов беспробудно пьет, этот начал курить опий. Не рота, а бедлам какой-то!

Звонарев отправился один. У левофланговых батарей, которые были в ведении прапорщика, солдаты-артиллеристы переругивались с саперами, рывшими в брустверах ямы для закладки мин.

— Кто приказал мины закладывать? — спросил подошедший Звонарев у саперов.

— Командир роты.

— Где он сейчас?

— Не могу знать, куда-то ушедши.

— Прекратить работы,— приказал Звонарев.

— Нам, ваше благородие, приказ даден, и мы должны его выполнить,— возразил саперный унтер-офицер.

— Прикажите, ваше благородие, им по шеям накласть, мигом уйдут,— попросил Кошелев.

— Мы их сначала честью попросим,— пошутил, улыбаясь, прапорщик, чтобы отвратить угрозу кулачной расправы с саперами.— А если они этого не послушают, то тогда подзатыльников надаем.

— Ваше благородие,— взмолился сапер,— войдите в наше положение. Нам приказывают рыть ямы для мин, мы и роем. По такой жаре и нам работать нет никакой охоты, только по приказанию и делаем.

— Остановите работы, я пойду переговорю со своим начальством,— распорядился Звонарев и пошел обратно к Высоких.

Тот уже пришел в себя, и они вместе двинулись к Третьякову, который состоял комендантом всей позиции. По дороге они встретили Шевцова и рассказали ему о своих заботах.

— Жеребцов сидит у меня, и я его уговариваю прекратить установку мин, но он ссылается на приказ Стес-

селя и распоряжение Фока и не хочет слушать никаких резонов. Надо идти к Третьякову,— сообщил Шевцов.

Полковник, осовелый после сытного обеда, тотчас же принял их и, узнав, в чем дело, возмутился.

— Стессель — дурак, Фок — прохвост, а Жеребцов — и дурак и прохвост вместе,— отрезал он.— Позовите его тотчас же ко мне! Находиться на заминированной позиции во время боя — это все равно что сидеть на бочке с порохом и бросать в нее окурки.

Когда Жеребцов наконец появился, Третьяков приказал ему немедленно прекратить все работы по минированию позиций.

— Прошу вашего письменного распоряжения об этом, я его сообщу Стесселю и Фоку,— ответил сапер.

— Никакого письменного распоряжения я не дам, а вам, со всеми вашими саперами, прикажу немедленно убраться с позиции. Вы мне только мешаете,— окрысился полковник.— Чтобы до вечера вас здесь не было!

Жеребцов, не ожидавший такого оборота дела, забеспокоился.

— Мы можем вам быть полезны и кое в чем другом, господин полковник. Наладим дороги, разработаем окопы, улучшим позиции артиллерии,— предложил он.

— Это другое дело. Я сам буду приветствовать такую вашу деятельность, но минирование батарей вы бросьте.

— Я все же должен буду сообщить, что эти работы мною не проводятся.

— Не возражаю. Я сам об этом уведомлю Фока и Стесселя или, еще лучше, Кондратенко. Он хорошо разбирается в таких делах, как военный инженер и бывший сапер,— согласился Третьяков.— Займитесь усовершенствованием артиллерийских позиций. Хорошенько замаскируйте их и примените к местности.

Солдаты радостно загудели, узнав об отмене минирования позиции. Звонарев пошел вдоль батарей своего участка. Расположенные фронтом на северо-восток, север и северо-запад, батареи левого фланга легко фланкировались огнем со стороны Цзинджоуского залива, в котором во время прилива вода подходила к нижним ярусам стрелковых окопов. Северный берег залива доминировал над позицией и особенно над стрелковыми окопами, которые к тому же почти не были прикрыты сверху даже козырьками. Кроме того, они простреливались вдоль почти по всей линии моря. Таким образом, занимающие их части заранее обрекались на значительные потери, если не на полное уничтожение.

Артиллерийское вооружение батарей состояло из двадцати четырех старых китайских и легких полевых пушек старинного образца. Дальность боя всех орудий не превышала четырех с половиной верст. Снарядов было всего по сто двадцать — сто пятьдесят на орудие. Их могло хватить только на два часа боя. Основную массу снарядов составляли гранаты, начиненные черным дымным порохом и потому весьма слабого разрывного действия; имелось несколько шрапнелей, пригодных для поражения противника на расстоянии не далее четырех верст, и, наконец, были в довольно большом количестве старинные картечи, разрывающиеся в самом дуле орудия и потому не безопасные для стрелков, расположенных в окопах впереди батареи.

С таким артиллерийским вооружением думать о серьезной обороне позиции было трудно.

Если против полевой армии позиция и смогла бы держаться некоторое время, то против осадных и морских орудий она была совершенно беззащитна.

Только к ночи наконец на батареях все кое-как утряслось, и Звонарев мог заняться прожекторами.

Лебедкин со своим помощником за день успел детально ознакомиться со всем прожекторным хозяйством. Оно было сильно запущено и находилось в очень неумелых руках.

— Через часик засветим,— успокаивал Лебедкин волнующегося прапорщика.— Осмотрим бухту, город и горы, что перед нами. На суше, правда, гораздо хуже видно при свете прожекторов, чем на море. Можно заметить только целую толпу японцев, а поодиночке или небольшими группами никогда их не увидим,— уверял солдат.

ГЛАВА ВТОРАЯ

В тот же день, около десяти часов вечера, по телефону из города передали приказание обстрелять расположенную невдалеке китайскую деревню Чализон, где было замечено скопление японских разведчиков.

— К орудиям! — скомандовал Родионов.

Артиллеристы бросились к своим пушкам. На батарее замелькали фонари. Из пороховых погребов начали подавать снаряды и зарядные картузы. Наводчики суетились около прицелов и уровней.

— Куда наводить-то, Софрон Тимофеич? — спросил Купин.

— На деревню, что с кумирней наверху.

— Так в темноте-то ничего не видать, ни деревни, ни кумирни!

— Наводи в тот пень, что впереди орудия видишь,— указал Булкин.

— Прицел сто восемьдесят, гранатой!

— Первое готово!

— Залпом!

— Да залпом на суше не стреляют, а орудиями,— поправил Блохин.

— Ладно! Орудиями, правое — огонь!

Пушка грохнула и отскочила назад. Кто-то застонал.

— Зашибла, чертова! — выругался Гайдай.

— Ты поменьше рот разевай, тогда и не зашибет! — прикрикнул Родионов.

Поверху блеснул луч прожектора и остановился.

— Лебедкин старается! Посветил бы нам, может, что и увидели бы! — проговорил Булкин.

Луч прожектора метнулся и осветил гаолян перед деревней.

— Наводи, куда прожектор светит! — приказал Родионов.

Дав еще несколько выстрелов, батарея замолчала. По телефону передали благодарность от стрелков.

— В самую, говорят, морду японцу залепили,— улыбаясь, передал Гайдай, после ушиба севший около телефона.— Так во все стороны и посыпались!

В одном из блиндажей прапорщику поставили походную кровать, стол и табуретку.

В Артуре у Звонарева не было своего денщика. Родионов порекомендовал ему тихого, смирного, малозаметного солдатика из своего взвода — Грунина. Белесый, голубоглазый, с тонким голосом, Семен, как звали Грунина, ретиво взялся за исполнение своих обязанностей. Прапорщика ожидала уже приготовленная постель, на столе стояла большая кружка с водой. Пол был подметен, и все было прибрано.

— Я, ваше благородие, помещусь в соседнем блиндаже, ежели что надо — кликните,— с улыбкой на круглом лице проговорил уходя солдат.

Звонареву не спалось, и он вышел из блиндажа. Утомленные работой, солдаты быстро заснули, только дневальные, перемогая сон, громко зевали и отплевывались от махорки. Прожекторы то загорались, обходя своими лучами горизонт впереди батареи, то опять гасли. Из офицерского собрания Пятого полка доноси-

лись звуки музыки, в траве трещали цикады, слева чуть светлел Цзинджоуский залив, на небе, сильно мигая, горели многочисленные звезды. Где-то впереди раздавались одиночные ружейные выстрелы. Внизу, под позицией, чуть проступали темные стены Цзинджоу. Окопы впереди заняты не были, и в случае атаки японцы легко могли бы их захватить, а за ними и батареи. В первые дни Звонарева беспокоило это легкомыслие, но никто не обращал внимания на его опасения, и он вскоре сам привык к такому положению вещей.

Около блиндажа одной из батарей, занятых солдатами, прапорщик остановился. Его внимание привлекли громкие разговоры. Видимо, двое о чем-то спорили.

— Куда нам супротив японца воевать! У него все, а у нас голые руки,— с жаром говорил один.

— Это неверно! Есть у нас и пушки и ружья, а самое главное, есть русский солдат. Ни в коем царстве-государстве нет таких солдат, как у нас, в Расее. Не победить японцу нас никогда,— возражал другой.

— Русский солдат — не плохой солдат! Но офицеры, и особливо генералы, один другого дурнее. Один говорит одно, другой приказывает другое, а третий только всех за все матерно ругает. Тут тебе и вся команда! Почему так происходит? Раскинь умом: тебе и мне эта китайская земля совсем даже ни к чему, а генералу, как война кончится, большую прирезку сделают, по тыще десятин, а то и поболе дадут... Выходит, есть генералу за что воевать. А нашему брату, крестьянину, кроме трех аршин да деревянного креста, ничего не причитается. А цел домой вернешься, с чем был, при том и останешься, ежели за налоги да долги помещику не заберут последнюю скотину и избу не опишут. За что же, спрашивается, солдату воевать? — продолжал первый голос.

— Неужто солдатам так ничего здесь и не дадут? — вмешался еще голос.

— Чтобы тебе дать, надо отнять у китайца, а их здесь, сам видел,— тьма-тьмущая. Ему самому тесно, а ты еще собираешься здесь поселиться. А за что ж китайца сгонять с земли? Он вроде наших мужиков: горб гнет, а доли не знает. Не тут солдату надо искать земли, а дома, у соседа помещика. У нас в деревне три сотни крестьян имеют пять сотен десятин земли, а один помещик — пять тысяч. У кого много, а у кого и ничего нет! Чем за тридевять земель отбирать пашню у китайца, проще по соседству

забрать у помещика,— продолжал первый солдат.

— Смотри, как бы за такие слова тебе крепко не попало! — предостерег его кто-то.

— Все равно солдат до этого додумается. Не сейчас, так потом. Помещицкую землю крестьяне должны делить между собой, а не завоевывать своей кровью землю генералам да полковникам. Так-то, браток! — закончил первый солдат.

— Пора и спать, а то завтра чуть свет подымут, ежели только японец даст спокойно поспать,— отозвался второй солдат, и разговоры смолкли.

«Просыпается сознание народа, даром для него эта война не пройдет»,— подумал Звонарев.

Двенадцатого мая, на рассвете, японцы открыли по Цзинджоу артиллерийский огонь. При первых же выстрелах Звонарева разбудили. Накинув на плечи шинель, прапорщик вышел из блиндажа. В предрассветной мгле внизу, около города, видны были взблески частой артиллерийской стрельбы. Над темными стенами города то и дело вспыхивали разрывы шрапнелей. Разбуженные стрельбой, солдаты взобрались на бруствер и с тревогой наблюдали за происходящим.

Впереди в окопах по-прежнему было пусто.

— Где наш дозор? — спросил прапорщик.

— Вон справа, около блиндажика,— показал фейерверкер на чуть заметные фигуры.— У них есть бинокль, и они связались с секретами, которые находятся впереди.

— На город японец лезет, а к нам боится,— заметил один из солдат.

— Он к нам сразу не подлезет: и проволоки и пушек много. Сперва город заберет, а потом навалится на нас.

С центральной позиции раздался раскатистый выстрел из шестидюймового орудия, и за городской стеной высоко вскинулся дым разрыва. За первым выстрелом раздался второй, и скоро все батареи центра открыли частый огонь по цели, невидимой с левого фланга.

Звонарев в бинокль осмотрел противоположные склоны долины, но там среди густых зарослей гаоляна ничего не было видно. Слева на море до самого горизонта тоже было чисто. Вдруг раздался резкий свист летящего снаряда, и на мгновение грохот взрыва оглушил прапорщика.

— Откуда это он бьет? — удивленно оглядывались солдаты, продолжая оставаться на бруствере.

— Не иначе как из-за города. Спрятался за ним и стреляет по нас из-за закрытия.

Вскоре пролетел еще снаряд, который упал впереди батареи, и осколки со свистом полетели через бруствер.

После грохота морских двенадцатидюймовых орудий, к которым солдаты привыкли на береговых батареях Артура, взрывы легких полевых снарядов не производили большого впечатления. И только когда появились раненые, солдаты стали прятаться от снарядов в блиндажи. Японцы выпустили еще с десяток снарядов по батарее Звонарева и перенесли огонь на пустые окопы.

День медленно начинался. Низкие темные тучи быстро неслись по небу, с моря наползал туман, заволакивая низины. Со стороны Цзинджоу канонада усиливалась, орудия грохотали беспрерывно.

Доносящиеся временами ружейные залпы и пулеметный огонь тоже указывали на то, что бой разгорался. Замолкнувшие было батареи центра опять начали вести редкий огонь, бросая свои снаряды куда-то далеко в тыл японцев.

Звонарев нервничал и требовал от телефонистов скорейшего исправления телефона.

Наконец телефон исправили, и Звонарев вызвал Высоких.

— Что происходит у Цзинджоу? — спросил он.

— Японцы уже два раза его атаковали, но были отбиты с большими потерями, наша батарея стреляла на картечь и навалила массу народу, стрелки в восторге от ее действий,— ответил капитан.— А вы куда стреляли?

Звонарев сообщил обо всем происходящем на его участке.

— Присылайте людей за чаем на кухню,— распорядился Высоких.— Да приходите и сами.

Вечером, после заката солнца, Звонарев отправился к прожекторам. Один из них был установлен на левом фланге, шагах в ста за батареями, на небольшом возвышении, что давало возможность освещать большое пространство, особенно влево, откуда позиция была наиболее уязвима.

На центральном участке при свете прожектора команда матросов с броненосца «Севастополь» устанавливала пушку Канэ. Распоряжался командой молоденький лейтенант.

— Что это вы так поздно прибыли сюда? — спросил прапорщик.

 — Стессель все уговаривал Витгефта выслать ко-

рабли для охраны позиций с флангов, а тот решил ограничиться высылкой двух пушек. Одна, как видите, здесь, а другую подвезут завтра.

Поглядев с минуту, как быстро и ловко справлялись матросы со своей работой, Звонарев пошел дальше.

Совсем стемнело, когда он вернулся к себе на батарею.

— Честь имею явиться, ваше благородие! — выросла перед ним из темноты белая фигура.

По голосу прапорщик узнал ротного фельдшера.

— Здорово, Мельников! — обрадовался он.— Как ты сюда попал из Артура?

— Поручик прислали. Поезжай, говорят, на позиции, и чтобы у меня все были если не целы, то живы! Если хоть один раненый умрет, я тебе голову с плеч сорву и пришью на другое место! — весело ответил Мельников.

Подошедшие солдаты засмеялись.

— Медведь это может! Как сгребет, так не обрадуешься!

— Ишь ты, вспомнил об нас, Ведмедяка! — заговорили в толпе.

— Письма есть?

— Никак нет! Только бутылку водки вам прислали, перевязочные материалы и Шурку,— доложил фельдшер.

— А Шурка где?

— Мы здесь! — И из темноты показались две женские фигуры в белом.

— Здравствуйте! — подошел к ним Звонарев, все еще не зная, с кем говорит.

— Здравствуйте! — ответили ему, и он узнал голос Вари Белой.

— А вы как здесь оказались? — спросил ее Звонарев.

— Приехала вместе с Шуркой.

— С разрешения ваших родителей?

— Они об этом и не подозревают! Я им сказала, что иду на суточное дежурство в госпиталь, а сама — сюда.

— Завтра же отошлем вас обратно в Артур.

— Так я и уеду. Пока здесь будет позиция, я останусь,— отрезала Варя.

— Ладно. Там посмотрим! Где вы устроились на ночь?

— Пока вы гуляли, мы выгнали вас из вашего блиндажа и устроили там перевязочный пункт. Можете полю-

боваться. Вас же переместили, несмотря на протесты вашего Семена, на соседнюю батарею в пороховой погреб,— ответила Варя и повела прапорщика показать свою работу.

В блиндаже уже было проведено электричество. На столе, покрытом чистой скатертью, было множество различных банок, бинты, марля, вата и другие перевязочные принадлежности. В эмалированных блюдцах лежали блестящие хирургические инструменты, на полу, устланном чаканками, стояли носилки и лежали чистые соломенные тюфяки.

— Хорошо? — спросила Варя.— Это мы все оборудовали за два часа.

— Прекрасно! Но вы-то сами где поместитесь на ночь?

— Рядом, в снарядном погребе.

— А снаряды куда перенесли?

— В пороховой погреб,— не совсем уверенно ответила Варя.

— Кто же это распорядился без меня?

— Высоких. Он и проводил нас сюда.

— Почему же он вас не оставил у себя?

— Мы присланы с Утеса к вам,— вставила Шура.

Звонарев не возражал.

Новое его помещение было совсем крохотное. В нем едва помещались кровать и табуретка. Две свечи, прилепленные на выступах стены, тускло освещали убогое убранство блиндажа.

— Вы голодны? — спросил он.

— Как десять волков! Ваш Семен достал у кого-то из солдат курицу и обещал нас угостить супом и вареной курицей,— ответила Варя,— а пока что мы закусим хлебом с колбасой. Шурка, тащи сюда наши запасы!

Скоро все трое за обе щеки уписывали бутерброды.

— Что нового в Артуре? — спросил Звонарев.

— Все то же! Береговые батареи стреляют, а моряки гуляют. Ривочка ваша ходит с каким-то молоденьким мичманом,— верно, с очередным мужем! — И Варя презрительно сморщила носик.

— А вы с кем гуляете?

— Увы, ни с кем, кроме Тахателова! Он такой забавный, все пыхтит от жары, даже когда всем холодно. Оля взялась обучать грамоте и арифметике вашу Ривочку. Леля все беспокоится о Стахе. Кстати, вы его здесь не встречали? — выкладывала свои новости Варя.

— Не встречал и ничего о нем не слышал! Его полка здесь не было совсем. А у нас на Электрическом Утесе что нового? — спросил Звонарев у Шурки.

— Борейко хозяйнуют день и ночь. Штабс-капитан считают старые штаны.— И Шурка громко фыркнула.— Ох, умора, как они нос свой платком затыкают, чтобы их солдатский дух не беспокоил! Ругаются, но все про себя, а вслух не смеют.

— А Гудима?

— Ухаживает за ней напропалую, а ее писарь от ревности чуть не лопается,— за подругу ответила Варя.

Шурка сконфузилась и закрыла лицо белым фартуком.

— Не смейтесь вы, пожалуйста! — просила она Варю.

— Значит, и у Шуры завелась симпатия! Вот не ожидал! Ай да Шура! Сразу за капитана принялась! — подсмеивался Звонарев.

— Они на меня и смотреть не хотят! Все это Варя зря наговаривает,— смущенно возражала Шура,— а сама только и говорит что о вас! Она и подговорила меня сюда ехать,— выдала подругу Шура.

— Замолчи и не выдумывай пустяков! — накинулась Варя на Шурку.— А то вы и бог весть что о себе вообразите. Я просто решила посмотреть, что это за Цзинджоу...

— ...заодно и вас побачить.

Варя толкнула хохочущую Шурку. Походная кровать треснула, и они обе едва не свалились на пол.

Приход Семена с курицей и супом прервал их возню.

После ужина девушки отправились к себе в блиндаж. Было очень темно. С востока надвигалась гроза. Почти беспрерывно вспыхивали зарницы. Солдаты уже забрались на ночь в блиндажи, и только часовые одиноко маячили на батареях.

Звонарев взобрался на бруствер батареи и осмотрелся. Пять или шесть костров, видневшихся внизу, указывали на присутствие людей в пехотных окопах. Все остальное тонуло в непроглядном мраке, только луч прожектора белым щупальцем ползал по земле. В свете его неожиданно возникали то дерево, то группа кустов, то китайская фанза.

Обойдя батареи, Звонарев приказал денщику разбудить себя при первых признаках тревоги и лег спать.

Засыпая, он еще слышал глухие раскаты грома и шум падающего дождя, но это не помешало ему мгновенно уснуть.

Родионов с номерами второго взвода, пушки которого стояли против северных ворот, занимал просторную китайскую фанзу рядом с позицией взвода.

С вечера, хорошо поужинав и изрядно выпив, солдаты немного поиграли в карты, пока взводный не погнал их спать.

— Как бы с рассветом японцы опять не полезли на штурм! Ночь темная, собирается гроза, он, чего доброго, свою силу незаметно подведет к самым воротам и ударит на нас. Надо быть начеку и к рассвету ждать незваных гостей! — говорил он.— Ты, Егорка, с первым взводом будешь находиться у ворот. Пушки на ночь заряди и поставь по два дневальных к каждому орудию. Если они что-либо заметят, пусть, не ожидая приказа, сразу же стреляют, а мы выскочим на шум.

Вместе с Егоровым и Блохиным, который теперь постоянно был с ним, Родионов вышел на двор проверить готовность первого взвода к стрельбе.

Около полуночи все улеглись спать. Вскоре пошел дождь, постепенно перешедший в сильнейший ливень с грозою. Плохо мощенные улицы китайского города мгновенно превратились в озера и реки, которые стремительно понеслись к более низменной части у южных ворот.

Блохин с дневальным укрылись около ворот и при свете молнии внимательно вглядывались через орудийные амбразуры в тьму ненастной ночи.

— Поди, японец залез в блиндаж и боится нос на двор показать,— заметил Гайдай.

— Если он не дурак, то ему сейчас в самый раз наступать,— возразил Блохин.

В это время с позиции взвились одна за другой две ракеты. Разорвавшись высоко в воздухе, они на короткий момент осветили местность и тотчас с шипением затухли. Все же Блохин успел заметить движущиеся к городу японские цепи.

— Пли! — заорал он во всю глотку и сам бросился к орудию.

Пушка грохнула и с треском отскочила назад.

В темноте блеснул огонь разрыва, и шрапнель с визгом обрушилась на японцев. Вторая пушка тоже выстрелила. Подбежавшие на выстрелы Егоров с солдатами первого взвода открыли беспорядочную стрельбу по японцам.

— Стой! Куда без толку бьешь! — окликнул их появившийся из темноты Родионов.

— Японец цепями на нас идет,— поспешил объяснить Блохин.

— Когда его будет видно, тогда и бей! — приказал фейерверкер.

При свете следующих ракет все уже ясно разглядели многочисленные цепи противника, с трех сторон охватывающего город.

— Прицел двадцать, целик ноль, картечью! — скомандовал Родионов.— Блохин, проверь прицел.

Блеснуло подряд несколько ярких молний, что дало возможность навести орудия.

— Первое готово! — доложил Купин.

— Второе тоже! — отозвался Булкин.

— Пли!

Опять два огненных столба прорезали темноту ночи, и с пронзительным визгом рассыпалась картечь.

Со стороны японцев донесся дикий вой.

— В самую говядину, видать, угодили,— радостно прохрипел Блохин.— Вали, Софрон, не мешкай!

Вдруг где-то справа, совсем близко, раздались крики «банзай».

— Вертай туда орудию! — закричал Блохин и тотчас же сам стал поворачивать пушку.

— Где это он, проклятый? — проговорил Родионов, вглядываясь сквозь бойницы в ночную темь.

— Банза-а-ай! — совсем уже близко раздались японские крики.

Купин, наведя пушку по крику, выстрелил без команды.

Японцы тотчас же замолкли.

— Поперхнулись, черти, картечью! — радостно вскрикнул Гайдай.— Еще бы разок их так угостить, Софрон Тимофеевич!

— Не говори под руку. Сам знаю, что надо делать! — прикрикнул на него фейерверкер.— Слухай, наводчики, как услышишь, что японец «банзаю» кричит,— наводи на голос сразу и бей по ним.

— Тикай, братцы, японец мину под ворота кладет! — вдруг закричал подбежавший стрелок.— Сейчас взрыв будет.

Родионов взглянул в левую бойницу и при свете молнии заметил внизу, у самых ворот, несколько копошащихся фигур. Достать туда из пушек было невозможно, а ни ружей, ни револьверов у артиллеристов не было.

— Вынимай замки и прицелы и отходи на заднюю позицию,— скомандовал Родионов.

Номера бросились исполнять его приказание. В темноте они то и дело сталкивались и мешали друг другу.

— Не пужайся, работай со смыслом,— подбадривал Блохин, бегая от одного орудия к другому.

— Ты бы лучше послушал, что у ворот делается,— приказал ему Родионов.

— Боязно,— замялся на мгновение Блохин.— Да где наша не пропадала! — махнул он рукой и юркнул в ворота.

— Спички жгут — должно быть, фитиль зажигают,— через минуту сообщил он, вернувшись назад.

— Беги! — скомандовал Родионов, и солдаты мгновенно исчезли в темноте.

— Ничего не забыли? — ощупал пушки рукой Родионов и, не найдя ни прицелов, ни замков, кинулся вслед за солдатами.

Едва только он добежал до заднего взвода, как в воротах блеснуло огромное пламя, и деревянные, окованные железом полотнища их разлетелись на части. В пролом с криком «банзай» ринулись японцы, но залп картечью мгновенно прижал их к земле. Это дало возможность стрелкам, занимавшим позиции на стенах около ворот, спуститься вниз и присоединиться к артиллеристам.

Японцы попытались было еще раз прорваться в ворота, но, встреченные ружейным огнем, отошли назад и залегли, усиленно обстреливая пачками взвод Родионова. Стрелки стали постепенно отходить к южным воротам.

— Артиллеристы, вынимай замки и отходи! Японцы нас окружают,— приказал подошедший пехотный поручик.

В это время ему доложили, что японцы к воротам на руках подтягивают пушку.

Услышав об этом, стрелки заторопились с отступлением.

— Номерки! Собирай пожитки и айда за пехотой! — распорядился Родионов.— Замки бросай в колодец, прицелы тащи с собой, на позиции командиру сдадим!

— Тимофеич, дозволь мне тут малость задержаться,— попросил Блохин.— Охота с японцем в городки поиграть: кто у кого раньше пушку, что в воротах, собьет!

— Смотри, как бы тебе башку с плеч не сорвали! — отозвался фейерверкер.

— Это быть не должно! — убежденно ответил солдат.— Кто еще хочет с японцем поиграть? — обратился он к солдатам.

 Вызвался только один Гайдай.

— Двум смертям не бывать, а одной не миновать! — тряхнул он головой.

Родионов с номерами начал отходить назад, перебегая от одного укрытия к другому. В сером сумраке рассвета два оставшихся у орудий солдата увидели, как японцы начали устанавливать против ворот пушку.

Блохин, припав к прицелу, тщательно наводил на них орудие. Гайдай орудовал у правила.

— Готово! Заряжай! — скомандовал он Гайдаю.— Теперь отойди! — приказал он, когда замок был закрыт.

Было хорошо видно, как японцы также торопливо наводили свою пушку на них. У Гайдая со страха застучали зубы.

— Скорей, Блохин! — торопил он.

— Сей секунд! Чуток прицел только поправлю! — И Блохин сосредоточенно поглядел на мушку.— Теперь, господи, благослови! Разожгем ихний кон,— и дернул за вытяжной шнур.

Пушка отскочила назад, обдав солдат грязью и водой.

Когда дым от выстрела рассеялся, Блохин, прикрыв, как от солнца, глаза рукою, внимательно посмотрел в ворота. Там было пусто.

— Всю фигуру вышиб одним ударом! Теперь можно и тикать! Тащи прицел.

В следующую секунду, воспользовавшись замешательством японцев, они со всех ног бросились по улице к южным воротам и вскоре оказались уже в безопасности, скрывшись за развалинами.

У ворот города нагнали своих.

— Сбил японца,— коротко доложил Блохин Родионову, который поджидал их у ворот, держась рукой за бедро.— Тебя зацепило? — спросил он.

— Малость оцарапало, да Егорова убило, как сюда бежали! Еще двоих ранило, тех уже увели!

— Мы с Гайдаем тебя хоть в Артур на руках донесем!

— Сам помаленьку добреду!

Родионов поморщился от боли и медленно пошел вперед.

Навстречу отходящим из города частям уже шла на подмогу стрелковая цепь, которая и отогнала наседавших японцев.

Город Цзинджоу горел под перекрестным огнем русской и японской артиллерии. Из южных ворот выбегали жители с домашним скарбом, стремясь как можно скорее покинуть район обстрела. Над их головами то и дело появлялись белые комочки разрывов. Свинцовый

дождь пуль и осколков поднимал с земли тучи пыли.

Город Цзинджоу с двух сторон обходили японцы. Одетые в форму защитного цвета пехотные цепи, едва различимые на фоне травы, преследовали русских, которые в своих белых рубашках были прекрасно видны на серо-зеленом поле. Артиллерийский огонь с обеих сторон усилился до предела. Солдаты падали, сраженные пулями и осколками. Были жертвы и среди беженцев. Корчились от невыносимой боли раненые женщины и дети.

Стоя у блиндажа с Звонаревым, Варя наблюдала за этой страшной картиной.

— Смотрите, смотрите, какой ужас происходит у ворот города! — воскликнула она.— Упала женщина, и около нее копошатся маленькие дети. Я не могу спокойно смотреть на это. Я бегу туда,— рванулась с места Варя.

— Только зря не рискуйте собою. Я за вас отвечаю перед вашими родителями,— кричал ей вслед прапорщик.

— Я сама отвечаю за себя. Дайте мне хоть пару солдат в помощь,— уже отбежав на некоторое расстояние, попросила Варя.

— Мельников, возьмешь пару солдат и отправишься за сестрицей. Захвати перевязочные средства и постарайся по возможности уберечь Варвару Васильевну,— напутствовал Мельникова прапорщик.

Добравшись до места, где лежали раненые китайцы, Варя, Мельников и солдаты принялись за работу. Но производить перевязки под обстрелом было нелегко. Мельников послал одного из солдат поискать более укрытое место. Вернувшись через минуту, солдат предложил перенести импровизированный перевязочный пункт в находящуюся поблизости выемку железной дороги. На новом месте Варя с помощью солдат и двух девушек-китаянок быстро перевязала раненых и, израсходовав весь перевязочный материал, заторопилась на батарею, где снова разгорался бой.

— Слава богу, наконец-то вы вернулись. Я так волновался за вас,— встретил Звонарев Варю.

— И совершенно напрасно. Все в порядке, раненым помогли выбраться в тыл,— ответила Варя.

— В награду за проявленное сейчас человеколюбие и храбрость награждаю вас ценным подарком.— И прапорщик протянул Варе статуэтку из слоновой кости.

Варя удивленно посмотрела на Звонарева и осторожно взяла в руки безделушку.

 — Как это вы додумались купить такую чудесную

вещичку? Это будет приятная память о сегодняшнем дне. Вы, кажется, более любезны и внимательны ко мне, чем я предполагала. А я-то считала вас неспособным ни на какие тонкие человеческие переживания,— кокетливо проговорила Варя.

— Благодарю за столь высокое мнение о моей персоне,— иронически заметил Звонарев.

— А за безделушку еще раз спасибо — хороша.— И Варя отошла.

С восходом солнца начался артиллерийский обстрел русских позиций.

— Японцы! — вдруг ткнул пальцем вперед наводчик первого орудия Четырнадцатой батареи.

Из-за ближайшего хребта показалась колонна и, миновав обнаженную вершину, быстро скрылась в гаоляне и кукурузе.

— Буди прапорщика! — скомандовал подошедший Грязнов.— Скажи, японец на нас лезет!

Через минуту Звонарев уже смотрел в бинокль, отыскивая колонну.

— Вызвать людей к орудиям! Цель — номер три! Огонь открывать после пристрелки Десятой батареи! — приказал он.

Солдаты быстро разошлись по орудиям.

— Орудиями, четные — гранатой, нечетные — шрапнелью, огонь!

В свежем утреннем воздухе гулко раздались четыре выстрела, и снаряды с урчанием полетели вдаль.

— Одиннадцатая готова!

— Огонь!

И еще восемь выстрелов загремели один за другим, как бы нагоняя потерянное время.

Звонарев вскинул бинокль. Снаряды ложились хорошо. Шрапнели рвались низко и сильно поражали цель. Из гаоляна во все стороны, как потревоженные за печью тараканы, разбегались японцы.

— Шрапнелью! Батарея, огонь! — приказал прапорщик.

Несколько солдат, ставших цепочкой между ним и батареями, громко повторяли команду.

Весь гаолян окутался ватными клубами шрапнельных разрывов. Противник торопливо начал перебегать обратно за хребет.

Увеличив прицел, Звонарев преследовал отступающих огнем. Вдруг откуда-то издалека прилетел японский снаряд, и столб черного дыма вырос за десятой батареей.

— Смотри все, откуда бьет японская батарея! — приказал Звонарев, тщетно оглядывая вершины гор. Они были по-прежнему пусты.

— Хорошо схоронился японец, ничего не видать! — досадливо отвечали солдаты, в свою очередь осматривая сторону противника.

За первым снарядом упал еще один, а затем на батарею обрушилось сразу несколько десятков. Все исчезло в клубах дыма и пыли. Снаряды падали и впереди и сзади батареи, но больше всего они попадали в самый бруствер и в расположенные за ним орудия.

Звонарев бросился туда. Уже по дороге он увидел, как первое орудие, подброшенное взрывом, подлетело вверх и повалилось набок. У третьего орудия было разбито колесо. Несколько солдат валялись на земле, остальные, бросив орудия, скрылись в блиндажах.

— Носилки! — скомандовал прапорщик.

Вскоре было сбито еще одно орудие, и на всей батарее осталась всего одна годная к действию пушка.

Покончив с Десятой батареей, японцы обрушились на соседние — Одиннадцатую и Тринадцатую.

— Японец, ваше благородие, вроде колдун в шапке-невидимке, самого не видно, а нас бьет в самую морду! — подошел к Звонареву Грязнов.

— Может, справа что-нибудь видно,— обернулся прапорщик в сторону центральных батарей, но они тоже представляли собой сплошные вулканы дыма, сквозь который то и дело появлялись взблески взрывов от падающих снарядов.

— Едва ли и там что увидишь сейчас,— ответил солдат.

Объектов для стрельбы не было видно, и Звонарев занялся разглядыванием общей картины боя.

Слева, в Цзинджоуском заливе, на горизонте маячили японские суда. У берега на якорях стояло около полусотни китайских джонок. Прямо в зарослях гаоляна и кукурузы было безлюдно, но из-за хребта доносился беспрерывный гул стрельбы многочисленных батарей.

Город Цзинджоу горел, обстреливаемый одновременно русской и японской артиллерией. У его южных ворот шла усиленная ружейная перестрелка. Линия стрелковой цепи из-за белых рубах русских солдат была ясно видна на серо-зеленом фоне местности. Японцы же в защитной одежде были едва различимы, и то только при движении. Справа на солнце у подножия горы Самсон ярко блестела

вода залива Хунуэза.

Внизу, перед позицией, между развалинами китайской деревушки Сидай, также мелькали белые рубахи солдат.

Солнце уже поднялось довольно высоко, подобрав утренний туман в долине, и сильно припекало землю. Звонареву захотелось есть и пить, и он отправился к Четырнадцатой батарее, где был расположен перевязочный пункт. Ему пришлось далеко с тыла обходить Одиннадцатую и Тринадцатую батареи, по которым японцы все еще вели усиленный огонь.

На Четырнадцатой батарее были устроены обширные блиндажи, в части которых помещался теперь перевязочный пункт.

С Десятой батареи пока было всего пять человек раненых, из которых двое тяжело. Мельников исполнял обязанности хирурга, осматривал раненых, зондировал раны, глубокомысленно произносил исковерканные латинские термины и давал указания сестрам по перевязке. Варя находилась около двух тяжелораненых, ноги у которых были совершенно размозжены. Требовалась срочная ампутация, но Мельников сам не решался ее произвести. Варя с суровым выражением на лице энергично требовала немедленной отправки раненых на перевязочный пункт Пятого полка, расположенный в полутора верстах за правым флангом.

— Кто же их туда доставит под таким обстрелом? — возражал фельдшер.— Их все равно по дороге убьют.

— Надо обойти с тыла, и тогда опасности почти не будет.

— Так далеко нести никто не захочет.

— Кому прикажут, тот и снесет, а чтобы санитары по дороге не сбежали, я сама пойду с носилками.

— Воля ваша, барышня, но я против,— не соглашался Мельников.

Увидев Звонарева, Варя поспешила объяснить ему свои разногласия с фельдшером. Прапорщик приказал немедленно переправить раненых, но последние неожиданно запротестовали.

— Дозвольте нам, ваше благородие, здесь спокойно умереть,— просили они.

— До смерти вам еще далеко,— уговаривала их Варя,— но нужна срочная операция, иначе вы и вправду умрете, а мы ее сделать не можем.

— Не мучили бы уже перед концом,— продолжали упрашивать солдаты.

— Я сама с вами пойду, и если что случится, то сейчас же помогу вам,— успокаивала девушка раненых.

Наконец их вынесли. Около носилок, все такая же суровая и решительная, пошла Варя.

— Берегитесь по дороге и назад не возвращайтесь, мы здесь и без вас обойдемся! — напутствовал ее Звонарев.

— Вы без меня тут тоже, пожалуйста, не геройствуйте! — ответила Варя.

Между тем японцы прекратили обстрел Одиннадцатой и Тринадцатой батарей и временно совершенно замолчали. На обеих батареях оказались подбитыми шесть орудий из десяти. Правда, некоторые из них можно было исправить, но для этого надо было дожидаться наступления темноты.

В это время с моря, со стороны Цзинджоуского залива, открыли огонь японские суда. По первому же снаряду стало ясно, что огонь ведется из орудий крупного калибра. Лица солдат, знакомых с действием морских орудий по артурским батареям, сразу вытянулись.

— Никак, ихний адмирал Тогов сам сюда пожаловал! Будет теперь нам баня! Пушки у нас вовсе игрушечные, а он с броненосцев двенадцатидюймовыми начнет бить! — испуганно проговорил Грязнов.

— Да разве это броненосцы? Не видишь сам, что ли? Канонерки и миноносцы. Мы таких на Утесе по десятку за ночь топили! — вмешался в разговор подошедший с командой Блохин.— Честь имею явиться! — отрапортовал он Звонареву.

— А Родионов где?

— На перевязочном, его малость в бедро задело.

— Серьезно? Он, пожалуй, и дойти не сможет?

— Обещал притопать, значит, придет.

— Ну, рассказывай по порядку все, что у вас было.

Блохин в двух-трех словах сообщил о происшедшем, ничего не упоминая о своей «игре в городки» с японцами, но солдаты тотчас же дополнили его рассказ. Звонарев с удивлением смотрел на далеко не геройскую фигуру Блохина. Шапка сидела блином на его голове, шинель, без хлястика, висела халатом.

— Да вы с Гайдаем, оказывается, настоящие герои! Чего же ты скромничаешь и ничего о себе не рассказываешь? — обратился он к Блохину.

— Нечего, ваше благородие, и рассказывать. Просто спор с японцем зашел, кто кому раньше башку оборвет — мы ему или он нам. Ну, мы, значит, оборвали ему раньше. Вот и весь сказ.

— Хорош, нечего сказать, был у вас спор!

— Я так думаю, что вся война на таком споре стоит,— неожиданно зафилософствовал Блохин.

— Блохин и Гайдай, идите к моему Грунину, пусть он вам по стакану водки поднесет из того запаса, что поручик Борейко мне вчера прислал.

— Покорнейше благодарим, ваше благородие,— прохрипел Блохин.

— Я, ваше благородие, непьющий,— отозвался Гайдай.

— Молчи, дура, я за тебя выпью, все воевать веселей будет,— шепнул ему Блохин, и оба солдата, повернувшись по всем правилам, отошли.

Звонарев отправил всех пришедших на Десятую батарею.

— Попробуйте там, что можно, привести в порядок, но все сразу наружу не вылезайте, а то японец вас сейчас же обстреляет, — напутствовал их прапорщик.

В это время несколько новых взрывов большой силы, обрушившиеся на Пятнадцатую батарею, показали, что японцы подготавливают ее разгром. Солдаты поспешно прятались в блиндажи или совсем уходили с батареи.

— Вы куда? — останавливал их Звонарев.— Я сейчас сам начну обстрел японских судов с нашей батареи.

— Никак невозможно против японца устоять, все чисто бьет и калечит,— ответили солдаты.

— А ты сам его покалечь, дурья голова,— вмешался оказавшийся рядом Блохин.— Айда за мной, я вам сейчас покажу, как надо японца пугать!

Через пять минут все восемь орудий Пятнадцатой батареи на предельном прицеле уже громили японские суда. Хотя легкие батарейные пушки не могли нанести японцам существенного вреда, но тем не менее, как только снаряды стали падать около судов, они поторопились отойти подальше в море.

— Не робей, братцы,— носился на батарее Блохин,— целься адмиралу Тогову под хвост, не любит он этого, мигом тикать начнет!

Солдаты, ободренные успехом, старательно работали у орудий. Один из снарядов угодил в китайские джонки, стоявшие у берега, и там начался сильный пожар. Камышовые плетеные китайские паруса горели, как сухая солома, давая массу дыма. Так как лодки стояли близко друг около друга, то огонь быстро перебрасывался от одной к другой, и вскоре все они пылали ярким костром. Было видно, как китайцы, спасаясь, прямо с джонок бросались в воду и плыли к берегу. Дым пожара лишил воз-

можности японские корабли вести прицельный огонь по русским позициям.

— Не понравилось японцу! — весело заговорили солдаты.

—Адмирал Тогов чихать начал,— безапелляционно заявил Блохин.— Не любит он нюхать дым.

Скоро весь горизонт со стороны моря был закрыт дымовой завесой, и японская эскадра прекратила обстрел русских позиций, зато с севера опять посыпались шрапнели и гранаты, но после тяжелых морских снарядов они уже не казались такими страшными.

Забравшись в блиндаж, солдаты ожидали конца обстрела.

— Родионов идет,— возвестил Купин, вертевшийся около входа.— И с мамзелей, вроде как с сестрой.

Солдаты стали с порога блиндажа разглядывать подходящих.

Звонарев с Тринадцатой батареи тоже заметил Родионова и Варю Белую.

«Вернулась-таки, упрямая девчонка!» — досадливо подумал он.

— Шура, соберите-ка, пока тихо, свои манатки и отправляйтесь на полковой перевязочный пункт.

— А как же наши раненые? У нас осталось еще трое,— возразила девушка.

— С вами пусть идут,— ответил прапорщик.

— Японец с города наступает,— неожиданно сообщил тревожную весть Гайдай.

Звонарев вскинул бинокль и тут, впервые за сегодняшний день, увидел, как густые цепи японцев одна за другой выбегали из-за стены Цзинджоу и накапливались внизу у деревни Сидай.

Звонарев вызвал солдат на всех батареях к орудиям, но едва они дали по нескольку выстрелов, как японцы обрушили на них огненный вал своей артиллерии, к которой присоединился и обстрел с моря. Все батареи оказались под перекрестным огнем снарядов, летевших и слева и справа и засыпавших всю площадь позиции.

Варя с Родионовым едва успели укрыться в блиндаже Тринадцатой батареи. Звонарев, наблюдавший за происходящим близким разрывом снаряда, был сброшен с бруствера и на несколько мгновений оглох и ослеп.

Варя с криком бросилась к нему.

— Что с вами? Вы ранены? — нагнулась она к лежащему на земле прапорщику.

 Ее лицо выражало страшный испуг, в глазах стояли

слезы, и она, сама того не замечая, начала ласково гладить Звонарева по лицу.

За Варей поспешили к прапорщику Мельников и несколько солдат с носилками.

— Мне уже лучше,— с трудом проговорил Звонарев и с помощью солдат встал на ноги.

— Идите в блиндаж и не смейте больше оттуда выходить! — распорядилась Варя.

— Идите-ка вы все на перевязочный пункт,— ответил прапорщик,— а я мигом очухаюсь и без вас! Смотрите, сколько опять раненых на батареях.

Когда обстрел несколько утих, Звонарев пошел посмотреть, что делается у Блохина и Грязнова. Первого из них он нашел у четвертого орудия,— Блохин вытаскивал из-под земли полузасыпанного наводчика.

— Потише, потише, братцы, видать, ноги у меня сильно попорчены! — молил раненый.

Блохин с неожиданной ловкостью подхватил его на руки и уложил на носилки.

— Где Гайдай? — спросил Звонарев.

— Рядом в блиндаже, его в голову ранило,— сообщил Блохин.

В полутьме блиндажа прапорщик не сразу разглядел фигуру сидящего на полу Гайдая. Он обеими руками держался за голову и тихо стонал. Сквозь грязный платок у левого виска просачивалась кровь и текла вниз по щеке.

Звонарев вытащил один из бинтов и хотел было его перебинтовать, но Гайдай отстранил его и, взяв бинт, сам стал осторожно бинтовать свою голову.

Звонарев пожалел, что не взял с собой Мельникова с перевязочным материалом.

— Тебе очень больно? — спросил он у Гайдая.

— Очень! Так и гудет в голове, ровно колокол на пожаре! Пропаду я здесь. Нутром чувствую,— жалобно проговорил Гайдай.— Не видать мне больше родной Вкраины!

— Чего зря ноешь! Утром героем был, а теперь панихиду по себе раньше времени поешь! — упрекнул его Звонарев.— Малость зацепило, а ты и раскис. Родионов посерьезнее тебя ранен, а вернулся в строй.

Гайдай замолк и продолжал держаться за голову.

Японцы постепенно ослабили огонь по всему участку. Напряженность боя явно падала.

Со всех батарей потянулись в тыл легкораненые; тяжелораненых несли на носилках; часть солдат сносила трупы к Пятнадцатой батарее, где в яме, на месте порохо-

вого погреба, решено было устроить братскую могилу для артиллеристов.

Несколько человек было отправлено в кухню за обедом. Батареи сразу опустели.

Обойдя все батареи, Звонарев нашел всего одиннадцать годных орудий. Из них пять старых китайских, к которым не было снарядов. К полевым же пушкам нашлось около сотни снарядов. Этим и исчерпывались все артиллерийские средства обороны на левом фланге позиции.

— В центре японец тоже разбил все батареи, пушек всюду осталось очень мало, а снарядов и вовсе нет. Только на правом фланге, на Известковой батарее, еще стреляют, но и то совсем редко. Против сотни японских выстрелов и десятка наших нет! — сообщили солдаты, ходившие за обедом.

На позиции стало совсем тихо, и Звонарев решил воспользоваться этим обстоятельством и сходить к Высоких для выяснения общей обстановки и получения дальнейших указаний. Оставив Родионова за старшего, он отправился на центральные батареи. Первое, что он здесь увидел, была подбитая морская пушка Канэ, которую так и не успели установить. Снаряд попал в установочную тумбу и совершенно ее исковеркал. На всех батареях осталось в целости по одному-два орудия. Брустверы были срыты, блиндажи и пороховые погреба завалены, позиция была сильно разрушена.

Высоких находился в блиндаже Шестой батареи. Он был перевязан и все время тихонько стонал. Увидев Звонарева, он очень обрадовался.

— Слава богу, хоть вы целы, а я и не чаял видеть вас в живых, глядя, что разделывают японцы! Что у вас осталось пригодного для дальнейшего боя?

Прапорщик подробно сообщил ему обо всем.

— У меня положение не лучше, хотя потерь, конечно, меньше. По нас стреляли не суда, а только полевые батареи, но зато в огромном числе. Должно быть, у них было до сотни орудий. Но мы тоже не одну сотню японцев отправили на тот свет,— рассказывал Высоких.— Я попрошу вас сейчас дойти до Двенадцатой батареи, знаете — последняя постройка, рядом с Третьей батареей, и доложить Третьякову о положении у нас.

Звонарев немедленно направился к командиру полка.

Выслушав его доклад, полковник разразился самой непечатной бранью по адресу Фока и Стесселя, которые, по его мнению, были виноваты в сегодняшнем разгроме.

— Я сам сапер, за своим делом слежу и знаю, что в наше время артиллерию надо ставить по возможности укрыто или, во всяком случае, замаскировав. Они же приказали все батареи, по старинке, поставить на горе, ибо, по их мнению, артиллерии стыдно «прятаться» от противника! И вот результат! Японцы «не постыдились спрятаться» и разгромили нас за несколько часов. Без артиллерии я защищать позицию не могу, а у вас почти нет орудий и снарядов, и, следовательно, помочь вы мне не можете! Не в службу, а в дружбу, я попрошу вас сейчас съездить к генералу Надеину, начальнику передового отряда, с моим донесением. Я прикажу вам подать одну из моих верховых лошадей.

Когда Звонарев уже сидел на лошади, Третьяков еще раз повторил ему свои соображения по вопросу дальнейшей обороны цзинджоуских позиций.

— Ввиду отсутствия снарядов мне нужна самая энергичная помощь полевых батарей, которые должны стать здесь, а не за пять верст, на Тафаншинских высотах. Затем мне необходим резерв не менее двух батальонов для борьбы с возможным прорывом японцев в тыл позиции. У меня остались в резерве только музыкантская команда и знаменный взвод. Генерала Надеина найдете у станции Тафаншин, на высоте тридцать два. Да она отсюда видна простым глазом: видите группу людей на сопке? Там и находится генерал.

Звонареву пришлось ехать по открытой дороге, довольно сильно обстреливаемой японцами.

Добравшись с трудом до нужного места, прапорщик соскочил с лошади и спросил:

— Где тут найти генерала Надеина?

— Вон там на стуле сидит! — указал ему один из солдат.

Шагах в двенадцати от них, на самой вершине сопки, поросшей густой зеленой травой, на складном стуле сидел широкоплечий старик, похожий на рождественского деда, для шутки одетого в генеральскую форму.

Генерал дремал, греясь на солнышке. Белая фуражка с огромным козырьком мерно покачивалась вместе с генеральской головой. Длинный, до колен, китель мешком сидел на его сухощавой фигуре. На коленях генерала лежал большой старинный бинокль, больше похожий на две спаренные подзорные трубы.

— Донесение вашему превосходительству от полковника Третьякова! — отрапортовал прапорщик.

— А? Что? — вскинулся генерал. — От Третьякова?

Ну, что он пишет? Прочтите шами, а то я беж очков не вижу! — прошамкал Надеин.— Напрашно он панику ражводит! Японцы уже отштупают по вшему фронту. Я об этом уже пошлал телеграмму в Артур,— проворчал недовольно генерал, когда Звонарев прочитал ему третьяковское послание.

— Шам пишет, что японцы перештали штрелять, и тут же требует шебе артиллерию и режервы. Ничего я ему не дам. Пушть выкручиваетша шам.— И генерал опять погрузился в приятную дремоту. Прапорщик в недоумении топтался на месте, не зная, что ему предпринять дальше.— В Шеваштополе куда хуже бывало, и то помощи не прошили,— вдруг заговорил опять генерал, не открывая зажмуренных глаз.— На четвертом баштионе по дешять — двадцать человек оштавалошь и то отбивалишь шами от французжов, и от англичан, и от итальянцев.

Опять последовала пауза.

— Генерал Фок не прикажал давать режерв. Он на жавтра понадобитша.— И генерал окончательно замолчал.

Звонарев отошел в сторону и стал наблюдать за картиной боя на правом фланге. На светлом фоне залива Хунуэнеза был отчетливо виден силуэт русской канонерской лодки «Бобр», которая громила левый японский фланг и тыл. Большие столбы дыма от разрыва крупных морских снарядов взлетали около занятой противником деревни. Вскоре деревня загорелась. Японцы стали быстро выбегать из нее, скрываясь в тылу. Прапорщик сообщил генералу свои наблюдения.

— Я же вам говорил, что японцы отштупают. Шкоро они побегут по вшей линии,— не поднимая головы, равнодушным тоном отозвался генерал.

В это время справа показалась выезжающая на позицию полевая батарея. Звонарев залюбовался, глядя на то, как на широком галопе она строго держала равнение и дистанцию между орудиями. Впереди на вороной лошади скакал командир, сопровождаемый трубачом на традиционном в артиллерии белом жеребце. Как только батарея вылетела на хребет, в воздухе блеснула командирская шашка, и тотчас, совершив на полном галопе заезд, батарея снялась с передков, а упряжка двинулась в тыл. В следующее мгновение первое орудие уже дало выстрел, а за ним, нагоняя друг друга, загрохотали и семь остальных.

— Очередь! — донеслась команда с батареи.

— Не правда ли, лихо? — проговорил очнувшийся Надеин.— Люблю шмотреть на артиллерийшкую штрельбу. Шердше радуетша.

Но не успела батарея выпустить и нескольких очередей, как на нее обрушились десятки японских снарядов. Огонь батареи сразу ослабел, ее заволокло дымом и пылью, сквозь которые были видны падающие на землю люди, перевернутые зарядные ящики и опрокинутые подбитые орудия.

Не прошло и пяти минут, как прислуга начала торопливо на руках скатывать вниз уцелевшие два-три орудия. Еще немного, и на позиции батареи никого не осталось, кроме белеющих на зеленом фоне травы рубах убитых и раненых. Батарея прекратила свое существование.

Звонарев был потрясен.

— Царштво им небешное! Не повежло им шегодня,— прошамкал генерал и, сняв фуражку, перекрестился размашистым крестом.

— Что прикажете доложить полковнику Третьякову? — осмелился наконец спросить прапорщик.

— Ах, вы еще ждете? — откликнулся генерал.— Там под горкой в куштах шидит капитан Романовшкий. Пожовите его ко мне, я ш ним хочу пошоветоватьша.

Звонарев подошел к указанному месту и нашел лежащего на бурке молодого капитана генерального штаба.

— Вас просит к себе генерал Надеин,— обратился к нему Звонарев.

— Что? Надеин? Что еще надо этому старому!..— нехотя отозвался капитан, лениво поднимаясь на ноги.

Надеин рассказал Романовскому о просьбе Третьякова.

— По-моему, вполне основательные требования, ваше превосходительство. Если японцы начнут отступать, то эти батальоны с артиллерией можно будет бросить в преследование, а если опять будут атаковать, они помогут Третьякову отбить атаку,— с апломбом проговорил капитан.

— А что шкажет потом Фок?

— Едва ли он скоро появится здесь,— усмехнулся капитан.

— Да, и Фок, и Штешшель не любят штрельбы. Еще в шемьдешят шедьмом году, когда они у меня в роте шубалтернами были, то как подниметша штрельба, так оба и норовят в обож уехать,— оживился генерал.—

И оба крешты жа других получили. Фок на Шипке и не был, а крешт жа нее имеет. Штешшель в шорока верштах от Тяньджиня был, когда его брали, и тоже умудрилша получить крешт жа его вжятие, више по протекции. Хорошо тому, у кого рука наверху ешть,— вздохнул генерал.

Романовский быстро набросал на полевой книжке ответ Третьякову и подал Надеину для подписи.

Звонарев уже собирался ехать назад, когда неожиданно к ним подъехал с большой свитой Фок.

— Как дела, Митрофан Александрович? — обратился он к Надеину, поднявшемуся со стула ему навстречу.

— Японцы отштупают, а Третьяков прошит помощи! — ответил генерал, указывая на Звонарева.

— Передайте полковнику Третьякову, что он не командир полка, а дермо собачье! — крикнул Звонареву сразу вскипевший Фок.— Больше ничего, можете ехать.

Прапорщику ничего не оставалось как повиноваться, и он пошел к ординарцам, которые валялись на земле около своих лошадей.

Через четверть часа Звонарев уже был у Третьякова и передал ему на словах ответ Фока.

— О чем они думают? Японцы не только не отступают, но, наоборот, усиленно накапливаются против нашего левого фланга у деревни Сидай и против центра — за Цзинджоу! На левый фланг я отправил последний резерв. Теперь у меня остались только штабные ординарцы,— возмущался полковник.— Потом меня же винить будут, если японцы прорвутся и займут позицию.

Прапорщик отправился к своим батареям.

Вскоре бой возобновился по всей линии. Теперь японцы обрушились на стрелковые окопы. Эти окопы вовсе не имели бетонных блиндажей, а прикрывались лишь легонькими деревянными козырьками, которые могли предохранить только от ружейных и шрапнельных пуль, но не от артиллерийского огня.

Траншеи наполнялись ранеными и убитыми. Вскоре на задние аппарели окопов стали выбрасывать трупы, которые мешали передвижению в траншеях.

Белые рубахи убитых образовали за окопами четко видимую японцами кайму, чем еще больше облегчали им пристрелку.

На море появились ушедшие было японские суда и начали фланговым огнем обстреливать стрелковые траншеи. Мощные взрывы морских снарядов сносили сразу по нескольку саженей окопов и проволочных заграж-

дений. Положение пехоты стало критическим. Звонарев с волнением наблюдал за развертывающейся перед ним драмой, не имея возможности ничем помочь стрелкам.

— Ваше благородие, японец лезет на наши окопы! — показал пальцем Купин на цепи противника, быстро приближавшиеся со стороны деревни Сидай.

— Прямой наводкой шрапнелью! — скомандовал прапорщик, и несколько белых разрывов появились над неприятельскими цепями.

Японцы сразу остановились и припали к земле, скрываясь за малейшими укрытиями на местности.

Звонарев еще раз удивился тому, насколько хорошо сливалась с местностью их защитная одежда.

Вскоре губительный артиллерийский огонь заставил стрелков очистить передовые окопы и отойти на вторую линию. Батареи наполнились ранеными, искавшими укрытия в бетонных блиндажах.

На перевязочном пункте не хватало рук, и все артиллеристы, не занятые около орудий, превратились в санитаров, наскоро оказывающих помощь раненым.

Артиллерийские позиции все больше наполнялись стрелками, которые постепенно уходили из совершенно уже разрушенных окопов.

— Ваше благородие,— спросил Звонарева стрелковый унтер-офицер,— кто у вас тут за старшего будет?

— По артиллерийской части — я. А где ваши офицеры?

— Кого побило, кто убег,— спокойно ответил солдат.— Мы не знаем, отступать ли нам дальше, и если отступать, то куда?

— Попытаемся еще продержаться здесь, пока есть снаряды, может, помощь из резерва подойдет.

— Не видать ее что-то, ваше благородие, должно, весь резерв на другие участки израсходовали. Так я, ваше благородие, пока пушки будут стрелять, людей задержу здесь,— ответил унтер и поспешил к своим стрелкам.

Между тем после многих тщетных усилий японцам удалось захватить передовые окопы, и по ним они быстро начали распространяться в обе стороны, обходя с тыла и флангов. Одновременно неприятельская артиллерия вновь обрушилась на русские батареи.

Выглянув из-за бруствера, Звонарев увидел, как захватившие передние окопы японцы добивали штыками русских раненых. Он видел, как некоторые из них пытались бежать от озверевших японцев, но падали, прон-

зенные штыками и пулями. Вне себя от возмущения, прапорщик бросился к орудиям.

— Вали картечью, Купин! — крикнул Звонарев стоявшему неподалеку наводчику, но вблизи разорвался снаряд, и прапорщик увидел вместо солдата только кровавые куски мяса да один сапог, который, высоко взлетев в воздух, упал на бруствер. Около орудий не осталось больше артиллеристов.

— Помогите мне пушку навести! — попросил Звонарев нескольких стрелков, еще продолжавших отстреливаться из-за брустверов батарей.

Оставив винтовки, солдаты сейчас же бросились ему помогать. Наскоро зарядив пушку картечью, прапорщик грубо навел ее на переполнивших ход сообщения японцев и выстрелил.

Стрелки с жадным любопытством кинулись к брустверу. Картечь с визгом врезалась в толпу японцев, опрокинула и смяла их, и только несколько уцелевших человек, побросав в ужасе винтовки, выскочили из траншей и стремительно бросились в тыл.

Дав еще два-три выстрела, батареи замолкли, расстреляв все свои снаряды.

— Отходи! — скомандовал Звонарев стрелкам и бросился к перевязочному пункту.

Тут он увидел бледную, трясущуюся Варю. Она молча показывала на то место, где только что был перевязочный пункт. Попавшие в него одновременно несколько снарядов совершенно разрушили блиндаж и погребли под ним всех раненых.

— Шурка где? — отрывисто спросил у нее прапорщик.

В это время выброшенная взрывом земля в одном месте зашевелилась, и на поверхности показалась голова девушки. Вскочив на ноги, Шурка с криком опрометью бросилась бежать.

— Уходить надо, ваше благородие! Совсем окружил нас японец,— с разбегу подлетел к ним Блохин, и все трое устремились за Шуркой.— Стой,— вдруг остановился солдат,— забыл в блиндаже свой вещевой мешок. Я мигом обернусь.— И он кинулся обратно к батарее.

— Куда ты, дурья голова? — окликнул Звонарев, с ужасом глядя ему вслед.

Но Блохин уже исчез в блиндаже и тотчас появился опять с вещевым мешком за плечами. Японцы были уже на батарее. Один из них, вскинув винтовку наперевес, бросился на Блохина, но тот с размаху упал ему под

ноги, так что японец, запнувшись об него, полетел кувырком. В следующее мгновение Блохин был уже на ногах, выхватил у японца винтовку, ткнул его штыком и бросился бежать за Звонаревым, потрясая в воздухе захваченным трофеем.

Около центральных батарей им навстречу с винтовками в руках выбежали Лебедкин, Белоногов и Заяц.

— Уходи! — на бегу махнул им Звонарев.

— Нас послал за вами, ваше благородие, Софрон Тимофеевич, они внизу у кухни со всеми нашими,— ответил Лебедкин, и все устремились дальше.

Около кухни было относительно тихо, снаряды сюда почти не залетали. Здесь вокруг Родионова собрались все утесовцы. Тут же, сидя на земле, рыдала Шурка.

— Пошли дальше,— скомандовал Родионов, едва к ним присоединился Звонарев с другими солдатами.

— Дай передохнуть-то им, Софрон Тимофеевич,— сказал Ярцев.

— Не до отдыха сейчас, тикать надо, а то японцу в лапы как раз угодим!

Сзади затрещали частые ружейные выстрелы. Солдаты бросились бежать дальше. Плачущую Шурку Назаренко волокли под руки Белоногов и Ярцев.

К узкому проходу через окопы и проволочные заграждения со всех сторон стекались стрелки, на ходу отстреливаясь от наседавших японцев.

Проскочить через проход сразу большому числу людей было почти невозможно, но тут помогла японская артиллерия, которая, преследуя русских огнем, обстреляла свои же цепи. Спасаясь от обстрела, японцы кинулись в сторону и остановились. Это дало возможность русским вырваться из рокового круга окопов и проволочных заграждений. Но впереди еще предстояло пробежать с версту по открытой местности до выемки железной дороги, где можно было бы укрыться от огня противника.

К своей радости, они увидели двигавшиеся им навстречу цепи стрелков в белых рубахах. Все облегченно вздохнули. Японские снаряды остались позади, впереди была помощь. Запыхавшиеся люди пошли шагом.

— Сосчитай-ка, Тимофеич, кто у нас остался налицо,— распорядился Звонарев.

— Налицо двадцать шесть, было сорок, не хватает четырнадцати. Убито пятеро, ранено трое, а остальные остались где — неизвестно! — доложил фейерверкер.

Начали вспоминать, кого еще не хватает. В числе

пропавших оказались Мельников, Кошелев и денщик Звонарева Грунин. Никто не знал, куда они делись.

— Подберутся еще, ваше благородие! — успокоил Лебедкин.

Совсем стемнело. Со стороны позиции доносилась лишь редкая ружейная перестрелка. К железной дороге продолжали подходить стрелки Пятого полка. Скоро их собралось человек около ста.

— Возьмите над нами команду, ваше благородие,— подошел к Звонареву стрелок,— а то офицеров у нас нет, и в темноте мы боимся к японцу попасть.

— Ладно! Собирайтесь да идите с нами на станцию Тафаншин, там, верно, и ваши офицеры найдутся,— распорядился Звонарев.

— Артиллеристы, подымайсь! — скомандовал Родионов, и все тронулись дальше в путь.

— Ваше благородие, мы с Зайцем и Белоноговым пойдем вперед, вроде как разведку сделаем,— предложил Лебедкин.

— И меня с собой возьмите,— попросил Блохин, потряхивая своей японской винтовкой.

Звонарев согласился и отпустил их.

ИЗ ДНЕВНИКА ОФИЦЕРА ШТАБА ГЕНЕРАЛА ОКУ

«Командующий 2-й японской армией генерал Оку во время Цзинджоуского боя находился на горе Самсон, откуда и наблюдал в подзорную трубу за ходом боя.

Весь его немногочисленный штаб был им разослан с различными приказаниями наступающим частям. Около генерала остался лишь майор Ямаоки, два ординарца и телефонист. По мере развития боя командующий все сильнее нервничал. Начатое еще с темнотой наступление на русские позиции до полудня не увенчалось успехом, несмотря на почти десятикратное превосходство в силах и наличие более чем двухсот полевых орудий, не считая морской артиллерии.

В подзорную трубу генерал ясно видел, что артиллерия русских уже давно была приведена почти к полному молчанию, что окопы противника были сильно разрушены, и все же пехота его величества микадо не только не могла дойти до противника, но даже несколько отступила по всей линии и начала спешно окапываться, укрываясь от ружейного огня русских.

 Подбежавший связист подал генералу пакет.

— От кого? — спросил Оку.

— От командира полевой артиллерии армии,— доложил посланец.

Генерал нетерпеливо разорвал конверт и, водрузив на нос очки, начал читать. Лицо его сразу приняло серьезное, сосредоточенное выражение.

— Генерал Нира сообщает, что на батареях остался только неприкосновенный запас снарядов, и просит срочного пополнения,— проговорил Оку, обернувшись к подошедшему майору.

— Боюсь, ваше превосходительство, что раньше вечера мы эту просьбу удовлетворить не сможем,— ответил офицер,— так как на море все еще продолжается сильное волнение, что очень затрудняет выгрузку боеприпасов.

— Наша пехота несет большие потери, особенно Первая дивизия в центре и Третья — на левом фланге. Необходимо немедленно принять самые решительные меры к преодолению сопротивления противника.

— Тогда придется выдвинуть из резерва Третий пехотный полк и бросить его в атаку.

— Но куда? До сих пор в русской позиции нет ни одной бреши.

— Левый фланг русских сильно выдвинут вперед и к тому же обстреливается с моря. Здесь находится тактический ключ ко всей позиции, ваше превосходительство! Следовательно, сюда и надо двинуть резервный полк.

— Без хорошей артиллерийской поддержки он тоже едва ли будет иметь успех, а снарядов у нас в обрез. В случае неудачи и русской контратаки мы окажемся в весьма критическом положении, ибо артиллерия не имеет снарядов, а полки расстроены тяжелыми потерями.

— Пока жив наш Ямато-Дасаки (японский дух), нам нечего опасаться поражения! Великая праматерь Аматерасу-Амиками всегда поддержит своих верных сынов!

— У русских есть хорошая пословица: «На бога надейся, сам не плошай». Поэтому, не оставляя надежды на помощь богини Восходящего Солнца, надо подумать и о пополнении снарядами, хотя бы из артиллерийских парков Пятой дивизии, расположенной у станции Пуландьян. Я поручаю это вам, Ямаоки-сан!

— Для выполнения вашего распоряжения потребуется время, ваше превосходительство.

— На выдвижение резервов в боевую линию тоже нужно время. Даю вам два часа на выполнение моего поручения. Я же в это время подтяну Третий полк к ме-

сту атаки и буду лично напутствовать его на пути славы!

Майор откозырял и поспешил к своей лошади.

Оставшись один, Оку задумался. Он знал, что к северу от него находится Первый Сибирский корпус русских. Надо было успеть во что бы то ни стало до его подхода разгромить артурские войска и затем всеми силами обрушиться на север. Поэтому, чтобы наверняка обеспечить успех, сегодня целых три дивизии были брошены на один русский полк, занимавший цзинджоуские позиции. Тем не менее русские оказали совершенно исключительное сопротивление, сперва при занятии города Цзинджоу, являющегося как бы передовым редутом всей позиции, а затем и по всей линии фронта.

«Один полк против двенадцати. Шестьдесят орудий против двухсот сорока! И все же за семь часов боя решительного успеха не достигнуто,— мрачно соображал генерал,— а сзади за Тафаншинскими высотами стоит еще целая русская дивизия, не бывшая в бою. Есть о чем призадуматься!»

Генерал мрачно шагал по своему наблюдательному пункту. Затем он приказал одному из ординарцев тотчас же отправиться к Третьему полку в деревню Шиндзы и передать приказание приготовиться к атаке.

Когда солдат ушел, Оку поднес было бинокль к глазам, но тотчас его опустил. Он опять увидел — и который раз сегодня! — захлебнувшуюся около самых окопов русских очередную атаку японской пехоты.

Появился еще ординарец, на этот раз от начальника санитарной части армии, с донесением, что с начала боя через перевязочные пункты прошло около ста раненых офицеров и свыше трех тысяч солдат. Командующий нахмурился.

«Если к этому прибавить еще убитых, то наши потери составят до полутораста офицеров и не менее четырех тысяч нижних чинов, то есть около четверти всего офицерского состава армии и полутора полков солдат. На позициях у русских и в начале боя не было такого количества людей,— горестно думал генерал.— Еще одно последнее усилие, и если оно не удастся, то придется прекратить бой и ожидать высадки новых подкреплений, обороняясь одновременно и с юга и с севера от наступающих русских армий»,— решил Оку.

Явился Ямаоки и доложил, что артиллерийские снаряды уже подвозятся.

 — Передайте сейчас же генералу Нира, чтобы он

открыл самый сильный огонь по противнику и стрелял до последнего снаряда! — распорядился Оку.

Вскоре японская артиллерия вновь усиленно загрохотала по всему фронту, а пехота опять бросилась в атаку, но снова была отбита.

— Все резервы, какие еще есть под руками, немедленно бросить вперед! Я жду, что господа офицеры покажут себя истинными самураями и вместе с солдатами покроют себя вечной славой! — диктовал Оку майору свой очередной приказ.

Артиллерия усиленно стреляла.

— Патроны в полках на исходе, на батареях осталось по пяти-шести снарядов на орудие! — тревожно сообщили из дивизии через полчаса.

— Стрелять до последнего патрона и снаряда, а затем идти в штыки, и да поможет нам великая Аматерасу! — неистово кричал Оку в телефон своим командирам дивизий.

Вечерело. Победа, казалось, окончательно ускользала из японских рук, и тут неожиданно с правого фланга передали радостную весть о том, что полки Четвертой дивизии ворвались в русские окопы.

— Банзай! — забывая о своем престиже, во всю глотку закричал обрадованный генерал и стал усиленно смотреть в подзорную трубу.

Ему было видно, как серо-зеленые фигурки широкой волной заливали взятую позицию. Перед ними стремительно двигались назад белые линии русских цепей. Вскоре вся позиция была покрыта флагами Страны Восходящего Солнца. Победа стала несомненной.

— Прикажете отдать диспозицию в преследовании противника? — спросил у генерала Ямаоки.

— Я еще не сошел с ума! Ни одного шага дальше позиции! На ночь приготовиться к отбитию контратаки противника и тотчас начать подготовку позиции к обороне на случай завтрашнего боя,— приказал генерал.— Теперь же подтянуть парки и два полка из Пятой дивизии к Цзинджоу.

Со всех сторон шли радостные вести о захваченных пленных и трофеях, но больше всего Оку обрадовался, когда лазутчики донесли об отходе частей, стоявших за Тафаншинскими воротами. Артурская армия перестала угрожать ему с юга.

— Теперь пишите диспозицию, Ямаоки-сан. Всем частям армии, за исключением двух полков и трех батарей Первой дивизии, к утру подготовиться к движению

на север. Оставшимся под Цзинджоу частям держать связь с противником, но отнюдь не ввязываться при этом в бой,— продиктовал командующий майору.

Когда около полуночи было получено сообщение об оставлении русскими Дальнего, Оку еще раз в этот день прокричал «банзай» в честь своего императора.

— Право, Ямаоки-сан, растерявшиеся и перетрусившие русские генералы сегодня больше моего заслужили благодарность нашего божественного Тенно,— проговорил он, обращаясь к своему офицеру.

В знак согласия тот молча наклонил голову».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Когда японцы начали общее наступление на русские позиции, генерал Фок, на обязанности которого было руководить обороной Цзинджоу, находился на Тафаншинских высотах. Отсюда, почти в шестиверстной дальности, он наблюдал за ходом боя. Генерал нервничал и чувствовал неприятную истому. Он помнил секретный приказ Стесселя — не задерживаться под Цзинджоу и отходить прямо в Артур. Надо было его выполнять. Около по-прежнему сидел Надеин и угрюмо шамкал беззубым ртом:

— Пора двинуть на помощь Третьякову Тринадцатый и Четырнадцатый полки ш бригадой Ирмана, иначе будет пождно и придетша оштавить пожицию.

Неподалеку, в ожидании генеральских распоряжений, группой стояли чины штаба и командиры всех полков дивизии.

— Третьяков трус и подлец, раз он сам не может справиться с японцами, занимая такую позицию и имея около полусотни орудий, из которых больше десятка тяжелых крепостных,— сердито бросил Фок ворчавшему Надеину.— На таких позициях я бы волком ходил и всех японцев передушил, как цыплят.

— Окопы и батареи ражрушены, артиллерия молчит, нет шнарядов, полк потерял половину швоего шоштава,— не унимался старик Надеин.

— Дезертиры и бегуны, а не солдаты! Смотрите, сколько их в тылу без винтовок ходит.

— Это артиллеришты, у них нет ни винтовок, ни шнарядов для штрельбы.

— Вооружить их винтовками раненых и убитых и послать в окопы.

— Едва ли это вожможно при данных обштоятельштвах.

В это время к ним подъехал верхом худощавый полковник Ирман, командир Четвертой Восточносибирской стрелково-артиллерийской бригады в сопровождении высокого, юношески стройного, моложавого капитана с лихо закрученными вверх иссиня-черными усами — Али-Ага Шихлинского.

— Ваше превосходительство,— обратился Ирман к генералу Фоку, прикладывая руку к козырьку,— японцы почти уже обошли левый фланг позиции, на правом фланге наши части тоже отходят под давлением превосходящих сил противника. Положение Пятого полка очень тяжелое. Разрешите выдвинуть мои батареи на позицию полка и огнем на картечь остановить противника: это облегчит отход Пятого полка.

— Категорически запрещаю выдвигать вперед хоть одно орудие,— резко возразил Фок.— Наоборот, оттяните сейчас же назад к Нангалину вашу Третью батарею, которая слишком у вас выдвинута вперед и легко может попасть в руки японцев.

— Нашей батарее не угрожает опасность потому, что впереди нее залив Хунуэза, который форсировать японцам не так легко. В случае необходимости батарея свободно может отступить на Талиенвань или Дальний...— вмешался Шихлинский.

— Прошу без рассуждений выполнить мое распоряжение,— оборвал офицеров Фок.

Сдерживая свое возмущение, Ирман и Шихлинский, откозыряв, поспешили отъехать.

— Как хотите, Владимир Александрович,— обратился к Ирману Шихлинский,— а я не отведу своей батареи, пока Пятый полк будет нуждаться в нашей поддержке. Даже в случае его отступления я буду стрелять до последнего, не считаясь с указаниями Фока.

— В случае отхода Пятого полка Фок первым кинется в тыл, забыв о вас и о всех других. Поэтому я не возражаю против ваших намерений и даже больше — полностью разделяю ваши планы. Артиллерия должна до последнего патрона помогать пехоте,— согласился Ирман.

На этом офицеры и расстались.

— Пятый полк бежит,— доложил Фоку начальник его штаба полковник Дмитриевский.

— Бежит не полк, а отдельные трусы и шкурники,

которых надо сейчас же задержать и половину из них перестрелять на месте! — сердито прикрикнул Фок.

Но вскоре Фок уже не спорил и не ругал своих подчиненных, вскоре и для него стал очевиден отход Пятого полка.

Фок растерялся. Взмахом руки он подозвал к себе всех своих офицеров.

— По-видимому, японцы сосредоточили против нас огромные силы, благодаря чему им удалось занять такую сильную позицию, какой была наша. После разгрома Пятого полка перед ними нет больше препятствий, и они, очевидно, через час, много полтора будут уже здесь. Было бы безумием с моей стороны принять бой на неукрепленных позициях против превосходных сил противника, и нам остается одно: возможно скорее отступать к Артуру и укрыться за его укреплениями,— заикаясь от волнения, проговорил Фок.

— Я ш вами не шоглашен...— начал было Надеин, но Фок попросту отмахнулся от него, как от назойливой мухи.

— Прошу господ командиров полков немедленно, по тревоге, поднять обозы и отправить их прямо в Артур, а через час после них должны двинуться и сами полки; так как Четырнадцатый полк расположен ближе всех к позиции, то он и составит арьергард. Тринадцатый и Пятнадцатый полки в порядке номеров пойдут к Нангалину, а оттуда через перевал Шииндзы, по Мандаринке, к Артуру. Артиллерия пойдет в промежутке между полками. Прошу немедленно привести в исполнение мои приказания, чтобы через час уже все было в движении!

— Прикажете написать диспозицию частям? — спросил начальник штаба полковник Дмитриевский.

— Какие там диспозиции! Лишь бы нам удалось ноги отсюда до ночи унести подобру-поздорову. Не время сейчас писаниной заниматься! — желчно ответил Фок и приказал подать себе лошадь.

— Ваше превосходительство, а мне когда отходить? — подбежал к генералу толстый, неуклюжий командир Четырнадцатого полка полковник Савицкий.

— В бой не ввязывайтесь! Можете сниматься с позиции около девяти-десяти часов вечера, ночевка полка в Нангалине!

— Туда без малого двадцать верст, дорога скверная и идти надо ночью. Если я снимусь отсюда в десять ча-

сов вечера, то я только к утру буду в Нангалине, какая же это ночевка?

— Не велика беда, если ваши стрелки не поспят одну ночь. Важно выйти из-под удара противника, оторваться от него и поскорее прибыть в Артур.

— Понимаю, слушаюсь! — торопливо ответил Савицкий.

— Пора нам двигаться,— обратился Фок к своему штабу.— Мы должны проскочить в Нангалин и оттуда руководить общим отходом полков дивизии.

— Прикажете сообщить в Дальний об отступлении? — напомнил Дмитриевский.— Там сосредоточено многомиллионное имущество, которое в короткий срок вывезти, конечно, невозможно, и его придется уничтожить, чтобы оно не попало к японцам.

— Потом, потом! Дайте уйти от всей этой сумятицы! — И генерал широкой рысью двинулся вперед. За ним затрусил и остальной штаб.

Командиры полков карьером поскакали к своим частям, и в полках поднялась суматоха. Командиры батальонов лично обходили свои роты и передавали распоряжение о выступлении, сокращая для верности срок на четверть часа, ротные командиры урезывали время еще на четверть часа, а фельдфебеля просто поднимали солдат по тревоге. В результате не через час, а через полчаса обозы всех полков сплошной лавиной тянулись по всем дорогам, идущим к Нангалину. Тотчас за обозами начали выступать и полки.

Оставленный в арьергарде Четырнадцатый стрелковый полк тоже недолго задержался на месте. Трусоватый командир полка полковник Савицкий нервно прислушивался к отдельным выстрелам, еще раздававшимся в направлении цзинджоуских позиций. Вскоре он вызвал к себе начальника охотничьей команды поручика Енджеевского и приказал ему выдвинуться вперед и по возможности «задержать японскую армию, которая в составе нескольких дивизий преследует отходящий Пятый полк».

— Довольно-таки мудреная задача: с тремястами человек без артиллерии задержать целую армию,— не без иронии ответил поручик.

— Продержитесь возможно дольше. Помните: жертвуя собою, вы спасете нашу дивизию от разгрома,— с пафосом проговорил полковник.

— Сделаю все возможное и невозможное, господин полковник. Не поминайте лихом, если не вернусь! — в

тон Савицкому произнес Енджеевский, сдерживая улыбку при виде взволнованного лица своего командира.

Поручик держался совсем другого мнения о намерениях японцев. Он не верил в мифическую опасность, якобы грозившую русской армии. Понеся огромные потери при штурме цзинджоуских позиций, японцы теперь приводили себя в порядок после тяжелого боя и меньше всего думали о преследовании русских.

Отпустив поручика, командир Четырнадцатого полка решил, что его роль как начальника арьергарда окончена, и приказал полку немедленно выступать к Нангалину.

Около полуночи, когда утомленные поспешным отходом полки проходили мимо разъезда Перелетный, находящегося в семи верстах от Нангалина, кто-то в темноте принял конных разведчиков Пятнадцатого стрелкового полка за японскую кавалерию и открыл по ним огонь. Перепуганные стрельбой обозы понеслись вперед к Нангалину и проскочили его, не останавливаясь. Это вызвало переполох на станции, где скопились лазареты и много раненых.

Генерал Фок поддался общему настроению и приказал немедленно подать себе экстренный поезд в Артур. Но единственный паровоз на станции оказался неисправным, и генерал поспешил сесть на лошадь и пуститься вдогонку своих доблестных обозов.

Прошло немало времени, пока растерявшиеся начальники наконец догадались подать сигнал «отбой», который был подхвачен всеми горнистами и трубачами. Услышав сигнал, солдаты постепенно успокоились. Стрельба смолкла, полки снова двинулись вперед.

В этот же день, вечером, в городе Дальнем, являющемся крупнейшим оборудованным портом Квантунской области, в квартире градоначальника, военного инженера в запасе Василия Васильевича Сахарова, сидел его друг и компаньон по многочисленным коммерческим предприятиям, Николай Иванович Тифонтай.

Сахарова с Тифонтаем связывало давнее знакомство еще по Петербургу. Известный в то время авантюрист, считавшийся в придворных кругах «тибетским врачом» — Бадмаев, крестник самого царя Александра III, играл видную роль при царском дворе. У Бадмаева служил секретарем китаец Тифонтай. По примеру своего покровителя он тоже принял православие и стал называться в честь наследника Николаем. Сахаров, тогда

молодой блестящий гвардейский офицер, постарался втереться в доверие к одной из самых приближенных фрейлин царевны — Вырубовой. Она имела большое влияние на императрицу Александру Федоровну и через нее на самого царя.

Вырубова лечилась у Бадмаева, и Сахарову представилась возможность познакомиться и с Бадмаевым и с Тифонтаем.

Бадмаев стоял на стороне безудержной экспансии России на Восток и прежде всего в Китай. Он не прочь был представлять в Петербурге «тяготеющие к России китайские торговые круги». Тифонтай полностью воспринял эту политическую линию.

Как только Порт-Артур был занят Россией на правах аренды на двадцать пять лет, и Тифонтай и Сахаров почувствовали, что настало время для активных действий. Сахаров через Вырубову получил рекомендацию к всемогущему тогда министру финансов Витте и был назначен градоначальником создаваемого города и порта Дальнего. Тифонтай же с помощью Бадмаева стал главным поставщиком русской армии в Маньчжурии и на Квантуне. Ловкими махинациями оба приятеля вскоре создали себе хорошее состояние.

Сейчас Сахаров и Тифонтай сидели за небольшим, украшенным перламутром столиком и пили шампанское. Они только что заключили крупную сделку. Тифонтай купил все предприятия Сахарова в Дальнем. Сахаров знал, что городу грозит японская оккупация, и в трудную для него минуту он решил обратиться к своему другу Тифонтаю.

— Объегорили вы меня совсем, Николай Иванович! За шапку сухарей скупили мои дома и заведения! — говорил Сахаров ему.— Пользуетесь затруднительным положением и обираете меня, как липку!

Тифонтай сощурил свои черные глаза и, одернув костюм, с вежливой улыбкой ответил:

— Не родился еще на свете человек, который сумел бы вас обойти, Василий Васильевич! Шутка ли сказать, построить город и порт стоимостью в двадцать миллионов рублей и составить себе на этом десятимиллионное состояние! Слава о вас гремит по всему Дальнему Востоку. Такие доходы — и ни одной, даже самой паршивенькой, сенаторской ревизии? Поистине, вы маг и чародей у нас в Квантуне!

— Но, Николай Иванович, вы известны не меньше Сахарова, вас знают на всех биржах от Токио до Сингапура!

— Льстите мне, Василий Васильевич. Я всего лишь скромный и малоизвестный купец.

— Не прибедняйтесь, Николай Иванович. Кому половина Артура принадлежит? Вам. Там, куда ни плюнешь, все в Тифонтая попадешь: бани — Тифонтая, мельница — Тифонтая, винокуренный завод — Тифонтая, театр — его же, не говоря уже о всех кабаках и опиокурильнях. Здесь, в Дальнем, с сегодняшнего дня вам тоже принадлежит до полусотни каменных домов, электрическая станция, добрая половина складов и все публичные дома. Это ли не богатство! Нет, Николай Иванович, честное слово, вы здорово сегодня меня объегорили, приобретя мое имущество за бесценок.

— По-моему, это не более как дружеская услуга с моей стороны. Завтра-послезавтра Дальний займут японцы, и все ваше имущество было бы реквизировано, как принадлежащее русскому подданному и офицеру.

— Но ведь вы тоже русский подданный.

— Но не офицер, а мирный купец, готовый кому угодно платить любые налоги, лишь бы не воевать.

— Да ведь мы с вами с начала войны не один миллион заработали на поставках в армию.

— И еще заработаем, если будем вести себя умненько.

— Вы — быть может, я — нет: моя песенка в Дальнем спета. Перевел сегодня по телеграфу все свои деньги в шанхайский банк при помощи японцев. Правда, пришлось заплатить большие куртажные, но зато деньги будут в целости. Надо отдать справедливость — японцы дальновидны в коммерческих делах. Понимают, что я могу быть им еще очень и очень полезен в Артуре сейчас и после войны.

— У меня к вам, Василий Васильевич, есть деловое предложение. Я, как вы знаете, остаюсь здесь. Артур же, верно, будет обложен. Не возьмете ли на себя труд присмотреть за моими артурскими предприятиями?

— Сколько я за это получу?

— Два процента от чистой прибыли.

— Меньше десяти я не согласен.

— Видит ваш русский бог и все китайские идолы, больше трех процентов я вам дать не могу.

— Семь!

— Только для вас — четыре!

— Последнее слово — пять!

— Так и быть — сойдемся на четырех с половиной, но с одним условием: я всегда должен быть в курсе всех артурских дел.

— Но если он будет блокирован?

— Нет такой блокады, которой не прорвали бы деньги.

— В свою очередь, вы будете информировать меня о всех моих делах в Китае, Корее и Японии.

— В Артуре вам придется кое-кому платить — некоторым регулярно, а другим от случая к случаю. Одним словом, обычные российские порядки.

— Я вас слушаю, друг мой.— И Сахаров вынул записную книжку.

— Артурскому полицмейстеру Тауцу ежемесячно по сто рублей и ни одной копейки больше. Если он вздумает вымогать,— шепните об этом Вере Алексеевне Стессель с соответствующим, конечно, подношением, и она быстро поставит на место этого жулика. Ей самой — почтительнейшие подношения: старинное китайское золото и серебро, камни и всякие дамские украшения, но отнюдь не деньги; цена подарка — в зависимости от важности ожидаемой услуги. К генералу, само собой разумеется, ни-ни-ни: раскричится сдуру и все испортит. Комиссар артурского городского совета полковник Вершинин глуп, как пробка, и потому честен. Подъехать к нему можно, уступая за бесценок разные нужные ему вещи: отрез на шинель, белье, платки, духи — кстати, душиться он очень любит.

— Одним словом, «борзых щенков», а не деньги,— понял Сахаров.

— Можете и щенков, если в них будет надобность. Затем крепостной интендант капитан Достохвалов. Ему постоянный оклад в триста рублей в месяц. Крепостной инженер полковник Григоренко — в случае надобности, сколько найдете нужным, но не больше тысячи. Крепостным жандармам, ротмистру Микеладзе, ввиду его общепризнанной глупости, хватит и пятидесяти рублей в месяц, зато поручику Познанскому, как особо вредному и жадному, меньше сотни платить нельзя. Теперь моряки. Прежде всего адмирал Григорович. В деньгах он не нуждается: своя рука владыка во всем портовом хозяйстве эскадры, зато честолюбив. На этой его слабости и играйте. В Управлении портом, кроме того, приходится давать всем и вся, но по мелочишкам — не больше четвертного. Вот, кажется, и все великие и малые артурские акулы.

— Крепостной санитарный инспектор и крепостной контролер? — напомнил Сахаров.

— Сдельно, от каждого протокола и акта; сумма — в зависимости от важности дела.

— Связь с вами?

— Через верных людей, они к вам будут заходить под видом нищих или разносчиков.

— Особые услуги?

— Что вы под этим подразумеваете? — несколько смутился Тифонтай.

— Военные тайны,— отрезал Сахаров.

— Они меня не интересуют,— лицемерно ответил Тифонтай.

— Не поэтому ли вы и имеете про запас паспорт японского подданного?

— Только в целях личной охраны, имея в виду предстоящее вступление японцев. Но откуда вы это знаете?

— Чтобы такая продувная бестия, как вы, да не имела бы двойного или тройного подданства! Не обижайтесь, Николай Иванович,— на вашем месте я поступал бы точно так же.

— Приятно слушать умные речи. Если бы не это обстоятельство, то разве знали бы мы сегодня в два часа дня о цзинджоуском разгроме как раз в тот момент, когда этот дурак Надеин посылал в Артур свои победные реляции.

— Я все больше удостоверяюсь в том, что японская разведка поставлена на необычайную высоту.

— Это вам, Василий Васильевич, особенно надо иметь в виду в Артуре: каждый ваш шаг тотчас будет известен нам и соответственно оценен.

— Прикажете ваши слова понимать как угрозу?

— Бог с вами, это всего лишь дружеское предупреждение, не более,— расплылся в улыбке Тифонтай.

Вошедший слуга подал Сахарову на серебряном подносе телеграмму.

— От Стесселя. Фок уже в Нангалине. Быстро это он пролетел двадцать с лишним верст от Цзинджоу! — сообщил Сахаров своему собеседнику.— Почитаем, что он нам дальше пишет. «Не позже двух часов ночи вывезти из Дальнего в Артур всех русских подданных. Паровозы немедленно отправить в Нангалин, а людям отступать пешком. Одновременно сообщите командиру Шестнадцатого полка Раздольскому о необходимости немедленно приступить к уничтожению портовых сооружений, электрической станции, железнодорожных мастерских, запасов провианта и боеприпасов. Шестнадцатый полк должен в пять часов утра выступить к деревне Таллингоу».

— Надеюсь, вы, Василий Васильевич, не особенно поторопитесь извещать об этой телеграмме Раздольского?

— До его штаба шесть верст. По темноте — час езды верхом. Сейчас около двенадцати часов. Следовательно, Раздольский может получить это извещение не ранее часа ночи. Еще через час выступит, подняв полк по тревоге, и будет здесь еще часа через полтора, то есть не ранее половины четвертого. Тогда на подрывные работы у нас останется полтора часа,— рассчитал Сахаров.

— Отсюда явствует, что телеграмму надо отправить отсюда с нарочным не ранее чем через полтора-два часа, тогда в его распоряжении вовсе не будет времени для производства взрыва.

— Он может выслать вперед конноохотничью команду, тогда она будет здесь не позже чем через два часа.

— Сколько их человек?

— Сорок — пятьдесят.

— Необходимо их задержать любыми средствами. В Дальнем есть саперы?

— Человек пять, не более, и с ними инженер-капитан Зедгенидзе.

— Сами они многого не сделают, а с помощью охотников успеют, пожалуй, взорвать половину Дальнего. Нельзя ли Зедгенидзе подкупить, не останавливаясь перед суммой?

— Боюсь, что нет: это ученик и последователь Кондратенко, который весьма хорошо подбирает себе людей. Но, кроме него, тут есть еще лейтенант Сухомлин, беспробудный пьяница.

— Прекрасно! Конных охотников направим к Сухомлину, а Зедгенидзе ничего сообщать не будем. Лейтенанта до приезда охотников накачаем до потери сознания. Я этим озабочусь сам,— быстро решил Тифонтай.— Пошлите телеграмму в половине второго. В половине четвертого охотники будут здесь, а полк придет после пяти и, следовательно, не задерживаясь двинется дальше.

— Ладно, все будет сделано, как мы с вами договорились, Николай Иванович. Надеюсь, мы еще увидимся с вами перед моим отъездом? — спросил Сахаров.

— К двум часам, когда вам надо будет выступать в Артур с вверенным вам гражданским населением, я буду здесь.— И купец направился к двери.

Сахаров по телефону вызвал начальника полиции и, сообщив ему о срочной эвакуации Дальнего, приказал собрать всех русских к двум часам ночи у его дома для дальнейшего следования в Артур пешим порядком.

Ровно в два часа ночи Тифонтай вернулся.

— Оба обезврежены,— сообщил он,— Сухомлин пьян, а Зедгенидзе спит мертвым сном.

— Убит? — с ужасом спросил Сахаров.

— Зачем! Просто небольшая доза снотворного. До утра без медицинской помощи не разбудят,— весело ответил Тифонтай.— Раздольному сообщение послано?

— Минут десять назад.

— Отлично. Значит, охотники раньше четырех часов здесь не будут, а полк, очевидно, поторопится пройти мимо Дальнего.

— Больше никаких указаний от вас не будет, Николай Иванович?

— Вот еще что: в Артуре надо связаться с личным адъютантом Стесселя, князем Гантимуровым, из промотавшихся гвардейцев, он только что приехал от Куропаткина и весьма понравился Вере Алексеевне, затем с командиром Двадцать седьмого полка полковником Рейсом. Употребите все ваше влияние, чтобы он был назначен начальником штаба Стесселя вместо Рознатовского, которого позавчера разбил паралич. В случае наступления чрезвычайного обстоятельства они нам очень пригодятся.

— Какого именно?

— Ну, скажем, при окончании обороны Артура. Они могут, конечно, из чисто альтруистических соображений повлиять на Стесселя через его жену в смысле нежелательности дальнейшего сопротивления. Это, конечно, только пример. Вы сами на месте увидите, когда и в чем они будут вам полезны.

— Дальнейших объяснений не требуется,— понял Сахаров.

— Вы уже уложились?

— Кроме моего белья и одежды, все остальное в этом доме с сегодняшнего дня принадлежит вам, Николай Иванович.

— В память о нашей дружбе прошу вас, Василий Васильевич, взять себе все, что только вам здесь нравится и что может понадобиться в Артуре.

Сахаров поблагодарил и приказал вошедшим слугам уложить в свою коляску несколько ковров и картин.

— Спасибо вам, Николай Иванович, за все и позвольте с вами проститься,— взволнованно проговорил Сахаров.— Не ожидал даже, что меня так разволнует отъезд из Дальнего. Как-никак — я его создал своими руками.

— Вполне понимаю ваше волнение, Василий Василье-

вич. Уверяю вас, что и при новой власти ваше имя не будет здесь забыто. У вас есть конвой?

— Да, пять пограничников.

— Я вам дам еще двух своих проводников.

— Это зачем? Я прекрасно знаю дорогу в Артур.

— Зато вас не знают мои люди, и вы можете подвергнуться их нападению; проводники же гарантируют вам полную безопасность в пути.

Сахаров еще раз поблагодарил Тифонтая и вышел на улицу, где в темноте уже стояла толпа русских. Подвод в городе не было, поэтому, взвалив на себя кое-какой скарб, жители собрались в сорокаверстный путь в Артур. Среди них было много женщин и детей. Все это был трудовой народ — служащие и рабочие, которым пришлось бросить свое накопленное годами тяжелого труда имущество и нищими отправляться в Артур.

Появление Сахарова было встречено целым взрывом жалоб и плача: от него требовали подвод хотя бы для женщин и детей.

— Реквизируйте лошадей и экипажи у китайских купцов и домовладельцев,— просили его из толпы.

— Не имею права конфисковать имущество подданных нейтральных стран,— ответил Сахаров.

— Не можем же мы нести на руках сорок верст свои вещи.

— Оставляйте их здесь, как я оставляю все свои дома с полной обстановкой. Ничего не поделаешь — война,— сокрушенно отвечал градоначальник.

— Уступите хотя бы свою коляску для маленьких детей.

— К сожалению, не могу. Меня к восьми часам в Артуре ждет генерал Стессель.

— Сволочь! — злобно ругались в толпе. Но Сахаров сделал вид, что не слышит брани, и, сев в коляску, приказал кучеру трогать.

Как только русские беженцы отошли от дома Сахарова, в гостиную, где находился Тифонтай, вошел слуга. При его появлении Тифонтай почтительно встал.

— Как дела, мистер Тифонтай? — спросил он по-японски.

— Поручение, ваше превосходительство, мною в точности выполнено.

— Сколько заплачено Сахарову?

— Около двенадцати миллионов.

— Фактическая стоимость его имущества?

— Десять миллионов.

— Таким образом, наш чистый пассив — два миллиона,— резюмировал генерал.— В активе что?

— Дальний совершенно в целом виде.

— Во сколько вы определяете его стоимость?

— Не меньше двухсот миллионов.

— Сделка не без выгоды для нас,— проговорил японец.— Я доведу до сведения его величества императора о вашей плодотворной деятельности, мистер Тифонтай.

— Премного благодарен вашему превосходительству за столь высокую оценку моей работы,— рассыпался в благодарности Тифонтай.— Покорнейше прошу засвидетельствовать могущественнейшему из монархов мира нашему обожаемому Тенно мою беспредельную преданность.

— До окончательного ухода русских я остаюсь на своем прежнем положении, а затем займу этот особняк. Распорядитесь, чтобы ваши люди охраняли все ценное имущество в городе. В награду они могут ограбить и сжечь несколько русских домов и все китайские хибарки на окраине,— приказал генерал.

— Все будет исполнено в точности, ваше превосходительство,— почтительно раскланялся Тифонтай и вышел из комнаты.

В передней раздался властный хозяйский звонок.

— Кого это еще принесло в такую позднюю пору? — нахмурился Танака.— Узнайте, мистер Тифонтай.

Японец продолжал сидеть в мягком кресле, рассматривая кончики своих туфель. В коридоре послышались быстрые шаги, дверь широко распахнулась, и появились Томлинсон со Смитом. Оба были в пальто, калошах, со шляпами на головах, как будто они зашли в сарай или мелкий ресторанчик, а не в благоустроенную квартиру известного им человека. За ними семенил, сгибаясь в три дуги, Тифонтай. Танаку как подбросило вверх. Он мгновенно оказался на ногах. С самой наиприятнейшей улыбкой на лице, на котором и следа не осталось от суровости и хмурости, почтительно приветствовал неожиданных гостей.

— Какому счастливому случаю обязан вашим приятным посещением? Смею вас заверить словом самурая, что ничто так не могло нас обрадовать, как встреча с вами,— рассыпался японец в раболепных любезностях.

Томлинсон и Смит молча сунули ему руки в знак приветствия и развалились в пальто и шляпах на мягких креслах.

— Где мистер Сахаров? — спросил американец.

— Полчаса как выехал в Артур по приказанию Стесселя,— доложил Танака.

— Вам, мистер Танака, придется отправиться вслед за ним. А вы, мистер Тифонтай, сегодня же уедете в Ляоян в штаб Алексеева,— распорядился Смит.

— Осмелюсь доложить, мистер Смит, что я получил приказ находиться в Дальнем до прибытия сюда японской императорской армии...— начал было Танака.

— Плевать мне на все ваши приказы! Наши общие дела требуют вашего присутствия в Артуре. Там имеется наш агент Сахаров, но он не вполне надежен, и вы должны следить за его действиями, не останавливаясь перед его уничтожением, если он нам изменит. Никаких возражений я не принимаю. Вам следует помнить, что без займов Япония войну вести не сможет, а без Америки она денег не получит. Ваша страна в наших руках, и поэтому мои указания для вас не менее обязательны, чем распоряжения хотя бы самого маршала Ойямы,— безапелляционно заявил американец.

— А вы, мистер Тифонтай,— обернулся Томлинсон,— будете находиться в штабе Маньчжурской армии. Вам поручается организация вьючных обозов для русских. Они в них очень нуждаются. Это даст вам возможность бывать в различных штабах, учреждениях и так далее. Какие именно нужны будут сведения, вы получите указания от нашего военного агента при штабе Алексеева. Он и будет руководить всей вашей деятельностью. Правительство его британского величества позаботится о вашем имуществе в Китае, Японии и Артуре. Выехать отсюда вы должны не позднее завтрашнего дня. Мистер Танака обеспечит вам пропуск через территорию, занятую японской армией. А там вы сами проберетесь уже к русским,— наставлял Томлинсон.

— Ваши указания, сэр, для меня священны,— приложил руку к сердцу Тифонтай.

— Осмелюсь спросить, вы сами останетесь здесь, в Дальнем? — изогнулся в дугу Танака.

— До прихода вашей армии. Затем мы отправимся в Токио,— ответил Смит.

— Распорядитесь, чтобы нам приготовили ванну и хороший ужин. Мы смертельно устали, тряслись в экипаже по разбитой дороге из Артура,— приказал Томлинсон.

— Вы проинструктировали Сахарова о том, что он должен делать в Артуре, мистер Тифонтай? — спросил Смит.

— Точно, согласно полученным от вас указани-

ям, сэр,— почтительно склонился перед ним Тифонтай.

— Значит, мистер Томлинсон, все в порядке. Мы можем и отдохнуть,— решил американец.

Танака и Тифонтай поспешили откланяться и уйти.

Спустя три дня японские войска наконец подошли к Дальнему. Уверенные в своей полной безопасности, они двигались без охранения и, когда перед самым городом неожиданно были обстреляны из придорожного гаоляна, в бешеной ярости принялись залпами обстреливать невидимого противника. Захватить никого не удалось, но вскоре установили, что нападение было организовано хунхузами, как именовали японцы китайских партизан, действовавших в Маньчжурии еще со времен японо-китайской войны. Прошло с полчаса, пока японцы успокоились и двинулись дальше.

На главной площади города Дальнего японские колонны встретил Танака. Он был в парадной форме, верхом на коне и преисполнен сознания важности происходящего. Войска генерал приветствовал криками «банзай», на что солдаты отвечали теми же возгласами.

Узнав про нападение, Танака обрадовался.

— Это хороший предлог для наложения контрибуции на китайское население. Разместите на постой солдат, а затем мы займемся сбором контрибуции в центре города под наблюдением офицеров. Собранные деньги будут направлены в подарок нашему божественному императору. Что касается окраин, то там пусть солдаты сами займутся ее сбором. Всех оказывающих сопротивление уничтожать на месте,— распорядился Танака.

К вечеру весь город наполнился мятущимися в ужасе китайцами, которых преследовали вооруженные японские солдаты.

Пойманных ставили на колени, заставляли наклонять головы, потом японцы рубили их короткими и острыми мечами. Скоро вся центральная площадь города была завалена трупами казненных.

Утром Танака с большой свитой приехал полюбоваться на обезглавленные трупы. Он вспомнил, как десять лет назад организовал резню китайцев после взятия японцами Порт-Артура.

— Эта казнь китайцев — хороший пролог перед нашим вступлением в Порт-Артур в нынешней японо-русской войне. Опьяненные видом крови солдаты ринутся на русских и уничтожат их так же, как мы уничтожаем здесь китайцев. И так будет со всеми, кто посмеет сопро-

тивляться храбрым солдатам великой Страны Восходящего Солнца,— напыщенно произнес генерал, обращаясь к своему окружению.

В этот момент откуда-то из-за угла раздался одинокий выстрел. Пуля сорвала эполет с плеча Танаки. Генерал вздрогнул и побледнел. Затем приказал во что бы то ни стало найти стрелявшего и казнить его. Но одноухий китаец со шрамом на лице, как описывали его японские солдаты, успел скрыться среди китайских хибарок, и его найти не удалось. Обозленный Танака приказал сжечь китайский поселок вместе с жителями. Вскоре огромный пожар охватил китайскую окраину Дальнего. Генералу доложили, что среди трупов сгоревших обнаружен и виновник покушения.

Около девяти часов вечера сборный отряд Звонарева подошел к горящей станции Тафаншин.

У станции Звонарева встретил Белоногов.

— Тут, ваше благородие, брошена уйма всякого добра,— сообщил он.— Блохин нашел целый вагон со снарядами и ружейными патронами.

— Вот так так! — удивился Родионов.— Мы на позиции сидели без снарядов, а тут их, оказывается, целый вагон, который бросают на поживу японцам!

— Снаряды нам уже не нужны, так как нет пушек, а патроны следует раздать стрелкам,— решил Звонарев и велел послать несколько человек за патронами.

— Неужто опять на позицию пойдем? — взволновались стрелки.

— Мало, что ли, сегодня воевали? Надо и отдохнуть после боя.

Звонарев успокоил их, объяснив, что патроны надо разобрать по рукам, чтобы они не достались японцам. Солдаты внимательно выслушали и одобрительно загудели.

— Честь имеем явиться, ваше благородие! — неожиданно появились перед прапорщиком Кошелев, Мельников и Грунин.

— Где вы, черти, пропадали? Мы по вас уже панихиду служить собрались,— приветствовал их Звонарев.

— Значит, жить долго будем,— весело ответил Кошелев.

Услышав, что Мельников нашелся, Варя и Шурка кинулись к нему.

— Как вы спаслись? Неужели даже не ранены? — закидали они вопросами фельдшера.

— Бог, должно, меня спас: когда я из блиндажа вышел до ветру, тут и ударило! Я решил, что там всех побило, а тут японцы со всех сторон наседают, я и подался бежать, пока аж здесь не оказался. Тут встретил Кошелева с Груниным, а на станции нас нашел Блохин и послал к вам,— коротко изложил Мельников свои приключения.

— Будешь у меня за начальника санитарной части! — улыбнулся Звонарев.— Вот тебе две сестры в помощь, да, может, найдешь фельдшеров среди стрелков.

— У меня, ваше благородие, за станцией стоят три санитарные двуколки, есть в них и медикаменты,— проговорил Мельников.

— Где вы достали? — удивленно спросила Варя.

— Стрелки бросили при отступлении.

Фельдшер с обеими девушками направился к повозкам.

Через несколько минут явился Лебедкин и сообщил, что Заяц нашел на складах несколько ящиков консервов и много обмундирования.

Звонарев быстро направился к складам.

У крытых пакгаузов стояла целая толпа народу. Ни столбы огня, вырывающиеся из складов, ни грохот падающих балок, ни тучи головешек, сыпавшихся сверху, не могли остановить смельчаков, вытаскивавших из складов различное имущество.

Заяц, как курица-наседка, принимал все принесенное имущество под свою охрану.

— Чего ты тут набрал? — спросил его Звонарев.

— Одежи и обуви человек на сто, консервов с полтысячи банок, хомуты, шлеи, чересседельники и бельишка малость!

— Куда же мы все это денем?

— Консервы по рукам раздадим, белье и одежу тоже, а хомуты в санитарные двуколки положим: на Утесе в хозяйстве они нам пригодятся.

— Надо бы, ваше благородие, нам выставить охранение,— предложил Родионов,— а то, не ровен час, налетит на пожар японец или хунхуз и переполоху наделает.

— Стрелков, что ли, нарядить?

— Ненадежны они: пуганая ворона, говорят, куста боится, а у страха глаза велики! Им сегодня солоно пришлось на позициях. Наших послать придется. Пошлем в дозор Кошелева с пятью человеками. Он у нас разве только штабс-капитана боится, после того как на него чихнул!

— Не больше твоего, Тимофенч! — из темноты отозвался наводчик и стал подбирать людей для дозора.

— Что-то без нас на Утесе Ведмедь наш делает? — проговорил Блохин, который сидел вместе с Родионовым и Лебедкиным.— Поди, скучает и со скуки водку лакает!

— Был бы он сегодня с нами на позиции, вовек бы оттуда не ушел! Пропал бы сам и нас всех погубил! — задумчиво ответил Лебедкин.

— Хорошо, что хоть наш прапорщик не очень боевой,— усмехнулся Родионов.

— Зато не форсит и нас слушает,— заступился Блохин.

— Это он правильно делает: миром да собором до всякого дела дойдешь и все обмозгуешь. Нам бы теперь только потихоньку до Артура добраться! — вздохнул Блохин.

— Надо найти наши полки и к ним пристать,— добавил Родионов.

Через полчаса горнист заиграл поход, и отряд стал собираться. Впереди должен был ехать Заяц на двух парах коров, запряженных в где-то найденную им походную кухню, за ним — санитарные повозки, а дальше стрелки и артиллеристы. Для лучшего надзора за стрелками, которых никто не знал, Звонарев поставил их под команду Блохина и еще четырех артиллеристов.

С японской винтовкой в руках Блохин спешно строил свое войско, покрикивая на стрелков. Он был польщен и смущен своим назначением, впервые за свою жизнь выступая в роли командира.

— Геройский у вас командир! — шутили артиллеристы.— Одно слово Блоха!

— Лебедкин! — позвал Звонарев.— Надо будет взорвать или поджечь вагон со снарядами. Справишься с этим?

— Так точно! Возьму двух человек и мигом оборудую.— И солдат повернул назад к станции.

Не прошло и пяти минут, как огромное пламя высоко взлетело в темноте ночи и страшный грохот потряс воздух, долго еще отдаваясь эхом в спящих сопках.

— Все взорвали, ваше благородие! — доложил вернувшийся Лебедкин.

— Будешь пока в арьергарде со своими людьми нас от японцев прикрывать, а я вперед пойду, чтобы с дороги не сбились в темноте,— распорядился Звонарев.

Отряд уже отошел верст на шесть от Тафаншина, когда впереди неожиданно раздались отдельные ружей-

ные выстрелы, скоро перешедшие в сильнейшую перестрелку. Звонарев остановил свой отряд.

— Что за стрельба, понять не могу! — недоумевал прапорщик.

— Японец нас обошел! — заметили в толпе.

— У тебя, что ли, он между ног пролез, пока ты звезды считал, дурья ты голова! — отозвался Блохин.— На позиции он остался, а сзади нас идут еще стрелковые полки и охотники.

— Чем гадать-то зря, пошлем, ваше благородие, вперед разведку,— посоветовал Родионов.

— Блохин, иди со стрелками вперед! Пройдешь с полверсты, шли гонца с известием, через версту еще, а там и поворачивай обратно, а мы здесь пока переждем,— распорядился Звонарев.

Отобрав человек двадцать стрелков, Блохин ушел с ними в темноту.

Через полчаса гонец от Блохина сообщил, что впереди все спокойно и никого нет.

Следующий гонец сообщил, что с ними повстречались отставшие солдаты Четырнадцатого полка, которые уверяли, что на идущие полки напала японская кавалерия, но была отбита.

— С вами был один Четырнадцатый полк? — спросил Звонарев.

— Вся дивизия, ваше благородие! По тревоге вечером поднялись и пошли скорым маршем прямо на Артур,— доложил стрелок.

Вскоре подошел и сам Блохин.

— Видать, наши стрелки здорового деру дали! — начал он свой доклад.— Повозок всяких на дороге побито да поломано видимо-невидимо, а людей нет!

Послышался быстро приближавшийся конский топот. Солдаты настороженно вскинули винтовки на изготовку.

— Кто идет? — воскликнул Родионов.

— Свои! От поручика Енджеевского к вам высланы,— послышался ответ, и двое верховых, держа третью лошадь за повод, подъехали к отряду.

— Где тут прапорщик будет? — спросил один из них.

Звонарев отозвался.

— За вами поручик лошадь прислали! Просили вас приехать к себе.

— Японцы-то где? — спросило сразу несколько голосов.

— На наших позициях гуляют, костры жгут да пляшут от радости,— ответил охотник.

— А как же кавалерия ихняя в тылу оказалась?

— Какая кавалерия! Просто зря тревогу подняли.

Передав командование Родионову, Звонарев поехал к поручику.

Вскоре они подъехали к группе развесистых деревьев, под которыми был разложен костер. Около него, на бурке, подложив под голову папаху, растянулся Стах. Тут же лицом к огню лежало на земле несколько человек стрелков. Над костром кипел большой чайник, и солдаты подбрасывали под него сухие ветки. Поодаль стояли стрелки Блохина, поджидая подхода своего отряда.

Вскоре подошел и остальной отряд.

До девяти часов утра следующего дня охотничья команда Енджеевского и отряд Звонарева оставались на Тафаншинских высотах. Японцы не делали никаких попыток к наступлению, но оставаться тут все же было опасно, так как части дивизии Фока отошли уже верст десять за Нангалин, и, таким образом, арьергард оторвался от дивизии более чем на тридцать верст.

Когда отряд приготовился к выступлению, Звонарев и Енджеевский решили посмотреть издали на Цзинджоу. Доскакав до одной из сопок, они стали в бинокль разглядывать покинутые позиции.

Несколько рот японцев усиленно приводили их в порядок: поправляли окопы, свозили захваченные орудия. Вдали, за городом Цзинджоу, были видны большие колонны японцев, уходящие на север.

— Неужели японцы уходят из Цзинджоу? — не поверил своим глазам Звонарев.

— Черт бы побрал Фока с его трусостью! Останься наши полки здесь, японцы не посмели бы увести отсюда свои части! А теперь они спокойно отправляют свои полки на север против Маньчжурской армии,— сообразил Стах.— Сейчас пошлю к Фоку ординарца с этим известием, чтобы вернуть сюда наши полки!

— Едва ли только Фок поверит вам! Он так напуган, что, верно, уже добрался до Порт-Артура и там наводит на всех панику.

— Подожду тут до полудня,— решил Стах,— а там снимусь и двинусь за вами. Вас же попрошу, на всякий случай, занять следующий горный хребет у Нангалина. Он представляет собой прекрасную позицию. Эх, если бы у меня была бы хоть полубатарея! Не ушел бы совсем отсюда.

Распрощавшись с Енджеевским, Звонарев направился вдогонку за своим отрядом.

Вскоре наткнулись на брошенное орудие с передком, невдалеке в канаве лежал перевернутый зарядный ящик. Артиллеристы, позабыв о строе, кинулись к нему, и через минуту и пушка и ящик были водворены на середину дороги.

— Как ее только забрать с собой? — гадали солдаты.

Блохин осмотрел орудие со всех сторон, открыл замок, заглянул в ствол пушки и деловито заявил:

— Плохо банено! У нас на Утесе Медведь бы за это по морде благословил! Как везти? Возьмем лошадей с двуколок и впряжем сюда!

— А то бросим? — не соглашались солдаты.— Кухня, она нам ведь полезная, а пушка сейчас ни к чему! Стрелять-то из нее не по кому.

— Как не по кому? Хотя бы по такому дураку, как ты,— обернулся Блохин,— чтобы глупостей не говорил! Пушка, она завсегда артиллеристу нужна! Да и деньги она стоит большие, не то что двуколка с кухней!

Спор решил Звонарев. Так как раненых, за исключением Родионова, не было, то он решил бросить две санитарные двуколки и на одном уносе вывести орудие.

Пройдя немного, наткнулись еще на орудие, но до Нангалина было уже близко, и было решено сперва поставить первую пушку на позицию у Нангалинских высот, а затем туда же перебросить и вторую.

Звонарев поехал выбирать позицию для своей импровизированной батареи. Взобравшись на ближайшую сопку, он увидел перед собой равнину, ограниченную с севера Тафаншинскими высотами. В бинокль он заметил и двигающийся от Тафаншина отряд охотников.

Установив пушки на позиции и расположив стрелков, прапорщик оставил Родионова за начальника, а сам поехал на станцию Нангалин в разведку. На станции он нашел много бродящих без дела солдат, целый полевой лазарет с сотней раненых, врачом и санитарами, десятка два пустых вагонов на путях. Около водокачки, тихо посапывая, как затухающий самовар, стоял сошедший с рельсов паровоз. Тут же копошились солдаты, видимо раздумывая, как поднять его на рельсы. Одноногий старик, в старом солдатском мундире, с Георгиевским крестом на груди и в фуражке с красным околышем, бодро ковылял вокруг паровоза.

— Навались разом,— кричал он на солдат,— жми книзу сильнее!

Увидев подъехавшего Звонарева, солдаты почтительно расступились. Прапорщик соскочил с коня и, обойдя

паровоз, поднялся в паровозную будку. Беглого взгляда было достаточно, чтобы определить годность паровоза.

Звонарев подкинул угля в топку, подкачал воды в котел и слез на землю.

— Ты кто такой будешь? — спросил он старика.

— Сторож при водокачке. Семен, сын Капитонов, Петров. Раньше машинистом ездил, пока в крушении ногу не оторвало,— ответил старик.

— Давай домкраты, пару запасных рельсов и несколько ломов,— приказал Звонарев.

Вскоре работа около паровоза закипела. Оставив здесь за старшего одноногого машиниста, прапорщик пошел осматривать станцию. Она была почти не разрушена, за исключением телеграфа, телефона, выбитых стекол и поваленных станционных фонарей. Тут он встретил Блохина с Лебедкиным и Кошелевым.

— Вы как сюда попали?

— Софрон Тимофеич до вас послали. Вот эстафета от поручика,— доложил Лебедкин, протягивая прапорщику пакет.

Прочтя записку, Звонарев узнал, что Енджеевский отходит к Нангалинским высотам без давления со стороны противника, так как получил сведения о высадке японцев в Талиенвани, в тылу тафаншинских позиций. Одновременно он просил не задерживаться на нангалинских позициях.

— Софрон Тимофеич записку уже прочитали. Сейчас одну пушку сюда подвезут, а потом и другую,— доложил Лебедкин.

— Паровоз бы нам только на рельсы поставить, тогда все погрузим в вагоны и вывезем отсюда,— проговорил Звонарев.

— На руках паровоз подымем и на место поставим, ваше благородие,— уверял Блохин.

Вместе с солдатами Звонарев пошел по станционным путям осматривать вагоны. Они оказались в полной исправности, и нужно было только составить из них эшелон.

— Как подвигается работа, кавалер? — подходя к паровозу, спросил прапорщик у одноногого старика.

— Надо поднять еще только одну пару колес под тендером, и все будет готово, хоть в Расею тогда езжай на паровозе.

Солдаты полезли под тендер с домкратом.

Пока поднимали паровоз, Звонарев решил заняться составлением поезда, для чего надо было вручную пе-

рекатить вагоны на главный путь и сцепить их между собой.

— Кошелев и Блохин! — позвал прапорщик.— Соберите стрелков и начните перекатывать вагоны по путям под состав.

— Вали, братки, сюда! — замахал фуражкой Блохин.

Солдаты со всех сторон стали сходиться на зов.

— Кати все вагоны на главную путю! — распорядился Блохин.

Скоро станция огласилась шумом двигающихся вагонов и перезвоном буферов.

— Надеюсь, господин прапорщик, вы не забудете о нашем лазарете? — подошел к Звонареву врач.

— Вот вам подряд семь теплушек и одна платформа! Можете здесь устраиваться,— ответил прапорщик.

Наконец паровоз был поднят на рельсы, и Капитоныч, забравшись в будку, с победным свистом повел его по путям под состав.

В это время к станции подъехал Енджеевский, а следом за ним появилась «коровья батарея», как прозвали стрелки пушки, перевозимые на коровах.

— Вы, никак, уже готовы к отъезду? — удивился поручик.

— Вас только поджидаем.

— Я хотел до вечера задержаться на высотах и затем вместе с вами ехать дальше уже по железной дороге.

— Надо выехать пораньше, засветло, пока путь впереди хорошо виден. Может быть, он испорчен нашими при отступлении.

— Ладно, через час я буду здесь. Взорвем, что можно, на станции и присоединимся к вам.

— Вы сообщили в Артур об отходе японцев на север?

— Послал телеграмму с нарочным Кондратенко и Стесселю, но ответа пока никакого не получил!

Между тем солдаты вручную перекатывали вагоны. Блохин принимал в этом самое активное участие, одновременно рассказывая о своих впечатлениях.

— Посмотрели мы на тутошние деревни. Чем только люди живут? — удивлялся Блохин.— Беднота почище нашей. В одной хате по двадцать человек ютятся. А земли на всех самое большое — полдесятины. Хлеб по зернышку сажают, как овощ. Только чумиза и выручает китайца. Налоги с них дерут тоже не хуже нашего. При нас какой-то чиновник палками выбивал недоимки из

 крестьян. Как и у нас, обирают крестьян все, кто мо-

жет: и бонзы, и помещики, и даже мало-мальский чиновник. По жизни своей они нам братья родные, только победнее. Всякое издевательство терпит народ над собой, а скинуть скорпионов не может. Пособить бы им хотя малость.

— Ты не очень-то рассказывай о скорпионах! Мы и своих пока не скинули, а ты за чужих хочешь приниматься,— остановил его Родионов.

— Научимся чужих скидать, проще будет справиться со своими,— не сдавался Блохин.

— После войны об этом думать будем, а сейчас надо поскорее до Артура добираться, пока японец не догнал,— ответил Родионов.

Как только раненые и кухня с орудиями были погружены в вагоны, Звонарев вывел эшелон на станцию и стал ожидать прибытия охотников.

— Дозвольте нам, ваше благородие, станцию порушить! — попросил Блохин.— Зачем добро японцу отдавать!

— Вали, но поскорее! Как подойдут охотники, сразу тронемся.

Человек сто солдат рассыпались по всем станционным зданиям.

Вскоре один за другим загорелись пустые пакгаузы и другие пристанционные постройки.

И когда Енджеевский со своими охотниками подошел к станции, она представляла собой сплошное море огня; оставалось только взорвать водокачку, что и было тотчас же проделано.

— Все? — спросил Звонарев, когда Стах подошел к эшелону.

— Все! Сейчас последние стрелки подойдут,— ответил поручик.— А японцев я так сегодня до самого вечера и не видел, смело бы наши полки могли опять вернуться к самому Тафаншину.

— Смелости-то этой самой, к сожалению, и не хватает у наших генералов,— ответил Звонарев.

Через несколько минут поезд тронулся. Звонарев вместе с Капитонычем поместился на паровозе, в последнем вагоне ехал Енджеевский с подрывниками. После каждого моста, который они проезжали, поезд останавливался, охотники рвали мост, и поезд шел дальше. На полпути до Ичендзы эшелон встретил передовые заставы Четырнадцатого полка, которые никак не хотели верить, что это их же охотники.

— Мы считали, что вы все давно погибли,— заявил

начальник заставы Енджеевскому.— Сейчас пошлю радостную весть о вас Савицкому.

— Скорее он будет огорчен, что ему не удалось отделаться от меня, чем обрадован моим возвращением. Я доеду до Ичендзы, там переночую, а завтра утром присоединюсь к полку,— ответил Стах.

В Ичендзы артиллеристы сгрузили подобранные пушки и зарядные ящики. Здесь же сошли и охотники Четырнадцатого полка, а эшелон двинулся дальше.

Было около полуночи, когда наконец поезд пришел в Артур. Станция была едва освещена. Солдаты железнодорожной роты, обслуживающие вокзал, с фонарями в руках подошли к эшелону.

— Никак, и в самом деле притопали до места,— выглянул из вагона Блохин.— Вылазить надо, Тимофеич,— обернулся он к Родионову, дремавшему в углу.

— Пошевели народ, Филя, а то мне что-то недужится,— отозвался фейерверкер.

— Артиллеристы-стрикулисты, стрелочки-дружочки, катись из вагонов! — заорал Блохин, соскакивая на землю.— Живо свое добро выгружай!

Сонные солдаты стали лениво вылезать из вагонов.

Варя с врачом лазарета отправилась на вокзал вызывать подводы для перевозки раненых.

Заяц с Белоноговым и Мельниковым с помощью других утесовцев выгружали свои трофеи: походные кухни, четыре коровы, три лошади и санитарную двуколку.

Когда все было выгружено, артиллеристы и стрелки построились на площади перед вокзалом.

— Пересчитай людей,— приказал Звонарев.

— Сорок два артиллериста и сто тридцать стрелков,— доложил Родионов.

— Напра-во! Шагом марш! — скомандовал прапорщик.

Солдаты, обрадованные возвращением в Артур, с места двинулись бодрым, широким шагом.

— Песельники, вперед! Белоногов, запевай! — распорядился Звонарев.

Пошептавшись о чем-то с солдатами, запевала бодро затянул неожиданную импровизацию:

Артурские вершины,
Я вас вижу вновь,
Цзинджоуские долины —
Кладбище удальцов.

Тревожа спящий Артур, все дружно подхватили песню под молодецкий посвист Блохина. В ответ во всех концах города громко залаяли обеспокоенные собаки да испуганно шарахнулся в сторону встречный ночной патруль.

— Какая часть идет? — окликнули их из темноты подъехавшие всадники.

— Сводная рота Квантунской крепостной артиллерии и стрелки Пятого полка возвращаются из-под Цзинджоу, ваше превосходительство,— ответил Звонарев, узнавший по голосу Кондратенко.

— Смотрите, ваше превосходительство, какими они идут молодцами. Кто же скажет, что эти части только вчера потерпели тяжелое поражение? — обратился к Кондратенко его начальник штаба подполковник Науменко.

— Я же все время говорю, Евгений Николаевич, что под Цзинджоу потерпели поражение не наши полки, а наши генералы и штабы. Вид этих стрелков и артиллеристов целиком подтверждает мое утверждение,— ответил генерал.

После того как прошли набережную и доки, сводный отряд Звонарева разделился: стрелки свернули налево в казармы Десятого полка, где они должны были переночевать, артиллеристы, за исключением утесовцев, направились в Артиллерийский городок, а оставшиеся утесовцы двинулись дальше.

Звонарев повел взвод в обход Золотой горы. Солдаты шли с трудом: сказывалась усталость последних дней.

— Чего примолкли, или не хочется на нашем Утесе сидеть? — спросил прапорщик ближайших солдат.

— Никак нет, соскучились мы по своему Утесу...— отозвался Кошелев.

— Поди, ждут нас там — поджидают. По Шурке Саввична слезы льет,— вставил Белоногов.

— По нас... Ведьмедь,— перебил Блохин, подошедший сзади.

— Это верно: денно и нощно, поди, по батарее ходит да нас выглядывает, особливо Блоху,— вставил Булкин.

Когда обогнули Золотую гору и в темноте стал виден прожектор Утеса, солдаты сразу оживились.

— Светит, светит наш Утесик. Днем и ночью все за морем наблюдает,— радостно проговорил Ярцев.

— Подтянись! — обернулся Родионов к солдатам.—

Должны мы героями подойти, чтобы не подумали про нас, что мы из Цзинджоу бежали. Затяни-ка, Белоногов!

— Медвежью! Чтоб сразу он почуял, что мы идем,— предложил Блохин.

Звонарев удивленно обернулся.

— Это еще что за медвежья?

— Какую поручик любит.

Белоногов откашлялся и с чувством запел:

Гей, чего, хлопцы, славны молодцы,
Смутны и невеселы?
Хиба в шинкарки мало горилки,
Мало и меду и пива?

Остальные подхватили сперва тихо, а затем все сильнее и сильнее, будя тишину тихой летней ночи.

По мере приближения к Утесу солдаты постепенно убыстряли темп песни и ускоряли шаг.

У самых казарм Звонарев скомандовал:

— Взвод, стой!

Солдаты с особой четкостью остановились и опустили винтовки к ноге.

— Налево равняйсь!

В то же мгновение широко распахнулась дверь офицерского флигеля, и на крыльце появилась высокая фигура Борейко в одной рубахе, в брюках и туфлях на босу ногу. Спрыгнув с крыльца, он на бегу закричал во всю силу своих легких:

— Здорово, орлы! Спасибо за службу геройскую!

Взвод тотчас так ответил, что зазвенели стекла в окнах. Борейко уже сгреб в свои объятия Звонарева, затем Родионова, а потом по очереди и всех солдат.

— Не думал вас и в живых видеть! — взволнованно кричал поручик.— Еще в одиннадцать часов вечера звонил в Управление артиллерии, справлялся о вас. Мне ответили, что «служите, мол, панихиду за упокой душ новопреставленных воинов». Ан, вы легки на помине, сами домой притопали живы и здоровы.

— Не все, ваше благородие,— заметил Родионов.

— Кого нет?

— Убиты Купин, Люков, Гнедин, Жариков,— перечислял фейерверкер,— да пропали без вести Павлов, Копейко, Зых.

Борейко глубоко вздохнул.

— Помянем же их, братцы, добрым словом. Шапки долой! Запевай, Белоногов.

— Ве-е-ечная па-а-мя-а-ать,— торжественно, грустно запели солдаты.

Пение подхватили высыпавшие из казарм оставшиеся на Утесе артиллеристы, и образовался хор в две с половиной сотни голосов.

Около фельдфебельской квартиры Саввична, утирая слезы, целовала свою дочь.

— Доню моя, родная, дитятко мое! Не чаяла я тебя видеть еще на этом свете,— причитала она над дочкой.

— Ой, мамо! Так я же вернулась. Зачем же вам плакать?

— Плачу я с радости, доченька, что тебя увидела. Плачу по тем, кто погиб на войне,— ответила старая фельдфебельша.

— Накройсь! — скомандовал Борейко, когда пение окончилось.— Теперь рассказывайте, кто из вас самый большой герой?

— Генерал-фельдмаршал Блохин! — выкрикнули солдаты и наперебой начали рассказывать о его похождениях.

— Выходит, что блоха не простая, а геройская. Иван! Подай сюда четвертуху водки и стакан: надо за Блохина выпить. Кто же еще у нас герой?

— Родионов, Заяц, Мельников,— перечисляли солдаты.

— Софрон Тимофеевич, представим тебя да и остальных к Георгиевским крестам,— с чувством проговорил Борейко.— Что это у вас там за повозки? — пригляделся в темноту поручик.

— Трофеи наши: санитарная двуколка, походная кухня, три лошади, четыре коровы, хомуты,— перечислял Родионов.— Все Заяц с Мельниковым да Лебедкиным разжились.

— Молодцы ребята! Поди, соскучились там по своему Медведю? — под общий смех спросил Борейко.

— Мы сами из медвежьей породы,— отозвался Блохин.

— Так я первый взвод буду звать медвежьим,— рассмеялся Борейко.

Денщик принес водку, стакан и нарезанный на тарелке хлеб.

— Подходи причащаться! Софрон Тимофеевич, тебе первому,— поднес фейерверкеру стакан водки Борейко.

Родионов залпом выпил водку, крякнул и закусил кусочком хлеба.

— Сразу у тебя рана полегчает, Софрон,— заметил Блохин.— От водки кровь сворачивается и тело заживает.

— Ты и здоровый ее весьма обожаешь,— усмехнулся Родионов.

— Ну-с, подходи, Блоха. Как тебя звать-то?

— Филиппом поп крестил.

— А по батюшке?

— Иванович, ваше благородие.

— Причащается раб божий Филипп, сын Иванов, чистейшей русской водкой и ржаным хлебом,— пошутил Борейко, поднося ему стакан.

Блохин одним духом осушил стакан и с грустью посмотрел на пустое дно.

— Мало, что ли? — спросил Борейко.

— Надо бы еще чуток, а то глотка больно засохла.

— Очумеешь и в драку полезешь.

— Как перед истинным: отсюда прямо на свою койку пойду и завалюсь спать.

— Ладно, пей уж за все твои геройства,— налил второй стакан Борейко.

Угостив всех солдат водкой, Борейко вспомнил о Шуре Назаренко.

— А где Шурка? Позвать ее сюда,— распорядился он.

— У хату зашла. Сейчас ее покличем,— бросился кто-то из солдат к фельдфебельской квартире.

— Как она вела себя в Цзинджоу? — спросил поручик.

— Геройская девка,— ответил за всех Мельников.

— Не в папашу уродилась,— вставил Родионов.

— Вы меня шукали? — спросила, подходя, Шура.

— Горилкой тебя хочу угостить за твою храбрость,— сказал Борейко, наливая стакан.

— Так я ж ее в жизни не пила,— испугалась девушка.

— Ну, так я за твое здоровье выпью, чтоб тебе жених хороший попался, а ты только пригубишь,— подал стакан Шурке поручик.

Девушка чуть прикоснулась к водке губами.

— Тьфу, какая горькая да противная! — плюнула она.

В это время вышел на улицу разбуженный шумом Гудима.

— Смирно! — скомандовал Борейко, увидев командира.

Поздоровавшись с солдатами, поздравив их с возвращением, Гудима спохватился:

— А Звонарев где?

Все обернулись, ища в темноте исчезнувшего прапорщика.

— Сергей Владимирович, ау! — заорал Борейко.

— Они пошли к себе мыться,— сообщил Лебедкин.— Прикажете позвать?

— Нет, пусть приведет себя в порядок.— И Гудима с Борейко направились осматривать привезенные трофеи.

Мельников вытаскивал из двуколки хомуты, цинки с патронами, медикаментами, станционный колокол, оцинкованную ванну и кучу разного тряпья. Кухня Зайца тоже оказалась набита различными солдатскими пожитками.

Появление каждой новой вещи вызывало одобрительный гул среди столпившихся вокруг солдат.

— Не зря, значит, первый взвод под Цзинджоу ездил, разжились-таки наши там разным барахлишком,— завидовали в толпе.

— Кто разжился барахлом, а кто и деревянным крестом,— отозвался Ярцев.

— На войне без того не обходится,— возразил Лепехин.

Приказав спрятать вещи до утра в сарай, Гудима отправился к себе на квартиру.

— Расходись по койкам,— распорядился Назаренко.— Завтра все разглядеть поспеете.

Солдаты нехотя возвращались в казарму. Дежурный по роте Жиганов охрип, крича и ругаясь, пока все улеглись на свои места.

Между тем Звонарев, вымывшись и переодевшись, отправился с докладом к Гудиме. Здесь он застал и Борейко.

— Прежде всего вам надо закусить с дороги,— предложил Гудима.

— И выпить нам всем,— добавил Борейко,— за него и за Варю Белую.

— Да перестань ты глупости говорить, Борис Дмитриевич! — рассердился Звонарев.

— То-то, когда вы уехали в Цзинджоу, она нам покоя не давала: на день по пять раз спрашивала, нет ли у нас оттуда известий,— догадался Гудима.

— Да она не только у вас, а как бешеная кошка носилась по всему Артуру в надежде получить сведения о Звонареве. И у Стесселя бывала, и у Кондратенко, и даже к морякам заглянула. Успокоилась только тогда, когда потихоньку удрала от родителей вместе с Шур-

кой. Переполох тут поднялся страшный: пропала генеральская дочка! Решили, что ее хунхузы похитили, нарядили целый отряд для розысков, но тут получили телеграмму от Высоких, что она в Цзинджоу, и успокоились, а сегодня опять поднялась суматоха: решили, что она вместе с вами пропала в бою без вести. Белый даже ездил к германскому военному агенту при штабе Стесселя, просил его навести справки через германского посла в Японии, не попала ли Варя в плен,— рассказывал Борейко.

— Да, девушка боевая, того и гляди, соберет свой отряд и начнет партизанить в тылу у японцев и попадет к хунхузам в лапы.

— Последняя новость,— не унимался Борейко.— Юницкий получил у Кати Белой полную отставку, изъят из адъютантов и сослан на постройку батареи у Куминенского люнета, верст за семь от Нового города.

— Кто же теперь адъютантом?

— Пока никого нет, а кандидатов всего один — это ты.

— Ни за что не пойду в адъютанты.

— Раз ухаживаешь за генеральской дочкой, значит, отказываться нельзя,— шутил Гудима.

— Да не я за ней ухаживаю, а она за мной! — в отчаянии воскликнул Звонарев под хохот своих собеседников.

— Вот так признание! Обязательно Варе расскажу,— смеялся Борейко.

За ужином прапорщик начал подробный рассказ обо всем происшедшем в Цзинджоу, и было далеко за полночь, когда собеседники наконец разошлись.

На следующее утро все офицеры роты, включая и Чижа, сухо поздоровавшегося с Звонаревым, собрались в канцелярии. Тут же присутствовал и Родионов. Гудима зачитал написанную им реляцию о представлении к награждению отряда Звонарева. Прапорщик был поражен точностью изложения его ночного доклада.

После полудня Звонарев отправился с докладом в Управление артиллерии. Там его встретили как воскресшего из мертвых. Белый долго пожимал ему руку и благодарил за работу под Цзинджоу и за заботы о дочери.

— Поженить их надо, ваше превосходительство,— шутил Тахателов,— очень хорошая пара будет.

— Не время сейчас свадьбами заниматься, да и молода еще Варя, чтобы думать о замужестве,— возразил

Белый.— О вашей деятельности в бою, Сергей Владимирович, у меня имеется донесение Высоких и сообщение Третьякова. Было бы очень хорошо, если бы поручик Енджеевский также дал отзыв о вашей работе при отступлении. Это дало бы мне возможность представить вас к высшей награде,— обратился к прапорщику генерал.

— Я весьма признателен вашему превосходительству за заботу обо мне, но я думаю, что есть много других лиц, более меня заслуживающих награды,— ответил Звонарев.

— Скромность — красота юноши, но вы, несомненно, достойны награды, и я надеюсь, что генерал Стессель удовлетворит мое ходатайство о награждении вас.

Прапорщику оставалось только поблагодарить.

— Теперь о деле. Я хочу вас взять с Электрического Утеса на работу в Управление крепостной артиллерии. Здесь, правда, вы тоже не засидитесь. Николая Андреевича Гобято и вас мне придется на время откомандировать в распоряжение генерала Кондратенко, которому поручено общее руководство работой по укреплению сухопутной обороны.

— Одним словом, дюша мой, вы пошли в гору,— похлопал по плечу прапорщика Тахателов.

— Я лично предпочел бы остаться на Утесе,— возразил Звонарев.

— Там вам сейчас делать нечего; теперь центр тяжести обороны переносится на сухопутный фронт. Вашей роте поручается вооружить батареи: литера Б и Залитерную — все в районе форта номер два,— пояснил генерал.— Если Кондратенко поручит вам наблюдение за работой в этом секторе, то ваше желание будет удовлетворено и вы с утесовцами не расстанетесь. Теперь же, господа, милости прошу ко мне на обед,— пригласил генерал.

Гостей встретила Варя в белом нарядном платье и церемонно проводила их в гостиную.

— Варя сегодня ведет себя совсем как фрейлина двора,— заметил, улыбаясь, Тахателов.

— Ох, и попало мне вчера, когда я домой вернулась,— вздохнула девушка.— Мама плачет и ругает, папа хотя и не плачет, но тоже ругает, Катя и та шипит от злости; боюсь еще и сегодня рот раскрыть.

— Ненадолго у вас хватит смирения,— скептически заметил Звонарев.

— Особенно если вы будете дразнить меня, несчаст-

ный трусишка. Как он от японцев удирал! Пятки так и сверкали.

— Вы, кажется, бежали со мной рядом?

— Так ведь я женщина, а не офицер, мне можно и струхнуть.

Через несколько дней Звонарев был зачислен в штаб Кондратенко и стал ведать вооружением батареи восточного участка сухопутного фронта. На его обязанности лежало наблюдать за установкой артиллерийских орудий.

Утесовцам были даны для вооружения и оборудования батареи: литера Б и Залитерная, расположенные между фортами номер один и два.

Жуковский по выздоровлении был назначен командиром батареи литера Б, Борейко стал его заместителем на сухопутных батареях, а на Утесе, по-прежнему оставшемся базой роты, были оставлены Гудима и Чиж.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Сухопутный фронт Артура стал усиленно укрепляться уже после начала военных действий. Тысячи солдат, матросов, рабочих-китайцев круглые сутки работали над созданием фортов, батарей, редутов и окопов. Окружающие Артур со всех сторон горы хотя и облегчали создание целого ряда прекрасных для обороны опорных пунктов, но в то же время, будучи беспорядочно разбросаны и отделены друг от друга глубокими ущельями, затрудняли возможность создания единого сплошного фронта обороны. Кроме того, характер гор, их крутые, обрывистые склоны создавали у подножий много мертвых пространств, не доступных действию ни артиллерийского, ни ружейного огня обороняющихся. Чтобы ликвидировать этот крупный недостаток обстрела мертвых пространств, приходилось устраивать многочисленные мелкие батареи и капониры с легкими полевыми пушками.

Вследствие этого получилась весьма сложная система большого числа различных укреплений и опорных пунктов, которые надо было как-то связать между собой.

 Для этой цели использовали старую китайскую стену —

вал, построенный германскими инженерами еще до японо-китайской войны. Он имел почти саженную высоту при толщине в две-три сажени, с банкетом для стрелков около аршина шириной; он был отлично применен к местности, так как давно зарос такой травой, которая щедро покрывала всю местность перед валом. Начиналась эта стена на берегу моря и шла на версту-две позади фортов, подходя вплотную к литерным батареям и второй линии обороны — до долины реки Лунхе, прикрывая Артур с северо-востока. Все впереди лежащие форты и укрепления соединялись с валом при помощи ходов сообщения и шоссейных дорог там, где их возможно было укрыть от взоров и огня противника.

Форты и более укрепленные батареи имели бетонные сооружения до полутора аршин толщиной, сверху прикрытые двухсаженным слоем земли вперемешку с камнем. Однако большинство орудий на фортах и батареях оставалось совершенно открытым, без всякой маскировки. Зная по опыту Цзинджоуского боя, чем это грозит батареям, Звонарев горячо протестовал против открытой установки орудий и обратился с этим непосредственно к Кондратенко. Генерал внимательно выслушал его и решил, запросив мнение Белого, созвать специальное совещание по этому вопросу.

На заседание приехал и сам Кондратенко с подполковником Сергеем Александровичем Рашевским.

Высокого роста, худощавый, с внимательным взглядом умных глаз, он производил хорошее впечатление своей простотой, выдержкой и внимательностью, с которой выслушивал мнение собеседника, будь то генерал или солдат. Прекрасно образованный, очень трудолюбивый, он был наиболее сведущим в Артуре человеком по инженерной части. Начальство не жаловало Рашевского за его прямолинейность и зачастую нелестные отзывы об артурских порядках.

Прогрессивно настроенный Рашевский ясно понимал, что основной причиной военных неудач является отсталый государственный строй России, и часто говорил об этом. В жандармском управлении еще до начала войны за ним был установлен негласный надзор.

Докладчиком выступил Тахателов, который хотя под Цзинджоу не был, но считался знатоком Цзинджоуского боя. Быструю гибель батарей под Цзинджоу он считал

чистой случайностью и вообще находил этот бой не характерным для современной войны.

Звонарев решил возражать, указывая на пример полевых батарей, перешедших после Цзинджоу на стрельбу по угломеру с закрытых позиций.

Его мнение разделяли Борейко и Гобято, и совершенно неожиданно поддержали моряки, ссылавшиеся на удачный опыт перекидной стрельбы через Ляотешань.

Мнения разделились: одни яростно нападали на Звонарева, другие так же энергично его защищали. Помирились на компромиссном решении: там, где уже имелись готовые открытые батареи, их так и оставить, новые же батареи делать по возможности укрытыми или хотя бы замаскированными.

— Возражаю! — ревел Тахателов.— В бою все захотят идти на укрытые позиции и будут убегать с открытых. Это несправедливо. Пусть все орудия стоят открыто.

— Я своих солдат на убой не поставлю,— орал Борейко,— и переделаю свою открытую батарею на закрытую!

— Только без расходов для казны и возможно скорее,— соглашался Кондратенко.

— Этот номер не пройдет,— возражали инженеры,— при такой переделке нам испортят все наши уже готовые батареи, а новых вместо них соорудить не успеют.

— Жаль, что японцы побили нас только в мае, а не в январе. Тогда бы мы все батареи успели построить закрытыми,— иронизировал Борейко.

Спор, казалось, уже был закончен, когда вновь выступили инженеры.

— Мы не имеем представления, какой вид должна иметь закрытая батарея. Нам надо разработать ее проект и утвердить в штабе района и Петербурге,— возражал инженер-капитан Лилье.

— Какой вид? «Обнаковенный», как говорят солдаты,— проговорил Борейко.— Что касается утверждения, то проще всего послать проекты прямо в Токио; вмиг утвердят и притом наиболее выгодный и дешевый тип — вовсе без бетона и даже без козырьков.

Старшие чины возмутились выходкой Борейко, молодежь же громко зааплодировала. На этом заседание и кончилось. Обе спорившие стороны считали себя победителями.

Было уже за полночь, когда все стали расходиться.
 К Звонареву неожиданно подошел Рашевский. Он

и раньше хорошо относился к прапорщику, а теперь особенно тепло пожал ему руку.

— Вы своим сегодняшним выступлением, можно сказать, открыли новую страницу в долговременной фортификации. Отныне все артиллерийские позиции будут выноситься в тыл первой линии обороны. Форт же останется лишь как стрелковая позиция, имеющая только противоштурмовую артиллерию ближнего боя в капонирах рва и горже. Вы стали артурским Тотлебеном.

— Вы ошибаетесь, у нас и Тотлебеном, и Нахимовым, и Корниловым является Роман Исидорович Кондратенко. Это душа нашей обороны. Я поражаюсь его энергии и здравому смыслу,— ответил прапорщик.

— Вы идете со мной, Сергей Александрович? — спросил подошедший Кондратенко.

— Если вы только разрешите, ваше превосходительство,— отозвался Рашевский.

— Обратили вы сегодня внимание на то, что новатором в крепостной фортификации явился не военный инженер, не артиллерист и, собственно, даже не военный,— проговорил Кондратенко,— а штатский человек, каким является прапорщик Звонарев. Это глубоко знаменательно, мы часто не видим того нового, что появляется на наших глазах из опыта войны. Я еще не вполне осознал до конца все последствия, вытекающие из вашего сегодняшнего предложения,— обернулся генерал к прапорщику.

— Опытом Цзинджоу мог поделиться каждый из участников боя,— скромно ответил Звонарев.

На следующий день Звонарев с утра объезжал свой участок укреплений сухопутного фронта. У Залитерной батареи он застал группу утесовцев во главе с Борейко.

— Помни: если буду шапкой махать сверху вниз — осаживай вниз, если махать буду в стороны — иди сам в сторону, в какую машу, перестану махать — стой и забивай колья в землю,— объяснял солдатам поручик.— Понял, Тимофеич? — спросил он у Родионова.

— Так точно, понял! — ответил фейерверкер.

— Тогда пойдем, Блохин,— распорядился Борейко и вдвоем с солдатом двинулся вперед.

— Ты куда, Борис? — спросил подъехавший Звонарев.

— Хочу облазить все горы и найти такую позицию для батареи, чтобы ее ниоткуда не было видно. Наши господа инженеры вылезли с позиций на самый пуп и,, вздумали там ставить пушки. Конечно, японцы их

сейчас собьют. Я решил эту позицию бросить и поискать более укрытую, за горой, а не на ней.

— Разрешение на это от Кондратенко или Белого получил?

— И без него хорош! Построю батарею, а затем пусть меня ругают как хотят.

Когда Звонарев заехал на расположенную невдалеке батарею литера Б, он застал там Жуковского. Со свойственной ему хозяйственной деловитостью капитан обходил укрепление вместе с Лепехиным, взвод которого обслуживал позицию. Батарея была сооружена еще до начала войны, и теперь ее только слегка усовершенствовали: подсыпали земляные брустверы, углубили рвы и стрелковые окопы, устроили козырьки от шрапнельных пуль; в казармах и погребах провели электричество, настлали деревянные нары для спанья, оборудовали кухню.

— Отлично, что надумали нас проведать,— приветствовал Звонарева капитан.— У меня к вам есть кое-какие вопросы. Нам для лучшего укрытия людей придется углубить котлован, для чего необходимо разобрать орудийные платформы, вновь их настелить и установить на них орудия, а это займет не меньше двух недель.

— Дадим рабочих-китайцев, сделаете за два дня.

— Лучше мы попотеем, да все сами переделаем. У Борейко как идут дела? Я еще к нему не заходил сегодня.

— По моему совету переносит свою батарею вниз, за гору.

— Кто это вам разрешил?

— Я попытаюсь уговорить Кондратенко.

— Выдумщики вы оба; все что-то изобретаете и придумываете; работали бы по старинке — проще и спокойнее.

— Старинка эта нас заедает в Артуре: все оглядываются на Севастополь, когда были гладкостенные орудия и каленые ядра к ним, а в наш век скорострельных нарезных орудий этот пример уже не годится.

Попрощавшись с Жуковским, прапорщик поехал в штаб Кондратенко, расположенный в Новом городе.

Не застав генерала в штабе, Звонарев поехал в Управление артиллерии, где надеялся встретить Кондратенко, обычно заглядывавшего к Белому в часы занятий.

Проезжая мимо домика Ривы, он не устоял против соблазна и, спешившись, постучал к ней. Дверь отворила заспанная Куинсан.

— Барышня дома? — спросил он у служанки.
— Спи с Андрюша,— зевнув, ответила горничная.
Мрачный и угрюмый, ехал Звонарев по улицам города, машинально отдавая честь офицерам и солдатам. Около «Этажерки» его окликнула шедшая по тротуару Варя.
— Здравствуйте, ваша мрачность, что вы смотрите не то самоубийцей, не то приговоренным к виселице?
— Все в порядке, за исключением моего желудка. Видимо, чем-то объелся,— мрачно ответил Звонарев, слезая с лошади и идя рядом с Варей.
— Олеум рицини пять ноль, и все будет в порядке. Но это вы выдумываете и не хотите мне сказать, что вас огорчило.
— Право, ничего.
Варя недоверчиво покачала головой и, желая его развлечь, весело заговорила об его успехах на последнем совещании.
— Даже папа и тот с вами согласился, а раньше и слышать не хотел о закрытых батареях. На Тахателова же вы не обращайте внимания: он побурчит, а потом сам вас хвалить будет.
За завтраком у Белых Варя как бы вскользь упомянула, что солдаты с Утеса еще не получили наград.
— Это те молодцы, что остались на батарее до конца боя,— спросил Кондратенко,— и которых я тогда встретил ночью?
— Они самые.
— Вас, Василий Федорович, поздравить можно, что у вас есть такие солдаты и офицеры. Орлы! Сегодня же напомню о них Стесселю,— пообещал Кондратенко.— Завтра назначено заседание на броненосце «Севастополь» по вопросу о взаимодействии с флотом. Я прошу вас на нем присутствовать,— обратился он к Звонареву.
— Никитин тоже будет? — спросил Белый.
— Он ведь личный «генерал-адъютант» Стесселя, без него дело не обойдется.
— Раз он будет, скандала с моряками не избежать. Еще тринадцатого мая, во время боя в Цзинджоу, он подбивал Стесселя выгнать моряков в море огнем с береговых батарей, насилу тогда его угомонили.
— Он отчасти был прав: ведь выяснилось, что командиры канонерок «Гремящий» и «Отважный» умышленно разобрали свои машины, чтобы не идти на помощь «Бобру».
— Витгефт об этом знает?

— Конечно, но он все-таки хотел замять дело и ограничиться выговором им, да кто-то рассказал обо всем Никитину. Не долго думая, он арестовал обоих командиров на улице и доложил Стесселю. Тот предал их военно-полевому суду по обвинению в измене. Витгефт запротестовал. Перепалка не кончилась и сейчас. Очевидно, будут доругиваться.

— Следовательно, заседание будет боевое?

— Боюсь, что слишком даже.— Кондратенко стал прощаться, собираясь вместе с Звонаревым в объезд строящихся укреплений. По дороге к батарее их встретил крайне расстроенный инженер-капитан Лилье.

— Ваше превосходительство! — вздрагивающим от волнения голосом обратился он к Кондратенко.— На Залитерной батарее я подвергся сейчас грубым оскорблениям.

— Что же у вас произошло?

— Во-первых, командующий батареей поручик, фамилии его не знаю, самовольно перенес позицию в тыл, во-вторых, на мое замечание о недопустимости его действий грубо оскорбил меня и угрожал арестом. Я так работать не могу,— жаловался Лилье, багровый от негодования.

— Не ваш ли это приятель, Сергей Владимирович?

— Он самый,— крутоват бывает под горячую руку.

— Разберем сейчас все на месте, капитан. Вам же так сильно волноваться при вашей полноте вредно,— успокоительно ответил Кондратенко и двинулся за Звонаревым, поехавшим вперед.

Борейко встретил генерала оглушительной командой «смирно». Поздоровавшись с ним и солдатами, Кондратенко спросил:

— Что вы тут, поручик, делаете?

— Трассирую позицию Залитерной батареи, ваше превосходительство.

— Что вы думаете делать на этой позиции?

— Стрелять, ваше превосходительство.

— Как же вы будете стрелять по невидимой цели?

— Так же, как японцы стреляли по нас под Цзиндзжоу, ваше превосходительство.

— Но у них были для этого специальные приспособления, которых у нас нет!

— Мы не глупее их, ваше превосходительство, и сами сумеем их сделать.

— Кроме того, у нас нет практики стрельбы по закрытым целям.

— Пока японцы подойдут к Артуру, успеем не один раз попрактиковаться, а затем по ним попрактикуемся еще лучше.

— Я вижу, у вас на все ответ имеется, поручик. Что у вас произошло с капитаном Лилье?

— Пожалуйте, ваше превосходительство, полюбуйтесь на этот, с позволения сказать, бетон постройки военного инженера, но, несомненно, японской, а не русской армии.— И Борейко зашагал к месту прежней позиции батареи.

Все двинулись за ним. Подойдя к одному из бетонных казематов, поручик стукнул кулаком по своду и, ухватившись рукой за его край, отломил большой кусок бетона, который и поднес генералу.

— Цемента здесь почти нет, одна только глина да песок. И в этих-то «бетонных» казематах должны были сидеть люди и храниться порох и снаряды. Что это, недосмотр или предательство? Кто он — невежда в строительном деле или изменник и японский шпион? За одну эту постройку его следует расстрелять на месте,— закончил Борейко свою пылкую речь.

— Это мы всегда успеем сделать,— возразил Кондратенко.— Чем вы объясните это явление, капитан? — обратился он к Лилье.

— Случайный недосмотр десятника, я взыщу с него за это,— ответил капитан.— В свою очередь, прошу, ваше превосходительство, оградить меня от оскорблений со стороны этого полусумасшедшего офицера.

— Полусумасшедшего! — заорал Борейко.— А это тоже недосмотр? — кинулся он к соседнему каземату и легко обломил кусок его стены.— И это? — бросился он дальше.

— Очевидно, все постройки батареи имеют тот же дефект...— начал было Кондратенко.

— На батарее Б та же история, на Куропаткинском люнете то же, на Заредутной батарее то же...

— А на форту номер два? — спросил генерал.

— Там этого нет. Его строил честный офицер Рашевский, а не Лилье,— отрезал Борейко.

— Спокойнее, поручик! Я здесь старший, и я сам разберусь и приму какие надо меры,— остановил Борейко генерал.— Пойдемте по всем указанным поручиком фортификационным сооружениям и проверим состояние бетона.

Борейко водил их по укреплениям и молчаливо тыкал пальцами в негодный бетон. Звонарев легко отламы-

вал куски от указанного места и завертывал их в бумагу, подписывая сверху, откуда взята проба. Заявление Борейко подтвердилось полностью.

— Я пока лишь отстраню Лилье от производства работ. Временно примите вы их, Сергей Владимирович,— распорядился Кондратенко.

— Я мало понимаю в строительном деле...— пытался возражать прапорщик.

— Вам помогут, господин прапорщик,— перебил генерал.

— Я протестую против распоряжения вашего превосходительства. Еще не выяснено, что явилось причиной не вполне удовлетворительной кладки бетона, а я уже признан в ней виновным и отрешен от должности,— хмуро проговорил Лилье.

— Протест ваш, капитан, является грубейшим нарушением воинской дисциплины, за которое я вас подвергну немедленному аресту. Потрудитесь отдать ваше оружие прапорщику Звонареву, который сейчас же вас и доставит на гауптвахту. О поведении поручика Борейко, как лица, мне не подчиненного, мною будет сообщено командиру Квантунской крепостной артиллерии для принятия соответствующих мер,— решил генерал и тронулся с батареи.

Звонарев, отобрав у Лилье шашку, вместе с ним направился на гауптвахту. Борейко же, оставшись на батарее, облегчил свою взволнованную душу долгими ругательствами по адресу всяческого начальства и Стесселя в особенности.

Вечером того же дня Звонарев сидел в своей квартире в Артиллерийском городке. В дверь сильно постучали. Так как денщик ушел, то прапорщик сам пошел открыть дверь. Он очень удивился, увидя перед собой Варю Белую.

— Вы дома? — спросила девушка.

— Дома.

— Оставьте всякую работу,— тоном приказа проговорила Варя,— и следуйте за мной, господин прапорщик.— Затем, надев на голову офицерскую фуражку Звонарева, девушка вышла на крыльцо.

Вечерело. Солнце садилось за Ляотешансм. Жаркий летний день сменялся прохладным вечером. С моря потянуло прохладой и запахом морских водорослей. На «Этажерке» громко играл оркестр. Все дорожки были запружены гуляющими.

 Когда Варя с Звонаревым подходили к «Этажерке»,

на улице показалась кавалькада во главе со Стесселем. Завидя генерала, офицеры и солдаты спешно вытянулись во фронт, Звонарев же остался стоять рядом с Варей, опустив руки по швам. Заметив это, Стессель резко осадил лошадь и грубо крикнул:

— Прапорщик, где ваша фуражка?

— У меня,— вместо Звонарева ответила Варя, шаловливо прикладывая растопыренные пальцы правой руки к козырьку.

— Женщины существуют для того, чтобы рожать детей, стряпать обед и штопать белье, а не для ношения военной формы. Головной убор офицера должен находиться на его собственной голове, а отнюдь не на голове особ женского пола! — резко бросил Стессель.

— Равно как и не на кочне капусты, который некоторым заменяет голову,— звонким девичьим голосом выкрикнула в ответ Варя.

В толпе фыркнули.

— Молчать! — дико заорал генерал, оглядываясь на толпу и спеша уехать под громкий смех всех присутствующих.

— Зачем вы, Варя, наскандалили? — укоризненно заметил Звонарев.

— Хамов надо учить! Я еще обо всем расскажу Вере Алексеевне, как он меня, Белую, свою родственницу, публично опозорил перед всем Артуром.

— Но вы ведь тоже назвали его голову кочаном капусты.

— Охота ему было принимать на свой счет. Я скажу, что это относилось к... вам, что ли.

— Очень благодарен за такое объяснение.

— Ну, пусть тогда к Водяге. Все знают, что он отпетый дурак. Пошли дальше.— И они смешались с толпой гуляющих на бульваре.

На «Этажерке» их окликнула Желтова с Олей Селениной, которые сидели на одной из скамеек и видели весь инцидент со Стесселем.

— Ты девчонка по сравнению со Стесселем и уже по одному этому должна быть с ним вежливой, тем более что его замечание больше относилось к господину Звонареву, а не к тебе. Не думаю, чтобы твои родители были довольны твоей выходкой,— журила девушку Мария Петровна.

— Молодчина! Так Стесселю и надо, не будь грубияном,— поддержала Варю Оля.

— Боюсь только, чтобы моя выходка не отразилась

на Сергее Владимировиче. Ради его спокойствия я готова даже извиниться перед Стесселем, хотя он совершенно этого не заслуживает,— заколебалась Варя.

— Я думаю, что к Стесселю не стоит больше возвращаться,— отозвался Звонарев.— Бог не выдаст, Стессель на губу не посадит.

— Плюнь ты, Варвара, на генерала! Другого отношения он не понимает,— вмешалась Селенина.

— Не будь груба, Оля! Грубость никогда и никого не красит. А ты к тому же учительница и должна подавать пример культурности,— остановила ее Желтова.

— Стессель может на меня нажаловаться папе и маме,— проговорила в задумчивости Варя.— Тогда мне попадет. Во избежание этого я сама первая на него пожалуюсь родителям или самой Вере Алексеевне. Пусть знает, какой у нее хам муженек.

— Правильно. Нападение — лучший способ защиты. Так и действуй! — сразу подхватила Оля.

По-южному быстро стемнело, с гавани потянуло прохладой. Огней зажигать не разрешалось, и публика постепенно стала расходиться. Заторопились и Желтова с Олей.

— Мы можем понадобиться в госпитале. К вечеру раненым обычно бывает хуже,— пояснила Мария Петровна.

Проводив их немного по улице, Варя с Звонаревым направились к Артиллерийскому городку.

— Хотите, я вас проведу к моему заветному месту на Золотой горе? — предложила Варя.— Я люблю там сидеть и мечтать.

— Вы и мечты — вещи трудно совместимые.

— Я совсем не такой синий чулок, как вы себе представляете.

— Хуже. Вы амазонка из артурских прерий!

— Вы хотите сказать, что я дикарка?

— И в мыслях не было,— отнекивался прапорщик.

— Не отрекайтесь! Я все равно не поверю. Я предпочитаю быть дикаркой, говорить, что думаю, поступать, как мне хочется, чем во имя так называемых приличий притворяться и говорить неправду.

— Все хорошо в меру. Вы бываете резковаты, особенно для девушки. Немного выдержки вам не помешает.

— Терпеть не могу кисло-сладких людей, вроде...

— Меня?

— Я этого не сказала, но вы мне кажетесь слишком пресным.

— Значит, Борейко в вашем духе?

— Он по-медвежьи груб и неуклюж.

— Я пресен, он груб. Кого же вам еще надо?

— Как вы... непонятливы, если не просто глупы. Будь у вас побольше перца, вы могли бы мне и понравиться,— кокетливо заметила Варя.

— Постараюсь весь свой наличный перец немедленно выбросить, чтобы им во мне и не пахло! — отозвался Звонарев.

— Не смейте меня дразнить, как маленькую девочку! Вот и моя тропинка.— И девушка, свернув с дороги, пошла в обход Золотой горы по чуть заметной в темноте узенькой дорожке.

— Смотрите не оступитесь, тут круто, и можно сильно ушибиться при падении,— предупредила Варя и тотчас оступилась сама.

Прапорщик едва успел подхватить ее за талию.

— Вернемся, пока вы нос себе не разбили,— предложил Звонарев, продолжая поддерживать Варю под руку. Но она молча двигалась дальше. Через несколько шагов оступился прапорщик и, падая, крепко ухватился за Варю. Девушка качнулась, но устояла на ногах и сильной рукой помогла стать на ноги своему кавалеру.

— Прошу к моим ногам не падать! Можно обойтись и без подобных нежностей. И как ходить с вами? Вместо помощи я должна еще помогать вам,— подсмеивалась девушка.

— Куда вы меня завели, зловредная особа? — отряхиваясь, спросил Звонарев.

— Сейчас будет мое любимое местечко,— ответила Варя и, пройдя несколько шагов в сторону, очутилась перед большим кустом.

Раздвинув ветки руками, она, как ящерица, юркнула на площадку между скал. Прапорщик едва пробрался за ней, поцарапавшись о колючки и ветки кустов.

— Я люблю здесь отдыхать днем. Это место укрыто с трех сторон кустами и скалами. Только к морю открывается узкая щелка. Днем здесь чудесно: с моря тянет прохладой, кусты прикрывают от солнца, и ниоткуда тебя не видно. А ночью здесь, правда, одной страшновато. Вдруг на тебя кто-нибудь нападет. Кричи не кричи, никто не услышит, не увидит и помощи не окажет.

— Кто же на вас осмелится напасть?

— Например... вы!

— Да я вас боюсь больше, чем вы меня!

— И совершенно напрасно! Смотрите, как красиво мерцают звездочки на небе всеми цветами радуги.— И Варя повалилась на землю, подняв руки к небу.

По небу пронеслась яркая падающая звезда, оставляя за собой слабо светящийся след...

— Загадала, загадала свое заветное желание! — захлопала в ладоши девушка.

— Какое именно?

— Много будете знать, скоро состаритесь! — лукаво ответила Варя.— Расскажите, чем вы заняты на сухом пути?

— Строим батареи и форты.

— А перевязочные пункты?

— О них пока разговоров не было.

— Напрасно. Я уже не раз ездила вдоль линии фортов и думала о них. На самих укреплениях для врачей не отведено места, да и работать под обстрелом им будет нелегко. Придется перевязочные пункты выносить в тыл. Я уже подыскала место у Залитерной батареи, недалеко от нее, в тылу, в глубоком ущелье. Хотите, я вам его покажу, и мы вместе с вами обсудим план оборудования перевязочного пункта? — предложила Варя.

— Всегда готов вам помочь и советом и делом. Но организацией тыловых перевязочных пунктов занят штаб крепости, куда вам и надо обращаться по этому вопросу. Завтра я точно узнаю, кто именно ведает этим делом,— пообещал прапорщик.

— Мы устроим перевязочный пункт, чтобы на нем было все, что нужно: вода, свет, печь, кипяток, и, конечно, операционная,— планировала Варя.

— Это будет уж целый лазарет, а не перевязочный пункт, где оказывают первую помощь, накладывают легкие перевязки и отправляют дальше в тыл.

— Во всяком случае, раненых следует обмыть, согреть, перевязать и накормить,— развивала свой план девушка.— Я буду там работать сестрой. Никто и не подумает, что это я все придумала, как надо устроить перевязочный пункт. Вы не боитесь смерти? — неожиданно спросила она.

— От судьбы не уйдешь!

— Это так, но я все же хотела бы уцелеть в Артуре и посмотреть, чем кончится война и что будет после нее.

— Кончится она, вернее всего, плохо для нас. Победят японцы, а затем в стране вспыхнет революция! Больно народ недоволен нынешним положением.

— Мария Петровна и Оля говорят то же! Папа думает, что революция, быть может, и не будет, если крестьянам дадут землю.

— Даром ее крестьянам никто не даст, а денег у них нет!

— Царь заплатит за землю помещикам.

— Наивная вы девушка! Царь-то у нас — первый помещик! Ему кто за землю заплатит?

— Казна.

— Да он разорится, если станет платить всем помещикам. Деньги в казну дерут с мужика. Значит, фактически он и заплатит помещикам за землю. Но платить ему не из чего. Он и так от бедности пухнет с голоду.

— Вы социалист? Говорят, они стоят за народ, но хотят убить всех царей и богачей.

— Хотя я и не социалист, но знаю, что никого они убивать не собираются, а считают, что можно хорошо жить без царя и богачей.

— Они за равноправие женщин? За то, чтобы мы могли быть врачами, инженерами наравне с мужчинами?

— О да! Они за полное равенство в правовом отношении мужчин и женщин.

— Тогда я за социалистов! Мечтаю стать если не врачом, так фельдшерицей и работать акушеркой на Кубани в станице.

— Подготовьтесь и поступайте в Женский медицинский институт в Петербурге. Я готов вам помочь. Говорят, у меня имеются педагогические способности. Студентом приходилось много заниматься со всякими оболтусами.

— Благодарю вас за столь лестное обо мне мнение! — расхохоталась Варя.— Хотя я ленива и тупа, но к оболтусам все же себя не причисляю.

— Я не так выразился! Вы человек целеустремленный, и то, что вам нравится, постигаете легко и просто. А то, что вам не интересно, вы одолеваете с трудом. Мне приходилось иметь дело с такими учениками.

— А с ученицами, да еще моего возраста?

— Я избегал таких уроков. Обычно все сводится к кокетству, и серьезно работать становится невозможно.

— Я кокетничать не собираюсь и подумаю над вашим предложением. Мама, наверно, скажет, что девице неудобно запираться в комнате с молодым человеком, хотя вы и больше похожи на красную девицу, чем я! Пошли домой, а то уже около полуночи,— поднялась Варя с зем-

ли и неторопливо пошла вперед.— И кто поверит, что мы за весь вечер ни разу не поцеловались?

— Мы можем сейчас же наверстать это упущение! — пытался было обнять Варю прапорщик.

— Не стоит. Ваша скромность мне очень понравилась. Значит, вы хороший. Другой на вашем месте непременно полез бы обниматься, а вы даже не подумали.

— Еще не известно, о чем я думал!

— Думали о Ривочке, которая вам натянула нос. Жаль мне вас, милый мальчик! Неразделенная любовь всегда тяготит. Постарайтесь ее забыть. Я вам помогу, если только сумею это сделать. Хоть любовь не картошка, не выбросишь за окошко! — посочувствовала Варя.

На прощание она ласково потрепала Звонарева рукою по щеке. Растроганный этой лаской, прапорщик хотел было поцеловать руку девушки, но она с легким смехом уже упорхнула от него.

Оставшись один, Звонарев молча зашагал к себе. Было совершенно темно. В ночной тишине громко звучали шаги пешеходов и конский топот. Прапорщик думал о Варе и Риве, впервые сопоставляя их между собою. Задумчивая, женственная, мягкая Рива и волевая, вечно деятельная и резковатая на язык Варя. И обе казались ему по-своему хороши. Засыпая, Звонарев так и не решил, кто же из них лучше.

Варя тоже долго ворочалась в постели, вспоминая свой разговор с Звонаревым. Она инстинктивно чувствовала, что с сегодняшнего дня она стала ближе к нему, в какой-то мере завоевала его расположение, если не любовь. Но ясно понимала, что Рива еще прочно сидит в его сердце и только время, пожалуй, излечит прапорщика от его увлечения.

— И все же он будет моим,— упрямо пробормотала девушка, стараясь уснуть.

Утром следующего дня Звонарев вместе с Кондратенко подходили в назначенный для заседания час к Адмиральской набережной, где их поджидал паровой катер с «Севастополя». По набережной крупными шагами уже расхаживал Стессель вместе с Белым и Никитиным. Сзади генералов шагали их адъютанты: ротмистр Водяга, поручик Азаров и капитан Поспелов. У катера на ходу что-то писал начальник штаба Стесселя полковник Рейс. Здесь же суетливо крутился бывший градоначальник города Дальнего, ныне инженер-капитан Сахаров. Кон-

дратенко в сопровождении Звонарева поспешил подойти к Стесселю.

— Прошу меня извинить за опоздание, ваше превосходительство,— проговорил Кондратенко.

— Вы прибыли вовремя, Роман Исидорович, сейчас еще без четверти восемь. Зато генерал Смирнов, видимо, опаздывает.

— Комендант обычно бывает точен,— заступился Кондратенко за Смирнова.

Стессель в мрачном раздумье зашагал дальше, не обращая внимания на сопровождающих его лиц. Он старался припомнить все те доводы, которые должен был привести морякам в отношении самой срочной необходимости выхода всей эскадры в море и принятия генерального боя с японским флотом. На днях у него состоялось по этому вопросу секретное семейное совещание с женой и Фоком. Они обсуждали судьбы артурской обороны. Фок со свойственной ему прямотой и точностью, когда дело касалось лично задевающих его дел, развернул перед своим другом и начальником целую схему дальнейших действий по обороне крепости.

— Прежде всего надо убрать из Артура флот, во Владивосток ли, в нейтральные порты или на дно морское, это безразлично. Флот является главной приманкой для японцев в Артуре. Они боятся за свои морские коммуникации и готовы пожертвовать очень многим, лишь бы уничтожить наш флот. А если эскадра уйдет из Артура, то крепость сразу станет для них второстепенным военным объектом. Борьба с Маньчжурской армией будет основным фактором войны, коль скоро наш флот исчезнет с театра военных действий. Японцы обложат Артур с суши, и начнется длительная осада крепости. Они захотят взять нас измором. Наше продовольственное положение им, конечно, хорошо известно. И незачем штурмовать крепость, так как рано или поздно мы должны будем капитулировать от голода,— развивал свою мысль Фок.

— Продовольствие можно израсходовать очень быстро, стоит только начать кормить солдат получше,— вмешалась Вера Алексеевна.— А затем со спокойной совестью начнем переговоры о капитуляции.

— Если только Кондратенко не помешает, добавьте, Вера Алексеевна,— проговорил Фок.

— Его можно и обезвредить в случае чего. Он часто нарушает мои приказания. К этому можно придраться и отстранить его от дел,— сказал Стессель.

— Это делать надо осторожно, так как Кондратенко весьма популярен среди офицеров и солдат,— заметил Фок.

— С солдатней считаться не придется. Их дело маленькое: исполнять приказание начальства. А из офицеров нужно подобрать наиболее подходящих для такого дела — кто в бой не рвется, многосемеен и вообще обременен заботами о родственниках,— заключила свою мысль Вера Алексеевна.

Так и порешили.

Разгуливая теперь по набережной в ожидании приезда Смирнова, Стессель вновь повторял себе основной мотив сегодняшних своих выступлений на предстоящем заседании — возможно скорее выгнать моряков из Артура любыми средствами, чтобы затем развязать себе руки для дальнейших действий в Артуре.

В это время показалась коляска, в которой приехал Смирнов и его начальник штаба полковник Хвостов.

— Теперь все в сборе, можно и трогаться на «Севастополь»,— проговорил Стессель.

Щеголеватый адмиральский катер быстро наполнился офицерами.

— Разрешите и мне с вами, ваше превосходительство,— попросил Сахаров у Стесселя.

— Садитесь,— пригласил Стессель.

Капитан поспешно прыгнул в катер.

— Отваливай,— скомандовал специально высланный для встречи Стесселя флаг-офицер адмирала Витгефта мичман Эллис.

Катер, разворачиваясь, отошел от пристани и направился к стоящему в западном бассейне под Тигровой горой «Севастополю». По пути он проходил мимо стоящих у входа миноносцев. Стессель вместе с Никитиным критически осматривали их. На некоторых судах было развешано для сушки матросское белье. Матросы не обращали никакого внимания на катер, прохаживались по палубе.

— Не эскадра, а богоугодное заведение,— возмущался Стессель.— Честь отдавать! — заорал он на спокойно глядевших на него с миноносцев матросов и погрозил им кулаком.— Пристать к этому миноносцу,— приказал он Эллису.— Вы что, мерзавцы, не видите, что едет генерал! — гаркнул он на матросов.— Кто здесь за старшего?

К борту подошел широкогрудый боцман и вытянулся перед генералом.

Стессель вскочил на банку и заорал:

— Фамилия твоя, сволочь? Название миноносца?

— Боцман Сизов, миноносец «Грозовой»,— едва прошептал разбитыми губами матрос.

На шум выбежал из каюты лейтенант.

— Что у вас, плавучий кабак или военный корабль, лейтенант? — накинулся на него Стессель.— Я вас арестую! Марш сюда, я вас доставлю прямо к вашему Витгефту, пусть полюбуется на своих офицеров.

Опешивший лейтенант не сразу стал спускаться в катер.

— Живей, черт бы вас побрал! — прикрикнул Стессель.

— Я, ваше превосходительство, не привык...— начал было лейтенант.

— Он не привык,— передразнил Стессель,— я тоже не привык, чтобы мои приказания выполнялись не сразу, лейтенант. Можете возражать вашему адмиралу, а не мне.

— Правильно, почаще бы эту рвань так пробирали, смотришь, и толк бы был из них,— поддержал Стесселя Никитин.

— Вам так волноваться вредно, ваше превосходительство,— вмешался Кондратенко.— Надо сохранить спокойствие духа для предстоящего трудного совещания.

— Эта сволочь хоть кого выведет из себя,— пробурчал Стессель, но тон все же сбавил.

Белый усиленно хмыкал и разглаживал свои пышные усы: не одобряя Стесселя, он все же не вмешался в происходящее. Когда наконец катер подошел к «Севастополю, все облегченно вздохнули, радуясь окончанию неприятного переезда. По парадному трапу, у которого стояли фалрепные, Стессель поднялся на палубу броненосца, где был встречен командующим эскадрой адмиралом Витгефтом. На шкафуте был выстроен почетный караул с оркестром. При появлении Стесселя матросы вскинули винтовки на караул, музыка заиграла марш, и под грохот салюта генерал обошел фронт матросов. Как ни хотел генерал к чему-либо придраться, но все было в безукоризненном порядке. Матросы, все как на подбор, рослые, крепкие и прекрасно державшиеся, изо всех сил «ели глазами начальство».

— И с такими молодцами сидеть в здешней луже? — обратился Стессель к Витгефту, показывая на матросов.— Да от одного их взгляда японцы побегут к себе в Нагасаки. Спасибо, орлы, за службу молодецкую!

Отпустив караул, Стессель подошел к офицерам, выстроившимся на шканцах. Витгефт представил каждого из них генералу. После этого все направились вниз в апартаменты адмирала, где должно было происходить совещание.

Звонарев, находившийся в хвосте стессельской свиты, с удивлением узнал в начальнике почетного караула Андрюшу Акинфиева и еще больше удивился, когда увидел на его плечах лейтенантские эполеты, а на груди новенький Георгиевский крест. Когда и за что успел Андрюша получить эти награды, Звонарев не знал.

«То-то Рива оставила его при себе,— подумал прапорщик,— лейтенант и кавалер и влюблен в нее по уши, есть за что ухватиться».

Спускаясь вниз, он подошел к Андрюше и поспешил его поздравить.

— Когда же ты успел все это получить?

— Сегодня утром. Сам адмирал пришел ко мне в каюту и принес мне крест. Поскорей бы кончилось ваше заседание, тогда можно будет и на берег съехать, спрыснуть. Вот Рива удивится!

— Она еще не знает?

— И не подозревает. А ты с кем?

— С Кондратенко.

— Адъютантом у него?

— Нет, нечто вроде инженера для поручений.

— Освободишься, заходи за мной, вместе съедем на пристань. Вечером, когда вернется Рива, ждем тебя с Борейко. Будут Сойманов, Вася Витгефт, Эллис,— приглашал Андрюша.

Звонарев поблагодарил, обещая зайти, и побежал на заседание.

В просторной адмиральской каюте, отделанной мореным дубом, был поставлен длинный стол, покрытый красным сукном. Посредине одно против другого стояли два больших кресла, дальше — кресла поменьше, а по концам были расставлены простые стулья. Витгефт с моряками расположились по одну сторону стола, а на другой поместился Стессель со своей свитой.

— Ваше превосходительство и господа офицеры,— первым выступил Витгефт,— позвольте мне приветствовать от лица флота наших дорогих гостей, генерала Стесселя и его сподвижников. Надо надеяться, что мы сегодня благополучно разрешим все интересующие нас вопросы и уладим все имеющиеся недоразумения.

 Вдруг поднялся, сердито откашлявшись, Никитин,

— Меня удивляет выступление адмирала Витгефта. Во-первых, мы — совсем не гости и приехали сюда по делам службы, а не для дружеских бесед. Во-вторых, когда собираются вместе воинские чины по служебным делам, то открывает собрание старший из присутствующих, каковым является генерал Стессель, а не адмирал Витгефт. Поэтому я полагаю, что начальник Квантунского укрепленного района и должен руководить нашим сегодняшним совещанием,— закончил генерал.

Стессель и Рейс одобрительно закивали, Витгефт же покраснел и, нервно одергивая китель, вскочил на ноги.

— Я думал... я полагал, что долг вежливости обязывает меня приветствовать вас, господа, но не возражаю... то есть прошу... генерала Стесселя руководить,— запутался адмирал в словах.

Стессель милостиво кивнул головой и поднялся.

— Вполне соглашаюсь с мнением генерала Никитина и удивляюсь... как бы сказать помягче... недогадливости, что ли, адмирала Витгефта. Я приехал сегодня на «Севастополь», как правильно заметил Владимир Николаевич, совсем не в гости. В гости ездят для развлечения и удовольствия. Какое же удовольствие может доставить мне, старому солдату, лицезрение бездействующей в напряженное военное время, хотя и вполне боеспособной эскадры? Кроме того, исключительный беспорядок, царящий на боевых кораблях, как я лично сегодня убедился на примере хотя бы того же миноносца «Грозового», не может доставить удовольствия никому, кроме наших врагов. Я приехал по делу и прежде всего для того, чтобы получить наконец от моряков членораздельный ответ: что дальше собирается делать эскадра? По-прежнему ли она будет соблюдать строгий «нейтралитет» в происходящей войне или нет? — Стессель остановился и победоносно оглядел собрание.

Никитин шумно одобрил его, моряки, покрасневшие от возмущения, опустили головы. Кондратенко и Белый подавали какие-то сигналы Стесселю, видимо желая его остановить.

Витгефт опять быстро вскочил с кресла.

— Слова вашего превосходительства я могу принять лишь за плохую, оскорбительную для нас, моряков, шутку,— начал он.— Ответить же на поставленный вами вопрос очень просто: вверенная мне эскадра до конца выполнит свой долг перед царем и родиной...

— ...и будет по-прежнему стоять в порту, прячась от японцев? — спросил Никитин.

— Более чем двойное превосходство в силах японской эскадры лишает нас возможности вступить с ней в открытый бой. Поэтому мы должны стремиться к уничтожению ее по частям, возможность чего представляется далеко не всегда.

— Поэтому вы и собираетесь ждать у моря погоды? — вставил Стессель.

— Ваше превосходительство знает, что эскадра отдала на сухопутный фронт около ста орудий, чем способствовала укреплению обороны крепости,— заметил с места командир порта адмирал Григорович.

— Было бы лучше, если бы моряки позаботились об уничтожении японской эскадры,— буркнул Никитин.

— Мы делаем все, что в наших силах, чтобы нанести наибольший вред неприятелю...— начал было снова Витгефт.

— Поэтому-то и сидите в этой артурской луже и предпочитаете плавать не в Желтом море, а на берегу в море шампанского,— иронизировал Никитин.

— Как только поврежденные корабли будут исправлены и войдут в строй, с помощью бога и покровителя моряков Николая-угодника попытаем свое счастье в ратном подвиге с японцами.

— Пока что Николай-угодник, по-видимому, помогает больше япошкам, чем вам,— заметил Рейс.

— Довольно разговаривать, господа,— оборвал пререкания Стессель.— Наша эскадра еще не выполнила своего долга перед царем и родиной. Тринадцатого мая во время Цзинджоуского боя командиры «Отважного» и «Гремящего» — Лебедев и Цвигман — приказали разобрать свои машины и не вышли в море. Я считаю это прямой изменой. Оба эти преступника мною арестованы и будут судимы по законам военного времени, как бы против этого ни протестовал адмирал Витгефт. Обоих повешу на казачьем плацу! — неистовствовал Стессель.— Всех, кто за них будет заступаться, я тоже сочту за изменников со всеми вытекающими отсюда последствиями. Я заставлю флот служить России и русскому царю, а не японскому микадо! — потрясал кулаками генерал.

— Это слишком! Я не считаю здесь больше возможным присутствовать,— совсем растерялся Витгефт.

— Вношу предложение сделать перерыв,— спокойно проговорил Кондратенко.

 Все его поддержали и с шумом поднялись с мест.

Кондратенко и Белый обратились к Стесселю с просьбой быть в дальнейшем сдержанней.

— Не следует забывать, Анатолий Михайлович, что ход сегодняшнего совещания будет известен и наместнику,— предупреждал Белый.— Он же, как ты знаешь, души не чает в моряках.

— Адмирал Витгефт лишь строго проводит в жизнь указания наместника о необходимости, елико возможно, беречь нашу эскадру,— вторил ему Кондратенко.

— А вы как смотрите на это, Виктор Александрович? — обратился Стессель к Рейсу.

— По-моему, ваше превосходительство, пусть сперва моряки ответят на поставленные вами вопросы,— посоветовал Рейс.— А затем будет уже видно, что говорить дальше.

— Прошу занять места, заседание продолжается,— зычным командирским голосом предложил Стессель.— Кто желает высказаться? — спросил он, когда все заняли свои места.

Выступил адмирал Григорович. Поглаживая свои длинные «штабс-капитанские» усы, адмирал спокойным ровным голосом, как будто ничего не произошло, начал свою речь.

— Начальник Квантунского укрепленного района генерал Стессель является старшим лицом в Артуре,— по своему чину и первым ответчиком перед царем и Россией за все происходящее в Артуре. Вполне понятны ввиду этого и его повышенная нервозность, и известная резкость, которую он проявил на нашем заседании при обсуждении вопроса о дальнейшей судьбе Артура. На этих днях вступают в строй «Цесаревич» и «Ретвизан», неделю тому назад вышла из дока «Паллада». Теперь, несмотря на явное превосходство сил противника, особенно в отношении миноносцев, все же можно попытать счастье в бою.

— Когда, вы считаете, эскадра сможет выйти в море? — спросил Стессель.

— Около первого июня: к этому времени весь ремонт на судах будет закончен и, кроме того, будут погружены на эскадру все необходимые запасы.

За Григоровичем выступил младший флагман эскадры адмирал князь Ухтомский.

— Эскадре нечего и думать о выходе в море. Там ее ждет неизбежная гибель или от японских мин, во множестве разбросанных на внешнем рейде, или в бою с превосходящими силами противника. Поэтому единствен-

ное разумное решение — это отсиживаться в Артуре, ожидая, когда он будет деблокирован Маньчжурской армией или когда к нам на помощь подойдет вторая эскадра из России. Мы, моряки, должны свою судьбу, по примеру Севастополя, связать с крепостью. Свезти на берег свои орудия, списать в десант возможно большее число людей, образовав из него подвижный резерв крепости, и этим усилить оборону Артура, а там что бог и Николай-угодник дадут, то и будет.

— Что ваше сиятельство предполагает делать с флотом, если Артур будет вплотную обложен с суши и эскадре будет угрожать опасность быть потопленной на внутреннем рейде Артура? — спросил Рейс.

— Оставаться в нем до последней возможности...

— ...а затем затонуть в этой луже...— перебил Стессель.

— ...и вновь воскреснуть под японским флагом,— вставил Никитин.

— Мы, моряки, считаем, что Артур никогда сдан не будет. Следовательно, если даже допустить возможность потопления кораблей на внутреннем рейде, то воскреснут они после войны опять под русским, а не под японским флагом,— возразил Никитину Витгефт.— Поэтому предложение князя, по-моему, является наиболее целесообразным.

— Флот всю осаду камнем будет висеть на нашей шее! — кипятился Никитин.— Пусть-ка он лучше убирается поскорее на все четыре стороны из Артура, а свое продовольствие оставит для нужд гарнизона.

— Помимо продовольствия, нам нужно получить от моряков еще орудия и снаряды к ним,— вставил Белый.

— С чем же мы тогда выйдем в море, где нас ждет бой с японцами? — спросил Витгефт.

— Я лично думаю, что мнение князя Ухтомского о необходимости флоту остаться в Артуре в наших условиях самое правильное,— ответил Белый.

— Вопрос ясен,— резюмировал Стессель.— Моряки в море выходить не хотят, а мы, сухопутные, считаем, что они должны возможно скорее оставить Артур и выполнить свое прямое назначение — попытаться с боем овладеть морем или с честью погибнуть.

В дальнейшем все сухопутные генералы, за исключением Белого, высказались за выход эскадры в море, а моряки, кроме Григоровича, Эссена и командира «Баяна» Вирена, за ее оставление в Артуре.

 Стессель презрительно усмехнулся.

— Из опроса мнений господ моряков ясно, что они забывают о своей прямой обязанности — помогать не только Артуру, но и Маньчжурской армии. Без победы на море победа на сухопутном фронте будет крайне затруднительна. И, наоборот, при нашем господстве или даже простом равенстве сил на море быстрая победа на суше обеспечена. Поэтому я еще раз от лица армии категорически требую выхода эскадры в море для уничтожения японского флота. Отказ от выполнения этой задачи буду рассматривать как измену долгу присяги и своей родине! — стуча кулаком по столу, угрожал генерал.

— Вы забываете, что флот вам не подчинен,— выкрикнул в ответ тонким фальцетом Витгефт,— и вы не имеете права отдавать флоту никаких приказов!

— Если эскадра не выйдет в море, я запрещу морякам появляться на территории укрепленного района. Рассыплю стрелковые цепи по берегу и обнесу порт колючей проволокой. Варитесь тогда в собственном соку! — кричал Стессель.

По знаку Рейса Стессель опять объявил перерыв и, выйдя из-за стола, стал громко выговаривать Белому.

— Тебе бы, Василий Федорович, во флоте служить. Ты всегда руку моряков держишь,— упрекал он начальника артиллерии.

— Я ответствен за артиллерийскую оборону крепости, а без пушек и снарядов защищать Артур не могу,— возразил Белый и отошел к морякам.

Никитин, окруженный младшими морскими офицерами, обвинял адмиралов в трусости.

— Будь моя воля,— бубнил он,— всех бы ваших адмиралов и капитанов первого ранга разогнал, а вас, лейтенантов и мичманов, поставил бы командовать броненосцами. Поди, вы с ними справились бы не хуже адмиралов?

— Справились бы, ваше превосходительство. Мигом бы японцам нос утерли,— хором отвечали мичманы и лейтенанты.

— Где бы у вас тут малость горло промочить, а то больно пересохло оно от всей этой болтовни.

— Сельтерской прикажете, ваше превосходительство?

— Я не дама в положении и не кисейная барышня,— обиделся генерал.

— Коньяку, рому, виски? — продолжали предлагать моряки.

— Наконец-то догадались! Чего хотите, но чтобы было покрепче.

Через четверть часа воинственный генерал уже пил брудершафт со всеми мичманами и лейтенантами. На заседание он больше не пошел, а вместо этого прочно окопался в кают-компании, откуда затем был переправлен в одну из офицерских кают, где мирно опочил.

После вторичного перерыва прения приняли наконец более спокойный характер. Моряки признали, что эскадре все же необходимо попробовать выйти в море и попытаться, не ввязываясь в бой, прорваться во Владивосток. Хотя Вирен и Эссен настойчиво указывали на абсурдность этого предложения при наличии чуть ли не всего японского флота под Артуром, большинство все же не согласилось с ними. Затем договорились о возвращении из крепости некоторой части орудий среднего калибра, наметили время выхода в море примерно на пятое июня, и на этом окончилось заседание. Стессель отказался от предложенного Витгефтом обеда и уехал вместе с Рейсом, Водягой и Сахаровым, а Смирнов, Кондратенко и Белый остались у адмирала.

После отъезда Стесселя атмосфера сразу резко изменилась. Исчезла натянутость, все оживились и весело заговорили друг с другом.

За длительным обедом, сопровождавшимся обильной выпивкой, все участники окончательно настроились на мирный лад, многократно лобызались и уверяли друг друга во взаимной любви.

Вернувшись домой, Стессель начал было хвастливо повествовать супруге о своих победах над моряками, но Вера Алексеевна, разделявшая с мужем нелюбовь к морякам, на этот раз, против обыкновения, слушала его довольно равнодушно. Это обстоятельство заставило генерала насторожиться: за многолетнюю супружескую жизнь он хорошо усвоил, что после столь холодного приема ему предстоит выдержать хорошую головомойку. Он не ошибся в своих предположениях и на этот раз. Едва кончился обед и генерал удалился в свой кабинет, как к нему вошла Вера Алексеевна. Предвкушая неприятный разговор, генерал нервно заерзал на своем диване.

— Что у тебя, Анатоль, произошло вчера на «Этажерке» с Варей Белой? — сразу задала вопрос Вера Алексеевна.

— Когда я проезжал мимо «Этажерки», она напялила на себя фуражку этого прапора, что всегда с ней бы-

вает, и начала отдавать мне честь, в то время как он стоял с ней рядом болван болваном. Я указал ей на недопустимость такого отношения к офицерскому головному убору,— вот и все.

— Почему же она со слезами жаловалась на тебя своей матери, что ты ее публично оскорбил?

— Я, кажется, ничего особенного не сказал, только напомнил, для чего служит женский пол.

— И это, по-твоему, ничего? Порядочной девушке публично сказать, что она существует для деторождения! Ты, Анатоль, забыл, что «Этажерка» не казарма, а Варя не солдат, и твои солдатские шуточки с ней совершенно неуместны. Мария Фоминична, конечно, в обиде на тебя за дочку. Надо тебе будет перед ней хорошенько извиниться и Варе подарить что-нибудь.

— Чего ради я стану еще извиняться, коль я ничего обидного не сказал? И не подумаю.

— Если ты сам не понимаешь своей грубости, то я прекрасно это сознаю. Нечего тебе думать или не думать. Раз я тебе говорю, значит, так и надо. Ты пойдешь к Белым и извинишься за свою грубость перед Марией Фоминичной, а не пойдешь, я вместо тебя отправлюсь с извинениями,— пригрозила генеральша.

— Ладно уж! Так и быть, съезжу к Белым завтра, что ли. У них бывают такие вкусные блинчики к кофе, что пальчики оближешь, да и узнать надо, до чего же договорился Белый с самотопами,— сдался генерал.

— Потом ты до сих пор не утвердил награждение артиллеристов за Цзинджоуский бой.

— И не утвержу! Пусть на будущее время знают, что за потерю пушек я наград не даю.

— Но в этом списке есть и Варя Белая. Она-то не виновата в том, что были оставлены пушки.

— Неудобно наградить ее одну, а других не награждать.

— Пустяки ты говоришь. Варя прежде всего генеральская дочь, поехала туда по своей охоте, чуть не погибла там, а ты ее равняешь со всеми остальными.

— Там была еще какая-то другая, такая же сумасшедшая девчонка. Надо и ее тогда наградить.

— Отчего же не наградить, если она этого заслужила?

— По-моему, бабы не могут совершать никаких подвигов, разве что родят сразу тройню или четверню.

— Бабы! Грубиян! Ты-то сам, герой, как и за что свой

«Георгий» получил и к нему генеральский чин в придачу?

— Мне подвезло...

— Ты прекрасно знаешь, что, не будь меня, и везения этого бы не было. Лучше без разговоров утверди-ка эти награды. Я приказала писарям принести нужные наградные листы и на них зачеркнула твою резолюцию об отказе.

— Но в нем ведь что-то около ста человек.

— Я отобрала только те листы, где есть Варя Белая. В них всего десять человек с Утеса. Они с начала войны не получали ни одной награды!

— Утесовцам еще куда ни шло! — И генерал лениво подписал поданную ему женою бумагу.

— Я сегодня получила письмо от Лилье. Бедняжка под арестом. Его посадил за какие-то пустяки Кондратенко.

— Раз Кондратенко посадил, значит, за дело: Лилье твой большой жулик.

— Я думаю, что Лилье можно отпустить с гауптвахты, посидел он денек, и хватит с него.

— Маловато больно. Его на сколько посадил Кондратенко?

— На две недели. Я от твоего имени написала Роману Исидоровичу письмо с просьбой, если можно, освободить Лилье и поручить ему постройку хотя бы нашего блиндажа, а я за ним сама присмотрю.

— Много ты в этом понимаешь!

— Попрошу Сахарова помочь мне — недаром же он целый Дальний выстроил.

— Причем половину денег украл.

— Не пойман — не вор! Все инженеры — воры. Подпиши-ка письмо к Кондратенко. В нем ты не настаиваешь на освобождении Лилье, а только просишь, если он найдет это возможным. Понял?

Генерал махнул рукой и кряхтя черкнул какую-то закорючку на бумаге.

— Еще что? — спросил он.

— Еще тут нужна твоя подпись,— ткнула генеральша пальцем в бумагу.

— О чем она?

— Об отсрочке до конца войны платежей по налогам с имущества Тифонтая.

— Это меня не касается. Пусть обращаются к градоначальнику, он этими делами ведает.

— Он отказал, поэтому обращаются к тебе.

— Где сам Тифонтай? Поди, к японцам сбежал?

— Что ты, Анатоль! Он из Дальнего успел уехать на север в штаб наместника, а Сахарову выдал доверенность на ведение всех своих артурских дел.

Стессель подписал и эту бумагу.

— Теперь можешь спокойно спать.— И генеральша ласково поцеловала мужа в лоб.

Стессель сладко зевнул и повернулся на бок. Вера Алексеевна вышла из комнаты, тихонько прикрыв за собою дверь.

В столовой ее ждал Сахаров.

— Все подписано, Василий Васильевич,— обратилась к нему генеральша, протягивая бумагу.

— Не знаю, как мне вас и благодарить, Вера Алексеевна,— расшаркался капитан, целуя руку превосходительной хозяйки.

— У меня к вам будет небольшая просьба. Мне нужны хорошие золотые серьги, желательно с бриллиантами, хотя можно и с рубинами, не особенно дорогие — рублей на пятьдесят,— проговорила Вера Алексеевна.

— Приложу все свои усилия, чтобы достать их. У меня осталось еще несколько старых знакомых среди ювелиров-китайцев. Они большие знатоки в таких вещах и, конечно, не откажут мне,— уверил капитан.— Как только найду что-либо подходящее, тотчас же доставлю вам.

— Буду вам крайне признательна. Серьги мне нужны для свадебного подарка дочери Белого,— пояснила генеральша, прощаясь с Сахаровым.

Через час, сидя в своем небольшом, но очень уютном особняке в Новом городе, Сахаров бесцветными чернилами условным шифром писал письмо Тифонтаю. В нем он подробно сообщал об окончании ремонта поврежденных судов, о предстоящем выходе эскадры для прорыва во Владивосток, о розни между флотом и армией, о ходе работ по укреплению сухопутного фронта. В заключение он уведомлял об освобождении до конца войны от налоговых платежей всех его предприятий в Артуре и просил выслать просимые генеральшей серьги. «Цена по вашему усмотрению,— заканчивал Сахаров свое послание.— Налогов сложено на сумму около 50 000 рублей. Полагаю, что серьги могут стоить от 3 до 5 тысяч, так как в них очень заинтересована артурская Юнона».

Окончив письмо, Сахаров еще раз проверил шифр, скатал послание в тонкую трубочку и хлопнул в ладоши. Вошел старый нищий. Сахаров выслал денщика и с удив-

лением взглянул на нищего, который сразу распрямился и насмешливо взглянул на Сахарова.

— Мистер Сахаров, по-видимому, не ожидал меня видеть здесь и в таком виде? — спросил он.

— Вы очень сильно рискуете, ваше превосходительство, появляясь в Артуре.

— Война является сплошным риском. Мы, военные, к нему привыкли. Я буду изредка, когда найду нужным, появляться у вас. О моем здесь пребывании, конечно, никому не должно быть известно.

Сахаров только почтительно слушал своего собеседника и кивал головой в знак полного согласия. Затем японец взял письмо, ознакомился с его содержанием, униженно кланяясь капитану, бесшумно вышел из комнаты. Оставшись один, Сахаров разразился целым потоком брани по адресу Томлинсона, Смита и Танаки.

«Мертвой хваткой держат меня за горло, и я бессилен перед ними. Выдать их невыгодно и крайне опасно. И я и моя семья могут погибнуть от руки наемных убийц»,— с горечью думал капитан, шагая по своему кабинету.

В этот же вечер у Ривы собралась не очень многочисленная, но дружная компания. Праздновались сразу два события: свадьба Андрея с Ривой и получение им наград за свои боевые подвиги.

Еще засветло пришли Желтова с Олей Селениной и Леля Лобина со Стахом Енджеевским. Они поднесли Риве большой столовый сервиз из китайского фарфора. Самый характер этого подарка говорил о том, что связь Ривы с Андрюшей они рассматривали как настоящее супружество.

— Мне даже неловко принимать от вас такие подарки,— сконфуженно протестовала Рива.

— Берите, дарим от чистого сердца,— ответила Желтова, целуя девушку.— Вам в семье он очень пригодится.

Моряки поднесли Риве цветы, а Андрюше — кортик в позолоченной оправе. Прибывшие позже Борейко и Звонарев с трудом втащили в комнату огромную, чуть ли не в сажень высотой, бутылку, наполненную водкой. На ней честь честью красовалась этикетка Петра Смирнова с указанием емкости — десять ведер сорокаградусного хлебного вина. Головка бутылки была опечатана казенным белым сургучом, толстым слоем покрывавшим дюймовую пробку. В отличие от бутылок обычного типа

в нижней части был устроен небольшой краник, через который можно было цедить водку.

— Наше с Сережей тебе искреннее пожелание, Андрюша,— чтобы у тебя было столько же счастья в жизни, сколько водки в этой бутылке, и чтобы жизнь твоя всегда была полна любви и счастья, как эта бутыль водкой,— сказал Борейко прочувствованным голосом.

— Откуда вы достали это чудище? — спросила его Рива.

— Осталась в качестве сувенира о пребывании в Артуре великих князей Кирилла и Бориса. Она была приготовлена специально по их заказу, но мартовская катастрофа помешала ее использовать по назначению. Я узнал о ней случайно, и мы решили преподнести ее вам с Андрюшей в знак нашей любви.

— Надеюсь, вы не собираетесь выпить водку в один присест? — осведомилась Рива не без тревоги.

— Не беспокойтесь, мы ее будем пить долго-долго.

Чтобы не раздавить обеденный стол гигантской бутылью, ее поместили на специальной дубовой подставке. Борейко в качестве виночерпия сел возле нее, разливая водку по рюмкам. К удивлению всех, сам он ограничился только тремя небольшими рюмками.

— Решил отвыкать от водки,— пояснил он удивленной Риве.

— Не иначе как вы собрались жениться,— догадалась Оля.

— Дело не плохое, да кто за меня пойдет?

— Поищем, авось и найдем,— загадочно сказала Рива.

Борейко в ответ только оглушительно прокашлялся и поспешил перевести разговор на другие темы.

— Слыхал я, что микадо вашего Витгефта наградил орденом Восходящего Солнца за блестящее выполнение десантной операции армии Оку,— обратился он к Акинфиеву.

— На его месте я наградил бы еще многих других, помимо адмирала,— вмешался Эллис,— прежде всего Ухтомского, Рейценштейна, Шенсновича: все они дружно поддерживали адмирала сегодня на совещании.

— Наши, Стессель с Фоком, тоже от них не отстали Допустили беспрепятственную высадку армии Оку. Зря сдали японцам Цзинджоу, подарили им Дальний, сейчас делают вид, что собираются защищать Артур,— продолжал Борейко.— На укреплениях казематы и блиндажи строятся не столько из бетона, сколько из глины, пушки

установлены на позициях открыто — одним словом, все делается, чтобы ускорить падение Артура.

— К Стесселю надо прибавить еще и нашего Савицкого, и командира Пятнадцатого полка Грязнова, Гандурина и еще многих других,— заговорил до этого молчавший Енджеевский.— После Цзинджоу все они сперва решили бежать прямо в Артур и только по настоянию Кондратенко задержались на Юпилазском перевале. Моим донесениям, что японцы уходят на север, никто из них не поверил, а мне «за неточное выполнение приказания о прикрытии отхода после Цзинджоуского боя» закатили строгий выговор в приказе.

— Меня интересует,— спросила Желтова,— в Маньчжурской армии дела обстоят так же, как у нас, или лучше?

— Здесь Стессель и компания, там Алексеев и компания, хотя люди и разные, но сущность их совершенно одинакова. Следовательно, и дела обстоят тоже одинаково: у нас Цзинджоу, у них Тюренчен, тоже поражение и беспорядочный отход,— ответил ей Енджеевский.

— Там хотя единоначалие есть, а у нас в Артуре — Стессель одно, Смирнов — другое, Витгефт — третье,— заметил Звонарев, молчаливо сидевший в стороне.

— Григорович — четвертое, так как он не подчинен Витгефту,— пояснил Сойманов.— А, как известно, у семи нянек дитя всегда бывает без глаза.

— При таком положении вещей трудно рассчитывать на успех в войне,— с грустью проговорила Мария Петровна.

— Главный вопрос войны — обладание морем — пока что нами не решен в свою пользу. Правда, и японцы тоже не могут считать себя полными хозяевами в Желтом море, но бездеятельность нашего флота фактически передала инициативу в борьбе за обладание морем в руки японцев,— проговорил Стах.

— Да, наш Витгефт палец о палец не ударил, чтобы воспрепятствовать высадке японцев у Бидзиво, затем не помог армии в борьбе за цзинджоуские позиции, а сейчас спокойно наблюдает за тем, как японцы устраивают свою военно-морскую базу в Дальнем. Он является объективно предателем наших интересов в этой войне,— проговорил Эллис.

— Нельзя нас, молодежь, смешивать с Витгефтом и капитанами первого и второго ранга! Они прежде всего не знают современной техники, ибо как командиры выросли при парусном флоте. Наши корабли по своей

конструкции отнюдь не хуже японских, особенно построенные за границей. Но плохо подготовленный командный состав не умеет их использовать как надо. Из морского корпуса нас выпускают плохо подготовленными к современной морской службе. Приходится дополнительно кончать потом артиллерийские, минные, штурманские классы, чтобы стать специалистом в одной из этих отраслей морского дела. Подготовка матросов-специалистов поставлена еще хуже. Выезжаем больше на русской смекалке. В общем, и нам и матросам не хватает культуры для полного освоения современной морской техники,— разглагольствовал Сойманов.

— Короче говоря, в тысяча восемьсот семидесятом году Францию победил немецкий учитель, а теперь нас побеждает — японский,— резюмировала разговор Желтова.

— Вывод из этого может быть сделан только один: необходима скорейшая смена образа правления,— живо проговорила Оля Селенина.

— Мы все верноподданные сыны своей родины и ради ее блага готовы на все,— заметил Сойманов.

— Кто как понимает это благо,— заметила Желтова.

— По-нашему, все, что может помочь нашей победе над японцами, то благо,— заметил Борейко.

— С таким определением мы все согласимся,— вмешалась Оля Селенина.

— С чем вас всех и поздравляем,— закончил Борейко.— Завтра же все вместе открутим головы Стесселю, Витгефту и всей их компании. Это, несомненно, будет очень полезно для нашей победы.

— Иногда бывают полезны и поражения,— заметила Оля.— Севастопольский разгром способствовал обновлению нашего государственного строя.

— Что не помешало, однако, нигилистам убить царя-освободителя,— заметил Сойманов.

— Не столько освободителя, сколько мучителя,— не сдавалась Оля.

— Вы, оказывается, довольно-таки зловредный комарик! — посмотрел на Олю с высоты своего саженного роста Борейко.

— Зато вы мне кажетесь довольно-таки ручным медведем.

— Ты не далека от истины, Оля,— заметила Рива.— Это предобрый медведище, хотя и хочет казаться страшным и сердитым.

— Ой, Андрюша, Сережа, Павлик — защитите! Меня при жизни собираются канонизировать, а я совсем не хочу превращаться в живые мощи,— с комическим ужасом воскликнул Борейко.

— Итак, эскадра все же на днях уходит в море,— сообщил Звонарев.

— Слава создателю! — в один голос воскликнули Борейко, Енджеевский и Сойманов.— Когда точно?

— На рассвете девятого июня,— сказал Эллис.

Куинсан, подававшая на стол, бросила на него быстрый взгляд и отвернулась. Андрюша заметил это и нахмурился.

— Принеси-ка мне чаю,— приказал он девушке,— и не толкись понапрасну здесь.

Служанка поспешила выйти из столовой.

— Выйдет вся эскадра или только ее часть? — полюбопытствовал Борейко.

— Выйдут все броненосцы, крейсера и оба отряда миноносцев. Если встретим лишь часть японской эскадры, то попытаемся ее разбить,— ответил Эллис.

— А если всю?

— Тогда боя не примем и вернемся в Артур.

— Не очень-то вы храбры! Под Синопом Нахимов не спрашивал, сколько перед ним турок, атаковал их и уничтожил. А вы рассчитываете: много или мало будет японцев и что в таком случае делать,— иронизировал Стах.

— Там было другое соотношение сил,— начал было Эллис.

— А главное... дух был боевой, и во главе стоял не растяпа Витгефт, а настоящий боевой адмирал,— перебил его Стах.

— За здоровье нашего героя Андрюши! Пусть тебе с Ривой живется, как в раю,— чокнулся Борейко.— Горько молодым!

Все, смеясь, подхватили этот тост. Рива и Андрюша церемонно поцеловались.

— Чей за нами черед? — спросила Рива.

— Стаха и Лели.

— А за ними?

— Вари и Сережи.

— А потом? — не унималась Рива.

— Оли и Бори! — в один голос воскликнули все присутствующие.

— Что-о-о? — одновременно взревел Борейко и запищала Оля.

— Это что-то новое! Наша Оля настоящая весталка и дала обет безбрачия,— улыбаясь, проговорила Мария Петровна.

— Выйти замуж за такого медведя, как он! С ума надо сойти, чтобы такое представить себе,— возмутилась Селенина.

— Напрасно ты так говоришь, Оля! Он очень хороший, этот медведь,— обратилась к учительнице Рива.

— Только пьяница беспробудный,— отрекомендовал себя Борейко.

— Оля вас быстро к рукам приберет. Хотя сама и маленькая, но характер у нее огромный. Живо забудете о водке,— подтвердила Желтова.

— Ничего не возражал бы против этого.

— Так за чем же дело стало? — под общий смех спросил Акинфиев.

Так, смеясь и дружески шутя, гости еще долго сидели в уютной квартирке.

Звонарев был очень удивлен, получив на свое имя телефонограмму за подписью Жуковского, в которой ему предлагалось к двум часам дня прибыть на Электрический Утес, причем многозначительно добавлялось: «Форма одежды парадная, при оружии».

Когда Звонарев подъехал к батарее, то увидел, что рота выстроена во фронт. На правом фланге расположился оркестр. Во главе взводов находились офицеры; на левом фланге, вооруженный японской винтовкой, стоял Блохин, рядом с ним фельдшер Мельников, Шура Назаренко и Варя Белая.

Наскоро поздоровавшись с Звонаревым, Жуковский приказал ему стать в четвертый взвод и тревожно ткнул пальцем в приближающуюся кавалькаду. Заняв свое место в строю, Звонарев увидел, что к батарее приближались верхом сразу четыре генерала: Стессель, Смирнов, Белый и Никитин, за ними двигалось человек двадцать свиты и конвоя.

Как только превосходительные гости спешились, Жуковский подал команду, музыка заиграла, солдаты вскинули винтовки на караул.

Генералы по очереди, начиная со Стесселя, поздоровались с ротой. Затем, став против середины фронта, Стессель громким голосом начал вызывать награжденных солдат.

Поздравив награжденных и поблагодарив их за службу, Стессель обратил внимание на Блохина.

— Откуда у тебя эта винтовка? — спросил он у солдата.

— Взял в бою под Цзинджоу, ваше превосходительство.

— Больно рожа у тебя похабная, бандитом смотришь. Под судом был?

— Он и сейчас в разряде штрафованных состоит,— доложил Жуковский.

— Напрасно представляли его к кресту, надо было сперва штраф с него снять. Что ты сделал под Цзинджоу?

— Винтовку японскую забрал, ваше превосходительство.

— Ты бы лучше живого японца взял.

— Я приколол его, ваше превосходительство, а винтовку взял.

— Какой же ты подвиг совершил?

— Сбил японскую пушку прямой наводкой при атаке города Цзинджоу,— доложил Жуковский.

— Что же ты об этом молчишь, дурак! — рассвирепел Стессель.— Герой, а морда арестантская. Вы за ним присматривайте, как бы снимать крест потом не пришлось. Ба! Жиденка вижу,— удивился генерал, увидев перед собой Зайца.— Ты-то что геройского мог совершить?

— «Под ураганным огнем артиллерии доставил обед на позицию, за убылью номеров стал за наводчика к орудию и до конца боя отражал атаки японцев»,— по наградному листу прочитал личный адъютант Стесселя князь Гантимуров.

— Первый жид в Артуре, которому я даю крест, и, надеюсь, последний,— брюзжал Стессель.

Последними были вызваны Варя Белая и Шура Назаренко. Дойдя до Шуры Назаренко и увидев на ней медаль, Стессель спросил, от кого она ее получила, и, узнав, что от Макарова, поморщился.

— Он не имел права награждать тебя, раз ты работала в береговой части, а не в морской, ну да все равно.— И генерал милостиво нацепил ей еще одну медаль.

— А тебе, стрекоза,— обратился Стессель к Варе Белой,— не следовало бы давать медали за твою дерзость, но...

— Без всяких «но», генерал! Оставьте медаль себе на память о вашей тогдашней грубости. Мне она не нужна,— выпалила Варя и, обойдя остолбеневшего от удив-

ления генерала, сбежала вниз к своей лошади, вскочила на нее и вихрем понеслась от батареи.

— Варвара, вернись! — крикнул было ей вдогонку отец, но девушка только махнула в ответ рукой.

— Придется тебе, Василий Федорович, вместо медали наградить ее березовой кашей: совсем девка от рук отбилась! — сердито обернулся Стессель к Белому.— За новых георгиевских кавалеров, ура! — закончил он.

Выходка Вари расстроила весь ритуал награждения. Пропустив роту мимо себя торжественным маршем, Стессель отказался от предложенной закуски и вместе со свитой тотчас же уехал. Солдаты вернулись в казарму, обсуждая происшедшее.

После завтрака Звонарев заторопился в город: ему хотелось повидать Варю и переговорить о случившемся. Девушку он застал за чтением.

— Изумительно интересная вещь! Почему нам в институте не давали таких книг? — встретила она Звонарева.

— Что за роман?

— Роман! Учебник физиологии для фельдшерских школ. Ну, что сделал Стессель после моего отъезда? Воображаю, как он обозлился! Папе я боюсь на глаза попасться. Представьте, этот дурак Гантимуров звонил мне по телефону, что завтра лично привезет мне злосчастную медаль. Я сказала, что немедленно выброшу ее в море. А жаль! — вздохнула Варя.— Так красиво — сестра с Георгиевской медалью.

— Ха-ха-ха-ха! — расхохотался Звонарев.— Зачем же вы от нее отказались?

— Принципиально! Чтобы не думали, что меня можно безнаказанно оскорблять.

В передней раздался звонок, и послышался голос Белого, спрашивающего о Варе.

— Она с Звонаревым,— ответила Мария Фоминична.

— Эта дрянная девчонка скандал сегодня устроила Стесселю на Электрическом Утесе — отказалась от награды.

— Как так? Она ведь сама ездила к Стесселю хлопотать о ней!

— Ничего подобного,— вылетела Варя в переднюю,— я хлопотала за Звон... за солдат, а не за себя. А Стессель не смеет меня при всех называть стрекозой, как будто я маленькая, и говорить, что я не заслужила медали,— затараторила Варя и вдруг громко всхлипнула и залилась слезами.

— Имей после этого дело с бабами! — возмутился Белый и ушел в свой кабинет, сердито хлопнув дверью.

Звонарев, оставшись один, принялся рассматривать валявшиеся на столе старые журналы. Подождав, когда Варя с матерью ушли из передней, он хотел тихонько уйти.

— Вы уже уходите, прапорщик? — неожиданно окликнул его генерал из кабинета.

— Так точно. Разрешите откланяться.

— До свидания. И мой совет вам — никогда не женитесь на сумасшедших девчонках, которые и сами не знают, чего они хотят,— неожиданно добавил Белый, пожимая руку Звонареву.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Утром седьмого июня, когда Звонарев приехал в штаб, Кондратенко протянул ему свежий, еще пахнущий типографской краской, номер местной порт-артурской газеты «Новый край».

— Наши морячки наконец-то раскачались и рискнули выйти в море,— указал генерал на одно из сообщений газеты:

ПРИКАЗ № 177

г. Порт-Артур

7 июня 1904 г.

Эскадра, окончив исправление судов, поврежденных коварным врагом еще до объявления войны, теперь выходит, по приказанию наместника, в море, чтобы помочь сухопутным боевым силам защищать Артур. С помощью бога и святого Николая-чудотворца, покровителя моряков, постараемся выполнить наш долг совести и присяги перед государем и разбить неприятеля, ослабленного гибелью на наших минах части его судов. Маленькая лодка «Бобр» показала 13 мая (во время Цзинджоуского боя) пример, что можно сделать даже при самых тяжелых обстоятельствах. Да поможет нам бог.

Контр-адмирал Витгефт

— Но ведь все корабли еще в гавани,— удивился прапорщик.— И потом, что за странная манера печатать в газетах оперативные приказы?

— Газетчики народ шустрый, везде сумеют пролезть и все пронюхать,— улыбнулся генерал,— но все же надо будет указать редактору на недопустимость такого отношения к боевым приказам.

— Кто редактирует газету?

— Полковник Артемьев. Газета ведь официальная, казенная,— пояснил Кондратенко.

— Как офицер, он сам должен понимать недопустимость таких заметок,— удивлялся Звонарев.

— Кроме того, газета проходит через две цензуры: штаба Стесселя и штаба крепости — и все же, как видите...

— Ваше превосходительство,— обратился в это время один из писарей к генералу,— из редакции пришел рассыльный, просит газету вернуть обратно. Ошибка какая-то с ней вышла.

— Что за чепуха? Позови его сюда,— распорядился Кондратенко.

Через минуту в кабинет вошел молодой человек и учтиво поклонился.

— Вы меня звали, ваше превосходительство?

— Да, объясните, пожалуйста, почему вы обратно отбираете разосланные номера газет?

— По ошибке напечатали, что эскадра сегодня выходит в море, а она не выходит. Поэтому и приказано отобрать газету обратно,— словоохотливо пояснил посланец.

— Час от часу не легче! Не хотите вводить в заблуждение своих подписчиков, заодно и японцев, которые, конечно, очень исправно получают вашу газету? — усмехнулся генерал.— Я сейчас пару слов напишу редактору. Вот, передайте ему эту записку и больше никому не рассказывайте, что эскадра не выйдет: это военный секрет.

— Весь Артур об этом знает,— оправдывался газетчик.

— Тем хуже, незачем было отбирать газету. Пусть бы все думали, что эскадра вечером, что ли, выйдет в море,— пояснил генерал.— Ну, Сергей Владимирович, поедем по фортам.

Около третьего укрепления Кондратенко и Звонарев нагнали Стесселя с его свитой — Никитиным, Водягой и Гантимуровым.

— Самотопы-то наши и впрямь вылезть из гавани собрались,— улыбнулся Стессель, здороваясь с Кондратенко.— Поддали мы им жару тогда на заседании.

— Не верь им, Анатолий Михайлович,— отозвался Никитин.— Подымят, подымят в гавани и успокоятся. На большее у них смелости не хватит.

Кондратенко рассказал об инциденте с газетой.

— Изменники, предатели! — возмущался Стессель.— Сегодня же займусь этим.

Строящиеся укрепления издали были похожи на муравейник. Солдаты смешались с сотнями китайцев и растерянно толкались на тесном пространстве. Офицеров не было видно. Кто-то из солдат, увидя генералов, скомандовал «смирно». Стессель, приподнявшись на стременах, зычно поздоровался. Ему отвечали все сразу — и солдаты и китайцы.

— Где господа офицеры? — спросил Стессель.

— Еще не пришедши,— ответили из толпы.

— Запишите их фамилии,— обернулся Стессель к своим адъютантам,— и всем опоздавшим офицерам — по десять суток на гауптвахте!

Генералы спешились и начали обходить работы.

Работы по сооружению укрепления заканчивались. Назначением его являлось закрытие доступа в долину реки Лунхе. Укрепление имело вид пятиугольника с хвостиком в задней, горжевой части, было окружено рвом шириною в четырнадцать метров и глубиною в девять. По углам рва находились бетонные капониры, соединенные подземной галереей с тыловой казармой, где должен был размещаться гарнизон форта. Валы имели высоту в две с половиною сажени и толщину в двенадцать сажeней. Сверху они обкладывались мешками с землею, среди которых были сделаны бойницы для стрелков, но никаких козырьков для прикрытия не было.

Посредине внутреннего двора укрепления была расположена батарея из четырех шестидюймовых пушек. Орудия стояли совершенно не защищенные, лишь спереди едва прикрытые невысоким бруствером из мешков. В бетонных траверсах между орудиями были устроены снарядные и пороховые погреба и блиндажи для орудийной прислуги. Слева виднелась броневая башня морского типа для командира батареи, тут же, несколько позади, под правым бруствером форта, была устроена прочная бетонная казарма для полуроты артиллеристов. Но ни вентиляции, ни электрического освещения в казармах не было, равно как отхожих мест и кухни. Боеприпасы предполагалось размещать тут же в казарме, так как никаких специальных складов для них не существовало.

Звонарев указал Кондратенко на все эти дефекты.

— Чушь! — услышав его, отозвался Стессель.— Это боевое укрепление, а не дворец, обойдутся и без вентиляции, не будет света, больше будут спать и набираться сил. В уборную могут ходить прямо в ров, авось до краев

его не заполнят за время осады. Пищу надо подвозить с тыла. Я считаю, что форт закончен постройкой,— решил генерал.

— Нужно еще с неделю на окончательное приведение его в порядок,— возразил Кондратенко.

— Даю три дня. Сам приеду принимать укрепление.— И генерал направился к своей лошади.

В это время появился капитан Шевцов.

— Где вы были до сих пор? — накинулся на него Стессель.

— На соседнем укреплении, ваше превосходительство.

— Как только я слез с лошади, вы должны были немедленно прибыть сюда! Арестовать на двадцать суток! — орал Стессель.

— Я поручил капитану в срочном порядке закончить работу на соседнем укреплении. Он уже двое суток находится там,— вступился Кондратенко.

— И все же капитан должен строго соблюдать правила воинского чинопочитания,— уже спокойно проговорил Стессель.

— В десятидневный срок окончим все работы,— доложил капитан.

— Перебросьте всех освобождающихся здесь рабочих на укрепление, чтобы окончить его в недельный срок,— распорядился Стессель.— Ну, я, Роман Исидорович, поеду к себе в штаб,— проговорил генерал.

Когда он уехал, Кондратенко ласково потрепал по плечу Шевцова.

— Не принимайте близко к сердцу, Алексей Владимирович, стессельской выходки. Ведь вы знаете, он бранчлив, но отходчив. Не вы первый, не вы последний.

— Все это так, ваше превосходительство, но всему есть предел. На войне нервы иногда сдают, и тогда в ответ на брань он может подвергнуться также оскорблению,— взволнованно отвечал Шевцов.

— Твердо убежден, что ваши нервы не сдадут и вы сохраните свою всегдашнюю выдержку и спокойствие.

— Постараюсь, ваше превосходительство! Я хотел у вас просить на сегодняшний день прапорщика Звонарева, чтобы с ним посоветоваться по вопросам укрытия наших орудий.

— Если вы ничего не имеете против, я тоже приму участие в этом совете,— любезно проговорил генерал.

— Мы будем весьма польщены,— начал было Шевцов.

— Тогда пойдем сперва на форт номер три, а потом

на ваше укрепление,— решил Кондратенко, и все трое двинулись.

Уже поздно вечером, усталый и голодный, Звонарев распрощался с Кондратенко и Шевцовым и заехал на Залитерную батарею. Работы там шли полным ходом при свете прожектора. Около батареи был разведен костер, возле которого стояла походная кухня. Тут же возились Заяц и Белоногов. Поздоровавшись и отдав им свою лошадь, прапорщик спросил:

— Поручик где?

— На батарее. Ни днем, ни ночью сам не спит и другим не дает,— жаловались солдаты.

Подойдя к месту работы, Звонарев тотчас услышал зычный голос Борейко.

— Трамбуй, черти, веселей, крепче бетон будет! Добавь тут еще два вершка. Куда, голова елова, прешь, правей бери! — доносились крики с батареи.

— Здорово, Сережа! Что давно к нам не заглядывал? Возле Вари все сидишь? Надоест это потом, когда на всю жизнь пришит к ней будешь.

— Новое придумай, Боря, да что-нибудь поинтереснее,— обиделся прапорщик.

— Ладно. Вот что, друг, мои ребята надумали тут одну штукенцию, а только я не знаю — можно это делать или нельзя. Хохлы наши, Денисенко и Гайдай, предложили в бетон класть для большей прочности железные балки и рельсы. Меня же сомнение берет — не проржавеют ли они в мокром бетоне. Денисенко, поди-ка сюда! — окликнул он проходившего мимо матроса.— Расскажи-ка прапорщику, как ты хочешь связать между собой рельсы.

— Просверлить их подошвы и взять на болты. Лебедкин первую партию уже собрал, получается вроде железной плетенки,— объяснил матрос.— И проржаветь рельса не должна,— дюже она толстая, не скоро ее ржа проест.

— Посоветуюсь с инженерами, что они скажут,— осторожно ответил прапорщик.

К ним подошел Жуковский.

— Опять наш Борис Дмитриевич по-своему хочет делать. По-моему, эти рельсы только ослабят бетон. Он будет не монолитным, а весь пронизан железом и при первом попадании станет отваливаться по кускам. Как вы считаете, Сергей Владимирович? — обратился капитан к Звонареву.

— По-моему, выдумка не дурна, но все же я спрошу инженеров. Не плохо было бы и вам так же свою батарею переделать.

— Ой, что вы! Мы и так по вашему приказанию без малого всю батарею перестроили, а тут еще новая переделка. Бог не без милости, и на этих батареях выдержим осаду, если только японцы сюда доберутся. У вас там в высших сферах ничего не слышно о Маньчжурской армии? Что Куропаткин делает? Скоро ли нас освободят от японцев? — спросил Жуковский.

— Насчет Куропаткина пока ничего не слышно.

Звонарев справился, как обстоит дело с освещением, вентиляцией и другим оборудованием.

— Все сделаем. На батареях у нас будет не хуже, чем на Электрическом Утесе. Водопровод и тот проведем. Нашли небольшой родничок, расчистили, завели его в трубу, получилось чисто и хорошо. Днем жарища, солнце палит немилосердно, а у нас под руками всегда свежая вода, и работать веселее,— хвастался Борейко.— Если бы все батареи были такие, как моя Залитерная, никогда японец не взял бы Артура; строю я ее вместе с солдатами, с ними обо всем советуюсь, и они из кожи лезут, чтобы все было покрепче да получше.

Звонарев пообещал исполнить все данные ему поручения и, сев на лошадь, тронулся в Артиллерийский городок.

На квартире он застал обед, присланный от Белых.

— Мария Фоминична предлагает нас с вами взять к себе в нахлебники,— пояснил ему Гобято.— Вернее, конечно,— вас, а меня только из приличия к вам пристегивает.

— Поэтому я решительно отказываюсь.

— Увы, я уже дал согласие и за себя и за вас и даже внес сто рублей,— улыбнулся Гобято, который заранее договорился обо всем с Варей.

Звонарев сердито вздохнул, но больше не протестовал.

Через день, когда Звонарев днем проезжал по Новому городу мимо домика Ривы, она окликнула его в окно.

— Сережа, поверните хотя бы голову в мою сторону, а то я на вас обижусь. Загордились, сил нет. Еще бы, не сегодня-завтра станете генеральским зятем! — смеялась она.

— Ривочка, хоть вы пощадите меня. Мне и так нигде не дают проходу,— взмолился Звонарев, останавливаясь у окошка.

— Слезайте-ка с лошади, поставьте ее во дворе и заходите к нам,— пригласила Рива.

Прапорщик въехал во двор, спешился, отпустил подпруги и, привязав лошадь чумбуром около сарая, весь

пропыленный и пахнущий конским потом, развалистой походкой кавалериста, с плеткой в руках, вошел в комнату.

— Андрюша вас зовет,— сказала Рива из-за двери спальни.

Звонарев вошел в спальню. Акинфиев лежал на кровати.

— Что это ты валяешься среди дня? — удивился Звонарев.

— Собираюсь с силами перед походом.

— Каким походом?

— Завтра с рассветом выползаем наконец из Артура.

— Опять надуете?

— Нет, теперь уже без обмана. Вылезли бы на свет божий еще сегодня, да Зацаренный, командир «Победы», заболел желтой лихорадкой. Вместо него с «Паллады» назначили временно Сарнавского, а на «Палладу» — с «Амура» Иванова. Пока командиры приняли свои новые корабли, прилив прошел и пришлось ждать новой высокой воды до завтрашнего утра,— пояснил Андрюша.

— Как же это так? — изумился Звонарев.— Перед самым выходом корабля в бой на него назначают нового командира? Не проще ли было заболевшего командира заменить его старшим офицером?

— Что ты! Этого никак нельзя. Вышло бы, что броненосцем командует капитан второго ранга Рухлов, а капитан первого ранга Сарнавский — всего только крейсером. Им было бы очень обидно,— совершенно серьезно возражал Акинфиев.

— В боевой обстановке не приходится считаться с личными обидами. Старшие офицеры знают всех и вся на корабле, и их все знают, поэтому было бы рациональнее им и поручить командование кораблем в бою, раз заболел командир.

— Ты рассуждаешь по-сухопутному. У нас, моряков, такой порядок не принят.

— И очень жаль. Завтра заболеет лихорадкой или просто медвежьей болезнью еще какой-нибудь командир, и опять начнется перетасовка всех командиров на эскадре.

— У нас иначе нельзя,— пытался было еще возражать Андрюша, но сам понял несостоятельность своих возражений и замолк.

— Думаете вернуться назад в Артур или попытаетесь прорываться во Владивосток или нейтральные порты?

 — Как наш Виля решит, а решит он в зависимости —

какая из мозолей у него будет больше болеть: правая или левая. Я думаю, что даже сам бог не знает, что ему взбредет в голову.

— Интересно знать, кому же взбрело в голову назначить его командующим эскадрой?

— Наместнику. Но мы ждем приезда в Артур нового командующего флотом, адмирала Скрыдлова, да он застрял где-то по дороге. Совсем было уже садился в поезд, да в это время какому-то матросу в Николаеве приснилась чудотворная икона божьей матери, которая будто бы должна спасти Артур. Сообщили об этом в Питер Победоносцеву. Тот решил, что прежде чем эта икона не будет написана, освящена и поднесена Скрыдлову, ему ехать сюда нельзя. Теперь не то икону эту пишут со слов сновидца-матроса, не то возят ее по каким-то мощам для освящения, а Скрыдлов в ожидании прохлаждается в Питере.

— Витгефту, может быть, тоже что-нибудь привидится во сне, и он опять не захочет выйти в море,— усмехнулся Звонарев.— Откуда ты узнал эту историю с иконой?

— Китайцы привезли на джонках несколько номеров газеты «Чифу-Пресс», там все это рассказано. Это столь невероятная чушь, что едва ли правда.

— Раз чушь, значит,— будь спокоен,— наверное, правда. Что-что, а всякая такая галиматья у нас очень в ходу.

Вскоре Звонарев распрощался и ушел.

Пора было идти на пристань, где Андрюшу ждала шлюпка с «Севастополя». Он и Рива крепко обнялись и вместе вышли из дому. Спотыкаясь в темноте, поддерживая друг друга, они кое-как добрались до пристани. Здесь уже расхаживал по набережной, поджидая их, сам командир «Севастополя» Николай Оттович Эссен.

— Прошу извинить меня за опоздание, господин капитан первого ранга,— подошел к нему Акинфиев.

— Я сам тоже только что подгреб сюда, Андрей Михайлович,— успокоил его Эссен.— Имею честь кланяться, сударыня! — поздоровался он с Ривой.

— Так вы, Николай Оттович, думаете, что эскадра вернется обратно в Артур? — спросила Рива.

— Пути начальства неисповедимы, но угольные ямы ни на одном корабле не загружены полностью. Очевидно, во Владивосток мы не пойдем. Значит, или будем прорываться в нейтральные порты, или вернемся обратно,— ответил Эссен.

Отвалив от пристани, шлюпка исчезла в темноте.

Стессель был вне себя. Он ходил большими шагами по кабинету и потрясал только что полученной телеграммой о своем отзыве из Артура в Маньчжурскую армию.

— Вы все расшифровали верно, Виктор Александрович? — уже не в первый раз спрашивал он у Рейса.

— Ошибки быть не может, ваше превосходительство,— ответил полковник с невозмутимым видом. В противоположность своему генералу он был, как всегда, сдержан и спокоен. Его румяное, гладко выбритое лицо не выражало ни тени волнения. Серо-голубые проницательные глаза холодно смотрели на взбешенного генерала.

— «Ввиду отхода войск вверенного вам района на передовые позиции крепости, предлагается вам немедленно по получении этой телеграммы сдать командование войсками генералу Смирнову, а самому, при первой возможности, выехать из Артура, используя для этого, если понадобится, один из быстроходных крейсеров эскадры. Генерал-адъютант Куропаткин»,— еще раз громко прочитал Стессель злополучную телеграмму.— Это все козни Смирнова и моряков. Они спят и во сне видят выжить меня из Артура! Но они просчитаются! Стессель без боя не сдастся! Я еще сумею свести с ними счеты. Кто, кроме вас и меня, знает содержание этой телеграммы?

— Никто, ваше превосходительство! Я лично ее расшифровал.

— Но тут ведь имеется указание, что в копии она послана Витгефту и Смирнову.

— Обе эти копии попали тоже к нам в штаб.

— Надеюсь, вы их не отправили по назначению?

— Не считал возможным это сделать без ваших на то непосредственных указаний.

— И прекрасно. Пока задержите их, а я обдумаю, что мне следует предпринять. Через час прошу вас зайти ко мне за распоряжениями,— отпустил генерал своего начальника штаба.

Как только Рейс ушел, Стессель с телеграммой в руках направился к жене. По хмурому, расстроенному виду мужа Вера Алексеевна поняла, что произошло нечто весьма важное, и поспешила увести его в спальню, где у них всегда происходили секретные совещания.

— Что случилось? Фок отступает? Тебя подчинили морякам? Умер Куропаткин? В России беспорядки? — засыпала мужа вопросами Вера Алексеевна.

 Генерал молча протянул ей телеграмму. Нацепив на

нос пенсне, генеральша медленно вслух прочитала ее два раза.

— Кто о ней знает, кроме тебя, в Артуре?

— Только Рейс.

Вера Алексеевна на минуту мрачно задумалась, а потом сразу расцвела.

— А зачем тебе ее получать, Анатоль? — уже весело спросила она.

— То есть как зачем получать, коль она уже получена? — не понял генерал.

— Но она ведь могла и пропасть. Ее мог выбросить за борт по дороге лодочник, когда его начали преследовать японцы, наконец, он просто мог погибнуть сам по дороге и не доставить этой телеграммы,— пояснила генеральша.

— Ничего не понимаю. Посланец благополучно добрался до Артура и передал почту по назначению. Он вернется в Чифу к консулу Тидеману и представит ему нашу расписку в получении почты.

— Вы слишком поторопились дать ему расписку.

— Может быть, Рейс еще не рассчитался с ним?

— Надо это узнать, а затем помешать лодочнику вернуться обратно в Чифу.

— Это не в моих силах. Да и какой в этом смысл?

— Какой ты непонятливый, Анатоль: вернувшись в Чифу, он сообщит Тидеману, что телеграмма тебе доставлена, а тот — Куропаткину... Если же он не вернется в Чифу, то Тидеман сочтет его погибшим...

— ...и пошлет другого.

— Ну, пока что — пройдет довольно много времени, и мы что-нибудь придумаем.

— Значит, лодочника, по-твоему, надо арестовать? — с трудом соображал Стессель.

— Особенно церемониться с ним не следует. Арестованный может быть потом освобожден и начнет рассказывать о своих приключениях.

— Так ты думаешь...

— Я не только думаю, но и твердо знаю, что глупее тебя в Артуре нет человека,— обозлилась Вера Алексеевна.— С посланцем я сама улажу дело, а ты вели Рейсу сейчас же уничтожить все копии с телеграммы и забыть, что он ее когда-либо получал. Понял?

— Значит, ты находишь, что ее следует скрыть?

— Слава тебе господи, сообразил-таки наконец.

— Но если Рейс разболтает?

— Он совсем не такой дурак, как ты, и прекрасно понимает, что, пока ты находишься в Артуре, ему обеспече-

но спокойное место начальника твоего штаба, а если власть перейдет к Смирнову, то ему немедленно придется вернуться в свой полк.

Стессель стал постепенно понимать план своей жены: телеграмму скрыть, приказать Рейсу молчать, обезвредить лодочника и ждать, что будет дальше.

— Ты задумала рискованное дело,— обернулся он к жене.

— Во-первых, если все хорошенько заранее обдумать и предусмотреть, риска нет, а во-вторых, на войне без риска не обойдешься. Вызови сегодня же в Артур Фока и устрой совещание с ним и Рейсом, я тоже на него приду,— распорядилась Вера Алексеевна.

— Хотя я и не совсем понимаю, зачем это надо сделать, но раз ты так хочешь, будь по-твоему,— смирился Стессель и направился к двери.

— Прикажи Познанскому арестовать лодочника, якобы за утерю секретных бумаг, и обвини его в том, что он их передал японцам.

— Так его за это надо будет повесить? — удивился генерал.

— Одним человеком больше или меньше — все равно, но мы избавимся от нежелательного свидетеля.

— Так бы ты мне сразу и сказала, что лодочника надо вздернуть.

— Когда ты, Анатоль, поумнеешь? — сокрушенно вздохнула генеральша.

Генерал решительными шагами направился к себе в кабинет.

Лодочник был в тот же вечер арестован и, по приговору военно-полевого суда, повешен как японский шпион.

Рейс заверил генерала в своей скромности, и Стессель несколько успокоился. Полученное от моряков сообщение о выходе эскадры завтра в море окончательно вернуло начальнику укрепленного района утраченное было им душевное равновесие. А Вера Алексеевна включила в свой поминальный список новопреставленного раба божьего «имя же его ты, господи, веси».

Было еще совсем темно, когда суда эскадры поодиночке начали вытягиваться на внешний рейд. Сперва вышел караван тральщиков, за ним тронулись крейсера «Новик» и миноносцы, позже вышли крейсера «Диана», «Аскольд» и броненосцы «Севастополь», «Полтава», «Цесаревич», «Пересвет», «Победа» и «Ретвизан». В хвосте шли крейсера «Баян» и «Паллада». К восьми часам утра выход

судов, продолжавшийся больше четырех часов, был закончен, и только около полудня эскадра двинулась с внешнего рейда в море. На правом траверзе ее, равняясь по головному броненосцу, шел отряд из семи миноносцев и двух минных крейсеров.

Видимость все время была отличная, море оставалось совершенно спокойным. Японцы маячили на горизонте, не решаясь подойти к эскадре.

Лейтенант Акинфиев находился рядом с Эссеном на переднем мостике броненосца «Севастополь» и в бинокль наблюдал за происходящим в море.

Около шести часов вечера, уже перед закатом солнца, на горизонте появился японский флот, шедший на пересечение русской эскадре. На всех судах пробили боевую тревогу, подняли стеньговые флаги и, приготовившись к бою, пошли на сближение с неприятелем.

Тихоходный «Севастополь» едва поспевал за идущим впереди «Пересветом». Эссен нервничал, ругался и требовал от механиков увеличения числа оборотов.

— Не броненосец, а старая калоша,— ворчал он.— Андрей Михайлович, я попрошу вас следить за сигналами адмирала,— обернулся он к Акинфиеву.

— Есть следить за сигналами адмирала,— вытянулся лейтенант.— Разрешите отправиться на фок-марс, так как отсюда за дымом сигналы плохо видны.

Эссен разрешил, и Акинфиев с одним из сигнальщиков поспешил туда забраться. Здесь уже находился артиллерийский офицер лейтенант Диков с дальномером.

Андрюша огляделся. Солнце, близкое к закату, четко освещало безграничную водную равнину чуть взволнованного моря. На светлом фоне неба вырисовывались силуэты идущих в кильватер судов. Дым из многочисленных труб стлался по поверхности моря, вправо от эскадры, закрывая весь горизонт. Слева, на расстоянии около семидесяти кабельтовых, на параллельном курсе шла японская эскадра из восемнадцати вымпелов. Впереди виднелись крейсера «Якумо», «Асама», «Касаги», «Читосе», «Такасико» и «Ниитака», за ними двигались главные силы: броненосцы «Микаса» под флагом адмирала Того, «Асахи», «Фуджи», «Шикишима» и броненосные крейсера «Ниссин» и «Кассуга»; шествие замыкали шесть легких крейсеров. Вдали на горизонте маячили десятка два миноносцев. В это же время справа показались идущие контркурсом четыре старых броненосных крейсера с броненосцем береговой обороны «Чин-Иен» во главе и

еще около десятка миноносцев. Было очевидно, что Того успел собрать к Артуру все свои силы.

— Вот так неожиданный выход в море,— возмущался Андрюша.— Три дня собирались да полдня выходили из гавани — за это время японцы из-под Владивостока могли подтянуть сюда все свои силы.

— Да, почти шестьдесят вымпелов против двадцати наших,— отозвался Диков.— Правда, у нас шесть броненосцев против их четырех, но этим и исчерпывается все наше преимущество.

— Какая у тебя дистанция? — крикнул Диков в мегафон дальномерщику в боевой рубке.

— Шестьдесят два кабельтовых.

— А у нас? — спросил он у своего дальномерщика.

— Пятьдесят девять кабельтовых.

— Что за черт! Какой же из них врет? — недоумевал артиллерийский офицер.

— Это нужно было выяснить в Артуре до выхода в море, а не сейчас! — возмутился Акинфиев.— Идем в бой и даже не знаем, какой из дальномеров испорчен, а какой нет!

— Прошу без замечаний, господин Акинфиев,— окрысился Диков.

— Ваше благородие,— доложил в это время сигнальщик.— «Цесаревич» ложится на обратный курс.

Акинфиев взглянул на головной корабль. «Цесаревич» повернул на шестнадцать румбов и лег на обратный курс. За ним последовали «Ретвизан», «Победа» и все остальные. Проходя мимо «Севастополя», «Цесаревич» поднял сигнал: «Идти за мной в Артур».

Акинфиев плюнул с досады и поспешил с докладом к Эссену. Командир ответил на сообщение бранью по адресу Витгефта.

— Завтра же отправлюсь к Стесселю и попрошу мне дать хотя бы роту в стрелковом полку,— сердито кричал он.— Быть сейчас моряком просто позорно! Отступать без единого выстрела, без малейшей попытки завязать бой! Нет, это свыше моих сил.

Как ни возмущался Эссен, все же ему пришлось подчиниться и вместе с эскадрой возвращаться назад в Артур.

Быстро темнело. Большие неприятельские суда, без выстрела заставив вернуться русскую эскадру в Артур, стали отставать и скоро скрылись в ночной темноте. Вместо них со всех сторон появились японские миноносцы, явно готовящиеся к атаке.

С «Цесаревича» был поднят сигнал: «Крейсерам держаться на правом траверзе, миноносцам — на левом». Прибавив ход, «Аскольд», «Баян», «Паллада» и «Диана» вышли вправо от броненосцев, а «Новик» влево от них и приготовились прикрыть главные силы от минных атак с флангов.

С «Цесаревича» опять засигналили уже по-ночному — фонарями.

— Приготовиться к отбитию минной атаки,— доложил Эссену сигнальщик.

— Бить дробь-тревогу! — приказал командир.

Матросы бросились к своим местам по боевому расписанию. Акинфиев направился в кормовую башню, где он должен был находиться во время боя. Там два комендора с матросами при свете слабых электрических лампочек возились у орудий, то и дело вглядываясь в ночную тьму. Оба орудия были заряжены, в беседках лежали приготовленные к следующему выстрелу снаряды.

— Ночью, братцы, японец нам покою не даст,— обратился к матросам Акинфиев.— Придется вам находиться при орудиях, поэтому запаситесь провиантом.

— Так точно, ваше благородие. Матросский дух через еду поднимается,— ответил лейтенанту артиллерийский квартирмейстер.— Башкин и Гриценко, живо летите в камбуз к баталеру за харчами!

Где-то впереди показался луч прожектора, и тотчас по морю пронесся гул орудийного выстрела, за ним другой, третий, и загрохотала сразу вся эскадра.

Акинфиев вышел из башни. По морю бегали многочисленные лучи прожекторов. Впереди, на левом крамболе, смутно темнел Ляотешань. С берега, навстречу эскадре, тянулись тонкие светлые ленточки крепостных прожекторов. Крейсера опять вступили в кильватер главным силам, и только «Баян», развивая ход до предельного, обгонял эскадру, чтобы идти форзейлем, миноносцы и «Новик» составляли арьергард.

— Любуетесь боевой картиной? — подошел к Акинфиеву один из офицеров.— Не правда ли, красиво?

— Не столько любуюсь, сколько негодую,— сердито ответил Андрюша.

— Еще неизвестно, что дальше будет. Быть может, переночуем у Артура, а наутро поплывем прямо во Владивосток.

— Зачем же тогда делали сегодняшнюю прогулку?

— Чтобы поразмять и командиров и команды, а то ведь мы совсем замшели в артурской луже. Кроме того,

японские миноносцы за сегодняшний день сожгут уголь, израсходуют воду и расстреляют свои мины, и им будет необходимо зайти в свои порты для пополнения. Следовательно, выдержав дневной бой с японцами, которые особенного преимущества в броненосных кораблях перед нами не имеют, мы за ночь проскочим Корейский пролив, а в Японском море нас встретят владивостокские крейсера.

— Угля у нас хватит на переход во Владивосток?

— Если понадобится, завтра с утра догрузим.

— Все это, конечно, вполне возможно, очень разумно и выполнимо, но при одном условии: чтобы эскадрой командовал не Витгефт.

— Миноносцы на левом траверзе! — крикнул один из комендоров в башне, и тотчас же оба орудия дали залп.

— Кто разрешил стрелять? Какой прицел? — кинулся Акинфиев к комендорам и, не дожидаясь ответа, побежал на командирский мостик. С броненосца раздалось еще несколько беспорядочных выстрелов.

— Прекратить огонь! Не сметь стрелять без команды! — ревел в мегафон Эссен.

Офицеры набросились на матросов и в первую голову на унтеров.

— За чем, сука, смотришь? — орал Диков в соседней башне на артиллерийского кондуктора.— Нашивки сорву!

Унтеры и кондукторы, в свою очередь, полушепотом злобно ругали матросов и угрожали им пинками и зуботычинами. Нарушенный было порядок постепенно восстановился.

Между тем эскадра, отбиваясь от наседавших на нее миноносцев, подошла уже к самому Артуру и стала вдоль берега в две линии, головой за Электрическим Утесом, а хвостом у Белого Волка. Крейсера расположились мористее броненосцев.

Мощные крепостные прожектора, расположенные на Крестовой горе и у Белого Волка, освещая эскадру с флангов, своими лучами образовали столь сильную световую преграду, что сквозь нее не мог проскочить незамеченным ни один японский миноносец. Каждый раз, когда они целыми отрядами бросались в атаку на русскую эскадру, их тотчас замечали и они попадали под сосредоточенный огонь береговых батарей и кораблей эскадры. Опасаясь потерь, японские миноносцы выпускали торпеды с большой дистанции и поспешно удалялись в море. В результате ни одна выпущенная торпеда не достигла цели, а несколько японских миноносцев выбыло из строя.

Так совместными усилиями берега и флота все вражеские атаки были полностью отбиты.

Белый всю ночь находился на сигнальной станции у моряков и отсюда руководил огнем береговых батарей. На этот раз даже Стессель, наблюдавший за боем с Золотой горы, не мог не признать пользы взаимодействия берега и флота.

Около самого места стоянки «Севастополь» чуть не протаранил впереди идущий «Пересвет» и, избегая столкновения, выкатился из строя влево. Под ним произошел взрыв мины. Броненосец сильно вздрогнул и повалился на левый борт. Огромный столб воды обрушился на палубу.

Андрюша Акинфиев в момент взрыва был в башне, которая тотчас же наполнилась тяжелым черным дымом с острым запахом. Из патронного элеватора тоже выбросило огонь и дым. Лейтенант потерял сознание. Увидя падающего офицера, матросы бросились было к нему на помощь, но броненосец продолжал угрожающе крениться на левый борт, и они поспешно выскочили из башни.

В это время на палубе под командой Эссена энергично развертывались работы по спасению корабля. Повреждения оказались незначительными. Спустив на воду гребные суда, матросы быстро подвели пластырь, и «Севастополь» полным ходом двинулся к берегу в бухту Белого Волка на мелководье.

Старший офицер доложил, что пробоина ниже броневого пояса, между двадцать третьим и тридцатым шпангоутами, и что, кроме того, пришлось затопить вследствие начавшегося от взрыва пожара патронный погреб и первую угольную яму, а заодно и прилегающие коридоры.

— Водонепроницаемые переборки выдерживают напор воды? — справился Эссен.

— Их сильно выпучило, но пока что они держат.

— Все же немедленно пошлите их укрепить.

— Лейтенант Акинфиев при взрыве отравлен газами,— доложил подошедший матрос,— их унесли в каюту.

— Сейчас же послать туда врача,— забеспокоился Эссен.— Как это его угораздило? Никто, кроме него, кажется, не пострадал?

— Еще два матроса блюют за борт, тоже газу наглотались, но те, должно, скоро очухаются,— добавил матрос.— Лейтенант Акинфиев еще слабый после ранения на «Страшном», они поэтому и сомлели.

Затем Эссен приказал затопить для выравнивания кре-

на три коридора с правого борта и наблюдать за состоянием переборки у порохового погреба.

Через минуту загрохотала цепь отданного якоря, и броненосец, слегка вздрогнув, остановился.

Пока «Севастополь» справлялся с починкой своей пробоины, остальная эскадра была занята отбитием минных атак японцев.

Когда в четвертом часу утра на востоке начало светать, японцы поспешили уйти в море. Лучи прожекторов постепенно поблекли и растаяли в наступающей заре. На всех кораблях усиленно засемафорили, донося флагману о своих потерях и повреждениях. Вскоре к подорванному «Севастополю» подошло несколько портовых пароходов с мощными спасательными средствами. Прибыл и главный инженер порта Кутейников с бригадой рабочих. Водолазы немедленно осмотрели пробоину, которая оказалась площадью около четырех квадратных саженей.

— Счастливо вы отделались, Николай Оттович,— обратился Кутейников к Эссену.— Во тьме кромешной подвести пластырь под такую пробоину дело далеко не легкое. Кроме того, вы приняли на левый борт около тысячи тонн воды и легко бы могли совершить сальто-мортале килем вверх.

— Мы его избежали, затопив отсеки противоположного борта. Когда можно рассчитывать на окончательный ремонт корабля? — спросил Эссен у инженера.

— Минимум месяц, если не больше, так как вы в док не влезете, работы придется вести при помощи кессона, что требует больше времени.

— Для Витгефта и его компании это будет подходящим предлогом, чтобы еще месяц сидеть сложа руки в Артуре,— мрачно проговорил Эссен.

Около семи часов утра «Севастополь» на буксире был введен в гавань, где и ошвартовался у набережной.

Акинфиев едва добрался до квартиры Ривы и сразу слег. Врачи определили у него воспаление легких и признали положение тяжелым.

Утром десятого июня Звонарев с удивлением увидел, что эскадра почти вся вышла на внешний рейд, в гавани осталось всего два-три корабля, и те подтягивались к проходу. Сев на лошадь, он широкой рысью направился к укреплению, носившему название Большого Орлиного Гнезда. Расположено было оно на второй линии сухопутной обороны, между вторым и третьим фортами, и счита-

лось одним из основных узлов обороны. Вздыбленная в небо, отдельно стоящая скалистая гора была увенчана сильным редутом и батареей дальнобойных шестидюймовых пушек Канэ. Естественная крепость этой позиции была так велика, что оборонительные сооружения здесь сводились лишь к постройке в скале казематов для гарнизона и пороховых погребов и насыпке стрелковых валов.

Со скалы открывался широкий вид как в сторону суши, так и на море, поэтому Орлиное Гнездо имело исключительно важное значение как передовой артиллерийский наблюдательный пункт. Учитывая это, Кондратенко уделял ему весьма большое внимание и часто бывал там. Сегодня Звонарев также должен был встретиться здесь с генералом. Подъехав к укреплению, прапорщик спешился и стал карабкаться по узенькой крутой тропинке вверх.

На Орлином Гнезде он застал много народу: кроме обычных рабочих, солдат и китайцев, занятых на работах по укреплению, сюда собралось много офицеров, служащих различных учреждений города, портовых рабочих, внимательно наблюдавших за действиями эскадры и старавшихся угадать ее дальнейшие намерения.

— Сегодня наши морячки настоящие именинники,— проговорил Кондратенко, здороваясь с Звонаревым.— Весь Артур высыпал, чтобы поглядеть на эскадру. Сам Стессель поскакал на Золотую гору с Белым и Никитиным.

— Я, откровенно говоря, не верил, что моряки выйдут из Артура,— признался Звонарев.

— И теперь приятно разочарованы? Дай бог им встретить не всю эскадру Того, а только ее часть. Со всей нашим, конечно, не справиться, частями же, быть может, как-нибудь и одолеют.

К ним подошли несколько человек инженеров и офицеров, и начался общий разговор.

— Наши адмиралы слишком трусливы, чтобы осмелиться принять бой; поверьте, как только они увидят эскадру Того, то обменяются с ним парой выстрелов и побегут до дому. Готов пари держать! — горячился Рашевский.

— Вы, Сергей Александрович, несправедливы,— возражал Кондратенко.— Громадное превосходство японцев на море заставляет Витгефта быть осторожным и не рисковать зря, поэтому-то он и не выходит в море.

Был уже полдень, когда эскадра наконец тронулась с внешнего рейда, провожаемая тысячами самых разнообразных напутствий. Кондратенко с Звонаревым

поехали на Золотую гору для свидания со Стесселем.

— Выпроводили наконец-то самотопов в море,— радостно обратился Стессель к Кондратенко.— С самого утра жду здесь, когда они наконец уйдут.

Как только эскадра скрылась за горизонтом, Стессель двинулся домой, захватив с собой и Кондратенко.

Усталый Звонарев пошел к себе отдохнуть и лег спать.

Проснувшись поздно вечером, он подошел к открытому окну.

На него пахнуло ночной прохладой и запахом гниющих морских водорослей. Весь Артур был погружен в вечернюю мглу, улицы слабо освещались молодым месяцем. Из порта доносился стук молотов и тяжелое дыхание паровых машин.

— Сергей Владимирович, ау! — окликнула Звонарева с улицы Варя.— Я уже с полчаса ожидаю, когда вы наконец проснетесь. Заходила два раза, и ваш денщик все время докладывает: «спять». Что вы ночью-то будете делать?

— Гулять,— ответил Звонарев.

— Я хочу вам показать заграничный журнал, где изображен Утес и Борейко. Закройте окно и зажгите лампу,— распоряжалась девушка.

Звонарев повиновался.

Девушка вошла, держа в руках стопку иностранных газет и иллюстрированных журналов. Тут были «Норд Чайна дейли ньюс», «Шанхай пресс», «Джапан таймс» и, кроме того, несколько американских журналов.

Варя раскрыла один из них и показала снимок Электрического Утеса. Рядом в овале был помещен портрет смеющегося Борейко.

— «Электрейшен рок энд хёр коммодор кептэн Борейко»,— прочитала Варя.— Видите, как вашего Медведя возвеличили: сразу и в капитаны произвели, и сделали командиром Электрического Утеса. А здесь помещены и вы.— И Варя показала группу инженеров во главе с Кондратенко, среди которых Звонарев увидел и себя.

— Так это всего неделю назад нас снимал германский военно-морской атташе капитан Гопман,— удивился прапорщик.

— Есть снимки и поновее,— лукаво улыбнулась Варя.

Перелистывая журналы, они наткнулись на фотографию Стесселя, снятого во время раздачи наград на Электрическом Утесе.

— Кто же это снимал? — недоумевал Звонарев.— Я не видел ни одного фотографа.

— Да этот противный Гантимуров. Он разъезжает по Артуру да все и всех фотографирует. И потом свои снимки за приличную цену продает иностранным журналам,— мрачно проговорил подошедший к ним Гобято.— Мало того, что у нас тут кишмя кишит японскими шпионами, им, оказывается, еще помогают личные адъютанты Стесселя.

— Если только сам Стессель не состоит на содержании у них,— добавил Звонарев.

Внезапно покой тихого артурского вечера был нарушен глухими раскатами отдаленного грома.

— Надвигается гроза,— заметила Варя.— Днем было слишком душно.

Гобято подошел к барометру и постучал по стеклу.

— Едва ли это гроза, вернее, с моря доносится гром орудийной стрельбы,— сказал он.

— В такой темноте ничего не увидишь и, во всяком случае, перепутаешь свои корабли с чужими. Нет, это, конечно, отдаленная гроза,— настаивала Варя.

— Выйдем во двор, там должны быть видны зарницы,— предложил Звонарев.

Все трое спустились на улицу и пошли к набережной в порту. В юго-восточной части неба беспрерывно сверкали не то зарницы, не то отблески выстрелов.

— Видите, я права,— указала на них Варя.

Но гулко раздавшиеся один за другим четыре выстрела тут же рассеяли всякое сомнение.

— Эскадра с боем возвращается в Артур,— догадался Гобято.— Надо сообщить сейчас же об этом Василию Федоровичу.— И они поспешили к квартире Белых. Но генерала они застали уже садившимся верхом на лошадь.

— Папа, я с тобой,— попросилась Варя.

— Только живо,— ответил Белый.— Присоединяйтесь ко мне, господа, я еду на Золотую гору,— заторопился генерал и, не дожидаясь, рысью тронул свою лошадь.

— Пойдем-ка по прохладе, Сергей Владимирович, пешком,— предложил Гобято.

Они по крутой тропинке стали напрямик подниматься на Золотую гору. Эскадры еще не было видно, но свет ее прожекторов уже ясно проступал на горизонте. По мере ее приближения канонада усиливалась. Было очевидно, что эскадра идет под защиту береговых батарей, отбиваясь от японских миноносцев.

Белый хриповатым баском громко отдавал нужные распоряжения:

— Стрелять только Белому Волку. Стрелковой бата-

рее и Утесу на предельных прицелах, чтобы не попасть в своих!

Солдаты-телефонисты и матросы-сигнальщики торопливо начали передавать это распоряжение на батареи.

Вскоре открыла огонь батарея Электрического Утеса, за нею загрохотала Стрелковая батарея и глуше отдаленная Двадцать вторая. Весь берег ожил, гремя то сразу целыми залпами, то одиночными гулкими выстрелами. Эскадра тем временем стала на якорь под берегом.

Никогда еще с самого начала войны Артур не слыхал такой сильной канонады. Выстрелы судов и батарей сливались в один сплошной гул. Стоявшие на рейде корабли казались большими факелами. Сухопутные батареи огненными полосами проступали на темном фоне берега.

Вскоре на Золотую гору подъехал Стессель. Едва успев слезть с лошади, он во всеуслышание разразился площадной бранью по адресу Витгефта и моряков.

— Если они с рассветом не уберутся обратно в море, прикажу береговым батареям перетопить всю эту сволочь! — кричал генерал.

— Мы не знаем еще, в каком состоянии эскадра, какие потери на судах. Быть может, она настолько сильно пострадала в бою, что ей необходимо было вернуться,— пытался урезонить его Белый.

— Запросите адмирала о потерях и доложите мне,— распорядился Стессель.

Вскоре ему доложили, что на эскадре потерь нет и только «Севастополь» случайно подорвался на мине. Это сообщение вызвало у генерала новый припадок бешеной ругани по адресу флота.

— Трусы, подлые изменники! С рассветом я пошлю Витгефту ультиматум: или немедленно уходить в море, или я обстреляю их с берега. Пусть все батареи будут готовы к этому! — приказал генерал.

Все же к утру эскадра втянулась на внутренний рейд, и корабли снова мирно задымили в артурском рейде гавани.

Возвращаясь домой вместе с Никитиным, Стессель проезжал мимо Пресного озера. Русские и китайские ребята, громко смеясь, бросали с берега камни в воду. На воде плавали какие-то разноцветные пятна, в которые мальчишки старались попасть. Никитин удивленно всматривался и никак не мог понять, что собою представляют эти движущиеся желтые, красные, голубые предметы. Наконец он подозвал к себе одного из мальчиков.

— Что вы здесь делаете? — строго спросил у него генерал.

— Лягушек надуваем.

— То есть как это надуваете? — недоумевал Никитин.

— Ловим лягушку, вставляем ей в задний проход соломинку и через нее надуваем. Затем бросаем ее в воду, она хочет нырнуть, воздух ее не пускает. Мы в них бросаем камнями, а чтобы заметнее было, красим в разные цвета,— деловито пояснил мальчик.

Генерал громко расхохотался.

— Вот если бы ты, Анатолий Михайлович, мог так же надуть наших самотопов и затем выгнать бы их в море! Авось тогда бы Витгефт осмелился вступить в бой с японцами!

И оба генерала отъехали, громко смеясь.

Вечером одиннадцатого июня к Стесселю приехали с передовых позиций Фок и начальник штаба района полковник Рейс. Друзья сидели в кабинете генерала, тут же находилась и Вера Алексеевна с неизменным рукоделием.

Стессель показал телеграмму Куропаткина об отзыве из Артура и сообщил о принятых по этому поводу мерах. Выслушав его, Фок молча походил по комнате и затем своим неприятным скрипучим голосом проговорил:

— Одной телеграммой дело, конечно, не ограничится. Тидеман будет тебя бомбардировать ими, пока не добьется извещения, что ты их получил. Конечно, с ответом торопиться не следует; чем больше пройдет времени, тем труднее тебе будет уехать отсюда: японцы подойдут к суше, а море забросают минами. Надо все же составить ответ и, в случае повторения телеграммы, сразу же послать его. Ответ я заготовлю сегодня вместе с Виктором Александровичем.

— Надо как следует продумать каждую фразу, каждое слово,— заметила Вера Алексеевна.

— Мы, конечно, его внимательно обсудим на нашем, так сказать, полусемейном совете,— с улыбкой ответил Фок.— С кем-кем, а с вами, многоуважаемая Вера Алексеевна, посоветоваться всегда полезно.

Фок и Рейс стали прощаться.

Едва они успели выйти, как перед домом Стесселя остановилась коляска и из нее вышел Эссен. Он был в парадной форме, при орденах, в белых перчатках, с палашом, в треуголке.

— Весьма рад видеть вас, Николай Оттович,— при-

ветливо встретил его генерал, высоко ценивший общеизвестную храбрость Эссена.

— В свою очередь, спешу засвидетельствовать вашему превосходительству глубочайшее уважение,— расшаркался моряк.— Прибыл я по личному и к тому же не совсем обычному делу.

— Всегда готов оказать вам, Николай Оттович, возможное содействие,— продолжал трясти руку Эссена генерал.— Прошу садиться.

Собеседники уселись друг против друга в мягкие кресла.

— Как известно, конечно, вашему превосходительству, эскадра после короткой прогулки в море вернулась в Артур. У адмирала Витгефта не хватило мужества и решимости, чтобы вступить в бой с японцами,— начал рассказывать Эссен.— Все это привело меня к решению покинуть флот и перейти в армию, которая по-настоящему ведет войну с врагом, а не бегает от него, как наша эскадра. Я приехал просить ваше превосходительство принять меня на службу в один из стрелковых полков хотя бы ротным командиром.

Стессель порывисто встал и горячо пожал руку Эссену.

— Вы благороднейший человек, Николай Оттович. Я вполне разделяю ваше возмущение действиями адмирала Витгефта и потрясен и взволнован честностью и благородством вашего порыва. Если бы все морские начальники держались таких же взглядов, то наш флот давно главенствовал бы на море. Я буду счастлив видеть вас в числе своих подчиненных. Как только вы освободитесь от обязанностей командира броненосца, вам будет предоставлена должность сперва помощника командира полка, чтобы вы могли приобрести известный опыт командования, а затем вы получите первый освободившийся полк.

— Я не смею рассчитывать на столь быстрое повышение по службе, ваше превосходительство: ведь я моряк.

— Храбрость и находчивость, которыми вы заслужили себе общее уважение, являются лучшим залогом успешности вашей деятельности как командира любой войсковой части.

— Я до глубины души тронут таким отношением ко мне, ваше превосходительство,— прочувствованным тоном ответил капитан и стал прощаться, но тут появилась Вера Алексеевна.

 — Я все слышала, Николай Оттович,— проговорила

она, здороваясь с Эссеном,— и также восхищаюсь вашим благородным поведением. Прошу в столовую на чашку чая.

Когда через час Фок и Рейс пришли к Стесселю, они застали моряка, который с горечью все еще рассказывал о всех перипетиях минувших суток.

После отъезда Эссена все перешли в кабинет. Фок достал из бокового кармана сложенную вчетверо бумагу.

— Мы набросали текст ответной телеграммы Куропаткину. «Ваше высокопревосходительство Алексей Николаевич...»

— Надо вставить «высокочтимый»,— перебила Вера Алексеевна.

— Можно,— ответил Фок и карандашом вставил в текст нужное слово.

— «Ваше высокопревосходительство высокочтимый Алексей Николаевич, предписание номер — там видно будет какой — я получил вчера. Предписание это меня крайне поразило, и я решаюсь высказать вам все то, что сопряжено, по моему глубокому убеждению, с немедленным его осуществлением. Меня хорошо знают, все войска...»

— Тут надо добавить: «любят меня и верят мне»,— опять вставила Вера Алексеевна.

— Справедливое замечание,— согласился Рейс.

— «...меня хорошо знают все войска, любят меня и верят мне,— продолжал Фок,— мой отъезд породит общее уныние...»

— Это как сказать: Смирнов, Витгефт и компания очень даже будут обрадованы,— бросил с места Стессель.

— Зато все честные люди будут огорчены,— возразила Вера Алексеевна.

— «...породит уныние, что теперь самое опасное, и упадок духа. Я неоднократно просил наместника разрешить мне выехать к корпусу, просил и в день его последнего отъезда...»

— Он уехал так быстро, что я даже не успел с ним повидаться,— проговорил Стессель.

— Это роли не играет,— ответил Фок, продолжая чтение: — «...но он категорически мне в этом отказал. Тогда, при обстоятельствах относительно спокойных, мне можно было выехать, теперь же, в такой острый период блокады, нельзя...»

— Хорошо,— одобрила генеральша.

— «Генералы Фок, Кондратенко, Белый, Никитин, Надеин дружно и от души работают со мной...»

— По-моему, Надеина можно вычеркнуть,— заметила

Вера Алексеевна,— а надо включить Виктора Александровича,— кивнула она на Рейса.

— Я поместил только генералов,— пояснил Фок,— а то надо будет перечислять всех командиров полков.

— Тогда опять добавьте: «и верят мне»,— настаивала генеральша.

— «...Генералы Фок, Кондратенко, Белый, Никитин дружно и от души работают со мной и верят мне».— Фок взглянул на Веру Алексеевну, которая одобрительно кивнула ему головой.

— «...Положение мое здесь, разумеется, гораздо труднее командования в поле. Повторяю, я просил разрешения уехать, когда это было возможно без ущерба для дела. Теперь же докладываю: будет большой ущерб делу, если я уеду отсюда. Если же мой отъезд из Артура все-таки будет признан необходимым, то сочту своим долгом принять все меры к выполнению вашего распоряжения, хотя в настоящее время сообщение Артура с внешним миром с каждым днем становится все затруднительнее вследствие усиления надзора со стороны японцев за всеми выходящими от нас судами. Да хранит вас господь на славу царю и родине»,— кончил Фок.

— Конец надо переделать,— не согласилась Вера Алексеевна: — «Да хранит вас господь на славу обожаемого монарха и горячо любимой родины».

Фок тут же внес предложенные изменения.

— Теперь я, с вашего разрешения, ваше превосходительство, все это зашифрую, чтобы в любой момент, когда понадобится, телеграмму можно было отправить в Чифу,— проговорил Рейс.

— Хорошо, я надеюсь, господа, на вашу скромность,— обратился Стессель к гостям.

— Само собой разумеется,— поспешили заверить генерала Фок и Рейс.

От Стесселя Эссен отправился на «Цесаревич» к Витгефту. Адмирал принял его, как всегда, с добродушной любезностью.

— Не везет вам, Николай Оттович,— посочувствовал он.— Из всей эскадры вчера пострадал только один ваш «Севастополь».

— Зато вам, ваше превосходительство, очень везет,— в тон адмиралу ответил Эссен.— Ночью без тралов стали на внешнем рейде, и только один мой «Севастополь» пострадал, а могло быть много хуже.

 — Царица небесная и Николай-угодник сохранили

остальные корабли,— прочувствованно проговорил Витгефт и взглянул на висевший в каюте образ Николая-чудотворца — покровителя моряков.

— Угодники — угодниками, но надо и самому обдумывать свои решения. Я вот и сейчас в толк не возьму, почему вы бежали в Артур от японской эскадры? — зло сказал Эссен.

— Нельзя было рисковать вступать в бой при почти тройном превосходстве сил противника,— пояснил адмирал.

— Я хотел вас, ваше превосходительство, спросить: долго вы еще намереваетесь сидеть в Артуре?

— Во всяком случае, до починки «Севастополя» я в море не выйду.

— Боюсь, что и после починки его тоже не выйдете.

— Будь моя воля — я вообще бы в море не выходил. В Артуре флот будет целее.

— Я прибыл к вам, чтобы заявить, что я совершенно не одобряю вашего образа действий и считаю вчерашнее поведение эскадры позорным,— одним духом выпалил Эссен.

— Это дерзость с вашей стороны! — вскипел адмирал.

— А отступление в Артур без единого выстрела с вашей стороны, по-моему, является предательством!

— Я принужден буду списать вас с эскадры, капитан Эссен,— покраснел Витгефт.

— Вот мой рапорт об этом,— протянул Эссен бумагу адмиралу.

Тот взял его дрожащими от волнения руками и начал читать.

— «Не считаю возможным дальше служить на флоте... прошу списать... намерен перейти в армию...» Вы не вполне здоровы, Николай Оттович! Вы и армия! Лучший командир в эскадре и вдруг командует пехотной ротой! Да вас и Стессель не возьмет к себе, вы ведь знаете, как он ненавидит моряков,— растерянно бормотал Витгефт.

— Я был у него, генерал принял меня с распростертыми объятиями и пообещал назначить сперва помощником командира полка, а затем дать полк.

— Вы были у Стесселя? — выпучил от удивления глаза Витгефт.— Просили у него перевода в армию?

— Так точно, ваше превосходительство! Армия хоть не убегает от одного вида японцев и решается вступать с ними в бой,— четко проговорил Эссен.

Адмирал сразу обмяк.

— Что вы наделали, Николай Оттович! — плаксивым

тоном проговорил Витгефт.— Бог вам судья, но я не заслужил на старости лет такого позора, который вы обрушили на мою голову. Вы, лучший командир в эскадре, вы, моряк до мозга костей, уходите в армию; ведь за вами потянутся если не старые командиры, то, во всяком случае, вся молодежь, начнется повальное бегство с кораблей, на радость Стесселю и Того,— совсем растерялся адмирал.— Николай Оттович, голубчик, уважьте меня, старика, возьмите свой рапорт обратно и сообщите Стесселю, что вы раздумали,— взмолился Витгефт.

— Ваше превосходительство мне гарантирует, что эскадра при первой возможности выйдет в море? — поставил вопрос ребром Эссен.

— Ну, как я вам могу это обещать! Японцы нас перетопят, а сами при этом останутся целы,— истерически крикнул Витгефт.— Прикажут — пойду, но пойду не побеждать, а умирать. Возьмите обратно ваше прошение, Николай Оттович, а я постараюсь, как только «Севастополь» будет исправлен, при первой же возможности направить вас в море.

Эссен нехотя взял свой рапорт обратно.

— И Стесселю сообщите, что пока что раздумали переходить в армию и надеетесь еще повоевать с японцами в море,— упрашивал на прощанье адмирал.

Вскоре после ухода Эссена к Витгефту, продолжавшему тяжело вздыхать и молчаливо ерошить свои стриженные ежиком полуседые волосы, пришел его начальник штаба Матусевич. Недавно произведенный в адмиралы, эпикуреец и жуир, он всегда находился в прекрасном расположении духа.

Матусевич сразу заметил расстроенный вид адмирала.

— О чем задумались, Вильгельм Карлович, чем опечалились?

— Совсем сейчас меня вывел из равновесия Эссен. Подал рапорт о списании в экипаж! Хочет из флота переходить в армию! Насилу уговорил подождать, пока его «Севастополь» починят.

— Только-то! Стоило из-за таких пустяков огорчаться. Не беспокойтесь, покипятится и остынет.

— Он сегодня к Стесселю ходил просить о переводе в армию.

— Ну, а тот что?

— Принял его с распростертыми объятиями...

— ...и стал еще сильнее ругать моряков вообще и вас в частности!

— Без этого, конечно, не обошлось. Опять кляузничать на нас начнет Куропаткину и наместнику.

— Не обращайте внимания на это, Вильгельм Карлович, брань на вороту не виснет. Помните, как в романсе: «Пускай бранят, пускай смеются, мне все равно, мне все-е-е-е ра-а-авно-о-о»,— мягким баритоном пропел Матусевич.— Если бы вы слышали, как вчера этот романс пела княгиня Ливен. Чудно!

— Да вы, Николай Алексеевич, кажется, не на шутку ею увлечены? — уже начал улыбаться Витгефт.

— «Любви все возрасты покорны, ее порывы благотворны»,— продекламировал Матусевич, лихо закручивая усы.

— Смотрю я на вас, Николай Алексеевич, и завидую вам: сколько в вас бодрости и жизнерадостности, никогда-то вы не унываете.

— И вам, дорогой Вильгельм Карлович, не советую.

— Чем вы меня сегодня огорчите? — ткнул Витгефт пальцем в папку с бумагами, которую принес с собой Матусевич.

— Я раз навсегда положил за правило — никакими бумажками не огорчаться и вас не огорчать: не стоят они этого. Сегодня только одна интересная бумажонка от наместника. Вот она! — Матусевич вытащил из папки коротенькую телеграмму и подал ее Витгефту.

— «Ввиду поступающих к нам сведений о недопустимом для военачальника упадке духа у генерала Стесселя, прошу сообщить ваше откровенное мнение о пригодности его к занимаемой должности. Алексеев».

— Вот так фунт! Что же мы ответим на эту телеграмму? — задумчиво спросил Витгефт.

— Ответ, по-моему, ясен: Стессель большая сволочь, и чем скорее его уберут из Артура, тем лучше.

— Нельзя, нельзя, так будет грубо.

— Я не говорю, чтобы дословно писать так, но...

— Как бы только Стессель не пронюхал об этом, а то совсем нам житья от него не станет!

— Бог не выдаст, Стессель не съест!

— Я подумаю, как ответить,— отодвинул бумаги Витгефт.

В это время вошедший вестовой доложил, что обед подан. Оба адмирала поспешили прервать свой разговор и направились к столу.

— Вы попробуйте это токайское, Вильгельм Карло-

вич. Так и согревает желудок. А какой букет, только понюхайте! Нектар, а не вино! Специально вчера у Чурина старший приказчик для меня отыскал в подвалах,— перевел разговор Матусевич и, понюхав вино, с чувством выпил свой бокал. Витгефт последовал его примеру, мелкими глотками попивая вино. На лице его разлилась блаженная улыбка.

— Да, вы правы, Николай Алексеевич! Редкостное вино! — И оба адмирала налили себе еще.

После обеда адмиралы разошлись по своим каютам, в одиночку выпить по чашечке черного кофе с ликером и всхрапнуть потом с полчаса в мягком кресле.

Уже совсем стемнело, когда Витгефт проснулся. Он сладко потянулся, разминая затекшие члены, взглянул в потемневшее по-вечернему стекло иллюминатора и встал на ноги. Было около девяти часов вечера.

«Однако заспался я сегодня»,— подумал адмирал и позвонил.

— Попроси ко мне адмирала Матусевича,— приказал Витгефт явившемуся на звонок матросу.

— Есть! — ответил матрос и поспешил выйти.

Матусевич явился с проектом ответа наместнику на запрос о Стесселе.

— Мы можем очень насолить Стесселю, дав ему соответствующую характеристику на запрос наместника! — злорадно хихикал Матусевич.

Витгефт несколько раз внимательно прочел текст и задумался.

— По совести говоря, Стессель плохой генерал и плохой человек! — наконец задумчиво проговорил адмирал.— Но боюсь только, что сейчас во мне сильно чувство личной обиды. Нет, отложу дело до завтра! Там будет виднее.

— Надо отвечать немедленно! Ночью «Лейтенант Бураков» уходит в Инкоу,— напомнил Матусевич.

— Очень резко, Николай Алексеевич, у вас написано! Надо мягче и объективнее, чтобы не подумали, что я свожу со Стесселем личные счеты! — заволновался Витгефт.— Лучше ответим так: «По совести считаю, что у Стесселя нет твердой уверенности, что с помощью наличных средств он сумеет отстоять Артур, быстро меняет свои убеждения и настроения под влиянием обстановки и окружающих лиц. Авторитет имеет лишь в силу старшинства. Всю надежду защиты Артура возлагает только на флот, для личного командования крепостью не пригоден. Витгефт».

ГЛАВА ШЕСТАЯ

В теплое солнечное утро Кондратенко вместе с Рашевским и Звонаревым приехал на Залитерную батарею. Борейко встретил генерала раскатистой командой «смирно» и доложил о проводимой им работе. Осмотрев укладку рельсов в бетон, Кондратенко остался очень доволен.

— Весьма остроумно. Было бы желательно по такому сооружению произвести опытную стрельбу из шестидюймовых мортир: если свод выдержит, значит, все в порядке! Прошу об этом Василия Федоровича.

— Совершенно излишне, ваше превосходительство. Такое сооружение раза в полтора прочнее обычного бетона,— вмешался Рашевский.

— Рельсы вы откуда достали? — осведомился Кондратенко.

— Из тупиков станции. Там валяется много старых и ржавых,— ответил Борейко.

— Весьма удачная мысль пришла вам в голову, поручик,— обернулся к нему генерал.

— Не мне, ваше превосходительство, а моим солдатам.

Кондратенко серьезно посмотрел на Борейко.

— Весьма ценно ваше умение прислушиваться к советам и пожеланиям солдат, поручик,— с чувством пожал руку Борейко генерал.— К сожалению, далеко не все офицеры понимают важность внимательного отношения к мнениям нижних чинов. Покойный адмирал Макаров разделял эту точку зрения, что было весьма лестно для меня! Ваше имя и отчество?

— Борис Дмитриевич.

— Благодарю вас, Борис Дмитриевич! Не сомневаюсь, что под вашим руководством батарея будет действовать образцово! Теперь же позвольте откланяться.

Поднявшись на горку, на обратном скате которой была сооружена батарея, Кондратенко стал в бинокль рассматривать лежащие впереди укрепления: Китайскую стенку, батарею литера Б, Куропаткинский люнет и дальше форт номер два. На всех этих укреплениях копошились люди, вдоль идущих к ним дорог медленно ползли повозки со строительными материалами; у батарей Малого Орлиного Гнезда виднелась длинная лента белых рубах матросов, влекущих за собой на громадном лафете снятые с судов морские орудия. Вдали темной

грядой синели подходящие к Артуру отроги Зеленых гор, а сзади, между сопок Скалистого Кряжа, мелькала лазурная гладь артурской бухты.

— Чертовски трудный для укрепления рельеф! — сокрушался Кондратенко.— Изволь фланкировать все мертвые пространства, которые здесь имеются! Для этого надо по меньшей мере тысячу орудий, а у нас нет и пятисот! Придется на каждом участке иметь противоштурмовые взводы полевых пушек в запряжке, чтобы бросать их, куда понадобится. Заметьте себе это, Сергей Владимирович,— обернулся генерал к Звонареву.— При встрече с Белым надо будет обсудить этот вопрос.

Затем все пошли на батарею литера Б. В отличие от Залитерной она была долговременной профили и сплошь бетонная. Жуковский, увлеченный примером Борейко, снял земляное перекрытие с бетона, сколол часть его и, перекрыв слоем рельсов, сверху забетонировал, что очень укрепило своды. Все орудия были перекрыты сверху прочными козырьками, что делало батарею мало заметной спереди.

Кроме Жуковского, на батарее оказался инженер — капитан Шевцов.

— Я, ваше превосходительство, все время ломаю себе голову над вопросами маскировки батарей и укреплений. Свеженасыпанные валы весьма сильно демаскируют укрепления, поэтому я в виде опыта хочу их после трамбования полить жидкой охрой, она как раз подойдет под фон местности. Затем надо наши форты и батареи связать не воздушным телефонным проводом, а подземным. У моряков есть медный кабель для гальванических мин, думаю его использовать для этой цели.

— Изобретайте, изобретайте, Алексей Владимирович! — поощрил Кондратенко.— Если весь гарнизон крепости, от солдат до генерала, начнет думать, как ее лучше укрепить, то, несомненно, сделают ее неприступной: одна голова хороша, две лучше, а тысяча и совсем прекрасно!

Обойдя батарею, Кондратенко остался очень доволен всем виденным и благодарил капитана за работу. Благодарность генерала растрогала Жуковского, и он пригласил генерала почаще заглядывать к нему.

— У вас и так все идет хорошо, Николай Васильевич. Мне совсем незачем ездить сюда. У нас есть много прорех, где мое присутствие безусловно необходимо,— с улыбкой прощался генерал, садясь на лошадь.

— Удивительно милый человек,— успел шепнуть на ухо Звонареву Жуковский.— Даже как-то не верится, что он генерал!

Вскоре Кондратенко и его спутники заметили несущихся навстречу во весь карьер всадников. Впереди, низко нагнувшись к луке, скакал Белый. Он наотмашь рубил шашкой мелкий кустарник. За ним, порядочно отстав, неслась Варя, тоже воинственно размахивая казачьей шашкой. Когда Белый подскакал к Кондратенко, его раскрасневшееся лицо было полно молодого оживления и задора.

— Приятно иногда немного размяться и тряхнуть стариной,— весело пояснил он, приглаживая свои растрепавшиеся длинные усы.— Что ты, Варвара, ни говори, как ни скачи,— обернулся он к подъехавшей дочери,— но все же ты — девка, и такого старого казака, как я, тебе не перегнать.

— Давай поменяемся лошадьми, так я, папа, тебя обскачу, как стоячего,— задорно предложила девушка, оправляя волосы.— Зачем только я девчонкой уродилась! — горестно вздохнула она, здороваясь.

— А что бы вы сделали, если бы были мужчиной? — спросил прапорщик.

— Прежде всего женилась бы на вас! — выпалила Варя.

Все громко расхохотались.

— Получили, Сергей Владимирович? Вперед наука — не задевайте,— заметил Кондратенко.

— Ох, я уж пять месяцев эту науку прохожу, и пока безуспешно.

— Кто же виноват в том, что вы так непонятливы?

— Видимо, таким уродился! Как сошел ваш экзамен?

— Сдала с отличием и получила аттестат фельдшерицы, с чем можете меня и поздравить!

— Теперь вы окончательно зазнаетесь и вообразите себя первым медицинским светилом в Артуре.

— Роман Исидорович,— обратилась девушка к генералу,— я выбрала в этом районе место для перевязочного пункта: у подножия Большой горы, в овраге. Можно его вам показать сейчас?

— Да вы, никак, всерьез решили взять на себя руководство медицинской частью крепости? — обернулся к ней генерал.— Ну, покажите, где ж вы наметили место?

— Вон там внизу! — ответила Варя и рысью тро-

нулась вперед. За ней последовали все остальные. Проехав с полверсты, она остановилась.

— Тут! — показала она рукой на почти вертикальную, обрывающуюся вниз скалу.

— Место неплохое, хорошо укрытое в мертвом пространстве, имеет хорошие подступы,— осматривался вокруг Кондратенко.— Значит, все в порядке! Сергей Владимирович, составьте смету и проект, затем поезжайте к Костенко и все урегулируйте окончательно.

— Слушаюсь, ваше превосходительство,— отозвался Звонарев.

Варя радостно захлопала в ладоши.

На следующий день Звонарев и Варя направились к председателю порт-артурского крепостного суда генералу Костенко, который жил на даче за Плоским мысом. Денщик не сразу решился доложить генералу о прибытии гостей.

— Их превосходительство больны и даже серчают, когда их беспокоят без дела,— сомневался солдат.

Нетерпеливая Варя не стала дожидаться приглашения, вслед за солдатом ворвалась в комнату и присела перед изумленным неожиданным вторжением генералом в низком реверансе.

— Здравствуйте, крестненький! Мама прислала меня справиться о вашем здоровье. Получите настойку, она очень помогает при простуде,— затараторила девушка, протягивая встревоженному Костенко банку с лекарством.

— Здравствуй, здравствуй, стрекоза! Совсем меня оглушила своей болтовней. Спасибо Марии Фоминичне за заботы обо мне,— оживился тронутый вниманием к нему генерал.— Кто это с тобой? Прошу подождать, пока я кончу разговор с мадемуазель Белой,— обернулся он к Звонареву.

— Это адъютант Кондратенко. Мы с ним приехали по одному и тому же делу,— пояснила Варя.

— Уж не в посаженые ли отцы приглашать собираетесь? И рад бы, да не могу — болен.

— Ой, что вы, крестненький, меня конфузите! Рано мне еще о женихах думать,— смутилась Варя.

— Не скромничай, стрекоза! Ты совсем уж заневестилась. Отец с матерью глазом моргнуть не успеют, как выскочишь за такого молодца, как этот,— продолжал Костенко.

— Вы состоите председателем военно-санитарной комиссии, которая ведает выбором мест и устройством

перевязочных пунктов,— начала деловой разговор Варя.

— Этими делами ведает главный крепостной врач доктор Субботин,— отнекивался генерал.

— Председателем комиссии по приказу числитесь вы, ваше превосходительство,— почтительно доложил Звонарев.

— Но я болен, простужен и никуда не выхожу,— воскликнул Костенко.

— Да на дворе теплее и лучше, чем здесь,— распахнула окно Варя.— Поедемте к нам, а по дороге мы вам покажем выбранное нами место для перевязочного пункта.

Охая и кряхтя, генерал поднялся со своего места и кликнул денщика.

— Подай пальто и калоши,— распорядился он.

— На улице страшная жара и совершенно сухо, довольно будет и плаща от пыли,— убеждала Варя.

— Тебе, стрекоза, всегда жарко в присутствии молодых людей, а я все время мерзну,— вздохнул Костенко.

Варя решительно отстранила денщика с пальто, сняла с вешалки пыльник и накинула его на плечи генерала. Звонарев подал ему фуражку, и Костенко, трижды перекрестившись на образ, двинулся к выходу.

— Чудно, чудно,— жмурился генерал на солнце.— Хорошо, что ты меня вытащила на свет божий, а то я совсем мохом оброс.

— Мы тут набросали план постройки и составили смету. Нужна ваша утверждающая подпись,— подсунула Варя генералу чертеж и смету.

— Это я рассмотрю дома.

— Нам надо поскорее, а без вашего разрешения нельзя приступать к работе.

— Кондратенко видел ваш проект?

— Видел и одобрил.

— Пусть хоть распишется в уголке. С меня этого будет достаточно.

— Вы не верите, что Кондратенко одобрил проект? — насела Варя на генерала.

— Все это на словах. Мы, судейские, знаем им цену,— решительно возражал Костенко.

Когда приехали на место, генерал уже бодро вылез из экипажа и пошел за Варей.

— Вы будете долбить скалу? Сколько времени займет эта работа? — справился Костенко, с некоторым недоверием поглядывая на скалу.

— Не больше месяца. Зато прочность сооружения будет вне сомнений и раненые будут тут в полной безопасности,— пояснил Звонарев.

После осмотра скалы поехали на обед к Белым. За едой генерал совсем уже разошелся и повеселел.

— Дочка у вас, Мария Фоминична, настоящий клад. Унаследовала от вас дар исцеления недугов. Женишка ей надо под стать — красивого и улыбчатого, чтобы они друг на друга любовались,— совсем размяк генерал после вкусного обеда со сладкими наливками.

Вскоре подъехал Кондратенко. Варя тут же заставила его подписать проект и смету, после чего Костенко вывел своим каллиграфическим почерком: «Утверждаю».

— Теперь все в порядке и можно приступить к работе! — обратилась Варя к Звонареву.— Завтра в четыре часа я буду на месте, чтобы и вы там находились к указанному времени,— распорядилась она.

— Слушаюсь, господин «фершал»! — вытянулся прапорщик.

На другой день после полудня, когда дневной жар несколько спал, Звонарев приехал на Залитерную батарею. Его встретил Борейко в одной рубахе, в веревочных лаптях на босу ногу, с подобием чалмы на голове. Под стать ему были одеты и солдаты. Неподалеку матросы под руководством Сойманова устанавливали морскую пушку.

— Зачем пожаловал к нам, Сережа? — обратился к прапорщику Борейко.

— Мне поручена постройка перевязочного пункта в тылу у Залитерной батареи. Нужны рабочие. Я думаю, что и моряки не откажут нам в помощи,— обернулся прапорщик к Сойманову.

— Конечно, дело общее, вместе воевать будем,— согласился лейтенант.

Вскоре три офицера с десятком солдат и матросов стояли около намеченного для блиндажа места.

— Место похоже на преисподнюю. Тут весьма удобно будет душе отправляться к черту в лапы,— осмотрелся кругом Борейко.

— Сюда не залетит ни один снаряд: со всех сторон укрыто. Сообщение с батареей по глубоким оврагам,— защищал Звонарев выбранное место.

— По ночам сюда черти на свадьбу собираются,— заметил Блохин, пришедший с другими солдатами.

— Это ведьмы на Лысой горе шабаш справляют,— поправил его Мельников.

— Своей стрельбой мы их с гор-то спугнем. Они от страха сюда и забегут,— не сдавался Блохин.

В это время вдали показалась всадница, в которой узнали Варю Белую.

— Первая ведьмочка уже поторапливается сюда. И впрямь место не чистое,— усмехнулся Борейко.

Подъехав, Варя легко соскочила с лошади. Офицеры пошли ей навстречу. Им прежде всего бросились в глаза многочисленные ссадины на лице девушки, густо смазанные йодом, что придавало ее физиономии довольно зверское выражение. Борейко громко расхохотался.

— Никак, наша амазонка раскрасилась в боевые цвета! Не сдобровать тебе, Сережа.

— Вы только и умеете, что смеяться над бедной девушкой, Медведище! Нет чтобы пожалеть меня,— отозвалась Варя.— Хотя бы вы посочувствовали мне, Сергей Владимирович.

— Выражаю свое глубочайшее сочувствие, храбрейшая из храбрых амазонок, и советую на будущее время, во-первых, с лошади не падать, а во-вторых, ссадины запудривать, а не смазывать йодом. От этого ваша наружность только выиграет.

— С пудрой можно внести в ссадины инфекцию, йод же действует обеззараживающе,— докторским тоном ответила девушка.— Что же касается моей наружности, то она меня мало интересует.

— Но зато весьма волнует иссохшее от любви к вам сердце моего друга Сережи. Поэтому я из чувства дружбы, а также в целях предотвращения паники среди моих солдат, могущей возникнуть при виде столь воинственной вашей раскраски, присоединяюсь к его просьбе,— добавил Борейко.

— Придумайте что-нибудь поостроумнее, господин Медведь! — обрезала Варя.

Сойманов с удивлением наблюдал за этой перепалкой, недоумевая, кто же эта девушка, пока наконец Звонарев не представил его Варе.

— Белая! — отчетливо назвала она свою фамилию.— Приступим к делу. Здесь будет построен перевязочный пункт. Надо обсудить, как это сделать проще и скорее всего. Сергей Владимирович, ждем вашего доклада.

— Слушаюсь, ваше превосходительство! — шутливо вытянулся Звонарев и в коротких словах сообщил о предстоящей работе.

— Задача не из легких, но дело нужное и важное,— обратился Борейко к солдатам.

— Для перевязочного пункта лучшего места не найти, а со скалой мы справимся. Пойдем по этой трещине и разворошим всю скалу,— ответил Родионов.

— Завтра с утра назначим человек двадцать солдат и матросов и постараемся в кратчайший срок оборудовать этот пункт. Ты согласен? — обернулся Борейко к Сойманову.

— Вполне и готов всемерно помогать вам в этом деле,— ответил моряк.

Все двинулись обратно на Залитерную батарею.

В последующие дни развернулись работы по устройству перевязочного пункта. Родионов и Блохин оказались главными производителями работ.

Варя почти ежедневно появлялась здесь. Родионов и Блохин были главными советниками по всем вопросам.

— Здравствуйте, барышня,— обычно приветствовали они ее, когда она подъезжала.— У нас сегодня работа идет хорошо, да не хватает лопат и кирок.

Варя выслушивала и аккуратно все записывала, чтобы затем переговорить или с Звонаревым, или с самим Кондратенко.

Варя очень скоро познакомилась со всеми артиллеристами и моряками и не хуже офицеров знала их в лицо и по фамилиям, знала семейное положение, личные качества.

По мере сил она старалась быть им полезной, в частности взялась отправлять письма через Чифу в Россию. Солдаты не имели возможности пользоваться официальными средствами сообщения, вроде отправки писем с миноносцами или зафрахтованными от казны китайскими джонками, ввиду дорогой цены за доставку письма, и сдавали свои письма на городскую почту, которая охотно их принимала, но никуда не отправляла. Через своего садовника Вен Фань-вея Варя установила связь с лодочниками, рисковавшими прорывать японскую блокаду с моря. Все собранные от солдат письма она упаковывала в один большой конверт и отправляла его от своего имени русскому консулу Тидеману в Чифу. Помимо этого, девушка взялась подготовить из солдат санитаров, а попутно начала обучение грамоте безграмотных и малограмотных. Почти все свое свободное время она проводила на пункте или на Залитерной батарее. Если Борейко держался в стороне от нее, то Сойманов на первых порах попытался было за ней ухаживать. Варя сперва удивилась этому, затем рассердилась и однажды,

когда лейтенант хотел ее обнять в темноте, напрямик заявила ему:

— Я, Павел Михайлович, не переношу подобного отношения к себе! Мы оба только выиграем, если наши отношения станут другими.

Моряк был смущен такой отповедью и ухаживания прекратил. Когда он сообщил Борейко о происшедшем, тот только усмехнулся.

— Счастливо отделался! Мог бы получить и хорошую оплеуху. Варвара Васильевна у нас на расправу коротка! Кроме того, там место уже прочно занято Сережей Звонаревым.

— Но последнее время они почти не видятся. А когда встречаются, то только все время препираются между собой.

— Тем не менее Варя ни на кого не смотрит и никого не видит, кроме него.

— Чего, по-моему, нельзя сказать о нем!

— Тут дело темное! Похоже, что он и сам еще не знает, на ком остановить свой выбор.

В один из вечеров уже поздно на батарею приехал Кондратенко в сопровождении Звонарева. Генерал с утра был на коне, сильно устал и торопился домой, но, проезжая мимо, вспомнил о перевязочном пункте и заехал на Залитерную. Варя как раз вела при свете ручных фонарей занятия с санитарами. В темноте Кондратенко заметили не сразу, и он обошел почти всю батарею, когда его наконец узнал Блохин и скомандовал солдатам: «Смирно!» Генерал поздоровался и подошел к Варе.

— Может быть, вы мне покажете ваш перевязочный пункт? — обратился он к ней.

Около поворота к перевязочному пункту горел костер, разложенный сторожившими строительные материалы солдатами. При помощи факелов из промасленного каната они осветили всю строительную площадку. В скале были выдолблены две рядом расположенные пещеры, в каждой из которых могло поместиться до тридцати человек раненых. Рядом намечалась еще третья. Высота их достигала полутора саженей. В полу и стенах виднелись блестящие прожилки кварца и слюды. Кондратенко обошел все помещение, местами обстукал стены и сделал несколько замечаний технического характера.

— Такой каземат может выдержать бомбардировку даже двенадцатидюймовыми снарядами. Раненые будут

здесь в полной безопасности! — резюмировал генерал свое мнение.

— Мы еще проведем сюда электрическое освещение, водопровод, устроим вентиляцию — и все будет готово! — радостно говорила Варя.

— Вас можно поздравить с успешным выполнением плана,— пожал девушке руку генерал.

— Я здесь ни при чем. Все рассчитал Сергей Владимирович, а сделали — они! — И девушка махнула рукой в сторону матросов и солдат.— Они все очень старались.

— Для себя, барышня, работали! — вполголоса ответил за всех Блохин.

— И на других фортах солдаты работают для себя, однако далеко не везде так хорошо, как здесь. Я давно говорил Стесселю, что к каждому форту, батарее и укреплению надо заранее прикрепить определенные части и им же поручить их оборудование. Тогда все будут кровно заинтересованы в своей работе и выиграет вся крепость в целом. Литера Б, Залитерная и этот пункт прекрасно подтверждают мою мысль. Когда думаете закончить постройку? — обернулся генерал к Звонареву.

— Дней через десять будет готово, ваше превосходительство.

Поблагодарив еще раз Варю, Кондратенко велел подать себе лошадь.

— Завтра же прикажите от моего имени саперам привести дороги сюда в полный порядок.

После этого Кондратенко уехал, оставив Звонарева на батарее.

— Видите, как хорошо все вышло! — обернулась Варя к солдатам.— Сам Кондратенко похвалил работу! — обратилась она к Звонареву.

— Нам бы, барышня, в награду выдали по полбутылочки водки,— отозвался Блохин,— все веселее на сердце станет, как выпьешь.

— Что-то я тебя, Блохин, особенно грустным и не видела. Хорошая работа тоже веселит сердце.

— Так-то оно так, но малость выпить все же не мешает!

— Спрошу у начальства, как оно велит.

Вслед за Кондратенко двинулась и Варя. Звонарев последовал за ней. В темноте приходилось ехать шагом, чтобы не покалечить лошадей на разбитой дороге.

 — Я удивляюсь, Варя, вашему умению обращаться

с солдатами. Вы не только не стесняетесь сами, но не стесняете и их своим присутствием.

— Я с колыбели привыкла к общению с ними: моей первой нянькой был денщик,— ответила девушка.— Раньше у нас денщики жили по семи лет и совсем входили в семью. Некоторые еще и сейчас пишут нам о себе. Особенно мама быстро сживалась с ними, женила их, крестила у них детей. Правда, что вам ваша Ривочка натянула нос после смерти Дукельского? — вдруг переменила она разговор.

— Раз она мне натянула нос, значит, она уже не моя!

— И вы продолжаете бывать у нее и мечтаете о ней?

— Да!

— Спокойной ночи, желаю вам счастья с вашей еврейкой! — насмешливо-сухо проговорила Варя и, хлестнув по лошади, скрылась в темноте, оставив Звонарева в полном недоумении.

У себя на квартире Звонарев нашел записку от Кондратенко, который его предупреждал о поездке утром вместе со Стесселем на передовые позиции. Отдав нужные распоряжения своему ординарцу, прапорщик поспешил улечься в постель.

На другой день около семи часов утра Звонарев был уже на вокзале. У перрона стоял экстренный поезд в составе одного вагона-салона и трех товарных, в которые грузили верховых лошадей для участников поездки. Около поезда прохаживались Кондратенко, начальник его штаба подполковник Науменко, полковник Рейс и личный адъютант Стесселя князь Гантимуров.

Вскоре приехали Стессель и Никитин, последним явился адъютант Никитина капитан Померанцев, за которым трое солдат несли корзины с закуской и выпивкой.

Расселись в кресла, глядя в окно. Стессель был молчалив и мрачен. Вернувшись вчера из Инкоу миноносец «Лейтенант Бураков» привез повторный приказ об его отзыве из Артура, и теперь генерал ехал к Фоку советоваться.

— Какие новости у вас? — спросил Кондратенко, обернувшись к Рейсу.

— Получено подтверждение об отходе Штакельберга после боя у Вафангоу на север и приказ о повторном выходе флота в море для прорыва во Владивосток.

— Тэк-с! Значит, деблокада Артура откладывается на неопределенное время, раз Куропаткин пятится назад

вместо продвижения вперед,— заметил Кондратенко.— Интересно, как велики силы против нас, не попробовать ли нам наступать, дабы оттянуть часть японцев на себя.

— Что вы, ваше превосходительство! Наша задача защищать Артур, а не оттягивать на себя силы. У нас и так очень мало людей,— горячо возразил Рейс.

— Если не наступать, то беспокоить почаще японцев вылазками разведчиков будет весьма полезно.

— Напрасная трата живой силы! Многого они не узнают и только понесут зря потери! — возражал полковник.

— Взаимодействие армии и крепости в том и заключается, чтобы заставить противника дробить свои силы между ними.

— Академическое рассуждение, Роман Исидорович. Своя рубашка ближе к телу. Пусть Куропаткин сам о себе заботится,— вмешался Стессель.

Пока генералы вели между собой беседу, Померанцев и Гантимуров занялись приготовлением завтрака. Появился накрытый белой скатертью стол, на котором живописно разместились закуски. Захлопали пробки, и батарея разнообразных бутылок дополнила убранство стола.

— Не кручинься, Анатолий Михайлович! Попомни мое слово, разобьем мы макак косорылых в пух и прах, и будешь ты генерал-адъютантом, а то и фельдмаршалом. Всех самотопов подчинят тебе, и они станут ходить по струнке. За нашего вождя и полководца генерала Стесселя! Урррааа! — заорал Никитин и полез целоваться со своим другом.

Потом пили за Кондратенко, Никитина, артиллеристов. Никитин поднял бокал даже за железнодорожников, но Стессель запротестовал.

— За штатскую сволочь не пью! — категорически заявил он.

Звонарев сидел в углу и наблюдал за происходящим.

— Когда же ваша свадьба, молодой человек? — обернулся к Звонареву Стессель.— Моя жена уже приготовила для Вари подарок.

— Боюсь, что никогда, ваше превосходительство.

— Фордыбачит, значит, девица. Она с норовом. Быть вам под башмаком до конца своих дней! — продолжал Стессель.

— Я не отказался бы от такого очаровательного башмачка! — вставил Гантимуров, иронически оглядывая Звонарева.

— Что ж, обручения еще не было. Можете попытать счастья,— усмехнулся Стессель.

Поезд остановился у разъезда одиннадцатой версты. В вагон тотчас же вошел Фок в сопровождении начальника своего штаба полковника Дмитриевского. Отдав Стесселю рапорт о положении дел на позиции, Фок поздоровался со всеми и занял место рядом со Стесселем.

— Чем порадуешь, Александр Викторович? — спросил Стессель, наливая ему водки.

— Радости особой нет, но и печалиться не из-за чего! — растягивая слова, ответил Фок.— Водку мне наливаешь зря. Я ее не употребляю, поэтому предоставляю свою порцию Владимиру Николаевичу,— кивнул Фок на уже сильно подвыпившего Никитина.

— Не отказываюсь,— тотчас отозвался последний.— Известно, что немцу смерть, то русскому здорово! За ваше здоровье, господин Фик-Фок на один бок! — И Никитин демонстративно осушил свою рюмку.

Стессель нахмурился и сухо заметил Никитину:

— Пожалуй, Владимир Николаевич, тебе пора перейти к сельтерской.

— Сейчас последую твоему мудрому совету, Анатолий Михайлович. Кирилл Семенович, распорядитесь-ка там, пожалуйста, чтобы мне немецкой водички подали! — обернулся к Померанцеву Никитин.

Стессель вышел вместе с Фоком из вагона и стал прогуливаться вдоль поезда.

— Получил повторный приказ о выезде из Артура,— хмуро сообщил он Фоку.

— Кому известно содержание телеграммы?

— Мне и Рейсу. Морякам копии нет, только Смирнову.

— Значит, все в порядке! Пошлешь заготовленный нами ответ, и дело с концом. Смирнову, конечно, ни гугу!

— Само собой разумеется! — поддакнул Стессель.

— Зачем едет этот умник Кондратенко? Меня, что ли, учить уму-разуму?

— Хочет ознакомиться с позицией на твоем участке и заглянуть в свой Двадцать шестой полк на правом фланге.

— Он слишком много фантазирует и бог знает что воображает о себе. Надо его сократить, а в случае надобности и убрать совсем, а то со своей юношеской лихостью он натворит нам бед.

— Какой же он юноша в сорок семь лет?

— С высоты моих шестидесяти двух, конечно, он совсем юноша!

Пока генералы разгуливали по платформе, Кондратенко подозвал к себе Дмитриевского и начал расспрашивать о положении на фронте. Науменко достал карту и попытался нанести на нее расположение частей, но тотчас же запутался: целый ряд деревень оказался не отмеченным на карте, другие были нанесены неверно, названия перепутаны.

— Не карта, а одно недоразумение! — возмущался Кондратенко.— Шесть лет владеем Квантуном и не удосужились изготовить приличных карт! Воюешь на совершенно неизвестной местности. Что же тут удивительного, коль получается путаница!

— Путаница на карте — это еще полбеды, а в Управлении — это похуже! — заметил Науменко.

— Кто же в Артуре путает? — спросил Дмитриевский.

— Все начальники, по мере своих сил и возможностей,— отозвался Кондратенко.— Стессель отдает одни приказания, Смирнов другие, моряки третьи, я четвертые. Вполне естественно, что наши подчиненные ругают нас всех вместе.

— Поехали дальше! — приказал Стессель, появляясь в вагоне.— Что вы тут мудрите над картой, Роман Исидорович?

— Знакомлюсь с положением дел на фронте и думаю кое-что предложить на ваше благоусмотрение, Анатолий Михайлович,— почтительно проговорил Кондратенко.— Наша задача возможно дольше задержаться на перевалах, чтобы возможно больше укрепить Артур.

— Я не собираюсь зимовать здесь! — резко вставил Фок.— Через месяц отведу свои полки в Артур.

— Правый фланг занимают части моей дивизии, и я отнюдь не собираюсь уходить отсюда раньше времени.

— Это ваше дело и меня не касается! Я уйду, а вы как хотите!

— Подобная постановка вопроса совершенно недопустима. Прошу вас, Анатолий Михайлович, объяснить это генералу Фоку.

— Я не глупее вас и ни в каких объяснениях не нуждаюсь!

— Прошу без резкостей, господа! — вмешался Стессель.— Части отойдут в Артур тогда, когда я им прикажу. Пока же надо подумать об усилении обороноспособности позиций на перевалах.

Кондратенко замолчал, а Фок начал притворно зевать. В углу в кресле похрапывал Никитин. Начальники штабов вполголоса переговаривались между собой. Звонарев смотрел в окно.

Было около одиннадцати часов утра, когда наконец поезд добрался до разъезда девятнадцатой версты, где решено было выходить из вагонов.

Стесселя встретили генерал Надеин, полковник Ирман, Сахаров и несколько командиров полков. Генеральская свита увеличилась. Кавалькада двинулась в путь вдоль железнодорожного полотна по направлению передовых позиций, до которых оставалось еще верст пятнадцать.

Вдали слышались редкие орудийные выстрелы.

— Стреляют у Юпилазы,— указал рукой в направлении выстрелов Фок.— Чего доброго, и на нее кинутся в атаку.

Стессель ехал впереди крупной рысью, на ходу здороваясь со встречными командами. Вдруг неожиданно слева послышались ружейные залпы. Генерал резко остановил свою огромную раскормленную кобылу.

— Это что за стрельба? — спросил он у Фока.

— За сопками начинается уже линия передовых окопов. Верно, стрелки заметили движение у японцев.

— Почему же меня ранее не предупредили, что позиция уже близко? Я со своей свитой вылетел бы вперед и послужил бы хорошей целью для японцев! — сердито крикнул Стессель и круто повернул лошадь назад.— Где здесь лучший кругозор? Я хочу осмотреть позиции на всем протяжении,— спросил он.

— Направо так называемая Большая Сопка, оттуда видно далеко во все стороны,— поспешил к генералу Дмитриевский.

— Ведите нас туда. Поезжайте вперед, а я за вами,— распорядился Стессель.

Полковник свернул с дороги и по узенькой тропинке двинулся к указанной вершине. По тропинке можно было ехать лишь в одиночку, и вся свита столпилась на дороге.

— Поедем вперед к позициям,— предложил Кондратенко своему начальнику штаба и Звонареву и тронулся на выстрелы. Через минуту все трое были уже на хребте, за которым шла линия русских окопов. С вершины горы открывался широкий вид во все стороны. Прямо виднелся расположенный вблизи Дальнего лагерь япон-

цев, по дороге к городу двигались многочисленные обозы. Артиллерия бездействовала. Все говорило о малочисленности и слабости врага в этом районе, который больше готовился к обороне, чем к наступлению.

— Собрать бы кулак полка в два и ударить на Дальний, пока здесь почти пусто, а железная дорога, за отсутствием паровозов широкой колеи, еще не действует! — мечтал вслух Кондратенко.— Много шансов, что это предприятие увенчалось бы большим успехом, а особенно если с моря одновременно на Дальний ударит и флот.

— Едва ли Стессель на это согласится. Он все же считает, что против нас направлена вся японская армия, а на севере имеются лишь заслоны.

— Хороши заслоны, коль они разбили такой прекрасный корпус, как Первый Сибирский! — усмехнулся генерал.— Нам надо здесь рискнуть.

— Для этого необходимо быть смелым человеком, чего о Стесселе сказать нельзя.

— А Фок?

— Тот и еще хуже! Из упрямства будет против, раз идея наступления принадлежит вам, а не ему.

— Невесело! Но поедем дальше вдоль фронта,— решил Кондратенко.

Русские окопы шли не сплошной линией, а были расположены по возвышенностям. Промежутки между ними простреливались ружейным огнем. Батареи, в отличие от Цзинджоу, все стояли на закрытых позициях. Впереди находились лишь наблюдательные пункты. Вскоре Кондратенко подъехал к одному из них. Навстречу генералу вышел Али-Ага Шахлинский.

— Много перед вами японцев, капитан? — спросил Кондратенко.

— Почти что вовсе нет. За неделю я видел не больше двух рот. Из артиллерии пока обнаружено только две горных пушки за тем хребтом,— доложил командир батареи.

— Как вы думаете, могло бы иметь успех наше наступление в этом районе? — спросил генерал.

— На этом участке — вполне! Мы вышли бы в тыл горы Хунисан и заставили бы японцев ее очистить, но генерал Фок будет против этого: он даже стрелять мне запрещает, считая это ненужной затеей,— жаловался капитан.

Кондратенко переглянулся со своим начальником

 штаба. Простившись с капитаном, он свернул в тыл и

поехал по направлению видневшейся вдали группы Стесселя. По дороге, около довольно большого резервного лагеря, Звонарева окликнули. Задержав лошадь, прапорщик оглянулся и увидел Стаха Енджеевского.

— Каким ветром вас сюда занесло? — поздоровался он с Звонаревым.

В серо-зеленом костюме, в серых парусиновых сапогах, поручик почти совсем сливался с окружающей природой. Кондратенко тотчас обратил на это внимание.

— У вас прекрасно подобран цвет вашей одежды. Откуда вы достали такую материю?

— Были обычного цвета брюки и гимнастерка, а китайцы-портные перекрасили их в защитный цвет,— пояснил поручик.

— Какая это часть? — спросил генерал.

— Охотничья команда Четырнадцатого полка.

— Если бы вам предложили пошарить у японцев в тылу и обойти справа Хунисан, вы не возражали бы?

— Я об этом давно мечтаю и не раз докладывал своему командиру, но безрезультатно. Японцев перед нами так мало, что можно рискнуть и потревожить их!

— Ваша фамилия?

— Поручик Енджеевский.

— Рад с вами лично познакомиться! Отлично помню вашу телеграмму из-под Цзинджоу. Благодаря ей мне удалось уговорить Стесселя не отступать сразу в Артур, а задержаться на этом перевале. Ваше начальство вас, насколько я знаю, не особенно жалует. Хотите перейти в мою дивизию?

— Только вместе с моими охотниками.

— Прекрасный ответ для офицера! К сожалению, целиком всю вашу команду не переведешь в другой полк.

Когда Кондратенко и его спутники вернулись к группе Стесселя, они застали его сидящим за пулеметом. Несколько офицеров, собравшись вокруг генерала, усиленно щелкали фотографическими аппаратами.

Вставив пулеметную ленту, Стессель нажал на спуск, и пулемет затрещал. Генерал прошелся очередью по кустам гаоляна, но лента заклинилась.

— Можно заложить другую ленту,— услужливо предложил командира Четырнадцатого полка полковник Савицкий.

Стрелки бросились было к пулемету с новой лентой, но подъехавший Кондратенко отвлек внимание Стесселя, указав ему на частые заклинения патронов.

— На это нужно обратить самое серьезное внимание.

Во время отбития штурма пулеметы незаменимы, а каждое заклинение отнимает массу драгоценного времени.

— Да, да. Это безобразие! — согласился Стессель.— В Артуре прикажу Белому специально заняться этим вопросом.— И генерал, разминая затекшие ноги, встал с пулеметного седла.

— Готова фотография: генерал Стессель на передовых позициях самолично стреляет по наступающим японцам,— шепнул на ухо Звонареву знакомый офицер.

Фок подъехал к Кондратенко.

— Любовались видами, Роман Исидорович, и критиковали передовые позиции моего участка, а заодно перемывали косточки и мне? — елейным тоном спросил он.

— Сплетнями не занимаюсь, а позиции действительно осмотрел и нашел их в плохом состоянии,— громко ответил Кондратенко.

— На участке Семенова, где расположены полки вашей дивизии, и таких окопов нет, там просто ряд заячьих нор, в которых не только под артиллерийским, но и под ружейным огнем долго не усидишь.

— Это происходит потому, что вы захватываете для своей дивизии все материалы, которые я направляю из Артура к Семенову.

— Опять вы что-то не поделили, господа? — с раздражением проговорил подъехавший Стессель.— Если бы вы знали, как это мне надоело! Из-за каждого пустяка поднимаются бесконечные ссоры!

Фок и Кондратенко молча выслушали это замечание.

— Какой леший влезет на наши позиции! Сплошные обрывы и голые скалы. Природная их сила так велика, что тратить много средств и материалов на их укрепление нет смысла. Никакие японцы никогда их не возьмут! — продолжал ораторствовать Стессель.

— Я с этим вполне согласен,— не замедлил поддакнуть Фок.— Зато генерал Кондратенко, как всегда и везде, имеет по этому вопросу свое «особое» мнение! Инженерская школа все же сказывается в нем...

— Инженеры много мудрят, еще больше крадут, но со мной не пошутишь, я им потачки не дам! — проговорил Стессель.

— Ваше превосходительство, не угодно ли вам перекусить? — расплылся в широчайшей улыбке полковник Савицкий, начальник объезжаемого участка обороны.

Стессель охотно согласился.

В большой палатке Красного Креста был накрыт стол.
 Толстый Савицкий, отдуваясь, занял хозяйское место во

главе стола, усадив около себя Стесселя и Фока. Солдаты начали обносить обедающих закусками, застучали ножи, зазвенели рюмки.

Разговор с каждой минутой делался громче и оживленнее, начались тосты за начальствующих лиц, и обед принял характер обычной офицерской попойки. Незаметно подошел вечер. Звонарев с Гантимуровым вышли на воздух.

Вскоре из палатки вышел Кондратенко.

— Пора двигаться и дальше, а то боюсь тут застрять на ночь! Можно еще сегодня добраться до штаба Семенова, а завтра вернуться в Артур. Мы домой и верхом доедем, тут ведь недалеко.

Но Стесселю тоже надоело сидеть за столом, и он решил ехать.

— Господа! Довольно лоботрясничать! — обратился он к обедающим.— Едем дальше! Хозяину спасибо за хлеб-соль! Прикажите подать лошадей.

Вскоре значительно поредевшая кавалькада двинулась дальше. Стессель ехал не спеша. Благодушно настроенный после обеда, он милостиво здоровался со встречными офицерами и расспрашивал их о житье на позициях.

Кондратенко поднял разговор о возможности наступления на Дальний.

— Опять у вас новая идея появилась, Роман Исидорович! Вашей фантазии может позавидовать любой подпоручик! Быть может, на отдельном участке японцы и слабее нас, но в общем-то силы у них значительно больше наших. Поэтому наступление легко будет парализовано ими, и мы понесем только напрасные потери. Следовательно, нам незачем их беспокоить, раз они нас не трогают,— позевывая, ответил Стессель.

— Примерно так рассуждает и Витгефт для оправдания своей бездеятельности в Артуре!

— Моряки прячутся за наши спины, а мы ни за кого не укрываемся, а все время стоим лицом к лицу с врагом.

— Не в этом дело! Как известно, нападение — лучший способ защиты: мы сразу отвлечем внимание японцев к себе; возможно, они перебросят сюда часть сил с севера...

— Боже нас от этого упаси! Я не знаю, как мы удержимся против наличных японских частей, а вы собираетесь еще привлекать их к нам. На это я никогда не соглашусь! — решительно отверг предложение Стессель.

— Мы этим облегчим переход в наступление Маньч-

журской армии,— убеждал начальника укрепленного района Кондратенко.

— Куропаткин нас об этом не просит и этого нам делать не велит. Зачем же мы будем навязывать ему свою помощь? — возражал Стессель.

— Помогая Куропаткину, мы тем самым помогаем самим себе, ибо наилучшей помощью для нас явится деблокада Артура и восстановление сообщения с Маньчжурией. В этом и заключается взаимодействие крепости с полевой армией. Мы притягиваем на себя значительные силы врага и тем облегчаем положение армии, она же, в свою очередь, помогает нам, оттягивая силы на себя. Это азбучная истина, известная каждому молодому офицеру,— начал уже раздражаться упрямством Стесселя Роман Исидорович.

— Я же, как вам известно, являюсь генералом русской армии, которому эти, как вы выражаетесь, «азбучные истины» известны не хуже вас. И тем не менее я с вами не согласен и решительно возражаю против каких бы то ни было попыток «перейти в наступление и помочь Маньчжурской армии». Считаю вопрос исчерпанным и прекращаю бесцельное словопрение,— оборвал Стессель.

— Тогда разрешите хоть провести хороший поиск разведчиками в этом направлении?

— Это другое дело! Пошарить у японцев в тылу и вернуться назад никогда не вредно!

— Только пусть этим занимаются части Седьмой дивизии, а не моей,— вмешался в разговор Фок.— Я решительный противник подобных экспериментов и не допущу участия в них частей Четвертой дивизии.

— В поиске будут участвовать те части, которые назначит начальник района,— ответил Кондратенко.

— Так как инициатор дела вы, Роман Исидорович, то вам и карты в руки! В разведке будут участвовать полки вашей Седьмой дивизии и, если хотите, моряки,— обернулся Стессель к Кондратенко.

— Я просил бы придать мне еще пограничников.

— Не возражаю!

— Завтра же я сменю Двадцать шестым полком Четырнадцатый и начну подготовку к поиску. Быть может, вы найдете возможным, Александр Викторович, передать в мое распоряжение охотничью команду Четырнадцатого полка?

— Нет, не найду. Сами кашу завариваете, сами ее и расхлебывайте, а я тут ни при чем и мои солдаты тоже.

 — Охотники Четырнадцатого полка хорошо знают

местность в этом районе, а моим частям придется еще знакомиться с ней, на что уйдет много времени.

— Взялся за гуж, не говори, что не дюж! — усмехнулся Стессель.— Орудуйте, Роман Исидорович, своими силами и не рассчитывайте на чужую помощь.

— Попробую!

— Только помните, что за успех дела вы отвечаете целиком! — с угрозой заметил Фок.

— Я привык отвечать за свои действия.

— Тут кончается участок Четвертой дивизии,— остановил свою лошадь Фок.— Дальше район Кондратенко.

Стессель тоже остановился.

— Устал я, Роман Исидорович, и обещал жене к вечеру быть в Артуре. Вы и без меня прекрасно сумеете осмотреть позиции и внести, где нужно, необходимые исправления, поэтому я поеду обратно.

— Не смею задерживать, ваше превосходительство. Но, конечно, очень жаль, что вы не сможете взглянуть на «заячьи норы», в которых расположены мои части.

— Вы снимите несколько фотографий и потом покажете их мне и Александру Викторовичу,— мудро решил Стессель и тронулся в обратный путь вместе со своей свитой.

Кондратенко, Науменко и Звонарев двинулись дальше. Вскоре их встретили начальник правофлангового участка полковник Семенов, участковый инженер капитан Зедгенидзе и начальник артиллерии участка полковник Мехмандаров. Поздоровавшись с ними, генерал направился на позиции. В отличие от участка Четвертой дивизии окопы здесь были прекрасно оборудованы, имели прочные блиндажи, были хорошо применены к местности.

— И это Фок смеет называть заячьими норами! — возмущался Кондратенко.

Уже совсем в темноте Кондратенко добрался до штаба Семенова и решил здесь заночевать. Вскоре один за другим подъехали вызванные по телефону начальники боевых участков левого фланга. Кондратенко приветливо с ними здоровался и заставлял каждого подробно рассказывать о положении на участке. Затем началось совещание о возможности перехода в наступление в направлении Дальнего. Эта мысль была с энтузиазмом поддержана присутствующими.

— Только бы Фок не подвел, а мы сумеем прорвать расположение японцев,— резюмировал мнение собравшихся Семенов.

— Завтра сменим Четырнадцатый полк и попробуем

выйти в тыл Хунисану, пусть они нам дадут хотя бы одного-двух проводников из охотничьей команды,— проговорил Кондратенко.— Попрошу об этом прямо Савицкого.

Записка была написана, генерал вручил ее Звонареву и велел доставить командиру Четырнадцатого полка.

— Теперь всего половина десятого. Через час вы будете у него. Можете там и остаться на ночлег,— распорядился Кондратенко.

— Я постараюсь разыскать Енджеевского и у него останусь до утра,— ответил прапорщик.

— Прекрасно. Сообщите ему о наших намерениях и спросите совета. Было бы очень хорошо, если бы он с утра повидал меня.

Через час Звонарев был уже в штабе Четырнадцатого полка. После отъезда Стесселя там продолжали пьянствовать.

Полковник, с красным лицом, без кителя, сидел за столом в палатке на своем прежнем месте. Около него собралась довольно большая компания.

Прапорщик, растолкав толпу, подошел к полковнику и протянул пакет.

Все находившиеся в палатке обернулись в сторону своего командира.

— Выступать куда-нибудь? Тревога? Японцы прорвались? — засыпали вопросами прапорщика.

— Кукиш! дам я ему своих охотников! Если хочет, может брать это золотце Енджеевского. Свечку поставлю своему святителю, когда от него избавлюсь! — проговорил полковник, ознакомившись с запиской Кондратенко.— Завтра передам позицию у Хунисана Семенову, а второй батальон оттяну в тыл. Ваш же генерал может там чудить как хочет! У меня есть приказ Фока — никакой поддержки ему ни в чем не оказывать.

— Так и прикажете передать генералу Кондратенко? — поставил вопрос ребром Звонарев.

— Что вы? Еще и в самом деле вздумаете ему дословно передать все, что я говорю. Сейчас я продиктую ответ...

«Ваше превосходительство, высокоуважаемый Роман Исидорович! При всем моем искреннем желании, я, к великому моему сожалению, лишен возможности удовлетворить вашу просьбу, хотя горячо сочувствую вашему начинанию и твердо убежден в его несомненном успехе под вашим мудрым руководством. Единственно, что я могу сделать,— это откомандировать в ваше распоряжение начальника моей охотничьей команды поручика Енд-

жеевского. Срок командировки его не ограничиваю временем. Остаюсь вашего превосходительства преданнейший слуга *Владимир Савицкий».*

Взяв письмо, прапорщик вышел из палатки и отправился к месту расположения охотничьей команды. По дороге к нему присоединился Али-Ага Шахлинский, который, по поручению Ирмана, должен был объехать батареи и предупредить о предстоящем уходе с занимаемых сейчас позиций.

— Как, и артиллерия снимается с этого участка? — удивился Звонарев.

— Фок приказал убрать все орудия, а инженерам разобрать блиндажи и материалы использовать на других участках позиции.

— Короче, Кондратенко предоставляется голое место, на котором прежде всего надо будет вновь возводить укрепления.

— Весьма возможно, что японцы, заметив, что наши разбирают блиндажи, сами перейдут в наступление раньше нас.

— Надо срочно об этом предупредить генерала,— решил Звонарев и хотел было ехать назад в штаб Семенова, но капитан предложил туда заехать лично.

— Особенно не беспокойтесь. Мой командир бригады, полковник Ирман, решил правофланговые батареи вопреки приказу Фока пока оставить на месте. Я лично повидаюсь с полковником Мехмандаровым. Мы с ним старые друзья и с полслова поймем друг друга. Какие бы приказания ни отдавал Фок, батарея подполковника Лаперова, где я старшим офицером, никогда не бросит без помощи полки дивизии Кондратенко,— пылко проговорил Шахлинский.— От правофланговой батареи Романовского до штаба Двадцать шестого полка всего три-четыре версты, я за полчаса доберусь до него и передам все, что нужно. Вы же поезжайте прямо к Енджеевскому.

Стах уже спал, когда Звонарев вошел в его палатку, но будить его не пришлось: он тотчас же проснулся и, натянув сапоги, присел к столу, на котором стояла зажженная свеча. Выслушав Звонарева, он тихонько свистнул.

— Ясно, что Фок хочет подложить свинью Кондратенко. Но мы еще посмотрим, что из этого выйдет. Я, конечно, с удовольствием перейду к Семенову, а что касается моих охотников, то постепенно я их всех перетащу за собой. Денисов! — крикнул поручик, приподняв полу палатки.

— Чего изволите? — отозвался голос из темноты, и в

палатку вошел коренастый стрелок с перевязанной головой.

— Надо всех больных и раненых отправить в тыл,— начал было поручик.

— Они, ваше благородие, не хотят. И здесь, говорят, перэможемся.

— Я перевожусь в Двадцать шестой полк,— объявил ему поручик.

Унтер-офицер с удивлением посмотрел на поручика.

— Как же мы без вас-то будем, Евстахий Казимирович? — спросил он.— За вами мы и в огонь и в воду пойдем, потому что вас знаем,— зря людей не поведете, а новый начальник неизвестно какой еще попадется.

— Пусть, кто нездоров, отправляется в госпиталь, а там просится в Двадцать шестой полк.

— Смекнул, ваше благородие! Только половина команды сразу уйдет. Много у нас легкораненых, которые в строю остались. Есть, кроме того, больные, особенно животом, ревматизмом и куриной слепотой.

— Всем сразу уходить нельзя: человек по пятнадцати в день, не больше.

— Понял! Созову взводных, мы мигом это дело обмозгуем.— И унтер скрылся из палатки.

Вскоре лагерь зашумел. Послышались споры, кому прежде идти к поручику в Двадцать шестой полк.

— Кондратенко очень хотел, чтобы вы оставили на месте часть своих людей,— напомнил Звонарев.

— Хорошо. Сразу у десятка-другого стрелков заболят животы. Они и останутся на месте, когда полк будет уходить. По прибытии же Двадцать шестого полка они чудодейственным образом все поправятся. Эту комедию мы разыграем легко. Одним словом, совсем облапошим эту жирную свинью Савицкого! — радостно проговорил Стах.

Звонарев громко зевнул, сказывалась дневная усталость.

— Ложитесь-ка вы на мою постель, Сергей Владимирович, мне сейчас не до сна. Слишком много надо сделать за ночь,— предложил Стах.

Едва Енджеевский вышел из палатки, как Звонарев, не раздеваясь, повалился на постель и тотчас уснул.

Проводив Стесселя, Фок и Сахаров направились в свой штаб, расположенный в Кумирненской импани. Лошади осторожно шли по темной дороге. Фок громко вздыхал и чертыхался, когда его конь оступался в темноте.

— Вы, верно, очень устали, ваше превосходительство? — участливо спросил Сахаров.

— Чертовски! Скорей бы эта проклятая война кончилась, сейчас же выйду в отставку и уеду куда-нибудь подальше.

— Если не секрет, то куда же вы собираетесь уехать?

— За границу! В Южную Германию. Мы, Фоки, родом из Тюрингии. Хотелось бы приобрести там дачку и пожить до конца дней на покое у себя в родном фатерланде.

— Вы заслужили полное право на спокойную старость.

— В России не умеют ценить по заслугам людей! Стессель моложе меня на семь лет, а уже метит в полные генералы, я же дальше не пойду и через год буду уволен со службы по возрастному цензу.

— Вам самим следует уже сейчас позаботиться о своей старости.

— Не от меня это зависит.

— От вас, ваше превосходительство! Войну надо кончать поскорее, ибо она в тягость русскому народу. Может быть, я пессимист, но как-то мало верю в освобождение Артура,— вздохнул Сахаров.

— Так вы считаете, что чем Артур скорее будет занят японцами, тем лучше для русских?

— Не совсем так, ваше превосходительство, но коль скоро ему суждено пасть, пусть это совершится поскорее; меньше будет человеческих жертв.

— Да, капитан, вы правы: упорное сопротивление на передовых позициях совершенно излишне, чего не хочет понять Кондратенко. Только зря проливают солдатскую кровушку.

— По-видимому, он надеется на благоприятный исход войны.

— Не такой он дурак! Просто хочет прослыть артурским героем.

— Надеюсь, Стессель не разделяет его взглядов?

— Стессель собственного мнения не имеет, это для него слишком сложно.

— Тогда пусть он усвоит мнение вашего превосходительства!

— Вы, Василий Васильевич, человек коммерческий. Хотите услугу за услугу? Я буду поддерживать у Стесселя ваше мнение об осаде... Мог бы я участвовать в вашем предприятии?

— Разрешите на ваше имя записать акции шанхайского банка тысяч на десять — пятнадцать?

— Только, чур! Договора с вами я, конечно, заключать не буду.

— Слово вашего превосходительства дороже денег!

Сахаров оживился и весело замурлыкал что-то себе под нос.

— Много вам платят японцы? — неожиданно обернулся к нему Фок.

— Мне? Японцы? За что? — похолодев от страха, воскликнул Сахаров.— Шутить изволите, ваше превосходительство! Что же касается этого купца Тифонтая, то я с трудом выжал из него три процента с чистого дохода... вообще — купцы народ коммерческий.

— А японцы — дальновидный!

— Вполне согласен с вашим превосходительством.

— Тогда все в порядке,— закончил разговор генерал.

Утром к Фоку явился полковник Дмитриевский с целым ворохом бумаг.

— Прежде всего разрешите доложить вашему превосходительству, что ваше распоряжение о снятии с позиций Четырнадцатого полка выполнено только наполовину: стрелки ушли, но разбирать блиндажи и укрытия генерал Кондратенко не разрешил.

— Савицкому надо было не спрашивать разрешения у Кондратенко, а точно выполнить мое приказание. Объявите ему выговор в приказе по дивизии.

— Генерал Кондратенко под угрозой ареста приказал все оставить на месте. Кроме того, в расположении Четырнадцатого полка появилась не то холера, не то дизентерия. В охотничьей команде сразу заболело двадцать человек, некоторые тяжело. Ввиду этого полковой врач, во избежание распространения заразы, не рекомендовал что-либо уносить с бывшего участка полка.

— Это другое дело! Пусть себе там Кондратенко на здоровье возится с эпидемией, мы вовремя убираемся отсюда.

Вскоре приехал Савицкий и стал оправдываться в невыполнении приказа начальника дивизии. Фок дал ему выговориться и затем спросил:

— Правда, что у вас обнаружилась холера?

— В охотничьей команде поручика Енджеевского. Я, кстати, откомандировал его в распоряжение Кондратенко.

— Это тот умник, который уверял под Цзинджоу, что японцы уходят на север и в нарушение подчиненности, помимо меня, прямо донес об этом Стесселю и почему-то Кондратенко?

— Он самый, ваше превосходительство. Я с удовольствием бы и совсем избавился от его присутствия в полку.

— Подайте рапорт по команде. Я поддержу ваше ходатайство перед начальником района. Заодно пусть он забирает с собой всех этих холериков и разводит заразу в Седьмой дивизии.

— Слушаюсь! Сам Енджеевский тоже является нравственной заразой для всего полка — нигилист и критикан!

— Тем больше оснований от него избавиться! Посмотрим, как Кондратенко справится со своей затеей,— злорадно проговорил Фок.

— Ваше превосходительство! — доложил генералу вошедший Ирман.— По просьбе генерала Кондратенко я оставил на месте две правофланговые батареи.

— Совершенно напрасно! Немедленно снимите их, они мне нужны на левом фланге завтра к утру.

— Но там и так уже имеется три батареи, а у Хунисана почти нет артиллерии. Там намечается наступление Двадцать шестого полка, и без артиллерийской подготовки полк понесет значительные потери...

— До Седьмой дивизии, с ее умником Кондратенко, мне нет дела! К вам она тоже не имеет никакого отношения, и вам незачем о ней беспокоиться.

Ирман в волнении поднялся во весь рост перед Фоком и задыхающимся голосом проговорил:

— Вашего распоряжения по долгу службы и чести своего мундира я исполнить не могу. Прошу освободить меня от командования бригадой!

Фок с удивлением смотрел на своего всегда дисциплинированного и выдержанного начальника артиллерии. В таком состоянии он его еще никогда не видел.

— Какой же вы горячка, Владимир Александрович! Как будто вы не совсем лишены нашей спокойной и уравновешенной германской крови. Из-за пустяков пыль поднимаете!

— Человеческие жизни для меня никогда не были пустяками.

— Я вас, полковник, больше не задерживаю,— вновь повысил голос Фок.— Если вы больны, подавайте рапорт и уезжайте в Артур, но дальнейших препирательств по поводу отданного мною приказа я не потерплю.

Ирман повернулся по-уставному и, щелкнув шпорами, вышел. Выйдя от начальника дивизии, Ирман быстро написал рапорт о болезни и подробное письмо Кондратенко. Письмо он вручил Али-Ага Шахлинскому и приказал ему тотчас же ехать к генералу.

— От вас многое зависит, Али-Ага,— напутствовал капитана Ирман.

— Не беспокойтесь, Владимир Александрович. Али-Ага еще никогда никого не подводил и не предавал в жизни. Если Фок задумал подвести Седьмую дивизию под удар японцев, то это ему не удастся. Приложу все силы, чтобы расстроить его козни и помочь генералу Кондратенко.— И, вскочив на коня, Шахлинский широким галопом поскакал по дороге.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Звонарев вместе с Кондратенко обходил линию окопов, которые должен был занять Двадцать шестой Восточносибирский стрелковый полк. Генерал осматривал мелкие окопчики с небольшим земляным бруствером, едва прикрывавшим сидящего на дне человека.

— Надо удивляться ничтожности потерь в Четырнадцатом полку при таком отвратительном устройстве окопов,— раздраженно сказал он.

— Японец тут совсем не стреляет, можно хоть на бруствере сидеть, ваше превосходительство,— доложил Денисов, оказавшийся в числе «заболевших холерой и внезапно поправившихся» охотников.

— Очевидно, здесь никого нет, кроме редких цепей для наблюдения за нами,— окончательно решил Кондратенко.— Пока займемся улучшением позиции и подготовкой к глубокому поиску в тыл, который может привести и к прорыву всего японского расположения.

— Если только Фок и Стессель не помешают,— вставил Семенов.

— Наверное, помешают,— добавил Енджеевский.— Наш начальник дивизии из кожи вылезет, чтобы напакостить вам.

Около полудня стремительно прискакал Али-Ага Шахлинский с письмом от Ирмана.

Ознакомившись с содержанием письма, генерал сделался мрачным.

— Батареям уже передано приказание об уходе? — спросил он у капитана.

— Никак нет, но от вас я еду к ним.

— Попросите обоих командиров батарей ко мне. Я лично побеседую с ними. Пока что надо хотя бы до вечера задержать здесь батареи, а затем я попрошу вас, Сергей Владимирович, махнуть отсюда прямо в Артур

к Стесселю,— часа через два с половиной вы будете там. Я прошу его немедленно выслать мне из крепости пятидесятисемимиллиметровую ездящую батарею, батарею семидесятипятимиллиметровую китайских пушек и хотя бы взвод шестидюймовых полевых мортир,— всего двенадцать орудий и две мортиры. С этими силами я еще смогу обойтись. Только большая просьба, Сергей Владимирович: по дороге не мешкать. Сейчас десять утра, к завтрашнему утру батареи должны быть здесь.

Звонарев немедленно велел седлать себе лошадь.

— Моряков я прошу одновременно выслать канонерки и миноносцы к бухте Лунвантань. Пусть обстреляют берег с севера от Семафорной горы,— добавил Кондратенко, вручая прапорщику пакет.

Звонарев без особых приключений добрался до Артура и прямо с дороги направился с докладом к Стесселю.

Генерал был удивлен его появлением.

— Что там стряслось, что вас погнали с позиций прямиком в Артур? — спросил он у Звонарева.

— Когда я уезжал, все было благополучно, за исключением некоторых разногласий между генералами Фоком и Кондратенко.

— Опять началась генеральская грызня,— раздраженно проговорил Стессель и, разорвав пакет, стал читать донесение.— Я приказал Фоку убрать полк, а не батареи, кроме того, смена намечалась на завтрашний день, а не на сегодня. Тут уже, очевидно, Роман Исидорович, как всегда, поторопился. Что за человек! Ни минуты не может посидеть спокойно! — все больше раздражался Стессель.— Просимые им батареи я, конечно, вышлю, если они в Артуре. Вернее же, они стоят в резерве за дивизией Фока. Мортиры здесь — сейчас прикажу Василию Федоровичу их сегодня же двинуть на позиции. Вы и отвезете это приказание в Управление артиллерии.

— Генерал Кондратенко хотел, кроме того, просить помощи у флота,— доложил Звонарев.

— Есть и для них пакет?

— Так точно!

— Дайте его сюда,— приказал генерал и тут же вскрыл пакет.

— «Прошу оказать содействие моему наступлению на Дальний»,— начал читать Стессель.— Какое это еще наступление? Кто его разрешил? — набросился он на Звонарева.— «Желательно в этой операции не меньше трех — пяти судов подвижной береговой обороны, канонерок или

крейсеров, при одновременном ударе всем броненосным отрядом на Дальний с моря». Да тут намечается целая большая операция с участием всего нашего флота и без моего ведома и согласия! Я решительно запрещаю предпринимать что бы то ни было до моего разрешения! Письмо, адресованное Витгефту, я задержу у себя впредь до объяснения Кондратенко. Пока отправляйтесь к Белому и от моего имени прикажите выслать на передовые позиции взвод шестидюймовых мортир,— распорядился генерал.— Вы когда возвращаетесь обратно?

— Генерал Кондратенко приказал мне остаться в Артуре и продолжать работу на сухопутном фронте.

— Кого же мне послать к Кондратенко? Гантимуров здесь? — спросил Стессель у молчаливо наблюдавшего за происходящим Рейса.

— Еще не вернулся, ваше превосходительство.

— Придется послать Водягу. Можете идти, господин прапорщик,— отпустил генерал Звонарева.

В Управлении артиллерии раздавались сильный шум и крики, когда туда явился Звонарев. Еще издали он узнал могучий бас Борейко.

— Не соглашался и не соглашусь! — кричал поручик, стоя перед заведующим хозяйством крепостной артиллерии подполковником Бжозовским.— Раз на складах есть приличное обмундирование, давать солдатам всякую рвань нельзя! Они тоже люди и должны быть одеты и обуты как следует!

— Это обмундирование первого срока, оно не может быть выдано вам,— убеждал его Бжозовский.

— Люди босы, и я должен их обуть! — гремел Борейко.

— Считаю вопрос исчерпанным, прошу уйти! — обозлился заведующий хозяйством.

— Я держусь другого мнения и иду прямо к генералу.— И, широко распахнув дверь, в коридор вылетел разъяренный поручик, едва не сбив Звонарева с ног.

— Ты откуда в таком виде? — удивился он, оглядывая своего запыленного с дороги друга.

Прапорщик пояснил.

— Идем к Белому, он у себя в кабинете.

— Надо доложить через адъютанта.

— К черту всех адъютантов! — И Борейко шагнул в кабинет генерала.

Белый был чем-то занят с Тахателовым и не сразу посмотрел на вошедших. Оба офицера молча ожидали, пока генерал заговорит с ними.

— Откуда вы такой запыленный? — наконец обратился Белый к прапорщику.

Тот подал конверт от Стесселя и коротко изложил суть происшедшего.

— Жаль, что Роман Исидорович заранее нас не предупредил о своих планах,— заметил генерал.

— По-видимому, они у него возникли внезапно. Кроме того, он хочет использовать элемент неожиданности и атаковать японцев без проволочки и просит только его поддержать.

— Флот наш быстро раскачать трудно. Напрасно вы отдали Стесселю письмо, адресованное Витгефту, я сам поговорю с ним и адмиралом Лощинским. Что-нибудь да предпримем, чтобы помочь Кондратенко.

Звонарев хотел было уходить, но его задержал Тахателов расспросами о дороге, по которой должен был идти мортирный взвод. Генерал тем временем обрушился на Борейко.

— Пора прекратить ваши чудачества, поручик! Каждый день ко мне со всех сторон поступают жалобы на вас,— говорил Белый, резко отчеканивая слова.— Подполковник Бжозовский жалуется, что вы вчера самовольно захватили пятьдесят пар заготовок и отказались их вернуть. Хотя я ценю вас как боевого офицера и хорошего артиллериста, все же я решил перевести вас обратно на Электрический Утес. Пока этим и ограничусь. Заготовки же верните на склад.

— Я уже пошил из них сапоги.

— Когда же вы успели это сделать?

— Посадил всех сапожников своей роты и призанял у соседей, они мне за ночь и стачали пятьдесят пар.

— Я отдам в приказе выговор вам с переводом на Электрический Утес младшим офицером.

— На Залитерную вы кого собираетесь назначить, ваше превосходительство?

— Штабс-капитана Высоких.

— Этот подойдет!—одобрил выбор генерала Борейко.

— Я того же мнения,— иронически улыбнулся генерал и отпустил офицеров.

Через час Звонарев вместе с Белым отправился к Витгефту на «Цесаревич». Там они застали адмиралов Лощинского, Ухтомского и Григоровича.

Белый был среди моряков своим человеком, поэтому его встретили без всяких церемоний. Матусевич дружески взял его под руку и провел к Витгефту. Эллис и Звонарев последовали за ними. Хотя официального заседа-

ния не было, но морские и сухопутные превосходительства обменялись мнениями по поводу предложения Кондратенко.

— Кроме судов отряда Михаила Федоровича,— кивнул в сторону Лощинского Витгефт,— мы ничего выделить не сможем.

— А крейсера «Аскольд», «Диана», «Паллада» и особенно «Баян»? — напомнил Белый.

— Они так глубоко сидят, что долго придется тралить рейд для их прохода — тогда можно будет вывести и броненосцы.

— Тем лучше! Пока Михаил Федорович со своими канонерками, миноносцами и крейсерами будет обстреливать берег, броненосцы обрушатся на Дальний,— предложил Белый.

— Дальнинский рейд сильно заминирован, и к нему близко подходить опасно. Кроме того, японцы, выдвинув свой флот к Артуру, отрежут нас от него и заставят в море принять бой, что для нас совсем невыгодно.

— Побольше решительности, Вильгельм Карлович,— уговаривал адмирала Белый.— Я всегда стоял за тесное сотрудничество с флотом, думаю, что и на этот раз выражаю ту же точку зрения. Необходимо обстрелять Дальний, хотя бы с большой дистанции. Это заставит японцев обратить внимание на охрану этого порта и отвлечет часть их морских и сухопутных сил.

После долгих споров решили, что с утра в море выйдет отряд подвижной береговой обороны под флагом Лощинского в составе «Новика», трех канонерок и шести миноносцев. Крейсера же и «Ретвизан» должны быть готовыми к выходу на помощь в случае надобности.

Дома Звонарева ждал подполковник Науменко.

— Едемте сейчас на позиции: вас вызывает Кондратенко. На ночь намечено наступление, а с рассветом флот поддержит нас с моря.

— Сейчас велю седлать,— ответил прапорщик.

— У штаба стоит экипаж Сахарова, он нас довезет.

Через четверть часа, сопровождаемые взводом казаков, они уже катили вместе с Сахаровым в экипаже по средней артурской дороге.

Звонарев, развернув карту, рассказывал начальнику штаба о предполагаемых действиях отряда Лощинского. Сахаров с большим интересом следил за его объяснениями, делая заметки у себя в записной книжке.

— Для доклада генералу Фоку,— пояснил он.

 К заходу солнца они добрались до Кондратенко, кото-

рый торопливо начал расспрашивать Звонарева о намерениях флота.

— Необходимо будет завтра с утра хорошенько наладить связь с моряками через Семафорную гору. Ночью наши разведчики пойдут на поиск, и если он будет удачен, то их поддержит Двадцать шестой полк,— говорил Науменко.

— Каково будет расположение полков, батареи и резервов? — поинтересовался Сахаров.

Науменко начал указывать на карте расположение частей, а капитан быстро наносил его на свою карту.

— Откуда у вас, Василий Васильевич, такая чудесная карта? — обратил внимание подполковник.

— Японская,— спокойно ответил Сахаров.— В Дальнем купил.

— Вот бы нам такую! Наши очень плохи: все названия переврана, дороги и деревни нанесены не там, где надо, высоты указаны неверно,— жаловался Науменко.— Нельзя ли у вас скопировать?

— Пожалуйста! После доклада Фоку пришлю вам карту для копировки,— предложил Сахаров.

— Прекрасно, будем вам очень благодарны...

Распрощавшись, Сахаров покатил дальше.

В темноте легко было сбиться с дороги, и поэтому Сахаров посадил в свой экипаж встретившегося вскоре человека, который указывал кучеру дорогу. Когда надобность в проводнике миновала, человек слез, получив от капитана за труд двугривенный и небольшую бумажку с непонятными значками, которую он тщательно спрятал за пазуху.

Разведчики Двадцать шестого полка должны были двинуться около полуночи. Общее руководство ими было возложено на Енджеевского, и около десяти часов вечера поручик зашел в штаб за получением окончательных распоряжений. Здесь он встретился с Звонаревым, только что приехавшим из Артура.

— У вас все готово к сегодняшней ночной операции? — спросил у Стаха Кондратенко.

— Так точно, ваше превосходительство! Люди разведены в исходное положение, и им подробно объяснено задание. Я постараюсь без шума добраться до линии батарей и частных резервов, там атакую и буду ждать подхода полка, чтобы пропустить его вперед.

— Только сильно не задерживайтесь, углубляйтесь в расположение противника не дальше двух-трех верст, а

то вас могут отрезать от главных сил полка,— предупреждал генерал.

— Разрешите мне отправиться с разведчиками,— обратился к генералу Звонарев.

— Вы мне нужны здесь,— отказал Кондратенко,— затем, что я отвечу Василию Федоровичу, если с вами что-нибудь случится? Он и так настаивает на вашем возвращении в артиллерию.

— Поручите мне, Роман Исидорович, держать связь с охотниками,— попросил Звонарев.

— Только, чур, зря не рисковать и аккуратно посылать донесения,— уступил наконец генерал.

Обрадованный прапорщик вышел вместе с Енджеевским.

— Раз так, то переодевайтесь! Шашку и шпоры долой! — распоряжался Стах.— Наденьте солдатскую рубаху вместо кителя, погоны мы вам нарисуем прямо на ней. Возьмите винтовку, а револьвер суньте в карман, так-то вам куда удобнее будет, чем в вашем обычном снаряжении. Вы пойдете сперва вместе со мной, а затем двинетесь самостоятельно. В помощь вам я дам своего фельдфебеля Денисова, он будет вам очень полезен. Все время внимательно следите за моими сигналами свистком: протяжный — значит, наступать или стрелять, короткий — значит, отходить и собираться ко мне. Вот и все,— учил прапорщика Енджеевский.

Вскоре оба офицера отправились к долинке за передовыми окопами, где собирались охотники.

Ночь выдалась темная, грозовая. Временами налетал шквальный ветер, под его порывами гаолян сильно шелестел; поблескивали зарницы, быстро неслись низкие тучи.

— Лучшей погоды и не придумать: за шорохом деревьев и гаоляна ничего не услышишь, а при слабых зарницах многого не разглядишь,— радовался Стах.— Позвать взводных ко мне в палатку,— распорядился он.

Вскоре в маленькой палатке собралось человек пять солдат. Енджеевский разложил карту прямо на земле и при свете электрического фонарика стал еще разъяснять солдатам, что надо делать во время поиска.

— Мой заместитель прапорщик Звонарев.— Енджеевский осветил его с головы до ног.— Запомните: я всегда в папахе, а он будет в фуражке. С прапорщиком пойдет Денисов, поняли?

— Так точно, Евстахий Казимирович, поняли! — хором ответили солдаты.

— С вами, Сергей Владимирович, пойдет третий взвод,— они у меня большие ловкачи, но увлекаться им не разрешайте! — предупреждал Енджеевский.— Пора в путь! — решил он, взглянув на часы.— С богом или чертом, с кем кому больше нравится! — пошутил Стах на прощание.

— Третьему взводу всегда чертяка ворожит,— отозвался длинноусый солдат с рябинками на лице.

— Недаром фамилия твоя Чертовский,— ответил Енджеевский.— Ваш взводный,— указал он Звонареву на говорившего.

— Расходись по местам, ребята! Я пойду прямо вперед, вы сперва за мной, а в долине свернете налево. Желаю успеха, Сергей Владимирович! — пожал он руку Звонареву и скрылся в темноте.

— Нам сюда, ваше благородие,— сказал Чертовский и повел прапорщика в сторону.

— Становись! — вполголоса скомандовал Денисов.— Выходи на дорогу, винтовки на ремень. Глазко, иди вперед, будешь держать связь с первым взводом.

Солдаты двинулись по узенькой тропинке. Когда глаза привыкли к темноте, Звонарев стал различать чуть белевшую узенькую тропинку, спускавшуюся круто вниз.

— Прошли наши окопы,— вскоре шепотом сообщил прапорщику Денисов.

Стрелки шли совсем бесшумно, только изредка шуршал, катясь под уклон, срывавшийся из-под ног камень.

Пересекли маленький ручеек в долине и вошли в гаолян.

— Сейчас справа будет японская батарея, а за ней их окопы,— прошептал унтер-офицер.

Поле стало резко подниматься вверх, и вскоре отряд вышел на вершину хребта.

Звонарев остановился с Чертовским, пропуская вперед остальных. Все было по-прежнему окутано густым мраком ночи, и отряд осторожно продвигался дальше, почти вплотную подбираясь к японскому лагерю.

— Глазко, Прядин! — шепотом позвал Денисов.— Видите часового?

— Так точно!

— Мигом снять, но без шуму! Первое и второе отделения кинутся по свистку на первые две палатки, третье и четвертое — на левое крыло,— распоряжался солдат.— Винтовку приготовьте, ваше благородие, может, стрелять придется.

Прошло несколько томительных мгновений. Японский

часовой, посвистывая, продолжал расхаживать вдоль батареи. Стрелки расположились по сторонам, поближе к намеченным палаткам. Только Звонарев, Дроздов и Чертовский остались на месте.

Вдруг раздался глухой удар о землю и тихая возня. Часовой исчез, и Дроздов оглушительно засвистел. Шестьдесят человек одновременно поднялись на ноги и бросились к палаткам. Грянул выстрел, другой, кто-то дико вскрикнул, десятки фигур замелькали в темноте, сталкиваясь на бегу, падая и вновь поднимаясь. На Звонарева выбежал из темноты маленький человек в белом — по-видимому, в нижнем белье. Он быстро вскинул руки и выстрелил. Денисов мгновенно ткнул японца штыком, и тот с криком повалился на землю.

Еще два-три выстрела, и на батарее было все кончено, но справа и слева раздалась частая ружейная трескотня, послышался лошадиный топот. Звонарев с солдатами поспешил к орудиям.

— Вынимай замки! — скомандовал он стрелкам.

Вскоре все четыре замка были сняты с орудий, стрелки камнями сбивали с пушек прицельные мушки, вынимали прицелы и всячески старались привести орудия в негодность.

Со всех сторон шла усиленная ружейная перестрелка, прерываемая гулом пушечных выстрелов.

— Ваше благородие, пора назад! — подбежал Денисов.— Евстахий Казимирович до себя кличут, свистки ихние слыхать.

— Потери у нас есть? — спросил Звонарев.

— Гриднев убит да двоих легко поцарапало — вот и все,— доложил Денисов.

Все кинулись по тропинке на гору, прапорщик с Чертовским остались в хвосте. Идти пришлось по тому же гаоляну, по которому шли раньше, но теперь он вдоль и поперек простреливался ружейным огнем. Сквозь заросли гаоляна вспыхивали огоньки ружейных выстрелов, вскрикивали и валились на землю раненые.

Отряд Звонарева таял с каждой минутой, число раненых увеличивалось, а с этим и увеличивались трудности продвижения в густом гаоляне. Кое-как с трудом добрались до хребта, на котором были расположены русские окопы, но они оказались уже заняты японцами. Перестрелка шла далеко внизу у реки Лунвантань, около которой ранее были расположены резервы Семенова. Стало очевидным, что отряд был отброшен за реку. В суматохе боя связь с Енджеевским была утеряна. Звонареву при-

шлось принимать решение на свой страх и риск.

Собрав своих людей в небольшой укрытой лощинке, прапорщик подозвал к себе Денисова, Чертовского и еще нескольких стрелков и начал с ними советоваться, что делать дальше.

— Ума не приложим, как могло случиться, что японец сбил наш полк с позиции,— недоумевали солдаты,— не иначе, ему сообщили о нашем наступлении.

— Давайте лучше раскинем мозгами, как теперь нам добраться до своих,— остановил солдат Звонарев.

После обсуждения решили небольшими группами пробираться к реке. Один из стрелков знал, где находится брод, другие брались провести к нему отряд.

Осторожно, под прикрытием темноты, удалось незамеченными пробраться в прибрежные камыши к нужному месту.

Кое-как, часто останавливаясь и прислушиваясь, охотники добрались до речки и спрятались в прибрежных камышах. За рекой шел бой, слышалась ружейная стрельба и орудийная канонада.

Дождавшись рассвета, Звонарев с отрядом вышел наконец в расположение русских войск и вскоре, весь мокрый и грязный, был уже в штабе Кондратенко.

— Умойтесь, почиститесь, поешьте и приходите сюда опять,— распорядился генерал, выслушав его рапорт о вылазке.— Я отправлю вас на Семафорную гору для связи с моряками. После артиллерийской подготовки Двадцать пятый и Двадцать шестой полки перейдут в наступление.

— Слушаюсь! — отозвался прапорщик и вышел.

— Что здесь произошло ночью? — спросил Звонарев у адъютанта Четырнадцатого полка.

— Произошло то, чего меньше всего можно было ожидать. Когда Двадцать шестой полк двинулся за охотниками и уже взял японские окопы, слева во фланг и тыл ударили два японских полка, смяли его, отбросили на первоначальные позиции и на его плечах ворвались в них, едва не захватив при этом нашу артиллерию. Японское наступление удалось задержать контратакой Двадцать пятого полка уже на этом берегу реки Лунвантань. Очевидно, японцы были прекрасно осведомлены о нашем наступлении и отлично рассчитали свой удар. Кроме того, Четвертая дивизия пальцем не пошевелила, чтобы нам помочь. На все просьбы Фок ответил категорическим отказом. Вызванный Кондратенко из Артура Двадцать седьмой полк с дороги был возвращен Стесселем обрат-

но. Результат: мы сидим на восточном берегу Лунвантаньской долины и собираемся атаковать противника после артиллерийской подготовки с суши и с моря с целью вернуть свои прежние окопы. Но что из этой затеи выйдет, сейчас сказать трудно,— сообщил адъютант, пока Звонарев приводил себя в порядок.

— Где Енджеевский? — вспомнил прапорщик.

— Дважды ранен и находится на перевязочном пункте.

— Да ну! Тяжело? — заволновался Звонарев.

— По-видимому, не особенно, так как все время в сознании. Справлялся о вас.

В это время к штабу подъехал Фок в сопровождении Сахарова.

— К сожалению, Роман Исидорович, вас нельзя поздравить с успехами,— ехидно проговорил Фок, здороваясь с Кондратенко.

— В значительной степени своими неудачами я обязан вам, ваше превосходительство,— резко ответил Кондратенко.

— Вот уж, что называется, с больной головы да на здоровую! — воскликнул Фок.— Я ли вас не предупреждал против этой авантюры! Но вы меня и слушать не хотели.

— Можно подумать, что ваше превосходительство объявило о своем нейтралитете в этом бою.

— Думать, конечно, можно что угодно, но говорить подобные вещи не разрешается даже вашему превосходительству! Да чего, впрочем, можно ждать от незадачливого полководца, только что потерпевшего поражение. Имею честь кланяться!

— Редкая сволочь! — пробормотал ему вслед Кондратенко.— Евгений Николаевич, для восстановления положения на фронте мы должны рассчитывать только на свои силы,— обернулся генерал к своему начальнику штаба.

— И на помощь флота,— напомнил Науменко.

— Да, куда девался Звонарев? — вспомнил Кондратенко.

— Здесь, ваше превосходительство! — отозвался прапорщик.

— Привели себя в порядок? Поезжайте поскорее на Семафорную гору и установите связь с флотом. Как только подойдут суда, попросите немедленно открыть огонь по долине. О начале общей атаки мы вас предупредим,— распорядился генерал.

Звонарев велел подать себе лошадь и, наскоро проглотив стакан чаю, поскакал к морю. По дороге, проезжая мимо перевязочного пункта, он справился о Енджеевском.

— Я здесь! — отозвался сам поручик.

Он лежал под кустами, весь забинтованный, но бодрый.

— Как ваше самочувствие? — спросил прапорщик.

— Довольно хорошее, хотя сильно ноет левое плечо и прострелена нога,— отозвался Стах.— Что с вами-то приключилось? Я вас и не думал уже видеть в живых.

Звонарев в двух словах рассказал о себе.

— В общем, дело обернулось скверно. Мы тоже попали чуть не в окружение и едва выбрались. Откуда японцы взялись, ума не приложу! Еще днем никого не было видно,— сокрушался Стах.

— Сейчас подойдут наши суда, и после обстрела с моря мы пойдем в контратаку,— сообщил Звонарев.

— Боюсь, как бы нам не помешала опять дивизия Фока! — заметил Стах.— Ночью они вели себя предательски: артиллерия молчала, а полки только делали вид, что стреляют.

— Таков был приказ Фока.

— Расстрелять надо этого предателя и подлеца. Под Цзинджоу он предал Пятый полк, а сейчас нас,— обозленно сказал Енджеевский.

Попрощавшись с ним, Звонарев поехал дальше. Вскоре он уже был на берегу моря. Оглядев горизонт, прапорщик увидел приближавшиеся со стороны Артура корабли. Впереди шли шесть миноносцев, затем крейсера «Паллада», «Диана», «Баян» и «Новик». Шествие замыкал броненосец «Полтава». Ближе к берегу на траверзе «Баяна» держались канонерки «Отважный» и «Гремящий». «Полтава» и крейсера остановились, немного не доходя до бухты Лунвантань, а миноносцы и канонерки вошли в самую бухту.

Как только они стали на якорь, с «Отважного» отчалила шлюпка, и вскоре на берег высадился мичман, посланный для связи с сухопутными частями. Звонарев подъехал к нему и слез с лошади. Поздоровавшись, они стали подниматься на Семафорную гору, где была установлена сигнальная мачта и находился морской пост. Звонарев в бинокль начал рассматривать Лунвантаньскую долину, в восточной части которой скапливались русские резервы. Японцы с больших дистанций вели по ним редкую артиллерийскую стрельбу. В западной части,

густо поросшей гаоляном, почти ничего не было видно, только местами виднелись светлые полоски наскоро сооруженных японцами окопов.

— По всему гаоляну, ваше благородие, японцев полно,— сообщил матрос, бывший на посту за старшего.

— Не мешало бы связаться с полевыми батареями, пусть они их обстреляют,— высказал мысль Звонарев.

— Артиллеристы вон за теми камушками устроили себе пункт,— указали влево матросы.

Мичман с прапорщиком направились туда и вскоре увидели полковника Мехмандарова с несколькими офицерами. Звонарев представился ему и сообщил о возложенных на них обязанностях.

Полковник тотчас открыл огонь по гаоляну, а через десять минут все миноносцы и канонерки начали обстрел гаоляна, и японцы стали торопливо выскакивать оттуда. Полевые батареи били по ним шрапнелью, и скоро вся долина заволоклась дымом разрывов и пылью поднятой земли. Сегментные снаряды моряков хорошо ложились во фланг японцам. Противник панически бежал по всему фронту, и русские стрелковые цепи перешли в наступление. Но тут ожила ранее молчавшая артиллерия противника, обрушившаяся и на стрелковые цепи и на Семафорную гору. Несколько снарядов разорвалось около группы Мехмандарова, сам полковник был легко ранен, рядом с ним убило двух артиллеристов и ранило одного из матросов. Мичман с Звонаревым поспешили перебраться к сигнальной мачте, но и здесь вскоре начали падать снаряды.

— Поднять сигнал: судам отыскивать японские батареи, обстреливать их,— распорядился мичман от имени сухопутного начальства.

На мачте взвилось несколько флагов. Едва на кораблях был принят этот сигнал, как прямым попаданием снаряда сигнальная мачта была снесена почти до самого основания, связь с судами оборвалась.

— Нам здесь делать больше нечего,— решил мичман.

Матросы усиленно засигналили флагами, и вскоре с «Отважного» отвалила шлюпка. Приняв Звонарева и мичмана, шлюпка стрелой полетела назад. Как только она подошла к канонерке, мичман кошкой взлетел на палубу по веревочному трапу. Звонарев последовал за ним. Мичман быстро объяснил своему командиру обстановку на суше. Лазарев отдал нужные приказания, и на мачте взвилась новая комбинация флагов, разобрав которую, все корабли начали стрелять по самому хребту, простре-

ливая его продольным огнем. В ответ японские батареи принялись громить русские цепи.

— Необходимо подавить японские батареи! — заволновался Звонарев.

— Как же мы их подавим, если их ниоткуда не видать? — отвечали ему моряки.

— Надо пройти дальше вперед по берегу, чтобы были видны все тылы,— советовал прапорщик.

— Лучше бы вы, Сергей Владимирович, сами съездили на «Баян» и доложили обо всем командиру отряда крейсеров капитану первого ранга Рейценштейну,— посоветовал Лазарев.

Звонарев попросил доставить его на флагманский корабль. Капитан тотчас приказал спустить на воду паровой катер и сообщить сигналами о прибытии офицера с берега.

Минут через двадцать Звонарев уже поспешно подымался на палубу «Баяна». На мостике, куда провели Звонарева, находились командир «Баяна» Вирен, капитан первого ранга Рейценштейн, Сойманов и еще два-три незнакомых офицера. Сойманов представил прапорщика своему начальству. Его попросили наметить сперва на карте, куда следует стрелять, а затем указать цели на берегу. Звонареву трудно было сразу разобраться в развернувшейся перед ним картине, но помогла японская артиллерия, которая стала усиленно обстреливать передовые окопы Двадцать пятого полка и обнаружила себя блеском выстрелов и пылью.

— За этим хребтом,— показал Звонарев.— Только надо продвинуться вдоль берега.

Крейсер двинулся вперед, и вскоре стали ясно видны места расположения японских батарей. Обстрелянные с моря тяжелыми снарядами, они одна за другой замолкли. Звонарев хотел было распрощаться и съехать на берег, считая свою задачу исполненной, но Вирен его задержал.

— Хочется вам, прапорщик, или не хочется, а придется до Артура добраться на «Баяне»,— заявил он.— Нам надо поскорее сниматься с якоря, ибо с моря подходит Того.— И он указал на появившиеся вдали дымки. Рейценштейн, глядя в сильную подзорную трубу, старался по силуэтам угадать японские корабли.

— «Чин-Иен», за ним «Ниссин», дальше «Кассуга», потом, никак, «Микаса» или «Яшима». Выходит, что пожаловал действительно сам адмирал Того. Пора нам тро-

гаться в Артур. Поднять сигнал: судам следовать в Артур! — распорядился он.

Заметив движение русской эскадры, японцы открыли огонь. Вскоре около десятка тяжелых снарядов обрушилось на «Полтаву» и идущий концевым «Баян». Хотя прямых попаданий и не было, но один из снарядов близко взорвался при ударе об воду и осыпал крейсер осколками. Матрос-сигнальщик вдруг кубарем полетел с мостика на палубу, попытался встать, но упал снова. Около него быстро образовалось темное пятно крови. Фуражка Рейценштейна взвилась в воздухе и упала далеко на палубу, а сам капитан испуганно и удивленно схватился обеими руками за свою лысую голову. Вирен зажмурился и скривил такую гримасу, как будто ему засыпало глаза песком. Артиллерист лейтенант Деливрон поперхнулся на полуслове, Сойманов же с удивлением посмотрел на то место, где произошел взрыв снаряда. Звонарев усиленно отряхивал с себя воду, которая вместе с осколками долетела до мостика. Раненого подобрали. Вирен раскрыл глаза. Рейценштейн, несколько мгновений молчавший, вновь обрел дар слова и прежде всего облегчил свою взволнованную душу крепкой бранью.

— Думал я, что моя голова улетит вместе с фуражкой, так ударило меня воздухом.— И капитан повертел своей головой вправо и влево, как бы не веря, что она у него осталась на плечах.

— Удачный выстрел! На две-три сажени ближе — и мы не избежали бы подводной пробоины. Есть пострадавшие, кроме Федотова? — справился Вирен.

— Как будто бы нет, Роберт Николаевич,— отозвался Деливрон.

— Подбита шлюпка с левого борта, есть пробоины в задней трубке, поврежден дальномер на формарсе,— доложил старший офицер «Баяна» капитан второго ранга Любимов.

— Не оставайтесь в долгу, Виктор Карлович,— обернулся Вирен к Деливрону.

— Есть! Постараюсь добросить до «Ниссина» восьмидюймовый снаряд из носовой башни.— И лейтенант поспешно сошел с мостика, направляясь на бак. Звонарев последовал за ним.

— Разрешите мне понаблюдать вблизи стрельбу ваших орудий,— попросил он у лейтенанта.

— Пожалуйста! Пойдемте вместе в башню,— любезно предложил лейтенант.

 Прапорщика поразила впервые увиденная им полная

автоматизация процессов стрельбы: снаряд и заряд подавались элеватором из расположенных в глубине корабля погребов, наводка производилась электричеством, угол возвышения, соответствующий скомандованному прицелу, придавался при помощи электромотора, горизонтальная наводка достигалась путем вращения при помощи электричества всей башни в нужном направлении. Командир башни помещался в задней ее части, в выступавшем над крышей башни броневом колпаке, снабженном прорезью для наблюдения за целью. Когда обе пушки были заряжены, кондуктор доложил лейтенанту командиру башни.

— Прицел двести семьдесят! — скомандовал лейтенант со своего места.— Пли!

Оба орудия со страшным грохотом выбросили свои снаряды и, откатившись по накатникам, медленно и плавно вернулись на прежнее место. Хотя звук выстрела в башне несколько был смягчен броней, тем не менее у Звонарева долго еще потом сильно звенело в ушах. Как только орудия стали на свои места, матросы заторопились, подготовляя их к новому выстрелу.

— Одно попадание в корму, кажется, «Хашидате», второе — правее! — сообщил башенный командир.

Матросы загудели, споря, какое из орудий попало в цель.

— Это Зинченко! — утверждали номера левого орудия, показывая на своего серьезного комендора с георгиевской петличкой на груди.

— Нет, наш Дивулин! Он как раз в корму самому адмиралу Того целил,— шутливо возражали матросы правого орудия.

— Бил в ворону, а попал в корову!

— Должен был попасть в «Микасу», а попал в «Хашидате»,— смеялись сторонники Зинченко.— Наш комендор прямо в «Хашидате» наводил орудие и попал.

— Оба мы в один корабль целили, а кто из нас попал, неизвестно,— серьезно сказал Зинченко.

— Пробанить орудие после стрельбы! Гавриков, проследите,— приказал лейтенант кондуктору и вышел из башни.

Звонарев последовал за ним.

— Понравилась вам наша стрельба? — спросил у прапорщика Деливрон.

— Завидую вашей технике! К сожалению, на берегу ее нет!

— Помимо техники, нужна еще и выучка.

— Я восхищался слаженностью работы орудийной прислуги: видно сознательное отношение матросов к своему делу.

Деливрон расцвел от удовольствия.

Корабли подходили к Артуру. Миноносцы проскочили уже в порт, за ними начали втягиваться крейсера. Не дожидаясь входа «Баяна» в гавань, Звонарев съехал на берег на шлюпке и направился с докладом к Белому.

На следующий день с утра прапорщик отправился в штаб Кондратенко. Там он застал только приехавшего с передовых позиций генерала. Он был сильно не в духе. Мельком поздоровавшись с Звонаревым, Кондратенко заторопился к поджидавшему его Стесселю.

— Не зря, значит, мы с Фоком были против вашей авантюры,— встретил Кондратенко начальник района.

— Моя неудача объясняется тем, что мы слишком долго собирались с духом и японцы успели подвести свои резервы, затем генерал Фок меня не поддержал.

— Нечего на других пенять, Роман Исидорович, коли вы во всем виноваты,— оборвал Стессель.— Вы сперва хотели наступать чуть ли не до Дальнего, я разрешил лишь поиск разведчиков, но и это едва не кончилось катастрофой! Сколько людей мы потеряли!

— Триста раненых, около ста убитыми.

— Короче, мы потеряли целый батальон. Нет, батенька, как хотите, но я больше этого не позволю. Я решил Фока оставить на передовых позициях, а вас как инженера использовать в крепости, и назначаю вас начальником сухопутной обороны крепости с подчинением Смирнову. Фок же будет непосредственно находиться в моем ведении.

— Слушаюсь, если ваше превосходительство находит это необходимым для пользы службы.

— Нахожу, нахожу, Роман Исидорович, и рад, что вы со мной согласны, а пока прошу ко мне на завтрак,— уже дружелюбно проговорил Стессель.

— Я не умыт с дороги.

— Пустяки! Вера Алексеевна мигом все приведет в порядок! Кстати, она все время стоит за вас горой!

— Чрезвычайно признателен ей за неизменно дружеское отношение,— ответил Кондратенко и последовал за Стесселем из штаба. Тут он заметил поджидавшего его Звонарева.

— Какие будут приказания вашего превосходительства? — спросил прапорщик.

— Приказание будет одно,— вместо Кондратенко ответил Стессель,— идти ко мне завтракать!

Звонарев поблагодарил и пошел за начальством.

— Вы где сейчас пребываете и что делаете? — обернулся к прапорщику Стессель.

— Состоит при мне,— объяснил Кондратенко.— Принимал участие в последнем деле и чудом только уцелел.

— Вы, я вижу, настоящий чудотворец, молодой человек. Под Цзинджоу проявили чудеса храбрости, сейчас опять чудом уцелели. Построили какой-то чудесный, по словам Костенко, перевязочный пункт и, наконец, покорили сердце такой замечательной девушки, как Варя Белая,— шутил Стессель.

— Помилуй бог, нельзя же, ваше превосходительство, все объяснять чудесами, можно подумать и о проявлении ума,— проговорил Звонарев.

Вера Алексеевна встретила гостей, как всегда, очень любезно. Кондратенко поручила заботам своих денщиков, которые мгновенно привели одежду генерала в порядок и дали ему умыться.

Вскоре все уже сидели за столом. Подоспевший к завтраку Никитин не замедлил налечь на графинчик и пытался вовлечь в это дело и Звонарева, но потерпел неудачу.

Вера Алексеевна со своего места грозно поглядывала в их сторону, и Никитин конфузливо ограничился двумя-тремя рюмками.

— Как жаль, что ваш план, Роман Исидорович, не удался. Я убеждена, что если бы все было как следует, вы добрались бы до самого Дальнего,— кокетничала генеральша, ласково поглядывая на Кондратенко.

— Сейчас не вышло — выйдет в другой раз,— ответил тот, с хитрой улыбкой поглядывая на Стесселя.

— И не мечтайте, Роман Исидорович. Не позволю,— отозвался начальник района.— Я и не знал, что вы такой упрямый!

— Недаром из хохлов,— поддержал Никитин.

— Успех сам идет нам в руки! Будь вчера подтянуты к месту боя Двадцать пятый и Двадцать седьмой полки, мы смяли бы японцев и сейчас завтракали бы не в Артуре, а в Дальнем,— возражал Кондратенко.

Спор был прерван приездом Фока.

Войдя в столовую, генерал, поздоровавшись, сел около Кондратенко.

— Что случилось в Артуре, что меня вызвали с позиции? — спросил он у Стесселя.

— Хотел потолковать с тобой и Романом Исидоровичем о происшедшем вчера ночью.

— Говорить тут много не о чем. Оскандалился начальник Седьмой дивизии со своим наступлением, ему и ответ за то держать, а я ни при чем.

— Слушок есть, что ваше превосходительство, из особой любви к генералу Кондратенко, предоставили ему одному пожинать лавры побед, а свои полки увели подальше от греха,— съехидничал Никитин.

— Вас считают, Александр Викторович, повинным в неудаче Седьмой дивизии,— вмешалась Вера Алексеевна.

— Кто считает? Генерал Кондратенко? Так ему другого ничего не остается делать! Все остальные люди, в здравом уме и твердой памяти, этого сказать не могут.

— Не будем спорить, Александр Викторович, о том, кто виноват,— примирительно произнес Стессель,— лучше подумаем, как избежать этого в будущем.

— Сидеть и не рыпаться,— ответил Фок,— спешно укреплять Порт-Артур и перебираться сюда с передовых позиций. Дольше середины июля я там держаться не стану.

— Нельзя допускать японцев к крепости, пока ее сухопутная оборона не закончена,— с тревогой проговорил Кондратенко.

Очевидно, желая предупредить дальнейшую пикировку, Стессель поднялся из-за стола.

Работы по сооружению сухопутных батарей велись беспрерывно днем и ночью при свете прожекторов как в будни, так и в праздники. В петров день Звонарев с раннего утра уехал на западный участок фронта, расположенный от реки Лунхе и до Голубиной бухты. Особенное значение тут имела гора Высокая, с которой открывался вид на весь Артур и внутренний рейд со стоящей на нем эскадрой. Общее руководство инженерными работами в этом районе было поручено лучшему из инженеров крепости подполковнику Сергею Александровичу Рашевскому. Когда Звонарев подъехал сюда, работа уже кипела полным ходом. Несколько десятков солдат, матросов и китайцев копошились на небольшом участке вершины горы.

Звонарев обратил внимание на то, что китайцы здесь работали с особым увлечением. Они наравне с солдатами и матросами усердно трамбовали бетон, таскали мешки с землей, рыли окопы. Работали они вперемежку с русскими под командой саперных унтер-офицеров. Но в од-

ном месте прапорщик увидел, как группа солдат и матросов внимательно слушала указания еще не старого китайца, объяснявшего, как удобнее и легче бить траншеи в скале.

— Любуетесь на нашего Цзин Яна? — подошел изнемогающий от жары Рашевский.— Это прирожденный инженер. Прекрасно разбирается в технических вопросах, внес много ценных предложений по упрощению и облегчению земляных и бетонных работ. Его отметил сам Роман Исидорович и приказал сделать десятником. Мы опасались, что русские не станут слушаться китайца, но он сумел завоевать авторитет у солдат и матросов.

— Едва ли Стессель согласится, если узнает об этом, как бы он не счел Цзин Яна шпионом,— произнес Звонарев.

— Пока никто из начальства не обратил на это внимания. К тому же Кондратенко лично назначил Цзин Яна десятником по производству скальных работ с окладом в тридцать рублей в месяц.

— Почему в других местах китайцы работают очень неохотно, лениво, а у вас они трудятся с увлечением? — обратил внимание Звонарев.

— Прежде всего я китайцев не обижаю и не позволяю обижать их. Затем я аккуратно каждую субботу выплачиваю им заработанные деньги, а не даю расписки с правом получения денег с русского правительства по окончании войны с Японией, как это практикуют другие инженеры. И, наконец, китайцы у меня фактически стоят на довольствии наравне с солдатами и матросами.

— Как же это можно! В крепости запасы продовольствия и так весьма ограничены,— удивился прапорщик.

— Русские солдаты и матросы не любят риса, который им полагается на довольствии, и охотно делятся с китайцами. Это их национальная еда. Горсть риса — китаец сыт на полдня. Так и помогают друг другу в работе и в жизни наши русские мужички и рабочие местному населению. Надо прямо сказать — живем с ними в ладу и дружбе.

Вскоре Звонарев вернулся в штаб Кондратенко. Выслушав его доклад о ходе работ на западном участке, генерал задумчиво пощипал бородку и сказал:

— За мое пребывание на передовых позициях работы в Артуре сильно замедлились. Инженеры занялись постройкой блиндажей в городе для себя и для своих друзей. С завтрашнего дня я сам возьмусь за инженеров и заставлю их делать то, что надо,— твердо progово-

рил генерал, слегка постукивая кулаком по столу.

— Почему за время вашего отсутствия так усердно работали над укреплением центральной ограды, на которой все равно долго не удержишься, а передовые позиции были оставлены без внимания? — спросил Звонарев.

— Фантазия Стесселя, вернее Фока, ибо Стессель не додумался бы до переброски рабочих, материалов и средств на укрепление центральной ограды, Фок же действует по подсказке Сахарова, у которого всегда и везде на первом плане коммерческие расчеты,— пояснил Кондратенко.

— Какая же тут может быть коммерция?

— Очевидно, кому-то выгодно, чтобы мы занимались не тем, чем нужно.

Прапорщик слушал шагающего по кабинету генерала и не понимал его пассивного отношения к творящимся в Артуре безобразиям. Когда он высказал эту мысль вслух, Кондратенко сразу остановился.

— Такова вся наша государственная система. Артур не составляет исключения,— резко проговорил генерал.

Приход инженер-капитана Зедгенидзе прервал их разговор. Он был одним из ближайших помощников Кондратенко. Писаный красавец по наружности, он отличался необычайной скромностью в отношении женщин. Все свободное время отдавал музыке, которую в шутку называл своей единственной возлюбленной. С прибытием в Артур Кондратенко, еще до начала военных действий, Зедгенидзе сразу стал его верным сподвижником в деле укрепления Артура.

— Какие будут распоряжения вашего превосходительства? — справился, здороваясь, Зедгенидзе.

— Срочно выловить всех воров и взяточников в Артуре! — ответил с усмешкой генерал.

— Это совершенно невозможно,— улыбнулся капитан.

— Я решил немедленно прекратить все работы по укреплению центральной ограды крепости, как бессмысленные, и бросить все силы на западный участок,— проговорил Кондратенко.

— А Стессель?

— Попробую его уговорить. Смирнов со мной согласен.

— Значит, Стессель будет против.

— Злы вы на язык, Михаил Андреевич,— улыбнулся генерал.

 Распределив работу между своими помощниками,

Кондратенко уехал. Звонарев решил после работы заглянуть к Белым, где он давно не бывал. Дома оказалась только Мария Фоминична. Она попросила прапорщика съездить в госпиталь за Варей.

— Она уже две ночи не была дома. Берите верховых лошадей с ординарцем и обязательно вытащите ее из госпиталя. Беда моя, ни в чем она меры не знает.

Прапорщик охотно согласился. По вечерней прохладе он не торопясь добрался до госпиталя и нашел Варю в хирургическом отделении.

— Какими судьбами вы здесь, мой рыцарь без страха и упрека,— приветствовала его девушка.

— Приехал за вами. Кубань вас ожидает.

— Сейчас сдам дежурство, и поедем.— И девушка скрылась.

Через десять минут они уже ехали по направлению к Пушкинской школе.

— Заедем к учительницам, а заодно и справимся о здоровье Стаха,— предложила Варя.

Так и сделали.

В школе они застали Борейко, который принес «болящему» большую рыбину и свежий лук.

— У нас сегодня пир горой: достали на базаре ослятины, а тут еще рыба,— смеясь, сообщила Оля Селенина.

Звонарев справился о Стахе.

— Поправляется, можно надеяться на скорое выздоровление,— ответила Оля.

В это время из соседней комнаты вышла Леля и пригласила зайти к Стаху, который лежал весь перебинтованный на горе подушек.

— Меня, кажется, окончательно перевели в дивизию Кондратенко. Это явится лучшим лекарством для меня,— сообщил он.

Борейко хотел было сбегать за бутылкой вина, но Варя энергично запротестовала.

— При наличии подозрения на столбняк спиртные напитки строго воспрещаются,— докторским тоном заявила она.

— Не каркайте, господин профессор, никакого столбняка у меня не будет,— возразил Стах.

Звонарев справился, как идет жизнь на Утесе.

— Живем, как все в Артуре, слухами! То Куропаткин берет Цзинджоу и движется к Артуру. То японцы гонят его к Мукдену. Балтийская эскадра то появляется около Шанхая, то оказывается еще в Кронштадте и Либаве. Слухи и ничего достоверного,— ответил Борейко.

— Я слыхала, что нас скоро освободит Маньчжурская армия,— заметила Мария Петровна.

— Не верьте этому! — серьезно проговорил Борейко.— В скором будущем нам предстоит выдержать осаду не только с моря, но и с суши. Я слышал, что наши части уже отходят с Зеленых гор и собираются задержать противника на Волчьих горах, а от них совсем рукой подать до Артура. Если бы Куропаткин двигался к нам на выручку, то японцы тотчас потянулись бы к северу, а нас оставили в покое.

— В случае осады с суши госпитали, должно быть, перебросят на Ляотешань? — спросила Леля.

— Там их негде разместить! Кроме того, там нет воды. Да и доставка раненых в такую даль очень трудна. Половина из них умрет по дороге,— возразила Варя.

— Существующие госпитали останутся на месте, а новые будут открывать в казармах на Тигровке, на Белом волке. У нас на Утесе уже открывают лазарет,— пояснил Борейко.

— Но ведь его там всегда могут обстрелять с моря! — удивилась Варя.

— С тех пор как вы в апреле напугали японцев своим присутствием на Утесе во время бомбардировки, они не подходят к нам на пушечный выстрел. Разве что ночью иногда миноносцы рискуют подойти к берегу. Сейчас у нас совершенно спокойно. Рядом морское купанье, чистый воздух, одним словом,— форменная дача. Раненым и больным на Утесе будет гораздо спокойнее, чем здесь в городе,— объяснил поручик.

Посудачив еще об артурских делах, Звонарев и Варя стали прощаться. Было около полуночи, когда прапорщик сдал с рук на руки Варю ее матери.

— Надеюсь, ваши дела поправились и вы принесли свой должок? — без церемоний спросил Сахаров явившегося к нему Гантимурова.

— К сожалению, нет! Я пришел попросить у вас отсрочки.

— Больше не могу! Карточные долги порядочные люди выплачивают в суточный срок, а вы тянете уже две недели и не можете расплатиться.

— Где же я в осажденном городе возьму денег?

— Это не мое дело! Долг сделан, значит, его необходимо погасить.

Гантимуров взволнованно прошелся несколько раз по комнате.

— Вы на меня накидываете петлю, Василий Васильевич.

— Сами в нее лезете, дорогой мой!

— Возьмите мой портсигар,— предложил Гантимуров.— Это последняя моя наследственная драгоценность. Все, что осталось от миллионов моего отца,— усмехнулся он.

— Если не считать еще наследственного сифилиса!

Князь густо покраснел.

— Я поражаюсь вашей осведомленности...

— Это, как говорится, к слову пришлось. Я слышал, что вы думаете свататься к дочери Белого.

Взбешенный Гантимуров подлетел к сидевшему в качалке Сахарову.

— Не собираетесь ли вы довести до сведения папаши о моем недуге? Если так, то поберегитесь! Я ни перед чем не остановлюсь!

— Не волнуйтесь, я пошутил. Дело гораздо проще и лучше, чем вы думаете. Вы хорошо приняты у Стесселя. Станете почаще бывать там и сообщать мне всякие новости — политические, военные и просто сплетни. У нас в коммерции все может пригодиться.

— Только-то! Сколько вы мне за это дадите?

— Пятьдесят в месяц.

— За кого вы меня принимаете?

— Через день дам тридцать, а через два — ни копейки, ибо найду другого человека.

— Черт с вами, согласен.

— Конечно, ваши заработки очень могут повыситься, если вы сумеете достать что-либо секретное или не подлежащее оглашению.

— Но ведь у Стесселя, кроме военных секретов, никаких быть не может! Какая же тут коммерция?

— Юноша вы невинный! Разве война не коммерческое предприятие?

— Первый раз слышу о возможности такой постановки вопроса. Война — это проявление рыцарского духа народа.

— За рыцарями-то, мой друг, всегда стоят купцы,— поучительно проговорил Сахаров.— Поэтому, например, вопрос об обороне Артура имеет чисто коммерческий характер. Будет держаться Артур, будут высоко стоять русские ценные бумаги. Падет Артур, сразу упадут и курсы. Биржа — точнейший барометр человеческой жизни.

— Но ее ведь в Артуре нет!

— Зато есть в Шанхае, куда можно сообщать нужные сведения.

— Примите меня в долю! — попросил Гантимуров.

— Это надо заслужить, родной мой! Сперва посмотрим, на что вы годны.

— Я готов и, думаю, годен на все!

— Приятно слушать вас, молодой человек! Вы можете далеко пойти, но можете и навсегда остаться в Артуре,— с расстановкой проговорил Сахаров.

— Что-то мне последнее не улыбается! — поеживаясь, ответил Гантимуров.— Одолжите-ка мне еще сотню, Василий Васильевич.

Распрощавшись с Гантимуровым, Сахаров приказал подать экипаж и, тщательно одевшись, отправился на квартиру начальника штаба Стесселя — полковника Рейса. Денщик выскочил навстречу капитану и доложил, что полковник спит после обеда.

Сахаров хотел было уже уезжать, когда штора на одном из окон поднялась и показалась рослая фигура Рейса. Увидев гостя, он приветливо махнул рукой и пригласил зайти.

— Всегда рад вас видеть у себя, Василий Васильевич,— крепко пожал он руку капитана,— по делу и без всякого дела.

Сахаров поспешил заверить полковника в своей взаимной симпатии, пропел дифирамбы мудрому руководству Стесселя, намекнув при этом, что, конечно, последний этим всецело обязан своему начальнику штаба. Рейс слушал с любезной улыбкой и старался догадаться, что именно привело к нему удачливого градоначальника города Дальнего.

— Как ваше драгоценное здоровье, Виктор Александрович? — справился Сахаров.

— Все никак не могу привыкнуть к теперешней нашей пище. От конины душу воротит, а говядины или курятины нигде не достанешь. Боюсь, как бы совсем не разболеться от плохого питания.

— Но у Веры Алексеевны, насколько я знаю, еще вдоволь всякой птицы и свиней.

— Дерет она за все безбожные деньги, а это мне, при моем полунищенском окладе, не по карману.

— Я думал, что она вам по знакомству делает скидку.

— Какое там! С живого и мертвого готова семь шкур содрать. До чего же до денег жадна, вы и представить себе не можете!

— Хотя я и не знал, что вы испытываете затруднения в отношении питания, но все же кое-что захватил с собой. Пошлите вашего денщика взять из экипажа.

— Премного вам благодарен, Василий Васильевич! Вы буквально спасаете меня от преждевременной смерти,— благодарно потряс руку Сахарова полковник.— С каждым днем с едой становится все хуже, и неизвестно, скоро ли и чем кончится осада Артура.

— Конечно, никто сейчас этого знать не может, но не надо быть пророком, чтобы предсказать, что добром это не кончится, и раз нам предстоит потерпеть поражение, то желательно, чтобы это случилось возможно скорее во избежание лишних жертв.

— К сожалению, соображения гуманности далеко не всегда принимаются во внимание. Что касается нашего Стесселя, то он весьма мало об этом думает.

— В этом отношении женщины всегда бывают гораздо податливее, и, мне думается, Вера Алексеевна отнесется к такой мысли более отзывчиво.

— Вы вполне правы, Василий Васильевич, особенно если это не будет сопряжено для нее с денежным ущербом.

— Какой ущерб! Наоборот, она весьма выиграет на этом деле.

— Не секрет, каким образом?

— Играя через меня на бирже.

Рейс с уважением посмотрел на своего собеседника.

— Чем скорее мы заключим мир с Японией, тем лучше это будет для России,— продолжал Сахаров.

— К сожалению, мы не можем повлиять на ход этих событий.

— Наоборот, пальма мира лежит у вас в кармане, дорогой Виктор Александрович.

— Каким образом?

— С переходом Артура в руки японцев война будет окончена.

— Этот вопрос будут решать дипломаты, а не мы.

— Без учета положения в Артуре он не может быть решен. От вас же зависит то или иное освещение этого вопроса.

Рейс начал кое-что понимать и кое о чем догадываться.

— Я не говорю, что войну надо прекратить сию минуту! Но надо иметь в виду и это обстоятельство. Пока же позвольте откланяться, дорогой Виктор Александрович,

подумайте о нашем разговоре,— проговорил Сахаров, вставая с места.

— Думать тут нечего. Я согласен. Вы даете директивы, я же их, по возможности, провожу в жизнь.

— Итак, все будет в порядке! — усмехнулся Сахаров.— А пока я двинусь на поклон к Вере Алексеевне.

— И весьма разумно сделаете,— одобрил Рейс.

Через четверть часа капитан почтительно прикладывался к пухлой ручке Веры Алексеевны Стессель.

— Ваше поручение мною выполнено, хотя с опозданием! — говорил он, протягивая небольшой сверток.

— Какое поручение? — удивилась генеральша.

— Вам хотелось приобрести недорогие, но хорошие серьги для мадемуазель Белой, если мне память не изменяет. Вчера мне удалось найти дешево пару замечательных серег из старинного китайского золота, с большими рубинами. Извольте посмотреть — не подойдут ли они вам?

Вера Алексеевна открыла футляр. Крупные рубины, как капли свежей крови, поблескивали на темном бархате.

— Чудесно! Но едва ли девушке подойдут эти рубины, уж очень они напоминают кровь!

— Зато это на всю жизнь будет напоминать ей о том, что они подарены во время войны.

— Какой ужас эта война! Сколько она несет с собой страданий и крови. Я сегодня посетила наших бедных солдатиков в военном госпитале. Все они святые мученики. Такие ужасные раны, и ни одного стона! Врачи поражены. Только глубокая вера и христианское смирение могут дать силы для этого. Я подарила каждому из них по кипарисовому крестику и нательной иконке. Это должно облегчить их страдания,— щебетала генеральша, в умилении закатывая глаза.

— Да, война ужасная вещь! — с чувством поддержал Сахаров.— И нет большей заслуги перед человечеством, как возможно быстрая ее ликвидация. Во имя гуманности, во имя культуры, во имя спасения своей души, во имя любви к родине,— каждый, как только может, должен приложить все усилия к скорейшему окончанию войны,— патетически закончил Сахаров.

— Вы глубоко правы, Василий Васильевич! Я и не подозревала, что вы такой исключительно гуманный и чуткий человек! Разрешите в таком случае просить вас принять участие в работе нашего благотвори-

тельного общества, председательницей которого я состою.

— Весьма польщен вашим предложением и с удовольствием вношу свою скромную лепту. Позвольте вам вручить сто рублей,— протянул Сахаров деньги.

Вера Алексеевна расплылась в благодушной улыбке.

— Я сейчас выпишу вам квитанцию,— встала она.

— Ради бога, не беспокойтесь! — поспешил предупредить ее капитан.— Мне она совершенно не нужна.

— Но мне она необходима для отчетности.

— Кто же у вас осмелится спросить отчета, Вера Алексеевна? Ни в России, ни тем более в Артуре никому не придет это в голову. Все прекрасно знают, что вы постоянно прикладываете свои личные средства в дела благотворительности, что же касается формальности, то прикажите какому-нибудь чиновнику из государственного контроля оформить все как следует,— посоветовал Сахаров.

Генеральша внимательно слушала капитана и сочувственно кивала головой.

— Хотела бы я иметь такого советника, как вы!

— Всегда к вашим услугам!

— Кроме того, мне нужен еще секретарь, не могу же я одна вести всю канцелярию.

— Могу порекомендовать вам на эту должность князя Гантимурова. Человек из общества, хорошей фамилии, весьма будет вам полезен. Кроме того, это даст ему возможность заработать сотню-другую в месяц.

— Но все наши доходы в месяц не достигают этой суммы!

— Можно поднажать на наших негоциантов: прикажите только полицмейстеру, он быстро огранизует вам сбор средств через чинов своей полиции. Что касается меня, то обязуюсь до конца войны вносить вам по сотне в месяц.

— Вы изумительный человек, Василий Васильевич! У вас не голова, а чистый клад!

Только поздно вечером, весьма довольный собой, Сахаров наконец отбыл из квартиры Стесселя. Дома его уже ожидал служащий с мельницы Тифонтая. Он почтительно передал капитану несколько писем. Одно из них, в небольшом изящном конверте, написанное женским почерком и надушенное крепкими духами, привлекло особенное внимание Сахарова. Он быстро пробежал его глазами: «Любимый, соскучилась, пиши, жду с двадцать восьмого писем. *Лида*».

— Сегодня у нас какое число? — взглянул капитан на календарь.

— Четвертое июля, Василий Васильевич,— доложил служащий.

— Еще время есть,— отложил капитан письмо в сторону.

Отпустив китайца, Сахаров заперся в своем кабинете и засел за длинное письмо к Тифонтаю, в котором сообщал о всех своих успехах.

«К указанному вами сроку русские части будут подготовлены к отходу в Артур»,— закончил он свое послание.

Тщательно зашифровав его и уничтожив подлинник, Сахаров спрятал письмо в тонкую стеклянную трубочку, которая в складках одежды какого-либо верного человека должна была добраться до адресата.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Двенадцатого июля около четырех часов дня в штаб начальника правого участка позиции на перевалах полковника Семенова прибыл генерал Кондратенко. Все радостно его встретили и всячески выражали свои симпатии опальному начальнику дивизии. Генерал, тронутый, крепко пожимал протянутые к нему руки.

— Как дела, Владимир Федорович? — обратился он к Семенову.

— Японцы молчат вот уже три недели,— ответил полковник.

Роман Исидорович вошел в фанзу, занимаемую штабом, отер лицо платком и попросил угостить его чаем с красным вином. Облокотившись на стол и помешивая ложечкой в стакане, Кондратенко чуть улыбался своей обычной, хитровато-ласковой улыбкой.

— Тринадцатое число для Артура стало роковым,— тихо говорил он.— Тринадцатого мая мы отдали Цзинджоу, тринадцатого июня потеряли Хунисан. Можно предполагать, что и грядущий день будет чреват событиями: ведь завтра у японцев начинается большой национальный праздник хризантем, длится он три дня. Наверное, они захотят порадовать своего микадо, преподнеся ему в подарок если не Артур, то его передовые позиции. Нам надо быть весьма и весьма начеку!

— Нет положения хуже оборонительного! Сиди и га-

дай, когда противнику вздумается наступать,— кипятился Семенов.

— Офицерский состав предупрежден о возможности завтрашнего наступления противника? — справился генерал.

— Как же, ваше превосходительство! Я приказал усилить сторожевое охранение и лично сообщил свои опасения господам офицерам. Необходимо также усилить и мои резервы.

— По моей просьбе комендант согласился дать несколько рот из запасного батальона. Но от Фока это секрет, иначе он тотчас заберет их себе.

— Не беспокойтесь, Роман Исидорович, мы умеем молчать.

Напившись чаю, Кондратенко отправился к частям, расположенным на передовых позициях и в резерве. Подъехав к ближайшему резерву, он спешился и приказал построить стрелков. Весть о прибытии «нашего» генерала, как называли его стрелки, мгновенно облетела всех, и через минуту батальон белой стеной уже вытянулся вдоль дороги. Поздоровавшись, Кондратенко стал медленно обходить фронт. Он внимательно вглядывался в загорелые, похудевшие лица солдат, которых не видел почти три недели, спрашивал, как их кормят, давно ли они мылись, много ли больных и чем больны. На все его вопросы стрелки отвечали весело и бодро.

Обойдя батальон, Кондратенко обратился к ним с речью:

— Мы отрезаны от Маньчжурской армии и России и едва ли можем надеяться на скорую помощь. За нами осталась лишь небольшая пядь земли с городом Порт-Артуром. Мы затратили миллионы народных денег и положили массу труда на его устройство. Вы работали над возведением крепостных фортов и батарей. Кроме того, в Артуре находится наша эскадра. Если японцы вплотную подойдут к крепости, то они сразу же разрушат город и крепость и попытаются захватить наш флот. Поэтому необходимо возможно дольше задержать противника здесь, на перевалах. Надо упорно оборонять свои позиции, вся родина с напряженным вниманием следит за ходом войны, за обороной Артура. Положим же все наши силы, а если понадобится, то и нашу жизнь, чтобы оправдать доверие государя и достойно поддержать славу русского оружия на Дальнем Востоке. За вас, храбрецы и герои, за царя, за нашу дорогую родину, ура!

Солдаты дружно подхватили «ура», которое, долго не смолкая, перекатывалось по зеленым Квантунским сопкам. Кондратенко несколько раз пытался остановить стрелков, но они продолжали кричать, воодушевляясь собственным криком. Когда крики утихли, из строя раздался взволнованный голос: «За нашего любимого генерала Кондратенко, ура!» — и вновь вспыхнули мощные раскаты. Строй смешался, Кондратенко подхватили на руки и понесли к лошади. Освободившись от объятий, генерал долго еще не мог уехать, окруженный плотным кольцом стрелков.

В этот вечер он успел объехать всего лишь несколько частей, и везде стрелки восторженно встречали его. Потрясенный оказанным ему в полках приемом, Кондратенко только около полуночи смог уехать в Артур.

На другой день, едва солнце начало показываться и лагерь русских стал оживать, как со стороны японцев грянул отдаленный выстрел, за ним другой и третий. Высоко в воздухе засвистели летящие снаряды, и тотчас раздалось несколько взрывов, окутавших все вокруг черным, удушливым мелинитовым дымом. Русские батареи не замедлили ответить, и вскоре по всей линии загремела учащенная канонада. Праздник хризантем начался.

Японцы энергично приступили к артиллерийской подготовке атаки. Но у Семенова все было заранее предусмотрено: стрелки, за исключением наблюдателей, отведены в прочные блиндажи, батареи тщательно замаскированы в гаоляне, резервы подтянуты, весь отряд сжался в кулак, подготовляясь к ответному удару. После двухчасовой стрельбы густые цепи японцев двинулись на штурм. Японцы шли стройно, в полном порядке, как на маневрах, поддерживаемые огнем своих батарей и эскадры с моря. Хорошо пристрелявшиеся батареи русских сметали наступающие цепи противника, но на смену тотчас являлись новые, продолжавшие двигаться вперед. Стрелки встречали их ружейными залпами и пулеметным огнем. Скоро все поле, по которому двигались наступающие, было усеяно трупами японцев.

В полдень, подведя новые полки и приведя в порядок отхлынувшие назад части, противник с особой силой обрушился на русских. Ни ружейный, ни пулеметный, ни артиллерийский огонь не могли его остановить. Все выше и выше взбирались по горе темные линии японских цепей.

Казалось, еще мгновение, и они вплотную доберутся до русских позиций. Но вот крики «банзай» смешались с русским «ура», стрелки выскочили на бруствер и с винтовками наперевес ринулись на японцев. Японцы дрогнули и обратились в бегство, теряя по дороге оружие и амуницию. Удар русских был так силен и стремителен, что большинство наступавших японцев погибло под их штыками.

Настало затишье. Артиллерия с обеих сторон почти совсем замолчала, лишь изредка обмениваясь одиночными выстрелами. В это время у берега показались русские суда отряда береговой обороны и начали обстреливать японцев во фланг из Лунвантаньской бухты.

— После ужина горчица,— возмутились стрелки.— Когда японец лез, моряки прохлаждались в Артуре, а теперь развоевались в пустой след.

Было начало шестого часа вечера. После дождя чувствовалась приятная прохлада, в долинах начинал клубиться вечерний туман. Длинные, но все еще яркие лучи теперь стали падать в лицо русским, затрудняя наблюдение за местностью. Японцы, оправившиеся после отбитых атак, решили еще раз в этот день попытать счастье. Подведя к берегу тяжелые крейсера, они начали методически обстреливать русские позиции с фланга и тыла. Одновременно крупные гаубицы начали громить окопы мелинитовыми бомбами. В прозрачном воздухе то и дело вырастали черные столбы дыма взрывов снарядов. Через полчаса почти все укрытия были разрушены этой бомбардировкой, и, лишенные защиты окопных блиндажей, стрелки отошли с хребта, укрывшись в складках тылового склона. Воспользовавшись этим, японцы вновь бросились на штурм, и на этот раз им удалось водрузить свои знамена над линией русских окопов.

Но тут взвод одной из батарей, пробравшись под прикрытием гаоляна во фланг, неожиданно обстрелял на картечь скопившиеся в узкой ложбине за хребтом японские резервы. Каждый снаряд вырывал из сомкнутого строя по нескольку десятков человек. Объятые паникой, забывая о своей самурайской доблести, сыны богини Аматерасу стремительно отступили. Увидев это, стрелки по собственной инициативе ринулись на врага, засевшего в окопах. После короткой рукопашной схватки японцы бежали, попадая по дороге под уничтожающую картечь русских пушек.

— Первый день праздника хризантем остался за нами,— доносил вечером того же дня генералу Кондратенко

полковник Семенов.— Мы сохранили все свои позиции и нанесли огромный урон противнику. Наши потери достигают тысячи человек. Тотери же японцев в три-четыре раза больше.

Тринадцатого июля генерал Фок, разбуженный утром усиленной канонадой на правом фланге, справился, в чем дело, и, узнав, что японцы атакуют части Седьмой дивизии, приказал полкам подтянуть свои резервы к передовым позициям и все обозы и тыловые учреждения направить в Артур. Затем он сел верхом и отправился к расположенному в резерве Четырнадцатому полку. Подъехав к солдатам, он, как всегда с бранью, поздоровался с ними. Стрелки ответили хмуро, но четко.

— Японец дурак или нет? — обратился он к ним.

— Так точно, дурак, ваше превосходительство,— хором ответили солдаты.

— А почему японец дурак?

— Потому что ходит в атаку густыми цепями,— последовал ответ давно заученной фразой.

Генерал медленно проехал вдоль фронта, брезгливо поглядывая на запыленных, грязных солдат. Толстый полковник Савицкий, задыхаясь, вприпрыжку бежал за лошадью начальника дивизии, на что Фок не обращал никакого внимания.

В этот день против Четвертой дивизии японцы развили лишь незначительные операции: потеснили казаков у деревни Ичензы на левом фланге; атаковали выдвинутые вперед высоты, занятые охотничьими командами, и обстреляли редким артиллерийским огнем основные позиции полков.

К полудню в штаб прибыл Сахаров.

— Как идет постройка тыловых позиций на Волчьих горах? — справился у него генерал.

— Работы развернуты по всему фронту согласно точным указаниям вашего превосходительства,— ответил капитан и провел рукой по карте, указывая линию укреплений. Фок с минуту посмотрел на Сахарова и затем спросил:

— Чем объяснить, что противник так сильно атакует части Седьмой дивизии и бездействует против меня?

— Ноги, очевидно, хорошо знает, кто такой генерал Фок,— двусмысленно ответил Сахаров.

— А генерал Фок еще лучше знает, кто такой капитан Сахаров,— не меняя ни голоса, ни позы, ответил начальник дивизии.

— Я всегда и всюду покорнейший слуга вашего превосходительства,— поспешил заверить инженер.

— Пока что я в этом не сомневаюсь,— смягчился генерал.— Долго еще Семенов, по-вашему, задержится на перевале?

— От вашего превосходительства зависит поторопить его.

— Так почему же японцы так пассивны на моем участке? Не могу же я в самом деле ни с того ни с сего сняться и уйти в Артур. Мне нужны для этого веские данные, и я попрошу вас озаботиться этим.

— В таком случае разрешите мне сейчас же уехать в Артур.

— Поезжайте!

Около пяти часов вечера Сахаров прибыл в город и тотчас же отправился в штаб Седьмой дивизии, где был встречен далеко не любезно. Науменко сухо осведомился, чему он обязан присутствием капитана. Роман Исидорович поморщился при виде его и поздоровался с ним только тогда, когда Сахаров начал громко восторгаться героизмом, проявленным частями Семенова.

— Что предпринял Фок, чтобы помочь Семенову? — задал Кондратенко вопрос капитану.

— Энергичная поддержка артиллерийским и ружейным огнем...— начал было капитан.

— То-то по приказанию начальника Четвертой дивизии с левого франга Семенова был убран в самую трудную минуту взвод мортир поручика Дударева! — перебил его Науменко и спросил в упор капитана: — Вы зачем, собственно, приехали?

— Генерал Фок хотел бы получить точную карту артурских укреплений, так как он собирается отходить на крепостные верки.

— Когда отход будет решен начальником района, тогда ему и будут указаны батареи и форты, которые предназначены для занятия частями его дивизии. До тех пор ему необходимо заботиться не о том, куда отступать, а о том, как задержаться на занимаемой позиции,— резко ответил Кондратенко.

Прибывший от Семенова офицер-ординарец отвлек внимание генерала. Он сам принял пакет, быстро его разорвал и стал читать бумагу.

— Отбито четыре штурма! Передовые позиции все за нами.

— Молодцы пограничники, отстояли Семафорную гору, несмотря на сильный огонь с моря,— бросал корот-

кие фразы Роман Исидорович, пробегая глазами донесение Семенова.— Нужна помощь людьми, артиллерией, главное — флотом. Я сейчас же отправлюсь к Стесселю и Витгефту. Звонарев здесь? Сергей Владимирович, идемте.— И генерал вышел из штаба.

— Ну и горячка же у нас начальник дивизии! Так весь огнем и пышет, как юноша! — сказал Сахаров, глядя вслед Кондратенко.

— Поневоле здесь запорешь горячку, когда окружен субъектами вроде Фока, Витгефта и других,— пробурчал Науменко, дипломатично умалчивая о Стесселе.— Надеюсь, я вам больше не нужен, капитан?

Сахарову ничего не оставалось, как откланяться. Вечером он укатил обратно в штаб Фока.

Кондратенко застал генерала Стесселя настроенным весьма благодушно. События на передовых позициях беспокоили его мало: ведь там орудовал его верный друг Фок, на которого он привык вполне полагаться.

— Фок придумает, Фок не выдаст, Фок устроит! — любил повторять генерал всем своим подчиненным и верил этому сам.

— Зря вы волнуетесь, Роман Исидорович,— лениво проговорил Стессель, выслушав нервный доклад Кондратенко.— Отбили сегодня за день четыре атаки японцев — честь и хвала! Отобьют завтра еще столько же, если японцы сунутся. У Фока почти тихо. Следовательно, Четвертая дивизия Фока в целости и сохранности. Не вижу причин к беспокойству.

— Зато у Семенова потери до тысячи человек, а всего у него около пяти тысяч, окопы разрушены, снарядов нет, части измотаны, необходимо пополнение из Артура людьми и боевыми припасами.

— Ни одного человека и ни одного снаряда из Артура я не дам! — отрезал Стессель.— Нам сейчас здесь дорог каждый солдат.

— Я хотел выехать к отряду Семенова,— просил Кондратенко.— Разрешите мне хотя бы на ночь съездить туда, чтобы с рассветом я был в крепости.

— Зря измотаетесь только, Роман Исидорович! Нам нужна ваша неукротимая энергия,— отказал все же Стессель.

Простившись со Стесселем, Кондратенко с Звонаревым отправились на «Цесаревич». Витгефт принял их с распростертыми объятиями, рассказал о гибели миноносца «Лейтенант Бураков» и других авариях во флоте,

Оба превосходительства поохали и повздыхали. Затем адмирал мягко проехался насчет Стесселя. Кондратенко еще более осторожно поддакнул ему. Чокнулись поданной марсалой, пожелали друг другу многих лет и доброго здоровья и наконец перешли к делу.

Роман Исидорович похвалил флот и его всегдашнюю готовность помочь армии. Вильгельм Карлович рассыпался в комплиментах полкам Седьмой дивизии и назвал их своими неизменными друзьями.

— Так, значит, можно надеяться, что завтра суда с рассветом появятся у Лунвантаня и весь день будут поддерживать наш правый фланг своим огнем во фланг и тыл японцам? — спросил Кондратенко.

— Сейчас же отдам об этом распоряжение Лощинскому. Для охраны канонерок и миноносцев направлю «Баяна», «Аскольда», «Цесаревича», прикажу вывести на рейд «Ретвизана» и быть готовым прийти им на помощь в случае нужды,— согласился Витгефт.— Корабли до вас доберутся не раньше десяти часов утра, пока им протралят дорогу до Лунвантаня.

— И на этом спасибо, Вильгельм Карлович,— поблагодарил Кондратенко.

Как только вопрос о времени выхода судов был решен, он тотчас стал прощаться и уехал.

— Я через час выеду к Семенову и наутро постараюсь быть обратно,— сообщил генерал Звонареву.— Поставьте об этом в известность Науменко и никого больше. Даже от Смирнова это должно быть секретом. Поняли?

— Так точно, ваше превосходительство,— ответил прапорщик.

Было около полуночи, когда Кондратенко в сопровождении одного ординарца прибыл в штаб Семенова. После тяжелого боевого дня все уже спали, за исключением самого начальника отряда, бодрствовавшего в своей фанзе при тусклом свете коптящей свечи.

— Роман Исидорович,— обрадовался он при виде генерала,— какими судьбами?

— Я совершил самовольную отлучку и удрал из Артура, чтобы проведать вас. Рассказывайте все по порядку.

Полковник начал подробно излагать события минувшего дня. Генерал внимательно слушал его, снимая время от времени нагар с гаснущей свечи. Лицо его хмурилось, и он грустно вздыхал, когда назывались фамилии убитых и раненых.

— Вы думаете, что с рассветом атаки возобновятся? — спросил Роман Исидорович, выслушав доклад Семенова.

— Убежден, ваше превосходительство! Перед закатом наблюдалось большое движение в тылу противника. Боюсь, как бы они еще ночью не возобновили штурма. Резервы наши подтянуты почти вплотную к передовой линии. Артиллерия с вечера все подготовила к открытию заградительного огня на важнейших участках.

— Имейте в виду, что на помощь из Артура рассчитывать нельзя. Только моряки обещали выслать суда в Лунвантаньскую бухту,— предупредил Кондратенко.

— На генерала Фока я тоже совершенно не надеюсь: он пальцем не пошевелит для того, чтобы помочь нам в случае нужды.

— Я хочу сейчас объехать позиции. Вы не беспокойтесь меня сопровождать, Владимир Федорович. Вам предстоит еще завтра тяжелый день. Ложитесь отдыхать,— распорядился Кондратенко и вышел во двор. Окликнув своего ординарца, генерал выехал к передовым позициям.

На дворе стояла тихая лунная ночь. Изредка доносился сухой треск случайного выстрела, и опять наступала тишина, только цикады усиленно звенели в прохладном ночном воздухе. Лагерь, где были расположены резервы и тыловые учреждения, был погружен в глубокий сон, и одни часовые, борясь с усталостью, медленно бродили между палаток.

Генерал в глубокой задумчивости ехал по хорошо знакомой дороге. Его крепкий вороной конь, чуть подфыркивая на ходу, мягко ступал по пыли. Вскоре встретили длинную вереницу повозок, нагруженных ранеными. В тишине ночи особенно резко звучал скрип плохо смазанных колес и стоны страдающих людей.

— Спасибо, родные, за службу. Дай вам бог скорее поправиться! — приветствовал раненых Кондратенко, подъезжая к каждой повозке.

— Рады стараться! — оживились некоторые.— Поправимся, отомстим японцам.

— Много тяжелых? — спросил генерал у подъехавшего к нему врача.

— Огромное большинство,— не надеюсь до Артура довезти в живых и половины,— шепотом ответил тот.—

 Легкораненые почти все вернулись в строй, иных просто

не удержишь на перевязочном пункте, так и рвутся в бой.

В это время с ними поравнялась запряженная лошадью китайская рикша, в которой везли двух раненых стрелков.

— Два пограничника,— указал на них врач,— едва добрели. У одного прострелены обе ноги и задета кость, другой ранен в грудь навылет. И, представьте себе, долго отказывались от перевязки на том основании, что «есть, мол, более тяжелые».

— Фамилии?

— Одного — Ядринцев, из двадцать первой роты пограничной стражи, а другого — Сухенко, рядовой той же роты.

Кондратенко подъехал к рикше, поблагодарил раненых за службу, справился, откуда родом, и поздравил с награждением крестами.

— Рады стараться, покорнейше благодарим, ваше превосходительство! Даве думали, осилит нас япошка, ан, дело-то у него не вышло. А теперь, коль вы сюда приехали, ему и подавно супротив нас не устоять,— ответил один из них.

— Я один многого сделать не могу!

— Вы один, ваше превосходительство, стоите целого полка. Кто в бою сробеет, увидит вас и застыдится, а у другого сил прибавится. Знаем,— наш генерал с нами! — растроганно проговорил другой раненый, делая ударение на слове «наш».

Простившись с ними, Кондратенко широкой рысью поехал дальше. Миновав ближние резервы, он выехал на линию окопов. Здесь сотни людей в глубоком молчании при лунном свете спешно поправляли разрушенные днем блиндажи, насыпали брустверы, откапывали засыпанные ходы сообщения.

Заметив начальника дивизии, к нему поспешно подошел руководивший работами капитан Зедгенидзе и доложил о ходе работ на участке.

— К утру надеюсь восстановить все наши основные укрепления, благо японцы нам не мешают.

— Люди откуда?

— Полковник Семенов прислал сюда всех тыловиков, музыкантов, артельщиков, хлебопеков, обозников — весь нестроевой люд, а полки отвел для отдыха в резерв, оставив здесь лишь часовых из охотников. К утру японцы найдут перед собой вновь возведенные окопы и в них хорошо отдохнувших защитников.

Проехав по линии обороны, Кондратенко везде нашел ту же картину интенсивной ночной работы под руководством инженеров Зедгенидзе, Рашевского и других. Тепло поблагодарив их за проявленную инициативу и энергию, генерал вернулся в штаб Семенова и, разбудив полковника, дал указания на завтрашний день.

Ночь кончилась, восток начинал заметно сереть. Одна за другой гасли на небе звезды. Наступил второй день праздника хризантем. Кондратенко поспешил в Артур. Но не проехал он и нескольких верст, как сзади на позициях загремела артиллерийская канонада; сперва в утреннем воздухе отдавался каждый отдельный выстрел, многократно повторяемый эхом в сопках, затем они слились в один сплошной, все нарастающий гул. Генерал сразу же насторожился и замедлил ход своей лошади: беспокойство за судьбу полков росло в нем вместе с усилением артиллерийской стрельбы. Он начал оборачиваться, прислушиваясь к звукам сражения, затем остановил лошадь и задумался: с одной стороны, он должен был немедленно вернуться в Артур, откуда уехал вопреки запрещению Стесселя, а с другой — он всей душой рвался к своим полкам, где он знал почти всех офицеров и многих солдат.

— Поедем назад,— коротко приказал он наконец ординарцу и, преодолевая усталость бессонной ночи, галопом поскакал навстречу все усиливающемуся шуму боя.

За ночь японцы подвезли большое количество тяжелых орудий и с наступлением дня начали усиленно обстреливать окопы русских. Снаряды взрывались со страшным грохотом, снося козырьки и брустверы, заваливая окопы. Вначале стрелки, укрывшиеся в тыловых блиндажах, потерь почти не несли и ожидали атаки, но подошедший с моря японский флот открыл огонь по тылам русских позиций. Блиндажи вскоре оказались уничтоженными, и тогда стрелки отошли. Заметив это, японцы бросились в атаку и захватили вершины сопок. Кондратенко подъехал как раз в это время к месту боя. Момент был опасный. Под орудийным и ружейным огнем на тыловом склоне сопок быстро отходили цепи стрелков. Генерал подскакал к ним, не обращая внимания на рвущиеся вокруг снаряды.

— Стой! Куда вы? Где офицеры? Что случилось? — замахал он руками на солдат, загораживая им дорогу.

К нему подбежал еле дышавший офицер.

— Ва... ва... ваше превосходительство! Там ужас, ужас! Держаться нельзя в этом аду! — доложил он, прикладывая дрожащую руку к козырьку.

— Вам уже послана поддержка, идет подкрепление! Стрелки, ко мне! — сложив ладони рупором, во весь голос закричал генерал.

Солдаты остановились и, сбившись в кучу, не знали, что дальше им делать... Кое-кто из них кинулся обратно на гору и стал звать за собой других.

— Ребята, за мной! — скомандовал Кондратенко и с криком «ура» поскакал на сопку. Стрелки кинулись за ним.

— Рассыпься в цепь, прячься за камни и за кусты! Приготовиться к общей атаке! Господам офицерам следить за мной! — приказал генерал.

Японцы, заметив, что русские оправились, открыли беспорядочный ружейный огонь. Пули целыми роями запели в воздухе. То там, то тут вскрикивали раненые и валились на землю убитые.

— Стрелки, умрем за родину, за нашего царя! С богом! Ура-а! — И, выхватив шашку из ножен, Кондратенко дал шпоры коню.

Воодушевленные примером, горнисты нескольких рот принялись трубить атаку и бросились за генералом. Стрелки лавиной двинулись за ним, и не прошло и нескольких минут, как японский флаг был сорван, японцы сброшены с вершины, а уцелевшие остатки их беспорядочно бежали вниз.

— Спасибо, орлы, за службу геройскую! — благодарил генерал, обходя вновь занятые окопы.

Фуражка на нем была прострелена в двух местах, лицо залито кровью. Зажимая платком рану, генерал бодро обошел всю боевую линию.

Назначив одного из офицеров комендантом горы, Кондратенко спустился вниз, где его встретил обрадованный Семенов.

— Роман Исидорович, как вы сюда попали? — попросту подошел он к генералу.— Зачем вы так рискуете собой?

— Плюнул на Артур и с дороги повернул обратно. Все равно не смогу ничего делать в крепости, пока здесь идет бой!

Вскоре Кондратенко с перевязанной головой сидел в штабе и отдавал приказания полкам своей дивизии. Стесселю была послана короткая телефонограмма, извещающая, что Кондратенко находится в отряде Семенова.

Японцам потребовалось несколько часов, чтобы привести свои части в порядок и подготовиться к новому штурму.

День выдался необычайно жаркий и томительно душный.

К полудню с моря подошли суда порт-артурской эскадры и, отогнав японцев, принялись обстреливать противника. Хотя огонь этот и не приносил особенно большого ущерба врагу, но все же весьма затруднял японцам подготовку к новым атакам.

Обозленный этими неудачами, командующий японской армией барон Ноги потребовал от адмирала Того немедленного принятия решительных мер против русских, после чего японская эскадра в составе четырех броненосцев, двух броненосных крейсеров и нескольких канонерок появилась перед Лунвантаньской бухтой. «Ретвизан» и крейсера «Диана», «Паллада», «Баян» и «Новик» вступили с ними в неравный бой, прикрывая отходящий в Артур отряд канонерок и миноносцев. С уходом русских кораблей немедленно возобновилась подготовка нового штурма.

Около пяти часов вечера, вслед за сильным артиллерийским обстрелом, японцы двинулись на штурм. Рассыпавшись в цепь, они быстро начали наступать одиннадцатью последовательными волнами на горы Высокую и Семафорную, являвшиеся ключом к позиции отряда Семенова.

— Рота, пли! — ежеминутно осипшим от команды голосом командовал подпоручик солдатам, прикрывающим доступ на вершину одной из гор. И залп следовал за залпом. Видно, как раненые японцы падали, ползли вскакивали, пробовали бежать, опять падали и корчились в агонии. Цепь быстро растаяла, но за ней тотчас же появилась другая. В пылу боя никто не замечал ни шрапнели, ни раненых и убитых. Залпы сменялись огнем пачками, за которым опять следовали залпы. Кругом стоял невероятный грохот и треск. Подпоручика уже никто не слушал, стрелки вели огонь сами. Махнув рукой, офицер взял винтовку убитого, лег в цепь и сам начал стрелять в японцев. И опять японцы не выдержали и начали отступать, только несколько человек добежало до самого гребня. Один из них, совершенно ошалелый, с пылающим лицом и горящими глазами, вскочил на бруствер, крикнул:

— Здравствуй, русски!

— Прощай, японец! — ответил стрелок и пырнул его штыком.

Безумец опрокинулся навзничь и полетел с крутизны.

Четвертая за день атака была отбита. Но число защитников таяло с каждой минутой,— осталось не больше одной трети, подпоручик давно был убит, никто и не видел, когда это произошло. Офицеров больше нет, кто командует ротой, никто не знает, но зато стрелки помнили, что где-то близко находится Кондратенко, который велел им держаться до последней крайности, и они держались. День клонился к вечеру. Солнце почти спряталось за горы. Сквозь насыщенный дымом и пылью воздух едва пробиваются слабые кроваво-красные лучи. Почти незаметные днем, взблески шрапнельных разрывов с каждой минутой становятся все ярче и ярче. На фоне темнеющего неба четко вырисовываются отливающие зеленью вершины покрытых гаоляном хребтов. На небе вспыхивают первые звездочки, предвестницы надвигающейся ночи. День догорает, но воинственный пыл японцев еще не остыл. Лишь только первые тени легли в долинах, как в них начали скопляться для новой атаки свежие, еще не бывшие в бою части. Стрелки поручили уходящим в тыл легкоранеными доложить об этом самому Кондратенко. Вскоре двое из них, один с перевязанной окровавленной головой, другой с рукой на самодельной перевязи, предстали перед генералом.

— Кто у вас остался из офицеров? — справился Роман Исидорович, выслушав доклад.

— Почитай с полудня никого нет, всех побили!

— Кто же вами командует?

— Миром держимся, ваше превосходительство. Кто раненый, того с горы отпущаем. А которые целы, те сидят — подмоги ожидают. Беда только — патроны на исходе,— докладывали солдаты.

Кондратенко с нежностью смотрел на добродушные загорелые лица солдат, доверчиво глядевших на него, видимо не сознавая всего героизма совершаемого ими там, на горе, подвига.

— Я отправляюсь принять командование над теми, кто еще остался на горе,— объявил он окружающим.— Дайте мне две роты из резерва.

Через минуту к штабу подошел резерв. Оба ротные командира явились за распоряжениями.

— Вы должны занять и упорно оборонять гору Высокую,— приказал генерал.— Нам надо удержать гору во что бы то ни стало, любой ценою!

— За вами, Роман Исидорович, мы пойдем в огонь и в воду, но вам нельзя рисковать собой! Правда ли, ребята? — обернулся ротный к солдатам.

— Так точно! Сами все обладим, не извольте беспокоиться,— зашумели в ответ солдаты.

— Тогда с богом! Я все же провожу вас,— решил генерал и двинулся во главе рот.

Доведя отряд до половины горы, он пропустил солдат мимо себя, напутствуя их теплыми, ласковыми словами. Гора Высокая опять была занята стрелками.

С наступлением темноты японцы подкрались и забросали русских гранатами. То здесь, то там слышался негромкий звук их взрыва, сопровождавшийся душераздирающими криками раненых. Это нападение было неожиданно. Стрелки растерялись и не знали, как защищаться. Они пытались отстреливаться, но в темноте попасть в японцев было почти невозможно, а гранаты так и сыпались со стороны засевших поблизости японцев.

Когда же японцам удалось зайти с одного из флангов и с тыла забросать русских гранатами, стрелки дрогнули и очистили вершину, засев на половине горы.

Кондратенко направил к месту прорыва последнюю резервную полуроту с двумя пулеметами и решил до утра контратаки не предпринимать.

Утомленные боем, японцы тоже не стали развивать свой успех и остановились на вершине.

На фронте наступило затишье. Взошедший месяц осветил мягким светом примолкнувшие сопки. По артурской дороге потянулись транспорты раненых вперемешку с обозами, патронными двуколками и китайскими арбами с казенным имуществом.

Семенов отводил в тыл все, что было ненужно на позициях.

Кондратенко подсчитал потери сегодняшнего дня.

— Около полутора тысяч,— докладывал ему исполняющий должность начальника штаба отряда Семенова капитан.

— Сколько же у нас осталось в строю?

— Не больше трех тысяч, считая и моряков и пограничников. Двадцать шестой полк назавтра сводим в два трехротные батальона. Двадцать пятый тоже в два батальона, плюс рота моряков и рота пограничников. Всего шестнадцать рот — полк нормального состава.

 — Если нас не поддержат, то завтра мы не удер-

жим своих позиций. Надо немедленно запросить резервы в штабе района.

— Генерал Стессель еще днем категорически отказал в этом.

— А Фок?

— Ответил бранью.

Кондратенко хотел было что-то ответить своему собеседнику, но запнулся на полуслове и, откинувшись на спинку стула, захрапел. Кликнув денщиков, Семенов бережно уложил генерала на походную койку.

Проснувшись довольно поздно, Фок по обыкновению отправился на прогулку в штаб расположенного поблизости Четырнадцатого полка. По дороге он встретил начальника штаба Дмитриевского и, выслушав его доклад о положении на фронте, справился о Сахарове и приказал отправить в Артур все обозы с ранеными, всех лишних людей, а саперов отослать к Волчьим горам.

— Разве намечается отступление? — удивился начальник штаба.

— На войне, да еще оборонительной, когда инициатива в руках противника, трудно что-либо намечать. Но необходимо обеспечить свободу действий себе заранее, а для этого нужно избавиться от всего лишнего,— объяснил Фок и отпустил Дмитриевского.

В штабе у Савицкого, справившись о потерях в полку, он обратился к полковнику с вопросом:

— Каково ваше мнение о продолжении обороны Зеленых гор?

Савицкий на минутку задумался, стараясь понять, какой ответ будет более приятен начальнику дивизии. Вспомнив часто высказываемое Фоком мнение о желательности скорейшего отхода в Артур, он после минутного раздумья ответил:

— Чем скорее отойдем, тем лучше, ваше превосходительство!.. Здесь полки только зря несут большие потери от артиллерийского огня, чем ослабляется будущий гарнизон крепости.

— Я тоже так думаю,— довольно проговорил генерал.— Я уже отдал приказ об отправке обозов и всей тыловой шушеры в крепость.

В голове Фока давно уже созрел план, который он тщательно обдумывал во всех деталях, шагая по комнате.

«Кондратенко, конечно, будет держаться до последнего,— думал Фок.— Я же отступлю, как только японцы меня атакуют. В результате отряд Семенова будет охвачен с фланга, а быть может, и с тыла, и едва ли от него много останется. Раз это случится, с Кондратенко будет покончено. Самовольно уехал из крепости да еще потерпел поражение! Такие вещи никому не прощаются! Тогда я — единственный кандидат в начальники сухопутной обороны, и все будет в моих руках».

При этой мысли Фок улыбнулся и весело потер руки.

В тот же день, четырнадцатого июля, около пяти часов вечера, японцы наконец рискнули атаковать Тринадцатый полк Четвертой дивизии, но были отбиты с громадным уроном. Узнав об этом, Фок пришел в неистовство и, изругав площадной бранью командира полка, приказал ему отвести полк с передовых позиций, оставив на них лишь охотничью команду. Затем был вызван Дмитриевский, которому генерал под строжайшим секретом сообщил, что отряд Семенова разбит и в беспорядке отступает к Артуру.

— Я только что говорил с его штабом. Там все на месте,— возразил было подполковник, но тотчас замолчал под гневным взглядом своего начальника.

— Сведения у меня от конного ординарца. Разошлите немедленно во все части приказ об отходе.

Дмитриевский послушно откозырял и вышел. Вызвав по телефону всех командиров полков, он не замедлил им сообщить о разгроме правого фланга и предстоящем спешном отступлении дивизии на Волчьи горы. В полках поднялся переполох, еще более усилившийся, когда японцы снова атаковали некоторые участки фронта. В воздухе стало попахивать новым Цзинджоу, но тут неожиданно в дело вмешался Ирман, огнем своих батарей буквально сметавший противника, как только он показывался на хребте.

Узнав об этом, Сахаров опрометью бросился в штаб к Фоку и просил его обуздать расходившегося начальника артиллерии. Генерал разразился самой непечатной бранью по адресу идиотов, которые не понимают военной обстановки, затем не в меру ретивому начальнику артиллерии было послано категорическое приказание беречь снаряды.

Это распоряжение и приказ об отступлении Ирман принял с негодованием и немедленно поехал объясняться в штаб.

 — Как отступаем? — накинулся он на Дмитриевско-

го.— Японцы везде отбиты, снарядов осталось еще по двести выстрелов на орудие, с ними я задержу противника, по крайней мере, сутки.

— Семенов отступает, вернее, даже бежит в Артур,— начал было Дмитриевский.

— Вас кто-то ввел в заблуждение! Командир второй батареи Лаперов доносит мне с правого фланга, что там все атаки отбиты и никто не отходит...

— Приказ Стесселя...

— Почему же вы не объясните ему, что нет никаких оснований для отхода с позиций?

— Обратитесь тогда к начальнику дивизии, он вам разъяснит.

Но Фок ничего разъяснять не стал, он просто приказал немедленно отходить.

— Через полчаса жду от вас, Владимир Александрович, донесений о выполнении моего приказа,— оборвал он Ирмана.

— Кроме того, я не согласен с намеченной диспозицией расположения батарей на Волчьих горах. Мои правофланговые батареи почему-то становятся за левым флангом, и наоборот. Из-за этого они сделают лишних двадцать верст и вовремя не смогут поддержать стрелковые части,— продолжал возражать Ирман.

— Я вашего мнения не спрашиваю, полковник! Вы свободны! — кивнул головой Фок на дверь.

Взбешенный Ирман полетел на телефонную станцию и пытался связаться со Стесселм в Артуре, но связь уже была прервана, и, ничего не добившись, он отправился к своим батареям. Не успело еще зайти солнце, как полки Четвертой дивизии начали отход по всему фронту, прикрываясь охотничьими командами. Заметив клубы пыли над всеми дорогами, японцы открыли по ним яростный шрапнельный огонь. Отступление все больше принимало характер бегства, и, воспользовавшись этим, японцы прорвались во фланг и тыл Двадцать пятого и Двадцать шестого полков, сразу поставив их в критическое положение.

Кондратенко был разбужен своим вестовым как раз в тот момент, когда прорвавшиеся в тыл японцы с криками «банзай» атаковали небольшую китайскую деревушку, где помещался штаб Семенова. При первых выстрелах полковник, собрав в штаб знаменитый взвод

своего полка, конноохотничью команду Двадцать пятого полка, две морских десантных пушки с десятком матросов, обозников, денщиков, наскоро организовал оборону. Противник был подпущен вплотную, а затем расстрелян в упор залпами сборного отряда. Кондратенко, выскочив из фанзы на двор, был оглушен ружейной трескотней, раздававшейся со всех сторон. Крики «банзай» смешивались с криками «ура» и перекрывались короткими выстрелами морских орудий. Пули роями летели в разные стороны. Разобрать, что происходит, в темноте было невозможно.

— Где? Что за стрельба? Где полковник Семенов? Почему меня так поздно разбудили? — забросал генерал вопросами своего вестового.

— Ховайтесь у погреб, Роман Исидирович, а то, не дай боже, еще зацепит какая пуля! — вместо ответа советовал тот, хватая Кондратенко за рукав.

За воротами на Кондратенко налетели два матроса. Генерал узнал их в темноте по белой одежде.

— Где начальник отряда? — справился он у них.

— У околицы за заборами,— ответил один из них.— Японец сразу навалился, чуть было не забрал нашего генерала, говорят, он сильно ранен.

— Кого?

— Генерала пехоцкого Кондратенкина. Стрелки страсть рассерчали за это. Насмерть бьют всех японцев и никого в плен не берут.

— Да я жив и здоров!..

Матрос недоверчиво приблизил в темноте свое лицо к Кондратенко и старательно стал разглядывать его погоны.

— Никак, и впрямь генерал! — радостно воскликнул он.— Вот солдаты-то обрадуются, что вы, ваше превосходительство, целы. Дозвольте, я вас провожу к ним.— И, не дожидаясь ответа, матрос пошел вперед.— Лети духом вперед, доложи полковнику: идет, мол, генерал целехонек,— приказал он другому матросу.

Через несколько шагов их встретил спешивший навстречу Семенов.

— Роман Исидорович, вы целы? — бросился к нему полковник.— Тут какая-то сука распустила слух, что вы ранены! Стрелки как узнали, так прямо ошалели от злости, погнали японцев, как овец.

— Что случилось-то? Почему могли попасть сюда японцы?

— Фок ушел, а нам ничего об этом не сообщил, нас

и обошли. Вы бы все же поберeглись, Роман Исидорович!

Но Кондратенко ничего не хотел слушать. Подойдя к цепям, он громко, во весь голос, поблагодарил солдат за заботу о нем.

— Рады стараться! Дай вам боже долгие дни! С вами мы не пропадем! — радостно понеслось ему в ответ.

Отбитые японцы быстро отступили, исчезнув в темноте. Кондратенко и Семенов вернулись в штаб. Там уже спешно наводил порядок адъютант.

— Где же Фок? — спросил генерал.

— Послан конный дозор выяснить местонахождение правого фланга Четвертой дивизии,— доложил Семенов.

— Что делается у нас на правом фланге в приморском районе?

— Начальник пограничников подполковник Бутусов доносит, что, кроме слабых атак с фронта, противник активности не проявляет.

— Конный ординарец из штаба Фока,— доложил адъютант, когда в фанзу вошел запыленный усталый стрелок и подал Кондратенко пакет.

— Почему так долго ехал? — сурово спросил его генерал.

— Ночью плутал, ваше превосходительство, и у нас в штабе мне сказали, что Седьмая дивизия идет в Артур, я думал вас по дороге перехватить, но никого не встретил,— оправдывался солдат.

— Фок с вечера еще начал отход на Волчьи горы,— сообщил Кондратенко, пробежав глазами бумагу.— Приказываю отступить в район крепости Порт-Артур,— твердо проговорил он после длительного раздумья.

Время шло, ночь была на исходе, надо было торопиться. Вскоре полки в полной тишине двинулись в дорогу, пользуясь ночным мраком.

Кондратенко со штабом выехал к одному из перекрестков, мимо которого должны были проходить все части. Здесь он в каждом полку и команде справлялся о потерях и благодарил стрелков.

Уже совсем рассветало, когда прошли последние подразделения.

— Прошу вас, Владимир Федорович, принять на себя общее начальство над походной колонной,— обернулся генерал к Семенову,— а я вернусь и объеду оставшиеся в арьергарде охотничьи команды и батарею.

Они много перенесли за эти дни. Надо их особенно поблагодарить за боевую работу.

— Вас могут отрезать в темноте от главных сил, Роман Исидорович. Что я тогда доложу Стесселю? — запротестовал полковник, но Кондратенко только махнул рукой.

— Не велика будет потеря для Артура. Меня с радостью заменят кем-либо другим. Кстати, вас, Владимир Федорович, можно поздравить с наступающими именинами. Завтра пятнадцатое число. Желаю вам во всем полного успеха,— протянул руку Кондратенко.

Через минуту он уже скрылся в темноте ночи.

Объезд охотничьих команд занял довольно много времени. Особенно долго генерал задержался в охотничьей команде Двадцать шестого полка. За убылью офицеров ею временно командовал унтер-офицер Демьянов, перешедший с Енджеевским из Четырнадцатого полка. Инициативный и энергичный солдат, он всеми силами старался задержать наступающие японские части. С этой целью он предложил заложить ряд самодействующих фугасов под мостами, в дефиле на дорогах и других местах, где можно было ожидать прохождения крупных частей противника. Стрелки, в свою очередь, предложили заминировать оставляемые окопы и блиндажи.

— Где вы достанете нужное количество пироксилина? — усомнился Кондратенко, узнав об этой затее.

— В штабе бросили две двуколки пироксилина, не на чем было их вывезти. А мы шашки разобрали по рукам и теперь хотим их использовать. Есть у нас один матросик с «Баяна» — Бабушкин, минер по специальности. Он нас научит, как надо ставить мины,— доложил Демьянов.

— Где он? — справился генерал.

— Легок на помине! — кивнул Демьянов на подошедшего в этот момент матроса. Гигантского роста, косая сажень в плечах, он до военной службы был борцом-тяжеловесом. Тяготясь бездействием артурской эскадры, он вызвался охотником в морской десант, приданный к дивизии Кондратенко.

Бабушкин подробно рассказал генералу, как он собирается устанавливать фугасы.

— Закопаем фугасы в землю так, чтобы не было их заметно. В темноте не больно разглядишь, где свежевыкопанная земля. Станет японец на фугас и взлетит на воздух. Нарвется рота на такое минное поле, никто

целым не уйдет. Побоятся японцы дальше нас преследовать, а наши части тем временем устроятся на новых позициях,— развивал свою мысль Бабушкин.

Кондратенко сразу понял, какую пользу могут принести такие минные заграждения, и похвалил Бабушкина.

— Сами только будьте осторожны и не подорвитесь на фугасах раньше японцев,— предостерег он солдат.

— На море мы привычны к минам! Там, куда ни повернешься, сразу на нее наскочишь. Теперь на сухом пути мы устроим японцу такую же каверзу,— ответил матрос.— Если все по правилам сделать, не поздоровится ему.

Поблагодарив солдат и матросов за проявленную инициативу, генерал пожелал им успеха и отправился догонять отряд Семенова.

Наступил третий день праздника хризантем, а русские части продолжали еще находиться на перевальных позициях. Помня упорное сопротивление русских в предыдущие дни, японцы с рассветом открыли ураганный артиллерийский огонь по их позициям. Одновременно японская эскадра начала обстреливать с моря Лунваньтаньскую долину. Как ни силен был огонь японцев, но редкие цепи охотников почти не несли от него потерь. Беспрестанно перебегая с места на место и временами открывая сильный ружейный огонь, стрелки сумели ввести в заблуждение японцев, которые не заметили отхода главных сил русских. Четыре скорострельные пушки тоже, то и дело меняя позиции, временами открывали по врагу беглый огонь, что еще более путало японцев.

Только после полудня они рискнули броситься на штурм. Велико было их удивление, когда они увидели пустые окопы. Они бросились искать врага по блиндажам, и тут начали действовать заложенные ночью фугасы. То тут, то там к небу взлетали огромные столбы дыма, земли и камней, гибли десятки людей. Японцы в ужасе бросились назад. Прошло довольно много времени, пока они решились снова занять покинутые русскими окопы.

Поняв наконец, что перед ними нет противника, японцы сомкнутыми колоннами двинулись по артурской дороге. Но только головная рота вступила на первый мост, как он с грохотом взлетел на воздух, перекалечив не один десяток японских солдат. Испуганные японцы бросились в стороны и опять попадали на мины. Еже-

секундно с разных сторон доносился грохот взрывов, и десятки незадачливых потомков богини Аматерасу-Ами-ками, как любили называть себя японцы, пачками отправлялись к праотцам. Совершенно обезумевшие перед невидимой опасностью, японцы поспешили отойти в исходное положение. Выдвинув затем вперед небольшие разведывательные части, они до утра не решались двигаться по направлению к Артуру.

Между тем отряд Семенова остановился в восьми километрах от крепости и, никем не беспокоимый, простоял тут до следующего дня.

Осмотрев расположение отряда и отдав Семенову нужные распоряжения, Кондратенко поблагодарил полковника за службу и двинулся в Артур.

На Волчьих горах части Четвертой дивизии нашли позицию в виде неглубоких окопов, вырытых у подошвы хребта, без всяких блиндажей и с очень незначительным числом легких козырьков. Возможности обстрела с этой позиции были ограничены густыми зарослями гаоляна, росшего в двадцати — тридцати шагах кругом. Все это вызвало сомнение — туда ли пришли полки, куда нужно, но при тщательном обследовании окружающей местности нигде больше не было обнаружено никаких признаков укреплений. Сам строитель этого шедевра фортификационного искусства капитан Сахаров благоразумно, вместе с Фоком, заблаговременно уехал в Артур, предоставив самим частям разобраться на месте в расположении окопов. Утомленные ночным переходом, полки начали устраиваться на новом месте, поминая лихом и инженеров, строивших эти позиции, и начальство, заставившее занимать их.

После жаркого, утомительного, душного дня наступила прохладная сырая ночь. На небе замерцали разноцветными огнями тысячи звезд. По всей линии расположения русских войск загорелись костры, которые четко указывали японцам линии обороны. Некоторые из офицеров запротестовали было, опасаясь демаскировки окопов. Но Савицкий не посчитался с этими возражениями и приказал «огней не гасить до утра», чтобы комары и мошкара не беспокоили солдат. Японцы прекрасно воспользовались этим ориентиром и, тихонько подкравшись по гаоляну почти вплотную к русским, неожиданно кинулись в штыки. Атакованная рота Четырнадцатого полка была вся переколота, соседние же, вместо того чтобы поддержать ее, сами бросились

 врассыпную. Вскоре весь полк в беспорядке отступил

и частично разбежался по окрестным китайским деревням.

Толстый Савицкий в одном белье вскочил на лошадь и ускакал по дороге в Артур. Неизвестно, чем бы весь этот переполох кончился, если бы не подошел из резерва батальон Тринадцатого полка и, охватив японцев с флангов, не заставил их уйти, после чего остатки Четырнадцатого полка были водворены на свое место.

Весь следующий день шестнадцатого июля, пользуясь тем, что заросли гаоляна подходили почти вплотную к русским окопам, японцы несколько раз бросались в штыки и местами успели прочно засесть в занятых окопах. Но главные силы их, а также артиллерия, подошли лишь к вечеру.

Перед закатом солнца в тылу ненадолго появился Фок и, выяснив у полковых командиров положение дел на участке, велел держаться до конца.

Тут не выдержал даже его любимец Савицкий и громко заявил, что он за свой полк ручаться не может.

— Окопы к утру будут или совершенно пусты, или в них останется ничтожное количество солдат при нескольких офицерах,— доложил он, делая плаксивую мину на своем полном лице.

— Медвежья, что ли, болезнь напала на ваш полк при виде японцев? — усмехнулся генерал.

— Общее переутомление, много случаев дизентерии и порядочное количество легкораненых — все это снижает боеспособность полка,— жаловался Савицкий.

Карьера любого другого командира полка после такого признания была бы спета, но сегодня Фок даже был доволен таким откровенно паническим докладом. Это давало ему право доложить Стесселю, что дивизия доведена до полного истощения и дальше держаться на Волчьих горах не в состоянии.

— Конечно, всегда должно иметь в виду необходимость сохранения людей для обороны крепости, ибо главнейшей нашей задачей является упорная защита Порт-Артура,— предупредил офицеров начальник дивизии в заключение.

Это было понято как прямое указание о ненужности упорного сопротивления на Волчьих горах, и командиры полков сразу повеселели.

Весь день против дивизии Фока шел ожесточенный артиллерийский бой, заставивший ее оставить занятую линию окопов и отойти на следующий хребет. Наступив-

шая ночь на время прекратила бой, зато с рассветом семнадцатого июля японцы обрушились на русских с удвоенной силой, и поредевшие, измотавшиеся полки дрогнули и начали отходить к Артуру; стоявший в резерве Четырнадцатый полк, вместо того чтобы прикрыть отступление, первый ринулся под защиту крепостных батарей.

Видя стремительное отступление русских, командующий японской осадной армией барон Ноги бросил в преследование все свои резервы, надеясь на плечах отходящих частей ворваться в Артур, но тут он ошибся. Находившийся при дивизии генерал Надеин собрал остатки полков и вместе с артиллерией Ирмана оказал решительный отпор противнику. Батареи одна за другой вылетали в стрелковые цепи и в упор, на картечь, расстреливали наступавших японцев. Отдельные взводы и даже отделения стрелков, зацепившись за попутную вершинку, кустарник или грудку скал и камней, надолго задерживали значительно превосходящие силы врага. Но эти разрозненные усилия, лишенные общего руководства, не могли, конечно, остановить движение противника, и к десяти часам утра семнадцатого июля остатки Четвертой дивизии отошли к эспланаде крепости.

Стессель встретил вернувшегося в Артур Кондратенко весьма сухо. Им еще накануне был заготовлен приказ об отрешении строптивого генерала от всех занимаемых должностей «за самовольную отлучку из осажденной крепости».

Когда весть об этом дошла до штаба крепости, Смирнов, считавший Кондратенко своей опорой, всполошился и, не решаясь самостоятельно противоречить начальнику района, отправился за помощью и советом к адмиралу Витгефту. Последний предложил довести до сведения Стесселя через его начальника штаба, что в случае отстранения Кондратенко им будет отправлен специальный миноносец в нейтральный порт с донесением об этом непосредственно царю.

Перепуганный полковник Рейс поспешил к Стесселю и в весьма осторожных выражениях посвятил его в создавшееся положение.

— Плевать я хотел на всех моряков, а Смирнова завтра же смещу с должности коменданта крепости и назначу вместо него Фока,— начал горячиться Стессель.

— Сейчас получено донесение от генерала Фока, что его дивизия сбита с перевала и, неся сильные потери, отступает к Волчьим горам.

— Во всем виноват Кондратенко. Он, наверное, вмешался в распоряжения Фока и вовремя не поддержал его! — запальчиво ответил Стессель.— Я был совершенно прав, отстраняя от командования этого хитроумного хохла,— упирался начальник района.

Видя, что генерал закусил удила и спорить с ним бесполезно, Рейс решил прибегнуть к помощи Веры Алексеевны. Он дипломатически изложил ей историю с Кондратенко и выразил свое глубокое сожаление об излишней горячности ее супруга.

Узнав об отступлении Фока, генеральша встревожилась.

— В такие минуты отстранять от дел Кондратенко прежде всего глупо! Затем, кто же заменит его здесь? На Фока после Цзинджоу я не надеюсь. Смирнова пора посадить в сумасшедший дом за его чрезмерную ученость, Анатоль ничего в крепостях не понимает, Надеин стар, Горбатовский глуп, Церпицкий трус,— перечисляла по пальцам генералов Вера Алексеевна.— Роман же Исидорович — инженер, крепостное дело знает, ему и карты в руки! Хорошо, я переговорю об этом с мужем!

В результате бурной беседы в супружеской спальне приказ о Кондратенко был отменен, и Стессель ограничился лишь упреком по его адресу.

Получив сообщение о поспешном отходе полков Четвертой дивизии, Стессель приказал немедленно подтянуть к Артуру отряд Семенова и лично отправился ему навстречу, как всегда, в сопровождении большой свиты.

В трех верстах впереди линии фронта, на повороте старой артурской дороги, генерал остановился в ожидании подхода частей Седьмой дивизии. Среди генеральской свиты находились Никитин, Рейс, Сахаров, Гантимуров и еще человек десять штабных офицеров и просто прихлебателей, чающих получения различных благ. Кондратенко с Науменко и Звонаревым проехали навстречу отряду. Завидев своего начальника дивизии, который только что с ними провел несколько тяжелых дней на Зеленых горах, стрелки приободрились и подтянулись.

— Да здравствует наш генерал! Ура Кондратенко! — понеслось по стрелковым частям.

Роман Исидорович, весь сияющий, что-то кричал им в ответ и размахивал фуражкой.

Заняв затем место во главе колонны, Кондратенко сам повел полки мимо Стесселя. Поравнявшись с начальником района, генерал, салютуя шашкой, подъехал к нему и отдал рапорт. Звонарев и Науменко, присоединившись к свите Стесселя, наблюдали за прохождением частей отряда.

Впереди, с развернутым знаменем, дважды пробитым пулями в последних боях, шел под музыку Двадцать пятый стрелковый полк. Стройными рядами, строго выдерживая равнение, шли стрелки под бодрящие звуки оркестра. Многие из них были перевязаны, но, несмотря на это, имели бодрый вид. Взвод за взводом, рота за ротой, батальон за батальоном, выдерживая дистанцию, шли один за другим Двадцать пятый и Двадцать шестой полки, временно сведенные после боев в несколько рот. За ними двигалась артиллерия, тяжело громыхая орудиями. Впереди на вороном коне ехал заросший густейшей черной бородой, с перевязкой на голове, командир дивизиона полковник Мехмандаров. За ним тянулись длинной лентой орудийные запряжки, вороные — в первой батарее, гнедые — во второй и рыжие — в третьей. После дивизиона шла рота Квантунского флотского экипажа. Огромный матрос Бабушкин нес перед ротой большой развевающийся по ветру Андреевский флаг. Матросы двигались по-морскому — чуть вразвалку, с особой, только им присущей лихостью. Надетые набекрень фуражки с развевающимися сзади черными ленточками придавали им бравый, залихватский вид. Молоденький мичман, ведший роту, взмахнул своим палашом и подошел к Стесселю, который милостиво протянул ему руку и сказал несколько приветственных слов. Шествие замыкала сводная рота пограничников.

Стессель здоровался и благодарил части за их боевую работу. По мере того как проходили все новые ряды, он повернулся к Кондратенко и, крепко пожав ему руку, поблагодарил за блестящий вид вверенных ему стрелков и матросов.

— Можно подумать, что они идут не после боя, а с царского парада в Царском Селе! — восторгался он.

— Едва ли их туда пустили бы с перевязанными головами и руками,— заметил в ответ Кондратенко.

— Да, там порохом пахнет только во время салюта,— согласился начальник района.

Когда весь отряд прошел, Кондратенко, официально взяв под козырек, обратился к Стесселю:

— Разрешите мне, ваше превосходительство, вместе с моими полками отправиться на помощь Четвертой дивизии.

— Прошу вас! Отныне она входит в ваше подчинение как начальника сухопутной обороны крепости,— ответил Стессель.

На лицах Рейса, Сахарова и Гантимурова выразились недоумение, растерянность и досада.

— Подполковник Науменко, прапорщик Звонарев, прошу вас следовать за мной,— обернулся генерал, отыскивая их глазами среди свиты, и тронул свою лошадь широкой рысью.

В это время, как бы салютуя ему, с верков Артура раздался тяжелый грохот крепостных орудий.

Тесная блокада Артура началась.

ПРИМЕЧАНИЯ

Александр Николаевич Степанов (1892—1965) в детстве был свидетелем и участником героической обороны Порт-Артура. Отец его, Николай Иванович Степанов, был командиром батареи Электрического Утеса, а затем Суворовской мортирной батареи на Тигровом полуострове. Двенадцатилетний Саша все видел, запоминал, старался быть полезным — был связным у своего отца, подвозил вместе с другими ребятами воду на ослах к передовым позициям. Он был контужен, едва не лишился ног, их вылечил молодой тогда еще врач С. Р. Миротворцев, известный впоследствии ученый, с которым А. Н. Степанов, будучи уже писателем, вел дружескую переписку. И не только о нем, о многих участниках героической обороны А. Н. Степанов сохранил живые, теплые воспоминания. А видел он много. Он «лично знал Стесселей, Белых, Никитина, Кондратенко и многих других. У Белых видел Макарова, с мичманами забирался на броненосцы; мечтал стать моряком и т. д.»[1]. Оборона Порт-Артура на всю жизнь осталась самым ярким его воспоминанием.

После капитуляции крепости А. Степанов с отцом в числе военнопленных попал в Нагасаки и лишь оттуда вместе с ранеными и медицинским персоналом был отправлен пароходом вокруг Азии в Одессу, к матери.

Мать А. Н. Степанова, Лидия Николаевна, преподавала русский язык в гимназии, под ее влиянием будущий писатель с детства полюбил книги и научился записывать свои впечатления. Дневники он вел всю жизнь.

Эта привычка сослужила писателю большую службу. Повседневные записи событий позволили ему накопить большой материал. Прекрасная память помогала ему восстанавливать «обстановку, при какой делал некоторые записи почти тридцать лет назад»[2],— признавался А. Н. Степанов в 1944 году. И не случайно все произведения писателя в большей или меньшей степени связаны с его биографией.

В 1913 году А. Н. Степанов окончил Петербургский технологический институт, но вскоре был призван на военную службу, всю первую мировую войну провел на фронте. Это позволило ему позже создать хранящиеся в архиве писателя «Записки гвардейца», повести «Поход в Восточную Пруссию» и «Артиллеристы», а также многие страницы романа «Семья Звонаревых».

В 1917 году А. Н. Степанов был послан в Артиллерийскую ака-

---

[1] «Кубань», 1966, № 4, с. 76.

[2] «Дон», 1962, № 6, с. 165.

демию в Петроград. После Октября он — в рядах Красной гвардии, принимал участие в разгроме Юденича, участвовал с отрядом путиловских рабочих в боях под Нарвой 23 февраля 1918 года (впоследствии он написал об этих событиях в повести «Стальной рабочий отряд», 1958), командовал артиллерийским дивизионом, воевал против деникинских полчищ под Ростовом и Екатеринодаром.

В ночь на 17 марта 1921 года, во время штурма Кронштадта, при подавлении кронштадтского мятежа А. Н. Степанов провалился под лед Финского залива, тяжело заболел и вынужден был уехать лечиться на юг, в Краснодар.

В Краснодаре А. Н. Степанов жил до 1942 года, работал инженером, преподавал в вузах и техникумах. В 1932 году бруцеллез надолго приковал его к постели. У него появилась возможность вспомнить, передумать и заново перечувствовать пережитое. Все его мысли теперь заняты Порт-Артуром. Начал писать воспоминания и понял, что одних личных впечатлений мало. Помогали записки, которые вел во время обороны Порт-Артура отец писателя, но и этого было недостаточно. Тогда он начал читать о Порт-Артуре и русско-японской войне все, что мог достать в Краснодаре, получал книги и из Москвы и других городов.

Позже А. Н. Степанов писал: «Передо мной стояли три основные задачи: показ героизма солдат и младших офицеров артурского гарнизона, показ развала и разложения руководящей верхушки артурских властей, показ тесно связанного с ними широко разветвленного в Артуре японского шпионажа. На примере Артура легко было демонстрировать всю гниль правящей Россией самодержавной клики» [1].

Статья В. И. Ленина «Падение Порт-Артура» (январь 1905 г.) помогла А. Н. Степанову осмыслить и правильно оценить собранный им огромный фактический материал. В. И. Ленин писал: «Несовместимость самодержавия с интересами всего общественного развития, с интересами всего народа (кроме кучки чиновников и тузов) выступила наружу, как только пришлось народу на деле, своей кровью, расплачиваться за самодержавие...

Падение Порт-Артура подводит один из величайших исторических итогов тем преступлениям царизма, которые начали обнаруживаться с самого начала войны и которые будут обнаруживаться теперь еще шире, еще более неудержимо» [2].

Анализируя причины, приведшие царизм к поражению, Ленин утверждал: «Не русский народ, а русское самодержавие начало эту колониальную войну, превратившуюся в войну старого и нового буржуазного мира. Не русский народ, а самодержавие пришло к позорному поражению. Русский народ выиграл от поражения самодержавия. Капитуляция Порт-Артура есть пролог капитуляции царизма» [3].

Через пять лет напряженной работы А. Н. Степанов посылает рукопись своих воспоминаний о порт-артурской обороне признанным мастерам исторического романа А. С. Новикову-Прибою и С. Н. Сергееву-Ценскому Рукопись они одобрили и посоветовали А. Н. Степанову продолжить работу над романом.

Первая книга романа «Порт-Артур» была опубликована в 1940 году в Краснодаре, вторая — там же в 1942 году.

---

[1] Степанов А. О книге «Порт-Артур».— «Новый мир», 1945, № 8, с. 117.

[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 155.

[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 158.

А. С. Новиков-Прибой писал А. Н. Степанову после выхода первой книги, 8 февраля 1941 года: «...книга имеет большое познавательное значение и, я уверен, будет принята читателем с большим интересом. Вашу книгу «Порт-Артур» я прочитал с большим удовольствием. Написана она правдиво, хорошо» [1].

Один из первых рецензентов романа — генерал-майор А. А. Игнатьев, участник русско-японской войны,— вскоре после выхода первой книги «Порт-Артура» отметил «великолепные батальные сцены как на море, так и на суше», «живость и правдивость изображения», превосходное знание автором материала, что позволило ему «не только избежать ошибок, но и передать самую технику войны» [2].

В 1944 году роман А. Н. Степанова «Порт-Артур» был переиздан большим тиражом и получил всенародное признание. В 1946 году А. Н. Степанову была присуждена за него Государственная премия.

Во многих театрах страны шла пьеса «Порт-Артур», написанная А. Н. Степановым в соавторстве с драматургом И. Ф. Поповым по мотивам романа. А. Н. Степановым также был создан киносценарий «Порт-Артур».

Писатель получал сотни писем от читателей. Участники обороны Порт-Артура делились своими воспоминаниями, сообщали неизвестные факты героических эпизодов, боев. Используя новые материалы, А. Н. Степанов постоянно совершенствовал свое произведение, уточняя характеристики, дописывая новые главы и сцены.

В 1953 году А. Н. Степанов включил в роман эпилог, в котором рассказывалось о последующей судьбе героев романа и о процессе над Стесселем и другими виновниками сдачи Порт-Артура японцам, происходившем в Петербурге в 1907—1908 годах. В дальнейшем при переизданиях романа этот эпилог не печатался, а был использован в романе «Семья Звонаревых», над которым писатель трудился до конца своей жизни.

Роман А. Н. Степанова «Порт-Артур» вошел в золотой фонд советской литературы. Он издавался семнадцать раз тиражом более миллиона экземпляров. Роман переведен на языки народов СССР и на многие иностранные, в том числе на английский, французский, венгерский, китайский, японский и другие.

В настоящем издании текст романа дается по изданию Гослитиздата 1960 года — последнему, над которым автор тщательно работал и где сделал значительные исправления.

Стр. 7. *Порт-Артур* (Люйшунь) — город, незамерзающий порт и военно-морская база Китая на юго-западе Ляодунского полуострова — Квантунском полуострове, у входа в заливы Ляодунский и Бохайвань. Порт и крепость построены в 80-х годах XIX века на месте рыбацкой деревни Люй-шунь-коу.

В 1894 году во время японо-китайской войны 1894—1895 годов Порт-Артур был взят японскими войсками, многие крепостные сооружения были ими разрушены. По Симоносекскому договору 1895 года Порт-Артур отошел к Японии, но под давлением России, Германии и Франции был возвращен Китаю.

15 (27) марта 1898 года в Пекине была подписана Россией и

[1] «Русская литература», 1967, № 1, с. 191.

[2] Игнатьев А. А. Записки очевидца.— «Знамя», 1941, № 3, с. 236.

Китаем конвенция, по которой Квантунский полуостров с крепостью Порт-Артур передан России в аренду на двадцать пять лет.

Квантунский полуостров и прилегающие к нему острова образовали Квантунскую область, которая в 1903 году вместе с Приамурским генерал-губернаторством вошла в состав наместничества на Дальнем Востоке. Во главе наместничества был поставлен адмирал Алексеев.

После окончания русско-японской войны по Портсмутскому мирному договору 1905 года арендные права на Порт-Артур перешли к Японии. Японская оккупация длилась до 1945 года, когда советские войска разгромили японские самурайские части. В настоящее время Порт-Артур принадлежит КНР.

26 января 1904 года — все даты в тексте даны по старому стилю.

Алексеев Евгений Иванович (1843—1918) — адмирал, генерал-адъютант, в 1903—1905 годах — царский наместник на Дальнем Востоке с подчинением ему Приамурского края, Забайкальской области, Маньчжурии и Квантунской области. С началом русско-японской войны назначен главнокомандующим всеми морскими и сухопутными силами на Дальнем Востоке. После поражения русских войск на реке Шахэ в октябре 1904 года был освобожден от обязанностей командующего и заменен генералом Куропаткиным.

Флаг-офицер — офицер, состоящий при флагмане, ведавший сигнальным делом и выполнявший адъютантские обязанности.

Стр. 8. *...телеграммы о разрыве дипломатических сношений с Японией.*— Начиная военные действия против России без объявления войны, Япония, считаясь с мировым общественным мнением, проявила некоторую осмотрительность: 24 января (6 февраля) 1904 года были прерваны русско-японские переговоры в Петербурге, прекращены дипломатические отношения с Россией. Однако, чтобы использовать преимущество внезапности нападения, японское правительство создало впечатление, что это не означает начала войны, а является лишь средством давления на царское правительство. В связи с этим адмиралу Алексееву была послана телеграмма с указанием соблюдать осторожность, чтобы не спровоцировать военные действия.

Ламсдорф (Ламздорф) Владимир Николаевич (1841—1907) — граф, дипломат, служивший в министерстве иностранных дел с 1866 года. В 1900—1906 годах — министр иностранных дел. Сторонник мирного урегулирования с Японией корейско-маньчжурского вопроса.

Стр. 9. *...военный союз с Японией, направленный в основном против России и Китая.*— Речь идет об англо-японском союзном договоре 17 (30) января 1902 года, по которому договаривающиеся стороны обязались соблюдать нейтралитет, если одна из сторон, защищая свои интересы в Китае, окажется в состоянии войны с третьей державой, и о военной помощи в случае столкновения с двумя и более державами.

В газетах промелькнуло сообщение, что японский объединенный флот вышел в море...— В тот же день, когда были прерваны дипломатические отношения с Россией — 24 января (6 февраля) 1904 года — японский объединенный флот действительно вышел в море и направился к Порт-Артуру. Однако в печати сообщение об этом не могло появиться, так как одновременно в Японии было введено строжайшее запрещение посылать телеграммы за границу, и даже русская миссия и ее военно-морской атташе не смогли сообщить в Петербург о выходе эскадры.

Микадо — дословно — «возвышенные ворота» — титул японского императора; в самой Японии более распространен титул *тенно* — «божественный».

Стр. 10. *Того* Хейхатиро (1847 — ?) — вице-адмирал, командующий японским соединенным флотом, блокировавшим Порт-Артур в 1904 году, и разбивший эскадру адмирала Рожественского в Цусимском проливе.

Стационер — судно, постоянно находящееся на стоянке в иностранном порту.

Стр. 11. *Белый* Василий Федорович (1854—1913) — русский генерал от артиллерии, один из доблестных защитников Порт-Артура. Участник русско-турецкой войны 1877—1878 годов. В 1886—1902 годах служил в крепостной артиллерии Карса, Севастополя, с 1902 года — начальник Квантунской крепостной артиллерии.

Стр. 12. *Старый город* — Порт-Артур рекой Лунхэ делился на Старый город, на берегу Восточного бассейна, и Новый город, на берегу Западного бассейна. Восточнее Старого города располагался Новый китайский город.

Стр. 12. *Стессель* Анатолий Михайлович (1848—1915) — генерал-лейтенант. Участвовал в подавлении Ихэтуаньского народного восстания 1899—1901 годов в Китае. Комендант крепости Порт-Артур. С марта 1904 года — начальник Квантунского укрепленного района. За сдачу Порт-Артура японцам был отдан в 1906 году под суд вместе с другими виновниками сдачи крепости — генералами Фоком, Рейсом, Смирновым. Следствие выявило полную бездарность Стесселя, сознательно подготовлявшего крепость к сдаче. Верховный военно-уголовный суд 7 февраля 1908 года приговорил Стесселя к расстрелу, замененному десятилетним заключением в Петропавловской крепости, но уже 6 мая 1909 года он был освобожден по распоряжению Николая II и уехал за границу.

Стр. 14. *Витгефт* Вильгельм Карлович (1847—1904) — контр-адмирал, начальник морского отдела штаба наместника. С 22 апреля 1904 года — временный командир Тихоокеанской эскадры вместо вице-адмирала Н. И. Скрыдлова.

Стр. 15. *Бон* — плавучее ограждение, используемое для защиты места стоянки флота от проникновения неприятельских кораблей, торпед, мин. Боны состоят из неподвижной части и разводной (боновые ворота), служащей для прохода своих кораблей.

Стр. 15. *Чифу* (Яньтай) — порт на северо-востоке Шаньдунского полуострова, одна из лучших гаваней Китая. В 1860 году по Тяньцзинскому договору был открыт для иностранцев.

...пробили шесть склянок. — Склянка на кораблях флота обозначает получасовой промежуток времени, причем количество ударов колокола — склянок — показывает время, счет их начинается в 0 час. 30 мин. Шесть склянок — три часа. Выражение это осталось от давних времен, когда на судах у колокола стоял вахтенный с песочными часами и каждые полчаса «отбивал склянки».

Стр. 17 *Дальний* (китайское название — Далянь, японское — Дайрен) — торговый порт, построенный русскими в 1898—1903 годах. Город имел свое градоначальство и подчинялся не военному ведомству, как вся Квантунская область, а был в ведении министерства финансов. Много внимания развитию этого торгового порта уделял, в частности, министр финансов С. Ю. Витте.

Стр. 19. *Невский завод* — Невско-литейный и механический завод в Петербурге, известный также под названием Семянниковского завода. Основан в 1850 году. Сначала выпускал чугунные снаряды и литье. В дальнейшем на заводе развивалось судостроение, па-

ровозостроение и металлургическое производство. Ныне — машиностроительный завод имени В. И. Ленина.

Стр. 21. *Китайский поход.*— Речь идет о вторжении на территорию Китая соединенных сил царской России, Германии, Англии, Франции, Италии и Японии для подавления народного антиимпериалистического восстания (Ихэтуаньское, известное также под названием «боксерского» восстания 1899—1901 гг.).

Стр. 21. *Фок* Александр Викторович (1843 — ?) — генерал-лейтенант, начальник Четвертой Восточносибирской дивизии, комендант цзинджоуской позиции, затем — командир резерва, а с 2 декабря 1904 года, после гибели генерала Кондратенко,— начальник сухопутной обороны Порт-Артура. В итоге следствия 1906—1908 гг. Верховный военно-уголовный суд ограничился объявлением ему выговора.

Кондратенко Роман Исидорович (1857—1904) — генерал-майор, военный инженер. Окончил Военно-инженерную академию и академию Генерального штаба. Перед русско-японской войной служил в штабе Приамурского военного округа, командовал Седьмой Восточносибирской стрелковой бригадой в Порт-Артуре. С началом войны назначен командующим сухопутной обороны крепости Порт-Артур, организатор и герой ее защиты.

Стр. 22. *Варя Белая.*— Прототипом этой героини романа послужила дочь генерала Белого Лидия Васильевна (по мужу Кобеляцкая), которая была в начале войны в Порт-Артуре. Впрочем, как литературный персонаж, образ Вари Белой мог создаваться как обобщенный, типизированный образ, вобравший в себя черты разных людей. На письме С. Р. Миротворцева А. Н. Степанову от 26 апреля 1941 года есть пометка писателя — при упоминании имени Вари А. Н. Степанов написал: «Корниевская». О ней А. Н. Степанов сообщал в лекции 30 сентября 1955 года в Литературном институте, что она стала врачом, во время гражданской войны работала в красноармейском госпитале на Восточном фронте. Очевидно, эти обстоятельства легли в основу дальнейшего развития образа Вари в романе «Семья Звонаревых».

Стр. 23. *Цзинджоу* (Кинджоу, Наньшань — возвышенное плато) — один из четырех городов Квантуна, а также возвышенность, пересекающая Ляодунский полуостров в самом узком месте.

Стр. 24. *Григоренко А. А.* (1864 — ?) — военный инженер, полковник, с февраля 1904 года исполнял должность начальника инженеров крепости Порт-Артур. Принимал участие в строительстве крепостных сооружений с 1899 года. В 1908 году привлекался к уголовной ответственности за злоупотребления при производстве инженерных работ на Квантуне, но «за давностью преступления» освобожден от наказания.

Стр. 26. *Батарея нормальной профили* — насыпь (бруствер) в рост человека, возведенная перед батареей. Поперечные насыпи отделяли орудия друг от друга и защищали их от огня с флангов.

Стр. 27. *Траверс* — в фортификации — поперечная стенка или насыпь, пересекающая через определенное расстояние окоп для защиты от продольного огня с флангов.

Стр. 30. *Целик* — прицельное приспособление в виде выступа с прорезью для визирования мушки.

Стр. 31. *Кильватерная колонна* — строй, когда суда следуют один за другим в кильватерной струе (струе, остающейся за кормой идущего корабля) головного корабля.

Фейерверкер — чин младшего командного состава в артиллерии, соответствовавший званию унтер-офицера в пехоте.

Стр. 35. *Пробанить орудия* — прочистить дуло орудия банником, то есть специальной щеткой на длинном древке.

Стр. 40. *Канонир* — рядовой солдат в артиллерии.

Стр. 41. *Шенснович.* — В документах и воспоминаниях участников обороны Порт-Артура фамилия командира броненосца «Ретвизан» капитана первого ранга пишется «Щенснович».

Стр. 43. *Андреевский флаг* — кормовой флаг кораблей русского военно-морского флота — на белом поле синий крест по диагонали,— учрежденный Петром I и существовавший с начала XVIII века до Великой Октябрьской революции.

Стр. 45. *Руднев* Всеволод Федорович (1855—1913) — контр-адмирал, командир героического крейсера «Варяг». В 1880—1883 годах совершил кругосветное плавание. В 1900 году назначен помощником командира порта в Порт-Артуре. С 1902 года — командир лучшего русского крейсера «Варяг». 27 января 1904 года крейсер «Варяг» и канонерская лодка «Кореец» вступили в бой с японской эскадрой в Чемульпо (Инчён). За этот бой Руднев был награжден орденом и званием флигель-адъютанта. В 1905 году командовал броненосцем «Андрей Первозванный». Во время революции 1905—1907 годов за отказ участвовать в расправе с революционными матросами уволен в отставку. Автор книги «Кругосветное плавание крейсера «Африка» в 1880—1883 гг.».

Стр. 46. *Танака.* — А. Н. Степанов в одной из своих статей («Новый мир», 1945, № 8) указывал, что Танака и Куинсан — лица вымышленные. Так что неправильно было бы, как это иногда делают, отождествлять этот персонаж романа с известным японским генералом Танакой Гиити, который впоследствии был одним из организаторов японской интервенции в 1918—1921 годах на советский Дальний Восток. Такое недоразумение стало возможно потому, что, выводя в романе образы японских шпионов, А. Н. Степанов брал для них широкоизвестные японские имена. Это же можно, например, сказать и о японском шпионе — часовщике Ито, однофамильце крупного политического деятеля Японии. Имя Куинсан созвучно одной из гор, окружающих Порт-Артур.

Шампунка — небольшая китайская весельная лодка — сампани.

Стр. 47. *После войны с Китаем в 1894—1894 годах Корея фактически оказалась под протекторатом Японии.* — Речь идет о японо-китайской войне, основной целью которой была борьба Китая и Японии за обладание Кореей. По заключившему войну Симоносекскому договору Китай признавал независимость Кореи. Япония аналогичного заявления не сделала. Навязанное Корее соглашение о протекторате Японии, поддержанное Соединенными Штатами Америки, было подписано в ноябре 1905 года.

Стр. 49. *Японцы, как показывает японо-китайская война, не соблюдают общепринятых норм международного права...* — Японо-китайская война началась с вероломного нападения 25 июля 1894 года японских военных кораблей под командованием X. Того, бывшего тогда еще в чине капитана, на китайское транспортное судно, перевозившее войска. Официальное объявление войны с Японией последовало лишь 1 августа 1894 года.

Стр. 50. *Коммодор* — в военном флоте США и Англии звание командира соединения кораблей (эскадры), не имеющего адмиральского чина.

Стр. 51. *Эдуард* — Эдуард VII (1841—1910) — английский король (1901—1910).

Стр. 52. *Брандвахта* — судно, поставленное в гавани на рейде за наблюдением движения судов. Брандвахтой называют

также суда, предназначенные для жизни и дежурства пожарных команд.

Рифы — ряд продетых сквозь парус завязок, при помощи которых можно уменьшить площадь паруса — *брать рифы* — во время штормового ветра.

Марс — площадка на верхней части мачты для наблюдения. На боевых кораблях на марсе находятся посты управления огнем, дальномеры и т. п.

Рей — брус, прикрепленный к мачте горизонтально к палубе, служит для крепления парусов.

Стр. 53. *Марселя и кливера* — марсель — прямой парус, ставящийся на марса-рее; кливер — косой треугольный парус, устанавливаемый впереди передней мачты — фок-мачты.

Стр. 62. *Люфтики* — люфт — устарелый термин для обозначения зазора между поверхностями частей машин.

Стр. 64. *Ретирадное орудие* (стар.) — кормовая пушка, стрелявшая при уходе от противника.

Ендова — медная луженая посуда с носком, в котором выносилось вино для раздачи матросам в царском флоте.

Баталер — кондуктор или унтер-офицер, ведавший денежным, вещевым и пищевым довольствием личного состава корабля.

Стр. 65. *Стеньговые флаги* — флаги и вымпелы должностных лиц, поднимаемые на фор-стеньге или грот-стеньге (стеньга — брус, служащий продолжением мачты), а также государственные и военно-морские флаги, поднимаемые на этих стеньгах в особых случаях.

Стр. 67. *Строй пеленга* — строй, при котором угол строя кораблей есть любой заданный угол от 0° до 180°.

Стр. 69. *Фор-марс* — марс на фок-мачте.

Стр. 71. *Беседки левого борта* — беседки угольные (устар.) — деревянные площадки, навешиваемые с бортов судна в виде ступенек для погрузки угля вручную (с барж корзинами или мешками).

Стр. 81. *Я уговорил Руднева не взрывать «Варяга», а затопить...* — Затопленный русскими крейсер «Варяг» был поднят японцами, отремонтирован и назван «Сойя». В 1916 году Россия купила его у Японии, и он получил прежнее название. По пути из Японии в Россию был захвачен в Англии, куда зашел для ремонта. Погиб в Ирландском море в 1918 году.

Стр. 87. *Енджеевский* Евстахий Казимирович (? — 1918) — лицо историческое. Позже служил в Красной Армии и в 1918 году умер от сыпного тифа.

Стр. 89. *Макаров* Степан Осипович (1848—1904) — вице-адмирал, флотоводец, изобретатель, теоретик военно-морского дела, написавший более пятидесяти научных работ, мореплаватель, дважды обогнувший земной шар, исследователь Арктики. Участник русско-турецкой войны 1877—1878 годов, во время которой немало способствовал активизации русских морских сил на Черном море. Командовал эскадрой Средиземного моря, направленной в 1894 году на Дальний Восток. В 1897—1898 годах, будучи уже вице-адмиралом, построил по собственному проекту ледокол «Ермак», на котором плавал в морях Арктики. С 1899 года — главный командир Кронштадтского порта и военный губернатор Кронштадта. В 1904 году (1 февраля) назначен командующим Тихоокеанским флотом и 24 февраля прибыл в Порт-Артур. Погиб 31 марта 1904 года на броненосце «Петропавловск», подорвавшемся на мине.

Эссен Николай Оттович (1860—1915) — адмирал, талантливый

русский флотоводец, ученик С. О. Макарова. После русско-японской войны служил на кораблях Тихого океана и Средиземного моря. С 1908 года — командующий Балтийским флотом. Сыграл большую роль в усилении боеспособности русского флота, нанесшего крупные потери германскому флоту в первую мировую войну.

Стр. 99. *Квадрант* — прибор для придания стволу орудия нужного угла возвышения.

Стр. 101. *Мелинит* — пикриновая кислота (тринитрофенол) — взрывчатое вещество, широко применявшееся в снарядах морской артиллерии.

Стр. 110. *Вильд* (Вилд) Генрих Иванович (1833—1902) — академик, физик и геофизик, швейцарец по происхождению. Будучи директором астрономической обсерватории в Берлине, создал ряд метеорологических приборов.

Стр. 131. *«Инвалид»* — газета, основанная в Петербурге в 1813 году, с тем чтобы доход от издания «употребить на вспоможение инвалидам, солдатским вдовам и сиротам». С 1861 года «Русский инвалид, или Военные ведомости» выходил как официальная газета, публиковавшая сведения о русской армии и иностранных войсках, статьи по военным вопросам и т. д.

Стр. 135. *Вирен* Роберт Николаевич (1856 — ?) — контр-адмирал и командующий (после вице-адмирала Ухтомского) Тихоокеанской эскадрой в Порт-Артуре. В чине капитана первого ранга командовал крейсером «Баян». В 1906—1908 годах привлекался к следствию по делу о сдаче Порт-Артура, от суда освобожден.

Стр. 143. *«Лейтенант Бураков»* — самый быстроходный миноносец Тихоокеанского флота, неоднократно во время осады доставлявший в Порт-Артур почту из Инкоу. Назван по имени Буракова Евгения Николаевича (1874—1900) — лейтенанта, погибшего в бою под Таку.

Стр. 144. *Янтайский* уголь — уголь из Янтайских копей в Южной Маньчжурии — лучший из местных углей. Эти копи имели большое значение для снабжения русского флота углем, который Россия вынуждена была покупать для своих кораблей в иностранных портах.

Стр. 148. *Гаолян* — маньчжурское, китайское просо, растение семейства злаков, имеющее стебли до четырех метров высоты.

Стр. 149. *Хунхузы* (от китайского хунхуцзы — краснобородый) — участники вооруженных банд, действовавших в Северо-Восточном Китае.

Стр. 153. *Витте* Сергей Юльевич (1849—1915) — русский государственный деятель, убежденный сторонник самодержавия, один из организаторов подавления революции 1905—1907 годов. Был министром путей сообщения (1892), министром финансов (1892—1903), председателем совета министром (1905—1906). Своими мероприятиями в области финансов, таможенной политики, железнодорожного дела способствовал развитию капитализма в России. Влияние Витте сказалось почти на всех мероприятиях, проводимых царским правительством на Дальнем Востоке. Он стремился осуществить колониальные интересы царизма путем финансово-экономической экспансии. Был инициатором постройки Китайско-Восточной железной дороги, порта Дальний, получения Россией концессий в Маньчжурии и Корее. В 1906 году возглавил русскую делегацию на конференции в Портсмуте, заключившей мирный договор с Японией.

Стр. 155. *Кокор* — приспособление для подноски боевых припасов к орудию при заряжении; делятся на снарядные и зарядные — в зависимости от калибра орудия.

Стр. 160. *Барбеты* — насыпная площадка за бруствером укрепления для установки артиллерийского орудия.

Стр. 164. *Картуз* — мешочек цилиндрической формы, в котором помещался заряд пороха.

Стр. 166. *Никитин* Владимир Николаевич (1848—1917) — генерал-адъютант. Участник русско-турецкой войны 1877—1878 годов. С 1904 года — начальник артиллерии третьего Сибирского армейского корпуса. Позже был командующим войсками военного корпуса в Иркутске и Одессе; в 1916 году — комендант Петропавловской крепости. В 1917 году был расстрелян как сторонник Распутина.

Стр. 167. *Дубасов* Федор Васильевич (1845—1912) — генерал-адъютант, адмирал, член Государственного совета. В 1905 году возглавлял карательную экспедицию в Черниговской, Курской и Полтавской губерниях, а затем, будучи генерал-губернатором Москвы, жестоко подавлял московское вооруженное восстание.

Скрыдлов Николай Илларионович (1844 — ?) — вице-адмирал, член адмиралтейств-совета. Участник русско-турецкой войны 1877—1878 годов. В 1900—1902 годах — начальник Тихоокеанской эскадры, в 1904 году, после гибели С. О. Макарова, назначен командующим флотом в Тихом океане, но в Порт-Артур не прибыл, и его обязанности исполнял контр-адмирал Витгефт.

Стр. 168. *Куропаткин* Алексей Николаевич (1848—1925) — военный деятель, генерал-адъютант от инфантерии.

Во время русско-турецкой войны 1877—1878 годов проявил себя храбрым офицером, был начальником штаба у генерала Скобелева, который якобы сказал ему: «Помни, что ты хорош на вторые роли. Упаси тебя бог когда-нибудь взять на себя роль главного начальника; тебе не хватает решительности и твердости воли...» (Теттау. Куропаткин и его помощники, ч. 1, Спб., 1913, с. 20). В 1898—1904 годах — военный министр, входил в политическую группу С. Ю. Витте, стремившуюся к экономической экспансии на Дальнем Востоке. Один из виновников неподготовленности России к войне с Японией. Во время русско-японской войны 1904—1905 годов был командующим Маньчжурской армией, а затем — всеми вооруженными силами на Дальнем Востоке. Показал себя безвольным и бездарным военачальником. Смещен с этого поста в марте 1905 года после поражения русской армии под Мукденом. В первой мировой войне командовал Северным фронтом, в 1916 году — командующий войсками в Туркестане, руководил подавлением восстания местного населения. В 1917 году арестован и отправлен в Петроград. После освобождения Временным правительством жил в Псковской губернии.

Кирилл Владимирович Романов (1876 — ?) — великий князь, двоюродный брат царя Николая II, контр-адмирал. В 1904 году назначен начальником военно-морского отдела штаба командующего флотом на Тихом океане. После революции эмигрировал за границу, где объявил себя императором всероссийским Кириллом I.

Борис Владимирович Романов (1877 — ?) — великий князь, двоюродный брат Николая II, генерал-майор. После революции — в эмиграции.

Стр. 169. *Улисс* — герой древнегреческого эпоса, мифический царь острова Итаки Одиссей.

Стр. 171. *Брандер* — старое судно, предназначенное для затопления у входов в морские порты с целью их заграждения.

Стр. 172. *Алексей Алексеевич* Романов (1850—1910) — великий князь, сын Александра III и дядя Николая II. Генерал-адъютант, адмирал, член Государственного совета.

Стр. 175. *Леер* — туго натянутый трос, служащий для ограждения борта или люка, является поручнем в штормовую погоду, протянутым вдоль судна и т. п.

Стр. 178. *Траверз* — направление, перпендикулярное курсу судна.

Стр. 181. *Околоток* — в старой армии — врачебный пункт при воинской части или военном лазарете.

Стр. 182. *Кессон* — приспособление для частичного осушения подводной части корабля при ремонте в виде приставного ящика, из которого откачивалась вода.

Корнилов Владимир Алексеевич (1806—1854) — выдающийся деятель русского флота, ближайший соратник и ученик флотоводца-строителя Черноморского флота М. П. Лазарева. Герой и один из главных организаторов героической обороны Севастополя.

Нахимов Павел Степанович (1803—1855) — адмирал, флотоводец, герой Наварина, Синопа и Севастопольской обороны, которой руководил после смерти В. А. Корнилова.

Стр. 190. *Бочка* — поплавок, сварной или клепаный, поддерживающий цепь, идущую от большого якоря, лежащего на грунте. Служит в гаванях и на рейдах для стоянки кораблей.

Стр. 192. *Агапеев* Александр Петрович (1868—1904) — полковник, начальник военного отдела штаба командующего флотом на Дальнем Востоке, профессор Николаевской академии. В 1901 году был военным агентом в Вашингтоне.

Стр. 196. *Безобразовская компания* — влиятельная, близкая к царю группировка крайне реакционных помещичьих элементов, стоявшая за военную экспансию на Дальнем Востоке. Возглавлялась А. М. Безобразовым, назначенным в мае 1903 года статс-секретарем особого комитета по делам Дальнего Востока, получила в истории название «безобразовской шайки».

Стр. 201. *...повторили наши ошибки под Плевной.* — Речь идет о боях во время русско-турецкой войны 1877—1878 годов у города Плевен (старое русское название — Плевна), когда он не был взят во время первой атаки и турки получили возможность укрепиться за счет подошедшего корпуса под командованием Осман-паши.

Стр. 224. *Канэ* Густав (1846—1908) — французский инженер, известный в области артиллерийской техники.

Стр. 229. *Обтюрирующие кольца* — приспособление на пушках для устранения пороховых газов при выстреле.

Стр. 239. *«Рассуждения по вопросам морской тактики».* — Лекции, с которыми выступил С. О. Макаров в 1896—1897 годах, изданные в «Морском сборнике» в 1897 году. Желая ознакомить широкий круг офицеров флота со своими взглядами на ведение морской войны, С. О. Макаров неоднократно обращался в морское министерство с просьбой издать его труд отдельной книгой. Издана она была лишь после гибели автора.

Стр. 245. *Верп* — вспомогательный якорь на корабле, служит для стягивания судна с мели и при перемене места судна на рейде; завозится на шлюпках.

Стр. 246. *Рашевский* Сергей Александрович (1866—1904) — военный инженер, подполковник (посмертно получил звание полковника). Окончил Военно-инженерную академию в 1890 году. Принимал деятельное участие в создании укреплений Порт-Артура, руководил минной войной, участвовал в вылазках. Погиб вместе с генералом Кондратенко 2 декабря 1904 года.

Большой интерес представляет дневник С. А. Рашевского, который он вел с 26 января по 29 ноября 1904 года и в котором отражены многие важнейшие события обороны Порт-Артура. Так как

дневник этот был лишней уликой против продажного командования, сдавшего крепость японцам, военное ведомство, приобретя в 1905 году рукопись дневника, передало ее в архив «в запечатанном виде». «Дневник полковника С. А. Рашевского» издан в 1954 году Институтом истории АН СССР («Исторический архив», т. X). А. Н. Степанов был одним из его рецензентов и в последующих за публикацией этого дневника изданиях «Порт-Артура» несколько дополнил характеристику С. А. Рашевского.

Стр. 256. *После Берлинского конгресса, когда немцы предали нас...*— Речь идет о международной конференции, собравшейся в Берлине в июне 1878 года для пересмотра Сан-Стефанского мирного договора между Россией и Турцией, завершившего русско-турецкую войну и вызвавшего недовольство Австро-Венгрии и Англии. Германский канцлер Бисмарк, председательствовавший на конференции, поддерживал противников России, в результате чего Берлинский трактат резко изменил условия договора в ущерб России и Балканским странам.

Стр. 257. *Рожественский* Зиновий Петрович (1848—1909) — адмирал, командующий второй Тихоокеанской эскадрой, направленной 20 сентября 1904 года на Дальний Восток из Балтийского моря. Один из главных виновников гибели этой эскадры в Цусимском сражении 1905 года. Во время этого боя был ранен и взят в плен вместе со своим штабом. В 1906 году вышел в отставку. Царским судом был оправдан в связи с тяжелым ранением.

Стр. 259. *Истомин* Владимир Иванович (1809—1855) — контр-адмирал, один из героев обороны Севастополя 1854—1855 годов.

Стр. 260. *Кабельтов* — мера длины, равная 0,1 морской мили, или 185,2 метра.

Стр. 262. *Перлинь* — трос кабельной работы от 4 до 6 дюймов.

Стр. 269. *Фланцы* — соединительные части трубопроводов, валов и т. п., состоящие из дисков с отверстиями для болтов.

Стр. 273. *Верещагин* Василий Васильевич (1842—1904) — известный русский художник-баталист. Окончил морской корпус, затем обучался в Академии художеств. Много путешествовал. Участвовал в боевых действиях в Средней Азии в 1867—1870 годах, в русско-турецкой войне 1877—1878 годов, всюду делая многочисленные зарисовки для своих картин. С началом русско-японской войны приехал в Порт-Артур. Погиб вместе с адмиралом Макаровым 31 марта 1904 года на броненосце «Петропавловск».

Стр. 276. *Плеве* Вячеслав Константинович (1846—1904) — реакционный государственный деятель царской России, был министром внутренних дел и шефом жандармов. Сторонник развязывания русско-японской войны, считавший, что таким способом можно приостановить рабочее движение.

Стр. 288. *Боцманмат* — звание строевого унтер-офицера первой статьи в царском флоте.

Стр. 302. *Митральеза* — французское название первого типа скорострельного многоствольного оружия — картечницы, являвшегося прообразом пулемета.

Стр. 307. *Бубнов М.*— капитан первого ранга, командир канонерской лодки «Бобр», затем — начальник второго отряда миноносцев, позже — командующий Квантунским флотским экипажем.

Воспоминания, написанные М. Бубновым в японском плену по свежим впечатлениям, печатались в «Морском сборнике», а затем вышли отдельной книгой: «Порт-Артур. Воспоминания о деятельности I Тихоокеанской эскадры и морских команд на берегу во время осады Порт-Артура в 1904 г.», Спб., 1907.

Стр. 341. *Смирнов* Константин Николаевич (1854 — ?) — генерал-лейтенант, служил в Генеральном штабе, был начальником одесского юнкерского училища, начальником штаба Варшавской крепости. С 1900 года — на Дальнем Востоке, начальник второй стрелковой бригады. 2 февраля 1904 года назначен комендантом крепости Порт-Артур (прибыл в крепость 4 марта). В 1906—1908 годах привлекался к уголовной ответственности вместе со Стесселем, Фоком и другими за сдачу крепости японцам. Решением Верховного военно-уголовного суда 7 февраля 1908 года был оправдан.

Стр. 359. *Оку* (1850 — ?) — барон, генерал-лейтенант, командующий второй японской армией. В 1905 году его армия действовала на маньчжурском фронте военных действий.

Стр. 365. *Люнет* — открытое с тыла полевое укрепление, состоявшее из одного-двух валов, обращенных к противнику, прикрытых с боков такими же валами.

Стр. 369. *Лао* — старина (китайск.).

Стр. 371. *Бомбардир* — звание, установленное Петром I для артиллеристов потешных войск. С конца XVIII века — рядовой артиллерист при орудии, в дальнейшем — звание солдата артиллерийских частей русской армии, соответствующее ефрейтору.

Стр. 376. *Третьяков* Николай Александрович (1854 — ?) — полковник, впоследствии генерал-майор. В 1904 году — командир Пятого Восточносибирского полка, комендант цзинджоуской позиции и горы Высокой.

Стр. 379. *Фланкировать* — вести огонь вдоль линии фронта.

Стр. 401. *Надеин* Митрофан Александрович (1839—1907) — генерал-лейтенант. Участник русско-турецкой войны 1877—1878 годов, ранен при обороне Шипки. В 1904 году назначен командиром второй бригады Четвертой Восточносибирской дивизии, которая вошла в состав гарнизона Порт-Артура.

Стр. 403. *Субалтерн-офицер* — общее наименование младших офицеров роты, эскадрона, батареи.

Стр. 404. Шипка — Шипкинский перевал в Болгарии. Известен упорной героической обороной его русскими войсками и болгарскими ополченцами во время русско-турецкой войны 1877—1878 годов.

Стр. 409. *Аматерасу* — Аматэрасу-Омиками — богиня солнца, культ которой в Японии связывают с происхождением династии японских императоров.

Стр. 412. *Ирман* Владимир Александрович (1852 — ?) — полковник, впоследствии генерал-лейтенант. Участник русско-турецкой войны 1877—1878 годов. Командир Четвертой Восточносибирской стрелково-артиллерийской бригады, деятельный участник обороны Порт-Артура. Из плена в Нагасаки пытался бежать, был арестован. В 1906 году назначен комендантом крепости Владивосток, в 1912 году переведен на Кавказ.

Стр. 416. *Бадмаев* Петр Александрович (1851—1919) — до принятия крещения — Жамсаран, бурят, врач тибетской медицины. Учился в Петербургском университете. Автор записки о мирном присоединении к России Китая, Тибета и Монголии. Организовал торговый дом в Забайкалье. В Чите завел типографию и печатал на русском и бурятском языках газету «Жизнь в восточной окраине». В 1916—1917 годах сблизился с Распутиным, был выслан из России.

Стр. 417. *Вырубова* Анна Александровна (1884 — ?) — ближайший друг царской семьи и Распутина. В 1917 году выслана по распоряжению Временного правительства за границу. В тексте неточность — до 1907 года она была Танеевой.

Стр. 425. *Ойяма* (конец 1840-х годов — ?) — маркиз, маршал, главнокомандующий японскими войсками во время русско-японской войны. В японо-китайскую войну 1894—1895 годов командовал армией, захватившей Порт-Артур.

Стр. 435. *Бонза* — буддийский монах в Японии.

Стр. 444. *Капонир* — оборонительное сооружение для ведения огня в противоположных направлениях, предназначался для продольного обстрела рвов укреплений.

Стр. 447. *Горжа* — тыльная часть оборонительного укрепления.

Тотлебен Эдуард Иванович (1818—1884) — русский военный инженер, генерал-адъютант, руководитель инженерных работ в период обороны Севастополя 1854—1855 годов.

Стр. 457. *Женский медицинский институт в Петербурге* — единственный в дореволюционной России медицинский институт, дававший высшее медицинское образование женщинам. Открыт в 1897 году. После Великой Октябрьской революции преобразован в Ленинградский медицинский институт.

Стр. 461. *Фалрепные* — матросы, иногда офицеры, назначавшиеся для встречи начальствующих лиц. Они попарно становились на каждой укрепленной за бортом площадке трапа и на верхней палубе у входа.

Шкафут — средняя часть верхней палубы.

Стр. 462. *Шканцы* — часть верхней палубы, почетное место корабля, которому отдавалась честь и где читались перед строем законы, приказы и т. п. Здесь находились лица вахтенной службы.

Стр. 476. *Синоп* — имеется в виду Синопское сражение 1853 года между русской эскадрой Черноморского флота под командованием вице-адмирала П. С. Нахимова и турецкой эскадрой, окончившееся выдающейся победой русских моряков.

Стр. 493. *...на левом крамболе* — направление на предмет, видимый слева по носу корабля. Крамбол — приспособление для подъема якорей.

Форзейль — корабль с хорошим ходом, высылавшийся для разведки вперед в пределах видимости сигналов.

Стр. 495. *Шпангоут* — поперечное ребро корпуса корабля.

Стр. 507. *Ливен* Лидия Петровна — княгиня. Во время осады Порт-Артура работала сестрой милосердия в морском госпитале Красного Креста.

Стр. 519. *...об отходе Штакельберга после боя у Вафангоу...* — 1—2 (14—15) июня у Вафангоу был бой между первым Сибирским корпусом под командованием генерала Штакельберга Г. К. (1851 — ?) и частями второй японской армии генерала Оку. Из-за несогласованности действий командования русские войска отступили. Неудачный исход боя объясняется также медлительностью действий Алексеева и Куропаткина, не обеспечивших своевременного подхода войск к Порт-Артуру.

Стр. 539. *Лощинский* Михаил Федорович — вице-адмирал, член комитета Дальнего Востока, в 1903 году — управляющий его делами. В 1903 году назначен младшим флагманом первой Тихоокеанской эскадры. В 1904 году — заведующий минной обороной Порт-Артура.

Стр. 550. *Бак* — носовая часть верхней палубы корабля до боевой рубки.

Стр. 551. *Элеватор* — подъемное приспособление в виде шахты для подачи снарядов из погреба корабля к орудиям.

Стр. 557. *Балтийская эскадра.* — Речь идет о второй Тихоокеанской эскадре адмирала Рожественского.

Стр. 557. *Либава* — прежнее название г. Лиепая. В 1894 году была объявлена военным портом.

Стр. 569. *Верки* — название отдельных крепостных построек, подготовленных для самостоятельной обороны.

Стр. 584. *Дефиле* — теснина, узкий проход, образуемый непроходимой или труднопроходимой местностью (горами, лесом, болотами и т. п.).

Стр. 588. *Эспланада* — открытое пространство в крепости между цитаделью и городскими строениями шириной 400—500 метров.

Стр. 589. *Церпицкий* Константин Викентьевич (1850—1904) — генерал-майор. Служил в Средней Азии, в Виленском военном округе. Участник похода в Китай в 1900 году. В Порт-Артуре командир второй бригады Седьмой Восточносибирской стрелковой дивизии, начальник второго отдела сухопутного фронта и инспектор госпиталей.

СОДЕРЖАНИЕ

Александр Николаевич Степанов

ПОРТ-АРТУР

Роман в двух книгах

Книга первая

Редактор Л. Кулешова
Художественный редактор Н. Егоров
Технический редактор Л. Киселева
Корректор Т. Воротникова

ИБ № 1639 Сдано в набор 06.09.79. Подписано к печати 21.01.80. Формат 84×108[1]/[32]. Гарнитура литерат. Печать высокая. Бумага тип. № 1 Усл. печ. л. 32,03. Уч.-изд. л. 35,71. Тираж 300000 экз. Заказ № 2704. Цена 2 р. 50 к.

Издательство «Современник» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Союза писателей РСФСР
121351, Москва, Г-351, Ярцевская, 4

Отпечатано с матриц ордена Октябрьской Революцми и ордена Трудового Красного Знамени Первой Образцовой типографии имени А. А. Жданова. Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Москва, М-54, Валовая, 28.

Полиграфкомбинат им. Я. Коласа. г. Минск, ул. Красная, 23.